

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЯЗЫКА

ЯЗЫКИ
ПРОСТРАНСТВ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЯЗЫКА

ЯЗЫКИ ПРОСТРАНСТВ

Ответственные редакторы,
член-корреспондент РАН *Н. Д. Арутюнова*
кандидат филологических наук *И. Б. Левонтина*

,

ЯЗЫКИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Москва
2000

ББК 81.031
Л 69

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований
(РФФИ)

проект 98-06-87057

Л 69

Логический анализ языка. Языки пространств / Отв. ред.: Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина. – М.: Языки русской культуры, 2000. – 448 с.

ISBN 5-7859-0174-9

В книге рассматриваются проблемы, связанные с представлениями о пространстве, отраженными в различных языках (в первую очередь русском). Анализируются отдельные слова и классы слов, а также локативные синтаксические конструкции. Описываются разные типы концептуализации пространственных отношений, а также параметризация пространства. В нескольких работах объектом исследования является пространственная метафора. Особое внимание уделяется лингво- и культурноспецифичным пространственным концептам. Большой раздел посвящен картине пространства в художественных текстах разных авторов. В книгу входят работы как чисто лингвистические, так и лежащие на грани лингвистики и смежных областей знания: логики, культурологии, литературоведения.

ББК 81.031

© Авторы, 2000

ЯЗЫКИ ПРОСТРАНСТВ

Сборник статей

Издатель А. Кошелев

Корректор М. Л. Ковшова

Подписано в печать 12.07.2000. Формат 70x100 1/16.

Бумага офсетная № 1, печать офсетная, гарнитура Times.

Усл. изд. л. 36,12. Заказ № 374 Тираж 1000.

Издательство «Языки русской культуры».

129345, Москва, Оборонная, 6-105; ЛР № 071304 от 03.07.96.

Тел.: 207-86-93. Факс: (095) 246-20-20 (для а6. М153).

E-mail: mik@sch-lrc.msk.ru. Каталог в ИНТЕРНЕТ <http://postman.ru/~lrc-mik>

Отпечатано с оригинал-макета в ИПИ «Типография "Наука"».

121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 8.

Внимание зарубежных покупателей!

За пределами России и стран СНГ данное издание распространяется только в специальном экспортном исполнении – с **зеленой полосой** под данным текстом. **Распространение издания без зеленой полосы не является законным.**

Право на распространение этого издания за рубежом, кроме издательства «Языки русской культуры» (факс: 095 246-20-20 для М153, E-mail: koshelev.ad@mtu-net.ru), имеет только датская книготорговая фирма G•E•C GAD (факс: 45 86 20 9102, E-mail: slavic@god.dk).

СОДЕРЖАНИЕ

- Г. Х. фон Вригт (Хельсинки). Модальная логика местоположения 7
Г. Х. фон Вригт (Хельсинки). О локализации ментальных состояний 16

I. Динамика пространства

- О. Ю. Богуславская. Динамика и статика в семантике
пространственных прилагательных 20
Анна А. Зализняк. Преодоление пространства
в русской языковой картине мира: глагол *добираться* 30
А. Д. Кошелев. Еще раз о значении имени существительного 38
Г. И. Кустова. Тип концептуализации пространства
и семантические свойства глагола (группа *попасть*) 47
Ф. И. Рожанский. Направление движения
(типологическое исследование) 56
Р. И. Розина. Устранение преграды (семантика
и аспектуальное поведение группы русских глаголов) 67

II. Параметризация пространства

- Р. Гжегорчикова (Варшава). Понятийная оппозиция верх—низ
(пол. 'wierzch' — 'spud') и языковая модель пространства 78
Е. С. Кубрякова. О понятиях места, предмета и пространства 84
Л. Б. Лебедева (Дубна). Семантика «ограничивающих» слов 93
В. И. Подлеская, Е. В. Рахилина. «Лицом к лицу» 98
Н. К. Рябцева. Размер и количество в языковой картине мира 108
С. Ю. Семенова. О некоторых свойствах имен
пространственных параметров 117

III. Пространственные отношения

- В. Г. Гак. Пространство вне пространства 127
П. В. Дурст-Андерсен (Копенгаген). Предложно-падежная
система русского языка. Понятие контакт vs. неконтакт 135
И. М. Кобозева. Грамматика описания пространства 152
Б. Тошович (Грац). Глаголы каузации положения в пространстве 163
А. В. Циммерлинг. *Обладать* и *быть рядом* 179
И. Б. Шатуновский (Дубна). Предложения наличия vs. бытийные
и локативные предложения в русском языке 189
Т. Е. Янко. Бытование и обладание: конструкции с глаголом *быть* 198

IV. Типы пространств

- Н. Н. Болдырев (Тамбов). Отражение пространства деятеля
и пространства наблюдателя в высказывании 212
Н. Р. Добрушина. *Воздух*: вещество или пространство,
материя или дух 217

<i>С. В. Кодзасов.</i> Фонетическая символика пространства (семантика долготы и краткости)	227
<i>Е. В. Падучева.</i> Пространство в облики времени и наоборот (к типологии метонимических переносов)	239
<i>К. А. Переверзев.</i> Пространства, ситуации, события, миры. К проблеме лингвистической онтологии	255
<i>Е. С. Яковлева.</i> Пространство умозрения и его отражение в русском языке	268

V. Пространственная метафора

<i>Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев.</i> Перемещение в пространстве как метафора эмоций	277
<i>О. П. Ермакова</i> (Калуга). Пространственные метафоры в русском языке	289
<i>Н. Б. Мечковская</i> (Минск). К характеристике аксиологических потенций слова: концепты 'круг', 'колесо' и их оценочно-экспрессивные дериваты	299
<i>М. В. Филиппенко.</i> Следы «пути» в высказывании	308

VI. Пространство в культурных контекстах

<i>А. А. Золкин</i> (Дубна). Пространственная структура карнавала (на материале Mother Goose Rhymes)	315
<i>О. А. Казакевич.</i> Селькупская дорога (Пространственная ориентация в фольклоре северных селькупов)	322
<i>М. Л. Котин.</i> «Царство»: от локального к трансцендентному (История переосмысления в древнегерманских христианских памятниках)	329
<i>И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев.</i> Родные просторы	338
<i>С. Е. Никитина.</i> Келья в три окошечка (о пространстве в духовном стихе)	348
<i>А. Д. Шмелев.</i> «Широта русской души»	357

VII. Пространство в художественных мирах

<i>Н. Д. Арутюнова.</i> Два эскиза к «геометрии» Достоевского	368
<i>А. В. Гик.</i> «Случится все, что предназначено...» (путь и судьба в идиостиле М. Кузмина)	385
<i>А. Г. Грек</i> (Луганск) Пространство жизни и смерти в двух циклах стихов Вячеслава Иванова	391
<i>В. П. Григорьев.</i> Хлебников: «Настоящий голод пространства»	400
<i>М. И. Михеев.</i> Деформация пространства в пределах <i>русской души</i> (по текстам Андрея Платонова)	407
<i>М. А. Дмитровская</i> (Калининград). Трансформации мифологемы мирового дерева у А. Платонова	420
<i>Л. Г. Панова.</i> Пространство в поэтическом мире О. Мандельштама	429
<i>Ю. Д. Тильман.</i> Пространство в языковой картине мира Ф. И. Тютчева (концепт <i>круг</i>)	440

МОДАЛЬНАЯ ЛОГИКА МЕСТОПОЛОЖЕНИЯ

I

Ни одно из ответвлений традиционной модальной логики не изобилует одновременно формально-логическими и философскими идеями в той мере, насколько богата ими дисциплина, названная Прайором логикой времени (*tense-logic*) Мне кажется более удачным называть ее, вслед за Решером, временной логикой (*temporal logic*) Заинтересовавшись этой логикой и посвятив ей ряд собственных исследований, вскоре я увлекся вопросом не могут ли в русле модальной логики существовать «параллельные» отводы, имеющие дело с *пространственными* концептами?

Давно известно о существовании аналогий между модальной логикой и топологией Первыми на них обратили внимание А Тарский и Дж Маккинси (ср [2]) Насколько мне известно, эти аналогии так и не обследованы должным образом Возможно, они и не столь важны для замышляемого мною предприятия Более близким источником развиваемых в настоящей статье идей является работа Дж Гарсона и Н Решера [1] В ней изучаются системы логик, называемых авторами *позиционными*, или *топологическими*, логиками Эти системы не заняты исключительно пространственными отношениями Они имеют дело с некоторым более общим понятием, для которого пространственные и временные отношения суть частные случаи Авторы настаивают на *сходствах* основных структурных параметров «логик пространственного и временного измерений» [1, 543]. Я же намереваюсь скорее выявить основные структурные *различия* пространства и времени

Логические системы, которые я собираюсь здесь обрисовать, определенно касаются пространственных отношений Они являются системами того, что я предлагаю окрестить Логикой Местоположения (*Logic of Place*)

II

Основная концептуальная черта времени — его *направленность* («Стрела времени») И любая логика времени вынуждена будет считаться с этим фактом

Время имеет недостижимую для нас, пребывающих в настоящем, порцию прошлого и будущее, куда нельзя попасть несвоевременно Время *движется* («течет»), мы не можем *двигаться во времени* Зато в пространстве

© Von Wright G H The modal logic of place // The philosophy of Nicholas Rescher / Ed by E Sosa Dordrecht — Holland D Reidel, 1979 P 65-73

© Перевод с английского К А Переверзева Перевод выполнен при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 97-06-80095

пятыся и шестую вперед. Пространственный порядок *реверсивен*, временной — нет.

Нормальная логика местоположения, или пространства, должна отдать справедливость свойству реверсивности (симметрии) в пространственных рядах.

III

Перед обращением к логическим структурам скажем несколько слов об инструментах.

Как известно, иерархия модальных систем может быть получена прибавлением к набору аксиом для («классической») пропозициональной логики (PL) специальных принципов относительно одного примитивного модального понятия. В качестве модального примитива здесь мы используем понятие возможности. Его символом будет литера «*M*». Символ необходимости, «*N*», определяется как аббревиатура комплекса « $\sim M \sim$ ».

Если к аксиомам PL мы добавим

$$A1. M(p \vee q) \leftrightarrow Mp \vee Mq;$$

$$A2. p \rightarrow Mp;$$

$$A3. \sim M \sim t (= Nt),$$

то получим систему, которую я предлагаю называть SM. Литера «*t*» символизирует произвольную тавтологию PL, например $p \vee \sim p$.

Правила вывода системы SM — те же, что и в PL, плюс Правило Экстенциональности (the Rule of Extensionality), в соответствии с которым доказуемо эквивалентные выражения взаимозаменяемы. (С помощью этого правила и A3 мы можем доказать Правило Необходимости [the Rule of Necessitation], говорящее, что если *f* — теорема определенной системы, то *Nf* также является ее теоремой.)

Если к SM мы добавим

$$A4. MMp \rightarrow Mp,$$

мы получим систему, известную как S4. Если же взамен этого мы добавили бы

$$A4. Mp \& Mq \leftrightarrow M(p \& q) \vee M(p \& Mq) \vee M(q \& Mp),$$

то получили бы S4.3, включающую S4. Добавив

$$A4. M \sim Mp \rightarrow \sim Mp (= Mp \rightarrow NMp),$$

мы бы получили S5, включающую S4.3 (и S4). Наконец, добавив

$$A4. M \sim Mp \rightarrow \sim p (= p \rightarrow NMp) (= MNp \rightarrow p),$$

мы бы получили «Брауэрову» систему SB. Она содержится в S5, но не вмещает в себя S4.3 или S4.

Если из всех пяти систем исключить A2, мы придем к более слабым системам. Здесь их соответственно обозначим как S_wM , S_w4 , $S_w4.3$, S_w5 и S_wB . Именно эти системы оказываются важными для Логики Местоположения.

IV

Пусть переменными *p*, *q* и т. д. обозначаются предложения типа «Идет дождь» или «Дверь закрыта». Такие предложения не выражают истинных или

ложных пропозиций. То, что в них сообщается, станет истинным или ложным, будучи помещенным в определенный пространственно-временной locus. Например, то, что идет дождь — само по себе ни истинно, ни ложно, но то, что дождь идет в Париже 14 июля 1980 года, будет либо истинным, либо ложным.

Если теперь мы прочтем «*M*» как «в некотором будущем времени случится так, что» — то формулы модальной логики станут формулами так называемой Логике Будущего Времени. Если прочесть «*M*» как «в некотором прошлом случилось так, что» — мы получим формулы Логике Прошедшего Времени.

Легко убедиться, что аксиомы системы $S_{\omega 4}$ согласуются с нашими интуитивными представлениями о логической истинности в логике (прошедшего или будущего) времени. Вместе с тем нетрудно обнаружить и формулы, интуитивно полагаемые истинными в логике времени, но не доказуемые в $S_{\omega 4}$.

Подобные наблюдения были инспирированы Прайором и другими логиками в конце 1950-х годов. Поводом для них стали поиски «нормальной», или «стандартной», системы для логики времени. Было очевидно, что эта система не аналогична ни одной из «общепринятых» систем модальной логики. Поиски эти¹ завершились открытием Даммитом и Леммоном системы, известной теперь как $S4.3$. Ее отличительная аксиома, сформулированная здесь в строгой форме эквивалентности $Mp \ \& \ Mq \leftrightarrow M(p \ \& \ q) \vee M(p \ \& \ Mq) \vee M(q \ \& \ Mp)$, гармонирует с нашими повседневными представлениями о времени как *линейном* потоке последовательных состояний мира. Прочтение же в ней «*M*» как «возможно, что» не оставляло бы никаких надежд для нашей интуиции. Поэтому не удивительно, что эта формула никогда не рассматривалась в качестве вероятной истины для «чистой» модальной логики.

V

Завершив подготовительные мероприятия, я намечу контуры логик для трех понятий пространственной сферы. В них также переменные p , q и др. обозначают «открытые» предложения типа «Идет дождь» или «Дверь закрыта». Мы займемся тремя понятиями «поблизости (по соседству)» [in the neighbourhood (vicinity)], «где-то в другом месте» (somewhere else) и «где-нибудь» (somewhere). Первое может быть также названо «близкий» (nearby).

Конечно, пребывание поблизости от заданного места — неопределенное понятие. Гилдфорд находится по соседству с Лондоном, Эдинбург — нет. А Манчестер близок к Лондону? Мы предпочитаем оставить этот вопрос в стороне.

Несмотря на эти доводы, однако, некоторые логические правила вполне пригодны для первого понятия. Разумеется, когда «*M*» читается как «поблизости» или «близкий», остаются в силе $A1$ и $A3$. Более интересно то, что применительно к этому понятию не теряет силу характерная аксиома Брауэровой модальной логики « $M \sim Mp$ » истинно для данного места, если и только если существует некоторое близкое место, для которого истинно, что ни для одного из близких к нему мест не истинно, что p . Но если это так, то тогда « $\sim p$ »

должно быть истинно для данного места, так как данное место само по себе является близким местом для любого из близких к нему мест. Отношение «близости» симметрично. Тем не менее оно не транзитивно. Следовательно, характерная аксиома для модальной логики типа S4 не действует в приложении к «М» в значении «близкий».

Я предположу, что логика понятия «близкий» — это слабая версия S_wB Брауэровой модальной системы. Основание для того, что эта логика не может являться SB — то есть A2 в ней не является логической истиной, — очевидно. Из того факта, что *p* истинно для данного места, логически не следует то, что *p* истинно и для некоторого близлежащего места.

Возможно, кто-то предложит *добавочные условия*, которым должно соответствовать место, расцениваемое близким по отношению к данному. И эти добавочные условия не покрываются системой S_wB. Этого вопроса мы здесь касаться не будем.

Рассмотрим формулу:

$$T1. p \ \& \ Mq \rightarrow M(q \ \& \ Mp).$$

Она утверждает, что если для данного локуса истинно, что *p*, а для близлежащего — что *q*, то существует близкий к данному локус, для которого верно «обратное»: для него истинно, что *q* и что для некоторого расположенного поблизости от него локуса истинно *p*. Я буду называть это Теоремой Реверсивности (the Theorem of Reversibility). Ее доказательство следующее².

С помощью A1, Правила Экстенциональности и принципов PL легко доказывается формула $Np \ \& \ Mq \rightarrow M(p \ \& \ q)$. Ее истинность интуитивно очевидна, независимо от того, читаем ли мы «N» как «необходимо, что», а «M» как «возможно, что» или же «N» как «всюду поблизости» и «M» как «где-то поблизости».

Заменим в этой формуле «*p*» на «*Mp*». Получится формула $NMp \ \& \ Mq \rightarrow M(q \ \& \ Mp)$. Посредством Брауэровой аксиомы (и PL) имеем $p \ \& \ Mq \rightarrow NMp \ \& \ Mq$. Транзитивностью из двух формул мы получаем: $p \ \& \ Mq \rightarrow M(q \ \& \ Mp)$. Что и требовалось доказать.

VI

Если что-либо расположено поблизости (in the vicinity) от определенного локуса, оно одновременно находится в отношении к данному локусу в другом месте (somewhere else). Все, что является истинным для понятия «близкий», действует и применительно к понятию «где-то в другом месте». Обратное же неверно. Следующая формула действительна для последнего, но не для первого из понятий.

$$T2. M(p \ \& \ Nq) \rightarrow N(p \ \vee \ q).$$

Если по отношению к данному месту есть какое-то другое место, для которого истинно, что *p* и что всюду в других местах истинно, что *q*, то, по отношению к данному месту, везде в других местах случается либо *p*, либо *q*. Это очевидно. Но также ясно и то, что если в предыдущем предложении мы заменим слова «какое-то другое место» и «всюду в других местах» на, соответственно, «какое-то место поблизости» и «везде поблизости», то мы не полу-

чим логической истины. Ведь вполне возможно, что хотя существует близкое к данному месту другое, для которого истинно, что p , и для любого близкого к нему места истинно, что q , есть, однако, другое место по соседству с первым, в котором не случается ни p , ни q . Это простое следствие того, что два места, оба являющиеся близкими к данному месту, не должны обязательно соседствовать друг с другом. Тем не менее каждое из них необходимо будет «где-то в другом месте» относительно другого.

Из этого наблюдения следует, что логика для понятия «где-то в другом месте» включает систему S_wB , но не тождественна ей. Какова же тогда эта модальная логика?

Очевидно, что она не может быть ни S_w4 , ни S_w5 . А поскольку $S_w4.3$ включает S_w4 , то она не может быть также $S_w4.3^3$.

Рассмотрим, к примеру, характерную аксиому системы $S4$: $MMp \rightarrow Mp$. Она теряет силу применительно к « M » в значении «где-то в другом месте». Если месту, для которого истинно MMp , случится быть *единственным* местом, для которого истинно, что p , то в нем не истинно Mp . Подобным образом не является логически истинной и характерная аксиома $S5$. Истинность для данного места $M \sim Mp$ означает, что есть другое место, для которого истинно, что во всех местах, отличных от него, $\sim p$. Но если этому другому месту случится быть *единственным* местом, для которого p истинно, то для данного не истинно, что $\sim Mp$, то есть что не существует другого места, для которого было бы истинно, что p .

Получается, что модальная логика «где-то в другом месте» не может быть идентичной ни одной из хорошо известных модальных систем (в их ослабленных версиях). Эту систему предстоит открыть, подобно системе $S4.3$, сыгравшей решающую роль в развитии логики времени.

Логикой для понятия «где-то в другом месте» будет модальная система, которую мы получаем прибавлением к аксиомам слабой Брауэровой системы S_wB пятой аксиомы⁴.

A5. $MMp \rightarrow p \vee Mp$.

Легко заметить, что этот принцип действителен в отношении понятия «где-то в другом месте». Если для данного места истинно, что где-то в другом месте имеет место случай, что где-то в другом месте имеет место p , то либо является истинным для данного места, что где-то в другом месте есть p , либо p имеет место в самом по себе данном месте.

Теперь мы можем доказать T2. Доказательство выглядит следующим образом.

Заменим в A5 « p » на « $p \& q$ ». Мы получим $MM(p \& q) \rightarrow p \& q \vee M(p \& q)$. Первый дизъюнкт консеквента влечет « p » в PL, и второй дизъюнкт — « Mq » в S_wM . Следовательно, мы имеем также формулу $MM(p \& q) \rightarrow p \vee Mq$. Контрапозицией и изменением « M » в « N » посредством их взаимной определмости получаем: $\sim p \& N \sim q \rightarrow NN(\sim p \vee \sim q)$. Заменив « p » на « $\sim p$ » и « q » на « $\sim q$ » и сократив двойные отрицания, получаем $p \& Nq \rightarrow NN(p \vee q)$. По Правилу Необходимости затем мы достигаем формулы $N(p \& Nq \rightarrow NN(p \vee q))$, из которой, средствами «обычной» модальной логики (S_wM), получаем

$M(p \& Nq) \rightarrow MNN(p \vee q)$ ⁵. На основании Брауэровой аксиомы, консеквент имплицитно формулу $N(p \vee q)$, из чего, по свойству транзитивности (в PL), следует, что мы произвели формулу $M(p \& Nq) \rightarrow N(p \vee q)$. Что и требовалось доказать

VII

Введем символ « M » для понятия «где-нибудь». Его мы можем определить как

$Mp =_{df} p \vee Mp$, где символ « M » обозначает, как и прежде, понятие «где-то в другом месте». Если и только если истинно для данного места p или для какого-то другого места, что p , то истинно, что где-нибудь p

Согласно принципу дуальности, мы имеем определение

$Np =_{df} p \& Np$, где « N » означает «всюду в других местах»

Модальной логикой понятия «где-нибудь» является система S5. Чтобы показать это, сначала докажем три добавочные теоремы логики понятия «где-то в другом месте»

В PL мы имеем $Mp \rightarrow p \vee Mp$. Отсюда, согласно Правилу Необходимости, имеем в нашей модальной логике формулу $N(Mp \rightarrow p \vee Mp)$, которая влечет за собой $NMp \rightarrow N(p \vee Mp)$. Из Брауэровой аксиомы известно $p \rightarrow NMp$. Следовательно, транзитивностью в PL мы получаем

T3 $p \rightarrow N(p \vee Mp)$

Из A5 по Правилу Необходимости мы получаем формулу $N(MMp \rightarrow p \vee Mp)$, которую преобразовываем в $NMMp \rightarrow N(p \vee Mp)$. Заменяя « p » на « Mp » в Брауэровом принципе, мы получаем $Mp \rightarrow NMMp$. Отсюда транзитивностью имеем

T4 $Mp \rightarrow N(p \vee Mp)$

В соответствии с принципами PL можно «объединить» T3 и T4 в

T5 $p \vee Mp \rightarrow N(p \vee Mp)$

Но ведь это в сущности то же самое, что и дистриктивная аксиома S5. Покажем это следующим образом. В PL мы можем расширить T5 в $p \vee Mp \rightarrow (p \vee Mp) \& N(p \vee Mp)$. Последняя формула в свою очередь, по определению « M » и « N », может быть свернута к $Mp \rightarrow NMp$. Что и эквивалентно дистриктивной аксиоме S5.

Из дефиниции « M », более того, непосредственно выводится формула $p \rightarrow Mp$. Аксиома A2, таким образом, распространяется на понятие «где-нибудь» (То, что истинно здесь, где-нибудь обязательно истинным есть)

Эти наблюдения дополняют — в рамках логики понятия «где-то в другом месте» — доказательство того, что логикой понятия «где-нибудь» является система S5. К аналогичному заключению можно прийти на основе рассуждений совершенно иной, «философской» природы.

Если истинно, что где-нибудь p , то это истинно всюду. Или, вместо выражения «истинно всюду», удобнее, быть может, говорить о не зависящей от места истинности. Иначе обстоит дело с понятием «где-то в другом месте». Утверждение о том, что где-то в другом месте p , будет истинным или ложным в зависимости от места его произнесения (того места, где полагают, что где-то в другом месте p). Если дождь идет в Ленинграде, а не где-нибудь

еще, то для Хельсинки (но не для Ленинграда) истинно, что дождь идет где-то в другом месте

« p » и « Mp » — открытые предложения. Их дизъюнкция, « $p \vee Mp$ », однако, будет закрытым предложением « Mp » выражает истинную или ложную пропозицию. В этом отношении оно отлично от « Mp ». А поскольку эта истинная или ложная пропозиция, будучи истинной, остается таковой во всех временах и пространствах или, являясь ложной, ложна всегда и всюду, то итерация оператора « M » (и « N ») лишена смысла. « MMp » и « NMp » не сообщают ничего в добавление к « Mp ». Из одного этого в сочетании с фактом, что « M » удовлетворяет аксиомам А1—А3 модальной системы SM, можно заключить, если только мы допускаем итерацию, модальной логикой для « M » должна быть система S5.

В логике «где-то в другом месте» итерированное употребление «где-нибудь», вообще говоря, имплицитно допускается, поскольку в эту логику « M » вводится посредством определения. Поэтому интересно к тому же показать средствами формального доказательства, что это имплицитно допускаемое итеративное употребление абсолютно гармонирует с той «философской» идеей, в соответствии с которой истинностное значение истинной или ложной пропозиции независимо от местоположения (и времени)

VIII

Предложенные нами логики для понятий «близкий» и «где-то в другом месте» не выдвигают никаких условий о существовании пространств. Экзистенциальные условия могут рассматриваться в качестве «вне-логических». Небезынтересно все же посмотреть, как их введение воздействует на логические системы. Здесь я исследую только логику понятия «где-то в другом месте».

Добавим к этой логике аксиому

$A_{w2} M$

Она может считаться ослабленным вариантом обычной аксиомы А2, гласящей. $p \rightarrow Mp$. Если в А2 заменить « p » на « t », мы можем отделить консеквент и получить в качестве теоремы Mt

Mt можно записать в форме $M(p \vee \sim p)$. Применяя к ней А1, мы выводим $Mp \vee M\sim p$. Она к тому же эквивалентна $\sim M\sim p \rightarrow Mp$, или

T6 $Np \rightarrow Mp$

В силу Брауэровой аксиомы имеем $p \rightarrow NMp$. Субституцией « p » на « Mp » в T6 получаем $NMp \rightarrow MMp$. Затем транзитивностью производим

T7. $p \rightarrow MMp$.

Если для данного места истинно, что $M(p \vee \sim p)$, то существует другое место, для которого истинно либо p , либо $\sim p$. Отсюда, если A_{w2} признается валидной (для некоторого места), то в мире необходимо будет существовать по крайней мере два места. Для этого мира истинно, что если всюду в его других местах нечто является истинным, то оно также истинно где-то в другом месте (T6). Для этого мира истинно и то, что если что-либо истинно для данного места, то существует какое-то другое место, для которого истинно, что где-то существует другое место, где p истинно (T7)

Дальше мы добавим аксиому

$$A_w 2. Mp \rightarrow MMr$$

Она также представляет собой ослабленную форму A2, из которой она может быть непосредственно получена замещением « p » на « Mp ».

Аксиома $A_w 2$ будет иметь силу необходимости только при условии существования в мире по крайней мере трех мест. Предположим, что вместо этого есть только два места. Для одного из них истинно p , для другого — $\sim p$. В таком случае для второго места истинно Mp , но ложно MMp . Следовательно, аксиома $A_w 2$ тоже ложна. Если, однако, в мире существует хотя бы еще одно место, то для него истинно Mp , а, следовательно, для второго места истинно, что MMp . В то же время и $A_w 2$ сохраняет свою истинность.

T7 и $A_w 2$ вместе дают

$$T8. p \vee Mp \rightarrow MMr$$

Полученная формула означает, что в мире, содержащем по крайней мере три различных местоположения (довольно скромное условие!), можно усилить A5 до эквивалентности $MMp \leftrightarrow p \vee Mp$. Напомню: $p \vee Mp$ означает, что где-нибудь имеет место p . Тогда для мира, имеющего в своем составе по крайней мере три места, пропозиция «где-нибудь имеет место p » тождественна пропозиции «где-нибудь в другом месте имеет место случай, что где-нибудь в другом месте имеет место p ». Мы можем определить понятие «где-нибудь» посредством простой итерации понятия «где-то в другом месте».

IX

Я не предсказываю модальной логике местоположения, или пространства, большого будущего, какое, как оказалось, имеет модальная логика времени — с тех пор как она была изобретена. Но в этой статье я хотел показать, что модальная *топо-логика* не лишена исследовательских перспектив и в дальнейшем заслуживает внимания.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Они ярко описаны Артуром Прайором в его книге [3], под названием «Поиски Диодоровой модальной системы».

² Доказательство было представлено Кристером Сегербергом — в дискуссии по Логике Местоположения.

³ Уместно заметить, хотя S4 включается в S5, из этого не следует, что $S_w 4$ содержится в $S_w 5$.

⁴ В работе [4] Кристер Сегерберг показал, что логика понятия «где-то в другом месте», чтобы быть полной, нуждается в двух добавочных к $S_w B$ аксиомах, а именно — формулах $M(p \& Nq) \rightarrow N(p \vee q)$ и $p \& Nq \rightarrow NN(p \vee q)$. Помимо этого, профессор Роберт Сталнакер обратил мое внимание на то, что первая из этих формул доказуема, если вторую мы добавим в качестве аксиомы $S_w B$, и, кроме того, что вторая формула дедуктивно эквивалентна A5. Я глубоко признателен Сегербергу и Сталнакеру за мысль, согласно которой $S_w B + A5$ составляют законченную модальную систему для этого понятия.

⁵Этот дедуктивный шаг — применение того модального принципа, по которому любая пропозиция, строго имплицированная другой возможной пропозицией, сама является возможной

ЛИТЕРАТУРА

- 1 *Garson J., Rescher N* Topological logic // The Journal of symbolic logic 1968 Vol 33
- 2 *McKinsey J C C* A solution of the decision problem for the Lewis system S2 and S4 with an application to topology // The Journal of symbolic logic 1941 Vol 6
- 3 *Prior A* Past, present and future Oxford, 1967
- 4 *Seegerberg K* «Somewhere else» and «Some other time» // Mini-essays in honour of Georg Henrik von Wright Turku, 1976.

О ЛОКАЛИЗАЦИИ МЕНТАЛЬНЫХ СОСТОЯНИЙ

1.

Принято считать, что материальные предметы и физические события могут быть локализованы в пространстве и времени и что ментальные сущности локализуемы во времени, но не имеют протяженности в пространстве. Однако здесь имеются проблемы.

Я испытываю (чувствую) боль. Меня спросят: где? Я отвечу: «В моей правой ноге». Этот ответ не лишен здравого смысла. Похоже, он истинен, если я не лгу. Если так, то боль, которую я испытываю, помещается в ноге, т. е. в пространстве. Значит ли это, что моя боль «простирается в пространстве»? Вряд ли кто-то станет так говорить.

Я жалуюсь доктору на боль в ноге. В ответ слышу: «Я только что ампутировал вашу ногу. То, где у вас болят, называется 'фантомной ногой'».

Расположена ли фантомная нога в пространстве? Занимает ли она место, которое до операции занимала моя правая нога? На эти вопросы можно ответить утвердительно. Означает ли это, что фантомная нога, подобно «настоящей», является протяженным в пространстве объектом? Скорее, мы также дадим утвердительный ответ. Но при этом откажем фантомной ноге быть в числе физических (пространственных) объектов. Кажется, что, поступая так, мы должны отрицательно ответить и на первые два вопроса и сказать, что фантомная нога *не находится* в пространстве.

Таким образом, здесь сталкиваются противоположные (основанные на языке) интуиции. Путь разрешения противоречия, возможно, следующий. Фантомная нога занимает участок пространства, первоначально занятый моей ногой. Этот же участок способен занять также некоторый, без сомнения пространственный, объект — например, деревянная нога. Стало быть, в *одном и том же* пространстве возможны два *разных* объекта. Это противоречит известной идее — вероятно, имеющей концептуальную природу — о *непроницаемости пространства* (*impenetrability of space*).

Итак, из непроницаемости пространства следует, что фантомная нога не располагается в пространстве. Кто-то сочтет это долгим разговором об очевидных вещах. На что я хотел бы возразить, что эти вещи не столь «очевидны». Сказать, что моя боль — в фантомной ноге и что последняя пребывает в пространстве, где довелось находиться моей (настоящей) ногой, — *не значит сказать бессмыслицу*.

© Wright G.H. von. On the location of mental states // Horizons of humanity: Essays in honour of Ivan Supek / Ed. by Z.Radman. Frankfurt a / M., etc.: Peter Lang, 1997. P. 131-134.

© Перевод с английского К. А. Переверзева. Перевод выполнен при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 97-06-80095.

2.

Поможет ли в этом случае различение *физического* и *воспринимаемого* пространства? В последнем далее можно различить пространство визуальное, воспринимаемое на слух и тактильное (осязаемое). Мы хорошо осведомлены об этих вещах из психологии и философии.

Скажем ли мы, что моя фантомная нога существует лишь в осязаемом мною пространстве и, *a priori*, что боль, которую я испытываю, также находится в нем? Но как в таком случае быть с болью в настоящей ноге? Она может быть качественно идентичной «фантомной боли». Поскольку последняя существует лишь в осязаемом пространстве, то, думается, такова же и первая. Тогда возникает новая путаница.

Моя (настоящая) нога — в физическом пространстве. Значит, боль в ней одновременно принадлежит физическому и осязаемому (мною) пространству? Или моя нога, помимо физического, располагается к тому же в тактильном пространстве? Если так, то допустимо говорить, что боль — не в той ноге, которая в физическом пространстве, а в той, которая в тактильном. Тем самым мы бы сохранили правильность высказывания о боли, помещающейся в ноге, освободившись от мысли, что боль располагается (существует, происходит) в физическом пространстве.

До сих пор все было замечательно. Но можем ли мы довольствоваться этим? Мы сейчас *боли* — происходит ли она в настоящей или в фантомной ноге — отвели место в том, что мы назвали осязаемым (мною) пространством. Кроме того, в это пространство мы поместили также *ногу* — *ту самую* ногу, в *которой* я испытываю боль. Это вносит в ситуацию беспорядок.

3.

Предлагаю заново попытаться ответить на вопрос о местонахождении боли. Кто-то захочет сделать это следующим образом: благодаря фантомной ноге мы поняли, что боль «происходит» не где-нибудь снаружи, на периферии моего тела, а в мозге. Не просто в любом участке мозга, а в «болевым центре».

Против такого ответа хорошо известен контраргумент. В мозге имеются материальные структуры и физические процессы. Они доступны наблюдению и регистрации «извне». Но ни один сторонний наблюдатель не способен обнаружить в моем мозге испытываемую мною боль. Точно так же не обнаружил бы ее в *собственном мозге* и я сам, если бы смог рассмотреть, что там происходит.

Что могло бы означать, что аутсайдеру удалось найти помещающуюся в моем мозге боль? Кто-то не удержится от ответа, это «должно» значить, что *он чувствует* мою боль. Но ведь моя боль принадлежит мне. Это нечто «сугубо личное», что только я могу ощущать. Наблюдатель может чувствовать в *своей* ноге такую же боль, какую испытываю я. Но это случайное совпадение, а не результат изучения происходящих в моем (или его собственном) мозге процессов.

Должны ли мы заключить, что мысль о том, что наблюдатель обнаружил в моем мозге боль (или нечто другое, имеющее ментальную природу), вовсе лишена смысла? Думаю, что так. И это не противоречит тому факту, что наблюдатель может выявить в моем мозге хорошо известные «симптомы» (*correlation*) боли и из этого заключить, что *Я* чувствую боль (причем боль в моей ноге).

Если моя боль не помещается ни в моем мозге, ни в любой другой части моего тела как объекта, обладающего протяженностью в пространстве, стало быть, моя боль не существует в пространстве.

А что если сказать «Боль находится там, где нахожусь *Я*»? Сейчас я в Хельсинки. Разве моя боль не там же? Я отправляюсь в Стокгольм, и больше не чувствую боли. «Я оставил свою боль в Хельсинки». Такие выражения не употребляются всерьез. Они не устанавливают пространственной принадлежности боли.

То, что ментальные сущности обладают продолжительностью, но не протяженностью, общеизвестно.

Разве кто-нибудь оспаривает это? К чему тогда все эти хлопоты?

4

О наличии проблемы в конечном счете напоминают нам материалистические теории мышления. Если ментальные состояния и происшествия в той или иной степени «идентичны» состояниям и событиям физического мира, то первые, кажется, также локализуемы в пространстве. В чем же, помимо мозга, они способны обитать?

Разве я не отстаивал версию психо-физической идентичности, когда в своей работе [1, 110 f.] писал. «Мы узнаем о происходящем в нашем мозге на основе смысла поведенческих реалий»?

5.

Смыслы непокализуемы. Отсюда, если ментальное определялось бы смыслами (или поведенческими сигналами, вызванными процессами в нервной системе), то ментальные сущности не могли бы пребывать в пространстве, точнее в физическом пространстве. Что полностью согласовалось бы с распространенной «концептуальной интуицией».

Трудности возникают с признанием ментального «смысла». Впрочем, в цитированной фразе такого отождествления нет. В ней вовсе не идет речь о «ментальном». Следовательно, наша задача состоит в согласовании этой фразы с обсуждением ментальных состояний и процессов.

Вполне естественно и правдоподобно сказать, что некоторые поведенческие проявления — когда люди стонут, кричат, хватаются за ногу, жалуются «болит» — означают, что их владелец испытывает боль в ноге.

Замечая их, внешний наблюдатель говорит «Ему больно» или «У него болит нога». Но ведь наблюдатель может ошибаться. Сигналы могут ввести его в заблуждение. Вдруг наш субъект лишь симулирует боль.

Все это не противоречит нашему утверждению: сигналы *означают*, что субъекту больно, если бы даже в действительности то, что они означают, не имело места.

Сказанное можно соотнести с разделением смысла и референции. Сообщающая о боли *пропозиция* может быть названа *смыслом* определенных поведенческих сигналов; *факт* наличия боли будет их *референтом* — той реальностью, на которую они указывают. Отношения между сигналами и их смыслами *существенны*, между сигналами и референтами *случайны*.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Wright G.H.von*. On mind and matter // Journal of theoretical biology. 1994. Vol. 171.

О Ю БОГУСЛАВСКАЯ

ДИНАМИКА И СТАТИКА В СЕМАНТИКЕ ПРОСТРАНСТВЕННЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ¹

0. В работе рассматриваются семантические противопоставления, организуемые семантическое поле пространственных прилагательных в русском языке

Предметом непосредственного рассмотрения являются два антонимичных синонимических ряда *близкий 1 1, недалекий 1.1, ближний 1 1, офиц близлежащий, уход окрестный* 'такой, который находится или происходит на небольшом расстоянии от какого-то места' и *далекий 1.1, дальний 2 1 (наррат), отдаленный 1, удаленный* 'такой, который находится или происходит на большом расстоянии от какого-то места'

Некоторые важные семантические противопоставления являются общими для обоих рядов. Это характер пространственного ориентира (наблюдатель² vs произвольный названный в тексте объект), характер описываемой ситуации (*динамическая vs статическая*) и противопоставление центра и периферии. Кроме того, для обоих синонимических рядов существенны контексты, указывающие на субъективность восприятия. В таких контекстах могут использоваться прилагательные *близкий, недалекий, далекий и удаленный*, но не прочие синонимы ряда.

0.1. Большая часть рассматриваемых слов многозначны. Чтобы дальнейшее изложение было понятным, перечислим кратко другие пространственные значения интересующих нас слов, близкие к рассмотренным лексемам

У прилагательных *близкий, недалекий, далекий и дальний* есть близкие к рассмотренным лексемы *близкий 1 2, недалекий 1 2, далекий 1 2 и дальний 1.2*, реализующиеся в контексте слов типа *путь, дорога, прогулка* и указывающие на то, что для преодоления соответствующего расстояния потребуется немного или много времени. Лексема *близкий 1 2* при этом чаще употребляется с отрицанием, ср. *Собирайтесь скорее, путь не близкий, А что, думаю, так даже и не посидим напоследок, не выпьем на дорожку дальнюю, а хотя бы и близкую, от «Гранд-отеля» до Лубянки — рукою подать* (В Шенгалинский, Охота в ревзаповеднике), *Прогулку сделали они недалекую именно, перешли только на другую сторону улицы* (Н В Гоголь, Мертвые души), *И они были беззаботны, дружны, как бывают люди в дальнем и долгом пути, на отдыхе от всех семейных и хозяйственных уз* (И Бунин, Косцы), *Однако дальняя дорога и дороговизна — до того исто-*

щили наши капиталы, что явились мы в отчий дом жены без копейки (В Астафьев, Веселый солдат).

Прилагательные *близкий* и *ближний* имеют также близкие к рассмотренным лексемы *близкий* 1.3 = 'небольшой' [оно реализуется в контексте слова *расстояние*] и *ближний* 1.2 'более короткий, чем другие' [оно реализуется в контексте слов *дорога*, *путь*]. Ср *Удавы не душили свою жертву, но, встретившись или, вернее, сумев подстеречь ее на достаточно близком расстоянии, взглядом вызывали в ней то самое оцепенение, которое в простонародье именуется гипнозом* (Ф Искандер, Кролики и удавы), *Поехав ближней дорогой через лес (семь километров вместо двадцати), я не учел одного потного, как у нас говорят, местечка, замаскированного майской травой, и машина начала буксовать и увязла* (В. Солоухин, Похороны Степаниды Ивановны)

1. Прилагательные ряда БЛИЗКИЙ

1.0. Основные семантические противопоставления, организующие синонимический ряд БЛИЗКИЙ — это характер пространственного ориентира и динамический или статический характер описываемой ситуации. По этим двум признакам синонимы ряда делятся на две группы³

В первую из них входят прилагательные *близкий* и *недалекий*, которые обычно используются в первую очередь для описания динамических ситуаций — событий, явлений и т.п., ср *Горбась, облака ползли навстречу, и грозовые вспышки дрожали на них отблесками близкого пожара* (И Поволоцкая, Сочельник); *А мне нравилось лежать под его машиной, здесь было все, что требовалось по воскресеньям: близкий запах машины, и далекий запах травы, и тишина, подмосковная тишина* (В Аксенов, Пора, мой друг, пора); *Недалекие разрывы сотрясали стекла*. При этом оба синонима, хотя и в разной мере, применимы в ситуации, когда пространственным ориентиром является не наблюдатель, а прямо названный в тексте физический объект, ср *Самая близкая к деревне школа; Мы были недалеко от цели*

Во вторую группу входят прилагательные *близлежащий* и *окрестный*. Они используются для характеристики статичных объектов, причем пространственным ориентиром для них может служить только местоположение наблюдателя. Ср *Жил он через четыре от нас дома в пятом, . . . но ни с кем соседства не водил, никого из близлежащих домов не знал и не помнил* (В Астафьев, Веселый солдат); *Белое покрывало незаметно и быстро исстлавает на окрестных полях* (Ю. Гончаров, Поживите еще, старики)

Прилагательное *ближний* занимает промежуточное положение между этими двумя группами. С одной стороны, подобно синонимам *близкий* и *недалекий*, оно допускает оба типа пространственных ориентиров — и наблюдателя, и какой-то другой прямо названный в тексте физический объект, ср, например, *В ближнем к выходу кресле сидела билетерша*. С другой стороны, подобно синонимам *близлежащий* и *окрестный*, оно обычно используется для характеристики статичных объектов. Ср *Отец всячески спорил, изворачивался, торговался с заготовителями, подрядчиками, защищал ближний лес, стараясь всучить им лесосеки подальше от железной дороги, чтобы рубить все же выборочно, а не сплошняком* (Д. Гранин, Обратный билет).

1.1. В большинстве случаев прилагательные *близкий* и *недалекий* указывают на то, что нечто происходит на небольшом расстоянии от наблюдателя, причем для *близкого* это расстояние несколько меньше, чем для *недалекого*; ср. *Допоздна при свете близкого пожара маскировали подруги остроконечье Инженерного замка* (Е. Воробьев, Небо в блокаде); *Но тут гремят один за другим четыре близких взрыва, стонет и лопается витрина с нарисованным на ней пшеничным колоском* (А. Дмитриев, Закрытая книга); *Гул пьяных голосов заглушил громозвучный раскат недалекого взрыва* (Б. Пастернак, Доктор Живаго). Они характеризуют при этом события или явления. Сюда же примыкают случаи использования прилагательных *близкий* и *недалекий* для характеристики звуков; ср. *И слышу близкий голос кораблей, / проведавший больничное подворье* (Б. Ахмадулина, Стена); *Магазин, как ни странно, был открыт — невзирая на близкую канонаду* (А. Волос, Первый из пяти); *Мы услышали недалекий шум мотора и поняли, что подходим к шоссе*.

Близкий и *недалекий* могут характеризовать и физические объекты, при условии, что ориентируемый объект и пространственный ориентир сближаются за счет перемещения того или другого; ср. *Самолетик шевельнулся. Тихо-тихо поехал к близкому краю стола* (В. Крапивин, Самолет по имени Сережа); *Теперь они слишком близки к планете, чтобы видеть ее целиком* (А. Азимов, Лаки Старр и океаны Венеры, пер. с англ. Д. Арсеньева); *Поднялись на холм и увидели теперь уже совсем близкое <недалекое> море*.

В XIX веке оба синонима свободно использовались и при описании статичных физических объектов. Ср. *Душистая мгла лежала мягкой пеленою над садом; дремотной свежестью дышали близкие деревья* (И. С. Тургенев, Рудин); *Налево горизонт ограничивался близким лесом* (Л. Н. Толстой, Война и мир); *К ней, из недалекой деревишки, часто приходят два уже дряблых старичка — муж с женою* (И. С. Тургенев, Отцы и дети).

В современном языке прилагательное *недалекий* для характеристики статичных физических объектов практически не употребляется. Что же касается прилагательного *близкий*, то оно в подобных контекстах используется, но это часто приводит к стилистически не вполне удовлетворительному результату; ср. примеры из современной литературы *Показала близкие магазины, где что покупать без потери времени* (А. Солженицын, Угодило зернышко между двух жерновов) [Здесь было бы лучше — *близкие*], *Он видел, как расширились ее близкие удивленные глаза* (В. Шукшин, Сураз).

Стилистически нейтрально использование прилагательного *близкий* для характеристики статичных физических объектов в следующих случаях.

а) В разного рода сравнительных контекстах, включая противопоставительные; ср. *Видны были дальние горы, почти до подножий покрытые сверкающим снегом. И более близкие горы, черные оттого, что не проснулась трава и вершины деревьев* (М. Ганина, Желтый берег); *Но вспышки близких и далеких костров, пылающих по сторонам Аппиевой дороги, все же заставляют сверкать и латы, и шлем, и застежки* (Саша Соколов, Школа для дураков); *Детский сад «Ласточка» — был самый близкий, одна остановка троллейбусом, а можно и пешком* (Ю. Трифонов, В грибную осень).

б) В контекстах, где речь идет о субъективном восприятии объекта; ср. *Надо всем висело угрюмое небо, сизо-белое покато поле за речкой казалось очень близким* (И. Бунин, Таня); *Я выбежал во двор и долго-долго, глотая слезы, глядел на желто-голубой, неправдоподобно близкий шар луны в прозрачном зимнем небе* (В. Пелевин, Омон Ра).

в) В контексте предикатов типа *сиять, золотиться, темнеть*⁴; ср. *Сиял на солнце близкий купол храма; Близкий лес темнел на фоне ослепительного неба*. При этом неудовлетворительно *Перед нами был близкий купол храма*.

г) В контекстах с реализованной валентностью пространственного ориентира, которая заполняется именем физического объекта или словом *цель*; ср. *Мы можем пересечь горы — и прийти в Гондор из районов, близких к морю* (Д. Толкиен, Властелин колец, пер. с английского); *Это самая близкая к Земле планета*.

Прилагательные *близкий* и *недалекий*, в отличие от прочих синонимов ряда имеют существенную конструктивную особенность: они употребляются не только атрибутивно, но и предикативно. Ср. *Вой мины был уже нестерпимо близким, гнул к земле* (Г. Бакланов, Мертвые сраму не имут); *Ночи стояли дивные: луну точно на веревке спускали сверху — такая она была близкая, большая* (В. Шукшин, Беседы при ясной луне); При этом особняком стоит контекст слова *цель*⁵. *Недалекий* употребляется предикативно только в этом контексте, а *близкий* только в этом контексте использует краткую форму. Ср. *Я пошел пешком, цель была недалеко, в пределах получасовой прогулки, да и садиться за руль после выпивки я все-таки избегаю* (А. Кабаков, Последний герой); *Цель Иуды была близка. Он знал, что направо в темноте сейчас начнет слышать тихий шепот падающей воды* (М. Булгаков, Мастер и Маргарита).

В силу этого только *близкий* и — в меньшей мере — *недалекий*, в противоположность другим синонимам ряда, могут употребляться не только в составе темы или в составе ремы, но и в качестве самостоятельной ремы. Ср. *Сквозь дым сверкнуло багровое сияние, уже близкое, и там, где раньше звучал никитин голос, раздался оглушительный треск* (В. Пелевин, Жизнь насекомых); *И месяц меж стеблей травы / Мелькнул в воде, как круг эмали... / Он был так близок, но увы — / Его мы в сети не поймали!* (М. Цветаева, Первое путешествие). Для прилагательного *недалекий* эта функция ограничена контекстами субъективного восприятия и существительного *цель*; ср. *Горы казались недалекими; Цель нашего путешествия была уже недалеко*.

1.2. Прилагательное *ближний* противопоставлено прилагательному *близкий* по типу описываемой ситуации, а также по характеру оценки расстояния. *Ближний* описывает только статические ситуации. Ср. *Художник с дочкой собирались уезжать, и по этому поводу было решено посетить ресторан в ближнем курортном городке* (М. Ганина, Желтый берег). Это прилагательное указывает на то, что расстояние между ориентируемым объектом и пространственным ориентиром меньше, чем расстояние до любого другого объекта, аналогичного рассматриваемому. Ср. *На ближнем углу и на види-*

мой мне из машины боковой улице, ведущей к Пятой авеню, люди столпились на тротуаре и у обочины (Дж. Сэлинджер, Выше стропила, плотники, пер. Р. Райт-Ковалевой); Егорыч ... смотрит из-под руки, как в пепельно-синем небе нежно кудрявятся облака, как в глубине ближнего бора за Мезой-рекой долго и могуче набухает горячий оранжевый шар (О. Ларин, Блудное лето).

Тем самым прилагательное *ближний* сближается по смыслу с формой превосходной степени от прилагательного *близкий*. Ср. синонимичность фраз *Ей достался самый близкий участок* и *Ей достался ближний участок*. Однако между *самый близкий* и *ближний* имеется то различие, что форма превосходной степени характеризует определенные объекты, а *ближний* возможно и при неопределенных; ср. *Вероятно, их [бревна] заготовили для сплава на какой-нибудь ближней деляне, откуда их смыло и принесло сюда полою водой* (Б. Пастернак, Доктор Живаго).

Прилагательное *ближний* часто используется для характеристики уникальных объектов, но при условии, что существуют аналогичные парные объекты, которые характеризуются с помощью антонимичного прилагательного *дальний*; ср. *Ближний Восток; При — росте русофобской пропаганды в странах ближнего зарубежья для России сильно возрастает роль радио* («Новый мир», № 2, 1998).

1.3. Прилагательные *близлежащий* и *окрестный* указывают на то, что ориентируемый объект расположен на небольшом расстоянии от наблюдателя, то есть используются только при описании статических ситуаций. Ср. *Носильщики на них и не смотрят, и они бегут в близлежащие гостиницы, чтобы, заняв дешевый номер, скорее пойти по делам* (Ю. Щеглов, Романы И. Ильфа и Е. Петрова); *Он [Шигаев] даже обижался, если я, выросший в деревне, отмечал потехи ради, чем разнится окрестная природа от среднерусской: он находил, что существенной разницы нет, а все дело в сентиментальных ассоциациях* (В. Набоков, Памяти Л. И. Шигаева).

Прилагательные *близлежащий* и *окрестный* характеризуют преимущественно топографические объекты; ср. *Она смотрела на все как бы извне и объясняла мне, провинциалке Земли, что ... освобождение от нас в близлежащих городах и странах и есть главное в процессе, который пошел* (Г. Щербатова, Армия любовников); *Все это напоминало бы обычные походы с кострами, песнями, гитарами — если бы не вымолзившие время от времени из близлежащих улиц молчаливые толстые танки* (А. Ким, Стена); *Затем наступило 5 сентября, когда утром, вернувшись в Киев после поездки по окрестным достопримечательностям, Николай Пузнал: Петр Аркадьевич скончался* («Новый мир», № 7, 1998).

Правда, для прилагательного *окрестный* возможны также сочетания с названиями некоторых категорий людей или других живых существ, расселяющихся или обитающих вокруг какого-то центра; ср. *Перед партизанами тут зимовали каптелевцы. Они укрепили лес своими руками и трудами окрестных жителей, а весной его оставили* (Б. Пастернак, Доктор Живаго). —

Кар! Кар! — живо ответили ему с высокого тополя, росшего над помойкой, который так любили окрестные вороны (И. Поволоцкая, Сочельник).

При этом *окрестный* сочетается только с собирательными существительными или с существительными в форме множественного числа. Ср. *С этим запахом мешались густые сладкие запахи вечноцветущих окрестных садов, камфары, мускуса и того, что ели рикши* (И. Бунин, Братья); *Во всяком случае, окрестный пейзаж привел Чарльза в восторженное состояние духа* (Ю. Глазов, Адаптация); *Устрашенное карательными мерами белых все окрестное крестьянство сдвинулось с места* (Б. Пастернак, Доктор Живаго)

Прилагательные *окрестный* и особенно *близлежащий* характеризуют обычно относительно компактные объекты; ср. неприемлемость **близлежащие <*окрестные> страны, *близлежащая река, *окрестные реки* при вполне нормальном *близлежащие <окрестные> озера*. Исключением является слово *улица*; ср. *Противоборствующие силы ... мобилизовывали под угрозой смерти .. жителей близлежащих улиц, заставляя брата идти на брата, а сына на отца* («Новый мир», № 3, 1998); *Расплескалась в улочках окрестных / та мелодия, а поющих нет* (Б. Окуджава, Счастливый жребий).

Кроме того, *окрестный*, в соответствии со своей внутренней формой, указывает на то, что характеризуемые объекты находятся на периферии некоторого центрального объекта, окружая его: *Я увидел, что дождь перестал, по небу распространилась синева, . и только на окрестных горах еще дымились тучи* (В. Набоков, Посещение музея); *Софья испытывает к мужу отвращение, находит его «невыносимым»; он изменяет ей со всеми крестьянками окрестных деревень, она ревнует и скучает* («Новый мир», № 9, 1998).

2. Прилагательные ряда ДАЛЕКИЙ.

2.0. Для прилагательных ряда ДАЛЕКИЙ, как и для ряда БЛИЗКИЙ, так же существенны характер пространственного ориентира и динамический или статический характер описываемой ситуации. При этом по признаку динамики / статики выделен синоним *удаленный*, используемый только для описания статических ситуаций, а по характеру пространственного ориентира выделяется прилагательное *отдаленный*, характеризующее расстояние только от наблюдателя. Кроме того, прилагательное *отдаленный*, подобно прилагательному *окрестный*, противопоставляет центр и периферию

2.1. Прилагательное *далекий* указывает на то, что характеризуемый объект или явление находится или происходит на большом расстоянии от пространственного ориентира. Пространственным ориентиром служит обычно местоположение наблюдателя [при незаполненной валентности ориентира] или — реже — прямо названного в тексте произвольного объекта [при заполненной валентности ориентира]; ср. *Думал он о далекой станции, блестящих рельсах, дыме уходящего к югу поезда...* (И. Бунин, Последнее свидание), *Тепло, мягко пахнет далеким полевым дождем* (И. Бунин, Книга);

Слышен глухой, далекий выстрел (А. П. Чехов, Три сестры), *Потому что север далек от юга, / наши мысли цепляются друг за друга* (И. Бродский, Песня невинности, она же — опыта), *Но сейчас ребята пригнали стадо в далекие от грибных и ягодных троп места* (О. Ларин, Блудное лето)⁶.

Далекий членит пространство на части: пространство ориентируемого объекта, пространство ориентира и разделяющее их пространство, которое обычно содержит какие-то другие объекты, быть может, неизвестные. Ср. *Воздух был прозрачным для звуков, и порыв ветра принес на себе далекое шуршание электрички* (А. Азольский, Лопушок), *В прогалинах зеленого кружева листья сверкала далекая, серебром вспыхивающая Пинега, лошадиное хрумканье доносилось снизу, из-под угора, и так славно, так хорошо пахло разогретой на солнце земляничкой ..* (Ф. Абрамов, Братья и сестры)

Далекий является объективной характеристикой расстояния и поэтому допускает употребления в контексте показателей субъективности восприятия типа глагола *казаться*, ср. *Холм в сумеречном свете казался очень далеким*. По этому признаку оно сближается с прилагательным *удаленный* и противопоставлено прочим синонимам ряда.

Только прилагательное *далекий* используется для характеристики живых существ, противопоставляясь по этому признаку всем остальным синонимам, ср. *Далекий друг, Увидав их [немцев], радовались и успокаивались и говорили далеким большевикам, злорадно скаля зубы из-за колючей пограничной проволоки — А ну, суньтесь!* (М. Булгаков, Белая гвардия)

Прилагательное *далекий* употребляется как атрибутивно, так и предикативно, используя в предикативной функции как полную, так и краткую форму, ср. *Был ветер, и от этого небо казалось высоким, а солнце необычно маленьким и далеким* (А. Битов, Жизнь в ветреную погоду), *Он же / смотрел в окно, и взгляд его сейчас / был так далек от этих мест, что губы / застыли точно раковина, где таится гул* (И. Бродский, Эней и Дидона).

2.2. Прилагательное *дальний* имеет два круга употреблений

В первом, основном, круге употреблений оно стилистически нейтрально и указывает на то, что ориентируемый объект находится на большем расстоянии от пространственного ориентира, чем какой-либо другой аналогичный объект или объекты. Ср. *Видны были дальние горы, почти до подножий покрытые сверкающим снегом. И более близкие горы, черные оттого, что не проснулась трава и вершины деревьев* (М. Ганина, Желтый берег), *Утром был Орел, пересадка, провинциальный поезд возле дальней платформы* (И. Бунин, Митина любовь), *Вдруг из дальнего угла раздался голос кого-то из молодых. «Эй, мужики, это что такое?»* (А. Асриян, Поход Эпигонов).

В качестве пространственного ориентира выступает, как и в случае *далекий*, либо местоположение наблюдателя [при незаполненной валентности ориентира], либо — реже — местоположение прямо названного в тексте произвольного объекта [при заполненной валентности ориентира]. Ср. *У даль-*

него поворота дороги раздался громкий треск — из-за кустов выскочил мотороллер с одиноким, сосредоточенно смотрящим вперед пилотом (А. Ким, Стена); Мы стояли в проеме боковой двери, почему-то самой дальней от сцены, и пионервожатая, долговязая крепкая связистка Антонина, двумя руками впилась в мои плечи (Т. Вульфович, Три главы про Матфея).

В этом круге употреблений *дальний* может использоваться для характеристики уникальных объектов, но только таких, которые имеют аналогичные парные объекты, которые характеризуются с помощью антонимичного прилагательного *ближний*; ср. *Дальний Восток*; *дальнее зарубежье*.

Во втором круге употреблений *дальний* имеет нарративную окраску и указывает на то, что ориентируемый объект или явление находится или происходит на большом расстоянии от наблюдателя; ср. *Отыскал тебя в дальних краях / путешественник в синих очках, / в кокосовой шапке, / и, с добычей вернувшись назад, / написал по-латыни доклад / о складке на лапке* (В. Набоков, В зверинце); *Дело в том, что все в той же картине, где и букет и письмо, была сцена, когда моя героиня подбежала к окну, увидев в нем дальнее зарево* (М. Булгаков, Театральный роман); *Мы только смутный цвет миндальный, / мы только первопутный снег, / оттенок тонкий, отзвук дальний. — / но мы пришли в злоеущий век* (В. Набоков, «Нас мало — юных, окрыленных»).

При этом пространство наблюдателя и пространство ориентируемого объекта противопоставлены как личное пространство и пространство чужое. В силу этого в фокусе внимания оказывается не объективная величина расстояния, а идея противопоставленности двух пространств. Ср. *По утоптанной тропинке мы идем на дальнюю окраину Михалкина* (О. Ларин, Блудное лето) и примеры выше.

Противопоставление личного и чужого пространства всегда носит субъективный характер. Поэтому *дальний* не может, в отличие от близкого к нему синонима *далекый*, использоваться в контексте показателей субъективного восприятия типа глагола *казаться*; ср. неприемлемое **Горы казались ему дальними и чужими* при нормальном *Горы казались ему далекими и чужими*.

2.3. Прилагательное *отдаленный* указывает на то, что характеризуемый объект или явление находится или происходит на большом расстоянии от наблюдателя. Ср. *В течение долгого времени по всей столице шел тяжелый гул самых невероятных слухов, очень быстро перекинувшись и в отдаленные и глухие места провинции* (М. Булгаков, Мастер и Маргарита); *Чуткие уши его уловили отдаленные раскаты хохота* (А. Азольский, Лопушок).

Отдаленный членит пространство на части, помещая наблюдателя в центр, а ориентируемый объект на периферию (эта особенность сближает его с одним из прилагательных из ряда **БЛИЗКИЙ**, *окрестный*). Ср. [Он] *давно уже был в разводе и в результате квартирного размена поселился в отдаленном микрорайоне* (А. Ким, Стена); *Читал песнь о старом нормандском бароне, умиравшем в отдаленном покое замка в бурную и темную ночь*

рождества христово (И Бунин, У истока дней), Во время первомайской демонстрации из установленного неподалеку мощного громкоговорителя в лубянские камеры доносятся победительные звуки праздничных песен, отдаленный шум голосов («Новый мир», № 5, 1998)

2.4. Синоним *удаленный* может описывать только статические объекты, указывая на то, что ориентируемый объект находится на большом расстоянии от пространственного ориентира, ср *Берд полагает, что причиной этого упадка (и, видимо, перехода лидерства к такому удаленному от моря поселению, как Чавин-де-Унтар) были гигантские цунами, обрушившиеся на побережье около 900 г* (Уппсальский корпус)

Пространственным ориентиром обычно служит местоположение прямо называемого в тексте объекта, но возможен и отсчет расстояния от наблюдателя [в случае незаполненной валентности ориентира], ср *Петербург — шестая и самая удаленная от Парижа столица, которую я посещаю на аэроплане* (М. Одесский, Д. Фельдман, Легенда о великом комбинаторе), *Появится возможность прямыми методами измерять расстояния до удаленных объектов, изучать их движение* (Уппсальский корпус)

Прилагательное *удаленный*, единственное из синонимов ряда, допускает прямое указание на величину расстояния, разделяющего два объекта, ср *Напряжение подается на два электрода, удаленных друг от друга на расстояние около двух миллиметров*. В этих случаях указание на то, что характеризуемое расстояние велико, снимается

Подобно прилагательному *далекий*, синоним *удаленный* оценивает расстояние объективно. Поэтому он может употребляться в контексте показателей субъективности восприятия. Ср *«Понимаешь ты это? От Пинеги до Мезени прошел я весь Север!» С тех пор эти два места казались мне мифически удаленными от всего нашего, человеческого* (Ю. Казаков, Северный дневник)

Прилагательное *удаленный*, как и *далекий*, употребляется как атрибутивно, так и предикативно, используя при этом только краткую форму, ср *В глухой сибирской тайге на берегах Лены находились золотые прииски. Они были удалены от железной дороги на две тысячи километров* (С. Сыров, Страницы истории)

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В работе обобщаются результаты работы автора над синонимическими рядами пространственных прилагательных и наречий для второго выпуска Нового объяснительного словаря синонимов русского языка (ср [1] и [2]). Эти словарные описания обсуждались на рабочих семинарах Отдела теоретической семантики Института русского языка РАН под руководством Ю. Д. Апресяна. Автор благодарит руководителя и всех участников семинара, а также И. М. Богуславского за ценные замечания, высказанные при обсуждении и редактировании соответствующих словарных статей.

Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, грант 99-04-00420а, а также Российского фонда фундаментальных исследований, грант 00-15-98866

² Ю. Д. Апресян в работе [3] предлагает описывать семантику ряда пространственных наречий и предлогов, вводя в их толкование фигуру наблюдателя. Имеется в виду нетривиальный наблюдатель, которого говорящий, не называя, мысленно вводит в число участников ситуации. Он необходим, например, для интерпретации высказываний типа *Вдали прошел крейсер* в отличие от *Крейсер прошел далеко от берега*.

³ К синонимам ряда, в особенности к прилагательному *недалекий*, близко примыкает прилагательное *недалгий* 1, сохранившееся в рассматриваемом значении преимущественно в поэтическом языке; ср. *Однажды утром они сидели на балконе, пили кофе, тот показал ему на узкую долину вдоль реки между недалгих гор и произнес: «Красиво, правда?»* (А. Найман, Б. Б. и другие); *А на недалгнем рубеже, / у той границы где-то, / Война в четвертое уже / Свое вступала лето* (Твардовский, МАС); *То медом повеет с соседней поляны, / то тинной потянет с недалгней реки* (В. Набоков, На сельском кладбище).

⁴ Т. В. Булыгина в работе [4] противопоставляет предикаты этого типа *жить, находиться* по признаку актуальности, временной локализованности. Е. С. Яковлева описывает в работе [5, 24—25] ограничения на сочетаемость с предикатами этих двух типов для пространственных наречий типа *близко, вдали, неподалеку*.

⁵ Особенности употребления кратких форм прилагательных в контексте слова *цель* отмечены Е. С. Яковлевой в работе [5, Глава 1].

⁶ Еще в XIX веке область употребления прилагательного *дальний* была шире. Ср. *Для берегов отчизны дальней / Ты покидала край чужой* (А. С. Пушкин, «Для берегов отчизны дальней»), где современной норме противоречит не только устаревшая форма *дальной* вместо *дальней*, но и само употребление прилагательного *дальний*, а не *далекий*.

Многие сочетания со словом *дальний* в современном языке, например, *дальние страны, дальние края*, превратились в устойчивые и семантически не противопоставляются словосочетаниям со словом *далекий*. Ср. *Птицы улетели в дальние края, зверь не бродит, не буйствует, дожди прошли затяжные, инеи еще не звонки* (В. Астафьев, Веселый солдат) и *У изголодавшихся по новостям баб глаза горели желанием порасспросить городского человека о житье-бытье в далеких краях* (А. Азольский, Лопушок).

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян Ю. Д., Богуславская О. Ю., Левонтина И. Б., Урысон Е. В., Гловинская М. Я., Крылова Т. В. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Первый выпуск. М., 1997.
2. Апресян Ю. Д., Богуславская О. Ю., Левонтина И. Б., Урысон Е. В. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Проспект. М., 1995.
3. Апресян Ю. Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семиотика и информатика, вып. 28. М., 1986.
4. Булыгина Т. В. К построению типологии предикатов в русском языке // Семантические типы предикатов. М., 1982.
5. Яковлева Е. С. Фрагменты русской языковой картины мира. М., 1994.

ПРЕОДОЛЕНИЕ ПРОСТРАНСТВА В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА: ГЛАГОЛ ДОБИРАТЬСЯ*

Предметом настоящей статьи является русский глагол *добираться*¹, заключающий в себе весьма характерный лингвоспецифический концепт.

Разброс значений у этого глагола относительно невелик; в целом, ему можно предложить следующее толкование:

добраться — 'перемещаясь, преодолевая трудности, в физическом или каком-либо ином пространстве, достичь контакта с объектом, составляющим конечный пункт этого перемещения';

добираться — 'перемещаться, преодолевая трудности, в физическом или каком-либо ином пространстве с целью достичь контакта с объектом, составляющим конечный пункт этого перемещения'.

Глагол *добраться* / *добираться* представляет собой видовую пару с семантическим соотношением, которое в целом соответствует предельной паре: 'предельный процесс' (НСВ) и 'событие, наступившее в результате этого процесса' (СВ). Здесь, однако, имеется та особенность, что глагол НСВ *добираться* не имеет актуально-длительного значения (*Что ты сейчас делаешь? — *Добираюсь в Калугу / на дачу к Петру*). Он может быть употреблен только постфактум и только при условии успешного завершения действия: нельзя сказать **Два часа добирался и так и не добрался* (в отличие от *Два часа решал, но так и не решил*). Эта аспектуальная особенность глагола *добираться* связана, по-видимому, с наличием интерпретирующего компонента в его семантике.

Обратимся теперь собственно к лексическому значению этого глагола. Смысловая вариативность употребления глагола *добраться* / *добираться* возникает за счет следующих параметров: имеется в виду перемещение в физическом или ином пространстве; целью перемещения является объект физической или «идеальной» природы (эти два параметра до некоторой степени независимы — например, в *добраться до начальства* целью является физический объект, однако перемещение происходит не в физическом пространстве); перемещается ли сам субъект (или, например, только его руки, ср. пример (7)); находится ли в фокусе идея контакта с объектом и др. Различные комбинации значений этих параметров дают то, что можно было бы называть разными лексическими значениями этого глагола.

В центре нашего внимания находится употребление, характеризующееся следующими признаками: имеется в виду перемещение субъекта из одной точки физического пространства в другую, целью которого является нахождение в некоторой точке пространства или контакт с находящимся там физическим объектом. Это употребление может быть проиллюстрировано примерами (1)–(6):

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, грант № 98-04-06214, и РФФИ, грант № 98-06-80111.

(1) Вот и граница Литовская, до которой так хотелось тебе *добраться* (Пушкин),

(2) — Вот видишь, отец мой, и бричка твоя еще не готова, — сказала хозяйка, когда они вышли на крыльцо — Будет, будет готова Расскажите голько мне, *как добраться* до большой дороги — Как же бы это сделать? — сказала хозяйка — Рассказать-то мудрено, поворотов много, разве я тебе дам девчонку, чтобы проводила (Гоголь),

(3) «Голосуя» на развилках разбитых дорог, он *добрался* до населенного пункта Большой Шатун, по сравнению с которым Березань выглядела столицей, шумным и благоустроенным городом (В. Аксенов),

(4) Всю зиму и весну он волновался, узнавал, где хорошо, какая там природа, и какой народ, и *как туда добраться*, и эти расспросы и планы были, может быть приятнее самой поездки и отпуска (Ю Казаков),

(5) а Скажите, пожалуйста, *как я могу до Домодедово добраться?*

б Девушка, скажите, пожалуйста, где находится улица Сытникова, *как до нее добраться?* (Диалоги О9)²

(6) Мне отсюда до дома два часа *добираться*

Этот тип употребления интересующего нас глагола мы будем считать основным Для сравнения приведем примеры употреблений, где реализуются другие значения перечисленных выше параметров

1 В фокусе находится контакт с объектом

(7) Эти глупые шиньоны! До настоящей дочери *не доберешься*, а ласкаешь волосы дохлых баб (Л Толстой)

(8) Страстно хотелось все испытать, до всего *добраться*, пропустить сквозь себя пятнистую музыку, пестрые голоса, крики птиц и на минуту войти в душу прохожего, какходишь в свежую тень дерева (Набоков)

2 Центральное положение идеи контакта с объектом может давать такое семантическое развитие, при котором *добраться* означает 'расправиться с кем-то' *Ну теперь я до тебя доберусь!* Это значение может совмещаться с обычным значением перемещения, ср

(9) Пока бы до нас *добрались*, мы отвоевали бы год жизни, а это выигрыш (Пастернак)

3 Перемещение по воображаемому пути (не в физическом пространстве)

(10) Теперь же решил он во что бы то ни стало *добраться* до таможни, и *добрался* За службу свою принялся он с ревностью необыкновенною (Гоголь)³,

(11) Впрочем, замечательного немного было в афишке давалась драма г Коцебу, в которой Ролла играл г Пошлевин, Кору — девица Зяблова, прочие лица были и того менее замечательны, однако же он прочел их всех, *добрался* даже до цены партера и узнал, что афиша была напечатана в типографии губернского правления [] (Гоголь),

(12) *добраться* до сути, до причины,

(13) Читаю том, другой, третий, — наконец *добралась* до шестого, — скучно, мочи нет (Пушкин)

Возможно также совмещение в одном слове идеи преодоления физического пространства и одновременно препятствий непространственного характера

(14) Была, правда, мысль, связанная с Москвой: *добраться* до своей старой редакции (К. Симонов);

(15) Ну как, удалось тебе *добраться* до декана?

Здесь глагол *добраться* указывает как на собственно перемещение (приехать в редакцию, в деканат), так и на совершение каких-то действий, не связанных с перемещением (напр., если редакция переехала, узнать, где она находится и т.п.; узнать приемные часы декана и застать его на месте, дожидаться, пока он освободится и т.п.).

В прототипическом сценарии, задаваемом глаголом *добираться*, преодолеваемое пространство предстает как дурное, опасное и чужое, а пространство, являющееся целью перемещения, трактуется, соответственно, как хорошее, безопасное, свое (своего рода укрытие, пристанище — где не грозит опасность и где можно расслабиться, отдохнуть, уснуть):

(16) Он с трудом, утоная, обошел дом, *добрался* до переднего крыльца и, топая, отряхиваясь, вбежал в темные сенцы, гудевшие от бури, потом в теплую прихожую, где на рундуке горела свеча (Бунин);

(17) Всю дорогу он сидел скорчившись в уголке автобуса и думал: только бы *добраться* до гор, до палатки, до койки и рухнуть костями (Ю. Домбровский).

Ср. также пример (19).

Наиболее характерное сочетание для этого глагола, почти фразеологическое — *добраться до дома*.

(18) Дымки поднимались столбами к небу, но потом сваливались, растекались, затягивали, закутывали окрестные холмы прозрачной синью, и даже на расстоянии километра или двух от деревни слышно было, как пахнет дымом, и от этого запаха хотелось скорей *добраться до дому* и затопить печку (Ю. Казаков).

Еще одно характерное устойчивое сочетание с этим глаголом — *добраться до места* (имеется в виду — достичь цели путешествия); ср. с другими глаголами целенаправленного движения: *дойти, доехать, долететь* и т. д. *до места*.

Однако в целом характер пространственного объекта, выступающего в этом сценарии в роли «пристанница», не детерминирован, ср. (17), а также:

(19) Когда еще он *доберется до своих песчаных дюн* на краю белого света? (Е. Воробьев).

С точки зрения словообразовательной семантики глагол *добраться* входит в следующие парадигматические ряды:

1) *дойти, доехать, долететь, доплыть, добрести* и т.п. <до какого-то места> — глаголы со значением достижения цели перемещения в пространстве;

2) *дозвониться* <до кого-то>, *докопаться* <до истины>, *добиться* <цели>, *дорваться* <до чего-то>, *докричаться* <до кого-то>⁴ и т.п. — со значением достижения результата с трудом и преодолевая сопротивление.

3) *выбраться, забраться, взобраться, перебраться, пробраться, подобраться, собраться* (с множественным субъектом: <где-то> и с единичным <что-то сделать>), *убраться*, т.е. ряд глаголов, образованных от основы *браться*,

обозначающих разные аспекты перемещения человека в пространстве. В большинстве из них имеется идея затрудненности перемещения⁵ и везде отсутствует его спецификация с точки зрения способа.

Вообще в значении *добратся* отчасти сохраняется связь с мотивирующим глаголом (*братъ*) в его исходном значении, включающем смысл 'касаться руками', *добратся* в этом значении (возможно, реально исходном) означает что-то вроде 'перебирая разные предметы, найти нужный (= дойти до нужного)'. Связь с этой идеей сохранилась и в том значении, которое выше было названо основным, — в виде характерной сочетаемости с наречием *ощупью*.

(20) когда же *ощупью добрался* до бани, стоявшей в ельнике, дождь обрушился на землю с такой силой, что, как в детстве, стали мелькать страшные мысли о потопах (Бунин),

(21) Ярцев и Костя *ощупью*, как слепые, *добрались* до полотна железной дороги (Чехов)

Глаголы *перебраться* и *забраться* в разговорном языке имеют специальные значения, связанные с местом жительства: *перебраться* значит 'переехать' (на постоянное или долговременное место жительства) *перебраться в город, в Москву, к сыну, Как бы мне, рябине, к дубу перебраться*⁶ и т. п., *забраться* — 'переехать жить в далекие или труднодоступные края'⁷. В *забраться*, как и в *добратся*, явно обнаруживается та особенность устройства «жилого пространства», что фактическое расстояние до какой-то точки определяется достижимостью этой точки — которая складывается из собственно расстояния и имеющихся возможностей его преодоления. *Добираться* — это или далеко, или трудно, или и то и другое одновременно.

Согласно определению Малого академического словаря русского языка, *добратся* означает «с трудом или нескоро дойти, доехать и т. п. до какого-то места, предмета». Однако этот глагол включает, по-видимому, еще одну идею, представляя процесс преодоления пространства не только как долгий и трудный, но еще и в какой-то степени непредсказуемый, т. е. неподконтрольный субъекту. Последняя идея включает этот глагол в широкий круг лексических и грамматических средств русского языка, позволяющих представить собственное действие как не полностью контролируемое (ср. [4, 413–430], [2] и др.).

В частности, *добратся* входит в группу глаголов с тем же корнем *собраться* <куда-то> или <что-то сделать> и *выбраться* <куда-то> или <к кому-то>. Содержательно они связаны между собой таким образом, что все три глагола описывают разные аспекты внутреннего состояния человека, находящегося перед необходимостью куда-то перемещаться: для этого надо *собраться* и *выбраться*, а потом еще и *добратся*. Все эти глаголы представляют действие по перемещению в пространстве как не полностью руководимое собственной волей субъекта, ср.

(22) Когда он вернулся, Степан Аркадьич, вымытый, расчесанный и сияя улыбкой, выходил из своей двери, и они вместе пошли наверх.

— Как я рад, что *добрался* до тебя! Теперь я пойму, в чем состоят те таинства, которые ты тут совершаешь (Л. Толстой)

(23) А. Он два года будет жаловаться, а к врачу его пропихнуть, это просто невозможно. Б. Ну вот, после... Он отдохнет, после отпуска, пусть, *выберется* как-нибудь (Русская разговорная речь);

(24) Такая хорошая погода. Может, *выберетесь* к нам на дачу? (из разговорной речи)⁶;

(25) — Долинька, — обратился он к старшей дочери, — твой козырь что поделявает? — Ничего, папа, — отвечала Долли, понимая, что речь идет о муже. [...] — Что ж, он не уехал еще в деревню лес продавать? — Нет, все *собирается* (Л. Толстой).

При этом *выбраться* акцентирует трудность начального этапа этого пути (возможность возникновения препятствий на этом этапе), *добраться* — финального (о глаголе *собираться* в этой связи см. [2]). Вообще все три глагола могут обозначать движение в метафизическом пространстве, отделяющем намерение от его осуществления, которое затрудняется метафизическими же причинами, ср. *Никак не доберусь* <до чего-то / кого-то> — почти такое же характерное, как *Никак не соберусь* <что-то сделать> или *Никак не выберусь*. При этом фраза *Сегодня я, пожалуй, до тебя не доберусь* или *...к тебе не выберусь* звучит несколько менее «обидно» (так как в большей степени возлагает ответственность на обстоятельства), чем *...к тебе не соберусь*. В русском языке есть еще выражение *Никак руки не дойдут* <что-то сделать>, где явно выражена та же идея, которая заложена в глаголе *добраться* ('взять в руки') и в еще более откровенной форме указано на отсутствие контроля над собственными действиями.

Метафизическая составляющая оказывается особенно отчетливой, когда целью перемещения является нахождение рядом с другим человеком, ср. (22), а также:

(26) пока я *добирался* до тебя, кто зарезал твоих птичек и вытоптал жасмин?... (Вен. Ерофеев),

Возвращаясь к *идейным составляющим* глагола *добираться*, естественно предположить, что долгий соответствует пресловутым «русским просторам», *трудный* — знаменитому еще со времен Пушкина качеству российских дорог, неподконтрольность же возникает как результирующая множества факторов, препятствующих успешному достижению цели путешествия, среди которых можно назвать: нерегулярность движения общественного транспорта, его поломки, отсутствие бензина на бензоколонках и т. п., просто отсутствие регулярного сообщения на каких-то участках дороги (когда нет другого способа *добраться*, кроме как на попутном транспорте или пешком), вообще отсутствие дороги или ее непроходимость из-за дождей или снежных заносов и, наконец, просто опасность «разбоя». Ср. примеры (27), (28), (32) — (34).

(27) При переезде с одного конца города в другой он всецело зависел от несчастных, шлепающих рысцой ванек, и хорошо если попадал на первый урок с опозданием в четверть часа, а на второй опаздывал вдвое, к четырехчасовому он *добирался* уже около половины шестого (Набоков)⁹.

Другой характерный пример (из романа Б. Пастернака «Доктор Живаго»):

(28) Надо туда *добраться* и выяснить, что с домашними.

Не поехать, а именно *добраться* — потому что все перечисленные выше обстоятельства весьма актуальны. И еще один пример:

(29) *Добравшись* до окошечка, узнаю новость совсем уже потрясающую: билеты наши вообще на послезавтра недействительны, и надо брать новые, которые по командировке петербургской не могут быть выданы, — нужна командировка от псковского совдепа (В. Ходасевич).

Т.е. *добравшись* (сквозь толпу народа) до билетной кассы — первый этап процесса перемещения в пространстве — человек узнает, что *добраться* до места назначения будет еще труднее, чем он думал.

Все это отражено в характерной сочетаемости: *удалось добраться; чудом, еле, кое-как, наконец, благополучно добрался; как-нибудь, бог даст доберемся* и т.п.

Передвижение на собственном автомобиле несколько снижает степень зависимости человека от обстоятельств — по крайней мере, снижается вероятность употребления глагола *добираться*; оно, однако, не вовсе исключено (в особенности, при оценке постфактум) — в силу неопределенности, сохраняющейся за счет качества дорог и возможности заторов (ср.: *Из-за пробок я добирался на работу полтора часа*). Однако в вопросе, если речь идет о передвижении на машине, более вероятно употребление глагола *доехать* (*Как туда доехать?*) — в отличие от аналогичного вопроса в общем случае.

Вообще говоря, пробки на дорогах, аварии, стихийные бедствия и другие препятствия перемещению в пространстве существуют во всем мире, но это обстоятельство обычно не включается в значение глагола. Так, например, по-французски можно сказать: *La route était tellement bouchée que nous avons mis deux heures pour arriver à l'aéroport* — букв.: Дорога была так забита, что мы положили два часа на то, чтобы доехать до аэропорта (ср. также по-английски: *It took two hours to get to the airport*). По-русски это выражается одним словом *добраться* (впрочем, как уже говорилось, препятствия, заключенные в значении этого и других подобных глаголов, не целиком материальной природы). Соответственно, предложения с глаголом *добраться* переводятся, скажем, на французский язык либо при помощи глагола *arriver* и при этом идея преодоления препятствий теряется, либо она выражается специальными лексическими средствами, ср.:

(30) Как туда добраться? — *Comment faire pour y arriver?*

(31) Как ты вчера добралась? — *Tu es bien rentrée hier? Tu es rentrée sans problèmes?*

Интересно при этом, что если глаголу СВ *добраться* соответствует, за вычетом всех тех нюансов, о которых шла речь выше, франц. *arriver* (нечто вроде 'прибыть'), то глаголу НСВ *добираться* никак не соответствует франц. *aller* (которое означает что-то вроде 'отправиться куда-то').

Итак, согласно русскому глаголу *добираться*, перемещение в пространстве — дело настолько трудное, что способ перемещения несуществен: *как-нибудь* (согласно В. И. Далию, третья составляющая «русской души» — наряду с *авось* и *небось*). Поскольку расстояния обычно такие, что преодолеть их пешком не представляется возможным, это *как-нибудь* означает «на каком-

нибудь виде транспорта» (обычно даже на нескольких) — какой *попадется, случится* по пути, на какой человек, если ему *повезет, успеет* и т. д. Для этого имеется готовое устойчивое сочетание — *добираться на перекладных* (которое изменило свое значение по сравнению XIX в.: новое значение отчасти ощущается как переносное, из-за чего это выражение может употребляться кавычках). Ср.:

(32) Но он был еще молод и мало бит, и потому предстояло ему добираться до тылов *на «перекладных»* (В. Астафьев);

(33) Добираться же *с пересадками четверо суток* от Кургана до Москвы и столько же обратно, чтоб просто прожить в Москве два дня — чего он там не видел? (К. Симонов);

(34) Конечно, можно было бы сейчас *успеть* к автобусу на Фосфатогорск, а оттуда *попутными* добраться до Шлакоблоков (В. Аксенов)

и т. п.

Как известно, в русском языке нет стилистически нейтрального неспецифицированного глагола целенаправленного передвижения (аналогичного, напр., франц. *aller*). Эта лакуна в разговорном языке заполняется глаголом *добираться / добраться*, который применяется ко всем способам целенаправленного перемещения, выступая в качестве своеобразного родового термина, предполагающего, к тому же, возможность чередования разных способов передвижения. Такая экспансия глагола *добираться* в современном русском языке приводит к ослаблению и даже частичной утрате им тех дополнительных смыслов, о которых шла речь выше: этот глагол фактически становится просто глаголом неспецифицированного целенаправленного перемещения (подобно, напр., франц. *arriver*). Об этом говорят вполне допустимые в современном языке предложения типа следующего:

(35) Я предпочитаю этот магазин, потому что туда *легче* (или даже: *легко*) *добираться*.

Таким образом, восстанавливается следующий путь семантического развития глагола *добираться* (в процессе которого происходит перераспределение коммуникативной значимости уже имеющихся компонентов): преодоление препятствий для контакта с объектом → перемещение в некоторую точку пространства, сопряженное с преодолением препятствий → перемещение в некоторую точку пространства (сопряженное с преодолением препятствий).

Автор благодарен А. Д. Шмелеву, высказавшему в ходе обсуждения данной работы ряд весьма важных соображений, которые были учтены в окончательном варианте статьи.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Имеется в виду видовая пара *добраться / добираться*. В настоящей статье в качестве представителя этой видовой пары используется форма как сов., так и несов. вида.

² Ответом на вопрос *Как туда добраться?* может быть указание последовательности географических точек — т.е. маршрут «следования», без указания на способ преодоления этих отрезков расстояния. Вообще, вопрос *Как туда добраться?* часто использу-

- ется вместо вопроса *Где находится?* Такая подмена не случайна: на самом деле, мы иначе и не можем при помощи языка передать другому человеку знание о пространственном расположении объекта, как описав воображаемый путь к нему.
- ³ Сочетание *добраться до таможи* может обозначать также перемещение в обычном физическом пространстве; здесь, однако, как следует из контекста, имеется в виду перемещение в «идеальном» пространстве «карьерной лестницы».
- ⁴ Но не «актицелевая» модель *докричаться до хрипоты*, *докупаться до простуды* и т.п. описанная в [3].
- ⁵ В глаголе *пробраться* этот смысловой компонент дублируется значением приставки.
- ⁶ Здесь одновременно имеется в виду также чисто пространственное значение 'оказаться по другую сторону (дороги)'.⁷ Обе идеи — 'далекий' и 'труднодоступный' — заложены в значении приставки *за-*.
- ⁸ Заметим, что у глагола *выбраться* в данном значении модель управления не *откуда* (ср. *выбраться из канавы, из толпы*), а *куда*; ср. о глаголе *выйти* [1]. У глагола *добраться* также появляется, наряду с *до чего*, управление *куда* (*домой, на вокзал, в аэропорт, туда, сюда* и т. п.)
- ⁹ Ср. употребление в этом примере глагола *попасть*, сходного с *добраться* в отношении неконтролируемости.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян Ю. Д. Лексикографический портрет глагола *выйти* // Вопросы кибернетики. Язык логики и логика языка. М., 1990.
2. Зализняк Анна А., Левонтина И. Б. Отражение национального характера в лексике русского языка (размышления по поводу книги: A. Wierzbicka. *Semantics, Culture, and Cognition. Universal Human Concepts in Culture-Specific Configurations*. N.Y., Oxford, Oxford Univ. Press, 1992) // *Russian Linguistics*, Vol. 20, 1996, p. 237—246.
3. Mel'čuk I. Un affixe dérivationnel et un phrasème syntaxique du russe moderne // *Revue des Etudes Slaves*, t. LIX, 1987.
4. Wierzbicka A. *Semantics, Culture, and Cognition. Universal Human Concepts in Culture-Specific Configurations*. N.Y., Oxford, Oxford Univ. Press, 1992.

ЕЩЕ РАЗ О ЗНАЧЕНИИ ИМЕНИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО

0. ВВЕДЕНИЕ

В объяснении языкового термина «имя» в лингвистической традиции до сих пор преобладает «предметная» интерпретация «Имя — слово, реже сочетание слов, называющее, именуемое вещь или человека < . > Внеязыковым основанием (отличия имени от слов других типов — А. К.) служит то, что имя обозначает вещь, тогда как глагол, вообще предикат — признак или отношение, различие же этих внеязыковых сущностей объективно и не зависит от языка [5, 175] Сходным образом определяются существительное и глагол в Русской грамматике-80 «Имя существительное — это часть речи, обозначающая предмет (субстанцию) » [4, 460] «Глагол — это часть речи, обозначающая процесс» [4, 582]

Следует, однако, отметить, что предметная интерпретация имени разделяется далеко не всеми. В наиболее яркой форме ее критика изложена в [1, 168] «Что касается различия между глаголом и именем, часто подвергаемого сомнению, то предлагаемые формулировки сводятся обычно к одной из следующих двух: глагол указывает процесс, имя — объект, или же глагол связан с временем, имя — времени не подразумевает. Мы не первые утверждаем, что оба эти определения неприемлемы для лингвиста < > Противопоставление «процесса» и «объекта» не может иметь в лингвистике ни универсальной силы, ни единого критерия, ни даже ясного смысла. Дело в том, что такие понятия, как процесс или объект, не воспроизводят объективных свойств действительности, но уже являются результатом языкового выражения действительности, а это выражение не может не быть своеобразным в каждом языке. Это не свойства, внутренне присущие природе, которые языку остается лишь регистрировать, это категории, возникшие в некоторых языках и спроецированные на природу < > если «лошадь» — объект, а «бежать» — процесс, то это только потому, что первое — имя, а второе — глагол. < > Так, в языке хупа (Орегон) активные или пассивные глагольные формы 3-го лица употребляются как имена: пасуа «он спускается» — название «дождя», pillic «он течет» — означает «ручеек», паховиллои «прикреплено вокруг него» — значит «пояс» и т. п. < . > Эти замечания пришлось бы повторить и по поводу второго определения, в котором отличительной чертой глагола признается выражение времени < >»

Выяснению категориального значения имени существительного посвящена большая работа А. Вежбицкой ([2, 91]) «Какая разница в значениях имен существительных и прилагательных? Традиционный ответ на этот во-

прос гласит, что существительные используются для обозначения 'сущностей', в то время как прилагательные обозначают 'качества'. Нет необходимости говорить, что ответ такого рода у большинства современных лингвистов вызывает раздражение, и они отвергают его как полностью бесполезный. Однако, поскольку они находят затруднительной замену традиционной формулы на что-то более удовлетворительное, они часто отказываются от самой идеи существования какой-либо семантической основы для разграничения существительных и прилагательных. Это представляется достаточно безрассудным...». Основное семантическое различие между существительными и прилагательными Вежбицкая видит в том, что «существительное указывает на категоризацию; прилагательное, напротив того, указывает лишь на дескрипцию» (там же, с. 96). «Существительные, по крайней мере, прототипические существительные, отличаются от прилагательных тем, что включают в себя понятие 'вида'. Кроме того, они отличаются от прилагательных и тем, что включают в себя субстантивные понятия 'вещь' или 'человек'. 'Вид' — это относительное понятие, 'вид' — разновидность 'чего-то', то есть разновидность вещи или разновидность человека... Собственно говоря, есть достаточные основания полагать, что смыслы 'вещь' и 'человек' принадлежат к числу универсальных элементарных смыслов» (там же, с. 114).

Отдавая должное тонкости и глубине семантического анализа, проводимого А. Вежбицкой в цитируемой работе, следует заметить, что отмечаемые семантические характеристики — категоризация и вид — не обладают на наш взгляд достаточной эксплицитностью, делающей их независимыми от языка, на котором они сформулированы. Скорее следует предположить, что эти характеристики сами базируются на значении существительного. Как кажется, мы понимаем их в значительной степени потому, что и без (и до) них знаем различие между существительным и прилагательным. По-видимому, оставаясь в рамках языка, нельзя сформулировать более эксплицитные характеристики. Это фактически признает и А. Вежбицкая, склоняясь к признанию смысла 'вещь' элементарным.

Мы попытаемся описать категориальное значение существительного (прежде всего, прототипического — предметного существительного) с помощью семантической модели — конструкции, которая, пусть в самом первом приближении, будет схематически отражать ту когнитивную структуру языкового сознания, которая и реализует категориальное значение существительного.

При построении этой модели мы будем исходить из тезиса о том, что основная функция языка состоит в описании окружающей говорящего действительности — в самом широком смысле этого понятия. Эта функция языка проявляется двояко: с одной стороны, говорящий умеет дать воспринятому образу действительности языковое описание — высказывание, фиксирующее своим значением нужные свойства (осмысление) образа, т. е. построить пару типа

Образ действительности \Rightarrow Языковое высказывание.

С другой стороны, слушающий, восприняв это высказывание и не видя стоящего за ним образа (истинного референта), способен воссоздать соответствующий ему образ действительности (гипотетический референт), т. е. образовать пару типа

Языковое высказывание \Rightarrow Образ действительности.

Суммируя сказанное, можно утверждать, что язык — это средство для передачи осмысленного (интерпретированного) образа действительности от говорящего к слушающему. Говорящий воспринял некоторый образ действительности с его характерными свойствами и закодировал высказыванием. Слушающий воспринял это высказывание и декодировал его — воссоздал подходящий образ действительности (возможный референт) высказывания с такими же свойствами (подробнее об этом см. в [3, 41—44]).

Опираясь на этот тезис мы будем искать категориальное значение существительного, пытаясь ответить на такой вопрос: какой аспект внеположной языку действительности это значение описывает и каким образом? При этом основным предметом анализа будет языковая референция существительного к внеязыковой реальности, а основными понятиями — ‘перцептивный образ’ и (его) ‘интерпретация’.

1. МОДЕЛЬ КАТЕГОРИАЛЬНОГО ЗНАЧЕНИЯ ИМЕНИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО

Итак, зададимся вопросом: что в окружающей действительности описывают существительные? Как следует из приведенных выше рассуждений Бенвениста, неверно было бы сказать, что они называют реальные предметы, вещи, поскольку последние изменяются с течением времени (перемещаются, стареют и т. д.). От всех этих изменений категориальное значение существительного абстрагируется. Иначе говоря, значение существительного, соотношенное в акте референции с реальным предметом, или живым существом, выделяет в нем статические свойства и элиминирует динамические (которые затем актуализируются глаголом, присоединенным к существительному).

Обратимся к анализу статических свойств предмета. В референциальном плане основное свойство предмета, отличающее его от признака, отношения, можно сформулировать так: предмет занимает часть пространства, конституирует собою место в пространстве, имеет самостоятельное местоположение, тогда как признак и отношение сами по себе таким свойством не обладают.

Как же именно предмет конституирует область пространства? На наш взгляд, двумя характеристиками: 1) своим перцептивным образом, заполняющим пространство и 2) его основной функцией, или основным свойством, обусловленным этим образом. Рассмотрим в качестве примера предмет стул. Мы представляем его в виде объемного перцептивного образа, заполняющего

место в пространстве (= структура из ножек, сиденья и спинки), и основного свойства этого образа — обеспечивать возможность сидеть одному человеку. Другие примеры. Дерево — это пара, заполняющий область пространства перцептивный образ (= структура из корней, ствола и ветвей) и основное свойство, обусловленное этим образом (его структурой) — жить и расти; аналогично, человек — заполняющий область пространства перцептивный образ (структура из конечностей, тела, головы и др.) и основная функция, обусловленная этой структурой — жить и действовать в пределах задаваемых ею возможностей. Предмет камень можно представить в виде следующей пары: образ — небольшой (сопоставимый с человеком) пространственный произвольной формы и однородной структуры и интерпретация образа — косный (не живой), естественного происхождения, твердый, не хрупкий, нерастворимый в воде, при сильном ударе распадается на части (тоже камни).

Замечание 1. Подчеркнем принципиальное различие между образом и интерпретацией. Образ составляется из непосредственных перцептивных впечатлений об окружающем мире. Эти впечатления имеют статус абсолютной достоверности (нельзя усомниться в том, что видишь). Интерпретация, напротив, составляется из свойств и отношений, которые приписываются образу на основе опыта, знаний, логики и др. Это — гипотезы о скрытых свойствах и потенциальных возможностях образа. Может возникнуть вопрос: почему такие свойства как 'твердый' относятся к интерпретации, ведь твердость мы воспринимаем перцептивно, на ощупь? Дело в том, что обычно первоначально воспринимается только визуальный образ, которому человек приписывает множество других признаков, в том числе, 'твердость / мягкость'. И далее, до тех пор, пока человек тактильно не убедится в правильности своей гипотезы о твердости (или мягкости) образа (а это случается лишь в небольшом проценте случаев), это свойство будет интерпретационным, а не перцептивным. Например, визуально воспринятый муляж камня, сделанный из папье-маше, будет трактоваться нами как настоящий камень, пока мы не убедимся, что он (образ) не соответствует требуемой интерпретации.

Дадим теперь следующее (предварительное) определение.

- (1) Модель категориального значения предметного существительного — это пара, а) перцептивный образ, занимающий некоторую область пространства, и б) основное интерпретационное свойство этого образа.

Конкретное содержание образа, его структуры и свойств задается лексическим значением имени существительного

Замечание 2. Определение (1) опирается на абстрактное понятие ньютоновского пространства. Однако возможен и другой подход. «В архаичной модели мира пространство оживотворено, одухотворено и качественно разнородно. Оно не является идеальным, абстрактным, пустым, не предшествует вещам, его заполняющим, а наоборот, конституируется ими. Оно всегда заполнено и всегда вечно, вне вешей оно не существует» [6, 340]. Подчеркнем, что оба подхода опираются на тесную взаимосвязь между предметностью, «вещностью», с одной стороны, и пространством — с другой.

Очевидно, что ни прилагательные, ни причастия, ни глаголы не соответствуют данному выше определению. Рассмотрим выражение *полосатая лошадь* (зебра). Прилагательное *полосатая* имеет перцептивный образ с известной структурой. Его отличие от перцептивного образа лошади в том, что он не конституирует самостоятельное место в пространстве и потому его структура не задает специфику области пространства. Он лишь описывает характер поверхности пространственного образа лошади. Аналогично, существительное *мешок* называет область пространства с соответствующим образом и функцией (компактно хранить и перемещать сыпучий материал), а прилагательные *полный*, *объемистый*, *рваный*, *ситцевый*, *колхозный*, причастия *расползающийся*, *падающий*, глаголы *наполняется*, *трещит* и др. называют свойства этой области (заполняющего ее образа и его функции), причем такие, которые сами по себе не занимают места в пространстве.

Определение (1) задает несколько более широкий (чем собственно предметные) класс существительных. В него, в частности, входят существительные *дыра*, *яма*, *мираж*, *звук*, *луч*, которые нельзя с полным основанием отнести к предметным существительным. Кажется разумным еще более расширить этот класс. Условимся выражением «область пространства» называть не только объемную, но также плоскостную и линейную часть пространства. Тогда в рассматриваемый класс включатся такие существительные, как *плоскость*, *поверхность*, *линия*, *точка*, *тень*, *пятно* и под. Все они называют двух- или одномерные области пространства, в которых находятся перцептивные образы и несомые ими функции. Ср. существительное *тень* задает локализацию в пространстве образа, а прилагательное *теневая (сторона)* — свойство (уже локализованного) пространственного образа. Вернемся к примеру с зеброй и рассмотрим высказывание *Черно-белые полосы покрывают все шкуру зебры*. Здесь имя *полосы* задает тот же образ, что и прилагательное *полосатая* в выражении *полосатая лошадь*, но с одним важным отличием. Разница в том, что употребляя имя, мы приписываем этому образу самостоятельное положение в пространстве, которое (это местоположение) он и конституирует, а употребляя прилагательное, мы трактуем этот образ как свойство другого пространственного образа — лошади. Аналогичны различия в парах *круг — круглый*, *краснота — красный* и под. В отличие от объемного образа, который всегда конституирует область пространства, плоский образ можно трактовать двояко: как конституент самостоятельной плоской области пространства и как свойство объемной области пространства, поверхности которой он принадлежит.

Не отвечают определению (1) существительные типа *красота*, *бег*, *любовь* и под., поскольку их референты не конституируют областей пространства. Мы считаем, что «существительность» этих слов обусловлена исключительно их грамматической формой. Ср. мнение А. Вежбицкой: «Трудно было бы не согласиться, что *tap* и *stone* более 'ядерные', чем *beauty* 'красота'. Но мне бы очень не хотелось делать из этого вывод, что не существует семанти-

ческих оснований для того, чтобы некоторым 'качественным концептам' давалось именное, а не адъективное обозначение. Наоборот — мне кажется, что если некие 'качественные концепты' получают именное обозначение, вместо адъективного, должны быть достаточные СЕМАНТИЧЕСКИЕ основания для этого» (с. 94).

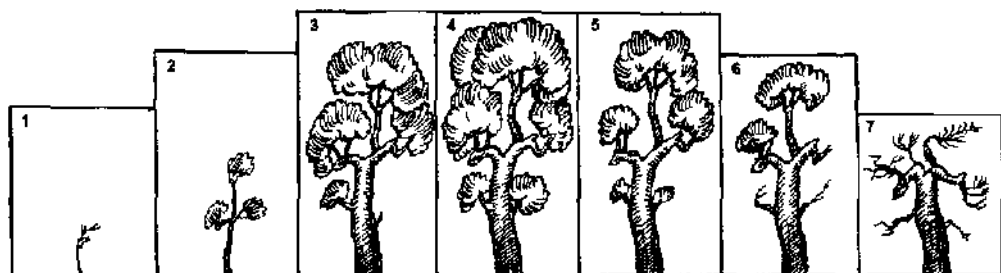
Можно предположить следующие семантические основания для именованья некоторых непространственных образов действительности существительными. Прототипическое существительное, обозначая предметы — исходные элементы пространства — приобретает вторичное категориальное значение — 'исходный, самостоятельный, основополагающий элемент мира', которое закрепляется за его грамматической формой. Называя непространственный визуальный образ существительным *красота*, говорящий тем самым стремится придать этому образу статус самостоятельного, исходного элемента и избежать несомого прилагательным *красивый* статуса 'свойства', 'признака' — вторичной характеристики чего-то уже существующего.

2. ВРЕМЕННАЯ ПРОТЯЖЕННОСТЬ КАТЕГОРИАЛЬНОГО ЗНАЧЕНИЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО

Рассмотрим подробнее специфику перцептивного образа — первого компонента модели значения существительного. Когда мы говорим об образе предмета, например, дерева, перед нашим мысленным взором возникает визуальное представление типичного дерева с корнями, находящимися в земле, стволом и ветвями, расположенными над землей. Этот образ статичен, не связан со временем и имеет статус психологической реальности, поскольку являет собой типичный отклик сознания на восприятие слова *дерево*. Кажется бы, именно он лежит в основе концепта этого слова. Анализ референций предметного имени показывает, что модель базируется не на таком — синхронном — образе, отражающем хоть и типичное, но лишь частное состояние предмета («взрослое дерево»), а на диахронном образе дерева — целой последовательности состояний дерева, отражающей изменения образа дерева в процессе «жизни». И действительно, эта гипотеза легко подтверждается. Выражения типа *потертый портфель*, *Иван в юности / в старости* указывают на то, что модель значения имени содержит разные временные состояния образа, а точнее, их диахронную последовательность, ср.: *Еще недавно этот стул был совсем новый, а сейчас его уже в пору выбрасывать*. Более того, модель содержит самые начальные и самые конечные состояния перцептивного образа, которые еще / уже не соответствуют стандартному образу (и его функции). Действительно, рассмотрим высказывания *Вот мельница. Она уж развалилась* (А. С. Пушкин), *На полу лежал разбитый стакан, Иван собирает шкаф*. В этих примерах существительное (*мельница, стакан, шкаф*) соотносится с референтом, который на стадии либо разрушения, либо возникновения, т. е. в состоянии, не обеспечивающем реализацию его основной функ-

ции (свойства). Казалось бы, эти высказывания должны быть исходно противоречивыми: если развалившаяся, то значит уже не мельница, если разбитый, то значит уже не стакан. Между тем эти референции вполне корректны.

Мы находим этому парадоксу следующее объяснение. Модель значения существительного содержит в себе всю диахронную последовательность состояний референта. Она содержит самые начальные состояния, когда референт зарождается или возникает и не имеет еще своего образа и функции, промежуточные — молодой (новый), взрослый, зрелый, потрепанный, старый, когда образ и функция вполне адекватны, и самые конечные состояния, фиксирующие смерть или разрушение референта, при которых уже утрачивается его обычный образ и функция. Все состояния упорядочены отношением «раньше-позже» и существуют одновременно на некоем статическом отрезке временной оси, фиксирующем протяженность «жизни» референта. Ясно, что они представляют типизированную «жизнь» типизированного референта. Если вернуться к диахронному образу дерева, то его можно представить в виде последовательности прямоугольников на статическом интервале времени T , в каждом из которых изображен образ дерева, соответствующий его возрасту: сначала росток, затем саженец (маленькое юное деревце), затем более взрослое, затем дерево в расцвете, затем старое и, наконец, мертвое (засохшее или сгнившее) дерево. Первые и последние прямоугольники ниже остальных, что указывает на то, что их состояния не обладают характерной структурой и функцией дерева в полной мере, см. рисунок

Акт референции имени к реальному предмету состоит в том, что одно или несколько состояний типизированного диахронного образа заменяются конкретными состояниями воспринятого предмета. Тем самым модель становится носителем состояний конкретного референта. Например, порождая высказывание *Смотри, какое красивое дерево* — говорящий заменяет типизированный образ в прямоугольнике «дерево в расцвете» реальным образом референта (наблюдаемого дерева). При этом остальные состояния диахронного образа остаются пока прежними. Однако, если говорящий продолжит высказывание .. *а еще несколько лет назад это был хилый саженец*, образ в прямоугольнике, изображающий типизированный саженец, будет заменен хранящимся в сознании говорящего более ранним образом «хилого саженца». Слу-

шающий, если даже он не видел этого более раннего образа, тоже сделает замену этого образа в своей модели (диахронном образе) дерева, но не на конкретный образ (он его не видел), а на типизированный образ «хилого саженца». Появится второе состояние диахронного образа, уточненное прежним образом реального референта.

Если мы видим разбитый стакан, то модель существительного *стакан* соотносится с воспринятым образом своей конечной частью, в которой образ и функция стакана утрачены. Однако наличие в модели всей предыдущей «жизни» референта, его прошлого, воссоздающего нормальный образ и функцию, дают основание текущий частично распавшийся образ называть стаканом. Заметим, что распавшийся (или еще не возникший в полной мере) образ должен все-таки как-то напоминать нормальный образ. Если от стакана остались лишь мелкие осколки, референция *разбитый стакан* не будет корректна (можно лишь сказать *осколки стакана*). Аналогично с мельницей и шкафом.

Назовем рассмотренную выше «возрастную» последовательность типизированных перцептивных образов, имеющих на интервале T одинаковую пространственную структуру и определяемую ею функцию (за исключением, быть может, начального и конечного образов), диахронным образом.

Дополним определение (1).

- (2) Модель категориального значения имени существительного — это пара: а) занимающий некоторую область пространства диахронный образ, заданный на интервале T времени его «жизни», и б) обусловленное им (его пространственной структурой) интерпретационное свойство.

Подчеркнем, что отрезок времени T не придает модели временной характеристики, поскольку на всем интервале диахронный образ — носитель одного и того же свойства, не меняющегося со временем.

Определение (2) фактически отвечает на вопрос: что такое «лингвистический предмет» и чем он отличается от реального предмета (внеязыковой реальности)? В более лаконичной формулировке можно сказать, что «лингвистический предмет» — это диахронный пространственный образ, определенный вместе со своим интерпретационным свойством на некотором интервале времени T .

Проиллюстрируем роль диахронного образа для объяснения механизма референции имени еще на одном примере. Рассмотрим следующую фразу. *Моей маме уже восьмой десяток, а на этой фотографии ей пять лет.* Модель имени *мама* содержит сложный диахронный образ, составленный последовательно образами «девочка», «девушка», «женщина», «беременная женщина», «рожающая женщина», «женщина, с рожденным ею ребенком» и т. д. В акте референции этой фразы состояние «пожилая женщина» в диахронном образе будет заменено реальным образом пожилой женщины (референтом имени *мама*), а одно из начальных состояний «маленькая девочка» — образом на фотографии. Аналогично объясняются референции существительных типа *вдова*, *экс-чемпион* и под.

ЛИТЕРАТУРА

- 1 Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., Прогресс, 1974.
- 2 Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. М., Языки русской культуры, 1999
- 3 Кошелев А. Д. Описание когнитивных структур, составляющих семантику глагола *ехать* // Логический анализ языка. Языки динамического мира., Дубна, 1999.
4. Русская грамматика. Т. I. М.: Наука, 1980.
5. Степанов Ю. С. Имя // Лингвистический энциклопедический словарь, М.: СЭ, 1990.
- 6 Топоров В. Н. Пространство // Мифы народов мира. Т. 2 М.: СЭ, 1992.

ТИП КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ПРОСТРАНСТВА И СЕМАНТИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА ГЛАГОЛА (ГРУППА *ПОПАСТЬ*)*

СОСТАВ КЛАССА

Семантические парадигмы (вроде синонимических рядов, семантических классов, тематических групп лексики), в отличие от формальных парадигм, заранее не заданы. Языковые единицы включаются в эти парадигмы — с той или иной степенью произвольности или мотивированности — на основании наличия у них общих семантических признаков, причем по разным признакам слово может входить в разные парадигмы.

Мы рассмотрим одну из таких парадигм — группу глаголов перемещения *влезть, забраться, залезть, оказаться, очутиться, попасть, пробраться, пролезть, прокрасться, проникнуть, проскользнуть, угодить* — с точки зрения особенностей концептуализации пространства (речь пойдет только о глаголах «прибытия», но не о глаголах убытия / удаления типа *исчезнуть, пропасть, ускользнуть* и под.).

Центром этой группы является глагол *ПОПАСТЬ* с управлением «КУДА» (который мы будем использовать для обозначения всей группы). К этому центру примыкают две разных подгруппы: с одной стороны — «КУДА»-глаголы: *ВЛЕЗТЬ, ЗАЛЕЗТЬ, ЗАБРАТЬСЯ, ПРОБРАТЬСЯ, ПРОНИКНУТЬ, УГОДИТЬ* (куда) и др., с другой стороны — «ГДЕ»-глаголы: *ОЧУТИТЬСЯ, ОКАЗАТЬСЯ* (где), (а также *ПОЯВИТЬСЯ*, который в ряде значений предполагает пространственное перемещение (*вдали появился пешеход; мне сегодня обязательно нужно появиться на работе*), но который мы рассматривать не будем). Сначала обратимся к группе «куда»-глаголов.

АСПЕКТУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ

С точки зрения аспектуальных свойств обсуждаемый класс достаточно неоднороден: у некоторых глаголов вообще нет актуального НСВ (*попадать, проникать*), а интервал деятельности обозначается другим глаголом или оборотом с *пытаться*: *пытался попасть / проникнуть*; есть случаи, когда интервал деятельности обозначается непарным по виду глаголом с тем же корнем: *влезть — лезть*; и даже есть случаи (периферийные и нехарактерные), когда интервал движения обозначается парным глаголом несовершенного вида: *пробраться — пробираться*. Обозначение интервала деятельности однокоренным или парным по виду глаголом возможно, однако, лишь для «физического»

* Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 99-04-00262а) и INTAS (проект № 96-0085).

движения (*лез / залезал на дерево; пробирался между рядами*); если движение не исчерпывается своей физической составляющей, интервал движения невыразим (ср.: *Вор залез / забрался / пробрался в квартиру — *Вор долго лез / залезал / забирался / пробирался в квартиру*).

Наиболее типичная (и закономерная, как будет видно из дальнейших рассуждений) ситуация — отсутствие актуального НСВ (ср. парадигматический для данной группы глагол *попасть*). Глаголы с такими аспектуальными свойствами называют по-разному: достижения (или, в неконтролируемом значении, — происшествие), моментальные глаголы (ср. [1]; [2]; [3]). Особенность этих глаголов в том, что изображаемое событие сосредоточено в одном моменте, хотя этому моменту что-то предшествует, а в соответствующих типах ситуаций (*конатив, достижение, происшествие*) результат не накапливается шаг за шагом, а возникает сразу, скачком.

Причины такой «точечной» концептуализации ситуации, которая в принципе имеет подготовительную фазу (интервал), для разных семантических классов глаголов разные. Что означает в нашем случае (т.е. для глаголов пространственного перемещения) отсутствие актуально-длительного, процессного НСВ? Это означает невыразимость интервала движения, невыразимость пути.

В «школьно-геометрической» картине мира (термин «школьная», в противоположность наивной или научной картине мира используется Е. В. Урысон) пространство мыслится как пустое и совершенно однородное вместилеще предметов. В языковой картине мира (так же, как и, например, в мифологической) пространство неоднородно: в нем выделяются фрагменты свои и чужие, ближние и дальние, известные и неизвестные, освоенные и неосвоенные, доступные и недоступные, «разрешенные» и «запрещенные», важные и безразличные. Стандартная модель перемещения внутри «школьно-геометрического» пространства предполагает три основных элемента: исходную точку, конечную точку и путь (траекторию движения, соединяющую эти точки и проходимость субъектом движения). Если в реальном физическом пространстве субъект движения переместился из одной точки в другую (*попал в квартиру; залез в погреб; проник на склад* и т. п.), то путь обязательно был (субъект двигался по какой-то траектории, соединяющей начальную и конечную точки). А в языковой концептуализации ситуации движения интервала между начальной и конечной точками («пути») может не быть — или он может оказаться «не в фокусе», неакцентированным (и неакцентлируемым), неопределенным и т. д.

Почему у глаголов группы *попасть* путь (интервал движения) невыразим или плохо выразим?

Хотя эта группа в каких-то отношениях (управление, контролируемость, таксономическая категория глагола (*конатив, достижение, происшествие*) и др.) неоднородна, однако входящие в нее глаголы имеют одно важное семантическое сходство, которое и легло в основу их объединения, — это способ концептуализации пространственного перемещения, в свою очередь связанный с особенностями концептуализации пространства.

При всех различиях, у перечисленных глаголов обнаруживается некоторый «инвариант», общая идея, которая состоит в том, что между исходной и конечной точкой нет прямого пути, или нет простого пути. Эти точки не соединяются каким-то очевидным и тривиальным способом (или вообще не соединяются), перемещение в конечную точку не контролируется (или не полностью контролируется) субъектом движения в силу наличия каких-то трудностей или препятствий, и, следовательно, попадание в конечную точку является не гарантированным, а всего лишь вероятным. Одна из наиболее характерных трудностей (но не единственная!) заключается в том, что конечная точка (цель движения) находится в «закрытом», в том или ином отношении недоступном пространстве.

Ниже мы попытаемся показать, что особенности концептуализации пространства являются источником семантических свойств глаголов группы ПОПАСТЬ и обуславливают их языковое поведение

ОСОБЕННОСТИ ДЕНОТАТИВНОЙ СИТУАЦИИ. ТИПЫ ТРУДНОСТЕЙ И ПРЕПЯТСТВИЙ

Итак, наличие неконтролируемых субъектом движения факторов (разного рода препятствий, помех, трудностей и т.п.) приводит к неполному контролю над ситуацией и снижает вероятность достижения результата — перемещения в заданную точку. Эти факторы, как и сами типы пространства, в котором находится конечная точка (цель), могут быть разными.

Физические трудности и преграды на самом пути.

Эта особенность ситуации перемещения отмечается словарями в виде компонентов ‘с трудом’ и ‘преодолевая препятствия’.

ПРОБРАТЬСЯ — «пройти сквозь что-л., преодолевая препятствия». *пробраться сквозь толпу / к ручью сквозь чащу / через черную грязь водопоя,*

ПРОНИКНУТЬ — «преодолев какую-л. преграду, оказаться внутри чего-л.»

Необычный (и трудный для человека) способ перемещения.

Глаголы **ВЛЕЗТЬ** (*карабкаясь, цепляясь, забраться .'), **ПРОЛЕЗТЬ**, **ЗАЛЕЗТЬ**, **ЗАБРАТЬСЯ** (*залезть, вскарабкаться .') и **ПОД** в своих исходных значениях предполагают перемещение при помощи («с использованием») рук

Незнание пути в намеченную точку, ср. Как мне попасть на вокзал?

«Закрытость» пространства, в котором находится цель — конечная точка.

Часто трудности перемещения связаны с закрытостью пространства, куда хочет попасть субъект. Наиболее показателен здесь глагол **ПРОНИКНУТЬ**

В пещеру можно проникнуть лишь ползком (МАС) (пещера — закрытое пространство). Другой пример из МАС — *проникнуть в глубину пустыни* — замечателен тем, что пустыня, как следует из ее названия, — это пустое пространство, т.е. там нет стен, заборов, рек и тому подобных естественных преград. Тем не менее центр пустыни мыслится (концептуализован) как отделенный и труднодоступный, и в этом смысле его можно приравнять к закрытому пространству.

Та же идея закрытости и преграды есть в других значениях, не связанных с человеком, ср.: *Запах созревающего хлеба проник в вагон; Свет проник сквозь утренний туман* и т.п.

Другие люди.

Помехой, препятствием могут быть другие люди: например, потому, что они сами стремятся попасть в ту же точку (в то же пространство) и являются «конкурентами», ср. *трудно попасть в этот университет / к этому врачу (слишком много желающих)*; или потому, что другие люди могут увидеть, как субъект перемещается в конечную точку, а для него это по каким-то причинам нежелательно; в таких ситуациях употребляются глаголы ПРОБРАТЬСЯ, ПРОКРАСТЬСЯ, ПРОНИКНУТЬ, ПРОСКОЛЬЗНУТЬ, а характерные контексты здесь — *тайком и незаметно*, ср.: *Прячась от мамы, Настя тихонько прокралась к себе, заперлась*.

Нефизические препятствия, ср.: *Так и не удалось попасть в Большой театр: не смог достать билет*.

Социальные запреты.

Один из характерных видов нефизических препятствий — запрет: субъект хочет переместиться в такое пространство или место, где ему не положено находиться, ср.: *преступники проникли на склад; воры залезли в дом; Уж не вор ли ко мне забрался?* Иногда этот моральный запрет подкрепляется и «физическими» трудностями, специально создаваемыми другими людьми, — охраной, замками и т.п.: *Проводники не давали проникнуть в вагон без билета* (интересно, что в этом примере «физически» вагон как раз открыт, и нарушители могут войти туда через дверь; но благодаря выбору глагола *проникнуть* он концептуализован как закрытое пространство, ср. *Нарушители вошли в вагон без билета*); *Усадьба имела вид цитадели, в которую лихому человеку проникнуть было очень трудно*. Глагол *проникнуть* предполагает не только труднодоступное или запрещенное пространство, но и чужое. Поэтому странно сказать: *Проник к себе в кабинет*, — даже если человеку это по каким-либо причинам трудно или запрещено.

В заключение отметим, что конкретные типы «трудностей» и препятствий — это особенности ситуации, а не семантики глагола. В самих глаголах содержится лишь общая идея наличия таких препятствий в ситуации перемещения, которая и предопределяет выбор для обозначения этой ситуации глагола из группы ПОПАСТЬ, а не глагола «тривиального» перемещения типа *прийти, войти, подняться* и т.п.

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЯ

Неполная контролируемость является источником различных семантических особенностей и семантических противопоставлений, в которых участвуют как разные глаголы (или даже группы глаголов), так и разные значения одного и того же глагола.

Характерное для данной группы семантическое противопоставление — «удача vs. случайность» — с наибольшей полнотой представлено значениями глагола ПОПАСТЬ. Первый член из приводимых ниже пар соответствует ситуации, когда субъект хотел оказаться в некоторой точке (или хотел, чтобы объект оказался в некоторой точке), хотя это не полностью от него зависело («удача»), второй член противопоставления соответствует ситуации, когда субъект

ект оказался в некоторой точке не по своей воле или даже вопреки ей (или объект оказался в точке прибытия независимо от воли / намерения субъекта — 'случайность'):

1) *стрелявший попал прямо в сердце* (целился) vs. *попал камнем в окно* (случайно),

(это ситуация броска, выстрела и т.п., которую мы в данной работе не рассматриваем, но на которую, как видно из примеров, тоже распространяется противопоставление «удача»-«случайность»);

2) *с трудом попал ключом в замочную скважину / ногой в стремя* vs. *попал ногой в лужу*;

3) *долго блуждал по лесу, пока не попал на тропинку* vs. *он не помнил, как попал сюда* ('хотел, но не знал дороги' vs. 'случайно');

4) *попасть на концерт / на прием к врачу / в институт* (хотел) vs. *попасть под дождь / в аварию / в плен / под суд / в дурное общество* (не хотел).

Семантический сдвиг от неполной контролируемости (достижение) к полной неконтролируемости (происшествие) вполне закономерен: если результат не накапливается, а возникает «моментально» и к тому же не полностью зависит от субъекта, то он может возникнуть и сам по себе, случайно (теперь уже не в качестве результата, а в качестве случайного изменения мира).

Такое же противопоставление «удачи» vs. «случайности» (соответствующее противопоставлению «намеренности» vs. «ненамеренности»), есть и у многих других глаголов, у которых интервал деятельности не предполагает накопления результата (т. е. у моментальных глаголов, ср., напр., *разбудить, найти, вспомнить, пропустить, загородить, задержаться, остаться* и т. п.). Интересно, что у глаголов *разбудить, найти, вспомнить*, как и у *попасть*, наряду с более общей идеей неконтролируемости результата (которая, несомненно, связана с моментальностью), обнаруживается и более частная идея закрытого и / или недоступного пространства (и вообще изолированности, несоединенности исходной и конечной точек, ср. *будить Y-a* — объект Y как бы находится в другом пространстве (пространстве сна) и потому недоступен; *искать ключ* — к объекту нет доступа, прямого и известного пути (хотя физически он может быть совсем рядом, концептуально он — в другом пространстве), *вспоминать* — неизвестно, где находится информация и как ее извлечь (недоступна).

Следующее семантическое противопоставление (реализуемое разными значениями одного и того же глагола) — физические трудности (препятствия) vs. этические запреты *залез под стол — залез в чужую квартиру; проник в пещеру — проник в вагон без билета, забрался на дерево — на склад готовой продукции* и т. п. При этом этический запрет является уже не просто характеристикой денотативной ситуации — неодобряемость, осуждаемость действия, его несоответствие социальным нормам может становиться частью семантики глагола и отражаться в словарях с помощью таких компонентов, как «ловкостью, хитростью, втереться» (*влезть в доверие*), «непрошено, без позволения, бесцеремонно» (*Ишь ты, влез в гостиную, расселся* . — прост); и т.п.

Семантический сдвиг от физического к «моральному» и вообще оценочно-психическому достаточно распространен и встречается в разных классах лексики, например, у прилагательных (ср. *тяжелый камень* — *тяжелая утрата* / *тяжелый характер*, *горячий чай* — *горячее участие* и т.п.) Гораздо более нетривиальное семантическое противопоставление, свойственное расматриваемому классу глаголов, — это противопоставление, условно говоря, «красивых» и «некрасивых» действий: не в этическом, а в эстетическом смысле.

С одной стороны в этом противопоставлении участвуют глаголы *влезть*, *залезть*, *пролезть*, *забраться*, *пробраться* (ср. также *карабкаться*), а с другой — *проникнуть* и *проскользнуть* (а также, конечно, *выскользнуть*, *ускользнуть* и т.п., не входящие в нашу группу). Сами по себе глаголы группы *лезть* никаких специальных трудностей и препятствий не обозначают (и в словарях у них такие компоненты не отмечаются). Однако они предполагают нестандартный для человека способ перемещения — с участием рук (это ненормально — все равно что ходить на четвереньках). Интересно, что глаголы *забраться*, *пробраться* и т.п., соответствующие видам движения, в котором руки участвуют не всегда и не обязательно, образованы от *брать*, т.е. этимологически связаны с руками. Из-за такого ненормального способа перемещения у обсуждаемых глаголов возникает идея неполной контролируемости, а из нее развиваются отрицательные коннотации.

Причем идея чего-то не очень хорошего или даже предосудительного сохраняется у этих глаголов и в других значениях, с руками уже совершенно не связанных, — и, может быть, в этих значениях она проступает особенно явно, ср. *залезть / забраться в чужую сумку / квартиру*; *волосы лезут* (звучит гораздо хуже, чем *выпадают*, хотя это одно и то же); *влез без очереди*, *влез в разговор*, *не лезь, куда тебя не просят*; *лезет на рожон*; *лезет в бутылку*; *лезет в душу*, *пролез в губернаторы* и т.п.

С другой стороны, *скользить* — это красиво, эта ситуация имеет эстетический аспект и положительные коннотации (за исключением редких случаев типа *ноги скользят по льду* или *скользкий человек* — впрочем, прилагательное вообще устроено существенно иначе), ср. *Лодка скользит по водной глади*. Соответственно, глаголы *проскользнуть*, *ускользнуть* и т.п. обозначают в эстетическом плане положительно оцениваемые действия, даже если они этически предосудительны и «денотативно» отрицательны (ср. *Преступник в очередной раз ускользнул от милиции*). То же относится к глаголу *проникнуть*: *Мы должны попытаться проникнуть в психологию Коваля* (*проникнуть в психологию* звучит намного лучше, чем *влезть в душу*, хотя фактически происходит именно это).

Вообще, связь неконтролируемости и отрицательности (отрицательной оценки) естественна и закономерна. предсказуемость, упорядоченность, «космос» всегда лучше, чем случайность, неупорядоченность и хаос. Очень показательное усиление отрицательности имеет глагол *угодить* по сравнению с глаголом *попасть*. *Попасть* может обозначать, наряду с совершенно случайными и ненамеренными ситуациями-происшествиями (*попал в лужу / в кап-*

кан / под дождь), желательные и намеренные действия-достижения (*попал на прием к модному психоаналитику*) В зависимости от этого *попасть* может оцениваться и отрицательно, и положительно *Угодить* — это всегда неконтролируемо, случайно, ненамеренно и всегда плохо, а, кроме того, нередко связано с прямым вредом или ущербом субъекту (ср. *Темь страшная, чего доброго в люк угодишь, Бежал за последним вагоном, едва не угодил под колеса*) Особенно показательно употребление этих глаголов в контексте одних и тех же существительных, ср. *попал на флот* (может быть и хорошо — если хотел, и плохо — если не хотел), *угодил на флот* — только плохо (например, потому, что служить не два года, а три) Контекст *угодить* любой ситуации (даже «экстралингвистически положительной») навязывает отрицательную оценку, ср. *угодил в Президиум АН, в Государственную Думу, в Большой театр по распределению*

Если в случае физического пространства его закрытость (и, как следствие, — труднодоступность конечной точки) — это всего лишь частный случай трудностей, препятствий для движения, то практически все виды нефизических пространств (социальных, психологических, ментальных) концептуализованы как закрытые — как замкнутые сферы, ср. *попасть в комиссию по расследованию / в институт, проникнуть в психологию, лезть в душу* и т.п. Впрочем, глагол *попасть*, в отличие от глагола *проникнуть*, не обязательно связан с закрытым пространством и вообще с пространством; он может относиться к участию в какой-то деятельности, зрелищах, мероприятиях и т.д. и при этом иметь другое управление (предлог НА), ср. *попасть на концерт / на вечер / на собрание / на казнь / на флот* Между тем глагол *проникнуть* предполагает закрытость, замкнутость пространства, даже если он управляет предлогом на, ср. *Преступники проникли на склад готовой продукции*, более того, мероприятия концептуализуются в контексте этого глагола как своего рода закрытые, труднодоступные пространства (*Как этим хулиганам удалось проникнуть на собрание партхозактива?*)

Таким образом, наличие неконтролируемых субъектом факторов в динамической, предшествующей результату фазе ситуации, — факторов, делающих достижение результата в той или иной степени случайным, «необязательным», негарантированным, непредсказуемым, а всего лишь вероятным, выстраивает целую концептуальную сеть взаимосвязанных признаков, семантических сдвигов, переходов и следствий, которые характеризуют не только физическое, но и нефизические пространства закрытость пространства → трудность перемещения, наличие трудностей → неполная контролируемость → случайность результата, трудность (ненормальный способ) передвижения → незстетичность, трудность проникновения → незтичность, закрытость пространства → незтичность (запрещенность) проникновения и т.д.

«ГДЕ»-ГЛАГОЛЫ

«Где»-глаголы *очутиться* и *оказаться* образуют особую группу, особый ряд, соединяющийся с рядом «куда»-глаголов только в одной точке — через глагол *попасть*.

Ситуации, концептуализованные глаголами *очутиться* и *оказаться*, не предполагают проникновения в закрытое пространство и вообще каких-либо явных трудностей и препятствий. Тем не менее эти глаголы используются в толковании глагола *попасть* (практически в качестве его синонимов; и наоборот: *попасть* используется в толкованиях *очутиться* и *оказаться*). Кроме того, эти глаголы имеют целый ряд общих признаков с «куда»-глаголами: они моментальные, у них невыразим путь (хотя он, несомненно, есть), т.е. они не имеют процессного значения НСВ; *очутиться* всегда обозначает неконтролируемую ситуацию и т.д.

Общая черта глаголов *попасть*, *оказаться* и *очутиться* — идея случайности, «неполной» вероятности, неполной предсказуемости (если угодно — неожиданности, неизвестности заранее) того, что субъект будет находиться в некоторой точке пространства. Если для *попасть* эта идея — следствие неполной контролируемости перемещения, то для *оказаться* и *очутиться* она является, так сказать, исходной, основной.

Переход от трудностей к случайности и неожиданности вполне объясним — они связаны через незнание. Для *оказаться* и *очутиться* незнание — обязательный компонент, обязательная предпосылка их употребления: субъект не знал, в какой точке пространства он будет находиться в некоторый момент времени и, возможно, вообще не знал, что на его пути есть такая точка, ср.: *Он прошел по винтовой лестнице и оказался / очутился в круглом зале* (*оказаться* может обозначать и заранее запланированное перемещение в определенную, известную точку, к которому сказанное, естественно, не относится, ср.: *Постарайся оказаться там раньше милиции*).

Итак, в случае *оказаться* или *очутиться* субъект находится в некоторой точке случайно (точнее было бы сказать — он обнаруживает себя в некоторой точке пространства, характерные контексты — *вдруг* и *неожиданно*). В случае *попасть* он тоже находится в точке прибытия до известной степени случайно и до этого момента точно не знал (не мог быть полностью уверен), будет ли он находиться в этой точке.

Таким образом, «где»-глаголы прибавляют к нашей концептуальной сети семантических признаков и переходов еще ряд соотношений: неконтролируемость → случайность → непредсказуемость → неизвестность → неожиданность.

* * *

Итак, неполная контролируемость движения, порождаемая различными трудностями и препятствиями и, в свою очередь, порождающая (относительную) непредсказуемость и случайность результата, является источником определенных особенностей концептуализации пространства (закрытость, отсутствие пути и т.п.) и их многочисленных семантических следствий, которые затем переносятся с физического пространства на другие типы пространств.

ЛИТЕРАТУРА

1. Булыгина Т. В. Семантические типы предикатов. М., 1982.
2. Апресян Ю. Д. Глаголы моментального действия и перформативы в русском языке // Русистика сегодня. Язык: система и ее функционирование. М., 1988.
3. Падучева Е. В. Семантические источники моментальности русского глагола в типологическом ракурсе // Типология вида. Проблемы, поиски, решения. М., 1998.

НАПРАВЛЕНИЕ ДВИЖЕНИЯ (ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ)

В данной статье представлено типологическое исследование ряда языков различного грамматического строя, посвященное конструкциям, содержащим семантику перемещения. Сперва определяется множество конструкций, которые были подвергнуты анализу, затем предлагается система типологических признаков, и в конце работы приводятся полученные классификационные результаты. В качестве материала исследования рассматривались 10 языков различного грамматического строя и генетической принадлежности: аварский, ба-мана (группа манде семьи нигер-конго), вепсский, немецкий, новогреческий, русский, сонгай (генетическая принадлежность окончательно не установлена), суахили (банту), сусу (группа манде семьи нигер-конго), фула (западноатлантическая группа семьи нигер-конго).

I

Конструкции, несущие в себе семантику перемещения, являются не абстрактными семантическими объектами, а произведениями естественного языка, поэтому вопрос о наличии в предложении данного семантического компонента не всегда прост. Так, например, можно ли считать, что семантика перемещения присутствует в таких текстах, как:

(1) Он вчера был в Ленинграде, но завтра обязательно будет на нашем собрании.

(2) Мои часы показывали полночь, и до выступления наших войск оставались считанные минуты.

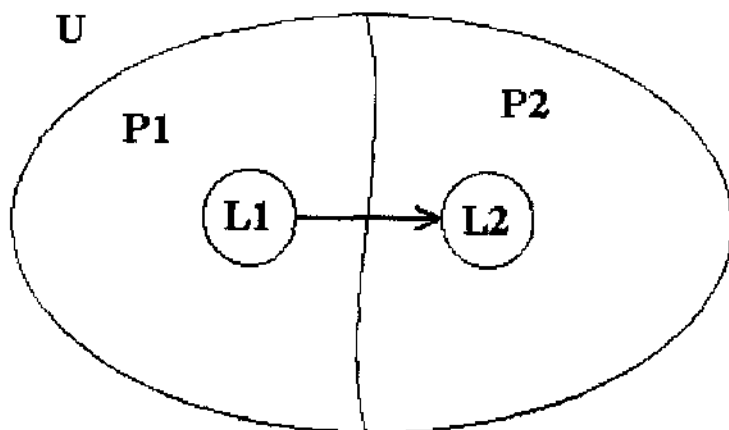
Различные семантические компоненты (в том числе и перемещение, и направление) могут присутствовать не явно, а «за текстом», то есть принадлежать не собственно семантике речевого произведения, а тем смысловым выводам или пресуппозициям, которые непосредственно связаны с этой семантикой. В предлагаемой работе речевые произведения такого рода не изучаются. В центре внимания остается достаточно четко определяемый класс конструкций, отражающих соответствующий феномен в данном языке.

Для определения этого класса конструкций использовались два основных критерия:

1) Присутствие в предложении предикатного слова, представляющего собой глагольную форму, с семантикой «перемещения»;

2) Наличие у этого предикатного слова хотя бы одного именного аргумента, позволяющего говорить о конкретной локализации перемещения.

Глубинную семантику понятия перемещения можно пояснить следующей картинкой:

Пусть U — это пространство в целом, и существуют некоторые точки пространства $L1$ и $L2$. Если в некоторый момент времени субъект находился (находится, будет находиться) в точке пространства $L1$, а в некоторый другой момент времени находился (находится, будет находиться) в точке пространства $L2$, то можно считать, что он совершил (совершает, будет совершать) перемещение. Текст, семантическое представление которого совместимо с приведенной картинкой, можно идентифицировать как содержащий глубинную семантику перемещения.

В том случае, если семантика предложения позволяет констатировать наличие в пространстве некоторой условной границы, разбивающей его на две части — $P1$ и $P2$, и при этом $L1$ находится в одной из этих частей, а $L2$ — в другой (т.е. в предложении сказано, что субъект перемещения находился в $P1$, а стал находиться в $P2$), представляется возможным говорить о семантике направления. Например, в предложении

(3) Он подошел к дереву

$L1$ — это некоторая невыраженная в поверхностном представлении предложения точка пространства, где исходно находился субъект перемещения; $L2$ — точка пространства «дерево»; $P2$ — часть пространства около $L2$ (дерева), в которой стал находиться субъект перемещения; $P1$ — часть пространства, не являющаяся $P2$, где исходно находился субъект перемещения. Пересечение субъектом условной границы, разделяющей две части пространства, и является свидетельством факта перемещения.

Поскольку, с точки зрения субъекта перемещения, одна точка пространства является исходной ($L1$), а другая — конечной ($L2$), движение субъекта перемещения относительно $L2$ имеет лативный (в направлении к), а относительно $L1$ — элативный (в направлении от) характер.

Таковы принципы отбора материала для исследования. Кроме указанных выше критериев (предикатом является глагол перемещения, и в предложении выражена локативная группа) требовалось, чтобы предложение было повествовательным и имело выраженный субъект. Говоря иными словами, исследова-

лись лишь предложения, являющиеся переводными эквивалентами конструкции $S-V-L_1-[L_2]$ в русском языке, где S — это субъект (произвольное существительное или местоимение), V — глагол движения из списка {идти, ехать, бежать, лететь, ползти, плыть, лезть} или производный от него, L_1, L_2 — именные группы, выделяющие некоторую точку пространства (как правило, одну или две).

Ограничения определенного рода накладывались и на глаголы перемещения, перечисленные выше. Так, например, анализ предложений:

(4) Охотник ходит по лесу

(5) Корова идет по дороге

(6) Крестьянин идет из деревни в город

позволяет утверждать, что в предложении (4) речь идет о ненаправленном перемещении, поскольку в нем невозможно определить ни начальную и конечную точку движения, ни его траекторию. Признак «направление» здесь не определен, и, следовательно, это предложение не должно включаться в материал данного исследования.

Принципиальное для поставленной задачи различие отмечается между предложениями (5) и (6). Несмотря на то, что в них используется один и тот же глагол, смысл его не одинаков. Если в предложении (6) начальная и конечная точка явно присутствуют, и тем самым можно определить направление перемещения субъекта, то в предложении (5) сообщается лишь о факте перемещения субъекта, но вовсе не о тех элементах его траектории, которые могли бы определить направление движения. Такого рода предложения, для которых не определяется направление перемещения, были также исключены из рассмотрения.

Исследуемым предложениям была поставлена в соответствие модель $V(S;L_1;L_2)$, где L_1 и L_2 — это некоторые точки пространства (далее — ориентиры), S — субъект перемещения, а V — предикация, определяющая отношения между L_1, L_2 и S . При этом L_1 соответствует исходной точке движения, а L_2 — конечной точке движения. Так, например, предложению

(7) Сосед ушел с базара домой

соответствует модель $V(\text{сосед}; \text{базар}; \text{дом})$. Ориентиры не всегда явно выражены в предложении, то есть, не всегда можно указать именные группы, отвечающие выделяемым ориентирам. Так, предложениям

(8) Я пришел в кино

(9) Птица улетела

будут соответствовать модели $V(\text{я}; \text{не кино}; \text{кино})$ и $V(\text{птица}; X; \text{не } X)$, где X — некоторый не определенный в предложении ориентир (птица находилась в некоторой части пространства, а затем перестала в ней находиться).

Кроме ориентира, выраженного в поверхностном представлении предложения, и «неопределенного» ориентира X в качестве ориентира может использоваться положение наблюдателя.

Например, в предложении

(10) Он пришел из магазина

неявно присутствует наблюдатель (см. [1]), который является конечной точкой перемещения субъекта предложения. Предложению (10) в соответствие можно

поставить модель V(он; магазин; N), где N — ориентир, соответствующий положению наблюдателя. В русском языке отсутствуют специальные средства, выражающие положение наблюдателя. Например, в предложениях

(11) Он пришел в магазин

(12) Он ушел из магазина

которым соответствуют модели V(он; X; магазин) и V(он; магазин; X) не содержится информации о том, где находится наблюдатель. В отличие от русского в ряде языков присутствуют те или иные средства, которые можно считать специально предназначенными для этой цели. Например, в сонгай есть пара глаголов, семантика которых различается только положением наблюдателя:

(13) zanka ka kouga ga

мальчик идти к N деревня в

Мальчик пришел в деревню (по направлению к наблюдателю)

(14) zanka kou kouga ga

мальчик идти от N деревня в

Мальчик пришел в деревню (по направлению от наблюдателя)

(где N — положение наблюдателя)

То есть из предложения (13) можно понять, что наблюдатель находится в деревне, а из предложения (14) — что наблюдатель находится вне деревни.

Составляющая модели V содержит в себе ряд семантических компонентов, из которых наиболее тесную связь с направлением имеют два компонента: способ перемещения и локализация. Так, различие пар предложений

(15) Мальчик подошел к дереву vs Мальчик подполз к дереву

(16) The hunter walked to the village vs The hunter run to the village

заключено только в том, каким именно способом осуществляется перемещение субъекта. Во многих языках в конструкциях с глаголами движения используется отдельная лексема для выражения этого компонента (этот факт играет немаловажную роль в классификации Толми [2]), например:

(17) аварский:

was skolafuwe wekerumo waRanaw wugo

мальчик школа-Иллатив бежать (Деепр.) движется

Мальчик бежит в школу (дословно: Мальчик в школу бегом движется)

В большинстве случаев в языках, где способ перемещения выражается отдельной отглагольной словоформой, ее появление в предложении факультативно.

Предложения с глаголами перемещения можно разделить на два класса, положив в основу признак «способ перемещения». В первый класс попадут конструкции, содержащие глаголы со значением 'идти' (которые используются во многих языках в том случае, когда выражение способа перемещения не требуется), во второй — конструкции с остальными глаголами ('бежать', 'лететь', 'ползти' и т.п.). Естественно назвать конструкции первого класса нейтральными, а второго — маркированными по способу перемещения.

Компонент «локализация» определяет пространственное положение субъекта перемещения относительно ориентира. Например:

(18) Змея заползла на стол vs Змея заползла под стол

(19) сонгай:

a	to	kouga	ga	vs	a	to	kouga	do
он	идти	деревня	в		он	идти	деревня	к
Он	пришел	в	деревню		Он	пришел	(подошел)	к
								деревне

На основе рассмотренных понятий строится определение оппозиции «направление». Два предложения считаются противопоставленными по направлению, если для них:

1) Совпадают характеристики перемещения: способ перемещения и локативные отношения субъекта с ориентирами.

2) Совпадают грамматические характеристики глагола (наклонение, вид, время и т.п.) и его совершаемые характеристики. Подразумевается, что субъект в предложениях должен быть один и тот же.

3) Модели, соответствующие предложениям, различаются порядком следования ориентиров и только им.

Так, например, следующие пары предложений оказываются противопоставленными по направлению:

(20) Он прибежал в деревню vs Он убежал из деревни
 модель — V(он; X; деревня) и V(он; деревня; X)

(21) Он вышел из деревни vs Он вошел в деревню
 модель — V(он; деревня; X) и V(он; X; деревня)

(22) Он идет из деревни в лес vs Он идет из леса в деревню
 модель — V(он; деревня; лес) и V(он; лес; деревня)

(23) Птица улетела в деревню vs Птица прилетела из деревни
 модель — V(птица; N; деревня) и V(птица; деревня; N)

Все средства, используемые языками для манифестации исследуемой оппозиции, можно разделить на содержащиеся внутри глагольной лексемы и вне ее. Внутри глагольной лексемы мы различали корневую морфему, префикс и суффикс (аффиксы других видов — инфиксы, трансфиксы и т.п. — не были зафиксированы в рассматриваемой функции). Средства, находящиеся вне глагольной лексемы, делились на расположенные внутри именной словоформы и вне ее. Использование именного корня для манифестации направления в нашем материале не отмечено. Соответственно, существуют средства, находящиеся внутри именной словоформы: перед корнем — префиксы, после корня — суффиксы (в том числе и падежные морфемы) и вне ее (перед именем — предлоги, после имени — послелоги).

II

Для получения классификационных результатов использовалась система из четырех признаков.

Признак 1: средства манифестации направления

Первый и основной типологический признак производит разбиение языков в зависимости от того набора средств, которые они используют для манифестации оппозиции «направление». Значением признака является некоторое подмножество из множества средств: глагольный корень, глагольный префикс,

глагольный суффикс, предлог, послелог, именной префикс, именной суффикс или производные от них (например, предлог, управляющий падежной формой существительного).

Поскольку язык может использовать для манифестации направления различные средства независимо (то есть допускать два или более типа конструкций, различных с точки зрения их поверхностного оформления), языку может быть поставлено в соответствие несколько наборов перечисленных средств.

Для определения значения признака рассматриваются пары предложений, противопоставленные по направлению движения. Различающиеся поверхностные элементы этих предложений считаются манифестирующими оппозицию по направлению. Например:

(24) бамана:

mɔŋɔ́`	tùp	bé kà	táa	dùgù`	kɔ́nɔ
человек	Прош.вр.	Прогрессив	идти в	деревня	в(Э)
Человек шел в деревню					

(25) mɔŋɔ́`	tùp	bé kà	bó	dùgù`	kɔ́nɔ
человек	Прош.вр.	Прогрессив	идти от	деревня	в(Э)
Человек шел из деревни					

(буква Э в подстрочнике обозначает эссивный, то есть не различающий направления, предлог)

Эти предложения различаются лишь глагольными лексемами, а все остальные словоформы полностью совпадают. В данном случае функцию выражения направления целиком берет на себя глагольный корень.

(26) аварский:

was	skolalu-we	waRanaw wugo
мальчик	школа-Иллатив	двигаться от Н (Наст.вр.)
Мальчик идет в школу		

(27) was	skolalu-sa	waRanaw wugo
мальчик	школа-Элатив	двигаться от Н (Наст.вр.)
Мальчик идет из школы		

Эти предложения различаются показателями локативных падежей у существительных (иллатив в одном случае, элатив — в другом). То есть, в этом случае для передачи направления используется система локативных падежей.

(28) сонгай:

zanka	ga	zuru	hausa ga
мальчик	Наст.вр.	бежать	лес в(Э)
Мальчик бежит в лес			

(29) zanka	ga	zuru	ka	hun	hausa ga
мальчик	Наст.вр.	бежать	Инф.пок-тель	выходить	лес в(Э)
Мальчик бежит из леса					

Второе из пары предложений отличается от первого наличием глагола hun 'выходить' с показателем инфинитива, что позволяет считать средством, манифестирующим оппозицию направления, добавочный глагольный корень. В сонгай не существует глагольных лексем с маркированным способом перемещения, противопоставленных по направлению (например, 'бежать к' и 'бежать

от'). А поскольку направление в сонгай выражается только в глагольном корне, это обуславливает появление такого добавочного глагола. В немаркированной по способу перемещения конструкции манифестация может осуществляться просто заменой глагольного корня:

(30) zanka ga hugi hausa ga
мальчик Наст.вр. входить лес в(Э)

Мальчик входит в лес

(31) zanka ga hup hausa ga
мальчик Наст.вр. выходит лес в(Э)

Мальчик выходит из леса

Признак 2: различные средств выражения направления и локализации

Второй признак характеризует отношение средств, используемых языками для выражения направительной и локативной составляющих перемещения, разбивая множество языков на три класса. В первый класс попадают языки, в которых средства, выражающие направление и локализацию, совпадают. Во втором классе оказываются языки, в которых соответствующие средства совпадают лишь частично. К третьему классу относятся языки, где для манифестации локативных и направительных оппозиций используются совершенно различные средства.

Поскольку спектр возможных локативных отношений достаточно велик, в качестве тестовых рассматриваются прежде всего три пространственные оппозиции — противопоставления иллативного, аллативного и проксимативного движения или соответственно их пар, отличающихся по направлению (например, 'ползти к' vs 'ползти на'; 'идти в' vs 'идти к'; 'лезть в' vs 'лезть на'). Например:

(32) вепсский:

hån tulij järve-la
он идти(Прош.вр.) озеро-Аллатив

Он пришел на озеро

(33) hån tulij järven -nost
он идти(Прош.вр.) озеро(Генитив) -к

Он подошел к озеру

Противопоставление аллативного падежного окончания -la и проксимативного послелого -nost позволяет констатировать использование падежно-послеложной системы для выражения локативной составляющей движения. Для манифестации направления язык также использует падежно-послеложную систему:

(34) kojg joksi mecha
собака бежать(Прош.вр.) лес-Иллатив

Собака убежала в лес

(35) kojg joksi mec-as -rej
собака бежать(Прош.вр.) лес-Инессив -от

Собака прибежала из леса

Таким образом, в данном случае можно говорить о совпадении средств, манифестирующих направительные и локативные оппозиции. Различие средств

для выражения локативной и направительной составляющих перемещения можно видеть в языке сусу:

- (36) *mìxí sigá -fé táà kùí*
 человек идти к -Прогрессив деревня в(Э)
 Человек идет в деревню
- (37) *mìxí kèlí -fé táà kùí*
 человек идти от -Прогрессив деревня в(Э)
 Человек идет из деревни
- (38) *mìxí sigá -fé táà màbírí*
 человек идти к -Прогрессив деревня около
 Человек идет к деревне
- (39) *mìxí kèlí -fé táà màbírí*
 человек идти от -Прогрессив деревня около
 Человек идет от деревни

Здесь для противопоставления предложений по направлению используются различные глагольные лексемы (*sigá* 'идти к' и *kèlí* 'идти от'), а по локализации — послелоги (*kùí* 'в' и *màbírí* 'около'). Это позволяет констатировать отсутствие пересечения средств, выражающих локативные и направительные составляющие перемещения.

Признак 3: направление к наблюдателю — от наблюдателя

В большинстве языков можно найти пары предложений с противопоставлением движения к наблюдателю и движения от наблюдателя. В некоторых языках существуют специальные средства для манифестации этой оппозиции. Соответственно третий признак делит все языки на те, в которых такие средства существуют, и те, в которых специальные средства отсутствуют:

- (40) аварский:
bugux ʕuguxə Xurʂumo baRanab bugo
 змея река(Проксиматив) ползти(Деепр.) движется от Н
 Змея ползет к реке (от наблюдателя)
- (41) *bugux ʕuguxə Xurʂumo beLenab bugo*
 змея река(Проксиматив) ползти(Деепр.) движется к Н
 Змея ползет к реке (к наблюдателю)

Здесь противопоставление происходит при помощи глагольных словоформ (*baRanab bugo* 'движется от наблюдателя' и *beLenab bugo* 'движется к наблюдателю').

- (42) сонгай:
boɣa ga koɣ koɣa ga
 человек Наст.вр. идти к Н деревня в(Э)
 Человек идет в деревню (к наблюдателю)
- (43) *boɣa ga ka koɣa ga*
 человек Наст.вр. идти от Н деревня в(Э)
 Человек идет в деревню (от наблюдателя)

В этом примере для выражения движения к/от наблюдателя также используется оппозиция глагольных лексем (*koɣ* 'идти от наблюдателя' и *ka* 'ид-

ти к наблюдателю'), которые, однако, в отличие от предыдущего примера одновременно несут в себе информацию о направлении движения относительно ориентира (коуга 'деревня'), поскольку падежная система, способная взять на себя эту функцию, в сонгай отсутствует.

(44) немецкий:

der Vogel ist aus dem Haus hin -geflogen
 Арт. птица Связка из Арт.(Датив) дом от Н -лететь(Причаст.)
 Птица вылетела из дома (от наблюдателя)

(45) der Vogel ist aus dem Haus her -geflogen
 Арт. птица Связка из Арт.(Датив) дом к Н -лететь(Причаст.)
 Птица вылетела из дома (к наблюдателю)

Здесь для выражения направления к/от наблюдателя используются глагольные префиксы (hin 'от наблюдателя' и her 'к наблюдателю').

Признак 4: асимметрия направлений

В основу признака положено отмеченное выше противопоставление двух направлений движения субъекта относительно ориентира — движение лативное и элативное. Данный признак разбивает множество языков на два класса. В первый класс попадают те языки, в которых средства, используемые для манифестации обоих элементов этой оппозиции, совпадают, во второй — в которых они не совпадают. Например:

(46) Я пришел в магазин vs Я ушел из магазина

Различие предложений видно в двух местах — глагольных префиксах (при- и у-) и предложно-падежных конструкциях (в+Аккузатив и из+Генитив). Здесь нет указаний на противопоставление «нуля» и «не нуля» или на различный статус использованных средств. Таким образом, данный пример можно считать симметричным с точки зрения средств, используемых для выражения направлений.

(47) вепсский:

zmej ujuj stola-la
 змея ползти(Прош.вр.) стол-Аллатив
 Змея заползла на стол

(48) zmej ujuj stola-w -rej
 змея ползти(Прош.вр.) стол-Адессив -от (послелог)
 Змея уползла со стола

В первом предложении направление выражено показателем локативного падежа -la. Во втором предложении кроме падежного показателя -w использован также послелог -rej¹. Таким образом, данный пример показывает асимметрию средств, выражающих направление.

¹ На наш взгляд представляется разумным предложенное Хямляйненом (см. [3]) выделение агглютинатов (к которым, в частности, относится -rej), не являющихся ни послелогам в полном смысле этого слова, ни падежными окончаниями. Все же в нашей работе различение послелогов и агглютинатов не является осмысленным, поэтому мы позволим себе называть их послелогам.

(49) сонгай:

hokaw ga zugu hausa ga
 охотник Наст.вр. бежать лес в(Э)

Охотник бежит в лес

(50) hokaw ga zugu ka fatta hausa ga
 охотник Наст.вр. бежать Инф.пок-тель уйти лес в(Э)

Охотник бежит из леса

Этот пример также следует считать асимметричным, поскольку глаголу zugu 'бежать' в первом предложении противопоставляется пара глаголов (zugu 'бежать' + инфинитив от fatta 'уйти') во втором предложении, что позволяет говорить о различии средств, использованных для передачи иллативного и эллативного движения.

III

Проведенный анализ указанных выше языков на основе приведенных типологических признаков позволил получить классификационные результаты, которые могут быть представлены в виде таблицы:

Признак	средства манифестации направления	различие направления и локализации	направление к наблюдателю — от наблюдателя	асимметрия направлений
аварский	локативные падежи	пересекаются	глагольный корень	нет
бамана	глагольный корень	не пересекаются	глагольный корень	есть
вепсский	локативные падежи + послелоги	совпадают	нет	есть
немецкий	предлог / падеж; (глагольный префикс)	совпадают	глагольный префикс	нет
новогреческий	предлог / падеж; (глагольный корень)	совпадают	нет	нет
русский	предлог / падеж; (глагольный префикс)	совпадают	нет	нет
сонгай	глагольный корень	не пересекаются	глагольный корень	есть
суахили	глагольный корень; предлог	пересекаются	нет	есть
сусу	глагольный корень	не пересекаются	глагольный корень	есть
фула	глагольный корень	не пересекаются	глагольный корень	есть

В круглых скобках указаны те средства, которые используются существенно реже, чем основные, и поэтому были включены в таблицу с соответствующей оговоркой. На классификационных результатах они не сказываются.

Как видно из таблицы, самый большой класс представлен четырьмя африканскими языками, имеющими следующее классификационное имя: < (1) глагольный корень; (2) не пересекаются; (3) глагольные корни; (4) есть >. Языки аварский, вепсский, немецкий и суахили образуют отдельные классы (что вполне соответствует представлению о сильном различии их грамматического строя). Русский и новогреческий попали в один класс, что, возможно, является наиболее спорным результатом классификации.

Совпадение в средствах выражения направления и локализации было замечено в четырех языках (вепсский, немецкий, новогреческий, русский), частичное пересечение этих средств в двух языках (аварский и суахили), отсутствие пересечения — в четырех языках (бамана, сонгай, сусу, фула).

Специальные средства для выражения движения к/от наблюдателя были зафиксированы в шести языках (аварском, бамана, немецком, сонгай, сусу, фула); во всех случаях в качестве этого средства выступал глагольный корень, кроме немецкого языка, где в этих целях использовался глагольный префикс. Асимметрия между лативным и элативным направлением отсутствовала только в четырех языках: аварском, немецком, новогреческом и русском.

Приведенные результаты позволяют сделать вывод, что даже при таком достаточно поверхностном анализе языковых средств, связанных с оппозицией направления, их типологическая значимость достаточно велика, чтобы получать нетривиальные классификационные результаты, коррелирующие с генеалогическим и ареальным подходами к классификации языков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян Ю. Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семантика и информатика. Вып. 28. М., 1986.
2. Talmy L. *Semantics and syntax of motion* // *Syntax and semantics*. Vol 4. New-York etc., 1975.
3. Хямелайнен М. М. Об агглютинатах в вепском языке и в южнокарельских говорах карельского языка // Прибалтийское языковедение. Петрозаводск, 1958.

УСТРАНЕНИЕ ПРЕГРАДЫ (СЕМАНТИКА И АСПЕКТУАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ ГРУППЫ РУССКИХ ГЛАГОЛОВ)*

Пространства не существуют без своей противоположности — разделяющих их границ и преград. Ценность пространства требует, чтобы доступ к нему был затруднен и, наоборот, существование преграды, затрудняющей проникновение в пространство, повышает его ценность, ср. следующий пример:

По справедливости он считался самым лучшим в Москве. И не только потому, что размещался он в двух больших залах со сводчатыми потолками, расписанными лиловыми лошадьми с ассирийскими гривами, не только потому, что на каждом столике помещалась лампа, накрытая шалью, *не только потому, что туда не мог проникнуть первый попавшийся человек с улицы, а еще и потому, что качеством своей провизии Грибсеедов бил любой ресторан в Москве, как хотел, и что эту провизию отпускали по самой сходной, отнюдь не обременительной цене* (Булгаков)¹.

Необходимость устранения преграды, мешающей проникновению в какое-либо пространство и обретению связанного с этим пространством блага, — мотив, возникающий во многих сюжетах, от мифологических (корабль Одиссея должен пройти между Сциллой и Харибдой; Одиссей и его спутники должны проскользнуть мимо охраняющего выход из пещеры циклопа) до литературы XX-го века (запертая дверь, к которой нет ключей, — лейтмотив набокковского «Дара» (см. об этом [1, 664]).

Преграды могут иметь различную природу. Задача данной статьи — рассмотреть ее, анализируя семантику группы русских глаголов устранения преграды, производных от основы *пустить*: *допустить*, *подпустить*, *пропустить*, *впустить*. Эти глаголы уже исследовались в [2, 102], где отмечено, что для них характерно одно и то же нестандартное соотношение между лексемами несовершенного и совершенного вида. Мы попытаемся дать толкования лексем СВ каждого из этих глаголов и показать, что парные лексемы НСВ могут иметь не одно и то же, а разные значения, но все они выводятся из значения соответствующей лексемы СВ по общим правилам. При этом то, какое именно значение получает лексема НСВ, зависит от характера преграды.

В своих основных значениях все эти глаголы описывают ситуацию с двумя активными участниками, один из которых хочет переместиться в какую-то точку, а другой держит под контролем (т.е. может устранить, а может и не устранить) некоторую преграду на пути его перемещения, например:

* Данная статья отражает результаты работы по созданию семантического словаря русских глаголов в виде базы данных (руководитель проекта Е. В. Падучева), которая поддерживается грантами РГНФ (№ 99-04-00262а) и INTAS (№ 96-0085).

(1) За ним гонятся, но за крепостными воротами — друзья, и они успевают *впустить* его и закрыть ворота перед преследователями в последнее роковое мгновение (корп.).

В этом примере конечная точка — вместилище (в данном случае — крепость), а преграда, которую устраняет первый участник, — предмет, который закрывает вход в него, — в данном случае, ворота (в других случаях такой преградой может быть дверь или занавеска).

Одна из особенностей рассматриваемых глаголов, отличающая их от других, также описывающих ситуации с двумя активными участниками, заключается в том, что роль Агенса — и, соответственно, позицию синтаксического Субъекта предложения — у них всегда получает только один из участников, а именно тот, который устраняет препятствие. Перемещающийся участник может быть только Контрагентом, который занимает позицию Объекта. Иными словами, у этих глаголов нет конверсиров, в которых на первый план выходил бы второй участник. Все рассматриваемые глаголы относятся к классу имплицативов (точнее, двойных имплицативов) по [3], ср.:

а) X *впустил* Y в $Z \supset Y$ переместился в Z
 X *непустил* Y в $Z \supset Y$ не переместился в Z ;

б) X *пропустил* Y в $Z \supset Y$ переместился в Z
 X *непропустил* Y в $Z \supset Y$ не переместился в Z

и т.п. В значении этих глаголов компонент, описывающий действие второго участника, является зависимым от первого. Эти отношения очень близки к каузации, т.к. хотя первый участник и не каузирует действие второго, он контролирует ситуацию: если первый участник не устранит преграды, второй участник не сможет осуществить перемещения. По-видимому, именно это принципиальное неравноправие участников объясняет, почему только первый участник может быть выбран на роль Агенса.

Соотношение компонентов в семантике этих глаголов находит выражение и в их словообразовательной структуре: их глагольная основа описывает действие Агенса, а выбор приставки определяется характером движения Контрагента. В случае *впустить*, например, это движение внутрь, и внутрь движется Контрагент, — действия Агенса по устранению преграды должна была бы характеризовать приставка *от-*: он *открывает* дверь, *отодвигает* занавеску, *откапывает* камень и т.д. В случае глагола *пропустить*, о котором подробнее речь пойдет ниже, приставка свидетельствует о том, что Контрагент перемещается через проход, а соответствующее действие Агенса должно было бы описываться приставками *по-* (*посторониться*) или *ра(з/с)-* (*раздвинуться / расступиться*)².

В семантике этих глаголов есть еще компоненты ' Y хотел переместиться в Z ' и ' v ($t > MN$) Y переместился к Преграде', которые не попадают под отрицание. Таким образом, они составляют пресуппозицию.

Общее огрубленное толкование, которое годится для всех лексем СВ рассматриваемых глаголов, имеет следующий вид:

Y хотел переместиться в Z <презумпция>
 в t <МН Y находился у препятствия на пути в Z <презумпция>
 в МН X устранил препятствие <ассерция>
 Y переместился в Z <ассерция>

Внутри группы глаголы различаются по характеру конечной точки и характеру преграды. Семантика отдельных глаголов включает еще некоторые специфические компоненты. Ниже будут рассмотрены толкования каждого из них.

впустить

О характере конечной точки и преграды в ситуации, описываемой глаголом *впустить*, отчасти уже говорилось.

Хозяин *впустил* собаку в дом.

X *впустил* Y-а в Z.

Y хотел переместиться в Z <презумпция>
 в t <МН Y находился перед преградой <презумпция>
 преграда закрывала вход в Z <атрибут>
 в МН X устранил преграду: переместил ее от входа в Z <ассерция>
 Y переместился в Z <ассерция>

пропустить

Пропустить отличается от *впустить*, во-первых, немаркированностью конечной точки — можно *пропустить* кого-то в зал (вместилище), к витрине (предмет), к начальнику (человек-хозяин места⁴) и на выставку (мероприятие, проходящее в месте), а во-вторых, характером преграды. Преграда может быть физической — ее образует тело (или тела) первого участника, находящегося на линии пути второго; для того, чтобы перемещение Контрагента было возможно, Агенса должен переместиться в сторону или расступиться, ср.:

- (2) Коровьев и Бегемот посторонились, *пропустили* какого-то писателя в сером костюме, в летней без галстука белой рубашке (Булгаков).
- (3) Женщины раздвигаются, очищая дорогу к прилавку. — *Пропустите* их, бабы, пушай свое возьмут, ить у них праздник сегодня! (корп.)

С другой стороны, в ситуации, описываемой глаголом *пропустить*, преграда может быть волиитивной, т.е. установленным кем-то — не обязательно Агеном — запретом на перемещение через уже существующий проход. Этот запрет может быть снят в ответ на выраженное вторым участником желание переместиться. Иными словами, Агенса может принять решение не препятствовать перемещению Контрагента и дать Контрагенту знать об этом, ср.:

- (4) Женщина недоуменно поглядела на забинтованную голову буфетчика, поколебалась, сказала: — Ну что же... — и *пропустила* буфетчика за арку (Булгаков).

В этом случае в роли Агенса и, соответственно, Субъекта *пропустить* выступает лицо, облаченное властью. Существует целый список заполняющих эту роль имен. Это обозначения лиц, чья функция — именно контроль перемещения через проход: *билетер, вахтер, консьерж(ка), контролер, охрана / охранник, привратник, стража / стражник, сторож, часовой, швейцар*. Сам проход при этом может быть перекрыт — и тогда в дополнение к данному разрешению самим Агенсом или кем-то другим должно быть произведено какое-то физическое действие по устранению преграды. В то же время, если в обычное время проход свободен, но Агенс не разрешает Контрагенту переместиться через него, Агенс может перекрыть проход в текущий момент (т.е. в ходе ситуации). Таким образом, компонент, описывающий физическое действие по устранению преграды, может входить в толкование, но является факультативным. Например, он отсутствует в значении *пропускать* в примере (5), поскольку билетер в кино решает, пропускать или не пропускать, стоя у открытой двери, и явно присутствуют в примере (6), поскольку в нормальном положении городские ворота закрыты:

(5) ...они мчались опрометью через мост, торопясь к сеансу. Мать могла *пропустить* и четверых, пятерых (корп.).

(6) Мы приехали к городским воротам; караульные нас *пропустили*; мы выехали из Оренбурга (Пушкин, МАС).

Таким образом, можно различить две лексемы слова *пропустить* — *пропустить 1*, безразличное к таксономическому классу Субъекта, но предполагающее существование физической преграды, перегородивающей проход, и *пропустить 2*, требующее более узкого таксономического класса для заполнения субъектной валентности, но безразличное к тому, свободен ли проход²:

ПРОПУСТИТЬ 1

Толпа пропустила кортеж к воротам кладбища.

Х пропустил 1 Y-а к Z-у.

Y хотел переместиться в Z <презумпция>

в t <МН Y находился перед преградой <презумпция>

преграда была образована телом / телами X-а <атрибут>

в МН X переместился, тем самым устранив преграду на пути следования Y-а:
возник проход <ассерция>

Y переместился по проходу (в направлении Z-а) <ассерция>

ПРОПУСТИТЬ 2

Сторож пропустил нас в усадьбу.

Х пропустил 2 Y-а в Z.

Y хотел переместиться в Z по проходу <презумпция>

существовала возможность, что возникнет преграда для

перемещения через проход <презумпция>

волитивное (запрет) <атрибут>

X контролирует преграду <атрибут >

в t <МН Y находится у прохода <презумпция >

X принял решение не препятствовать перемещению Y-а и дал ему знать об этом <ассерция >

Y переместился по проходу (в направлении Z-а) <ассерция >

подпустить

Подпустить отличается от *впустить* и *пропустить*, прежде всего, более определенной целью Контрагента. Помимо непосредственной цели перемещения к Конечной точке, у Контрагента *подпустить* есть дальняя цель — физический контакт с ней (и, возможно, физическое воздействие). Поэтому роль Конечной точки совмещается в модели управления этого глагола с ролью Мишени, в качестве которой может выступать предмет, как в примере (7):

(7) Мятежники, притаясь, *подпустили* их к самой крепости (Пушкин).

Таким предметом, в частности, может быть тело самого Агенса, как в примере (8):

(8) Собака никого к себе не *подпустила*.

Другая особенность *подпустить* состоит в особом характере преграды, которая может возникнуть на пути Контрагента. Это не физическая, не волевая, а динамическая преграда — противодействие силой со стороны Агенса. Точка пространства, в которой Агенси может воспрепятствовать перемещению Контрагента в ситуации, описываемой глаголом *подпустить*, никак не зафиксирована — она определяется моментом появления Контрагента в поле зрения Агенса, ср. (7), в отличие, например, от ситуации, описываемой *пропустить* 2, где возможность возникновения волевой преграды связана с определенным местом — физически существующим проходом. При этом Агенси глагола *подпустить*, принимая решение, не вступает в непосредственный физический контакт с Контрагентом, и противодействие может быть оказано на расстоянии — например, стрельбой (животное, *не подпуская к себе*, выставляет голову вперед и, двигая ею из стороны в сторону, создает вокруг себя что-то вроде силового поля, так же, как это делает человек с помощью холодного оружия). Поэтому согласие Агенса на перемещение Контрагента не получает никакого выражения и проходит для Контрагента незамеченным. Тем самым речевой (перформативный) компонент в семантике *подпустить*, в отличие от *пропустить* 2, отсутствует. *Подпустить* — глагол с внутрилексемным отрицанием⁶, потому что действие Агенса заключается в том, что он принимает решение не создавать преграды, т.е. не оказывать сопротивления. Существенно, что решение не действовать, принятое Агенсом, остается в силе, пока Контрагент преодолевает определенное расстояние — от появления Y-а в поле зрения X-а до перемещения на определенное расстояние, ср. *подпустить поближе* в примере (7) и пример (9):

(9) *Подпустил* танки на десять метров, Коля Смирнов открыл по ним огонь прямой наводкой (МАС).

Так же, как многие другие глаголы с внутрилексемным отрицанием, *подпустить* получает более «содержательное» значение физического действия под отрицанием — *не подпустил* значит 'оказал сопротивление'. При этом появляется отношение каузации: сопротивление Агенса приводит к тому, что Контрагент прекращает перемещение.

Приведем толкование этого глагола:

ПОДПУСТИТЬ

Охотники подпустили волка на семь метров и выстрелили.

X подпустил Y-а к Z-у на D.

Y перемещался в направлении Z-а <презумпция>

Y хотел войти в физический контакт с Z (воздействовать на Z) <презумпция>
с точки зрения X-а существовала возможность, что

на пути Y-а возникнет преграда: <презумпция>

X окажет противодействие Y-у силой <атрибут>

X принял решение не противодействовать Y-у и не противодействовал, пока между X-ом и Y-ом не осталось D <ассерция>

Y продолжал перемещение, пока между X-ом и Y-ом не осталось D <ассерция>

на расстоянии меньше D X окажет Y-у сопротивление силой <имплицитив>

X прекратит перемещение <имплицитив>

допустить

Допустить также, как *подпустить*, имеет более специализированную цель, чем *впустить* и *пропустить*. Но если дальняя цель Контрагента *подпустить* — физический контакт с Мишенью, у *допустить* — это социальный контакт (общение), причем в качестве Мишени выступает человек-хозяин места, ср.:

(10) К себе она никого не *допустила* и вообще сделала вид, что ничего не происходит (корп.).

Если в качестве Мишени выступает предмет или человек в его физической ипостаси, непосредственной целью Субъекта *допустить* является физический контакт с Мишенью, а дальней — какая-либо деятельность, в которой Мишень используется в качестве инструмента, как в примере (11), где дальняя цель — езда:

(11) Первым он *допустил* к лошади Оника, предупредив его, что лошадь может его укусить, но он будет удерживать ее голову, коротко взяв поводья (Искандер).

Но это другое значение глагола *допустить*, которое мы не будем рассматривать в рамках данной статьи.

Так же, как *подпустить*, *допустить* — глагол с внутрилексемным отрицанием. Он предполагает, что Агенса может создать на пути Контрагента преграду со стороны, и действие Агенса состоит в принятии решения не создавать ее. Однако сама преграда носит иной характер, чем у *подпустить*. Это не динамическая, а волевая преграда, — запрет, так же, как у *пропустить* 2. Однако в

отличие от него, *допустить* не предполагает существования прохода, через который должно осуществиться перемещение.

ДОПУСТИТЬ

Медсестра нехотя допустила меня к нему.

X допустил Y-а к S-у (в Z).

Y хотел переместиться в Z, с целью войти в контакт с S-ом,
который находится в Z-е <презумпция >

X контролирует перемещение в Z: <презумпция >

волитивно <атрибут >

в МН X принял решение не препятствовать перемещению Y-а (и дал знать Y-у об этом) <ассерция >

Y переместился в Z <ассерция >

Y вступил в контакт с S-ом <имплицатив >

Мишенью у *допустить* может быть и сам Агенс, но не в его физической ипостаси, как у *подпустить*, а в социальной, как в примере (10) — тогда $S = X$. В этом случае Агенс может выразить свое согласие или несогласие на перемещение Контрагента только опосредованно — через другое лицо, например, через слугу (т. е. через Субъекта действия) или через какой-то канал связи, например, по телефону; таким образом, в ситуации появляется новый участник — Инструмент связи.

Допустить — наиболее пустой из рассматриваемых глаголов. По преимуществу, он употребляется в отрицательном контексте, где он наполняется более определенным содержанием. Дело в том, что разрешение вступить в контакт с Мишенью не обязательно формулируется — достаточно молчаливого согласия, а запрет должен быть выражен обязательно. Поэтому в утвердительном контексте речевой (перформативный) компонент в значении *допустить* факультативен, а в отрицательном — обязателен. Кроме того, под отрицанием у *допустить* есть имплицативный компонент 'X оказал Y-у противодействие силой'. Поэтому под отрицанием *допустить* развивает значение физического противодействия, ср.:

(13) Ворона птенцам певчих птичек голову размозжит и мозг выпьет, ну, а за своих птенцов костями поляжет, а не *допустит* к ним, разве только, если убьете ее (корп.).

ЗНАЧЕНИЯ ЛЕКСЕМ НСВ

Все рассматриваемые глаголы относятся к классу моментальных, — в том смысле, что не могут иметь производной парной лексемы НСВ в актуально-длительном значении⁷. Этому легко найти семантическое объяснение. Все лексемы НСВ данных глаголов описывают результат действий двух разных участников, имеющих разные цели, и происходящих последовательно друг за другом. Поэтому невозможно выполнить необходимое для существования актуально-длительного значения лексемы НСВ условие — представить ситуацию, т. е. все ее компоненты, как развертывающиеся перед синхронным наблюдате-

лем⁸. Посмотрим, какие же другие значения могут иметь лексемы НСВ данных глаголов.

Чтобы ситуация могла быть представлена с помощью лексемы НСВ, нужен взгляд на ситуацию изнутри, т. е. когда ситуация не дошла до конца. Единственная возможность такого взгляда на ситуацию, описываемую данными глаголами, возникает в точке, где действие первого участника уже выполнено, а действие второго еще только предстоит. Тогда действие первого участника составит ассерцию, а действие второго получит статус возможного (ожидаемого) следствия:

ВПУСКАТЬ

Бабушка впускает Петерса в дом.

X впускает Y-а в Z.

Y хотел переместиться в Z <презумпция >

в t <МН Y находился перед преградой <презумпция >

преграда закрывала вход в Z <атрибут >

в МН X устранил преграду: переместил ее от входа в Z <ассерция >

при нормальном ходе событий Y переместится в Z <ожидаемое следствие >

Очевидно, значение *впускать* — статив. Нужно сказать, что употребление *впускать* в этом значении несколько затруднено. Это связано с характером соотношения компонентов ассерции лексемы СВ. Легко поддаются разделению во времени сочетание перформативного и какого-то другого компонентов действия, при чем возникает значение предстояния, как у экзерситивов [7, 115], в том числе у глаголов типа *назначать* [8, 340] и у глаголов обладания [9]. Например, сказать *Я покупаю* (в значении предстояния) можно потому, что ситуация, описываемая глаголами передачи собственности, устроена таким образом, что перформативное высказывание и дополняющая его деятельность иного характера могут сколь угодно далеко отстоять друг от друга во времени, тем не менее составляя единое действие. *Впускать* же описывает ситуацию, в которой оба компонента имеют физический характер и в реальном времени следуют непосредственно друг за другом. В результате действия первого участника наступает состояние 'вход открыт', которое длится ровно столько, сколько продолжается действие Контрагента, перемещающегося через вход, т. е. заканчивается почти мгновенно. Поэтому *впускать* естественнее в тех контекстах, где это состояние по каким-либо причинам продлевается, например, с множественным объектом:

(14) В зал уже *впускают* зрителей.

Другое возможное значение лексемы НСВ от *впустить* — значение неудачной попытки, ср. пример М. Я. Гловинской [2, 102]:

(15) Я его *впускал*, но он не вошел.

Это значение легко возникает у всех глаголов, описывающих ситуации, включающие ответное действие Контрагента, благодаря тому, что это действие может быть и не выполнено [9, 309—312].

Все, что сказано о *впускать*, может быть повторено в отношении значения лексем НСВ, производных от *пропустить 1*.

Это значение стагива *пропускать 1.1* и значение неудачной попытки *пропускать 1.2* (ср. *Мы его пропускали, но он почему-то предпочел нас обойти*).

ПРОПУСКАТЬ 1.1

Толпа пропускает пассажиров к трапу.

X пропускает Y-а к Z-у.

Y хотел переместиться в Z <презумпция>

в t <МН Y находился перед преградой <презумпция>

преграда была образована телом / телами X-а <атрибут¹⁰>

в МН X переместился, тем самым устранив преграду на пути следования Y-а:
возник проход <ассерция>

Y переместился по проходу (в направлении Z-а) <ассерция>

X переместился от пути Y-а: возник проход <ассерция>

при нормальном ходе событий Y переместится по проходу <имплицатив>

Это значение также более естественно в контекстах, искусственно продлевающих состояние 'проход свободен' — т.е. в контекстах множественного Объекта (ср. *Машины пропускают пешеходов*), удлинённого Объекта или Объекта, который перемещается медленно, например:

(16) Что ты стоишь? — *Пропускаю велосипедиста / старушку.*

При образовании НСВ от *пропустить 2* статус ассерции по-прежнему имеет перформативный компонент, а компонент, описывающий физические действия, становится возможным (ожидаемым) следствием:

ПРОПУСКАТЬ 2.1

Завтра билетер пропускает нас в зал на последний сеанс.

X пропускает Y-а в Z (на S).

Y хотел переместиться в Z по проходу <презумпция>

существовала возможность, что возникнет преграда для

перемещения через проход <презумпция>

волевая (запрет) <атрибут>

X контролирует преграду <атрибут>

в t <МН Y находится у прохода <презумпция>

X принял решение не препятствовать перемещению Y-а и дал ему знать об этом <ассерция>

Y переместился по проходу (в направлении Z-а) <имплицатив>

Таким образом, *пропускать 2.1* имеет значение предстояния, регулярное для различных глаголов, в значении которых сочетаются речевые (перформативные) и физические компоненты. От *пропустить 2* также образуется значение неудачной попытки *пропускать 2.2*, ср. другой пример М. Я. Гловинской: *Билетер пропускал нас в театр, но мы не вошли.*

Совершенно иным образом ведет себя *подпустить*. К толкованию этого глагола не может быть применено то правило выведения значения НСВ, кото-

рым мы пользовались для всех остальных глаголов. Дело в том, что ситуация, описываемая глаголом *подпустить*, вообще не допускает взгляда на себя изнутри, поскольку в ней нет такой точки, в которой действия Агенса и Контрагента могли бы быть разделены: Агенси контролирует перемещение Контрагента с какого-то момента постоянно до тех пор, пока тот не закончит перемещение. Кроме того, это глагол с количественным пределом, что само по себе является препятствием употреблению НСВ в каком-либо значении, кроме тривиального (итеративного) [7, 186].

Лексема НСВ от *допустить* должна иметь значение перфектного состояния, так как ее ассерцию составляет перформативный компонент 'X принял решение не препятствовать перемещению Y-а и дал Y-у знать об этом', но в силу факультативности его части 'X дал Y-у знать об этом' в этом значении *допускать* почти не употребляется. В то же время употребление лексемы НСВ в значении перфектного состояния под отрицанием вполне естественно, потому что, в отличие от выражения разрешения, выражение запрета обязательно: *не допускают* значит 'не разрешили'.

Можно обобщить характер связи между природой преграды и аспектуальным поведением глагола в таблице:

Глагол	Конечная точка / Мишень	Преграда	Значение лексемы НСВ
<i>впустить</i>	вместилище	физич.	Стагив; неудачная попытка
<i>допустить</i>	лицо	волитивн.: запрет	перфектн. сост.
<i>подпустить</i>	лицо / место	динамич.: сила	—
<i>пропустить</i> ¹	немаркир.	физич: тело / множество тел Сб	стагив; неудачная попытка
<i>пропустить</i> ²	немаркир.	волитивн.: запрет	предстояние; неудачная попытка

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Здесь может возникнуть возражение, что преграждается доступ не только к «хорошему», но и к «плохому» пространству, ср. *стены, которыми обнесена тюрьма* и т.п. Кажется, что это неверно: преграды препятствуют проникновению из плохого пространства в хорошее, но не наоборот — живые могут пересекать преграду между царством живых и мертвых (Орфею разрешено переправиться через Ахерон и спуститься в царство мертвых; поэт в «Божественной комедии» Данте проходит через врата ада), но души мертвых не могут проникать в мир живых.
- ² У бесприставочных глаголов с встроеным компонентом движения этот компонент определяет выбор сирконстанта Способ движения, например, *поймал на лету, оставил на скаку / на полном ходу*.
- ³ Термин, введенный Е. В. Падучевой для зависимых компонентов толкования [7, 243].
- ⁴ Термин Е. В. Муравенко [5, 76].

- ⁵ В МАСе этим двум значениям *пропустить* соответствуют значение 1 'посторонившись, дать дорогу кому-, чему-л.' и подзначение 'позволить кому-л. войти или въехать, пройти или проехать куда-л.'
- ⁶ Т. е. с отрицанием, входящим в состав толкования [6, 109].
- ⁷ Мы используем определение и представления о причинах моментальности, данные в работе Е. В. Падучевой [8].
- ⁸ См. об этом, например, Падучева [7, 184].
- ⁹ Термин, введенный Е. В. Падучевой для зависимых компонентов толкования [7, 243].
- ¹⁰ Термин, введенный Е. В. Падучевой для зависимых компонентов толкования [8].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Апресян Ю. Д.* Роман «Дар» в космосе Владимира Набокова // *Апресян Ю. Д. Избранные труды. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография.* М.: 1995.
2. *Гловинская М. Я.* Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола. М.: Наука, 1982.
3. *Карттунен Л.* Логика английских конструкций с сентенциальным дополнением // *Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. Лингвистическая прагматика.* М., 1985, с. 303—332.
4. *Кустова Г. И., Падучева Е. В.* Перформативные глаголы в перформативных употреблениях. // *Логический анализ языка. Язык речевых действий.* М., 1994.
5. *Муравенко Е. В.* О случаях нетривиального соответствия семантических и синтаксических валентностей глагола // *Семиотика и информатика. Вып. 36.* М., 1998, с. 71—81.
6. *Падучева Е. В.* О семантике синтаксиса. М.: Наука, 1974.
7. *Падучева Е. В.* Семантические исследования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996.
8. *Падучева Е. В.* Семантические источники моментальности русского глагола в типологическом ракурсе // *Типология вида. Проблемы, поиски, решения.* М., 1998, с. 332—342.
9. *Розина Р. И.* ДАРИЮ (релевантный семантический класс глаголов обладания) // *Лики языка.* М., 1998, с. 306—314.

РЕНАТА ГЖЕГОРЧИКОВА

ПОНЯТИЙНАЯ ОППОЗИЦИЯ ВЕРХ — НИЗ (ПОЛ. 'WIERZCH' — 'SPÓD') И ЯЗЫКОВАЯ МОДЕЛЬ ПРОСТРАНСТВА

1. ВВЕДЕНИЕ

Настоящая статья посвящена анализу одного частного фрагмента языковой модели пространства, а именно оппозиции верх — низ, которой в польском языке соответствуют два противопоставления 'góra' — 'dół' и 'wierzch' — 'spód'.

Прежде чем перейти к анализу материала, в первом разделе статьи я перечислю те понятийные категории из набора участвующих в локализации объекта, на которые опирается описание данного фрагмента пространства в польском языке — это прежде всего категория вертикальности и категория внутренности, а также — категории поверхности, фасадности, партитивности и упорядоченности.

2. КРАТКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КАТЕГОРИЙ

Вертикальность — определяет позицию объекта по отношению к поверхности Земли; она ориентирована на стандартную позицию человека. Категория вертикальности значима для предложной системы — в локативной (рус. *под-над*) и лативной (пол. *znad-spod*) зонах, а также для системы прилагательных размера (*высокий — низкий*).

Внутренность — категория описания объектов в форме контейнера (вместилища). Она значима для локативной и лативной подсистем предлогов (*в доме, вне дома, из леса*), а также для представления семантической структуры названий некоторых размеров: глубина есть только у объектов, имеющих внутренность.

Поверхность — характеристика объектов с выделемыми границами.

Фасад (перёд, лицо) и противоположная ему **тыльная сторона** (тыл, зад) объектов. Это категория связана с представлением о внешнем облике человека (перед = лицо), и направлением его движения (человек идёт вперёд). Такое представление переносится на неживые объекты (шкафы, здания и др.), у которых тоже есть фасадная и тыльная сторона, ср. например, *Машина стоит перед / за домом*. В этом случае различается объективное понимание локализации и локализация в представлении говорящего / наблюдателя, ср.: *Машина находится за автобусом* (если автобус находится между автомашиной и наблюдателем, на линии его взгляда).

Представление о фасадной и тыльной сторонах мотивирует и другие пространственные понятия, ср. *правый* и *левый*, которые могут быть определены только после того, как установлен фасад. Это верно и для категории *упорядоченности*: порядок тоже зависит от принятой точки зрения и от того, как определен фасад, ср. *Вагон-ресторан находится за локомотивом* и *Вагон-ресторан находится через три вагона после локомотива* (объективная локализация).

Последняя категория, к которой мы будем апеллировать при описании нашей оппозиции, это категория *часть — целое*; она, конечно, имеет более абстрактный характер и выходит за рамки пространства.

Теперь я перехожу к анализу оппозиции 'wierzch' — 'spód' в польском языке в сопоставлении с русским. Надо заметить, что всё, что я буду говорить о русском языке — гипотетично и может потребовать уточнений. Для польского материала это тоже первый очерк описания данной проблемы.

3. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПОНЯТИЙНОЙ ОППОЗИЦИИ 'WIERZCH' — 'SPÓD'

Уже поверхностный взгляд на польский и русский язык показывает разницу в способах понимания этой оппозиции.

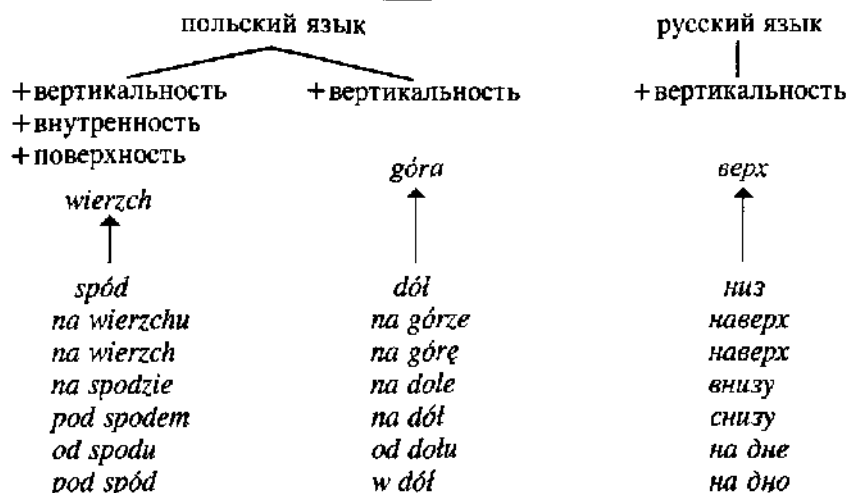
Сущность этой разницы состоит в том, что в польском языке различаются две вертикальные оппозиции: *góra — dół* — простая вертикальная оппозиция, соответствующая оппозиции *верх — низ* в русском (указывающая, что объект находится ниже, то есть ближе к поверхности земли, или выше, то есть дальше от земли), и вторая оппозиция, которая комбинируется с понятиями внутреннего и поверхности. Последняя оппозиция прежде всего описывает контейнеры (вместилища): *spód* это нижняя часть контейнера или нижняя граница (поверхность) такого объекта. Пространство ниже этой границы описывается польским *pod spodem*.

Эта оппозиция со сложной семантикой в польском выражается с помощью наречий, которые различаются еще и с точки зрения статического или динамического характера обозначаемой ими ситуации, ср. *na spodzie, pod spodem* — статические ситуации и *spod spodu, na spód* — динамические (лативные) ситуации. Есть и такие наречия, которые имеют одновременно динамический и статический характер: *od spodu* (*Znajduje się* 'находится' *od spodu*) — статическая ситуация, и *Oderwał się* 'оторвался' *od spodu* — динамическая ситуация.

В русском языке, как кажется, смысл внутренности выражается прежде всего с помощью слова *дно* (*на дне, на дну*), хотя в некоторых случаях он также может выражаться оппозицией наречий, например, *наверху* — подразумевает комбинацию вертикальности и поверхности (*наверху на крыше*), а *вверху* указывает кроме того на внутренность (*вверху в доме*). Это явление должно стать предметом изучения.

В польской оппозиции, комбинирующей вертикальность и внутренность, участвует еще понятие части: *na spodzie* значит в нижней части контейнера.

Представленные выше семантические различия можно проиллюстрировать следующей схемой:

Перехожу к более детальному анализу польской оппозиции.

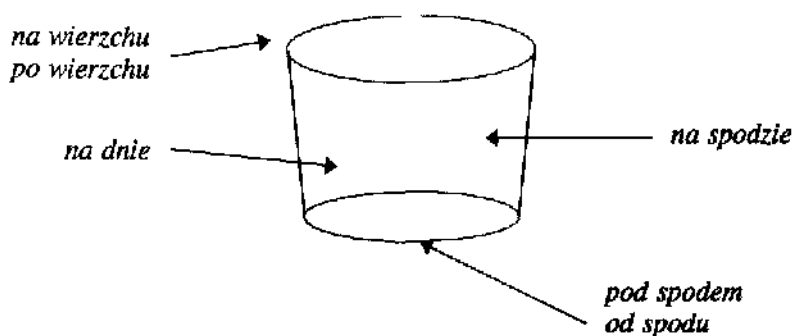
4. ПОДРОБНЫЙ АНАЛИЗ ПОЛЬСКОЙ ОППОЗИЦИИ *WIERZCH — SPÓD*: ЧЕТЫРЕ ВАРИАНТА ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Представляется, что в польском языке существует четыре варианта интерпретации этой оппозиции. Три из них близки, их объединяет понятие вертикальности.

Первый вариант относится к объектам, имеющим внутреннюю форму (контейнерам), таким как сосуды, корзинки, коробки, чемоданы и др., ср. *na spodzie szklanki* 'стакана', *pod spodem walizki* 'чемодана' и др. Различается *na spodzie* 'в нижней части' и *pod spodem* 'в пространстве ниже нижней границы'. *Spód* и *dno* (*na dnie*) — это нижняя граница объекта, но видимая двойко: изнутри — это *dno*, или извне — это *spód* (*pod spodem*). В этой комбинации появляется также понятие части: *na spodzie* 'в нижней части' — *na dnie* 'на нижней границе, изнутри'.

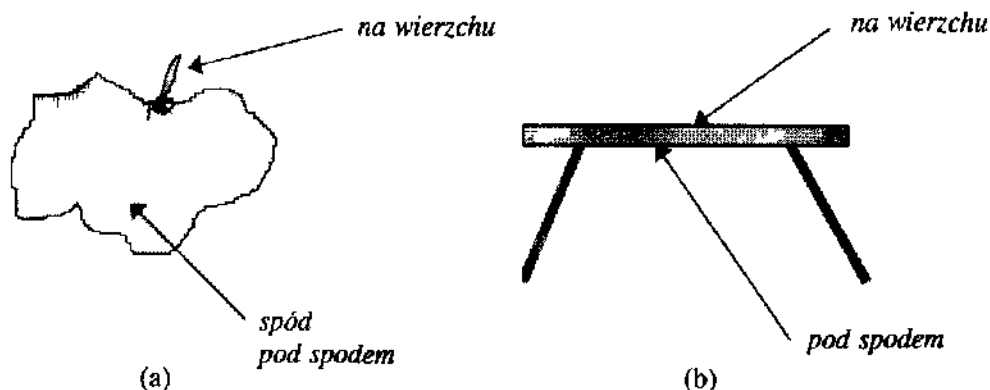
Для польских наречий значима также общая категория **ЛОКАТИВНОСТИ** (статическая: *na dnie*, *na spodzie*, *na wierzchu*) и **ЛАТИВНОСТИ** (динамическая: *na dno*, *z dna*, *na wierzch* и др.).

Общую картину этих значений показывает следующий рисунок:

Второй вариант интерпретации отличается от первого отсутствием понятия внутренности. Зато для него важно понятие поверхности. Такая интерпретация наречий возникает применительно к цельным, твёрдым объектам разных типов и форм, имеющих нижнюю поверхность: камни, книги, лампы и др. Ср. *Na wierzchu* — 'на верхней поверхности', *pod spodem* — 'ниже нижней поверхности'. При объектах такого типа невозможно сочетание **na spodzie*, это тоже отличает второй вариант от первого.

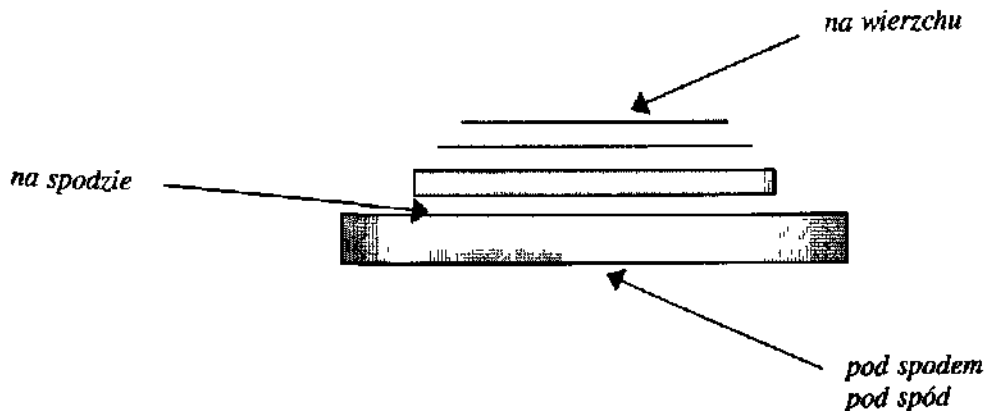
Проанализированную ситуацию представляет следующий рисунок:

Возможен еще третий вариант интерпретации, при котором сохраняется вертикальность, но отсутствуют внутренность и поверхность. «Взамен» появляется понятие упорядоченности. Этот вариант интерпретации релевантен для объектов типа пачки, стопки бумаги и др., то есть объектов, представляющих набор предметов, помещённых один на другом.

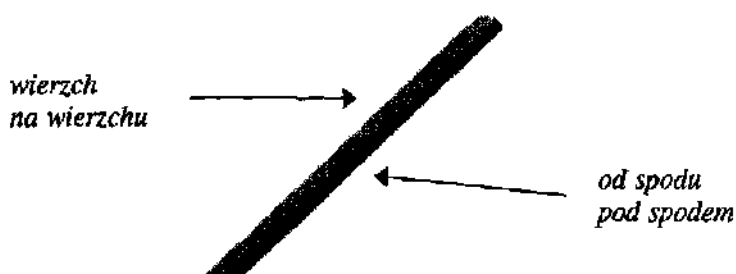
Na wierzchu значит 'на первом из предметов, считая от верха', *na spodzie* — это 'под последним из предметов'. Различие между польским *na spodzie* и *pod spodem* в этом случае, возможно, потребует уточнений.

Этот вариант интерпретации представлен на следующем рисунке:

Четвертый вариант противопоставляется трём первым, т.к. в нём вообще не задействовано понятие вертикальности. Его определяют понятия поверхности, внутренности и фасадности. Эта оппозиция относится к объектам плоским, в большинстве мягким, имеющим две стороны: лицевую и другую, противоположную ей. Лицевая сторона является внешней, видимой, а вторая сторона является внутренней, невидимой, *изнаночной* (польск. *lewa strona*). Сторона лицевая по-польски обозначается как *wierzch*, а сторона невидимая, внутренняя — это *spód*, например, *Okladka z wierzchu kolorowa, a od spodu biała* 'обложка сверху цветная, а изнутри белая'.

В русском языке эта оппозиция выражается словами *наружу, снаружи и изнанка*. Это семантическое противопоставление показывает следующий рисунок:

5. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В конце несколько замечаний относительно сопоставления описываемых выражений в польском и русском.

Во-первых — кажется, что комбинация вертикальности, внутренности и поверхности характерна для польского языка, но не для русского. В русском языке она выражается по-другому — *на дне / внизу*. Такое различие указывает на разные способы концептуализации пространства в этих языках.

Во-вторых — вариант четвертый (комбинация поверхности, внутренности и фасадности) в русском языке, как кажется, не связывается с понятием вертикальности ('верх' — 'низ') и лексически выражается по-другому (*наружу, наизнанку*). В польском языке концепт внутренности соединяет эти оба понятия.

И в заключение еще одно общее замечание: анализ этого фрагмента семантического поля пространства ясно показывает возможности и преимущества сопоставительного подхода для анализа особенностей концептуализации мира в отдельных языках. В этом плане исследования по контрастной семантике представляются многообещающими.

ЛИТЕРАТУРА

1. Grzegorzczkova R. Projekt syntezy badań porównawczych w zakresie nazw wymiarów // Nazwy barw i wymiarów, Stockholm, 1997.
2. Grzegorzczkova R., Linde-Usiekniewicz J. Remarks on object characteristics and dimension assignment, Paralele semantyczne, Stockholm.
3. Jakovleva E. C. Fragmenty ruskiej jazykowej kartiny mira. Moskva, 1994.
4. Lang E. The Semantics of Dimensional Designation of Spatial Objects // Dimensional Adjectives: Grammatical Structure and Conceptual Interpretation. Berlin—Heidelberg—New York, 1989.
5. Langacker R. Foundations of Cognitive Grammar. Stanford, 1987.
6. Levinson S. Relativity in spatial description and conception // Cognitive Anthropology Research Group at Max Planck Institute for Psycholinguistics, 1991.
7. Linde-Usiekniewicz J. Określanie wymiarów przedmiotów i konceptualizacja przestrzeni // Językowa kategoryzacja świata. Lublin, 1996.
8. Linde-Usiekniewicz J. Hipoteza na temat znaczeń polskich przymiotników wymiaru // Nazwy barw i wymiarów. Sztokholm, 1997.
9. Maciejewski W. O przestrzeni w języku. Poznań, 1996.
10. Spang-Hansen E. La sémantique des adjectifs spatiaux // Revue Romane 25,2. 1990.
11. Talmy L. How Language structures space // Spatial Orientation. New York, 1983.
12. Vandeloise C. L'espace en français. Paris, 1986.
13. Wierzbicka A. Semantic Primitives. Frankfurt/Main, 1972.

О ПОНЯТИЯХ МЕСТА, ПРЕДМЕТА И ПРОСТРАНСТВА

Рассматриваемые мною концепты — места, предмета и пространства — примечательны в целом ряде отношений. Во-первых, различны способы их языковой объективации: в то время как концепты места и предмета образуют концептуальные основания такой части речи, как существительное, концепт пространства, формируя основу предлогов и некоторых других частиц, получает в языке широкое отражение и на других уровнях существования языка и в разных классах языковых явлений. Во-вторых, с языковой точки зрения понятия места и пространства могут рассматриваться сегодня как находящиеся в гиперо-гипонимических отношениях. В-третьих, с философской и логической точек зрения указанные понятия вряд ли могут считаться равноценными: понятия пространства и субстанции (предмета, материи) входят в число главных категорий бытия, притом пространство рассматривается как основная форма существования материи и т.п. Наконец, само определение изучаемых концептов зависит от того, в каком ракурсе мы их рассматриваем — собственно языковом, когда хотим дать им дефиниции как отдельным словам, или же концептуальном, когда стремимся разъяснить, каким оперативным единицам нашего сознания или же ментальным в нем репрезентациям они соответствуют. В настоящем сообщении мы постараемся осветить и тот, и другой аспект перечисленных концептов, полагая вслед за многими когнитологами, что ключ к пониманию мыслительных категорий и категорий нашего опыта лежит в анализе языковых данных — ведь именно они отражают и объективируют то, что уже подверглось когнитивной обработке человеческим разумом. Соответственно этому, уже неравенство языкового статуса перечисленных концептов должно навести нас на мысль о том, что и выражаемые им категории нерадоположны.

На те же выводы наталкивает нас и рассмотрение концептов у ведущих ученых мира, занимающихся обнаружением главных категорий человеческого бытия и исследованием их роли в организации языковых систем.

Интересно здесь уже то, что в списках таких категорий у разных ученых неизменно присутствуют по ДВА из названных концептов и что они встречаются под разными обозначениями. Первое замечание относится к тому, что в список включается либо концепт МЕСТА, либо концепт ПРОСТРАНСТВА (по существующей у когнитологов традиции я тоже буду использовать для указания на обсуждаемый концепт его написание заглавными буквами), а второе — к тому, что концепт ПРЕДМЕТА часто получает название ВЕЩИ или ОБЪЕКТА или даже характеризуется через местоимение (НЕЧТО, ЧТО-ТО). Так, у А. Вежбицкой в списке ее атомарных сущностей, или примитивов, указываются НЕКТО и НЕЧТО, а среди примерно десятка других величин называется и МЕСТО, ср., например, [1, 10]. Автор утвер-

ждает неоднократно, что все примитивы по своему значению как бы самодостаточно и самоочевидны, а потому и не могут быть определены, см. например, [2, 12]. С последним, однако, мы никак согласиться не можем: всем таким первичным онтологическим сущностям должны быть даны разъяснения, хотя, естественно, они и весьма сложны. Не случайно в то же время, что при перечислении примитивов автор использует местоименные слова: в одной из последних своих работ она так и указывает — МЕСТО или ГДЕ [2, 10 и сл.]. С лингвистической точки зрения такая интерпретация, действительно, наиболее удачна (об этом неоднократно писал П. Гард), и она восходит к трудам Аристотеля. Знаменитое место из его «Категорий» (гл IV), где им перечисляются рубрики классификации слов, содержит главным образом местоимения. «Каждое из выражений, не входящих в какую-нибудь комбинацию, пишет Аристотель, — означает: или субстанцию; или сколько; или какой; или в каком отношении; или где; или когда»... и т.п. См. подробнее [3, 17 и сл.].

Современные концептуалисты и когнитологи воспроизводят в сущности примерно тот же список. Так, Р. Джекендофф, перечисляя главные концепты универсальных концептуальных систем, называет среди них ВЕЩЬ, СОБЫТИЕ, СОСТОЯНИЕ, МЕСТО, НАПРАВЛЕНИЕ, ПРИЗНАК и ОБЪЕМ [4, 22; 5, 34]. Близкие к ним инвентари приведены и в других исследованиях: ср., например, ЛИЦО, ОБЪЕКТ, ПРОЦЕСС, ПРОСТРАНСТВО, ВРЕМЯ, КАЧЕСТВО в [6, 53 и сл.] или в [7, 189 и сл.]. Во всех таких списках на первое место вынесены понятия ПРЕДМЕТА и ПРОЦЕССА или ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, а понятия МЕСТА или ПРОСТРАНСТВА (какой бы из этих концептов ни упоминался) всегда следуют ЗА ними, что, собственно, и позволяет поставить вопрос о иерархии понятий или же последовательности их появления в генезисе сознания. В связи с этим нам и хочется подчеркнуть с самого начала необходимость дифференцированного подхода к самой проблеме разъяснения сущности концептов МЕСТА, ПРЕДМЕТА и ПРОСТРАНСТВА, ибо полагаем, что подобное разъяснение демонстрирует существенную зависимость от того, в каком ракурсе — диахроническом или же синхронном — рассматривается проблема. Иначе говоря, одно дело, когда мы обсуждаем проблему генезиса и развития категорий бытия, другое — когда ставим вопрос о влиянии этих категорий на обработку опытных данных современным человеком, или же рассуждаем о СООТНОШЕНИИ упомянутых категорий в сложившихся к настоящему времени концептуальных системах человеческого интеллекта. К сожалению, однако, нередко два указанных ракурса рассмотрения проблемы смешивают.

Приведу два примера из весьма интересных и заслуживающих серьезного внимания книг. «Прототипическим значением слова *место*, — пишет, например, А. В. Кравченко, — является «вместилище», т.е. «область пространства, могущая быть занятой каким-либо предметом» [8, 45]. Но даже с современной точки зрения концептуальная система слова объяснена неточно: с одной стороны, нельзя простое слово интерпретировать через производное (са-

мо слово *вместилище* означает «место для помещения или вмещения ч.-л.»), с другой стороны, в прототипическое значение слова не включено указание на границы или пределы объекта, связываемые с его величиной и определяемые проекцией его в виде того или другого следа и т.п., и особенно — на нахождение (локацию) объекта вообще или же относительно другого конкретного объекта (ср. *место книги, место посла, место Москвы на карте, место одного человека в жизни другого, интересное место в книге* и пр., к интерпретации которых никак не подходит значение *вместилища*). Между тем указанные мной выше значения подтверждаются этимологией слова *место* и его эквивалентов в других языках. Так, хеттское *pedan* 'место' родственно армянскому обозначению следа, а также латинскому обозначению ноги, что, кстати, указывает и на происхождение этого концепта от конкретного смысла — отпечатка ноги с четкими контурами такого отпечатка; латинское же название места — *spatium* — сопоставляется о глаголом, обозначающим 'простирается, расширяется', и оно значило также 'простор', 'предел', определенную 'протяженность', 'интервал' и т. п. [9, 154 и 119]. Более поздние названия места в германских языках тоже связываются с обозначениями чего-то огороженного (внутреннего двора), плоского, ровного. Когда боги сотворили людей, — отмечается в древнегерманских мифах, они дали им особую среду обитания — Мидгард, что значит буквально 'огражденное срединное место' [10, 19 и сл.]; понятие места было связано также с расстановкой объектов, их расположением друг относительно друга и т.д. [10, 36—37]. Подобные исторические сведения помогают объяснить не только возможные пути формирования концепта места, но и относительную связанность его происхождения с концептом пространства: последнее появляется значительно позднее.

Как пишет в своей прекрасной книге А. Я. Гуревич, «пространство в средние века понималось особым образом — об этом свидетельствует и то, что такого понятия, собственно, и не существовало: *spatium* имело иной смысл — протяженность, «промежуток», *locus* же означало место, занимаемое определенным телом, а не абстрактное пространство вообще» [11, 19]. Диахронический подход позволяет нам утверждать, таким образом, что если речь идет о реконструкции концептов, входящих в первичные концептуальные системы, а именно они отразились и в генезисе языка, то восстановлению подлежит именно концепт места. Только с современной точки зрения место может быть, действительно, объяснено через пространство, с исторической же точки зрения первичен скорее всего концепт места. Не могу не сослаться в этой связи опять-таки на Аристотеля: «У Аристотеля нет категории пространства, — пишет А. Н. Чанышев, — у него есть категория места», а место, по Аристотелю, есть «первое, объемлющее каждое тело». Иными словами, если еще Зенон отождествлял предмет и его место, Аристотель возражает ему на том основании, что место — это не граница предмета, а граница объемлющего этот предмет тела. Поэтому место связано с движущимся телом, но оно с ним не перемещается [12, 318]. По отношению к «объемлющему телу», т.е. среде или пространству, место, занимаемое определенным объектом, остается

ся тем же. Именно поэтому пространством может считаться то, без чего и тел не бывает: оно состоит из мест, занимаемых телами.

Обратимся теперь к анализу концепта пространства. «Рассмотренный нами пространственный фрагмент, — пишет Е. С. Яковлева, — позволяет сделать вывод о том, что картина пространства в русском языковом сознании не сводима ни к какому физико-геометрическому прообразу; пространство не является простым вместилищем объектов, а скорее наоборот - конституируется ими, и в этом смысле оно вторично по отношению к объектам» [13, 20—21]. Но здесь много неточного. Вряд ли можно оспаривать тот факт, что наивная и научная картины мира расходятся, и утверждение о несводимости наивного представления о пространстве к научному в целом, возможно, и верно, хотя отрицание у этого представления известного физико-геометрического прообраза ставит все утверждение под сомнение. Не естественнее было бы к тому же предположить, что исторически и физическое, и геометрическое представления о пространстве возникают ПОЗДНЕЕ, нежели обыденные, да и рождаются они на основе именно этих наивных представлений? Не следует ли нам как лингвистам задаться вопросом о том, как шло реальное развитие понятия пространства и какие первичные концепты (или концепт) позволили человеку перейти постепенно ко все более сложным гипотезам о строении пространства? Во всяком случае с этой точки зрения объясним переход от идеи пространства как вместилища (среды) для всего сущего к ньютоновскому образу абстрактного и «пустого» пространства, а также и переход от представлений о верхе и низе и т.п. — к идеям трехмерного пространства и измерений в этом пространстве с его конкретными координатами. Все это дает нам основания критически оценить положение о том, что «пространство не является простым вместилищем объектов». Не будь распространены именно эти представления, как могли бы мы сегодня говорить о множестве метафор, на них основанных, в частности, о ментальных пространствах пространства языка и текста?

Особого обсуждения требует и вопрос о вторичности концепта пространства по отношению к концепту объекта / объектов. Аналогичное заключение принадлежит и многим когнитологам, подчеркивающим особую роль концепта вещи, физического тела, ПРЕДМЕТА в формировании всех прочих категорий человеческого опыта. Так, Р. Ленекер говорит о категории ОБЪЕКТА и ПРОЦЕССА как дающих толчок для всего дальнейшего развития концептуальных систем, ср. [14, 140], а У. Найссер подчеркивает, что понятие пространства может считаться производным от понятий ОБЪЕКТА и ДЕЯТЕЛЬНОСТИ [15, 258]. Но для более глубокого понимания смысла этих высказываний с когнитивной точки зрения следует обратиться к новейшим данным о принципах восприятия мира и механизмах такого восприятия, а также к некоторым новым данным об онтогенезе и ранних этапах когнитивного и речевого развития ребенка, не говоря уж о новых идеях в области концептуализации и категоризации поступающей к человеку информации.

Во всяком случае обращение к онтогенезу помогает понять, что восприятие того, ЧТО и ГДЕ, начинается все же, по всей видимости, не столько с восприятия лиц (матери, отца) или предметов, окружающих ребенка, сколько с восприятия ДВИЖЕНИЯ или, точнее, + — ИЗМЕНЕНИЯ. Ребенок реагирует на появление и исчезновение лиц и предметов, на всякие манипуляции с вещами. Вместе с психологами школы А. В. Запорожца это заставляет меня предположить, что формы осознания человеком окружающей его действительности начинаются, как у ребенка, с активного взаимодействия с окружающим миром, причем такое активное взаимодействие заключается в первую очередь в ориентировочных действиях и движениях относительно лиц и предметов. Как указывает А. В. Запорожец, «без участия движения наши ощущения и восприятия не обладали бы качеством предметности», да и в формировании перцептивного образа предмета решающую роль играют именно движения [18, 132 и 54 и сл.] «Для возникновения адекватного, целостного образа предмета необходимо сложное действие, — пишет Запорожец, — включающее в себя ряд отдельных движений, соотносящихся с определенными особенностями предмета и между собой» [18, 61].

Подобные соображения, подкрепленные многочисленными экспериментальными данными, позволяют реконструировать процесс формирования первичных концептов человеческого сознания как процесс диалектической связи предмета с той деятельностью, в осуществлении которой он участвует или же в которую он вовлечен. В качестве предметов ребенок рассматривает сенсомоторный пучок ощущений, характеризующийся конкретностью и физической определенностью, гештальтными свойствами, т.е. целостностью, перцептуальной наглядностью и выделимостью из среды, а, главное, как это считал Ж. Пиаже, своей «консервативностью» — стабильностью во времени и пространстве, тождественностью самому себе в наблюдаемые интервалы времени (см. подробнее [19, 70 и сл.; 20, 170 и сл.]).

Главную роль в восприятии мира детьми, — отмечает Б. Ландау, — играет восприятие объектов, движения и мест [17, 261]. Ясно в то же время, что в такой ситуации вопрос о первичности и вторичности какого-либо из указанных концептов может быть решен только условно: в однородной или же полностью гомогенной среде выделить что-либо просто невозможно, а потому, строго говоря, как только что-то выделяется, срабатывает эффект противопоставления фона и фигуры. Но тогда речь может идти лишь о том, что в ФОКУСЕ ВНИМАНИЯ оказываются либо объекты, либо их движения или же действия с ними. В любом из этих случаев налицо противопоставление чего-то чему-то. Как отмечал еще один из специалистов по детскому развитию Ф. Кейль, дети не столько осознают, что в их окружении есть некие физические тела или же что вокруг них происходят какие-то события, сколько они внезапно понимают, что ЧТО-ТО не попадает под привычный образ предмета или события и что существует поэтому еще некий класс единиц, не укладывающийся в класс единиц, осмысленных ранее, ср [21; 22, 71 и сл.]. Таким образом, цепочка развития концептов все время выглядит как выделе-

Обратимся вначале к перцептивному аспекту проблемы. Как показывают последние исследования в области зрительного восприятия (а именно зрительное восприятие оказывает на становление человека свое решающее влияние), у человека в ходе его эволюции постепенно формируются ДВЕ относительно автономных системы виденья мира — так называемая ЧТО-система (what-system) и ГДЕ-система (where-system). Одна из них служит распознаванию и идентификации объектов в поле зрения, она обеспечивает наблюдение за тем, что окружает человека, и главным ее принципом оказывается противопоставление ФОНА и ФИГУРЫ. Другая система служит определению расстояния до объекта, находящегося в фокусе внимания, обнаружению дистанции между объектами, их относительного расположения. Благодаря первой из названных систем складывается понятие предмета как фигуры, выделенной в силу своих физических свойств, и ее компактности на определенном фоне, при противопоставлении «пустых» промежутков среды ее «заполнителям», телам и людям. Благодаря второй системе складываются ориентационные концепты, концепты удаленности и близости объекта, конкретного его местонахождения по отношению к наблюдателю, изменения в облике объекта при его созерцании во время движения — вплоть до его превращения в точку. Здесь ключевое понятие — понятие протяженности того, что простирается перед человеком и вокруг человека, и понятие места как представления о том, что мы называем скорее местоположением объекта (о том, где находится объект).

Работающие параллельно и симультанно две описанных мной системы (см. подробнее [16; 17; 8, 28; 15]), создают тем не менее различия в том, ЧТО видит человек, и ГДЕ он видит это что-то. Любопытно отметить в этой связи, что на вопрос о том, ЧТО видит человек, он может ответить, не только конкретизируя предметы, попадающие в поле его зрения, но и ДЕЙСТВИЯ, происходящие перед его взором, а также целые СИТУАЦИИ или ПОЛОЖЕНИЯ ДЕЛ. Зато на вопрос о том, ГДЕ он видит то или иное событие, вещь или изменение в положении дел, он может ответить, не только локализуя указанные величины и определяя их местоположение, но и отмечая НАПРАВЛЕНИЕ их перемещения. Таким образом, в биопрограмму человека включаются такие механизмы и системы восприятия, одна из которых «ответственна» за противопоставление ФОНА и ФИГУРЫ (объектов и всего остального, им противопоставляемого), другая — за дифференциацию МЕСТА предмета НАПРАВЛЕНИЮ его движения, если в наблюдаемой человеком ситуации этот предмет перемещается или демонстрирует другие наглядные изменения в его облике. Заслуживающей самого серьезного внимания в этой связи оказывается и роль наблюдателя, по отношению к которому или с точки зрения которого рассматривается и оценивается все воспринятое. Не случайно также, что в этой роли изучается прежде всего РЕБЕНОК, изучение поведения которого помогает пролить свет не только на формирование отдельных (первичных) представлений, но и на последовательность появления у него таких представлений.

ние фигур из диффузного фона, понимаемого как «все остальное» с дальнейшим членением именно такого «остального» или «остающегося». Можно вследствие этого предположить, что первоначально выделяемые тела противопоставлялись той «пустой» среде, из которой они выделялись симультанно с нею. Другое дело, что концепт предмета приобретал с самого начала более определенные очертания и более определенную трактовку, ибо этот концепт был связан непосредственно наблюдаемыми и перцептуально воспринимаемыми характеристиками (кстати говоря, гораздо более определенными, чем при восприятии движений). Понятие же пространства, чего-то расстилающегося перед человеком во все стороны, среды, в которой человек может свободно перемещаться сам и свободно перемещать доступные ему объекты, промежуток между объектами, протяженности и т.д. — все эти черты бытия лишь постепенно включались в структуру понятия, обозначенного словом «пространство», которое тем самым становилось многозначным и развивало новые и новые значения.

Современные ученые, изучающие концепт пространства, неизменно возвращаются к идеям В. Н. Топорова, высказанным в его работе начала 80-х [23]. В ней он утверждает, что существует два понимания пространства — по Ньютону и по Лейбницу и что различия эти сводятся в конечном счете к тому, что одно — отвлечено от человека-наблюдателя, другое, напротив, «одушевлено» его присутствием, определяется «порядком сосуществования вещей» [23, 228]. Как комментирует это положение Е. С. Яковлева, «ньютоновское пространство является объективацией идеи пространства, принципиальным отвлечением от фактора восприятия пространства человеком; у Лейбница же пространство «одушевляется» человеческим присутствием, оно трактуется, прочитывается человеком. Ньютонское пространство принадлежит физике и геометрии; лейбницевское же относится, скорее, к области человеческих представлений о мире, так сказать, «наивной философии» мира» [13, 18—19]. Сочувственно цитируются эти слова и в [8, 45]. За всем этим следует, естественно, и вывод о том, что русскому сознанию ближе трактовка пространства «по Лейбницу». Но интересно и важно в связи со сказанным попытаться понять, на основании какого первичного истолкования пространства могли возникнуть две названных трактовки, а также выяснить, действительно ли эти трактовки так принципиально расходятся, что русское сознание принимает или же признает лишь одну из них? — Нам кажется более убедительной такая трактовка пространства, которой придерживается сегодня большинство когнитологов: современный человек не может отвлечься ни от чувственных элементов его восприятия, но — одновременно — и от геометрической концептуализации пространства. Во всяком случае именно так выполнены исследования Л. Тэлми, А. Херскович, Р. Ленекера, Б. Ландау и многих других ученых. См. также [24, 54 и сл.].

Попытаюсь в заключение объяснить, как на основе одного и того же исходного представления о пространстве стали возможны две разных интерпретации. В описании каждой ситуации возникает возможность по-разному пред-

ставить ее смысл: это положение стало общим местом когнитивной грамматики. Виденье ситуации в разных ракурсах, или же в разной перспективе зависит от того, что в зависимости от личностных установок человека в фокусе его внимания оказываются разные детали, или же компоненты ситуации. Его внимание концентрируется на разных аспектах происходящего, в нем ПРОФИЛИРУЮТСЯ разные стороны. Если мир представляется нам устроенным так, что все видимое и наблюдаемое мы осмысливаем в пространстве, заполненном объектами, в одном случае в фокусе внимания оказываются окружающие нас ОБЪЕКТЫ, в другом — само ПРОСТРАНСТВО. фон и фигура как бы меняются своими местами. Именно в этом и заключается смысл различий в трактовках Лейбница и Ньютона, выбравших свои собственные позиции наблюдения и свои точки отсчета. Это объясняет, с одной стороны, почему под крышу одного и того же языкового знака постепенно подводятся разные значения, а с другой, почему в осмыслении разных концептов нашего сознания постоянно присутствует не только отражение объективного мира, мира «как он есть», но и чисто человеческое отношение к миру со всей субъективностью его взглядов и оценок и — в то же самое время — свободой выбора собственной позиции.

ЛИТЕРАТУРА

- 1 *Wierzbicka A* The Semantics of Grammar. Amsterdam: Benjamins, 1988
- 2 *Wierzbicka A*. Semantics, Culture, and Cognition. Universal human concepts in culture-specific configurations. New York: Oxford Univ. Press, 1992.
- 3 *Кубрякова Е. С* Части речи в ономастологическом освещении. М.: Наука, 1978.
- 4 *Jackendoff R* Semantic Structures. Cambridge (Mass.). The MIT Press, 1991
- 5 *Jackendoff R* Languages of the mind: essays on mental representations. Oxford. The MIT Press, 1992
- 6 *Heine B, Claudi U., Hünnemeyer F*. Grammaticalization: A conceptual framework. Chicago: Chicago Univ. Press, 1991
- 7 *Rickheit M* Wortbildung. Grundlagen einer kognitiven Wortsemantik. Opladen. Westdt. Verlag, 1993
- 8 *Кравченко А. В.* Язык и восприятие. Когнитивные аспекты языковой категоризации. Иркутск: Ирк. ун-т, 1996
- 9 *Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч.* Восточноиндоевропейский язык и индоевропейцы. Т. 1. Тбилиси: Тбил. гос. ун-т, 1984
- 10 *Топорова Т. В.* Семантическая структура древнегерманской модели мира. М.: Радикс, 1994.
- 11 *Гуревич А. Я.* Категории средневековой культуры. М.: Искусство, 1972
- 12 *Чанышев А. Н.* Курс лекций по древней философии. М.: Высшая школа, 1981.
- 13 *Яковлева Е. С.* Фрагменты русской языковой картины (модели пространства, времени и восприятия). М., 1994.
- 14 *Tomasello M.* Language is not an instinct // Cognitive Development. Vol. 10. 1995. p. 131—156

15. *Neisser U.* Multiple systems: a new approach to cognitive theory // *The European Journal of Cognitive Psychology*. Vol. 1994. 225—241.
16. *Vaina L. M.* 'What' and 'where' in the human visual system: two hierarchies of visual modules // *Synthese*. Vol. 83. 1990. № 1.
17. *Landau B.* Where's what and what's where? The language of objects in space // *Lingua*. Vol. 92. 1994. 259—296.
18. *Запорожец А. В.* Избранные психологические труды. Т. I. М.: Педагогика, 1986.
19. *McShane J.* Cognitive Development. An Information Processing Approach. Cambridge (Mass.): Blackwell, 1991.
20. *Gleitman L. R., Gleitman H., Landau B. and Wanner E.* Where learning begins: initial representation for language learning // *Linguistics: The Cambridge Survey*. Vol. III. Ed. by F. Newmeyer. Cambridge (Mass.): Cambridge Univ. Press, 1989, 150—193.
21. *Keil Fr.* Concepts, kinds, and cognitive development. Cambridge (Mass.): The MIT Press, 1989.
22. *Nolan R.* Cognitive Practices: human language and human Knowledge. Oxford: Blackwell, 1994.
23. *Топоров В. Н.* Пространство и текст // *Текст: семантика и структура*. М.: Наука, 1983.
24. *Ли Тоан Тханг.* Пространственная модель мира: когниция, культура, этнопсихология (на материале вьетнамского и русского языков). М.

СЕМАНТИКА «ОГРАНИЧИВАЮЩИХ» СЛОВ X

Наше восприятие пространства, осознание пространства и представление о пространстве с необходимостью включают в себя некоторые пределы. Воспринимать, осознать и мысленно представить себе бесконечную, ничем не ограниченную величину мы вообще не можем. Само понятие бесконечности является лишь умозрительным конструктом, и в его основе лежит не положительный признак, а его отрицание, снятие естественно заданного признака, признака конечности, то есть, в известном смысле, насилие над психологической реальностью. Конец или предел является необходимой психологической опорой для восприятия любой данности.

Пространство является данностью, вне которой человек себя не мыслит, и в своих отношениях с пространством человеку требуются как минимум две психологические опоры. Это, во-первых, субъект сознания — «Я», всегда помещающий себя в центре идеального пространства, и противостоящая субъекту граница, или границы, которые замыкают пространство вокруг него. Эти общие моменты находят отражение в семантике слов, которыми мы пользуемся для обозначения разного рода пространственных пределов: *граница, грань, предел, черта*, — но в каждом из этих слов они проявляются по-своему. Это изначально пространственные слова — они применимы во всех случаях, когда предмет сообщения получает пространственную интерпретацию, и употребляются при описании самых разных типов пространств. Это, в частности, отличает «ограничивающие» слова от слова *конец*, семантически близко с ними соприкасающегося, но изначально связанного с временными параметрами. Другое, существенное отличие интересующих нас слов от слова *конец*, заключается в том, что они не абсолютны, они предполагают существование какого-то пространства и по другую сторону и возможность выхода в это пространство — за границу, за предел, за грань, за черту. Семантика ограничения имеет, таким образом, и другой аспект, который можно назвать «семантикой» разграничения. В значениях слов *граница, грань, предел, черта* эти два аспекта проявляются по-разному и не обязательно совместно. Наиболее ярко семантика ограничения и семантика разграничения выражены в слове *граница* — не случайно глаголы, обозначающие действия, связанные с некоторым качественным определением участка пространства и отделением его от соседнего, качественно иного участка, — *ограничить, отграничить, разграничить* являются производными именно от этого слова. Семантическая специфика остальных слов этого ряда выявляется в сопоставлении с словом *граница*.

Следует отметить, что различие между формами единственного и множественного числа у этого слова. *граница* — *границы*, — не просто грамматическое. *Границы* — это не множество границ. Это замкнутая линия, и она может быть ломаной или кривой. Для идеального пространства *границы* —

это окружность, *граница* же — это отрезок линии, и чаще всего он осмысливается как отрезок прямой. Аналогичные значения, но более абстрактного плана связываются в русском языке и с числовыми формами существительного *предел*. Образ линии здесь отсутствует, на первый план выходит признак досягаемости. *пределы* предполагает досягаемость во всех направлениях, то есть, в идеале, также по окружности, а *предел* — досягаемость в каком-то одном направлении. С множественным числом слова *черта* также связаны особые оттенки лексического значения, но у этого слова они связаны с пространством иначе: *черты* относится к форме предмета или, скорее, его составляющих частей и употребляется лишь по отношению к одному предмету — человеческому лицу. Производное от слова *черта* существительное *очертания* с понятием определенной формы совмещает представление о пространственных границах, пределах и может быть включено в один семантический ряд с этими словами на правах наиболее конкретного его члена. Тенденцию к лексикализации формы множественного числа, по-видимому, можно рассматривать как одну из особенностей «ограничивающих» слов с их тесно связанными между собой импликациями отделения и выделения*.

Как отмечалось выше, наше восприятие пространства с необходимостью предполагает выделение участка пространства в некоторых границах. Эти границы в разных случаях определяются по-разному. В самом простом и самом конкретном случае они определяются возможностями чувственного восприятия, как правило, зрительного, но восприятие также может быть и слуховым, и тактильным. Границы пространства для субъекта могут выходить за пределы чувственного восприятия, они расширяются в процессе деятельности, направленной на освоение пространства. Они также расширяются за счет памяти и воображения. Представляя пространство, можно представить себе комнату, часть земли в пределах видимого горизонта — и можно представить себе вселенную. Эти особенности во многом зависят от индивидуальных психологических качеств субъекта и, в конечном счете, отражают степень его интеграции с миром. В любом из этих случаев наше представление о пространстве предполагает движение, движение осязающих органов при восприятии, физическое движение по какой-либо территории при ее освоении и, наконец, движение мысли.

Роль границы как необходимой опоры в наших психологических отношениях с пространством имеет общие черты с ролью коммуникативных опор, или индексов, составляющих основу языкового дейксиса. (Первая из этих опор — субъект восприятия — совмещается с центральным коммуникативным индексом — субъектом речи.) Это сходство находит отражение в семантике слова *граница* (*границы*). *Граница* — одно из тех слов, чья семантика проявляет ориентацию на субъекта речи. Когда мы говорим *границы* или *граница*, не уточняя, по отношению к чему они определяются, то мы полагаем себя либо внутри границ, либо по определенную — *эту* — сторону от границы. В русском языке *за границей* однозначно понимается как 'в другой стране, чужой

* Ср. также сходное значение у формы множественного числа.

для субъекта'. Мы можем находиться на границе, но граница не может проходить через нас. Сходная особенность есть и у слова *черта*: *черта* также предполагает нахождение субъекта речи по определенной стороне, однако такой момент отсутствует в значении «неограничивающего» слова *линия*. *Линия* может проходить и через нас. У слова *предел* дейктический момент явственнее выражен в форме множественного числа, в единственном числе оно ассоциируется скорее с точкой, а не с линией.

При употреблении формы множественного числа слов *границы* или *пределы* субъект восприятия чаще коллективный — во всяком случае, если нет конкретного уточнения, — а описываемое пространство — не физическое, его тип описывается с помощью атрибутивных слов: *границы (пределы) возможного, границы (пределы) познанного, восприятия, понимания*, то есть границы или пределы возможного для нас, познанного или воспринимаемого человеком вообще. Без уточнения характера пространства эти слова употребляются, только когда речь идет об этическом пространстве.

Дейктический момент в семантике слова *граница* закреплен достаточно прочно, и снимается он, в основном, в контекстах, где эксплицитно обозначены части пространства по обе стороны от границы: *граница между Францией и Германией, между небом и землей, а также между светом и тенью, между лингвистикой и психологией, между добром и злом*.

В таких контекстах ярче всего выступает другая важная семантическая составляющая слова *граница*, присутствующая также и в значении слова *грань*. Она соответствует тому, что мы назвали семантикой разграничения: *граница (грань)* — это то, что предполагает раздел между двумя качественно различными участками пространства, или, если угодно, между двумя пространствами.

Момент качественного различия между разделенными участками пространства прослеживается и при дейктическом употреблении ограничивающих слов, он актуализируется в контекстах, фиксирующих внимание на пространстве по ту сторону границы, черты или пределов: *за границей, перейти черту, выйти за пределы*. Различие 'свой — чужой' (*за границей* — на чужой земле) это нечто большее, чем различие по признаку принадлежности, это, скорее, различие между двумя разными мирами, и, вероятно, оно особенно значимо именно для русского сознания. Признак качественного различия имплицитируется также в сочетаниях, обозначающих характер пространства: границы или пределы возможного определяются различием между возможным и невозможным, границы познанного — между познанным и непознанным, этические границы — между дозволенным и запрещенным.

Однако употребление слов *граница, грань* при описании собственно качественных различий имеет особенности. Если в других случаях границы полагаются как достаточно четко определенные, независимо от того, существует такой четкий раздел между участками пространства объективно или нет, то в данном случае практически неизбежно возникает вопрос об определении границ. Качества, о которых идет речь, в действительности не разделены, пространство, о котором идет речь, представляет собой континуум, где разные

участки плавно переходят друг в друга, подобно цветам в спектре. Это поле для сомнений, поле для бытийных вопросов и отрицаний. Самые распространенные контексты для слов *грань* и *граница*, это: *Есть ли грань между (добром и злом, наивностью и глупостью)?* или *Нет (реальных) границ между добром и злом и т.п.*

Наличие дейктического момента в употреблении ограничивающих слов и его отсутствие, снятие, которое наблюдается в высказываниях о качествах, по-видимому, являются главным моментом, определяющим выбор ориентированных на эти слова предикатов.

С дейктическими употреблением согласуются прежде всего предикаты движения или нахождения. Слово *граница* ассоциируется главным образом с движением. При всех возможных видах движения внутри границ и даже в непосредственной близости от них, самым важным является движение, связанное с пересечением границы, с выходом за пределы существующих границ. Есть две возможности выхода на другой участок пространства. Когда выход за пределы существующих границ связан с расширением возможностей субъекта и является результатом его деятельности по освоению пространства, то пересечения границ не происходит. Эти границы окончательно не фиксированы. Имеет место *раздвижение, расширение* границ разного рода, — в этом, собственно и состоит эволюция человека и человечества. Другое дело, когда речь идет о пространстве этическом. Здесь граница определена писаным или неписаным законом. Возможно либо оставаться в пределах границ, либо оказаться по другую сторону границы, нарушив правило или закон. И высказывания об этических границах фиксируют главным образом именно такие факты: *Это переходит все границы! Это выходит за всякие границы!* Такие высказывания однозначно оценивают ситуацию как ненормативную.

Именно ненормативная ситуация описывается, когда речь идет о переходе за *предел* или *пределы* или же за *черту*. *Предел* воспринимается всегда как фиксированный и объективно заданный, независимо от характера пространства, о котором идет речь. Со словом *черта* чаще ассоциируется некоторая граница, определенная субъективно и / или применительно к определенной конкретной ситуации. *Перешагнуть черту* может означать, что человек осуществляет действие, предполагающее снятие какого-то психологического барьера. С этими семантическими оттенками связана возможность употребления слов *предел* и *черта* в сочетаниях *положить предел, подвести черту*, т.е. тем или иным образом не допустить осуществления ненормативных действий.

Со словами *предел, черта* и *грань* естественны предикаты, предполагающие остановку в данной точке. Это либо предикат движения достичь (*предела*), либо предикаты состояния (нахождения в определенном месте): *быть, находиться, стоять у (последней) черты, быть на грани / за гранью*, описывающие поистине драматическое положение вещей.

В высказываниях о качественных границах возможны только два слова: *граница* и *грань*. Как уже было отмечено, здесь наиболее типичны бытийные

предикаты. Другие возможные здесь предикаты отражают либо поиск естественных признаков, критериев, позволяющих разграничить два плавно переходящие друг в друга участка пространства — мы стремимся определить, обнаружить, обозначить границу, — либо попытку сделать это произвольно. Мы проводим границу, устанавливаем ее. Нужно сказать, что радикального различия между такими ситуациями нет.

Как видим, наборы предикатов, актуализирующих «ограничивающие» и «разграничивающие» значения у интересующих нас слов, разграничены очень отчетливо, они нигде не пересекаются. Однако у ключевого для этого ряда слова *граница* это семантическое противопоставление, равно как и связанное с ним разграничение предикатов иногда практически снимается. Это происходит, когда слово *граница* употребляется в самом обычном для нас смысле (но далеко не самом простом — 'государственная граница, граница между территориями'). *Граница* в этом случае может актуализировать дейктический компонент значения — прежде всего в сочетаниях *за границу, за границей*, — и столь же свободно оно употребляется в контекстах, снимающих дейктический момент: *граница между двумя государствами, между Россией и Украиной*. Границы государства, с одной стороны, воспринимаются как заданные законом, подобно этическим границам, поэтому такие выражения, как *перейти границу* понимаются не просто как констатация передвижения из одного участка пространства в другой, но как действие, нарушающее закон, — мы говорим также *нарушить границу*. С другой стороны, государственные границы являются результатом некоторых действий, и они могут быть определены соглашением или договором. Границы могут быть изменены насильственным, военным путем, и тогда мы можем говорить о *расширении границ, переносе границ*. Расширение границ может стать также результатом освоения и присоединения к государству новых территорий. Иными словами, в этом случае в семантике слова *граница* мирно сосуществуют моменты, составляющие основу для всех описанных выше семантических противопоставлений. Вероятно, это обстоятельство и делает слово *граница* наиболее универсальным из *ограничивающих* слов. Самые разнообразные действия и положения, связанные с разделением и выделением участков во всевозможных видах пространств описываются глаголами, производными от существительного *граница* — *ограничить, отграничить, разграничить*, — а также прилагательными: *пограничный, ограниченный, безграничный*. Возможности других *ограничивающих* слов в русском языке заметно уже.

В заключение отметим, что подобное совмещение различных моментов, связанных с семантикой «ограничения» и «разграничения», характерно именно для русского слова *граница*. Все эти моменты — отдельно или в некоторых сочетаниях передаются именами существительными в других языках, но слова с сопоставимым семантическим диапазоном в других языках обнаружить трудно.

«ЛИЦОМ К ЛИЦУ»*

1. ВВЕДЕНИЕ

В настоящей работе речь пойдет об ориентации в пространстве объемных объектов и об особой конструкции с творительным падежом, которая обслуживает эту ситуацию ориентации в русском языке. Таким образом, данное исследование имеет несколько аспектов.

Первый аспект — это топология объектов в русской языковой картине мира — здесь мы опираемся прежде всего на идеи Л. Талми [1]. В этой работе Л. Талми ввел понятие *топологических типов* предметов, которые являются релевантными для носителя языка. Носитель языка различает вытянутые и бесформенные, вертикально или горизонтально расположенные и др. под. классы объектов, которые в языковом отношении обнаруживают отчетливое сходство в том, что А. Вежбицка называла *linguistic behaviour* [2]. Представленный ниже материал, с нашей точки зрения, подтверждает правомерность топологического подхода к описанию языкового пространства.

Другой важный аспект изучения пространства в языке — это его антропоцентричность. Она выражается в разного рода эффектах присутствия говорящего в ситуации. В нашем случае (т. е. в ситуации ориентирования) присутствие говорящего, как будет показано ниже, обязательно. Кроме того, антропоцентричность выражается и в самом выборе пространственных ориентиров. Известно, что наиболее распространенной моделью, по которой строится ориентирование объекта в пространстве, является так называемая *human body part model* (т. е. модель, опирающаяся на представление о соотношении частей человеческого тела): произвольный объект отождествляется по своему положению в пространстве и форме с человеческим телом, и затем его ориентирование строится по аналогии с ориентированием человеческого тела, причем в разных языках выбираются разные части тела — одни чаще ('спина', 'нос', 'лицо', 'голова' и нек. др.), другие реже (в частности, 'шея', 'бедро', 'сердце' или 'желудок'). Последнее по времени типологическое исследование такого рода предпринято в работе [3].

В нашей статье приводится подробное описание и интерпретация русского материала на эту тему. Показано, что в русском языке в некоторых редких контекстах представлена не только антропоцентричная, но и так называемая «пастушеская», или зооморфистская модель, при которой, наоборот, человек уподобляется животному (обычно эта модель оказывается господствующей в языках скотоводческих народов, ср. [4]).

*Настоящая работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект N 97-04-06-380а. Работа опирается на материал базы данных по русской предметной лексике «Лексикограф».

Сама же по себе конструкция ориентирования — как языковая структура — замечательна с типологической точки зрения тем, что дает огромный материал для изучения процессов грамматикализации в естественном языке именно те морфемы, которые исходно имели значение частей тела, затем получают наречное употребление и впоследствии приобретают статус аффикса. Конечно, в русском языке значимость морфем-ориентиров не утеряна: когда мы говорим *лицом* или *носом* < в угол >, мы отождествляем эти слова с частями тела человека. Тем не менее, определенные «следы» грамматикализации есть и в русском — и они, как показано в работе, проявляются в жесткой лексикализованности употреблений названий частей тела в контекстах этого рода. Ни выбор лексемы-ориентира, ни выбор синтаксического способа выражения смысла в этом случае не свободен, а значит можно говорить об особой *конструкции*, или даже *конструкциях ориентирования* (в смысле филлморовской Грамматики конструкций [5, 6, 7]; ср также [8]). Грамматика конструкций предполагает существование в языке цельных синтаксических фрагментов, в значение которых входит, кроме значений отдельных составляющих, еще и значение конструкции как таковой. Взаимодействие и взаимозависимость отдельных элементов конструкции друг с другом демонстрирует, как будет показано, и русская конструкция ориентирования с творительным падежом.

Но почему именно с творительным? Ведь, казалось бы, русский творительный, хотя и является одним из самых многозначных падежей, все равно по своей семантике слишком далек от значения ориентира (см., в частности, недавний обзор этой проблематики в работе [9]). Возможный ответ на этот вопрос тоже обсуждается в работе, так что еще одним ее аспектом является поиск «семантической константы» для русского творительного падежа.

Статья состоит из двух частей. В первой подробно излагаются языковые факты, во второй строятся лингвистические гипотезы.

2 ФАКТЫ

Итак, нас будет интересовать конструкция с редким творительным падежом (вида *лицом к стене*)¹, замечательная, в частности, тем, что в ней имеется сразу два объекта-ориентира. Действительно, мы говорим *Он стоял лицом к стене*, реализуя конструкцию

$X \text{ V } Y\text{-ом} <к> Z\text{-у}$,

где X — трехмерный объект, V — ситуация ориентирования, а Y и Z — ориентиры, причем Z — внешний ориентир ситуации, а Y — та часть объекта X , которая задает положение X -а относительно Z . Ниже мы последовательно рассмотрим ограничения на замещение переменных в данной конструкции.

2.1 Ограничения общего характера

Ситуация V описывается прежде всего *предикатами локативного состояния* (типа *стоять* или *лежать*) либо *предикатами каузации такого состояния* (ср. *он повернулся к нам спиной* и *под*). Собственно предикаты движения

используются редко, и это легко объяснить: если объект перемещается, то сама траектория уже задает ему единственно правильный ориентир — по ходу движения, ср. *головной* (т. е. 'первый по ходу движения') VS. *хвостовой* ('последний по ходу движения') *вагон поезда*, и др. Поэтому для ситуации движения необходимость дополнительных указаний на ориентацию объекта возникает только в случаях отклонения от нормы, т. е. *маркированного* положения объекта при движении, главное из которых описывается в русском языке как *задом наперед* (ср.: *Ехали медведи на велосипеде, а за ними кот задом наперед*). Заметим, что русское *задом наперед* описывает не только «неправильное» движение, но и «неправильный» его результат, т. е. употребляется и с предикатами каузации локативного состояния: *сел задом наперед, повесил задом наперед* или, например, *надел задом наперед*.

Тем не менее, строго говоря, это уже не совсем конструкция ориентирования нашего типа, так как здесь нет внешнего ориентира. Ср.: **кот ехал задом наперед ко мне / *кот ехал ко мне задом* (при естественном сидел). Дело в том, что внешним ориентиром здесь (т. е. и в случае «перевернутого движения») по-прежнему служит траектория движения, и она выражается наречием *наперед / вперед* (ср. *нести вперед ногами*). Впрочем, можно считать, что в тех редких случаях, когда описывается ориентация объекта в движении, наша конструкция редуцируется, причем, как мы увидим ниже, по достаточно стандартным правилам.

Внешний ориентир Z должен быть *прагматически значимым наблюдаемым объектом, сопоставимым по размеру с X*. Часто этим ориентиром оказывается сам наблюдатель / говорящий (ср. *повернулся боком ко мне*), причем он может быть и не выражен в предложении (ср. *он повернулся боком* с тем же значением 'боком к наблюдателю'). Семантическая роль наблюдателя обязательна в конструкции ориентирования, и даже в том случае, если наблюдатель не совпадает с ориентиром Z (ср. *повернулся боком к стене*), он все равно незримо присутствует в конструкции: без наблюдателя конструкция ориентирования интерпретирована быть не может (подробнее о роли наблюдателя см. [10; 11] и мн. др.).

Наибольший интерес представляет **второй ориентир (Y)**, соответствующий той части X-а, которая задает положение X-а в пространстве. Здесь можно перечислить сразу целый ряд очевидных ограничений:

а) Y должен быть *наружной, видимой частью X-а*; так, если говорить о частях тела человека, то в качестве Y подходят нос, голова, нога и т. п., но заведомо не внутренние органы (печень, сердце и т. п.);

б) эта часть должна *отличаться от других*: можно сказать *оба здания стоят фасадом к проезжей части*, но не **оба здания стоят стеной к проезжей части* (фасад у зданий один, а стен много);

в) Y должен быть *неотторжимой и статичной частью X-а*, имеющей постоянную ориентацию;

г) такая часть может быть элементом пары или множества; если эти парные (множественные) части однонаправленны, употребляется множественное

число (*дом окнами на север*), а если они разнонаправленны, то единственное (к нему *бок*).

Однако очевидно, что этих и других такого рода ограничений явно недостаточно для описания Y-а. Этот ориентир является в русском языке чрезвычайно лексикализированным, т. е. жестко заданным культурно и исторически, и это обстоятельство закреплено в языке. Более того, для правильного выбора ориентира Y существенным оказывается и его отношение к другому ориентиру (Z), и общая ориентация объекта. Соотношение между Y и Z может быть дистантным и контактным, ориентация объекта в целом — вертикальной и горизонтальной.

Мы рассмотрим последовательно возможные комбинации этих признаков: дистантного / контактного положения Y по отношению к Z и вертикального / горизонтального положения объекта — одушевленного или неодушевленного.

2.2. Дистантно расположенный X

А. Ориентация вокруг вертикальной оси ('передом' — 'задом' — 'бок')'

а) Вертикальный X

Прототипическим объектом этой группы является (стоящий) человек (здесь, как и в большинстве случаев, как раз реализуется human-body part model), и у него в русской картине мира имеется три вертикальные плоскости: передняя, боковая и задняя.

Каждой из них соответствует свой ориентир Y, т. е. своя часть тела: передней — *лицо*, или, в более разговорном варианте, *нос*, задней — *спина* (более грубый вариант — *зад*), боковой — только нейтральное *бок*. Существенно, что никакие другие части тела в этой ситуации в качестве ориентиров не приемлемы, ср. *Он стоял лицом / спиной / задом / боком (*животом / *грудью / *коленками / *глазами) к президенту*. Отметим, что если *спиной* и *задом*, в общем, взаимозаменяемы во всех случаях (с точностью до стилистических различий), то *носом* вместо *лицом* — замена скорее редкая в этом варианте конструкции (*стоял носом к двери*) и абсолютно недопустимая при одушевленном внешнем ориентире Z: ср. **носом ко мне / к матери* и под.

Ближе всего к человеку — по структуре своего тела — зверь, при ориентировании которого Y- *лицо* меняется на *морда*, а Y- *спина* на *хвост*, ср. *Собака равнодушно встала хвостом / мордой к двери и завывала*. Ориентиры *носом*, *задом* и *бок* остаются возможными, и в целом мы видим те же жесткие ограничения, что и в случае с человеком². Для экзотических зверей могут быть допущены исключения, и круг ориентиров расширен за счет кобота, бивней, рогов и проч. (ср.: *Огромное животное медленно повернулось к противнику своим устрашающим рогом и опустило голову*), но это уже периферия конструкции, ее, так сказать, «свободная зона».

б) Горизонтальный X

Говоря о животных, мы не различаем вертикальной и горизонтальной ориентации, так как в данном случае это несущественно: и у лежащей, и у стоящей собаки сохраняется один и тот же набор возможных ориентиров Y. Иная ситуа-

ция с человеком. Лежащий человек ориентирован совершенно иначе, чем стоящий; более того, лежать он может на спине, на животе или на боку, и в каждом из этих случаев на место Y имеются разные претенденты.

Лежащий на спине человек ориентирован с помощью ног (возможно, пятки), головы и бока; ср. *лежать ногами / головой боком к двери*. Лежащий боком ориентирован с помощью ног и головы, а также затылка, спины, лица (или носа), ср. *лежать лицом / носом / затылком / спиной к стене*. Ср. здесь ситуацию с животным: *собака легла хвостом к двери* значит, скорее всего, что она лежит «в вертикальном положении» (т. е. так, как если бы стояла — спиной вверх), и хвостом к двери — трудно представить себе такую интерпретацию, при которой в этом случае собака лежала бы на боку (как лежащий человек — и в этом случае горизонтальная и вертикальная ориентация для нее различалась).

в) Неодушевленные X, допускающие особое ориентирование

Помимо людей и зверей есть еще несколько типов объектов, которые в русском языке допускают особое ориентирование: это, в частности, дома, корабли и огнестрельное оружие. Огнестрельное оружие (пушки, пулеметы и т. п.) ориентировано *дулом, корабли — бортом, носом и кормой, дома — окнами, воротами, крыльцом* (интересно, что никогда не *дверью / дверьми*), *колоннами, фасадом* и уже совсем «безлично» — *углом или торцом*. Угол и торец применимы для ориентации любых других объектов, имеющих такого рода части, например, шкафа, кровати, стола, забора и др., ср.: *шпала лежала торцом к рельсу*. Отметим, что и здесь может происходить расширение зоны допустимых ориентиров Y для произвольных X, ср.: *Всю мебель составили в одну комнату, буфет оказался дверцами к холодильнику и достать из него уже ничего было нельзя; Поставь кровать спинкой к платяному шкафу, а этажерку — книжками к стене*. Это, однако, происходит за пределами обозначенного нами жесткого центра конструкции.

Б. Ориентирование дистантно расположенного X в вертикальной плоскости ('верх' — 'низ')

а) Вертикальные объекты (прототип — человек)

Особенностью этого случая является то, что здесь, как и при движущемся X, нет внешнего ориентира Z.

Точно так же, как и при глаголах движения, Z замещается наречиями (в данном случае, это *вверх* и *вниз*), выступающих прежде всего во фразеологически связанных сочетаниях *вверх ногами* и *вниз головой*³. В них закреплён порядок слов, ср. явную маргинальность сочетаний ¹*головой вниз* и ²*ногами вверх* в отличие от немногих возможных сочетаний с альтернативными Y типа *острием / штыком / подошвами вниз / вверх* или *вверх / вниз острием* и т.п. При этом именно *вверх ногами* служит родовым описанием для подавляющего большинства таких ситуаций, добавляя также специальное указание на неправильное («перевернутое») положение вертикально ориентированного объекта (ср. *поставил шкаф / надел очки / держит ручку / повесил картину вверх ногами*). Пожалуй, единственным исключением в этом отношении является посуда. Ожидаемое для этой группы лексем *вверх дном* в современном русском

языке не описывает перевернутого положения чашек и тарелок. Это фразеологизм, который употребляется только в переносном значении и означает беспорядок в помещении, поэтому в буквальном смысле предложение *посуда стояла вверх дном* не интерпретируется. Замечательно, однако, что и *вверх ногами* к этой группе лексики абсолютно неприменимо, ср. **поставь чашки вверх ногами*. Таким образом, здесь для конструкции ориентации возникает своеобразная «мертвая зона»⁴.

Заметим, что с точки зрения описываемой внеязыковой ситуации, *вверх ногами* безусловно тождественно *вниз головой*. Но при этом, как оказывается, они совершенно друг другу не синонимичны: *вниз головой* употребляется значительно реже, чем *вверх ногами*, и только по отношению к человеку (или животному), находящемуся в, так сказать, подвешенном состоянии, т.е. в контекстах предикатов типа *висеть*, *повесить*, *держаться* и под.

б) Горизонтальные объекты (прототип — животное)

Перейдем теперь к горизонтальным объектам, которые тоже могут быть ориентированы по оси «верх-низ». Прототипом здесь оказывается уже не человек, а зверь, который в своем обычном положении ориентирован спиной вверх, а лапами и брюхом — вниз. Это положение настолько стандартно, что оно не выражается нашей конструкцией ориентирования, зато маркированное, перевернутое положение животного фиксируется в языке, ср. *рыба лежала на воде брюхом вверх*; *щенок валялся в траве лапами кверху* и т.п.

Люди в горизонтальном положении уподобляются животным (и тем самым в этой зоне реализуется не антропоцентричная, а «пастушеская» модель!): совершенно так же, как и у животных, обычным с языковой точки зрения, немаркированным для них оказывается положение «лежа на животе»; поэтому обычно не говорят *лежать спиной / затылком / задом вверх*. Перевернутым, маркированным положением оказывается положение человека на спине (ср. *кверху брюхом*).

Существенно, что такое положение ни для человека, ни для животного не описывается как *вверх ногами*: для того, чтобы это случилось, нужно было бы, например, сначала поставить щенка на задние лапы и затем перевернуть. Это значит, что всякий предмет может иметь наиболее характерную, естественную ориентацию в пространстве — вертикальную или горизонтальную. Ее можно изменить на другую, но «переворачиваться» в русском языке в таком случае он будет иначе, чем обычно; в частности, *вверх ногами* описывает переворот только для вертикально стоящих объектов.

в) Неодушевленные горизонтальные объекты, допускающие особое ориентирование

Итак, ориентация горизонтальных объектов описывается иначе, чем ориентация вертикальных. Из неодушевленных к горизонтальным объектам относятся прежде всего материалы и изготовленная из них одежда, причем у них есть своя пространственная специфика. Дело в том, что верх для них — это *наружная*, внешняя сторона, а низ — не видная, внутренняя. Поэтому наряду с *мехом / ворсом / подкладкой вверх / вниз* и в тех же случаях используются сочетания *мехом / ворсом наружу / внутрь* соответственно. Ср. также *постелил*

скатерть / простыню меткой вверх / наружу (но не **вверх ногами*) В той же группе «двуслойных» горизонтальных объектов можно рассматривать пироги и бутерброды, ср. *упал начинкой / маслом вниз*

2.3. Контактное расположение X и Y

Дистанция между X и Z выражается в русском языке предлогом *к* с дательным падежом. *К* + дат. падеж отчетливо указывает на то, что между X и Z имеется некоторое расстояние, ср. *стоял лицом к следователю*. Альтернативой для *к* + дат. падеж является модификация конструкции, где Z вводится предлогом *в* + винит. падеж. Эта конструкция обычно описывает контактное расположение X и Z (ср. *лицом в подушку*). Другая, уже сугубо контактная, модификация конструкции — *X Y-ом на Z-е* (ср. *стоял обеими ногами на заборе*). При этом из контактных наиболее естественно, конечно, горизонтальное положение X-а, когда две поверхности соприкасаются под действием силы тяжести. Поэтому, если в случае *стоял носом в угол* контакт все-таки не обязателен, то для *лежал носом в угол* — скорее, неизбежен.

На первый взгляд, само контактное расположение уже выходит за рамки ситуации ориентирования и той конструкции, которой посвящена эта работа. Ориентир здесь заменен контактной поверхностью. Однако нам хотелось бы обратить внимание на следующее обстоятельство. Как и во всех рассмотренных выше случаях, в случае контактного расположения X и Z, X обязательно представляется единым, цельным объектом. Когда говорят *Он упал лицом в землю*, имеется в виду, что все его тело было повернуто так же, как и лицо, т.е. что грудь, живот, колени и т.п. соприкасались с землей. То же верно для сочетаний типа *лежал спиной на влажных досках* (т.е. 'навзничь'), *щекой на мягкой подушке* (т.е. 'боком'); тем самым, все эти ситуации задают не только контакт отдельной части тела с поверхностью, но и ориентацию объекта в целом. Важно, что точно такая же картина возникает и при дистантном расположении X и Y; например, *Он повернулся ко мне лицом* подразумевает, что человек повернулся *весь*, а не только повернул голову. Поэтому, как кажется, случаи контактного расположения не следует исключать из рассмотрения.

Замечательно, что для контактного горизонтального положения тоже имеется свой список допустимых Y-ов — пожалуй, самый большой. Так, *лежать* (например, *на подушке*) можно *лицом, щекой, виском, животом, затылком, коленями, носом, ногами, пятками, грудью, спиной*. И все-таки, этот список тоже ограничен: не говорят, например, ни **лежал задом на полу*, ни **лежал боком на полу* — в последнем случае может использоваться либо просто наречие *боком*, либо другая (локативная) конструкция: *на боку*. Ниже мы кратко охарактеризуем такую локативную конструкцию на фоне конструкции с творительным ориентирования.

Локативная конструкция *X V на Y-е* описывает положение X-а с опорой на его часть Y. Если говорить о человеке, то он, согласно правилам русского языка, может *сидеть (лежать, стоять) на боку (спине, животе, голове, ногах, руках, пальцах, коленях, цыпочках, корточках, пятках, носках)*, а также *на внешней и внутренней стороне ступней* (ср., однако, запрещенное **стоял на*

ступнях). Как видим, выбор здесь довольно большой, но и ограничения достаточно жесткие. Так, предложение *Она лежала на груди* интерпретируется в русском языке (в отличие от *лежала на животе* или *на спине*) только как конструкция с опущенным творительным, т.е., например, *лежала щекой (всем телом) на [чьей-то] груди*. Кроме того, данная конструкция практически не допускает распространения. По-русски можно сказать *стоял на задних лапах* (или *на полусогнутых ногах*), но не **стоял на грязных / мускулистых ногах*, **лежала на красивом подтянутом животе*, в лучшем случае, последние примеры интерпретируются как конструкции с опущенным творительным (т.е. имеют в виду чужой живот или чужие ноги).

Представляется, что по отношению к такого рода распространению конструкция с творительным ориентирования ведет себя в принципе более открыто; ср. *лежала теплой щекой на подушке, разлегся толстым животом на прилавке* и т.п.⁵. Впрочем, в контексте глагола *стоять* обнаруживаются любопытные ограничения: можно *стоять босыми / грязными ногами на полу*, но не **стоять усталыми / стройными / кривыми / полусогнутыми ногами на полу*. Отсюда следует, что при *стоять* в данном случае лексема *ноги* интерпретируется как опорные поверхности ступни, а не как 'конечности'; о других контекстах противопоставления в русском языке смыслов 'ступня' и 'конечность' (аналогичных, например, англ. *foot* — *leg*, см. [14]).

3. ГИПОТЕЗЫ

В данном разделе мы хотели бы перейти от языковых фактов к их возможной интерпретации. Собственно, мы хотели бы затронуть здесь следующие теоретические вопросы: каков семантический статус переменной *Y* в данной конструкции и почему в русской конструкции ориентирования используется именно творительный падеж?

В поисках ответа на первый вопрос возможны два принципиально разных пути. С одной стороны, можно считать, что у глаголов местонахождения и каузации местонахождения (типа *стоять, лежать, положить, держать* и под.) есть актанты 'чем' и 'где / куда' (ср. *стоять ногами на ковре*) — синтаксически необязательные, но в некоторых контекстах способные поверхностно выражаться. Для этого нужно, во-первых, соответствующим образом модифицировать толкование подобных глаголов (это было бы нетрудно, потому что в семантическое представление каждого из них входит предикат типа 'располагаться', безусловно содержащий такого рода переменные) и, во-вторых, смириться с их многовалентностью (обсуждение такого решения в более широком теоретическом контексте см. также в [12]).

Другой путь — считать *Y* сирконстантом, механически добавляющимся к модели управления соответствующих предикатов. Такое решение, как нам кажется, неудобно и теоретически неоправданно — хотя бы ввиду того сложного комплекса ограничений, который, как мы видели, связан с *Y*-ом. Весь материал настоящей работы свидетельствует против такого решения. Однако есть и третий — как всегда, промежуточный — путь. Речь идет о процедуре расщепления валентности объекта, в которой обычно фигурирует его часть (ср. хресто-

матийные примеры типа *погладила ее по волосам*). В качестве менее тривиальной иллюстрации того же явления можно привести глагол *чувствовать*, исходно двухместный (*кто чувствует что*), но иногда «проявляющий» третью переменную со значением ‘орган чувства’: ср. *чувствовать кожей / затылком / спиной / шестым чувством / всеми фибрами души*. Механизм образования этой валентности, здесь, как нам кажется, тот же: расщепление субъекта, в результате которого выделяется особая переменная — его «чувствующая» часть, так сказать, инструмент чувства (ср. также *видел собственными глазами, слышал собственными ушами*).

Вернемся теперь к нашим примерам с конструкцией ориентирования. Здесь тоже можно усмотреть расщепление субъектной (в случае типа *стоять*) или объектной (в случае типа *поставить*) валентности; при этом выделяется участник, который семантически можно было бы квалифицировать как своеобразный **инструмент ориентирования** и который, как и следовало ожидать, в русском языке кодируется творительным падежом.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Такой творительный не только ограничен в употреблении рамками данной конструкции, но и, как будет показано ниже, сильно лексикализован, поэтому обычно при классификации значений он не принимается во внимание. В частности, контексты рассматриваемого нами типа отсутствуют и в [13], и в [9].
- ² Любопытно, что при легко допустимом в качестве ориентира *задом* (*повернулся задом*), абсолютно недопустимо *передом* (**повернулся передом*), возможное только в сказочном *Встань ко мне передом* по отношению исключительно к избушке.
- ³ В связи с данным случаем обращает на себя внимание несимметричность ситуации движения. Для ее описания используется только наречие *вперед*, но не *назад* (**Его несли головой назад*).
- ⁴ Несколько лучше, может быть, звучат предложения вида *посуда стояла кверху дном*, однако и они многими носителями языка отвергаются.
- ⁵ Несколько хуже дело обстоит с дистантными употреблениями, ср.: *?повернулась ко мне милым лицом / ?толстым боком / ?мускулистой спиной*.

ЛИТЕРАТУРА

1. Talmy L. How language structures space // H. Pick, L. Acredolo (eds), Spacial orientation: theory, research, and application. N. Y.: Plenum, 1983, p. 225–282.
2. Wierzbicka A. Lexicography and conceptual analysis. Ann Arbor: Karoma, 1985.
3. Svorou S. The Grammar of Space. Amsterdam: Benjamins, 1994.
4. Heine B., Claudi U., Huennemeyer F. Grammaticalization: a conceptual framework. Chicago: Univ. of Chicago press, 1991.
5. Fillmore Ch. J., Kay P., O'Connor C. Regularity and idiomatcity in grammatical constructions the case of *let alone* // Language. 1988. Vol. 64, p. 501–538.
6. Fillmore Ch. J., Kay P. Construction grammar course book. Berkeley: Univ. of California, 1992.

7. *Goldberg A.* A Construction grammar approach to argument structure. Chicago: Univ. of Chicago, 1995.
8. *Плунгян В. А., Рахилина Е. В.* «Тушат-тушат — не потушат»: грамматика одной глагольной конструкции // Исследования по глаголу в славянских языках: глагольная лексика с точки зрения семантики, словообразования, грамматики. М.: Филология, 1996, с. 106—115.
9. *Janda L.* A geography of case semantics: The Czech dative and the Russian instrumental. В.: Mouton de Gruyter, 1993.
10. *Fillmore Ch. J.* How do we know wheather you're coming or going // G.Rauh (ed.). Essays on deixis. Т 8Б Obingen: Narr, 1983, p. 219—227.
11. *Апресян Ю. Д.* Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семантика и информатик, 1986. Вып. 28.
12. *Плунгян В. А., Рахилина Е. В.* Парадоксы валентностей. // Семантика и информатика, 1998. Вып. 36.
13. *Wierzbicka A.* The case for surface case. Ann Arbor: Karoma, 1980.
14. *Рахилина Е. В.* Семантика размера // Семантика и информатика, 1995. Вып. 34.

РАЗМЕР И КОЛИЧЕСТВО В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА*

Практический опыт человека формируется в окружающем его предметном пространстве. Осваивая его, человек не только дает имена наполняющим его предметам, но и включает их в личную сферу — наделяет смыслом. Названия предметов, явлений и ситуаций превращаются в символы, образы и знаки. Язык предметного пространства расширяет сферу значений и становится пригодным для представления непредметных сущностей: он опредмечивает их и изображает зримыми и явными; так, неудачная попытка рисуется как *сесть в лужу, попасть в просак, опростоволоситься, шито белыми нитками*, а успешная — как *быть на коне, взять быка за рога, оказаться на высоте* (ср. [2, 85–87]). Этот универсальный механизм, ставший когнитивным достижением здравого смысла в освоении непредметных сущностей, не менее эффективно действует и в области представления количества. При этом он обогащается рядом специфических черт — благодаря ему формируются и «изображаются» представления о пределе и интенсивности, внутренний мир человека параметризуется, а параметры внешнего мира психологизируются, кроме того, заведомо не имеющие единиц измерения явления получают количественную интерпретацию, имеющую аксиологический смысл.

В системе категорий Аристотеля количество занимает второе место после сущности (см. [9, 151; 3, 106]), и это не случайно. Объекты и предметы, наполняющие пространство, мы воспринимаем одновременно с их внешними свойствами, и в первую очередь — с их размерами — количественными физическими параметрами, поэтому мы говорим *большое красивое красное кресло*, а не *красивое красное большое кресло*, *небольшая уютная комната*, а не *уютная небольшая комната* [7]. В научном познании важны все более точные измерения количества и потому единицы, шкалы, приборы, соотношения между параметрами одного и того же предмета, ср. масса и вес, скорость и расстояние; здесь измерение и количественная оценка означают одно и то же — численную квантификацию, в идеале никак не зависящую от человека. Практический опыт, напротив, соотносит количество не столько с точной шкалой, сколько с жизненными ситуациями, и поэтому здесь оценка количества психологизируется, субъективируется и превращается в аксиологизацию. Практическое, донаучное сознание пользуется не столько точными цифровыми данными, сколько, в некотором роде, их оценочными аналогами. В обыденном сознании количество «опредмечивается», а не исчисляется, оценивается, а не измеряется, и потому окрашивается психологическим отношением к нему. (Не случайно уменьшительные и ласкательные суффиксы совпадают).

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект 99-04-00350а

Исходным психологическим моментом освоения практическим сознанием количественных параметров становится то, что размеры — это предметное свойство, которое объединяет человека с окружающим его миром, с наполняющим пространство предметами

Количественные отношения осваиваются практическим сознанием через их психологизацию — формирование отношения к нему, и основываются на следующих процедурах 1) сравнение предметов между собой и их количественная градация, 2) сравнение с собственными размерами (ср *трава по колено, куст с меня ростом*) и использование их в измерении (*локоть, аршин, фут, дюйм*), 3) измерение подручными средствами (*стакан сахара, ведро воды*), 4) выделение особо значимых точек нормы — «ни много, ни мало», минимума и максимума, которые оказываются наиболее эмоционально окрашенными, ведь они обозначают пределы, границу вещи и мира — особо выделенные точки пространства

Минимальные размеры и количество опредмечиваются в выражениях *ни крошки / маковой росинки во рту не было, в чужом глазу песчинку увидеть, кот заплакал, в час по чайной ложке, с воробьиный / гулякин нос, на птичьих правах, из пушки по воробьям, мухи / комара не обидит, делать из мухи слона, мышинная возня, горстка храбрецов, на волосок от смерти, ни кровинки в лице, до последней капли крови, все до капли, капля в море*. Так что знаками, материальными символами исчезающе малого или недостаточного количества становятся *крошка, росинка, песчинка, волосок, горстка, маленькая птичка* или *насекомое*. В русском языке универсальным «инструментом» измерения наименьшего количества и проверки наличия или отсутствия чего бы то ни было становится «капля», которой «измеряются» не только жидкие вещества, но и время, чувства и отношения *подожди капельку, ни капли не страшно / не боюсь / не доверяю / не люблю*

Сами по себе маленькие предметы психологически выделены — они не представляют для человека опасности, угрозы или трудностей, и потому часто их скромные размеры вызывают умиление, снисхождение или пренебрежение, ср *птишка, букашка, козявка, мелочь, малость, мелкота, мелюзга, пигалица, безделушка, бирюлька, фитюлька, вилюлька, писулька, закуток, каморка, лазейка*. Однако есть вещи, ценность которых так велика, что даже их небольшое количество оценивается как важное явление, смысл «мало, но важно, мал золотник, да дорог» воплощается в выражениях *с изюминкой, искра таланта, крупица здравого смысла, зерно истины, зародить зерно / семя сомнения*, положительно оцениваются предметы, имеющие небольшие размеры и практически или эстетически ценные *миниатюрный, изящный, компактный, вместительный*

Психологически значимым является недостаточное или избыточное количество — меньше или больше нормы (ср *маловодный, малорослый*), — оно вызывает проблемы, поэтому по аналогии с предметным миром этот смысл переносится и в мир социальный *малограмотный, малодушный, малопонятный*. В разговорной речи он «материализуется» в оборотах, выражающих недостаток (сил, способностей, возможностей) *мало каши ел, кишка тонка, руки коротки*. Идея количества, превышающего норму, передается в выражениях *громоздить, загребать, вбухать, вылом валить, хлынуть, кишет, сгрудиться* и т. п.

Собственно количество также разбивается на минимум и максимум, при этом числительное два — стало символом для «мало» (*в два счета, в двух шагах, в двух словах, от горшка два вершка, двух слов связать не может, пара пустяков*), а три и тем более семь — для «много» или «очень много»: *гнуться в три погибели, наврать с три короба, втридорога заплатить, — на седьмом небе от счастья, работать до седьмого пота / за семерых, седьмая вода на киселе, семь пядей во лбу, семь няnek, за семью печатями, семь раз отмерь* и т. п.

В практическом сознании большое и максимальное количество оценивается как несчетное (ср. выражение *без числа, не счесть* vs. *по пальцам пересчитать*), и опредмечивается в природных явлениях (*поток, река, море, град, туча, лес* и др.), т. е. в тех, что человек не может охватить взглядом целиком, которые недискретны или многократно превышают его собственные размеры, ср. *море (масса) народу, вино / слезы рекой, поток слез / слов, людской поток, пруд пруди, пот градом, град пуль / обвинений, лес рук, тучи комаров*. Такие «единицы» измерения неисчислимого позволяют практическому сознанию оценивать заведомо не имеющие количества сущности, ср. *океан / буря страстей*. Некоторые особо важные явления имеют свои собственные единицы описания большого количества: *дыму хоть топор вешай, денег куры не клюют, забот по уши / полон рот; (инженеров, писателей, ученых) как собак нерезаных*; ср. идею полного отсутствия в выражении *хоть шаром покати*.

Само же слово «большой» по отношению к непредметным сущностям приобрело массу разнообразных значений, отражающих психологическое и эмоциональное отношение к большому количеству хорошего и большому количеству плохого. Так, *большое будущее* — это «хорошее», *большая / крупная победа, писатель, поэт* — «выдающиеся», *большая радость, чувство, неприятность, горе, перемена* («с размахом»), *большой нахал, плут, шутник* — «в большой степени».

Выделенным объектом внимания для практического сознания выступают множества. Неупорядоченные множества психологически связываются с хаосом, ср. *куча, грудa, ворох, кила, гора*, в том числе и по отношению к людям: *гурьба, ватага, орава, сброд, скопище, шатия*, тогда как функционально или социально упорядоченные группы рациональны и контролируемы: *комплекс, комплект, серия, набор, сервис, — звено, команда, отряд, совет, комитет* и т. п. Поэтому человек стремится упорядочить исходно хаотичные образования и дает им при этом свои имена. Так, *звуки и краски* упорядочиваются в *гамму, звезды* — в *созвездия* и пр., которые сами становятся носителями идеи упорядоченности: *плеяда артистов, гамма чувств, команда президента*; ср. идею упорядочения в выражениях *разложить по полочкам, знать свое место*. Естественные и окультуренные множества живых существ также получают свои имена, причем в зависимости от их состава — *рой комаров / пчел, свора собак, стая птиц, стадо коров, табун лошадей* и пр., которые по отношению к человеческой деятельности выражают идею неорганизованности или организации для выполнения осуждаемого действия: *рой мыслей, свора критиков, как стадо баранов*, ср., однако, *хор насмешек*.

Параметры минимум-максимум связаны с темой предела, актуальной и в практической, и в духовной жизни; это «критические точки», сопряженные «с особой экспрессивностью и внутренней напряженностью, с драматичностью и выразительностью» [11, 46]. Они подразумевают начало и конец, границы хаоса и порядка, рубеж и его достижение или переход, край, грань, черту, некий поворотный пункт. Слова, обозначающие границы и предел, способны потому выражать идею интенсивности или максимальности, ср. *крайне неудачно, предельно ясно, на грани провала*. Так же и количественные определения *полный, весь, целый*, которые исходно значат «все количество» и психологически связываются с достижением предела, и потому приобретают смысл «очень / предельно (много)»: *дом полная чаша, полно народу, полная неразбериха, полный / круглый дурак, на всю / полную катушку, полный / целый / весь день / дом*.

Познавая мир, человек познает себя. «Вещественные» свойства предметов и явлений используются для описания человека и его мира, ср. *глубокая идея, поверхностные знания*. Физические свойства предметов, безразличные к оценке, при их приложении к миру человека часто приобретают оценочный смысл благодаря тому, что начинают обозначать количество или интенсивность: *жидкие волосы, голос, аплодисменты, аргументы; твердый / мягкий характер, железная воля* (ср. *бесхарактерный, безвольный*). Рефлексия над собственным миром позволяет описывать мир в психологических терминах, по вызываемым им психологическим ассоциациям: *занятный, скучный, увлекательный* и т.п. [4, 65, 13, 165—171]. Так, количество может выражаться через его восприятие и переживание — *внушительные размеры, осязаемые потери, серьезные недостатки, нестерпимая / невыносимая / испепеляющая жара*. «Количество» явления «измеряется» его воздействием на человека.

Страх — самое древнее и самое сильное чувство из всех, что способны испытывать живые существа, оно заложено в их биологической природе (в виде инстинкта самосохранения) и связано с ограниченностью сил и возможностей; от страха, как ни от какого другого чувства, можно умереть в прямом смысле. В языке есть множество подтверждений тому, что страх — особо выделенное чувство; в частности, слова *страшный, ужасный, жуткий* стали в разговорном языке самыми распространенными интенсификаторами, в том числе и количества: *ужасный грохот, страшный ливень, страх / ужас / жуть как много / какой умный, жутко холодно / жарко, ср. страх / гибель / смерть комаров* «несметное количество». Малое вызывает удивление или пренебрежение, большое — восхищение, опасение или страх: *страх, как много, смех, как мало*, ср. *страх, какой маленький*, так что интенсивность — это приближающееся к пределу (количество).

Таким образом, представления о большом количестве, приближающимся к пределу, о ситуации, вовлекающей весь объект целиком, о значительном отклонении от нормы формируют идею, с одной стороны, о пределе вообще, а с другой — о максимальной степени проявления, интенсивности, при этом смысл «очень много» формирует смысл «очень», Magn.

Интенсивность — одно из значений, которое покрывается параметром Magn, но не исчерпывает его — интенсивность характеризует только процессы и явления внешнего и внутреннего мира: холод, сквозняк, шум, чувства и под. Со всеми другими значениями параметра Magn его объединяет то обстоятельство, что все они выражаются в разных языках весьма идиоматично. Видимо (см. выше), только интенсификаторы «страшный» и «ужасный» будут одинаково характерны для разных языков (ср. англ. *awful, fierce, terrible*), остальные способы выражения идеи интенсивности будут в большей или меньшей степени национально специфичны. Так, по причинам, здесь не рассматриваемым (см. [8, 26—29]; ср. [12, 367—369]), в русском языке наиболее распространенным способом выражения этой идеи стало определение *сильный*, ср. *сильный мороз, туман, шум, волнение, впечатление, боль*, тогда как, например, в английском — *heavy (rain, smog, sound, crop, traffic, foliage, layer (мощный слой), casualties* и пр.), ср. *hard, keen, violent*.

Параметр Magn примечателен тем, что покрывает значительный пласт фразеологических единиц в любом языке. Это говорит об особо важном значении в практической жизни смысла «очень» — вообще, и «очень много» — в частности, и демонстрирует сопровождающую их восприятие и описание эмоциональность и экспрессивность, которая, в свою очередь, воплощается в изобразительности и «опредмеченности», ср. *друзья — водой не разольешь, надоесть хуже горькой редьки, задача — проще пареной репы, напиться до положения риз, разбиться в лепешку, знать как свои пять пальцев, глаза на лоб полезли от удивления* и мн др. Интенсивным может быть не только представляемое явление, но и отношение к нему, которое передается специальными экспрессивными средствами, придающими речи эмоциональную, аффективную и потому стилистическую окраску, ср. *Она необыкновенно хороша — Она чертовски хороша*, и объясняющие наличие большого пласта стилистически отмеченных слов и словосочетаний, выражающих степень интенсивности явления и часто одновременно — эмоциональное отношение к нему: *бесконечно (скушно), предельно (понятно), чрезвычайно (полезно), стерильная (чистота), чистой воды (обман), колоссальный (успех), гигантский (скачок), грандиозный (провал)* и пр., которые являются контекстуальными синонимами слова *очень* и потому параметра Magn.

Несмотря на то, что категория интенсивности связана со всеми уровнями языка (от фонетического до стилистического и прагматического), она еще не получила достаточного внимания в лингвистике [5, 314]. Тем не менее, следует отметить, что она прямо связана с параметром Magn, задает в языке множество идиоматических оборотов ее описания и выражения, значительное количество которых — как бы «застывшие картинки». Интенсификация описания или выражения отношения часто сопровождается гиперболизацией. С одной стороны, она явно связана с художественной образностью, а с другой — с разговорностью, и потому ее можно считать свойством эстетики (поэзии) разговорной речи, ее выразительности, ср. *Я абсолютно вам не верю — Не верю ни единому вашему слову* [1, 205].

Однако самым продуктивным и, как кажется, универсальным инструментом описания, представления, изображения и выражения оценки происходя-

щего во внешнем и внутреннем мире стал сам человек — его «неотторжимая собственность» голова, шея, спина, глаза, язык, нос и пр. Собственно количественные отношения зафиксированы в выражениях *в двух шагах, под боком, под самым носом, рукой подать* («близко»), *на каждом шагу, что ни шаг* («много и часто»), *праздники на носу* («скоро»), *мизинцем не пошевелить* («не сделать ни малейших усилий»). Антропоцентрическая интерпретация самых разнообразных явлений всегда эмоциональна, экспрессивна, импрессивна, образна и выразительна, ср. *сидеть на шее, развесить уши, обвести вокруг пальца, смотреть сквозь пальцы, гнуть спину / иметь зуб на к.-л., на лбу написано* и мн. др. Но наибольшее количество фразеологизмов существует со словом *рука* — как самом главном естественном практическом инструменте человека. Выражения со словом *рука* хорошо известны — *прибрат к рукам, приложить руку, нагреть руки, поймать за руку, играть на руку, отбиться от рук, чужими руками жар загребать, мастер на все руки, попасть под горячую руку, махнуть рукой, руки коротки* и мн. др.; ср. способы выражения параметра Magn. *работать не покладая рук / не разгибая спины, на руках носить* (высшая степень проявления любви) По свидетельству В. Г. Гака, во французском языке насчитывается до двухсот оборотов со словом «рука»

Механизм опредмечивания непредметных сущностей и превращение их описания во фразеологические единицы характерен для здравого смысла на любом языке — именно потому, что он «здрав» рационален, понятен, нагляден и выразителен. Но в каждой культуре он имеет свои особенности, отражающие свои наиболее типичные, привычные и всем понятные явления. Так, для русской жизни и культуры характерная еда — каша — стала материальным воплощением целого ряда понятий. *каша в голове / во рту, мало каши ел, с ним каши не сварить, сапоги каши просят, заварить / расклебывать кашу, березовая каша*, и пр. В других языках смыслы «плохо говорить / мыслить», «слабый», «отказ сотрудничать», «дырявая обувь» и пр. будут фразеологизированы совсем в других выражениях, ср. [14], равно как большинство количественных представлений, рассмотренных выше на материале русского языка.

Так, в английском языке наименьшее количество часто представляется как *a bit* — «маленький кусочек», ср. *to bite* «кусать»: *not a bit* (ни капли, ни крошки), *have a wee bit of patience* (иметь каплю терпения), (ср. *to bite off more than one can chew* — взяться не за свое дело, «откусить больше, чем можно прожевать»), но *a drop in a bucket* («капля в ведре»), последняя капля — *the last straw* («соломинка»), ср. *not to care a straw* (наплевать, несколько не беспокоиться) и *not worth a straw* (ничего не стоящий), *not a grain of truth* — ни капли («зернышка») истины, *there is no sparkle about her* — в ней нет изюминки («искорки»), висеть на волоске — *to hang by a thread* («на нитке») Маленькое насекомое пчела фигурирует в выражении *to have a bee in one's bonnet* (быть с причудой), а птица — в *birds of a feather* (одного поля ягоды, «птицы с одинаковым оперением») Представление об успехе представляется как «звонить в колокол» — *to ring the bell*, а о саморекламе — как «звонить в свой собственный колокол» — *to ring one's own bell* Примерами антропоцентрических фразеологизмов, выражающих количество или смысл «очень», являются следующие: *up to the eyes in*

work / debt — по уши («глаза») в работе / долгах; *to make smb open his eyes* — удивить (ср. *глаза на лоб полезли от удивления*); *to save one's face* — не ударить лицом в грязь, быть на высоте, (*to resemble*) *to a hair* — (походить) точь-в-точь; *to comb a person's hair for him* — намылить голову; *not to turn a hair* — глазом не моргнуть, *to split hairs* — спорить о мелочах; *it made his hairs stand on end* — у него волосы встали дыбом (от страха).

Механизм опредмечивания и символизации — не устаревший архаизм, а действующий способ создания фразеологических неологизмов. Так, в [10] содержится множество выражений, описывающих новые реалии политической жизни Америки или по новому интерпретирующие старые: *to beat the drum* — поднимать шумиху («бить в барабан»); *to bite the bullet* — стиснуть зубы, терпеть, принять трудное решение («кусать пулю», ср. *закусить удила*); *to carry the can* — отдуваться («нести контейнер», ср. *тащить свой воз*); *a carpet bagger* — пришлый (из другого штата) кандидат («проситель ковра»); *a Christmas tree* — законопроект, перегруженный поправками («рождественская елка»); *a copperhead* — пораженец, предатель («медная голова»), *a facedown* — конфронтация, конфликт («лицом вниз»); *to come eyeball to eyeball* — вступить в конфронтацию («встать глаза в глаза»); *a fingerprint* — отличительная черта («отпечаток пальца»); *hand-picked* — чей-то ставленник (ср. *прирученный*); *to go fishing* — сачковать избирательную кампанию («пойти на рыбалку»); в том числе и количественные: *a (pay) cap* — (*экономический*) потолок, предел («кепка»); *a flat-out campaign* — избирательная кампания, которая с самого начала ведется в полную силу и потому грозящая выдохнуться к концу (ср. *все ушли на фронт*); *larger than life (political figure)* — невероятный, преувеличенный («больше чем в жизни») и др.

Механизм опредмечивания непредметных сущностей делает разговорную речь выразительной, экспрессивной и доходчивой, ср. *туп, как сибирский валенок*. Но он характерен не только для разговорной речи. Свое эстетическое развитие он получил в литературном языке, в первую очередь — в художественной и особенно поэтической речи, где он воплощается в виде художественных образов, метафор, эпитетов и сравнений — *дивный лес, серебристый перелив, злая буря, небывалая любовь, сердце кипит* (А. Фет) и потому имеет непосредственное отношение к поэтической функции языка, которая и выступает развитием механизма символизации, отработанного в разговорном обиходном языке.

Сходство разговорной и поэтической речи не случайно, поверхностно и внешне, как считают некоторые специалисты (ср. [6, 192]), а глубоко внутреннее и принципиальное — их объединяет стремление к наглядности, выразительности и потому изобразительности и экспрессивности. В полной мере этой цели и отвечает механизм опредмечивания непредметных сущностей: переживания, отношения, смысла. Поэтическая речь отличается лишь степенью художественной обработки языкового материала — как высшее достижение литературного языка она эстетически значима и использует механизм опредмечивания не в том виде, как он сложился в разговорной практике, — воспроизводя готовые хорошо знакомые образы, а творчески, создавая свои — нежи-

данные, неповторимые, свежие, поражающие воображение и потому яркие и волнующие, что видно на материале количественных параметров не менее явно, чем на любом другом

Поэтому в поэзии свои способы и объекты измерения: *Тебе дано бесстрастной верой Измерить все, что видишь ты* (Блок); *И до последней капли мысли, До вздоха смертного в груди — Блюди восторг, избранник жизни! И тише мысли уходи* (Гробовский); *Не так ли я, сосуд скудельный, Держу на запретный путь, Стихии чуждой, запредельной, Стремясь хоть каплю зачерпнуть* (Фет); «множества»: *То был безжалостный порыв Бессмертных мыслей вне сомнений. И он умчался, пробудив Толпы забытых откровений* (Блок); *Поверь, когда слепней и комаров Вокруг тебя летает рой журнальный, Не рассуждай, не трать учтивых слов, Не возражай на писк и шум нахальный* (Пушкин), свои способы представления «предела количества»: *И так прозрачна огней бесконечность* (Фет), *Кто смеет молвить «До свиданья» Чрез бездну двух или трех дней?* (Тютчев); *Чрез край перелилась Восторга творческого чаша* (Блок); нетривиальные количественные определения: *Лишь кой-где бледные березы, Кустарник мелкий, мох седой* (Тютчев); *И сердце бьется слишком скоро, И слишком молодеет кровь, Когда за тучкой легкоперой Сквозит мне первая любовь* (Блок); *О нет, летай, огонь воздушный* (Лермонтов); *Лениво дышит полдень мгlistый, Лениво катится река* (Тютчев); *Здесь тишина цветет и движет тяжелым кораблем души* (Блок); и способы описания «очень большой степени проявления признака»: *Все злей метель и с каждою минутой Сердито рвет последние листья, И за сердце хватает холод лютый* (Фет); *в белой рьяности волн* (Пастернак); *Ты разлитая как море, Пышноструйная волна, Приюти в твоём просторе Тайну скромного челна* (Тютчев); *...где жаркое волненье* (Пушкин), *даль крошечная* (Гробовский); *И вся она немисливо лучится* (Ахматова); из Блока: *Огромный месяц за плечами Таинственный румянит лик Перед зарей необозримой; Весь горизонт в огне и ясен нестерпимо; Свободен, весел и силен, В дали любимой Я слышу непомерный звон неуследимый; Там, где скучаю так мучительно, ко мне приходит иногда...* Хорошо известно, что многие литературные и поэтические образы, обороты и выражения переходят в разговорную речь

Таким образом, предметное пространство и пространство непредметных сущностей, пространство разговорной речи и поэтическое пространство взаимопроникают, взаимонастраиваются и взаимообогащаются, в частности, в области интерпретации количественных отношений.

ЛИТЕРАТУРА

- 1 Балли Ш. Французская стилистика. М, 1961.
- 2 Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Знаковые функции вещных коннотаций // Язык — система. Язык — текст Язык — способность М, 1995.
- 3 Бенавенист Э. Общая лингвистика. М. Прогресс, 1974.
- 4 Гримак Л. П. Общение с собой. Начала психологии активности. М, 1991.

- 5 Ливанова А Н Интенсивность — функционально-семантическая категория¹ // Лингвистика на исходе XX в. Итоги и перспективы. Тезисы междунар конф М, 1995 Т 2
- 6 Ковтунова И И Поэтический синтаксис М, Наука, 1986
- 7 Рахилина Е В Семантика размера // Семиотика и информатика Вып 34 М, 1995
- 8 Рябцева Н К Теоретическое и лексикографическое описание научного изложения Межъязыковой аспект Научный доклад д ф н. М, 1996
- 9 Степанов Ю С Имена Предикаты Предложения М Наука, 1981
- 10 Трофимова Э С Словарь новых слов и значения в английском языке М, 1993
- 11 Топорова Т В Семантическая структура древнегерманской модели мира М ИЯЗ РАН, 1994
- 12 Урысон Е В «Силы Энергия» // Отв ред Ю Д Апресян Новый объяснительный словарь синонимов русского языка Вып 1 М Школа «Языки русской культуры», 1997
- 13 Barfield O History of English Words L, 1956
- 14 Strazhas N Semiotics of work and idleness // Semiotica 1993 Vol 95 № 1/2

О НЕКОТОРЫХ СВОЙСТВАХ ИМЕН ПРОСТРАНСТВЕННЫХ ПАРАМЕТРОВ

Количественные свойства физических объектов, наполняющих окружающее нас пространство, выражаются, в частности, с помощью значений геометрических (пространственных) размеров. Имена размеров: *высота, габариты, глубина, дальность, диаметр, дистанция, длина, калибр, объем, периметр, площадь, протяженность, путь, радиус, размах* (крыла), *расстояние, толщина, угол, формат* (в значении «размер»), *ширина* и др. составляют прототипический подкласс семантического класса параметрических существительных (ПС).

Размеры характеризуют объекты по величине, т. е. отражают их способность занимать определенные части пространства. Кроме того, размеры могут нести информацию о взаимном расположении нескольких объектов (расстояние), об ориентации объектов с позиции наблюдателя (которая проявляется, например, в известных соотношениях между длиной, высотой и толщиной физических тел в наивной геометрии [3], [5]), о форме объектов (например, радиус и диаметр предполагают круглую или шарообразную форму измеряемого предмета или наличие у него функционально значимого сечения круглой формы *радиус катушки*).

Один из линейных размеров — длина — вместе с шестью другими параметрами: время, масса, температура, сила тока, количество вещества и сила света, характеризующими коренные свойства материального мира и фактически представляющими крупные разделы современной физики, образуют систему ее основных величин; остальные величины интерпретируются как производные (см., напр., [14]).

Размеры, восприятие которых осуществляется, прежде всего, с помощью самого информативного из органов чувств — зрения (а также, быть может, осязания), являют собой наиболее наглядные и понятные наблюдателю, фиксирующему наивную картину мира, физические величины, ср. «видимые» размеры и, например, более сложное и относительно поздно формализованное понятие температуры или невидимую зловещую радиоактивность.

С осознания размера как абстракции, как единства количества и формы в древности началась математика. Систематизация эмпирических навыков в вычислении размеров простых фигур (многоугольников и окружностей) привела в свое время к открытию Евклидовой геометрии, потребность в определении площадей и объемов фигур сложной формы — к появлению интегрального исчисления, а поиск соответствия между обычным и числовым пространством — к развитию аналитической геометрии и других математических на-

* Исследование выполнялось при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, Проект 99-04-02-62а и его продолжение

ук В силу своей относительной простоты пространственные величины могут служить материалом для формирования и для иллюстрации более сложных понятий Так, образами обычного пространства стали трехмерное метрическое (Евклидово) пространство, пространства с разными видами метрик, многомерное и бесконечномерное пространства Геометрическая интерпретация, использующая количественные свойства пространственных тел (диаграммы, графики и т. п.), соотвечствует теоретическим построениям в разных предметных областях В языке метафора (измеряемого) пространства прослеживаются различных тематических сферах, см. далее

Размеры отличаются от многих других параметров простым и наглядным способом измерения объектов Выбирается предмет эталонного размера, и затем определяется, сколько раз эталон вкладывается в измеряемый объект или, наоборот, измеряемый объект вкладывается в эталон (разумеется, речь идет об объектах простой формы, доступных для осязания и имеющих величину, соизмеримую с размерами человека, определение величин в астрономии или в микромире — гораздо более сложная, опосредованная задача)

Размеры характеризуются значительным разнообразием и довольно свободным выбором единиц измерения Отметим для сравнения, что для параметров 'время' и 'температура' за эталонную меру приняты величины, мотивированные более строго, чем эталоны длины, для времени это период вращения Земли вокруг своей оси и вокруг Солнца (что для наблюдателя наивной картины мира связано со сменой дня и ночи и с отсчетом лет), а для температуры это точки изменения агрегатных состояний воды, создавшие мотивировку основным температурным шкалам — Цельсия, Кельвина, Фаренгейта и др. (в природе для «наивного» наблюдателя превращения воды связаны, например, с образованием и исчезновением снежного покрова)

При всей свободе и многообразии пространственных эталонов (от метра, аршина, дюйма до светового года) выбор единицы измерения все-таки имеет определенную мотивировку Часто в обыденной практике выбор бывает антропоцентричным, и в качестве единиц длины, расстояния, толщины и др. выступают ширина шага, обхват (руками), человеческий рост, а также части тела человека: локоть (одна из древнейших мер длины), ступня, ладонь, палец, рука, кулак, голова, плечи (их ширина), высота колена (и другие уровни на вертикальной прямой человеческого тела: *ср. речка глубиной по колено / по грудь / по пояс; лужа по щиколотку* и т. п.) Еще примеры: *колодец в 20 шагах от дома, ствол дерева — в два обхвата, сын на две головы выше отца, у Маши косы в руку толщиной, поставьте ноги на ширину плеч, встаньте на расстояние вытянутой руки друг от друга* (последние два примера — типичные команды на физкультурных занятиях) и т. п.

Данные антропоцентрические «эталонные», очевидно, неравноценны по способности к измерению объектов шаг — полноценная, хорошо суммируемая единица, связанная с естественными движениями человека; ею можно отмерять довольно большие расстояния, а вот рост человека как мера высоты или, например, кулак как мера объема суммируются плохо и употребляются, в

основном, при неточной зрительной оценке объектов, приблизительно совпадающих с такими «единицами» по величине: *трава в человеческий рост*.

Можно предположить, что общепризнанный современный эталон длины — метр, возникший в 17 в. и претерпевший некоторые изменения с тех пор (длина секундного маятника, затем определенная доля длины земного меридиана и, наконец, в наше время — отрезок пути световой волны в вакууме, пройденный за определенную долю секунды), сохранился в обиходе потому, что он удобен человеку в его повседневной практике: он соизмерим с человеческим ростом, с нашим шагом и с размахом наших рук (последнее немаловажно, например, при отмеривании гибких материалов типа кусков ткани).

Перейдем собственно к характеристикам слов.

Семантические свойства имен размеров во многом определяются механизмами деривации. Среди словообразовательных моделей более или менее представительны три:

— субстантивация мотивирующего прилагательного — *высота X-a* = 'то, насколько X высок' (так же образованы *длина*, *дальность* и др., а среди других групп ПС — *громкость*, *влажность*, *частота* и др.); двухэтапный механизм образования этих ПС (сначала синтаксическая деривация от прилагательного верхнего полюса измерительной шкалы к существительному типу S0, а затем лексическая деривация — возникновение у существительного параметрического значения) был описан в [7, 64—65];

— номинализация количественного актанта мотивирующего глагола — *рост X-a* = 'то, насколько X вырос' (отглагольны также *протяженность*, *размах*, а среди непространственных ПС — *стоимость*, *продолжительность* и др.);

— возникновение параметрического значения у предметного имени с сохранением полисемии вида «предмет — параметр»; ср. '*угол0* как фигура' и '*угол1* как величина этой фигуры'; '*путь0* как линия, по которой движется тело' и '*путь1* как длина этой линии'; *радиус0* — отрезок в определенной конфигурации и *радиус1* — длина отрезка (подобная полисемия, в частности, вида «явление—параметр» наблюдается и среди ПС других классов, например, термин *магнитная индукция* обозначает как физическое явление, так и интенсивность его проявления).

В большинстве своем имена размеров — это полноценные, «хорошие» параметры; по таким признакам, как выраженность количественного компонента (см. ниже) и возможность употребления в широком круге конструкций, свойственных представителям класса ПС, они составляют ядро данного класса. Они употребляются, в частности, в контекстах, являющихся диагностическими для ПС: в позиции синтаксического объекта при глаголах получения информации типа *вычислить*, *определить* (*Определите длину дуги АВ*) и в позиции субъекта при предикатах количественного соответствия, связывающих ПС и количественную именную группу (*Длина дуги АВ равна/составляет, не превышает* и т.п. 5 см.) [12].

Имена размеров отличаются от ряда других ПС предметностью актантов — в том смысле, что сущности, измеряемые по таким параметрам, обыч-

но относятся к таксономической категории ПРЕДМЕТОВ. (Заметим для сравнения, что объекты, характеризуемые, например, по параметру *длительность*, принадлежат к категории ПРОЦЕССОВ или СОСТОЯНИЙ). Хотя на поверхностном уровне валентность пространственных ПС на имя объекта может заполняться группами с другой таксономией, при толковании словосочетаний вида «РАЗМЕР X-а» обычно эксплицируется глубинная, «предметная» категория участника ситуации (*длина пробега электрона* — длина отрезка, который «пробегают» электрон; *дальность выстрела* — длина горизонтальной проекции траектории, по которой пролетает снаряд и т.п.). Конечно, у измеряемого объекта могут выявляться и другие, дополнительные таксономические признаки, так, *глубиной* часто характеризуются ВМЕСТИЛИЩА (*глубина водоёма*), по параметру *рост* — ОДУШЕВЛЕННЫЕ ОБЪЕКТЫ, а по параметрам *калибр* и *габариты*, скорее всего, оцениваются АРТЕФАКТЫ. Однако, онтологические множества с этими признаками либо пересекаются с множеством предметов, либо включают в него, и, следовательно, противоречия с предметностью объекта тут нет.

Строго говоря, геометрические фигуры, которые, собственно, и служат прототипическими объектами измерения, представляют собой предметы особого рода. Треугольник или отрезок воспринимаются нами иначе, чем, к примеру, шкаф или булка; их нельзя запереть на ключ, съесть и т.п. Говоря о них, мы абстрагируемся от веса, функционального назначения и др. «вещественных» свойств обычных предметов. В классе предметов фигуры составляют отдельный, периферийный подкласс, переходный к классам абстракций.

Лексическое значение любого имени параметра двойственно по своей природе. С одной стороны, оно включает содержательный компонент, обозначающий физическое явление, процесс, пространственную конфигурацию и т.п., т.е. то, что параметризовалось и что измеряют, а с другой стороны — количественный компонент, показывающий, насколько велика измеряемая сущность. В разных контекстах на передний план может выходить то содержательный, то количественный компонент, и с их соотношением в существенной степени связаны метонимические переходы значений ПС.

Среди пространственных параметров довольно выпукло метонимия проявляется у имен линейных размеров *высота*, *глубина*, *длина*, *толщина*, *ширина*. Данные имена составляют наиболее изученную среди ПС группу, причем часто их денотативные свойства раскрывались при исследовании свойств соответствующих количественных прилагательных (*высокий*, *низкий*, *глубокий* и т.д.) [1—3], [5—6], [9—11].

Укажем некоторые значения и употребления этих имен, отражающие реалии физического пространства (непространственные, переносные значения ПС в данной работе практически не рассматриваются, приводятся лишь некоторые примеры).

Итак, вследствие производности от параметрических прилагательных, данные имена могут употребляться по типу S0 (в значении 'большая величина'); условно назовем эти значения нулевыми (*высота0* и т.п.), а параметрические и производные от них значения будем нумеровать начиная

с единицы. У *высоты* и *глубины* нулевые значения используются чаще, чем у остальных имен «линейной» группы, хотя примеры легко построить для всех таких имен, например, в контексте глаголов эмоциональных состояний: *Иван был поражен шириной Волги / длиной пальцев музыканта / толщиной стены* и т.п.

От параметрических значений (*высота1* и т.п.) у имен линейных размеров образуются дополнительные значения (или, по крайней мере, коннотации) пространственных направлений (обозначим их через *высота1.1* и т.п.). Все эти имена, кроме, пожалуй, *толщины*, употребляются как наименования направлений в предложной параметрической конструкции в+ВИН: *Бур ушел на 2 м в глубину; Самолет поднялся в высоту на 10 км; Иван прыгнул в длину на 2,5 м* и т.п. *Глубина*, *высота* и *длина* могут употребляться в этой конструкции как с глаголами движения, так и с глаголами развития (*Ель достигает 20 м в высоту*), а *ширина*, по-видимому, только с глаголами развития (*Весной наша река разливается в ширину на несколько километров*). *Толщина* также может обозначать направление развития, но, скорее всего, без указания количественного значения, ср шуточный пример: *Дети растут в высоту, а взрослые иногда, к сожалению, в толщину*. С данными употреблениями ПС близко связаны их дериваты — наречия направления *ввысь*, *вглубь*, *вдаль*, *вширь* (у *толщины* наречного аналога нет).

У слова *глубина* выделяются, по крайней мере, два параметрических значения: *глубина1* — расстояние от верхней поверхности до дна некоторой емкости вертикально вниз *глубина моря* (понятие дна весьма важно для толкования *глубины* [4]), и *глубина2* — расстояние от опорной поверхности до некоторой точки внутри некоторой среды: *глубина ниши в стене* или *глубина проникновения гвоздя в потолок*; соответственно, и производных направления будет тоже два — *глубина1.1* и *глубина2.1*. Эти «глубины» отличаются друг от друга направлением в пространстве. первая — к центру Земли, а 2-я ориентирована произвольно, но перпендикулярно опорной поверхности.

Употребления лексем типа «1.1» (*высота1.1* и др.) представляются нам переходными в своей способности обозначать количественные и пространственные сущности. Они сохраняют параметричность, поскольку для всех имен, кроме, быть может, *толщины*, допустимо насыщение валентности на числовое значение; в то же время как имена пространственных сущностей они сами насыщают локативные валентности у предикатов движения и развития.

Из линейных параметров, пожалуй, только *высота* (*высота1* и *высота1.1*) и *глубина1* (вместе с *глубиной1.1*) более или менее однозначно отождествляются с определенными векторами, направленными вверх и вниз перпендикулярно к поверхности Земли. Даже если по параметру *высота* характеризуются предметы, имеющие в момент речи другую ориентацию в пространстве, например, срубленное и лежащее на земле дерево (которое, кстати, может быть названо как *высоким*, так и *длинным* [5]), то все равно предполагается, что в норме предмет занимает вертикальное положение.

Р. Гржегорчикова в устном замечании обратила внимание на то, что у ПС *высота* (*высота1*) можно, в свою очередь, выделить два типа употреб-

лений высота (вертикально ориентированного) предмета (*высота дерева*) и высота горизонтального уровня (*высота полета*). Первичными, образующими лексемами для них следует считать прилагательное *высокий* — *высокое дерево* и наречие *высоко* — *высоко лететь*. Нам кажется, что, кроме этих любопытных этимологических расхождений, здесь можно наблюдать и известное противопоставление «предмет-фон». Действительно, два употребления связаны друг с другом как предмет и фон: *высота полета* — это высота воздушного столба, соединяющего землю и точку, в которой в нек. момент времени находится летящий объект, т.е. высота особого, «вырожденного» предмета; см. ниже сопоставление ПС *длина* и *расстояние*.

Параметры *длина1* и *ширина1* (и их производные употребления, обозначающие направления *длина1.1* и *ширина1.1*) по преимуществу ориентированы в горизонтальной плоскости, но прямого соответствия между ними и нормально расположенными осями абсцисс и ординат трехмерного пространства нет. Нельзя сказать, что длина всегда «лежит» на горизонтальной поверхности параллельно, а ширина — в той же плоскости, но перпендикулярно взгляду наблюдателя прямо перед собой. Эти параметры связаны, по преимуществу, не со свободными пространственными векторами, а с измеряемым предметом, его формой, размерностью (чтоб иметь ширину, предмет должен быть как минимум двумерным), с соотношением между размерами и с местоположением относительно наблюдателя, что подробно показано в упомянутых выше работах о линейных измерениях. Хотя длина и ширина в норме горизонтальны, для характеристики по этим параметрам предмета или участка пространства не требуется его строгая ориентация в горизонтальной плоскости; объект может быть расположен наклонно, может представлять собой сложную трехмерную фигуру, например, извилистая тропа, уходящая в гору. Длина является наиболее нейтральным в смысле пространственной ориентации линейным размером.

От параметрических значений *высота1* и *глубина1* образовались более тяготеющие к предметным *высота1.2* и *глубина1.2*, которые обозначают области пространства, расположенные на горизонтальных уровнях выше и ниже некоторого, условно нулевого, уровня; в качестве нулевого уровня часто выбирается земная поверхность или, например, уровень моря. Такие употребления отмечаются в локативной параметрической конструкции на + ПРЕДЛОЖН: *Ремонтные работы ведутся на высоте/глубине 20 м.*

Предметные дериваты лексем *высота0* и *глубина0* — *высота0.1* и *глубина0.1* обозначают области пространства, расположенные на большом расстоянии вверх и вниз от горизонтальной плоскости отсчета, такие варианты значений проявляются, в частности, при употреблении этих имен во множественном числе в сочетаниях типа *поднебесные высоты* и *морские глубины*.

Конечно, приведенная схема образования производных употреблений имен линейных параметров и породивших их SO не исчерпывает всех случаев. Так, производными от *высота1* являются, кроме того, *высота2* (небесного светила — астрономический термин) и «полупредметный» дериват *высота1.3* — отрезок, проведенный из вершины многоугольника перпендикулярно основа-

нию, а производным от *SO* является предметное имя *высота* 0.2 — географический объект, фигурирующий, например, в сочетании *на безымянной высоте* (ср. с другими производными от параметрических слов именами географических объектов *возвышенность, низменность, низина*)

При компаративном анализе имен пространственных параметров выявляются оппозиции по ряду семантических признаков. Проведем несколько сопоставлений

Дифференцирующим признаком может выступать, например, линейность/нелинейность обозначаемых величин. Нелинейны *площадь* и *объем*, а также периферийная для класса пространственных ПС *емкость* (объем внутренней поверхности вместителя); фактически нелинейными являются *габарит* (имя, тяготеющее к употреблению во множ. числе) и *формат* (чертежного листа), две последние величины характеризуются не только нелинейностью, но и специфическим способом задания значений — в виде кортежей (*24×12мм*)

При этом имена нелинейных размеров *площадь* и *объем* образованы по разным моделям, первое — от названия плоского участка пространства, второе является отглагольным (см. выше модели словообразования). Различия в деривационных механизмах сказываются, в частности, на словообразовательном потенциале слов. Имя *площадь*, больше тяготеющее к предметности, не образует, например, количественных слов (кроме составного деривата *жилплощадь*, в котором конкурируют параметрический и предметный компоненты). У имени *объем* количественный компонент выражен сильнее, от *объема* (пространственного), образовались *объем*2 (общеколичественное значение, проявляющееся в сочетаниях типа *объем затрат*), прилагательное *объемный*, имеющее качественное параметрическое и относительное значения (ср. *объемный груз* и *объемный коэффициент расширения*), а также параметрическое прилагательное *объемистый*.

Оппозиция по признаку «живое/неживое» (имеется в виду таксономическая категория актанта) наблюдается у параметров *рост* и *высота* 1. Рост имеют одушевленные существа (люди и некоторые животные — лошадь, жираф и др.). Интересно, что имена растений (неодушевленных, но живых объектов) не употребляются в параметрических конструкциях с ПС *рост*, но растения могут характеризоваться как *высокорослые* и *низкорослые*.

По признаку «наглядность, комфортность зрительного восприятия» могут быть дифференцированы *диаметр* и *радиус*. Указание говорящим размера диаметра круглого или шарообразного предмета способствует созданию у слушающего зрительного образа величины предмета. Данные о радиусе в меньшей степени способствуют созданию зрительного образа — слушающий должен мысленно удвоить указанный размер или прочертить в своем воображении круг данного радиуса. Так, слыша о территории в радиусе 30 км, мы как бы помещаем себя в центр этой территории и мысленно очерчиваем ограничивающую ее окружность. Радиус — это параметр, важный скорее при изготовлении круглого тела (артефакта), а диаметр — при его восприятии.

Оба ПС, и *диаметр*, и *радиус*, развивают дополнительные коннотации — наименования пространственных направлений, но, в отличие от *высоты* 1.1, не в свободном пространстве, а в круге: *Пружина перемещается вдоль радиуса пластины* (из текста патентного документа). Заметим, что в подобных контекстах ПС имеет редуцированную диатезу [8], и его валентность на количественное значение не может быть заполнена.

Сравнение имен *расстояние*, *дистанция*, *угол*, *зазор*, *интервал*, *промежуток* с остальными пространственными ПС выявляет различие в их актантных структурах. Эти имена двухобъектны, т.е. первая валентность (на имя измеряемого объекта) при прототипическом употреблении в параметрических конструкциях насыщается при помощи пары именных групп: *расстояние от точки А до точки В*, *угол между лучом А и плоскостью В* и т.п. Конечно, возможны и другие поверхностные способы заполнения этой валентности: сочинительное сокращение (*угол между лучами А и В*); участник, выраженный множественным числом (*расстояние между яблонями в саду*), но подобные поверхностные варианты сводятся к заданию пары пространственных объектов, ограничивающих измеряемую область. Свойства двухобъектных ПС (а кроме вышеназванных пространственных размеров, к этой группе принадлежат ПС *период*, *время*, *перепад*, *расхождение* и др.), рассмотрены в [13]. Для двухобъектных имен размеров укажем здесь лишь такие свойства, как синтаксическая однородность членов объектной пары, их принадлежность к одной достаточно крупной таксономической категории и преимущественно произвольный порядок следования в параметрических конструкциях.

Заметим, что однообъектная *длина* и двухобъектное *расстояние* по своему интенционалу очень близки: они обозначают практически одно и то же — величину отрезка, соединяющего две точки пространства. Разница состоит лишь в том, чем заполнен этот отрезок — физическим телом, которое требуется измерить (и тогда отрезок характеризуется по параметру *длина*), или пустотой, разделяющей предметы (в этом случае уместно говорить о *расстоянии*). Таким образом, сопоставление длины и расстояния представляет собой иллюстрацию известной оппозиции «предмет-фон».

Для большинства имен размеров, а именно, для тех, в семантике которых прослеживается идея непрерывности, континуальности, распределенности нек. свойства по участку пространства — линейные размеры, *объем*, *периметр*, *дистанция* и пр., можно указать один тип контекстов, когда у слова отчетливо проступает пространственный компонент и обозначает оно одновременно как некую количественную, так и предметную сущность: *равномерно распределить клей по (всей) площади бумажного листа*, *заполнить (весь) объем бассейна водой*, *пробежать (всю) дистанцию на одном дыхании*, *встать в полный рост*, *посадить смородину по (всему) периметру садового участка* и т.п., см. также выше пример про перемещение вдоль радиуса. В подобных контекстах параметр сам часто выступает объектом квантификации; водой можно заполнить весь объем бассейна, а можно, скажем, 3/4 объема. Употребление в таких контекстах и, в частности, сочетаемость с квантором общности не свойственны названиям параметров *дальность*, *габарит*

(внешний размер предмета), *раствор* (циркуля), в значении которых угадывается не континуальность, а дискретность, нацеленность на измерение пространственной координаты некоторой предельной точки.

Представления о количественных свойствах пространственных объектов, идеи размера используются в самых разных непространственных сферах, что, естественно, нашло отражение в языке и обусловило появление переносных значений у параметрических слов. Метафорические явления прослеживаются, в частности, в семантическом поле времени (*длинный день*), в сфере аксиологических оценок (*высота души*) и ментальности (*глубина познаний и ума*); в сфере деятельности (*объем перевозок*), в области социальных отношений (*высокий гость, городские низы, повисить голос на подчиненного, быть с к.-л. на короткой ноге*), в мире непространственных размерных величин (*высокая температура, низкая зарплата*), в абстрактном числовом пространстве (*число X не превышает 1000*) и т.д. Такое разнообразие в проявлении метафоры пространственного размера обусловлено уникальным свойством размеров, отличающим их от других физических величин — их наглядностью.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М.: Наука, 1974.
2. Апресян Ю. Д. Синтаксические признаки в модели языка (на материале одного класса атрибутивных конструкций) // Вопросы кибернетики. Прикладные аспекты лингвистической теории. М., 1987. С. 47—80.
3. Апресян Ю. Д. Лексикографические портреты (на примере глагола *быть*). // НТИ. Сер. 2. 1992. № 3. С. 20—33.
4. Гржегорчикова Р. «Верх» — «низ»: вертикальное — внутреннее. Доклад на конференции «Языки пространства». Дубна, 17—21 июня 1997г.
5. Журицкий А. Н. О семантической структуре пространственных прилагательных // Семантическая структура слова. Психолингвистические исследования. М.: Наука. 1971. С. 96—124.
6. Иванова Л. И. Полисемия русских прилагательных линейного пространственного измерения (категориальная специфика, семемная организация, семантические процессы). Автореф. ... канд. филол. н. Воронеж, 1981.
7. Курилович Е. Очерки по лингвистике. Сборник статей. М., 1962.
8. Падучева Е. В. О производных диатезах отпредикатных имен в русском языке // Проблемы лингвистической типологии и структуры языка. Л.: Наука, 1977. С. 84—107.
9. Панкина Т. И. Лексико-семантическая группа прилагательных со значением протяженности в современном русском литературном языке (опыт системного анализа лексики несубстанциального типа). Автореф. ... канд. филол. н. М., 1983.
10. Рахилина Е. В. Семантика размера // Семиотика и информатика. Вып. 34. 1994. С. 58—81.
11. Рахилина Е. В. Атрибутивные конструкции с русскими прилагательными размера: два частных случая. // НТИ. Сер. 2. 1996. № 11. С. 31—35.

- 12 *Семенова С Ю* Исследование языковых средств выражения параметрической информации и алгоритмизация ее поиска в тексте Автореф канд филол. н М , 1994
- 13 *Семенова С Ю* Параметрические имена с нестандартной актантной структурой // Московский лингвистический журнал Т. 2 М , 1996. С. 371—379
- 14 *Чертов А Г* Физические величины (терминология, определения, обозначения, размерности, единицы) Справочное пособие М Высшая школа, 1990.

ПРОСТРАНСТВО ВНЕ ПРОСТРАНСТВА

Пространство, наряду со временем, является основным атрибутом материи, основной формой бытия. Однако пространство легче воспринимается человеком для того, чтобы постичь пространство, достаточно открыть глаза, повернуть голову, протянуть руки и т. п. Пространство — одна из первых реалий бытия, которая воспринимается и дифференцируется человеком. Оно организуется вокруг человека, ставящего себя в центр макро- и микрокосмоса. Не случайно не только пространство дифференцируется подробно языковыми средствами во всех языках, но оно оказывается в основе формирования многих типов номинаций, относящихся к другим, непространственным сферам. Многие предлоги, союзы, наречия претерпевают семантическое развитие: «пространство» → «время» → «причина» (и другие логические отношения). Пространством не только начинается познание, оно им нередко и завершается. Часто ученый считает свою задачу выполненной, когда он может представить свою теорию или результаты исследования графически: в виде схемы, таблицы, дерева и т. п. Эта финальность использования пространственных представлений в актах познания свидетельствует об их первичности, идея предела и начала здесь совпадает.

Для общей теории познания и, следовательно, для когнитивной лингвистики существенное значение имеет изучение перехода номинаций из одной сферы, из одного семантического поля в другое.

Полноценный анализ всякого семантического поля включает два основных направления исследования

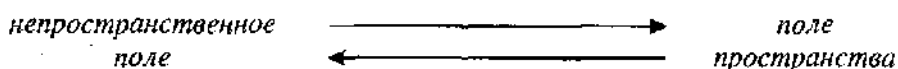
1. Исследование поля внутри него самого, выявление его членения и аспектов. Внутри поля пространства можно выделить ряд структур: 1) типы пространств (в измерениях): точка — линия — поверхность — объем; 2) организация пространства — оппозиции: центр / периферия; открытое / закрытое пространство; 3) позиции объектов, их пространственная соотнесенность (относительное пространство): близко / далеко; справа / слева и т. д.; 4) направления, ориентация; координаты, 5) мера длины, расстояния, поверхности, объема и др.; 6) восприятие пространства: вид, аспект, угол, точка (зрения), подход.

2. Исследование внешних связей и отношений данного поля с другими полями. Это направление предполагает две задачи, переход номинаций из других полей в данное поле и, наоборот, переход номинаций из данного поля в другие поля.

В целом схематически это можно представить так:

Из полей группы В берется материал для номинаций, относящихся к исследуемому полю А и находящимся в разных секторах этого поля; в свою очередь разные сектора поля А дают материал для номинаций полей группы С. Разумеется, между полем А и другими полями может происходить обмен языковым материалом, например, в нашем случае:

Таким образом, фигурально говоря, нас интересуют два процесса: вход в пространство, то есть переход из непространственных сфер понятий в пространственные, и выход из пространства, то есть переход пространственных номинаций в другие сферы бытия.

Мы рассмотрим вначале первый аспект: переход номинаций из других семантических полей в поле «пространство», иначе говоря **вход в пространство**.

В формировании пространственных номинаций ярко проявляется принцип, сформулированный в древности Протагором: *Номо мепсуга* — «Человек — мера всех вещей». Пространственные номинации образуют четыре концентрических расширяющихся круга, происходя от понятий:

человек — дом — страна — мир

С понятием *человек* связаны понятия, касающиеся самого устройства человека, его способностей, его движений и действий, наконец, предметов (артефактов), которые он создает.

Человек ставит себя в центр мироздания. Во всех языках наименования частей тела используются для обозначения направлений или местоположения частей предметов. Например, «голова» — верх, верхняя часть предмета (исходя из положения стоящего человека) или его передняя часть (исходя, по-видимому, из положения животного): *голова колонны, поезда* и т.п. Сердце часто символизирует срединную позицию, что, впрочем, подтверждается и этимологией слов *середина, посреди*. *Внутри* этимологически связано со словом *утроба*. Французские выражения *à droite, à gauche* предполагают опущенное слово «рука» («по правую, левую руку»). Латинское *costa* «ребро» дало во французском языке *côté* «бок» и пространственное выражение *à côté* «сбоку, рядом». От слова *ноги* произошло *подножье*.

Части тела являются мерой: *локоть, палец, стопа* → *pieд* (англ. foot), *роусе* «большой палец» → *дюйм* и др., расстояния: *выше на голову, глаза в глаза* (близко), *на полкорпуса* (обогнать), *ноздря в носдю* (придти). Проявления, связанные с частями тела, также используются для наименования расстояний: *в двух шагах* и объема: *обхват* (имеется в виду руками).

Лексемы, относящиеся к умственным способностям человека, также используются для обозначения пространственных понятий, в частности меры. Слова *mètre, mesurer, dimension* восходят к корням, означавшим вначале «соображать, оценивать» (здесь мы имеем пример перехода от абстрактному к конкретному, хотя в системе пространственных обозначений значительно чаще встречается противоположное семантическое развитие).

Многие пространственные обозначения восходят к словам, обозначающим движения или позиции человека. Например, *расстояние* (букв. «разъединенное стояние») является калькой с фр. *distance*, восходящего к лат. *distare*. *Периферия* происходит в конечном счете от греч. *perí* «вокруг» и *pherein* «нести». Из других глаголов, обозначающих действия человека и давших жизнь, путем переноса и словообразования, словам, относящихся к полю пространства, можно отметить: «хватать, брать» → *охват, объем*; «резать» → *сектор; отрезок* (пути); «колоть» → *пункт* (т.е. «укол»).

Обозначения расстояния часто связаны с действиями, осуществляемыми человеком: *в двух часах езды; в пяти минутах ходьбы; на расстоянии полета стрелы*.

Пространственные обозначения нередко восходят к наименованиям предметов, созданных человеком или замеченных им: «иголка, ось» → *центр*; «пояс» → *зона*; фр. *espace* (от «арена») → «пространство»; фр. *volume* (от «свиток исписанных листов») → «объем»; «льняное волокно, леска» → *линия*; фр. *frange* (букв. «бахрома») → «зона, полоса» (часто крайняя, без четких границ).

Дом указывает на замкнутое пространство, ближайшее к человеку. *Потолок* — «предел»; *окно* — «промежуток в однородной поверхности»; *в четырех стенах* — «в замкнутом пространстве»; *у порога, в преддверии* — «в начале какого-л. пространства»; *за порогом* — «вне»; понятие «домашний» может обозначать «внутренний»: фр. *le marché domestique* (букв. «домашний») — *внутренний рынок*; *очаг* — «место возникновения чего-л., средоточие»; лат. *limes* «дорога, обходившая владение» — *пределы, граница*.

Страна — более широкое пространство, в котором пребывает человек. В древности пространство, занятое племенем, народом, отделялось естественными границами от места поселения других народов: лесом, горами, рекой, морем. Локальные обозначения породили путем переноса значения «другие, не наши, не у нас, в чужих краях»: *за горами, за морями; заграничный; за бугром; внешний / внутренний враг*.

Наконец, *мир* — максимальное пространство, о котором может мыслить человек, например: *на краю света* «бесконечно далеко».

Второй аспект — **выход из пространства** — дает значительно больший материал, так как пространственные понятия являются, как отмечалось вы-

ше, частым объектом переносного использования номинаций Пространственные номинации переносятся в сферу иных семантических полей не только на уровне отдельных лексем или синтагм (словосочетаний), но и на уровне предложения. Мы остановимся вначале на лексических переносах. Еще Г. Пауль отмечал аналогию протяжения в пространстве и протяжения во времени (*длинный день*), способность пространственных отношений явиться основой для выражения интенсивности (*большой холод* — через значение величины) психических переживаний (*близко принять к сердцу*), состояний (*погруженный в мысли*) и т.п. [2, 116]

Семантические преобразования в сфере лексики проявляются тройным образом 1) в значениях самих слов; 2) в значениях производных слов; 3) в значениях фразеологизмов. Подобным процессом, следовательно, могут быть затронуты все три структурных типа лексических номинаций: простые слова, производные слова, устойчивые словосочетания. Лексическое поле пространства в русском и французском языках безгранично. В качестве объекта были взяты основные пространственные лексемы обоих языков: *пространство, место; espace, lieu, place, surface*. Иногда использовались слова-направления, иногда — слова-соотношения. При анализе обращалось внимание на то, как строятся семантические переходы — когнитивные мостики. Можно выделить следующие основные сферы, в которые переходят пространственные номинации

Бытие. Бытие невозможно вне пространственной характеристики. Все существует где-либо, пространство — атрибут существования. Предмет А имплицитно выражает пространственную характеристику L. Но в силу логической инверсии (оборачивания) L имплицитно выражает А, то есть наличие / отсутствие локальной характеристики предмета предполагает наличие / отсутствие самого предмета. Это ясно видно в выражении *иметь место (это не должно иметь места = это не должно существовать)*, фр. *avoir lieu (=exister)*

Универсум. *Мир.* Поскольку все мыслится в пространстве, то пространство — это весь мир (здесь также имеет место логическое оборачивание). Фр. *espace «космос», les espaces «небо».*

Общность. Объекты, связанные между собой, находятся в одном пространстве. Со своей стороны (опять — логическая инверсия) — определенное пространство унифицирует, сближает объекты, находящиеся в нем. Отсюда такие понятия, как *культурное пространство, юридическое пространство* и т.п.

Предмет. В образовании номинаций предметов от пространственных слов участвуют, в основном, три семантических процесса: сужение (гипер / гипонимия), сопровождаемое специализацией значения, меронимия (часть от целого), метонимия. Примеры сужения: *вместилще «емкость, резервуар»; местечко «населенный пункт»; фр. place «торговый город», «крепость», «площадь» (в населенном пункте), «плац», «рыночная площадь» (и метонимически — «рынок»).* Примеры меронимии (их не всегда легко отличить от сужения и метонимии: *place «комната в квартире» (бельг.); кровать, место (в гостиничном номере); место (в произведении), общие места; цитата,*

место багажа; место в театре, на транспорте (и метонимически — «билет»). Сюда же можно отнести широко употребительное ныне фр. *espace* с различными определениями: *espace vert* «зеленые насаждения», «сквер»; *espace fumeurs* *место для курения*; *espace enfants* *место для детей*; *детская площадка*. Метонимия может быть представлена словами: *шпация* (металлический брусок, закрывающий пробелы при наборе, этимон — «пространство»); русск. *поместье*; фр. *place* «гарнизонное расположение», «комендатура», *grande surface* «супермаркет», *place* «извозничья стоянка»; *voiture de place* «роскошное такси».

Абстрактные значения. Они выражаются с помощью глаголов и существительных, указывающих на движение и на пространственные отношения. Таковы слова: *движение, направление* (политическое, научное); *генеральная линия*. Отсутствие прогресса: *стоять на месте*; фр. *faire du sur-place, тупик*.

Деятельность часто описывается как определенное пространство: *сфера* или *поле деятельности*; фр. *domaine*; *зона интересов*; *место работы*; *вакантные места* и т. д.

Время. Помимо многих локальных предлогов и наречий, которые легко переносятся в сферу выражения времени (*в, на, за два часа; от, до двух часов* и т. д.), слова, обозначающие пространство и расстояние, могут использоваться для выражения длительности во времени. *на расстоянии столетий от*; фр. *en l'espace d'un an* «в течение года».

Постепенность, приблизительность, количество. Выражения для этих понятий также часто черпаются среди слов пространственного значения. Постепенность: *вехи, ступени*. Приблизительность выражается предлогами: *около, вокруг, близко к; в районе*; фр. *sur les bords* (букв. «по краям»). Количество передается целой серией пространственных прилагательных: *объемный; поместительный; вместительный*; фр. *sparseux* (иногда с оценкой).

Качество. Отсутствие необходимых качеств у человека выражается фразеологизмом: *это пустое место*.

Значимость. Это понятие близко к понятию качества: *центр, вершина* чего-л.; *памятное место*; фр. *le haut lieu de qch*; *первое / последнее место* в чем-л.; *впереди / позади* кого-л.; *занимать первое место* по чему-л.; фр. *de haut (bas) lieu* «благородный (вульгарный)».

Социальная значимость. Целый ряд пространственных слов используется в переносном значении для характеристики в социальной сфере. Таковы: *положение; верхи и низы, быть на своем месте; почетное место; местничество; замещение*; фр. *place aux jeunes!* «место молодым!»; фр. *avoir de la surface* «иметь возможности, средства», «пользоваться моральным кредитом».

Общение. Большое число слов пространственной семантики используется для выражения понятий, относящихся к общению, коммуникации, сотрудничеству людей. Французский лингвист Ж. Маторе посвятил этому книгу «Человеческое пространство» [3]. Вот некоторые примеры *круглый стол*; фр. *carrefour* (букв. «перекресток») «место обсуждения», *платформа* и др.

Субъективный момент также находит выражение в словах исходно пространственного значения. Например, мнение. *угол зрения, подход, направление, оценка: уместный, правый / левый; высокий / низкий глубокий / мелкий, мелко плавать; быть на высоте положения, сверхчеловек.*

Чувства. Они нередко выражаются идиомами, восходящими к локальным выражениям: *душа не на месте; больное место; не находить себе места; быть на седьмом небе; быть не в своей тарелке; выйти из себя, лезть в душу, а также такие слова, как унижение, возвышенные чувства, высокомерие и др.*

Различные ситуации, связанные с *говорением*, могут метафорически обозначаться выражениями, касающимися положения языка и слова: *держат язык за зубами; сорваться с языка, вертеться на языке.*

Лицо. Обозначение лица от основ с локальным значением образуется аффиксально с помощью метонимии: *помещик; местные; фр placeг «агент по сбыту»; placeг «билетер» и др значения; lieutenant (букв. «держатель места») «лейтенант»; заместитель; местоблюститель.*

В семантическом развитии языковых элементов заключительным этапом является выражение оценки, экспрессивности. Это не миновало и пространственные отношения. Строя мир по образу и подобию своему, люди оценивают его зоны, исходя из их соотнесенности со своим телом. Все, что находится выше — положительно, то, что находится ниже — презираемо и недостойно, впереди — положительно, позади — имеет отрицательную коннотацию. Ср. *сверхчеловек, унижаться, возвысить, быть во главе чего-л.; плестись в хвосте* и т.д. *Правый и левый* имеют также свои коннотации.

Но «входить» в пространство и «выходить» за его пределы могут не только отдельные слова и выражения, но и структурные модели. В первом случае мы встречаемся с вторичными формами выражения пространственных отношений, во втором — с вторичными функциями пространственных моделей [1, 21—26].

В чистом виде, первичной формой, пространственное отношение выражается формулой $S(0) + VI + r + L$, где $S(0)$ — локализуемый объект, VI глагол, в значение которого может входить пространственная сема (это прежде всего глаголы местопребывания и движения), r — конкретный тип локализации, выражаемый, например, предлогом, а L — локализатор, то есть двухмерное или трехмерное пространство, в котором способен помещаться локализуемый предмет. Существует четыре основных семантических типа локальных моделей: 1) статическая с глаголом местонахождения *Петр находится в своей комнате*; 2) динамическая с глаголом движения: *Петр идет в комнату*; 3) каузативная статическая: *Петр держит документы в этом ящике*; 4) каузативная динамическая: *Петр кладет документы в ящик.*

Непространственные модели могут приспособливаться для выражения пространственных отношений вследствие изменения синтаксической функции элемента, указывающего на локализатор (L) или на локализуемый объект ($S(0)$), и одновременно семантики глагола, который включает в себя значение предлога. Здесь возможны три варианта:

1) Слово-локализатор выполняет функцию дополнения:

S + Vr + OI. Глагол при этом указывает на конкретное локальное отношение. Например: *Он снова посетил* (=приехал в) *этот город*; *Он навсегда оставил этот город* (=уехал из этого города).

2) Слово-локализатор несет функцию подлежащего, тогда как дополнение указывает на локализуемый предмет: Sl + Vr + O. При этом глагол нередко выражает включение: *Он часто принимает гостей* (=к нему часто приходят гости).

3) Указание на локализатор или локализуемый предмет инкорпорируется в глагол: *Самолет приземлился* (=сел на землю); *Вещество обезжирили* (=удалили жир из вещества). Очень часто мы встречаемся с вторичными функциями локальных структур. Способы выражения очень многих типов ситуаций происходят от описания конкретных пространственных ситуаций. Достаточно переосмыслить один из компонентов локальной структуры, как она начинает выражать иное, непространственное значение. В этом переносе проявляется иконическое отобразительное свойство языковых сущностей по отношению к описываемым ими сущностям внеязыковой действительности. Так, если в функции L используется слово, указывающее на нечто, не представляемое в виде двух- или трехмерного объекта, то высказывание переосмысливается, его первоначальная пространственная семантическая структура совсем устраняется или сосуществует с новым значением, которое не является собственно пространственным. Ср. *Он попал в яму* (прямое пространственное значение) и *Он попал в беду* (переосмысление пространственного семантического прототипа: выражение состояния субъекта, а не его положения в пространстве). Отметим ряд общих значений, выражаемых переосмысленными обозначениями пространственных отношений.

Жить. Фр. *Il est en vie* «Он еще жив» (букв. «Он в жизни»); *Ego net в живых (среди живых)*. *Родиться: явиться на свет*; фр. *mettre au monde* (букв. «поместить в мир») «произвести на свет».

Действие; профессия. Описывается метонимически, через орудие, место действия, действующателя. *Ходить в школу* — учиться; *сходить в парикмахерскую* или *к парикмахеру* — постричься; *Она работает в школе* (=она учительница); *Он работает под землей* (=он шахтер); *Сидеть над книгами* (=заниматься).

Обладание. Посессивная конструкция вышла исторически из пространственной *Я имею* ← *У меня* (=при мне) *есть*.

Отношение. *Быть в дружбе с кем-л.*; *Между ними — ссора*.

Состояние. В этом случае формы выражения особенно разнообразны. Место локализатора занимает отвлеченное существительное. *Впасть в сомнение* (=засомневаться), *быть в сомнении* (=сомневаться); *привести, прийти в ужас* (=ужаснуть, -ся); *погрузиться в раздумье*. Структуры подобного рода образуют в языке своеобразную парадигму фразеологического типа, которая охватывает в принципе шесть значений, основываясь на трех оппозициях: действие / состояние; начало / прекращение действия; активное / среднее действие. Ее спецификой является возможная неполнота, пустота отдельных элементов, а также то, что грамматизованное значение передается глаголами в полуслужебной функции. Вот пример такой локальной парадигмы с выражением *затруднительное положение*:

	среднее действие	активное действие
начало	<i>попасть в</i>	<i>поставить в</i>
пребывание	<i>находиться в</i>	<i>(держаться в)</i>
прекращение	<i>выйти из</i>	<i>вывести из</i>

Чувство Оно описывается примерно, как состояние. Однако отмечают два разных восприятия чувства. В одном случае чувство изображается как объект, локализуемый в субъекте-носителе чувства. *У него в душе радость, В ней много зависти и злобы к людям; В нем живет уверенность*. В другом случае чувство, переживания рассматриваются как среда, в которой локализуется субъект. Эта конструкция аналогична описанной выше конструкции, выражающей состояние. *Она в глубокой печали, Он в веселом расположении духа*

Внешний вид и характеристика Это значение также передается с помощью этимологически пространственных структур. Например, в выражении *У него все руки в масле* пространственное отношение явно ощущается: руки покрыты машинным маслом и как бы находятся внутри него. Но *У него руки в чернилах* свидетельствует уже об отступлении от этого первоначального образа. Пространственные отношения носят векторный характер, это отражается и на их использовании при описании внешнего вида объекта: *Он был в серой шляпе* (*шляпа* — переосмысленный локализатор) и *На нем была серая шляпа* (здесь переосмысленный локализатор — *он*)

Классификация Примеры *Среди романских языков — французский, испанский и другие, Португальский язык относят к романским языкам* (здесь имеет место переосмысление первично пространственного глагола *отнести* что-л. к кому-л. или куда-л.)

Пространственные значения являются первоосновой многих языковых средств обозначения как на уровне слова, так и на уровне структуры предложения. Это подтверждает, что восприятие пространства — одно из первых и элементарных проявлений познания мира человеком

ЛИТЕРАТУРА

- 1 Гак В Г. Функционально-семантическое поле предикатов локализации // Теория функциональной грамматики. Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность. СПб, 1996
- 2 Пауль Г. Принципы истории языка. М., 1960
- 3 Matoré G. L'espace humain. P., 1962

ПРЕДЛОЖНО-ПАДЕЖНАЯ СИСТЕМА РУССКОГО ЯЗЫКА.
ПОНЯТИЕ «КОНТАКТ VS. НЕКОНТАКТ»

ВСТУПЛЕНИЕ

Прежде чем приступить к описанию новой теории предложно-падежной системы русского языка, мне хотелось бы коснуться некоторых проблем, связанных с прежними теориями. Я осмелюсь ограничиться общей критикой и при этом буду придерживаться так называемой внешней критики теории, а не внутренней, в которой можно было бы обсуждать отношение теории к рассматриваемым данным. Внешнюю критику теории можно свести к следующим четырем пунктам

- (1) Предложно-падежная система не рассматривается как единая система — т.е. в разных грамматиках русского языка падежи и предлоги, как правило, описаны как изолированные явления (ср. [1], [15], [16], [19] и др.).
- (2) Роль отдельных падежей переоценена — исследователи считают или, во всяком случае, заставляют других считать, что именительный падеж обозначает только Агенс, а винительный падеж только Пациенс, не обращая внимания на то, что эти две роли не являются чисто падежными ролями, а ролями, которые доносятся до слушателя из разных источников информации. А падежное значение входит сюда только как часть целого. Иными словами, основным объектом исследования являлись роли парципиантов. В этом отношении не составляет исключение работа Якобсона [11], в которой утверждается, что главное значение именительного падежа — значение действующего агенса.
- (3) Категория падежа не рассматривается как часть целого с традиционной точки зрения: функция отдельного падежа состоит в том, чтобы показать синтаксическую связь одной именной группы с другими именными группами в предложении: управление, согласование или примыкание. Однако соотношение категории падежа с другими категориями имени существительных в русском языке, такими как род, одушевленность / неодушевленность, число, не затрагивается.
- (4) Все члены категории падежа, кроме именительного падежа, как правило, рассматриваются как отдельные непрямые падежи (винительный, звательный, родительный, дательный, творительный, предложный) и обычно не распределяются по субкатегориям, которые могли бы состоять из отдельных членов, как, например, наклонение в русском языке, состоящее из изъявительного и неизъявительного, которое, в свою очередь, делится на сослагательное и повелительное наклонения.

Ниже следует описание системы, целью которого является устранение четырех упомянутых недостатков. (О подробной как внешней, так и внутренней критике прежних теорий падежей русского языка см. [5], [6]).

МЕСТО РАЗНЫХ КАТЕГОРИЙ В ОБЩЕЙ СИСТЕМЕ

Для того, чтобы выделить функцию категории падежа в общей структуре, необходимо знать функцию остальных как номинальных, так и вербальных категорий, т.е. знать, что конкретно каждая из них привносит в семантику всего предложения. Начнём с глагольных категорий, так как именно они являются моделью для именных категорий. Иначе говоря, между этими двумя комплексами иерархий существует изоморфизм. В [4] я разделил глаголы на три класса, т.е. на глаголы состояния, глаголы деятельности и глаголы действия. Хотя это деление не было случайным, а основывалось на регулярном выражении отдельно взятого класса, однако, в то время я не понимал, что имею дело с не замеченной до тех пор грамматической категорией. Так как эта глагольная категория имеет ту же самую функцию, что и номинальная категория рода, я назову её глагольным родом. Эта категория состоит, иными словами, из трёх членов, которые называются состояние, деятельность, действие (для более подробного разъяснения см. [5]).

Род глагола — это лексико-грамматическая категория, которая создает IMAGE-IDEA PAIR (пара образ-идея), т.е. если речь идет о глаголе действия, то создаются две базовые пропозиции (идеи), спаренные с двумя базовыми ситуациями (образами). Таким образом, называется действие, которое является так называемым «конструктом», т.е. у этого понятия нет соответствия в фотографической действительности (действие проявляет себя или как событие или как процесс). **Вид** — это семантико-пропозиционная категория, которая действует на основе глагольного рода, приписывая истинностное значение пропозиционному содержанию той или иной базовой пропозиции и одновременно придавая им разный пропозиционный вес. Утверждая описание состояния и предполагая описание деятельности, совершенный вид глаголов действия представляет действие как событие. Иными словами, действуя на основе структуры-аутпута глагольного рода, вид показывает адресату копию действительности, в рассмотренном нами случае событие, т.е. состояние, возникшее как следствие какой-то деятельности. **Время** — это семантико-референциальная категория, которая действует на основе структуры-аутпута вида, т.е., например, на основе копии события, показанной в виде структуры базовых ситуаций, в которой адресат видит на первом плане некое состояние, а на периферии некую деятельность. Время действует только на базовой ситуации, обозначающей деятельность, т.е. прошедшее время локализует деятельность до момента речи, а настоящее время локализует ее в момент речи (и это в русском языке можно воспринять в буквальном смысле). В результате копия преобразовывается в оригинал. **Наклонение**, напротив, — семантико-реляционная категория, предполагающая вышеупомянутые категории. Наклонение маркирует отношение между копией, созданной категорией вида, и оригиналом, локализованным в действительности категорией

времени. Изъявительным наклонением маркируется отношение равенства между копией и оригиналом, т.е. адресат знает, что речь идет об истинном высказывании. При неизъявительных формах, наоборот, речь идет об отношении неравенства, т.е., по мнению адресанта, не существует оригинала, на который можно было бы сослаться. При сослагательном наклонении это отношение нетождественности воспринимается как факт, который не подлежит изменению; при повелительном наклонении оно воспринимается как факт, который надо изменить; адресант, на самом деле, просит адресата создать оригинал на основе показанной им копии. Все это можно проиллюстрировать следующим образом:

КОПИЯ	ОТНОШЕНИЕ	ОРИГИНАЛ
ВИД	НАКЛОНЕНИЕ	ВРЕМЯ

У вышеуказанной иерархии есть диаграммное соотношение с самой морфемной структурой русского глагола, т.е. нижняя ступень иерархии проявляется как первая морфема, верхняя ступень как последняя морфема в последовательности морфем:

дал бы
da — Ø — l — by.

Род глагола — Вид — Время — Наклонение

Если между этими двумя уровнями глагола существует изоморфизм, то последовательность морфем у существительного должна обнаружить соответствующую иерархию у имен и таким образом указать на функцию отдельной категории:

братьев
brat — j — ov

Род / Одушевленность — Число — Падеж

Из этого можно сделать вывод, что род у имени должен быть лексико-семантической категорией, которая создает IMAGE-IDEA PAIR (пару образ-идея). Категория «одушевленность / неодушевленность» должна иметь ту же функцию, что и вид, являясь, таким образом, тем, что можно было бы назвать семантико-идейной категорией, которая действует на основе структуры-аутпута рода и тем самым показывает копию действительности. Рассмотрим это на примере слова *мышь*, которое имеет два значения. Оно обозначает или 1) живую мышь или 2) «мертвую» компьютерную мышь. Род — в данном случае женский род — об этом ничего не говорит. Однако категория **одушевленность / неодушевленность** ясно показывает, о каком типе идет речь: одушевленность показывает, что это живая мышь; неодушевленность показывает, что это компьютерная мышь. Число должно иметь ту же функцию, что и время и, таким образом, быть семантико-референциальной категорией, которая, маркируя, что речь идет об одном или нескольких предметах, локализу-

ет предмет или предметы в действительности и таким образом преобразовывает копию в оригинал. Падеж должен соответствовать наклонению и функционировать как семантико-реляционная категория, отмечающая отношение между копией, созданной категорией «одушевленность / неодушевленность», и оригиналом, локализованным в действительности категорией числа. Все это можно наглядно продемонстрировать следующим образом:

КОПИЯ	ОТНОШЕНИЕ	ОРИГИНАЛ
ОДУШЕВЛЕННОСТЬ	ПАДЕЖ	ЧИСЛО

Показав, что привносит в семантику всего предложения каждая отдельно взятая вербальная и номинальная категория, нам удалось устранить один из самых важных недостатков прежних теорий падежа.

ПАДЕЖ КАК НАКЛОНЕНИЕ

Я утверждаю, что прямые наклонения (в русском языке это — изъявительное наклонение) и косвенные наклонения (в русском языке это — сослагательное и повелительное наклонения) имеют свои именные соответствия в виде прямых и косвенных падежей. Прямые падежи, в которые входят именительный и винительный падежи, обозначают отношение равенства между копией и оригиналом, тем самым маркируя то, что я называю локальной референцией, т.е. то, что именуется прямым падежом, присутствует в той ситуации, которая называется при помощи данного глагола. Таким образом, оба падежа выполняют ту роль, которую можно было бы назвать «роль экзистенциатора». Разница между именительным и винительным падежами заключается в ранге: именительный падеж является первичной темой, соответствующей первичной фигуре (т.е. фигуре нестабильного образа), а винительный падеж является вторичной темой, соответствующей вторичной фигуре (фигуре стабильного образа). Косвенные падежи, которые в рамках чисто падежной системы включают в себя родительный, звательный, дательный, творительный падежи, обозначают отношение неравенства между копией и оригиналом, т.е. они совместно маркируют отсутствие местной референции и поэтому не могут выполнять роли экзистенциатора:

Прямые наклонения (напр. изъяв.) ≈ прямые падежи (им. и вин.)

Косвенные наклонения ≈ косвенные падежи
(напр. сосл. и повел.) (все остальные)

Разница между отдельными косвенными падежами не может быть найдена непосредственно в рамках подсистемы косвенных наклонений русского языка. Нам придется подыскать более экзотические языки, например хопи (см. [20]). В этом языке различаются объективные и субъективные «наклонения». Объективные наклонения соответствуют таким наклонениям, которые Уорф называет проявленными, т.е. названные ситуации существуют в дейст-

вительности и, таким образом, не являются чистыми плодами мышления. Иными словами, хотя речь идет об отношении неравенства, но объективные косвенные наклонения основываются на том, что отсутствующий оригинал мог бы присутствовать потом (повелительное наклонение), должен присутствовать (желательное наклонение), должен был бы присутствовать (сослагательное наклонение) или присутствовал когда-то в далеком прошлом (обвиатив). Субъективные косвенные наклонения соответствуют таким наклонениям, которые Уорф называет проявляющими, т.е. ситуаций не существует в действительности — это плоды мышления. Можно сказать, что мы имеем дело со своего рода факцией vs. фикцией в рамках наклонения. В языке хопи речь, в первую очередь, идет о так называемых «зависимых наклонениях», которые маркируют отношения и соотношения между предложениями, например, понимать ли ситуацию, названную данным предложением, как причину ситуации, названной в следующем предложении, или же понимать ее как существующую в то же самое время, и т.д. Мы имеем дело с метафорическим пониманием отношения равенства и неравенства.

Можно утверждать, что существует четкий изоморфизм между объективным и субъективным толкованием косвенных наклонений, с одной стороны, и соответствующим различием между косвенными падежами русского языка, с другой, так как родительный и звательный падежи имеют направление вовне и, таким образом, могут быть названы **внешними падежами** (они основываются на внешней референции), в то время как дательный и творительный падежи имеют направление вовнутрь и, таким образом, могут быть названы **внутренними падежами** (они основываются на внутренней референции) (Все это будет проанализировано ниже). Таким образом мы получаем следующий результат:

Объективные наклонения (например, повелительное, сослагательное, желательное, обвиативное наклонения) ~ внешние падежи (звательный и родительный падежи русского языка).

Субъективные наклонения (например, «зависимые наклонения») ~ внутренние падежи (дательный и творительный падежи русского языка).

Если рассматривать категорию падежа изолированно от наклонения, то получится следующая структура в рамках чистой системы падежей в русском языке:

ПРЯМЫЕ ПАДЕЖИ	КОСВЕННЫЕ ПАДЕЖИ
ИМЕНИТЕЛЬНЫЙ И ВИНИТЕЛЬНЫЙ	РОДИТЕЛЬНЫЙ И ЗВАТЕЛЬНЫЙ ДАТЕЛЬНЫЙ И ТВОРИТЕЛЬНЫЙ

В дальнейшем я исключу прямые падежи из чисто падежной системы, так как они не играют существенной роли в рамках падежно-предложной системы, которая и является главной темой данной статьи. Однако вкратце я затрону отдельные косвенные падежи, за исключением звательного падежа, у которого нет соответствия в системе предлогов и значение которого соответствует значению повелительного наклонения.

КОСВЕННЫЕ ПАДЕЖИ

Ниже я попытаюсь показать, что родительному, дательному и творительному падежам можно приписать каждому свое инвариантное значение, не теряя одновременно возможности объяснить конкретные, отдельные значения, что всегда было главной проблемой, приведшей к отказу от общей идеи инварианта в естественных языках.

Исходным пунктом для меня служит основа человеческого мышления, а именно перцепция. Я утверждаю, что три упомянутых падежа связаны каждый со своей перспективой. Таким образом, возникает отношение сопоставления между двумя сущностями, и в результате данные сущности приобретают особенно относительное или модальное существование. Эти две сущности называются А — то, что близко, и В — то, что далеко. Надо отметить, что те же самые перспективы существуют также в рамках так называемых косвенных наклонений, где различают разные источники определенной информации, и здесь А (близкое) сравним с адресантом, а В (далекое) сравним с адресатом.

РОДИТЕЛЬНЫЙ ПАДЕЖ

Родительный падеж является внешним падежом, у него внешнее направление, поэтому перспектива родительного падежа должна основываться на том же самом. Перспектива называется *экстравертной*, т.е. что-то движется от чего-то близкого к чему-то далекому. Это можно проиллюстрировать следующим образом:

Экстравертная перспектива:

$$(X) x \} A > \text{---} B$$

Войска достигли леса

Тут мы имеем дело с чем-то близким, обозначаемым А, и чем-то далеким, обозначаемым В, т. е. предметом для сравнения с А. Экстравертная перспектива заключается в том, что некое лицо (в формуле маркированное как (X)) находится в А и отсюда смотрит на находящееся в отдалении В (в формуле наблюдательный пункт X-а маркирован x). Иными словами, экстравертная перспектива предусматривает совпадение местонахождения X-а и наблюдательного пункта X-а.

Если применить эту перспективу, то В, будучи отдаленным от А, автоматически приобретет особый вид относительного существования. Речь идет, таким образом, об особом физическом отношении между А и В — *сепарации* (динамическое его соответствие называется *эксклюзия*, т.е. исключение).

Сепарация:

$$[A] \quad [B]$$

Хотя неопровержимый факт, что родительный падеж связывается с понятием посесивности, я осмелюсь утверждать, что посесивность и родительный падеж не имеют ничего общего. Иными словами, значение посес-

сивности, которое безусловно часть значения предложения *Он живет в квартире брата*, доносится до слушателя из разных источников информации, но оно не неотделимая часть падежного значения родительного падежа (ср. *Он живет в квартире у брата*). Если связать настоящую посессивность, т.е. неотторжимую принадлежность, с особой областью грамматики русского языка, то это с притяжательными местоимениями, ср. *Мамин компьютер, Алешина комната* и т.д.

У физического отношения «сепарация» также имеется логический эквивалент. Логически отношение сравнения может проявляться в том, что А и В идентичны, или в том, что А и В различны, т.е. неидентичны. В случае родительного падежа речь как раз идет о неидентичности:

Неидентичность:

$$A \neq B$$

Он старше / моложе брата

Кроме того, я утверждаю, что понятия, полученные на основе экстравертной перспективы, подвергаются дальнейшей конкретизации, когда они сталкиваются с другими понятиями, такими как, например, «ВРЕМЯ», «МЕСТО», «ФИГУРАТИВНОСТЬ». Иными словами, сталкиваясь с упомянутыми понятиями областями, родительный падеж получает следующие рефлексы:

Пространственный рефлекс: Близкая далекость (статичность), напр. *Директер стоит у своего пульта*, и удаление (динамичность), напр. *Директер новой фирмы избегает трудностей*.

Временной рефлекс: Число, не совпадающее с сегодняшним, напр. *Проректор уезжает двадцать пятого октября*, ср. *Сегодня — двадцать четвертое октября*, где ставится знак равенства между словом *сегодня* и числом.

Фигуративный рефлекс: Причина, напр. *Он умер от рака*.

С частью этих понятий мы сталкиваемся в пределах других теорий. Когнитивная лингвистика, например, оперирует четырьмя реляциями-основами, из которых одна является сепарацией. Однако это отношение толкуется только чисто пространственно, его абсолютное соответствие — это «Source», что определяется как «a trajector from a landmark», т.е. пуля из ориентировочного пункта (ср. [14]). Ни относительное, ни абсолютное понятие не прикреплено к определенному падежу. Датский лингвист Ельмслев в пределах своей локалистической теории падежей (предшественницы теории Андерсона, [2]) оперировал понятием «éloignement», т.е. удаление, однако это понятие надо понимать только как направление (ср. [9]). В этом разделе я попытался показать, что у родительного падежа есть инвариантное значение, восходящее к определенной перспективе, которая чисто перцептивна и, можно сказать, ориентирована локативно. Из этого перцепта можно вывести разные концепты, которые содержат в себе соответственно физическую реляцию и логическую реляцию. Эти же два понятия приобретают потом разные рефлексы, когда они сталкиваются с другими понятиями, такими как «ВРЕМЯ» или «МЕСТО». Эти рефлексы соответствуют, в общих чертах, частным значениям в пределах одного падежа.

ДАТЕЛЬНЫЙ ПАДЕЖ

Собственно говоря, дательный падеж является конверсивным по отношению к родительному падежу, т.е. его диаметральной противоположностью. Это значит, что дательный падеж обладает не экстравертной, а интравертной перспективой, которая исходит из чего-то далекого и рассматривает близкое оттуда.

Интравертная перспектива:

(X) A — < B {x

Он подошел к ней

При интравертной перспективе X по-прежнему находится в A (это так всегда и будет, потому что именно этим определяется близкое), но его наблюдательный пункт перемещен в B, далекое. Другими словами, интравертная перспектива предусматривает несовпадение места нахождения и наблюдательного пункта X-а.

Лицо, находящееся в A и желающее наблюдать A, вынуждено поместить свой наблюдательный пункт вне A, в данном случае в B. Наблюдая A, где X сам находится, с B, которое далеко от X-а, X охватывает B и тем самым включает B в A. Если рассмотреть этот сценарий со стороны B, то можно сказать, что B принимается в A, и получается рецепция.

Рецепция:

[A][B]

Учительница преподавала ученикам историю

Иными словами, получается ощущение физической близости между A и B, т.е. A и B близки друг к другу, однако не соприкасаясь (что исключается). Переведя все это на язык логики, где A и B сравниваются, мы получаем идентичность — не в виде физического совпадения между A и B, а в виде психологической идентичности, т.е. того, что называется «contiguity», т.е. «близостью»

Идентичность:

A ≈ B

Теория соответствует практике

Точно так же, как у родительного падежа, эти различные и в то же время близко родственные понятия, выведенные из перцепта, подвергаются конкретизации, когда они сталкиваются с другими понятиями. На этом уровне играет роль и категория одушевленности / неодушевленности. Если в языке имеется грамматическая категория, содержание этой категории обязательно проявится на других уровнях.

Пространственный рефлекс: Цель (неодушевленность), напр. *Она учит детей истории*, реципиент (одушевленность), напр. *Она преподает студентам историю*

Временной рефлекс: Повторение (т.е. одно и то же каждый раз), напр. *Дети приходят по субботам.*

Фигуративный рефлекс: Рецепт (т.е. образец, которому надо следовать), напр. *Она следует моде.*

Хотя когнитивная лингвистика оперирует такими понятиями, как «identity» и «association», во-первых, эти понятия рассматриваются как совершенно разные вещи, а во-вторых, ни одно из них не соотносят с дательным падежом — дательный падеж соотносят исключительно с «the active zone in the target domain», т е с активной зоной области цели [14] В этой теории дательный падеж составляет комбинацию именительного и винительного падежей, т е он занимает роли Агенса и Пациенса «Approachment» т е приближение, которое напоминает интравертную перспективу, было предложено Ельмслевым, но его понятие следует понимать только как направление

В этом разделе я попытался показать, что дательный падеж сопряжен с определенной перспективой, интравертной, т е с перцептом. У этой перспективы имеются два концептуальных проявления рецепция, являющаяся физическим понятием, и воспринятая идентичность, являющаяся психологическим отражением чисто физического понимания идентичности, где две величины совмещаются У данных понятий, кроме того, имеются разные рефлексы, совпадающие с конкретными значениями дательного падежа в русском языке (Интересно, что у дательного падежа во французском языке имеются те же самые значения, см [8], в которой тоже показана связь между частными значениями)

ТВОРИТЕЛЬНЫЙ ПАДЕЖ

В то время как родительный и дательный падежи основываются на отношении сравнения между сравнимыми величинами (вещи могут быть больше или меньше или воспринимаются как идентичные или неидентичные), творительный падеж предполагает несравнимость данных величин, которые, однако, несмотря на это, как раз и сравниваются Короче говоря, речь идет, в первую очередь, о том, что две несравнимые величины, т е люди и вещи в самом широком смысле последнего слова (т е природой созданные вещи (биофакты), артефакты, ментафакты), все равно приводятся в какое-то соотношение друг с другом. Это означает не только, что творительный как падеж предполагает существование родительного и дательного падежей, но также, что перспектива творительного падежа существенно отличается от перспектив двух упомянутых падежей, включив в себя эти же самые перспективы

Коррелятивная перспектива:

$$(X) A > \text{---} < B$$

~ ~ ~

X

Между точками существует соотношение

Понятие коррелятивной перспективы состоит в том, что А и В рассматриваются вместе в отношении друг к другу Иными словами, ни В не рассматривается по отношению к А, ни А по отношению к В, а А и В рассматриваются одновременно в отношениях друг к другу Это значит, что наблюдательный пункт X-а расположен вне А и В Таким образом получается, что А и В наблюдаются в своей целостности. Этой внешней перспективой достигается то, что А, которое близко (потому что X находится там), и В, являющееся чем-то дале-

ким, становятся соотносенными друг с другом между ними возникает соотношение. Это соотношение может быть понято чисто физически (в таком случае В воспринимается как интегрированная часть А) или чисто психологически (в таком случае В воспринимается как ингерентное свойство А).

Интегрированная часть / Ингерентное свойство:

[А В]

Стадион полон зрителями (зрителей)

Единственным логическим отношением, кроме идентичности и неидентичности, является включение (инклюзия), которое предполагает две несравнимые величины, т. е. элемент и множество (что может дальше быть понято как часть / целое). Следует обратить внимание на то, что и психологический и логический ход мышления при творительном падеже восходит к отношению фигура-фон (figure-ground), где сопоставляются две несравнимые величины:

Включение

$B \in A$

Он был писателем (но: ора)

Тот факт, что А и В соотносены, проявляется по-разному, когда мы применяем этот особый вид отношения к разным понятийным областям.

Пространственный рефлекс: Путь (т. е. каким путем), напр. *Они шли основным (*красивым) лесом*

Временной рефлекс: Промежуток, напр. *Они болтали часами*. **Фигуративный рефлекс:** Средство, напр. *Иван резал хлеб ножом*. Роль «средство» возникает на том основании, что путь Пациенса от Агенса (т. е. от А, от близкого) к реципиенту (т. е. к В, к далекому) определяется на чисто фигуральной основе, т. е. на некоем метафорическом понимании выражения «каким путем»

Средство
Агенс > ————— < Реципиент
Пациенс

В когнитивной лингвистике широко оперируют отношениями «часть-целое» (см. [10], [13]), но в этом виде отношения предусматривается только пространственное понимание, т. е. что-то существует как часть чего-то другого. (В русском языке за это отношение отвечает предложный падеж, см. ниже.) Традиционно отношение включения связывается с родительным падежом. Однако если исходить из теории предложенной мной, это ошибочно (см. выше). Совершенно верно, что люди связывают «часть-целое» и «обладание» с родительным падежом, но это как-то не связано с падежным значением родительного падежа — причина, скорее всего, в том, что адресат сам смешивает языковую информацию, исходящую, например, из родительного падежа, с общим знанием дел и одновременно рассматривает все под эгоцентрическим углом зрения, т. е. исходя из самого человека. Таким образом, получается, что словосочетание *машина Ивана* понимается не только как то, что машина является частью вещей Ивана, но и как то, что Иван является

владельцем машины (что явно ошибочно, согласно чисто языковому анализу, так как *машина Ивана* также может иметь значение «машина, которую Иван бы купил, будь у него деньги» или «предпочитаемая им машина» и т. д.). Что касается включения и, значит, обладания, то можно утверждать, что они входят в падежное значение творительного падежа

КЛАССИФИКАЦИЯ

Если непосредственно классифицировать косвенные падежи (т. е. звательный, родительный, дательный, творительный), то можно было бы подумать, что родительный и дательный падежи принадлежат к одной и той же категории — они оба основываются на отношении сравнения, и оба принадлежат к той категории, которую Пирс называет вторичностью (где речь идет о диадическом отношении между двумя сравнимыми величинами) — в отличие от творительного падежа, который предполагает эти два падежа и принадлежит к той категории, которую Пирс называет трюичность (где речь идет о триадическом отношении) В такой классификации именительный и винительный падежи как прямые падежи принадлежали бы к первичности, где речь идет о физической идентичности двух величин, т. е. о чистом отношении равенства между копией и оригиналом в моей формулировке (ср. [17], [18]) Это представление хорошо сочетается с системой предлогов, где звательный и именительный падежи естественным образом выпадают, а предложный падеж занимает место именительного Но в рамках чисто падежной системы мы имеем дело не с тремя, а с четырьмя косвенными падежами Это само по себе намекает на то, что настоящую между надо провести таким образом, чтобы на каждой стороне осталось по два падежа. Так как сепарация, связанная с родительным падежом, и включение, связанное с творительным падежом, являются диаметрально противоположными и так как понятие «внешний», связанное с родительным падежом, и понятие «внутренний» являются конверсивными по отношению друг к другу, то, кажется, надо поместить родительный падеж в отдельную группу, куда надо поместить также звательный падеж (касательно анализа звательного падежа и доводов в пользу звательного падежа как части системы падежей русского языка см. [3]) Родительный и звательный падежи оба показывают «наружу» у них внешняя референция, и они могут, таким образом, быть названы внешними падежами. Тот факт, что дательный и творительный падежи принадлежат к одной и той же группе, подтверждается их означающими (дательный падеж: *-at*, творительный падеж *-ati*), которые имеют явные общие элементы, и которые вместе противопоставлены родительному падежу (имеющему окончание *-ov ~ ej* или *-Ø /*). Дательный и творительный падежи оба направлены внутрь у них внутренняя референция, и могут, таким образом, быть названы внутренними падежами.

ВНЕШНИЕ ПАДЕЖИ	ВНУТРЕННИЕ ПАДЕЖИ
ЗВАТЕЛЬНЫЙ И РОДИТЕЛЬНЫЙ	ДАТЕЛЬНЫЙ И ТВОРИТЕЛЬНЫЙ

ПРЕДЛОЖНАЯ СИСТЕМА ПАДЕЖЕЙ

Как было сказано, из состава предложной системы падежей выпадают именительный и звательный падежи, но так как предложный падеж вступает на место именительного падежа, то в самой основной структуре не происходит никаких изменений. Разница между прямыми и косвенными падежами, основанная на локальной / нелокальной референции, не может, однако, быть непосредственно применена к предложной системе падежей. Вместо парной пары «локальная / нелокальная референция» я хочу применить парную пару, близкую к первоначальной, а именно пару **контакт / неконтакт**, т. е. имеется ли или не имеется контакт между двумя сущностями, связанными при помощи предлога. Контактные падежи, соответствующие прямым падежам, охватывают предложный и винительный падежи, в то время как неконтактные падежи, соответствующие косвенным падежам, охватывают родительный, дательный и творительный падежи:

КОНТАКТНЫЕ ПАДЕЖИ	НЕКОНТАКТНЫЕ ПАДЕЖИ
ПРЕДЛОЖНЫЙ И ВИНИТЕЛЬНЫЙ	РОДИТЕЛЬНЫЙ И ДАТЕЛЬНЫЙ ТВОРИТЕЛЬНЫЙ

В пределах неконтактных падежей я буду применять различие американского философа Пирса между категорией «вторичность» (т. е. отношение) и категорией «трюичность» (т. е. соотношение). Таким образом я буду различать относительные падежи, охватывающие родительный и дательный падежи, и соотносительные падежи, охватывающие только творительный падеж. Доводы тут простые. Во-первых, понятие включения, или отношение части / целого, выпадает при творительном падеже в связи с предлогами — это отношение берет на себя предложный. Во-вторых, противопоставление динамика / статика играет очень большую роль в предложно-падежной системе, в отличие от чисто падежной системы, в которой оно никакого значения не имеет. В-третьих, деление теперь надо производить между тремя, а не четырьмя падежами, как это было в чисто падежной системе. Так как родительный и дательный являются конверсивными падежами, но в то же время объединяются тем, что оба выражают какое-то сравнение между равноправными величинами и оба также имеют как статическое, так и динамическое применение (как и винительный падеж), а так как творительный предполагает эти два других падежа и в то же время имеет только статическое применение (как и предложный падеж), то здесь можно, очевидно, применить идею Пирса о вторичности и трюичности и, таким образом, различить относительные и соотносительные падежи.

ВИНИТЕЛЬНЫЙ VS. ПРЕДЛОЖНЫЙ

Как было сказано выше, разница между предложным и винительным падежами состоит в том, что предложный выражает статику, т. е. предпола-

гает постоянный контакт, в то время как винительный выражает динамику, т.е. маркирует изменение от состояния неконтакта к состоянию контакта:

(1а) *Он сел на берегу.*

(1б) *Он сел на Луну.*

В (1а) речь идет о лице, которое уже стоит на берегу, а потом садится. В (1б), наоборот, речь идет о космическом корабле, который находится в космосе, а потом совершает прилунение. В первом случае речь, таким образом, идет об изменении вида контакта (т.е. контакт есть), а во втором случае речь идет о полном изменении — раньше космический корабль был не на Луне, а теперь он находится на Луне. Тот факт, что применение винительного падежа требует полного изменения местонахождения, явствует из следующих примеров:

(2а) *Он сел на стуле.*

(2б) *Он сел на стул.*

В то время как (2б), точно также как (1б), маркирует изменение от ненахождения на месте к нахождению, (2а) маркирует то, что речь идет только об изменении вида местонахождения: он стоял на стуле, и с этого положения он сел на том же стуле. Предложный применяется также в ситуации, когда известно, что человек куда-то сел, но неизвестно, где точно сидит сейчас:

(3) *Он сел на диване.*

Выясняется дальше, что предложный падеж применяется только в пространственном значении, в то время как винительный падеж применяется также во временном значении:

(4а) *Он погиб в войне с фашистами.*

(4б) *Он погиб в войну с фашистами / фашизмом.*

В (4а) предполагается, что данный человек был на войне и как раз поэтому и погиб (значит, он погиб не от инфаркта). В (4б) мы узнаем, что этот человек умер во время войны. Это значит, что в какой-то момент тех лет, пока длилась война, он перешел от состояния «on world-location» (т.е. он существует на этом свете) к состоянию «on non-world location» (т.е. он существует на том свете). Речь идет, иными словами, об изменении контакта на какой-то линии времени. Если рассмотреть применение винительного падежа в следующих двух примерах, то явствует большая роль понятия «контакт»:

(5) *С первого по девятое*

(6) *Она с меня ростом*

В (5) мы видим предлог *по*, который обычно управляет или дательным, или предложным падежами, и который только в одном единственном случае управляет винительным — а именно в (5). Причина тут в том, что утверждается, что какое-то явление длится с первого (поставленного в родительном падеже именно потому, что речь идет о направлении наружу) по девятое, что как раз означает, что достигается контакт с девятым. В (6) мы также имеем дело с предлогом *с*, который, как правило, не сочетается с винительным падежом. Он управ-

ляет творительным падежом в значении «вместе с» или родительным падежом в значении «от». В данном примере он управляет винительным, потому что речь идет об установлении контакта между двумя лицами в области роста

РОДИТЕЛЬНЫЙ ПАДЕЖ

Как было сказано, родительный падеж обозначает экстравертную перспективу и, значит, экстравертное направление, т.е. от чего-то близкого к чему-то далекому:

(7) *Студенты вышли из аудитории*

Иными словами, студенты удалились от аудитории — от состояния контакта с данным местом, рассматриваемым как исходная точка для действия, они переходят к состоянию неконтакта. Таким образом, родительный падеж является неконтактным падежом с особой перспективой. В (7) он проявил себя динамически, т.е. родительный падеж имеет своим значением определенное направление, в (8) мы имеем дело со статическим применением, т.е. родительный имеет своим значением определенную реляцию:

(8) *Дирижер стоит у своего пульта.*

Это значение я бы назвал «близкой далекостью». Иными словами, между дирижером и пультом контакта нет — речь идет, следовательно, о чем-то далеком, однако все-таки близком по отношению к подлежащему (откуда начинается действие).

Как было сказано выше, родительный падеж обозначает «исходную точку» (см. 96 и 9в) и «причину», являющуюся «исходной точкой» («source»), понимаемой в переносном смысле (см. 9а)

(9а) *Он умер от рака.* Han døde af (от) kræft.

(9б) *Защита от врагов.* Forsvar mod (против) fjenden.

(9в) *Ключ от двери.* Nøglen til (к) døren.

В этих примерах русский язык применяет один и тот же предлог *от*, а датский язык применяет *af*, *mod* и *til*. Эти различия в конкретном употреблении не являются случайными. Причина тут в тех разных точках зрения, которые применяют датский и русский языки. В датском языке применяют то, что можно назвать прогрессивной точкой зрения (вещи рассматриваются проспективно), т.е. исходят из конкретного предмета и рассматривают его возможное применение в связи с определенным действием. Таким образом, получается, что создают защиту, направленную против врага (см. 9б). В русском языке применяется совсем другая точка зрения, которую можно назвать регрессивной (вещи рассматриваются ретроспективно), т.е. выясняется, откуда берется определенный предмет. Таким образом получается, что создают защиту против нападения, исходящего от врага; получается, что ключ исходит от определенной двери; получается, что смерть определенного человека исходит от рака. Что касается родительного падежа русского языка, можно утвердить, что расстояние между конкретным значением и переносным значением крайне недалекое.

ДАТЕЛЬНЫЙ ПАДЕЖ

Дательный падеж, как и родительный, является неконтактным падежом, но является по отношению к родительному, как было сказано раньше, конверсивным, обозначая, таким образом, перспективу, противоположную экстравертному, т.е. интравертную, где совершается переход от чего-то далекого к чему-то близкому, не вступая в физический контакт с данным предметом:

- (10) *Она села к столу.*
 (11) *Он часто прибегает к ее помощи.*
 (12) *Она привязалась к учителю.*

Два следующих примера ясно показывают, что дательный маркирует отсутствие контакта:

- (13а) *К десяти ему надо уйти.*
 (13б) *В десять ему надо уйти.*

В (13а) речь идет о том, что какой-то человек должен покинуть определенное место до десяти часов вечера. В (13б) речь идет о том, что человек должен уйти в десять часов. В первом случае речь идет о неконтакте, поэтому употребляется дательный падеж. Во втором случае речь идет об изменении от состояния неконтакта к состоянию контакта: когда часы пробьют десять, человек должен уйти — поэтому автоматически употребляется винительный падеж.

Как было сказано, дательный падеж выполняет роль «Рецепт» в переносном смысле:

- (14) *Они ехали по шоссеиной дороге.*

В (14) дорога служит рецептом, моделью езды, т.е. они следуют дороге. В (15) «величина» служит рецептом и автоматически приобретает форму дательного падежа:

- (15) *Африка — второй по величине континент.*

Роль рецепта и роль цели могут соединиться таким образом, что нельзя их различить:

- (16) *Солдаты открыли огонь по врагу.*

Когда дательный употребляется в области «ВРЕМЯ», возникает отражение «повторение», т.е. когда «похожесть» и «время» сталкиваются, получается одно и то же каждый раз — повторение:

- (17) *Я сижу дома по вторникам.*

ТВОРИТЕЛЬНЫЙ ПАДЕЖ

В то время как родительный и дательный падежи употребляются и динамически и статически, творительный падеж употребляется только статически. Это значит, что предлоги, сами по себе управляющие творительным падежом, вынуждены искать другой падеж при динамическом употреблении

глаголов. Предлоги, управляющие творительным падежом, восходят все к соотносительной перспективе, когда наблюдательный пункт данного лица является экстерным и основывается на соотношении между чем-то близким и чем-то далеким, где нет контакта:

	<i>над</i>	
	[A]	
<i>перед</i>	[A]	<i>между</i>
	[B]	[B] <i>за</i>
	<i>под</i>	

Пример (18), казалось бы, указывает на контакт между насекомым (близкое) и камнем (далекое). Однако, это представление принадлежит «communicated content», где адресат вводит в силу собственное знание природы, где камни не летают и поэтому должны лежать сверху насекомого:

(18) *Насекомое находится под камнем.*

В связи с предлогом *с* четко видно близкое и далекое:

(19) *Мать с ребенком пошла в поликлинику.*

Тут именительный падеж маркирует, что мать находится на переднем плане, в то время как творительный маркирует, что ребенок находится на заднем плане. Творительный, кроме того, маркирует, что мать и ребенок соотносены. Иными словами, выбор между именительным и творительным падежами связан с информацией о переднем плане и заднем плане. Поэтому из (20) нельзя установить, кто здесь главный, или же роли распределены равномерно:

(20) *Сестра занимается со мной.*

(20) может отражать три разновидности одной и той же ситуации, где оба лица продуцируют деятельность, одновременно находясь в каком-то соотношении (подробнее см. [12], [21]).

ПОНЯТИЕ «КОНТАКТ-НЕКОНТАКТ» И ЕГО ОТРАЖЕНИЕ В ЧИСТО ПАДЕЖНОЙ СИСТЕМЕ

Оказывается, что понятийная пара «контакт / неконтакт» играет большую роль не только в предложно-падежной системе, но также повлияла на чисто падежную систему, так как здесь четко различают два типа роли пациенса: 1) прямую роль пациенса, связанную с прямым дополнением в винительном падеже, 2) косвенную роль пациенса, связанную с косвенным дополнением в родительном, дательном или творительном падежах. Дело в том, что пациенс без прямого контакта с агенсом не может иметь форму винительного падежа, а автоматически приобретает форму косвенного падежа. Тут, в свою очередь, различают «the Distanced Role», связанную с родительным падежом, и «Male- / Benefactive Role», связанную с дательным падежом, и «the Victim Role», связанную с творительным падежом. Таким образом, Прямую Роль Пациенса и Косвенную Роль Пациенса можно рассматривать как падежные роли, т.е. роли,

которые связаны с падежным значением, однако Косвенная Роль Пациенса является «макроролью», которая подлежит дальнейшему уточнению.

ЛИТЕРАТУРА

1. Русская грамматика. М., 1980.
2. *Anderson J. M.* The grammar of case: towards a localistic theory. Cambridge, 1971.
3. *Bilý, M.* The case remains open (Some notes on a new book on morphological case in Russian // *Russian Linguistics*. 1990. № 14.
4. *Durst-Andersen P. V.* Mental grammar, Russian aspect and related issues. Columbus, Ohio, 1992.
5. *Durst-Andersen P. V.* Kasusroller og participantroller i russisk // *Semantiske roller*. Odense, 1996.
6. *Durst-Andersen P. V.* Russian case as mood // *Journal of Slavic Linguistics*. 1996. № 4.
7. *Foley W. A., Van Valín R. D. Jr.* Functional syntax and universal grammar. Cambridge, 1984.
8. *Herstund M.* Le datif en français. Louvain-Paris, 1987.
9. *Hjelmslev L.* La catégorie des cas. Étude de grammaire générale. München, 1972 [1935 / 37].
10. *Iloa E.* Spatial prepositions in Russian and their Finnish equivalents // *Russian Linguistics*. 1995. № 19.
11. *Jakobson R.* Beitrag zur allgemeinen Kasuslehre. Gesamtbedeutungen der russischen Kasus // *Selected writings*. The Hague, 1971. Vol. 2.
12. *Janda L. A.* A geography of case semantics. The Czech dative and the Russian instrumental. Berlin, 1993.
13. *Lakoff G.* Women, fire, and dangerous things: What categories reveal about the mind. Chicago, 1987.
14. *Langacker R.* Foundations of cognitive grammar. Stanford, California, 1991. Vol. 2.
15. *Mathiassen T.* Russisk grammatikk. Oslo, 1996.
16. *Mulisch H.* Die russische Sprache der Gegenwart. Leipzig, 1975. Band 2.
17. *Ormiston G. L.* Peirce's categories: structure of semiotics // *Semiotica*. 1977. № 19.
18. *Peirce Ch. S.* Elements of logi // *Collected papers of Charles Sanders Peirce*. Cambridge, 1932. Vol. 2.
19. *Wade T.* A comprehensive Russian grammar. Oxford, 1992.
20. *Whorf B. L.* Language, thought, and reality // *Selected writings of B. L. Whorf*. Cambridge, MA, 1956.
21. *Wierzbicka A.* The case for surface case. Ann Arbor, 1980.

ГРАММАТИКА ОПИСАНИЯ ПРОСТРАНСТВА

Описание пространства — это речевой жанр, представленный устными и письменными текстами, в основе которых лежит определенная грамматика, то есть система правил построения таких текстов. Основным компонентом этой системы и посвящается данная работа, обобщающая результаты комплексного лингвистического исследования спонтанных текстов, описывающих воспринимаемое в момент речи статическое трехмерное изображение (см. [2, 3, 4]).

Обстоятельства и цели создания словесных описаний некоторого фрагмента пространства весьма разнообразны: описываемая сцена может быть перед глазами, а может и извлекаться из памяти или рисоваться в воображении, описание может быть адресовано как тому, кто сам одновременно наблюдает эту сцену, так и тому, кто лишен этой возможности, оно может иметь разные цели: сообщить о местонахождении тех или иных объектов или дать представление об обстановке, в которой разворачивается некоторое действие, или вызвать у читателя определенное настроение (ср. функции пейзажа в художественном произведении) и т. д. Однако подобные различия не затрагивают сути дела: во всех случаях некоторая ментальная репрезентация пространства, каков бы ни был ее источник, преобразуется в текст на естественном языке, интерпретируя который получатель оказывается в состоянии построить в своем сознании ментальную репрезентацию, адекватную в большей или меньшей степени той, что имелась у автора описания. Происходит межмодальное преобразование информации: информация визуальная, воспринимаемая зрением (в том числе и так называемым «внутренним зрением») переводится в вербальную форму, имеющую совершенно иные принципы организации. В контексте интегральных моделей речевой деятельности это преобразование предстает как частный случай перехода от Действительности через ее ментальную репрезентацию (Смысл, или Мысль) к соответствующему Тексту.

Коль скоро существо процессов, лежащих в основе грамматики описания пространства, не зависит от вышеуказанных привходящих обстоятельств, мы можем исследовать эту грамматику на примере одной из возможных ситуаций — ситуации описания фрагмента пространства, изображенного на картинке. Материалом для анализа служит корпус из 150 текстов, описывающих 6 картинок (2 пейзажа, 2 интерьера и 2 натюрморта, по 25 текстов на каждое изображение), полученных от 25 информантов, которым было предложено, глядя на картинку, описать ее таким образом, чтобы по их описаниям тот, кто не видит картинку, мог понять, как расположены на ней предметы (тексты собраны А. Р. Армеевой и приведены в приложении к работе [1]).

Прежде чем перейти к обсуждению самой грамматики, необходимо хотя бы кратко остановиться на специфике вербального способа кодирования информации о пространстве. Первое, что следует отметить, — это то, что описа-

ние пространства на естественном языке (ЕЯ) содержит определенную интерпретацию визуальной информации, служащей отправной точкой для его порождения. Какое же понимание пространства отражается в его обыденных вербальных описаниях?

Известно, что с тех пор, как человечество начало размышлять об основаниях своего бытия, было выработано несколько концепций пространства.

Первоначальное, архаическое понимание пространства, составляющее часть мифопоэтической картины мира, по данным культурологических исследований наделяет его следующими свойствами: 1) неотделимость от времени; 2) неразрывная связь с вещами, которые конституируют пространство и организуют его структурно (первотворец, боги, люди, животные, растения, элементы сакральной топографии, сакрализованные и мифологизированные объекты из сферы культуры и т. п. собирают пространство, организуют его вокруг единого центра), 3) отделенность пространства от того, что им не является, 4) составность пространства (членение и соединение) и др. (см. [6]). На заключительном этапе мифопоэтической эпохи, когда вырабатываются основы преднаучной картины мира, появляется тенденция трактовать пространство как нечто относительно однородное и равное самому себе в своих частях, как то, что измеряется и в чем ориентируются [6, 241—242].

Развитие естественных наук приводит к появлению научных концепций пространства. В концепции Ньютона пространство — первичная самодостаточная категория, оно понимается как бесконечная протяженность, вмещающая в себя всю материю, но не зависящая от нее, не определяемая материальными объектами. Этой концепции «пустого» пространства противостоит концепция «объектно-заполненного» пространства Лейбница, который понимал пространство как нечто относительное, зависящее от находящихся в нем объектов, определяемое порядком сосуществования вещей.

В современной научной картине мира, синтезирующей результаты развития философии с данными естественных наук, противоположность двух вышеупомянутых подходов снимается: пространство трактуется как всеобщая форма бытия материи и ее важнейший атрибут (нет материи, не обладающей пространственными свойствами, как не существует и пространства самого по себе, вне материи и независимо от нее). В научном понимании пространство обладает следующими свойствами: 1) неразрывная связь со временем и с движением материи, 2) зависимость от структурных отношений и процессов развития в материальных системах, 3) протяженность (рядоположенность и сосуществование различных элементов — точек, отрезков, объемов, возможность прибавления к каждому данному элементу некоторого следующего элемента, либо возможность уменьшения числа элементов), 4) связность (отсутствие «разрывов» в пространстве и нарушения близкодействия в распространении материальных воздействий в полях), 5) относительная прерывность (раздельное существование материальных объектов и систем, имеющих определенные размеры и границы), 6) трехмерность. Специфические свойства пространства подразделяются на метрические (связанные с измерениями) — размеры, расстояния между телами и т. д. и топологические — связность, симметрия / асимметрия и т. д. (см. [7, 541—542]).

Научное понимание пространства имеет и свой «стандартно-бытовой» вариант [6, 229] в представлениях о пространстве, свойственных большей части современного человечества.

Какая же концепция пространства лежит в основе его вербальных описаний? Ответ на этот вопрос будет зависеть от того, какой из существующих вербальных кодов (подъязыков) будет использован при описании, что в свою очередь определяется той целью, с которой такое описание строится.

Так, в принципе возможно словесно описать любой фрагмент пространства с позиций научного его понимания, включая сюда все тонкости зависимости пространства от материальных процессов типа сокращения линейных размеров тел при приближении скорости их движения к скорости света, если при этом со знанием дела использовать средства специальных языков науки (геометрии, топологии, алгебры, теоретической физики и т.п.). Например, если поставить перед человеком, знакомым со школьной геометрией, специальную задачу дать словесное описание пространства конкретной комнаты в терминах этой дисциплины, то можно получить текст типа: *Комната представляет собой прямоугольный параллелепипед высотой 2 метра 70 сантиметров, длиной 4 метра и шириной 3 метра. В плоскости меньшей из стен имеется прямоугольное окно высотой в 1 метр и шириной в полтора метра, нижняя сторона которого находится на расстоянии 80-и сантиметров от плоскости пола, а левая сторона (если стоять лицом к окну) удалена от плоскости левой стены на 70 сантиметров. В точке пересечения диагоналей потолка подвешен светильник в форме шара радиусом в 10 сантиметров. Центр шара находится на расстоянии 50-и сантиметров от плоскости потолка...* Подобные тексты могут быть вполне уместны в задачниках по геометрии. Однако за пределами учебных пособий и научных монографий вербальная форма для целей, требующих большой точности, не используется, так как существуют более удобные и пригодные для этих целей языки графического представления или математического моделирования.

Вербальные описания пространства вне философского и научного контекстов, со всей очевидностью, воплощают стандартно-бытовое понимание пространства. Это обыденное понимание пространства отличается как от научного, так и от мифопоэтического, при этом имея с ними ряд общих черт. Общим для всех концепций пространства (кроме ньютоновского «пустого») является его неразрывная связь с вещами (материальными объектами). Обыденное описание пространства, будь то ландшафт, интерьер или «то, что лежит на столе», представляет собой, по сути, перечисление размещающихся в нем «вещей» с указанием ориентации одной вещи относительно другой. Таким образом, обыденное пространство есть объектно-заполненное пространство¹. Как и в случае мифопоэтического понимания, оно организуется, конституируется вещами. Однако структура обыденного пространства, создаваемая «населяющими» его объектами, не наделена тем глубоким мировоззренческим смыслом, который характеризует структуру мифопоэтического пространства. Чертой, сближающей обыденное понимание пространства с мифопоэтическим, является его дискретность, составность, членимость на отдельные фрагменты, соотносимые с орга-

низующими его объектами (ср. ниже понятие Топоса) Представления о связности, непрерывности, характеризующие научную концепцию пространства, не находят отражения в обыденных пространственных описаниях, которые вполне допускают «разрывы», умалчивая о том, чем заполнены промежутки между упоминаемыми объектами

Обыденное понимание пространства (как, видимо, и мифопоэтическое) отдает приоритет топологическим свойствам над метрическими В обыденных описаниях пространства это проявляется как на макроуровне — уровне семантики текста, так и на микроуровне — уровне семантики слов и конструкций, служащих средствами кодирования пространственных свойств и отношений. На макроуровне мы наблюдаем отсутствие в описаниях пространства точных количественных характеристик размера объектов, расстояний между ними, угловых мер и т. п. На микроуровне «топологичность» обыденного понимания пространства более всего проявляется в семантике пространственных предлогов, которые идеализируют пространственные характеристики объектов и схематизируют отношения между ними, абстрагируясь как от специфической формы и величины объектов, так и от расстояния между ними (подробнее о топологичности пространственных концептов, отражаемых предлогами и другими языковыми единицами, совпадающими с ними по функции, — послелогоми, падежными показателями и т. п. — см. в [9, 261—263])

Итак, мы можем сказать, что, решая в обычных условиях задачу описания некоторого (видимого, воображаемого или вспоминаемого) фрагмента пространства, говорящий исходит из обыденного понимания пространства как конфигурации объектов, находящихся между собой в определенных — «пространственных» — отношениях Из недискретного потока информации, которую он либо воспринимает зрительно, либо извлекает из образной памяти, он отбирает наиболее репрезентативные для данного пространства объекты и, определяя ориентацию каждого из них относительно какого-либо другого (других), создает своего рода когнитивную карту, которая преобразуется затем в линейную последовательность языковых выражений Если созерцание пространства, видение — это состояние, то описание созерцаемого — это динамическое явление последовательность речевых актов Начиная описывать пространство, говорящий как бы начинает движение, которое, с одной стороны, регулируется общими правилами, а с другой стороны, допускает альтернативные маршруты

Общие правила построения текстов данного жанра задает лежащая в их основе порождающая грамматика Разнообразие же обеспечивают альтернативные возможности выбора упоминаемых объектов, а также различные композиционные стратегии Ниже мы рассмотрим два компонента модели описания пространства — грамматику и композиционные стратегии Вопросы, связанные с выбором объектов для включения их в описание и с механизмом приписывания им ролей ориентира или фигуры, рассматриваются нами в [3]

Структура текста описания пространства представима в виде порождающей грамматики (1) Грамматика оперирует текстовыми категориями (категориями дискурсного уровня), которым в свою очередь ставятся в соответствие категории уровня предложения (сентенциального уровня) Так, текстовой кате-

гории «Конфигурация» соответствует сентенциальная категория «Бытийно-интродуктивное предложение», текстовой категории «Топос» — сентенциальная категория «Обстоятельство места». Терминальные элементы, на которые разлагается Конфигурация в грамматике текста, прямо соответствуют синтаксическим категориям грамматики непосредственных составляющих предложения: Связка — V; Релятор — Р (Preposition), Ориентир — NP, выступающая в позиции комплемента Р; Фигура — NP-подлежащее, которое в предложениях данной категории входит в ремю.

(1) Описание пространства ⇒ Экспозиция + Разработка

Экспозиция ⇒ Категоризация + (Уточнение) + (Характеризация) +
+ (Локализация) + (Комментарий)

Разработка ⇒ Ряд*²

Ряд ⇒ Кадр*

Кадр ⇒ Конфигурация + (Уточнение) + (Характеризация) +
+ (Локализация) + (Комментарий)

Конфигурация ⇒ Топос* + Связка + Фигура*

Топос ⇒ Релятор + Ориентир

Итак, Описание пространства распадается на Экспозицию (вспомогательная часть, главная задача которой состоит в указании на тип описываемого пространства) и Разработку (собственно описание). Экспозиция обязательно содержит (экслицитную или имплицитную, нулевую) Категоризацию — отношение пространства к определенному типу. Языковые корреляты Категоризации — предложения одного из следующих типов: назывное, напр. *Комната* (Т-16)³; классифицирующее *Это музей* (Т-10), *Открытие представляет собой большую залу* (Т-15), бытийное: *Здесь изображена большая зала* (Т-5), *На картинке какая-то комната* (Т-3) *Перед нами большая зала* (Т-11); восприятия: *Видим интерьер дома* (Т-14). Факультативными категориями Экспозиции являются Уточнение, Характеризация, Локализация и Комментарий. Уточнение представлено различными синтаксическими конструкциями, вводящими уточняющую дескрипцию предложениями с метатекстовым предикатом, напр., [*Какая-то серо-зеленая комната*] *Я бы сказала даже зала* (Т-2); назывными предложениями, напр., [*Видим интерьер дома.*] *Аристократический дом* (Т-14), приложениями, напр., [*На картине какая-то комната,*] *большая зала.* (Т-3); дизъюнктивными однородными членами, напр., [*Вот это камин*] *или печка* (Т-13); уточняющими оборотами, напр., [*Изображена комната,*] *скорее даже зала в большом дворце* (Т-17). Характеризация представлена характеризующими предложениями, напр., [*Видим интерьер дома*] *. Потолки шести метров. Пол паркетный. Стены синего цвета* (Т-14); [*Изображена комната*] *. Комната с серыми стенами, сводчатый потолок без лепнины* (Т-17), а также постпозитивными определениями, напр. [*По бокам дивана статуи*] *греческие или римские* (Т-17). Локализация — особый вид Характеризации объекта, сводящийся к указанию его местоположения, — представлена локативными предложениями (бытийными с обстоятельством места в реме) типа [*Две*

женщины.] *одна сидит, одна стоит у окна* (Т-21). Комментарием может быть предикатная конструкция произвольной формы, сообщающая дополнительную информацию непространственного характера, напр., *Здесь, видно, люди искусства живут* (Т-2)

Разработка состоит из одного или более **Рядов** — фрагментов текста, визуальным коррелятом которого является связный участок зрительно воспринимаемого пространства. В свою очередь Ряд представляет собой последовательность (возможно, одноэлементную) **Кадров**, удовлетворяющую условиям, которые будут сформулированы после введения терминов, необходимых для описания структуры составляющих Кадра. Кадр содержит в качестве обязательной категории **Конфигурацию**. Эта текстовая категория воплощает «квант» пространства в его обыденном понимании — конфигурацию двух (как правило) объектов, находящихся между собой в определенных пространственных отношениях. Чтобы охарактеризовать эти отношения (отражаемые текстовой категорией **Релятор**), говорящий должен принять один из объектов за ориентир (в терминах грамматики текста это означает, что NP, обозначающая этот объект, будет категоризоваться как **Ориентир**) и описать относительно него положение второго объекта (в грамматике текста обозначающая его NP будет категоризоваться как **Фигура**)⁴. Сентенциальным коррелятом Конфигурации служат бытийно-интродуктивные, реже назывные предложения (интродуктивные с нулевой темой), напр. *И по обеим сторонам зеркала находятся бюсты* (Т-1), *Рядом, ну как выходишь ты или кто-то, тут стена* (Т-13), *Диван* (Т-2). Соответственно непосредственными составляющими конфигурации являются **Топос** (текстовый коррелят понятия «место»), **Связка** (отношение между объектом и его местом) и **Фигура** (текстовый коррелят локализуемого объекта). Наконец, Топос состоит из **Релятора** (текстовый коррелят пространственного отношения) и **Ориентира** (текстовый коррелят объекта, служащего точкой отсчета при описании местоположения локализуемого объекта). На сентенциальном уровне Топос — это обстоятельства места одного из следующих видов: предложная группа (PP), напр. *у одной из стен; по обеим сторонам зеркала; прямо над диваном* (Т-1); наречная группа (AdvP): *левее этой двери* (Т-4); *слева; тут; там; ближе сюда*. Релятору на сентенциальном уровне соответствует пространственный предлог или наречие места. Ориентир может быть либо представлен именной группой (NP), либо иметь нулевое выражение (∅). Связка представлена предикатом одного из следующих семантических классов: существования — *быть*; локализации — *располагаться, находиться* и т. п.; позиции — *встать, лежать, сидеть* и т. п. Фигура всегда представлена ненулевой NP.

Из текстовых категорий, фигурирующих в данной грамматике, особого пояснения требует только категория Ряда. Теперь мы можем дать более точное ее определение (2).

(2) Ряд — последовательность Кадров, удовлетворяющая следующим условиям:

- 1) Ориентир Кадра 1 либо впервые используется в Разработке, либо между данным и предшествующим его использованием вклинивается хотя бы один Ориентир, впервые используемый в Разработке;

ция других объектов он если и упоминается, то не в составе Топоса, а в составе дескрипции объекта; 4) появление слов, обозначающих элементы фрейма, в первом Кадре Ряда (в качестве первого Ориентира или первой Фигуры); 5) более высокая частотность упоминания сущностей, соответствующих «второстепенным» слотам пространственного фрейма, то есть либо фоновым (типа слота «Небо» во фрейме «Пейзаж»), либо непространственным (типа «Время года», «Настроение» и т. п. в том же фрейме); 6) линейный порядок следования Рядов коррелирует с иерархией важности элементов фрейма.

Примером описания, построенного с применением СФ, может служить текст (4) (приводится с несущественными сокращениями; заглавными буквами выделены номинации самого фрейма и его элементов-слотов):

(4) Текст Т-1 «В комнатах» (Люда, исторический факультет, IV курс)

[_{SD}[_{E_x}[_{Cat} На картине изображен ИНТЕРЬЕР какого-то музея, или это ЗАЛ, в котором собирали статуи.]]
 [_{E_i}[_{S_{q1}}[_{S_{h1}}[_{C_{onf}}[_{T_R} У] [_{L_m} одной из СТЕН]] [_{C_{op}} расположены] [_F две статуи]] [_{C_h} на гранитных постаментах. Одна из них изображает женщину, а другая мужчину.]]
 [_{S_{h2}}[_{C_{onf}}[_{T_R} Между] [_{L_m} этими статуями]] [_{C_{op}} стоит] [_F диван,]]] а [_{S_{h3}}[_{C_{onf}}[_{T_R} на] [_{L_m} диване]] [_{C_{op}} сидит] [_F мужик]] [_{C_h} ...]]
 [_{S_{q2}}[_{S_{h1}}[_{C_{onf}}[_{T_R} У] [_{L_m} соседней СТЕНЫ]] [_{Z_R} рядом с] [_{L_m} окном]] [_{C_{op}} находится] [_F зеркало.]]] И [_{S_{h2}}[_{C_{onf}}[_{T_R} по обеим сторонам] [_{L_m} зеркала]] [_{C_{op}} находятся] [_F бюсты.]]] [_{S_{pec}}...]] [_{C_{onf}}...]]]]]]

Как мы видим, воспринимаемое пространство эксплицитно категоризовано как интерьер музея или зал. Все Конфигурации имеют эксплицитные Топосы, ни один из которых не является действительным (Топос у *соседней стены* содержит не действительную, а анафорическую отсылку, поскольку имплицитно (*соседний с кем / чем*) отсылает не к Говорящему-Наблюдателю, а к упомянутой ранее одной из стен.

II. Стратегия Выдающихся Объектов (СВО)

Пространство членится на фрагменты, соответствующие окрестностям каких-либо «выдающихся» объектов, то есть объектов, выделяющихся из множества тех, которые формируют данное пространство, тем или иным свойством, привлекающим внимание.

Вербальные приметы СВО: 1) Категоризация может быть нулевой; 2) повышенная частотность нулевых Топосов (назывные предложения типа *Диван; Дорога не асфальтированная, проселочная* характерны для текстов, основанных именно на СВО); 3) при интродукции «выдающегося объекта» действительские Топосы используются наравне с недействительскими. При этом Ориентиром может быть либо Говорящий-Наблюдатель, либо рамка изображения (ср. *По середине картины крупным планом стол; В левом углу картины мы видим старинное кресло*); 4) порядок Рядов свободный.

Примером описания, построенного на основе СВО, может служить следующий текст, в котором заглавными буквами выделены «выдающиеся объекты»:

(5) Текст Т-2 «В комнатах» (Нина, 47 лет, высшее техн. образование)

{_{SD}[_{Ex}[_{Cat} Какая-то серо-зеленая комната,]
 [_{Spec} я бы даже сказала — зала]]
 [_{EI} [_{Sq} [_{Sh1} [_{Cont} [_T [_R В] [_{Lm} углу]] [_{Corp} ∅] [_F ИЗРАЦОВАЯ ПЕЧЬ]]]]
 [_{Sq2} [_{Sh1} [_{Cont} [_T ∅] [_{Corp} ∅] [_F ЛЮСТРА СО СВЕЧАМИ]]
 [_{Cn} Люстра очень красивая, в виде лиры]]
 [_{Com} Здесь, видно, люди искусства живут.]]]
 [_{Sq3} [_{Sh1} [_{Cont} [_T ∅] [_{Corp} ∅] [_F ДИВАН]]]]
 [_{Sq2} [_{Cont} [_T [_R По бокам] [_{Lm} ∅] [_{Corp} стоят] [_F статуи.]]]
 [_{Sq3} [_{Cont} [_T [_R на] [_{Lm} диване] [_{Corp} сидит] [_F молодой человек,]]]
 [_{Cn} мечтает, видимо, о чем-то]]
 [_{Sq4} [_{Cont} [_I [_R На] [_{Lm} стене] [_{Corp} ∅] [_F КАРТИНА,]] [_{Spec} по-моему, пейзаж,]]]
 [_{Sq4} [_{Sh1} [_{Cont} [_T [_R в простенке между] [_{Lm} окнами]] [_{Corp} стоит] [_F БОЛЬШОЕ
 ЗЕРКАЛО,]]]
 [_{Sq2} [_{Cont} [_T [_R по бокам] [_{Lm} зеркала]] тоже [_{Corp} стоят] [_F какие-то бюсты]]]]
 [_{Sq5} [_{Sh1} [_{Cont} [_I ∅] [_{Corp} ∅] [_F КРАСИВЫЙ ПАРКЕТ.]]]]]
 [_{Sq6} [_{Sh1} [_{Cont} [_T ∅] [_{Corp} ∅] [_F СВОДЧАТЫЙ ПОТОЛОК]]]]]]

Вербальные приметы СВО в данном тексте: большое количество нулевых Топосов; хотя имена слотов фрейма в данном тексте встречаются в качестве первых Ориентиров в Ряду, но порядок Рядов отклоняется от фреймовой иерархии. Если, сличая описание с изображением, сопоставить каждому Ряду в тексте соответствующий слот или элемент фрейма «Комната», то получится последовательность «угол» — «потолок» — «стена 1» — «стена 2» — «пол» — «потолок», нарушающая нормативный для СФ порядок («потолок» предшествует «стенам»). Таким образом, пространство с целью его описания организуется не по фрейму, оно членится на «зоны влияния» отдельных объектов (хотя сами эти объекты могут вводиться с привязкой к слотам фрейма).

III Стратегия Пути (СП)

При этой стратегии описание пространства определяется траекторией воображаемого движения наблюдателя по воспринимаемой сцене.

Вербальными признаками СП являются 1) использование оборотов, обозначающих потенциальное движение типа *если идти / двигаться*, *если мы пойдем*, *как ходишь* ..., 2) употребление глаголов движения в качестве Связки в Конфигурациях (ср. *Дальше идет окно, Затем идут постройки*), 3) повышенная частотность слов, в значение которых входит идея расстояния типа *далеко, вдали, недалеко, далеко-далеко, чуть-чуть (справа / слева), на полдороге* к и т.п. 4) использование порядковых числительных и других слов, обозначающих очередность

Ниже, уже без разметки текстовой структуры, приводится пример описания, организованного на основе СП (заглавными буквами выделено слово, обозначающее траекторию движения, жирным шрифтом — вербальные приметы СП):

(6) Т-112 «Кижы» (Света С., 21 год, III курс МГПИИЯ)

Надо представить, что ты находишься в каком-то селе, в какой-нибудь там далекой губернии .. Такая длинная ДОРОГА, и она уходит вдаль И по ходу ДОРОГИ, немножко, правда, в отдалении от нее находятся различные постройки. Первая постройка с левой стороны, немножко удалена от ДОРОГИ С правой стороны тоже еще какой-то домик, а совсем вдали находится церковь И все идет по ДОРОГЕ Ну, здесь есть еще, конечно, какие-то леса, но, в общем, они не важны.

IV Стратегия Сканирования (СС)

Ряд при этой стратегии соответствует области, окружающей некоторый вектор, в направлении которого Говорящий-Наблюдатель «сканирует» сцену (обычно слева направо, сверху вниз). Следование этой стратегии не проявляется в каких-либо специфических поверхностных характеристиках текста, если не считать повышенной частотности Топосов, выраженных словами, в семантику которых входит идея последовательности, типа *дальше, потом* Чтобы установить, что описание организовано по векторам сканирования, необходимо сравнить текст с изображением.

Часто в одном и том же тексте можно обнаружить приметы последовательного обращения к разным стратегиям. Выше мы уже привели пример описания, в котором можно проследить смену стратегии с СВО на СФ В нижеследующем примере, как легко увидеть, описание, первоначально строившееся согласно СВО, заканчивается в стиле СП (соответствующие фрагменты разделены знаком #):

(7) *На картине изображен русский пейзаж В середине находится дорога, слева дерево, не то краснеющее, потому что наступила осень, не то просто отражается солнце, и листья поэтому чуть-чуть красные. А в центре, то есть слева от этой дороги, но в центре картины находится деревянная церковь Перед церковью, чуть-чуть справа от дороги находится ... чуть-чуть слева от церкви находится деревянный дом. Один большой деревянный дом и рядом с ним два маленьких # Если мы пойдем прямо по дороге, то будет тоже какой-то небольшой домик с куполом и крестом С разных сторон дороги трава желтая. Судя по всему, осень*

Сравнение описаний разных изображений, данных одним и тем же лицом, обнаруживает тенденцию к использованию одной и той же стратегии, если это возможно при заданном типе пространства. Таким образом, тот аспект когнитивной операции по организации визуальной информации для последующей ее вербализации, который мы назвали композиционной стратегией, может оказаться одним из частных проявлений когнитивного стиля личности.

Итак, мы видим, что структура текста, представляющего собой описание зрительно воспринимаемого пространства (изображения), в конечном счете отражает те процессы, которые происходят в сознании человека при восприятии визуальной информации и ее вербальном кодировании Поэтому комплексное исследование таких описаний может быть весьма полезным для постижения когнитивных механизмов речевой деятельности

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Как писал В. Н. Топоров, абстрактное, «пустое» пространство «немо и слепо», его содержание развертывается только через вещи, благодаря которым «у него появляется «голос» и «вид (облик)» [6, 279].
- ² Символ (*) означает, что данная текстовая категория может повторяться.
- ³ Здесь и далее таким образом указывается номер текста, из которого взят пример, по корпусу А. Р. Армеевой [1].
- ⁴ В рамках интегральных моделей типа «Действительность-Мысль-Текст» противопоставление Ориентир / Фигура следует относить к числу категорий коммуникативной организации [5], или «упаковки» [8] и рассматривать как частный случай общего противопоставления фоновой и выделенной (профилируемой) информации (наряду с противопоставлением умалчиваемого / эксплицируемого, темы / ремы, данного / нового, пресуппозируемого / утверждаемого и т. д.)
- ⁵ В помеченной скобочной записи используются следующие сокращения: SD — Описание пространства (space description), Ex — Экспозиция (exposition), El — Разработка (elaboration), Cat — Категоризация (categorization), Spec — Уточнение (specification), Ch — Характеризация (characterization), Loc — Локализация (localization), Com — Комментарий (commentary), Sq — Ряд (sequence), Sh — Кадр (shot), Conf — Конфигурация (configuration), T — Топос (topos), R — Релятор (relator), Lm — Ориентир (landmark), Cop — Связка (copula), F — Фигура (figure), \emptyset — нулевое выражение.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Армеева А. Р.* Локативные предложные конструкции как средство описания пространства. Дипломная работа. М.: МГУ, 1994.
2. *Кобозева И. М.* Как мы описываем пространство, которое видим: проблема выбора «ориентира» // Труды международного семинара «Диалог'95» по компьютерной лингвистике и ее приложениям. Казань, 1995.
3. *Кобозева И. М.* Представление знаний о физических объектах для систем типа «Рисунки ↔ Текст» // Категоризация мира: пространство и время. Материалы конференции. М.: МГУ, 1997.
4. *Кобозева И. М.* Как мы описываем пространство, которое видим: композиционные стратегии // Труды международного семинара «Диалог'97» по компьютерной лингвистике и ее приложениям. Ясная Поляна, 1997.
5. *Мельчук И. А.* Опыт теории моделей типа «Смысл-Текст». М., 1976.
6. *Топоров В. Н.* Пространство и текст // Текст: семантика и структура. М., 1983. С. 227—284.
7. *Философский энциклопедический словарь.* М.: Советская энциклопедия, 1983.
8. *Чейф У.* Данное, контрастивность, определенность, подлежащее, топика и точка зрения // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XI. М.: Прогресс, 1982. С. 277—355.
9. *Talmy L.* How language structures space // Spatial Orientation: Theory, Research and Application. Plenum Press, 1983.

ГЛАГОЛЫ КАУЗАЦИИ ПОЛОЖЕНИЯ В ПРОСТРАНСТВЕ

Существуют три основных процесса в пространстве. движение, перемещение и позиционирование (изменение положения). Движение — это любой активный процесс в пространстве. Перемещение — это переход в другое место, иногда при помощи транспортного средства. Позиционирование — это изменение плоскости (горизонтальной, вертикальной, наклонной), позиции (стоячей, лежащей, сидячей, висячей), формы положения (линейной, кругообразной, крестообразной, скобочной и т.д.) и направления (туда, туда — сюда, к себе, от себя, вверх, вниз, вперед, назад, обратно, в сторону, в стороны, налево, направо и т.п.)

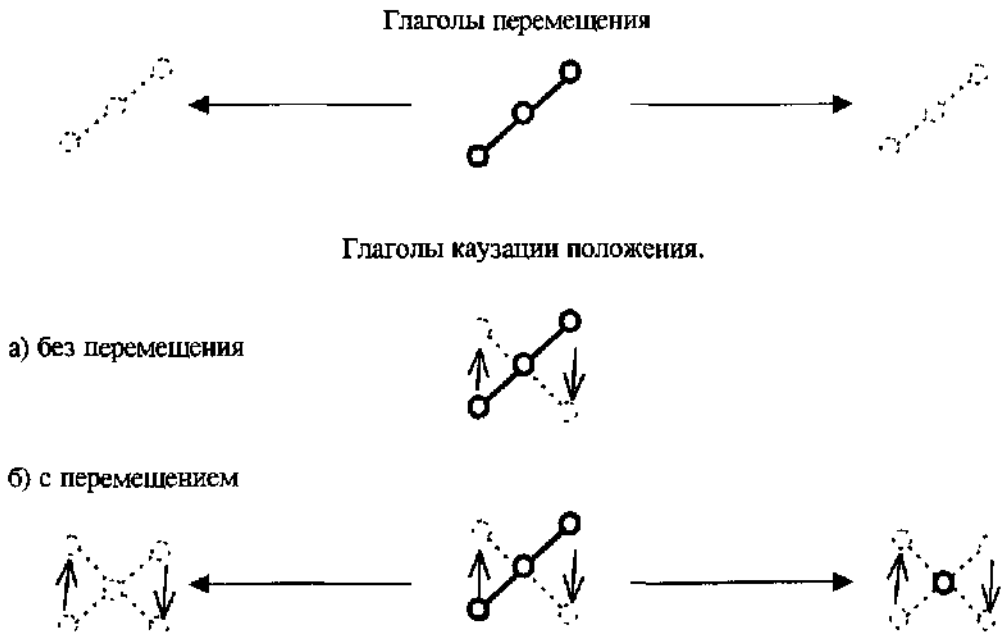
Если исходить из того, что каузировать — значит 'заставить что-нибудь сделать, выполнить, вызвать что-нибудь, привести кого-(что-)нибудь в определенное состояние' и что семантическая категория каузативности выражает причинно-следственные отношения в действительности, можно сказать, что в основе каузации положения в пространстве (КПП) лежат отношения, при которых субъект действия (каузатор) заставляет объект действия (каузат) перейти в другую позицию или изменить определенное положение в пространстве. Это значит, что в КПП всегда существуют как минимум две ситуации (две позиции): исходная позиция и конечная позиция. Они находятся в причинно-следственных связях. причиной позиционирования является побуждение, следствием — результат, т.е. новая позиция.

Пространственная каузация (ПП) подразумевает три подтипа каузации: каузацию движения, каузацию перемещения и каузацию положения в пространстве. Каузация движения — это каузация, при которой предмет А заставляет предмет А, часть предмета А, предмет Б или часть предмета Б покинуть определенную пространственную точку и перейти в другую (идти, прыгать, лететь). Каузация перемещения — это каузация, при которой А обычно при помощи какого-нибудь средства дислоцирует предмет А, часть предмета А, предмет Б или его часть (перенести, перевезти на машине, подвинуть стол). Каузация положения в пространстве (КПП) подразумевает операцию, при которой предмет А или его часть заставляет изменить свою позицию, позицию своей части или же изменить позицию предмета Б или его части. При этом возникают различные ситуации: А каузирует самого себя ($A \rightarrow A$ — лечь, встать), А каузирует свою часть ($A \rightarrow Aч$ — поднять руку), часть А каузирует другую часть А ($Aч \rightarrow Aч$ — тянуть за руку сына), А каузирует Б ($A \rightarrow B$ — Ветер кренит судно), часть А каузирует часть Б ($Aч \rightarrow Bч$ — перевернуть страницу рукой) и А каузирует часть Б ($A \rightarrow Bч$ — Ураган сгибает ветки). При этом субъект побуждает объект перейти в другое положение при наличии отношения причины и следствия (результата) этого побуждения.

Ни одна из этих трех каузаций не существует в чистом виде, потому что движение, перемещение и позиционирование переплетаются и во многих слу-

чаях идут вместе. Поэтому, если учесть все процессы в пространстве, можно сказать, что глаголы теоретически могут выражать однократную, двухкратную и трехкратную КПП. Практически это сводится к двухкратной и трехкратной каузации, потому что КПП обязательно сопровождается одна из двух упомянутых каузаций — каузация движения или каузация перемещения (или обе вместе), т.е. нельзя совершить КПП, не совершив каузацию движения (но обратно можно). Нельзя занять определенную позицию в пространстве без движения¹. Из-за этого нам кажется, что изолированная КПП не существует. Двухкратная каузация возникает, если совершается а) КПП и каузация движения, б) КПП и каузация перемещения, напр. **поднять** руку (1 каузация положения: нижняя позиция — верхняя позиция; 2 каузация движения жест руки). Трехкратная каузация наблюдается в случаях, когда глаголы выражают каузацию положения, каузацию движения и каузацию перемещения, напр. **повесить** картину на стену (КПП — заставить картину занять висячее положение, каузация движения: заставить руки двигаться, каузация перемещения: перенести картину с одного места на другое).

Для выражения каузативных процессов, состояний и отношений существует особая лексико-семантическая группа (ЛСГ) глаголов — каузативные глаголы. Частью этой ЛСГ являются глаголы КПП. Они являются также глаголами пространственной локализации, куда еще входят глаголы движения и глаголы перемещения. Разницу между глаголами перемещения и глаголами КПП можно представить в следующей форме:

Вообще, глаголы пространственной локализованности можно разделить на две части: на (1) глаголы, выражающие статическую локализованность, и на (2) глаголы, выражающие динамическую локализованность. Статическими глаголами являются глаголы, обозначающие нахождение в пространстве (напр. **находиться, пребывать**) и положение в пространстве (**сидеть, стоять, лежать, висеть**). Динамическими являются глаголы типа **ставить, класть, положить, сесть, лечь**.

Провести границу между глаголами перемещения, глаголами движения и глаголами каузации положения в пространстве не так просто, потому что все три группы глаголов относятся к одному лексико-семантическому полю — полю пространственных действий и состояний. Их общей семой (архисемой) является — **движение по пространству**. В принципе все эти глаголы являются глаголами перемещения и глаголами изменения положения в пространстве (**шагать — бежать — положить**). В литературе, доступной нам, не проводится четкая граница между глаголами перемещения и глаголами, выражающими положение в пространстве. Как правило, эти последние включаются в глаголы перемещения. Надо сказать, что глаголы КПП можно найти во многих других ЛСГ. Так в словаре «Лексико-семантические группы русских глаголов» (Лекс-сем-1988) выделяются три поля — поле действия, поле состояния, поле отношения. Основная часть глаголов КПП находится в поле «Действие». Глаголы КПП являются конstituентами следующих подполей.

1. **Перемещение**: глаголы субъектного перемещения — **шагать**, глаголы объектного и субъектного перемещения — **метать**, глаголы вертикального перемещения — **капать, падать**, глаголы объектного и субъектного перемещения — **опуститься, ронять**, глаголы перемещения, ориентированного относительно конечного пункта — **перелечь**, глаголы объектного и субъектного перемещения — **придвинуть**, глаголы перемещения, ориентированного относительно исходного пункта — **отпрыгнуть**, глаголы перемещения, ориентированного относительно какого-либо промежуточного пункта — **переступить**.

2. **Помещение**: глаголы помещения объекта в определенное место — **класть, положить**, глаголы помещения объекта куда-либо в определенном положении — **вешать, сажать**, глаголы помещения объекта где-либо в результате определенного действия — **вмотать, обвязать**, глаголы покрытия одного объекта другим — **мазать**, глаголы кругового покрытия объекта — **бинтовать, обмотать**, глаголы одевания — **оноящать**, глаголы удаления объекта — **мести**.

3. **Физическое воздействие на объект**: глаголы нанесения удара — **бить**, глаголы давления — **жать**, глаголы приведения объекта в состояние покоя — **качать, махать**, глаголы прикосновения — **лизать**, глаголы изменения положения — **клонить, лечь, склонить, согнуть, шататься**, глаголы очищения — **обметать**, глаголы рытья — **копать**, глаголы обработки — **ковать**, глаголы повреждения — **топтать**, глаголы повреждения тела — **царапать**, глаголы разделения — **пилить**, глаголы отделения — **срезать**.

4. **Созидательная деятельность**: глаголы созидания объекта — **высверлить, шить**.

5. Физиологические действия: глаголы дыхания — **зевать**, глаголы проявления разнообразных физиологических действий — **моргать**.

Ограниченная группа глаголов КПП находится в поле «Состояние»

1. Подполе «Бытие»: глаголы бытия-существования в определенном пространстве — **висеть**, **баланси́ровать**, **лежать**, **стоять** **сидеть**, глаголы состояния непокоя — **вертеться**, **вибрировать**, **дрожать**, **кружиться**.

2. Подполе «Качественное состояние»: глаголы изменения признака — **крявяться**, **повернуться**.

3. Подполе «Социальное состояние, Бытие»: глаголы поведения — **гримасничать**, **кривляться**

4. Подполе «Функциональное состояние»: глаголы пребывания в функциональном состоянии — **полулежать**, глаголы приведения в функциональное состояние — **отжать**, глаголы изменения функционального состояния — **закрыть**, глаголы устранения изоляции — **открыть**, глаголы избавления — **раскрутить**

В поле «Отношение» данные глаголы находим в подполе «Взаимоотношение»: это глаголы приобретения, точнее глаголы взятия в руку — **брать**, **ловить**, **хватать** и глаголы извлечения — **молотить**

Приведенные примеры показывают, насколько лексико-семантические группы глаголов пересекаются, переплетаются друг с другом, что дает возможность одному и тому же глаголу быть конституентом целого ряда полей и подполей

Пространственными параметрами глагольной семантики являются **высота** (**подниматься**), **глубина** (**нырять**), **длина** (**протянуться**), **ширина** (**расширяться**). Они функционируют в рамках двух пространственных плоскостей — вертикальной и горизонтальной. В качестве пространственных ориентиров глагольной семантики выступают исходная и конечная точка (**выйти** — **дойти**). Пространственными элементами являются поверхность, линейность, точечность. Линейность реализуется в форме прямого движения или состояния (**идти** прямо, **стоять**), кругового движения (**вертеться**), зигзаг-движения (**чертить зигзаги**) и т. п. Типами пространственного действия являются приближение (**подходить**), удаление (**уезжать**), соединение (**связывать**), отделение (**отстыковаться**), объединение (**группировать**), разделение (**разойтись**) и т. д. Действия в пространстве совершаются в форме перемещения (**носить**), передвижения (**идти**), перемещения без передвижения (**сидя достать** книгу с полки), перемещения с передвижением (**привезти** из Москвы продукты). Действия осуществляются в пространстве в одном направлении (**идти**) или в разных направлениях (**ходить**)².

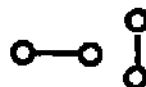
Процесс КПП совершается, в первую очередь, в минимальном пространственном контексте (границы которого в покое приблизительно совпадают с нормальной тенью данного предмета). КПП может совершаться над предметом, который находится в позиции покоя³ и в позиции передвижения. Каузация ПП в статическом состоянии предмета выражается глаголами типа **обнимать**, **поднять**, **качать**. Каузация ПП в динамическом состоянии предмета характерна для предметов, которые перемещаются в пространстве (**идти**, **ехать**, **лететь**, **плыть**) и которые в этом передвижении одновременно меняют положение.

Для выяснения сути КПП важным является выделение двух типов пространств — пространства субъекта или каузатора и пространства объекта или каузата. Они могут совпадать (перекладывать страницу за страницей) или не совпадать (радиосвязью заставить ракету занять какое-нибудь положение). Каузат всегда меняет свою позицию, оставаясь в рамках данного пространства или покидая его. Каузатор может занимать такие же позиции. Поэтому целесообразно различать исходное и целевое пространство. Пространство, в котором происходит каузация, может быть открытым (поверхность земли, воздух, вода, космос) и закрытым (глубина земли, внутренность объектов, помещения, вместилища и т. п.), эксплицитно и имплицитно выраженным. В глагольной семантике открытое и закрытое пространство выступают в форме целого и его части. Одно из центральных понятий в каузации — каузативная ситуация. Ее образуют участники каузации или каузанты, каузативное пространство и каузативная позиция. Мы выделяем два обязательных и два факультативных каузанта. Обязательными каузантами являются: 1) генератор (или источник) каузации, который мы называем каузатором, 2) объект каузации или каузат. Факультативными каузантами являются каузативный инструмент и каузативное средство. Два главных участника каузации — каузатор (субъект) и каузат (объект) предопределяют процесс каузирования.

Участники каузации могут быть простыми и сложными каузантами. Люди и животные, например, являются сложными биомеханизмами, которые порождают различные виды каузации. Источники каузации у этих механизмов находятся в различных местах, которые мы называем энергетическими каузативными точками. В сложных кибернетических системах этих точек очень много. Так как в языке каузация передается как правило в суммарном виде, чтобы осознать ее природу необходимо большое количество источников каузации в одном каузанте свести к минимальному набору энергетических точек, точнее выявить энергетические мегаточки. Нам кажется, что большинство каузантов можно представить в одном из трех вариантов: 1) каузант, состоящий из одной энергетической мегаточки (монокаузант), 2) каузант, состоящий из двух энергетических мегаточек (бикаузант) и 3) каузант, состоящий из трех энергетических мегаточек (теркаузант)⁴.

Монокаузант

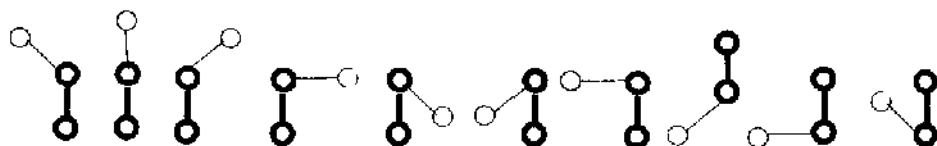
Бикаузант

Монокаузантом является, например, камень, шар, стакан; бикаузантом — дерево, рыба, змея, автомобиль, самолет, теркаузантом — человек, собака, лошадь, кошка, птица и т. п.

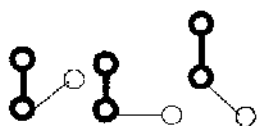
В пространстве бикаузанты и теркаузанты могут занимать различную позицию. Приведем некоторые из них.

а) Бикуазант

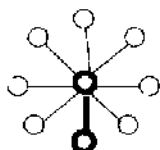
1 2 3 4 5 6 7 8 9 10

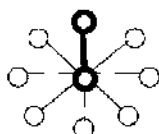
11 12 13

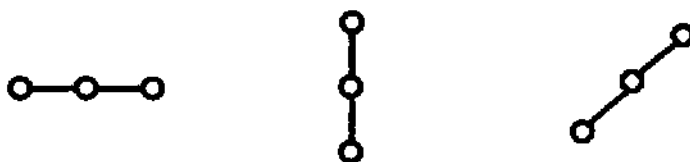
14

15

б) Теркуазант

Человек как теркуазант имеет следующую структурную схему

Изменение позиции одной из мегаточек выглядит следующим образом

Движение головы

Движение руки

Движение ноги

В КПП важную роль играют метонимические отношения между актантами (между целым и его частью) и метонимические преобразования (замена части на целое и целого на части), и поэтому надо разъяснить, в каком соотношении в каузации КПП они находятся. Это разграничение нужно провести для того, чтобы в примерах типа «махать руками» определить каузативную функцию целого (в данном случае человека) и его части (рук), точнее, указать, чем является каузант руки: генератором каузации (каузатором), объектом каузации (т.е. каузатом) или инструментом каузации. Существуют три возможности для рассмотрения руки: а) как частичного источника КПП, б) как участника, выполняющего волю целого, т.е. полного каузатора (человека) и в) как участника, выполняющего приказ другой части целого (мозга). Если пойти по второму и третьему пути, придется ввести понятие заказчика каузации (в данном случае это человек, т.е. мозг) и ее исполнителя (руки). Если пойти по первому пути, необходимо ввести понятие полного и частичного каузанта. Полный каузатор — это генератор каузации, который всей своей структурой вызывает каузацию. Таким каузатором может быть: а) человек, напр. Он кружил свою даму в вальсе, Он распластался по земле (лечь, растянуться пластом), Артист балансировал на канате, Старик лёг на диван; б) животное: Рыба плескалась в реке; в) природная сила: Ветер сгибает деревья и т.п.⁵ Частичный каузатор — это генератор каузации, который совершает КПП лишь одной частью. В этой функции у человека чаще всего выступают руки, ноги и голова, поэтому для нас человек является теркаузатором. У животных это напр. крыло, хвост, перья.

Кроме того, каузатор может иметь эксплицитный и имплицитный характер (Ветер качает лодку. — Лодка качается). В КПП может принять участие один каузант, два каузанта или несколько каузантов, поэтому выделяется монокаузатор (Он склонил голову), бикаузатор (характерный для человека, т.е. для его парных частей тела: рук, ног, глаз, ушей, бровей и т.п. — поднять руки), поликаузатор (Они склонили головы). В зависимости от того, покидает ли каузатор место или он не передвигается, мы различаем дислоцируемый каузатор (Флаги плещутся на ветру) и недислоцируемый каузатор — Магнитная сила вращает стрелку компаса (целое каузата в статическом положении, часть — в динамическом). Каузатором могут быть живые существа (человек, животное, растение) и неживые предметы, поэтому можно говорить о биологических и небологических каузаторах. Первые обозначают двигательные акты и физиологические активности живых существ, другие относятся к динамике неживой природы.

Каузаторы совершают действие как целое (лежать) или как часть целого (махать рукой). Глаголы, выражающие значение целостного движения, мы называем интегральными. Глаголы, указывающие на частичность каузатора, являются паритивными глаголами. Каузатор таких глаголов может иметь дальнейшее дробление. Так, у человека различные части выступают как сегментарные каузаторы, в первую очередь голова и конечности. Они совершают парциальные действия (кивать головой, оборачиваться), которые выражаются паритивными глаголами первой степени. Но части этих частей также могут производить определенные действия: у головы волосы (волосы лезут в глаза), уши

(шевелить ушами), глаза (открыть глаза), ресницы (опускать ресницы), брови (поднять брови), нос (морщить нос), рот (раскрыть рот), губы (сжать губы), зубы (стучать зубами), язык (высунуть язык); — у корпуса шея (вытянуть шею), спина (выпрямить спину), грудь (кормить грудью), живот (втянуть живот) и т.п., — у конечностей рука (поднять руку), нога (ударить ногой) и т.д. Такие глаголы мы относим к партитивным глаголам второй степени. Данную дифференциацию можно продолжить и выделить партитивные глаголы третьей степени (напр. палец руки — погрозить пальцем), партитивные глаголы четвертой степени (ноготь у пальца — царапаться ногтями) и т.д.

В зависимости от того, является ли каузатором механизм (напр. мотор, компьютер) или простой предмет, т.е. инструмент (предмет для работы и жизни — напр. топор, нож, ложка, метла, пила), мы различаем механические глаголы (мотор **работает**) и инструментальные глаголы, указывающие на действия несложных предметов, созданных человеком и выступающих не в функции генератора действия, а инструмента действия (**резать** ножом). Основная разница между механическими и инструментальными глаголами состоит в том, что у первых речь идет о автономных каузантах (каузатор может самостоятельно совершать действие), в то время как вторые каузанты являются неавтономными (чтобы они совершили действие, нужен дополнительный генератор — человек и т. п.): **мести** метлой, **поднять** ложку со стола, **пилить** дерево и т.п. Здесь можно говорить лишь об опосредованной каузации, напр. нож является инструментом для резания, а в качестве каузатора выступает человек, поэтому в сочетании с этим существительным обычно используются глаголы, требующие творительного падежа (**резать**, **выстругивать**, **порезаться** ножом). В сочетании с винительным падежом они не могут выполнять функцию каузатора, а лишь объекта действия: **взять**, **сломать**, **бросить**, **выхватить**, **отнять** нож. Существительные такого типа, используемые в именительном падеже, имеют опосредованный каузатор: в сочетании «нож **режет**» каузатор — тот, у кого нож в руках. В сочетании «Я **видел**, как нож **падал** на пол», нож опять не каузатор, так как здесь речь идет не о действии, а о состоянии, в котором находится нож.

Каузатор ПП выступает в форме мобильной точки различных форм (шара, куба, призмы, пирамиды, предмета неправильных форм). Он совершает действие автономно и неавтономно, используя при этом транспортные средства (схопутные, плавающие и летающие). Перемещение можно совершать перебрасывая, таща или толкая предметы.

Каузаг отличается от каузатора тем, что он всегда попадает в другое положение, в то время как каузатор может или не должен менять позицию (**поднять** руку, **запустить** спутник). В этом плане важную роль играет целое и его часть, и поэтому необходимо различать полный каузаг (это КПП всего объекта — человека, животного, предмета и т.п., напр. Ветер **свалил** дерево) и частичный каузаг (это КПП лишь одной части объекта), напр. **перевернуть** страницу, **оттопырить** карман (сделать торчащим, выдвинуть вперед), **пристукнуть** каблучком. Таким образом, существует каузаг-человек (Мать **пеленает** младенца), каузаг-животное (Кошка **вылизала** котенка), каузаг-растение (рубить лес), каузаг — неживой предмет (размахивать **фляжком**), монокаузаг (протя-

нуть руку), поликаузат (протянуть руки), эксплицитный и имплицитный каузат (прищурить глаз, прищуриться от яркого света).

Инструмент КПП может также быть различным. В Ожегов / Шведова-1992 чаще всего упоминается барабан, бич, бурав, молоток, ремень, палка, губка, топор, прут, лопата, ложка, утюг и т.д. В КПП участвует весь инструмент (буравить) или его часть (сверлить дрелью), моноинструмент (колотить молотком по гвоздю) или часть инструмента (сгребать лопатами), инструмент, explicit выраженный глаголом — инструментальным глаголом (бичевать, буравить, косить, лопатить, перелопатить, штемцелевать) или инструмент, implicit выраженный глаголом — неинструментальным глаголом (тесать, гладить, мести), полностью дислоцируемый инструмент (бичевать) и частично дислоцируемый инструмент, напр. палка барабана (барабанить).

Средство может быть эксплицировано (втереть мазь в кожу, перевязать коробку шпагатом, мазать, клеить) и только имплицировано (свивать младенца = обвивать свивальником).

В общем, пространственная каузативная ситуация может быть простой и сложной. Эта простота / сложность бывает двойкой: а) по количеству каузантов, б) по количеству позиций.

Простая количественная каузативная ситуация касается изменения лишь одного каузанта (или каузатора, или каузата, или инструмента, или средства). Сложная каузативная ситуация подразумевает наличие каузации двух или более каузантов. При этом они могут занимать одну и ту же или различную позицию. В первом случае речь идет об идентичной каузативной позиции (напр. гладить утюгом — рука и утюг имеют идентичную КПП), во втором — о гетерогенной каузативной ситуации (напр. косить траву (каузатор занимает сложную позицию рук, ног и тела, каузат «трава» имеет исходную вертикальную и конечную горизонтальную позицию, инструмент «коса» занимает динамическую горизонтальную позицию).

Что касается второго случая (сложности КПП по количеству позиций), простая каузативная ситуация — это переход одной позиции в другую. Сложная каузативная ситуация подразумевает наличие нескольких позиций. Одна из самых типичных — это изменение позиции в круговом положении, в котором каузант(ы) за короткий срок проходят через разные позиции (вертикальную — горизонтальную — наклонную, нижнюю — верхнюю, левую — правую и т.д.). Круговое положение является комплексной каузативной ситуацией, в которой выделяются следующие процессы: а) заставлять каузатора (самого себя) двигаться кругообразно (кружиться в танце, Орел кружит над облаками), б) заставлять каузанта совершать круговые движения (вертеть колесо, вращать колесо, мешать кашу, вкатить бочку в сарай, вкрутить пробку, винтить), с возможным дополнительным действием, напр. внутрь или изнутри ввернуть винт, ввинтить винт в раму, вывинтить гайку, навернуть гайку (навинтить), навинтить гайку на болт (винтить, надеть, укрепить), отвинтить гайку, перевернуть гайку (вывернув, навинтить снова, заново), перевинтить винт (вывернув, ввинтить заново), подввернуть гайку, подвинтить гайку (завинтить, привинтить потуже, а также привинтить снизу), привернуть фитиль (вертя, прикрепить), привертеть

гайку (привернуть), прикрутить фитиль (привернуть, разг.), провинтить (винта, проделать отверстие в чем-н.), развинтить замок (разобрать свинченное), Крепления развинтились (ослабнуть в соединениях (о свинченном), отвинтиться), свинтить раму (соединить, скрепляя винтом, винтами), *в*) заставлять инструмент двигаться по окружности с возможным дополнительным действием, напр. внутрь или изнутри (буравить, бурить, высверлить пломбу), *з*) заставлять средство (бинт, нить, нитку, проволоку, пелёнку, свивальник, плед) двигаться по окружности с возможным дополнительным действием: бинтовать (перевязывать бинтом), вмотать цветную нитку в клубок (мотая, вложить), наvertеть (вертя, намотать), навить нити на катушку (намотать), окутать ноги пледом, опутать проволокой, пеленать младенца (завертывать в пеленки), перекрутить веревкой (крутя, перевязать, обкрутить, прост.), перемотать нитки с клубка на катушку (намотать заново или на что-н. другое), свивать младенца (обвивать свивальником — длинной узкой полосой для обвивания младенца поверх пеленок), *д*) создавать различные кружные формы (кольцо, клубок, трубку): Змея извила хвост кольцом (изогнуть волнистой линией, спирально), обнять / обнимать друга (заключить в объятия, обхватить руками, выражая радость, ласку), обниматься при встрече (обнять друг друга), обнять / объмать (устар. и книжн. обхватить, обнять), Кошка свернулась клубком (скатать трубкой, скрутить, а также вообще плотно завернуть), Кошка свернулась клубком (сложиться, скрутиться трубкой), Змея свилась клубком (свернуться кольцом). или часть круга, полукруг (отворить дверь, калитку, отпереть чемодан, перевести стрелки часов, косить траву)⁶.

В процессе КПП могут произойти изменения формы каузата (реконструкция каузата) типа прямая линия \longleftrightarrow кривая линия. У человека такие изменения типичны, прежде всего, для ног (вытянуть ноги — распрямить, расположить по длине, по прямой линии, подогнуть ноги под себя), для рук (протянуть руку) и для спины (гнуть спину, изогнуть спину, горбить спину, разогнуть спину, распрямить спину, перегнуться через перила и т.д.). Это относится и к предметам: выпрямить или гнуть проволоку, искривить гвоздь, отогнуть воротник, подогнуть подол, разогнуть лист, распрямить железный прут и т. д. Подобные случаи могут возникать и в безличных конструкциях: Переплет коробит (= кривить, делать погнутым) от сырости.

Каузацию ПП может сопровождать деструкция предмета, который не только занимает другую позицию, но и видоизменяется, деформируется, напр. переломить палку, перевернуть ключ, перевинтить нарезку (испортить завинчивая), подкосить крапиву (подрезать косой) и т.п. При этом КПП может выступать как первичный или вторичный процесс. Это особенно характерно для природных сил типа урагана, ветра, бури и т.д. (Ураган валит деревья. Буря сломала дерево). Что касается номинации, здесь возникают две ситуации: а) каузатор именуется (Книги прогнули полку), б) генератор деформации не указывается, а лишь констатируется ее наличие (Сук сломался). При таких деформациях положение может менять весь предмет (подкосить крапиву) или часть предмета (переломить палку = сломать надвое). В примере «перевинтить нарезку» деформация возникает как результат кружного движения. Некоторые глаголы обозначают процесс деформации, не доведенный до конца (надломить ветку).

КПП может проходить без изменения плоскости (горизонтальной, вертикальной, наклонной), и такую каузацию мы называем одноуровневой. Наш анализ показывает, что можно выделить три такие КПП: а) одноуровневую вертикальную КПП: **кланяться, никнуть** (Трава никнет от жары), **тереть губкой доску в классе**, б) одноуровневую горизонтальную КПП: **гладить белье утюгом** и в) одноуровневую наклонную КПП: **провести косую линию на доске**. Одноуровневая вертикальная КПП дальше членится на нисходящую КПП (вверх → вниз), восходящую КПП (вниз → вверх) и нисходяще-восходящую КПП (вниз → вверх → вниз...).

У нисходящей КПП исходной позицией является верхний уровень, конечной позицией — нижний или более низкий уровень. Одни глаголы указывают на законченный процесс: **занизить** (сделать ниже нормального. — **Занизить** линию пояса), **наклонить** (клоня, сгибая, опустить, направить книзу — **наклонить** ветку, **наклонить** голову), **наклониться** (клонясь, сгибаясь, опуститься, направиться книзу — **наклониться** над ребенком), **нахлобучиться** (о головном уборе: **надвинуться** низко на лоб), **поникнуть** (опуститься: **поникли** лютики), **опуститься** (переместиться в более низкое положение, склониться, наклониться — **руки опустились** у кого-н., **голова опустилась** на грудь, **устало опуститься** на стул). Другие глаголы выражают незаконченный процесс: **клонить** (пригибать книзу, склонять — **Лодку клонит** (безл.) на бок. — **Клонить** голову, шею, спину).

У восходящей КПП исходной позицией является нижний уровень, конечной — верхний или более высокий уровень. Здесь преобладает комплексное значение, в котором основным значением является КПП, а дополнительным — характер действия: 1) **поднять / поднимать** вверх (**вознести** стяги), дергая, **поднять** вверх (**вздёрнуть** кого-н. на виселицу), сделать маховое движение вверх (**взмахнуть** рукой, **взмахнуть** вёслами, **взмахнуть** крыльями), 2) **поднять / поднимать** кверху (**возвести** очи к небу — устар.), **вздымать** пыль; **Пыль вздымается** от ветра; **задрать** голову — разг.), **поднять** кверху резко или броском (**Ветром взметнуло** — безл. — **сухие листья**; **Птица взметнула** крыльями), **завернуть** кверху (**засучить** рукав, **штанину**), 3) **установить** где-н. на высоте, **укрепить** (**водрузить** Знамя Победы), 4) **поднять** клубами (**Ветер всклубил** пыль), 5) **переместить** наверх, **придать** чему-н. более высокое положение (**поднять** якорь, **поднять** занавес, **поднять** флаг), **сделать** более высоким, **повысить** (**поднять** уровень воды), **принять** более высокое положение (**подняться** со стула), 6) **слегка** **поднять** (**приподнять** голову, **приподнять** больного на подушках), 7) **поднять** верхнюю часть каузата, напр. крышку (**открыть** чемодан, **отпереть** чемодан), 8) **упираясь, держась** **подняться** (**подтянуться** на перекладине).

Нисходяще-восходящая КПП (вниз → вверх → вниз...) представляет итеративную каузацию типа **моргать** глазами (**непроизвольно опускать** и **поднимать** веки), **барабанить** пальцами по столу, **барабанить** на рояле (часто и **дробно стучать**) и т. д.

В рамках одноуровневой горизонтальной КПП мы выделяем восемь подтипов: (1) **одноразовую** КПП нефиксированного направления (туда →), (2) **одноразовую** КПП фиксированного направления: а) **левоцентрическую** (справа → налево) и б) **правоцентрическую** (слева → направо), 3) **одноразовую** **притяги-**

вающую КПП (к себе), (4) одноразовую отталкивающую КПП (от себя), (4) итеративную КПП (туда → сюда), (5) прогрессивную КПП (вперед), (6) регрессивную КПП (назад), (6) прогрессивно-регрессивную КПП (вперед → назад), (7) регрессивно-прогрессивную КПП (назад → вперед), (8) реверсивную КПП (обратно).

1/8 Одноразовая горизонтальная КПП нефиксированного направления (туда→) выражается глаголами, которые указывают на изменение положения в одном направлении, но без специального контекста неизвестно, о каком направлении речь идет (направо, налево, вперед, назад и т. п.): повернуть в какую-н. сторону (**обернуть** лицо к соседу, **отвернуть** лицо), повернуться в сторону (Она **отвернулась**. **Отвернуться**, чтобы не видеть), обернуть (**оборотить** голову в сторону), обернуться (**оборотиться** в сторону), качая, отклонить, отвести в сторону (**откачнуть** маятник), качаясь, отклониться, отойти в сторону (Маятник **откачнулся**), сделать шаг в сторону, назад (**отшагнуть** в дверь), высовываться, тянуться куда-н. (**шляить** из окна).

2/8 Одноразовая горизонтальная КПП фиксированного направления может быть левоцентрической (справа → налево) и правоцентрической (слева → направо). Эти две каузации невозможно выразить глаголами, так как в русском языке левая и правая позиция выражаются (в прямом и переносном значении) другими частями речи: а) прилагательными (правая позиция — **правый, правобережный; правосторонний, правоцентристский, правоопportunистический, правофланговый, правоуклонистский**, левая позиция — **левый, левобережный, левосторонний, левоцентристский, левобуржуазный, левофланговый, левозсеровский**), б) наречиями (правая позиция — **право, направо, справа**; левая позиция — **налево, влево, слева**), в) именами существительными (правая позиция — **правобережье, правоцентризм, правша**; левая позиция — **левобережье, левоцентризм, левша**). Правда, существуют глаголы, содержащие в себе корень **лев-** и **прав-**, но не указывающие на пространственную локализованность действия. Так, глагол **леветь (полеветь)** имеет значение «становиться более левым по своим политическим взглядам и убеждениям», а **праветь** «становиться более правым по политическим взглядам и убеждениям» (Ожегов / Шведова-1992). У этих двух глаголов как бы произошел обратный процесс из каузации ПП в декаузацию ПП. Грубо-просторечный глагол **левачить** также не имеет никакой связи с пространственной семантикой — он значит «незаконно использовать рабочее время, орудие или продукты общественного труда для личной наживы» (МАЛ-1981). Также ни одно из значений глагола **править** не указывает на пространственную локализованность. Такую же ситуацию наблюдаем и в других языках — немецком⁷, сербохорватском⁸, словенском и т. д.

Когда речь идет о наречиях как уточнителях КПП, надо сказать, что Теньер их относит к категории сикронстантов — обстоятельств, в которых развертывается процесс [1, 118]. Они являются элементами глагольного узла и всегда подчинены глаголу. В толковании Теньера сикронстант является необязательным, совершенно факультативным элементом [1, 141]. Оказывается однако, что для выражения направленности горизонтальной КПП глагол является недостаточным, чтобы выразить значение «совершать действие в определенную сторону» (налево — направо, вперед — назад). Поэтому в некоторых типах

КПП сирконстанты могут быть и обязательным элементом (просто без них нельзя обойтись)

Таким образом, создается довольно интересная ситуация: для выражения левой и правой КПП в русском языке нет глаголов с таким значением. С другой стороны, для выражения одноуровневой вертикальной КПП существуют различные глаголы типа поднимать — опускать, подниматься — опускаться. Оказывается, что левую и правую ориентацию выражают прежде всего наречия с этим же корнем. Из этого можно сделать вывод о том, что вертикальная плоскость является в процессе КПП более глагольной, чем горизонтальная. Проведенный нами эксперимент с рисунками (на нескольких языках — русском, немецком, сербохорватском, словенском), подтвердил этот вывод. Все лево- или правосторонние позиции можно представить, используя соответствующие наречия.

1 склонить голову вправо, 2 склонить голову влево, 3. повернуть голову направо, 4. повернуть голову налево, 5 опустить голову вниз направо / справа налево, 6. опустить голову вниз налево, 7 покачать головой слева направо / справа налево, 8 склонить голову вниз налево, 9. склонить голову влево и опустить, 10 склонить голову вправо и опустить, 11. повернуть голову налево, затем направо, 12 опустить голову вниз направо, затем, сделав полукруг, склонить ее влево, 13. склонить голову влево, затем, сделав полукруг, опустить ее вниз направо, 14. опустить голову вниз налево, затем поднять вверх, 15 склонить голову влево, затем повернуть направо, 16. опустить голову вниз налево, затем повернуть направо, 17. склонить голову вправо и повернуть голову направо, 18 повернуть голову направо и опустить, 19 повернуть голову налево и опустить, 20 склонить голову налево и повернуть налево, 21 поднять голову вверх и склонить влево, 22 поднять голову вверх и повернуть налево, 23. поднять голову вверх и склонить вправо, 24 поднять голову вверх и повернуть направо, 25 поднять голову вверх и опустить вправо, 26 поднять голову вверх, склонить влево и повернуть голову налево, 27 поднять голову вверх, 28. склонить голову влево, поднять вверх и опустить вниз направо, 29 склонить голову влево, поднять вверх и повернуть направо.

Такая же ситуация в немецком.

а) 2 — strecken den Kopf nach rechts oben, 3. heben den Kopf nach links oben. 4 drehen den Kopf nach rechts, 5. beugen den Kopf nach links, 7. wackeln mit dem Kopf von rechts oben nach links oben, 9 blicken von links unten nach links oben, 10. blicken von rechts unten nach links oben, 11. blicken von rechts unten nach rechts oben, 13. blicken von links unten nach rechts oben, 14. blicken von rechts unten nach links oben...

и сербохорватском:

2. dići glavu uljevo, 3. oboriti glavu uljevo, 4. okrenuti glavu udesno, 5. okrenuti glavu uljevo, 6 oboriti glavu udesno, 7. sageti glavu udesno, 8. zavrtjeti glavom slijeva nadesno / zdesna naljevo, 9. sageti glavu uljevo, 10. oboriti glavu uljevo, 11 oboriti glavu udesno, 13. oboriti glavu uljevo zatim, napravivši pokukrug, sageti udesno 14. oboriti glavu udesno zatim, napravivši pokukrug, sageti uljevo

Другая возможность выразить левую или правую ориентацию КПП — использовать прилагательное **левый** и **правый** (левая рука — правая рука), но только когда речь идет о парных предметах (для головы это, конечно, не годится): **поднять правую руку, опустить левую руку**. Эту возможность использует Л. Н. Толстой в «Войне и мире»:

Он взял (несколько театральным жестом, **оставив локоть левой руки**) гитару повыше шейки... (ВиМ, I-4, 276). — Адъютант-распорядитель... **подхватил ее левую руку**. (ВиМ, I-3, 210—211) — Берг недаром **показывал** всем свою раненную в Аустерлицком сражении **правую руку** и держал совершенно ненужную шпагу в **левой** (ВиМ, I-3, 193). — Он **притянул к себе левую рукой** Багратиона, а **правую**, на которой было кольцо, видимо привычным жестом перекрестил его и подставил ему пухлую щеку... (ВиМ, I-2, 213).

3/8 Одноразовая горизонтальная притягивающая КПП (к себе) представлена глаголами однократного действия типа **отдёрнуть** руку от огня (дёрнув, отодвинуть). Одноразовую горизонтальную отталкивающую КПП (от себя) имеем в случае типа **толкнуть** тачку (резким движением, коротким ударом двинуть от себя).

4/8 Итеративную горизонтальную КПП (туда → сюда) образуют глаголы, указывающие на повторность действия (туда → сюда), напр.: **манить к себе щенка** (звать, подзывать, делаая знаки рукой, взглядом), **гладить** белье и т. п. Такую каузацию выражают, в частности, глаголы колебательного движения.

5/8 Прогрессивная горизонтальная КПП (вперед) подразумевает горизонтальную ориентацию вперед (причем это значение может быть эксплицировано лексическим уточнителем **вперед**): **выбросить руку вперед** (выдвинуть, выставить резким движением), **выпятить** грудь, губы (выставить, выдвинуть вперед), **выставить ногу вперед** (поставить, выдвинуть вперед), **высунув язык бежать, оттопырить** локти, карман (сделать торчащим, выпятить, выдвинуть вперед).

6/8 Регрессивная горизонтальная КПП (назад) происходит, если каузируемый предмет отодвигается назад, напр. **откинуть** руку (отклонить, коротким движением отвести назад), **отступить** от дверей, на шаг (шагнув, отойти, отодвинуться назад, в сторону), **пятить** лошадь (разг. толкая, двигать назад), **размахнуться** для броска (с силой отвести руку назад и в сторону для удара, броска, толчка).

7/8 Прогрессивно-регрессивная КПП (вперед → назад) и регрессивно-прогрессивная (назад → вперед) появляются, если каузатор совершает действия в две стороны — вперед и назад: **грести**, Ветер колеблет траву, **грозить** пальцем, **листать** и т. д.

8/8 Реверсивная КПП (обратно) обозначает каузацию в обратную сторону: **Табань** одним левым (грести в обратную сторону для движения лодки кормой вперед, для поворота).

Существуют и другие виды КПП, напр.: 1) экспандерная КПП, в значении «широко расставить, развести в стороны» (**раскинуть** руки), «лечь или сесть, раскинув руки или ноги» (**раскинуться** в кресле, на диване), «широко раздвинуть, развести в стороны, раскинуть» (**распростереть** крылья), «расставить, раздвинуть в стороны, торчком» (**растопырить** крылья, пальцы), «раздвинуться в

стороны» (Пальцы **растопырились**), 2) сепаратная КПП, если две контактирующие части разъединяются: **разжать** руки (раскрыть, распустить сжатое), **разжаться** (губы разжались), **разинуть** (широко раскрыть, напр. рот, пасть). **таращить** (прост. широко раскрывать — глаза — от удивления, страха), **таращиться** (смотреть, широко раскрыв глаза, неодобр. — Что ты на нее таращишься?), 3) конгрегативная или объединяющая КПП: **сжать** губы (плотно соединив, прижать друг к другу), губы **сжались** (плотно сдвинуться, уплотниться), **прищурить** глаз (щурясь, прикрыть веками глаза), **прищуриться** от яркого света, **сдвинуть** брови (двигая, сблизить), **сдвинуться** (брови сдвинулись), **закрыть** глаза, **смежить** глаза (сомкнуть, закрыть, Сон смежил глаза), **сомкнуть** глаза (закрыть, смежить), **сомкнуться** (о глазах: закрыться) и т. д.

Плоскость можно менять двумя способами: последовательным переходом из одной позиции в другую (сукцессивная каузация) и скрещиванием позиций (смешанная каузация). Если плоскость меняется по первому принципу (принципу последовательности или сукцессивной каузации), то возникают двухуровневая КПП (вертикально → горизонтальная, горизонтально → вертикальная; вертикально → наклонная, наклонно → вертикальная, горизонтально → наклонная, наклонно → горизонтальная КПП), состоящая из исходной и конечной позиции, трехуровневая, напр. полукружная (вертикально → наклонно → горизонтальная; наклонно → горизонтально → вертикальная, горизонтально → наклонно → вертикальная), состоящая из исходной, промежуточной и конечной позиции, и многоуровневая, напр. круглая КПП. В случаях, когда плоскость меняется в смешанной форме, возникает крестообразная каузация (скрестить руки на груди, сложить руки, распять на кресте) и фибулярная каузация — позиция в форме ломаных скобок: **подбочениться** в пляске (выпрямиться, подперев бока руками).

При изменении положения по принципу «перевернуть, опрокинуть верхом вниз и наоборот» (переворот) речь идет о пермутативной КПП, которая является одноуровневой (**обернуть** лодку — опрокинуть; **перекувырнуть** лодку — опрокинув, перевернуть верхом вниз, **повернуть** больного на другой бок, **повернуться** в сторону, **поворотить** вверх дном).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ С другой стороны, движение и перемещение — это, как правило, постоянное изменение положения в пространстве.

² Соответственно говорится о направительном пространственном значении.

³ Эта позиция выражается специальными глаголами локая (нем. *Legenverben*).

⁴ Движения, которые совершает человек, являются комплексными и очень сложными. Насколько эта сложность дает о себе знать, говорит лишь один факт: немецкие анатомофизиологи Браун и Фишер целых шесть лет занимались в конце XIX столетия лишь одним видом физиологической активности — ходьбой и написали шесть томов об этом [2]. В графическом представлении движения человека изображаются как а) действие всей фигуры, б) действия выбранных элементов в форме точек, палочек и т. п.

- ⁵ Материалом для нашего исследования послужил словарь Ожегов / Шведова-1992, из которого, как правило, берутся или создаются по его образцам примеры, а также приводятся толкования
- ⁶ Формой кругового движения, точнее одним сегментом, является поворот (напр поворот на 180, поворот на 360, обратный ход и т п), который осуществляется в форме кривой, круга, оборота, вращения.
- ⁷ В немецком языке мы не нашли ни одного глагола, содержащего корень *links-* и *rechts-*
- ⁸ В этом языке глагол *ljevāčiti*, *ljevīčarīti* имеет по отношению к русскому *левачить* другое значение: занимать левую политическую позицию. В нем существуют еще *ljevica* и *desnica* (правая и левая рука, прогрессивная и регрессивная политическая сила общества), *ljevīčar*, *ljevīčarenje*, *ljevīčarstvo*, *ljevokrilac* (тот, который принадлежит левому крылу организации), *ljevokrilni* (напр *bataljon*), *ljevook* (у которого глаза находятся на левой стороне), *ljevoruk*, *ljevoruko*, *ljevorukost* и т. п.

ЛИТЕРАТУРА

- 1 *Теньер Л.* Основы структурного синтаксиса / Вступ. ст. и общ. ред. В. Г. Гака. М.: Прогресс, 1988.
- 2 *Braun W., Fischer O.* Der Gang des Menschen. Leipzig: 1895—1904. Bd. I—VI.

СЛОВАРИ

- <Лекс-сем-1988> Лексико-семантические группы русских глаголов / Под общ. ред. Т. В. Матвеевой. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1988.
- <МАЛ-1981> Словарь русского языка. В 4 т. / Гл. ред. Евгеньев А. П. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Русский язык, 1981.
- <Ожегов / Шведова-1992> Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азъ Ltd, 1993.

ИСТОЧНИКИ

- <ВИМ> Толстой Л. Н. *Война и мир*. Компьютерная версия. М.: Машинный фонд Института русского языка РАН, 1997.

СОКРАЩЕНИЯ

- КПП — каузация положения в пространстве.
 ЛСГ — лексико-семантическая группа.
 ПП — положение в пространстве.

ОБЛАДАТЬ И БЫТЬ РЯДОМ

Особое положение глаголов «быть» и «иметь» в языке, их частотность, широкая сочетаемость и участие в конструкциях с грамматической направленностью обуславливают их притягательность для лингвофилософских изысканий. В частности, утверждают, что «быть-конструкции» и «иметь-конструкции» якобы передают разную концептуализацию действительности, если не разное мироощущение, утверждают, далее, что языки возможно классифицировать по тому признаку, которая из конструкций преобладает в них для выражения принадлежности [13]. Наконец, утверждают, что переход некоторых языков, в частности, индоевропейских, от «бытийного» к «посессивному» типу связан с содержательными изменениями в психике и в структуре предложения [3, 291].

Мы полагаем, что противопоставление относительно¹ Когда конструкции с «быть» и «иметь» объявляют антиподами [5, 200—201, 3, 288—291], отгалкиваются от структурного различия переходного и непереходного оборотов. Когда их признают близкими синонимами [2, 213, 4, 6, 7, 36], напротив, абсолютизируется факт их переводимости друг в друга путем стандартных трансформаций. *я имею поручение ~ у меня есть поручение*

Когда говорят о синонимии «быть» и «иметь», разумеется, не имеют в виду, что высказывания типа *Стоит жара* посессивны и им должна быть сопоставлена некая прототипическая структура вроде «*Все X-ы имеют жару» тезис о синонимии «быть» и «иметь» выдвинут для описания предикатных конструкций с двумя актантами. В то же время, в перфектной конструкции, использующей производные глагольные формы, единственность актанта не является препятствием для выделения посессивной внутренней формы, ср. такие примеры, как рус. диал. *у него уехавши* = рус. лит. *он уехал*, макед. *имам дојдено* «я пришел», букв. «*имею прийдено» или германский перфект с *haben* и супином непереходных глаголов, ср. дршвед. *рунич hann hafri austarla um uagit lengi* букв. «он имел много времени бывши на востоке». Использование в перфектных схемах структурного компонента, который в высказываниях со значением обладания указывает на субъекта (рус. диал. *у него*, макед. *има*, дршвед. *hafri*), правомерно считать результатом грамматической аналогии с переходными предикатными значениями. Не надо лишь мотивировать внутреннюю форму непереходного несогласуемого перфекта, *ad hoc* приписывая вербонду статус актанта, и представлять примеры типа дршвед. *ic habo kisseipot* «я плакал-перф» как «у меня есть нечто заплаканное» — путь, по которому в свое время пошел младограмматик О. Эрдман²

В некоторых работах утверждается, что степень близости предикатных значений «быть» и «иметь» — величина переменная, она зависит от эволю-

ционно-типологических факторов. Концепции этого рода, видимо, восходят к работе Э. Бенвениста, который отталкивался от тезиса А. Мейе о том, что реконструкция общиндоевропейской лексемы с широким недифференцированным значением «иметь» невозможна: развитие подобных значений у таких глаголов, как германское *haben*, латинское *habēre*, греческое *ἔχειν*, славянское *iměti* — сравнительно поздняя инновация индоевропейских диалектов. В более ранний период значения принадлежности и обладания выражались с помощью конструкции с глаголом БЫТЬ и дат. / род.п. субъекта обладания. На этом основании Бенвенист заключает, что в древних индоевропейских языках, где конструкция с дат. / род.п. не исчезла полностью, предикат ИМЕТЬ еще не стал подлинным «глаголом обладания», а был просто предикатом «Отношения» (не обязательно векторного) между двумя актантами [2, 213]³. Концепцию Бенвениста на германском материале развивает О. А. Смирничкая, которой удалось доказать, что в древнейших германских памятниках еще сохраняются следы конструкции с БЫТЬ и дат. п. субъекта обладания [7, 36]. Нет никаких оснований исключать из данной эволюционной перспективы материал тех современных славянских языков, сохраняющих как посессивную конструкцию с БЫТЬ, так и конструкцию с ИМЕТЬ. Эта заявка была успешно реализована в известной работе Ю. С. Маслова, опубликованной еще до выхода в свет статьи Бенвениста [4]. Еще дальше идет О. А. Селиверстова, которая приходит к выводу, что в современном английском языке, где посессивная конструкция с БЫТЬ, как известно, отсутствует, глагол *have* «иметь» тоже является не «предикатом материального обладания», а «предикатом отношения» [6, 101]. Очевидно, здесь стоит остановиться. Если даже глагол «иметь» не посессивен, то какой глагол может считаться таковым?

Выход из тупика видится в том, чтобы различать посессивность как разновидность денотативного отношения между двумя предикатными терминами (семантическое понятие, понятие денотативного анализа ситуации) и посессивность как значение (функцию) синтаксической схемы, налагающей ограничения на выбор термовых выражений. Предполагается, что есть пути, ведущие от денотативного понятия посессивности к синтаксическому, и наоборот. Анализ показывает, что соотношение синтаксических и семантических ролей может быть каноническим, но может им и не быть.

Канонический Посессор — одушевленный субъект, лицо, либо сущность приравненная к нему: животное, некоторая функционирующая система. Объект — предмет неотчуждаемого обладания, часть, компонент системы, либо номинализация характерного внешнего внутреннего свойства субъекта. Объект также может быть предметом распоряжения, переменным свойством субъекта, номинализацией того состояния, в котором находится субъект.

Мы будем называть «посессивными» такие двухместные предикатные конструкции, задающие иерархические отношения между актантами посессор: объект обладания, в которых субъект обладания занимает вершинное положение в синтаксическом представлении предложения. Такой подход означает, что, например, в русском предложении *у него есть сул* ИГ *сул* будет при-

знана не подлежащим, но частью сказуемого⁴. Позиция объекта обладания может быть занята как одиночным существительным, так и сложной предикатной составляющей, если членение предложения поддерживает компактность последней. В русском предложении *У него /книга еще не написана/* (= X еще не написал книгу) ИГ *книга* нельзя признать поверхностным подлежащим, а причастие *не написана* — сказуемым всего предложения, так как в этом случае придется выделить аномальные составляющие **написана у него* (ср. → *написана им* с правильной маркировкой деагентивного дополнения формой тв.п.), **у него книга* (→ *его книга*)⁵. В приведенных примерах актант *у него* является т.н. детерминантом, т.е. элементом, в сфере действия которого находится вся оставшаяся часть предложения. В большинстве языков нет однозначного соответствия между поверхностно-синтаксической схемой и посессивной семантикой: для русского предложного род.п. и, к примеру, для древнеисландского дат. п. посессивная функция не является единственной⁶. Имеются основания для отнесения высказываний типа рус. *у него открылся нарыв* к тому же классу, что рус. *у него на руке нарыв*: в обоих случаях между актантами *у него* и *нарыв* реализуется семантическое отношение, близкое к посессивному. Непереходные глаголы типа *открылся* (*возник*, *прекратился* и т.п.) можно трактовать как полузнаменательные лексемы, заменяющие глагол БЫТЬ и эксплицирующие изменения в денотативном статусе явления, относящегося к сфере субъекта (*нарыв*). Остается дискуссионным отнесение к числу посессивных высказываний типа рус. *у него есть уверенность*. В данной статье принимается точка зрения, что подобные высказывания имеют посессивную внутреннюю форму; общей чертой высказываний *у него есть уверенность* и *у него нарыв* является то, что явление, относящееся к личной сфере субъекта и обозначающее его состояние в конкретный момент времени, представлено в качестве самостоятельного участника ситуации⁷.

СУБЪЕКТЫ ОБЛАДАНИЯ И ОСОБЫЕ ТИПЫ ДЕНОТАТИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ, ВЫРАЖАЕМЫЕ ПОСЕССИВНЫМИ СИНТАКСИЧЕСКИМИ СХЕМАМИ

Партитивное отношение может выражаться на базе посессивной синтаксической конструкции. В этом случае у высказываний с партитивной семантикой всегда есть некоторые формальные свойства, отличающие их от других высказываний, следующих той же поверхностно-синтаксической схеме. Партитивное отношение векторно и необратимо. Ср. правильные высказывания рус. *У Васи есть жена и четверо детей. У кошки есть пушистый хвост. У чашки есть ручка*, при аномальных **У хвоста есть кошка, *у ручки есть чашка*. Посессивное отношение не всегда включает в себя партитивный компонент значения и не всегда оформлено как векторное, ср.: *У Нины есть муж Вася. У детей есть отец*. Тем более: *У Хозяина есть кот. У кота есть хозяин*. Такие случаи могут служить иллюстрацией тезиса Бенвениста о том, что глубинное значение предиката *иметь* — это значение ОТНОШЕНИЯ между актантами.

Отношение неотчуждаемого обладания тоже обычно маркируются формально и отражается в выборе особых конструкций — с предложным дат.п.,

притяжательными прилагательными и т. д. Ср. рус. *Это мой дом. Это папино ружье*, рус. разг. *Я с Никулькою гулял тетипашиной* (А. Галич). *Это — Совминовский хмырь*. В то же время, в европейских языках грань между конструкциями со значением неотчуждаемого обладания и другими высказываниями, строящимися по посессивной схеме, не бывает жесткой. Утверждения некоторых ученых (обычно иностранцев), о том, что синтаксические схемы, к которым тяготеют предикатные значения неотчуждаемого обладания, однозначны, и находятся в комплементарной дистрибуции с другими рассматриваемыми схемами, не выдерживают эмпирической проверки. К примеру, в русском языке наряду с высказываниями типа *это папино ружье, это — тетипашина дочь, он — совминовский хмырь* допустимы и употребительны высказывания *это девка тети Паши, он — хмырь из Совмина, это ружье папы*.

Следует отметить специальную проблему, связанную с рангом посессивного оператора. В русском языке имеются средства разделить предикативное и атрибутивное употребление прилагательных в высказываниях с посессивным расширителем. Ср. 1) *у меня злая собака* (элементы *собака* и *злая* соединены атрибутивной связью и образуют единую составляющую); 2) *у меня собака злая* ~ *собака у меня злая* (элементы *собака* и *злая* принадлежат разным составляющим и соединены предикативной связью). Высказывания *у меня злая собака* и *у меня собака злая* синтаксически противопоставлены не только за счет порядка слов, но и за счет разного синтаксического членения. В высказывании с атрибутивной связью [*у меня*] *злая собака* посессор *у меня* является детерминантом всего предложения; в высказывании с предикативной связью [*у меня собака*] *злая* посессор локализован в группе подлежащего, позиция подлежащего занята словоформой *собака*. Данное обобщение было впервые сделано в начале 1970-х гг. в работах Г. Е. Крейдлина, И. А. Мельчука и Л. Н. Иорданской. В других языках, например, в древнеисландском, механизма, помещающего посессора в группу подлежащего, нет: преобразование дрисл. *mér er hönd* (1) *sár mjök* (2) букв. «мне *рука* (1) *больна* очень (2)» → **hönd mér / er sár mjök* не действует, так как синтагмы типа **hönd mér* букв. «*рука* мне» неграмматичны.

В литературе широко обсуждались возможности грамматического оформления неканонического и канонического субъекта обладания и вероятные семантические противопоставления, стоящие за различием поверхностно-синтаксических схем⁸, поэтому мы остановимся подробнее на особенностях неканонических объектов обладания.

НЕКАНОНИЧЕСКИЕ ОБЪЕКТЫ ОБЛАДАНИЯ

1. Устранимый объект.

Если позицию объекта обладания занимает предикатное имя, обозначающее аффект или психическую реакцию, обычно возможна парафраза с несубстантивным членом (словом категории состояния), выражающим то же значение. Эту преобразование можно условно представить как *Мне хорошо* ↔ *Я имею хорошо. Мне стыдно* ↔ *у меня стыд*. В западнославянских и в ряде

германских языков такие парафразы иногда реализуются на поверхно-синтаксическом уровне, ср. чеш. *Mam chlad, mam toplo, mam veselo* (однако невозможно **tam chladno*).

Конструкции, где удается элиминировать позицию объекта обладания посредством подстановки слова категории состояния, мы будем называть псевдоактантными. Псевдоактантные конструкции с предикатным именем типа *у меня есть надежда, у меня плохое настроение* и конструкции с адъективным предикативом типа *мне мутно, мне весело* имеют в русском языке ряд общих таксономических свойств, главное из которых состоит в том, что и те, и другие ориентированы на актуальные, а не на генерические положения дел.

2 Неустрашимый объект

Если актант представлен непредикатным существительным, он не может быть элиминирован при сохранении посессивной семантики конструкции. В пределах данного типа может быть выделено минимум три подтипа.

2.1 Партитивный объект — часть тела. Известно, что само физическое тело человека может трактоваться как «часть» интегрального описания человека, ср. рус. *у нее красивые глаза, красивое тело и пустая голова*. Ср. аналогичный пример в древнесаксонском языке: дрсакс *lik = Nom n was = 3Sg im = Dat skom = Nom n Sg, fel was = 3Sg im = Dat fagar = Nom . wangun = Nom Pl wapun = 3Pl im = Dat wltige = Nom Pl* (Hel 199—201) букв. «тело было ему красивое, кожа была ему прекрасная, щеки были ему румяные», т.е. «у него было красивое тело . »

2.2 «Оценочный объект».

В позиции объекта обладания может выступать некоторые функциональные параметры человека (*твердый характер, железная воля, крепкая хватка, быстрая реакция, лишний вес* и т.п.), которые важны для выполнения тех или иных специальных задач или просто для существования в обществе. Такие высказывания, как и высказывания с предикатным существительным, многие лингвисты исключают из числа посессивных на том основании, что канонического объекта обладания в них нет. Однако лучше считать, что неконичен здесь не синтаксис, а лексика: несоответствие плана выражения конструкции плану содержания имеет место не по отношению к «человеку физическому», а «человеку профессиональному» или «человеку социальному».

Конструкция используется не только для характеристики конкретного носителя параметра, но и для характеристики ситуации. Неоднозначна она и формально-синтаксически, поскольку не исключает конкуренции субъектов. Во многих случаях предикатные высказывания с оценочным объектом можно интерпретировать как синтаксические клише. Их логико-семантическая квалификация как предикатов актуального или постоянного признака зависит прежде всего от того, в какой стандартной ситуации данные клише востребованы

Высказывание рус. *У него твердый характер* содержит постоянную характеристику субъекта. Высказывание рус. *У футболиста Лебеда лишний вес*, напротив, будет релевантно именно в ситуации произнесения, хотя можно

построить контекст, где преддицируемое свойство важно для целого ряда гомогенных ситуаций, ср. рус. *Футболист Лебедь играет с лишним весом весь год.*

Для русского языка характерно размежевание псевдоактантной конструкции с предикатным именем и конструкции с оценочным объектом. Оценочные объекты почти всегда выражены целыми синтагмами, отдельно субстантивное слово не встречается, оформление оценочного объекта как предикатного имени затруднено, ср. рус. *У него лишний вес / вес в обществе*, но не **У него вес*. Аномалия в этом примере возникает из-за того, что конструкция с одиночным предикатным именем **У него вес* ориентирована на выражение значения актуального признака, а для оценочного предиката «*вес X-а как его характеристика*» построить контекст, где он бы выражал виртуальное значение, трудно.

И наоборот, расширение синтагмы с предикатным именем, обозначающим тот или иной аффект, не позволяет выразить виртуальные значения: фраза рус. *у него постоянные страхи*, вопреки изначальной прагматической установке на помещение *X-а* в класс пугливых и мнительных существ, все равно выражает множество актуальных состояний, когда *X* испытывает тревогу и страх. Представляется неудачной попытка П. Дурст-Андерсена [11] выделить в посессивных конструкциях значение «категоризации». Речь идет либо о неудачном употреблении термина, либо о смешении характеристики с классифицирующим употреблением дескриптивных слов. Бесспорно, привлекаемые автором примеры типа *у X-а есть машина* могут восприниматься как сложная дескрипция = *X входит в класс автомобилистов* — но не в силу особенностей конструкции *у X -а есть Y*, а в силу знаковых свойств термового выражения *машина*: наличие машины действительно служит классифицирующим признаком, указывающим на социальное положение *X-а* в обществе. С точки зрения синтаксиса высказывание *У меня есть машина* ничем не отличается от высказывания *У меня есть статья о посессивных конструкциях*.

2.3. Объект распоряжения.

Этот тип объектов изучен недостаточно. В качестве примера можно привести русские высказывания вроде рус. разг. *у меня тут у жены нога заболела*: нога реально болит не у говорящего, а у его жены, но говорящий считает, что больная нога жены в некотором смысле характеризует его самого, т.е. относится к его «социальному пространству». Ср. также рус. разг. *У тебя тут в кастрюле кусок мяса*. Компонент *у тебя* в данной фразе лишен локативной интерпретации: в сферу действия посессивного оператора входит не кастрюля, а тарелка, но вместе с тем и *порция еды*, которая пока что не выложена на тарелку адресата. Тот же смысл легко может быть выражен с помощью других синтаксических схем с двумя неустраняемыми актантами: *Тебе тут кусок мяса дожидается. Твой кусок мяса лежит в кастрюле — ты впра-
ве взять его.*

Для объяснения происхождения моделей высказываний с объектом распоряжения требуется специальное исследование, но, по-видимому, в евро

пейских языках их нет нужды считать вторичными по отношению к локативным моделям с единственным актантом — соответствующий спектр значения изначально покрывался двухактантными моделями с позицией посессора Ср два примера из скандинавских языков:

дршвед *ber = Dat var = 3Sg þænni griper = Nom f sg hemefødder = Nom f sg, ok þu a tak han, ok þu ikki i* (VgL Cod Holm B 59—8)

букв «тебе = Dat есть = 3Sg эта скотина = Nom f sg доморождена = Nom f sg, и потому владею я ей, а ты нет а ты николиже», т. е. «X вправе распоряжаться Z-м, а Y нет» = «Z исключен из сферы распоряжения Y-а»

другтн *Hvn = Nom a = 3 Sg eigh = Neg hug = Acc ok eigh = Neg hangæ = Acc utæn firu trolskap* (VgL Cod Holm B 59—4)

букв «она = Nom владеет = 3 Sg не рубкой = Neg и не = Neg вешани-ем = Acc кроме-как за колдовство», т. е. «Её (женщину) не полагается казнить мечом или повешением иначе как за колдовство» = «X обладает защитой от Y-а, кроме случая Z»

Помимо высказываний, где на посессивную синтаксическую конструкцию с двумя актантами наслаиваются денотативные отношения, позволяющие выделять неканонические типы объектов обладания — предикатное имя, партиципийный объект, оценочный объект и объекта распоряжения — в европейских языках имеются перечисления посессивных моделей с моделями, используемыми для выражения комитативных отношений, а также с адресатными и перфектными конструкциями⁹ Однако для того, чтобы выделять дополнительные типы неканонических объектов обладания — «перфектные», «адресатные» и «комитативные» объекты — нужно найти аргументы в пользу того, что посессивные конструкции в соответствующих языках являются более базовыми, чем перфектные, адресатные и комитативные, т. е. статистически более распространены и / или более грамматикализованы, чем эти последние

В заключение еще раз вернемся к основному тезису статьи о необходимости различать посессивность как денотативное и как синтаксическое отношение и предложим способ описания синтаксической семантики. Высказывания с объектом распоряжения типа рус разг у меня тут у жены нога заболела, У тебя тут в кастрюле кусок мяса, при всем своем маргинальном характере, демонстрируют важное свойство любой посессивной конструкции с двумя неустранимыми актантами — возможность несовпадения сферы обладания и сферы распоряжения Мы предлагаем не абстрагироваться от этого факта, но осознанно ввести его в метаязык толкования, выделив в посессивных конструкциях два обязательных структурно-семантических компонента, которые могут реализовываться либо синкретично, либо отдельно

(i) иерархический компонент, — морфологические, синтаксические и лексические средства выражения асимметричного иерархического отношения между двумя актантами — субъектом обладания и объектом обладания. В примере-иллюстрации у меня [тут у жены нога заболела] соответствующий компонент выражается посессивным оператором у меня.

(ii) ограничительный компонент, уточняющий сферу действия посессивного (иерархического) оператора В примерах-иллюстрациях это, соответст-

венно — элементы *у жены* и в *кастрюле*. Другой, более стандартный случай — употребление притяжательного местоимения в высказываниях, где уже есть другой посессивный оператор, занимающий в синтаксической иерархии более высокое место, ср. рус. *у меня [в моем] расписании] на сегодня ничего не стоит*.

Разграничение двух данных компонентов позволяет непосредственно объяснить плеонастические конструкции с двумя посессивными операторами. Причина распространения таких конструкций до сих пор оставалась непонятой, поскольку каждый из операторов в изолированном употреблении достаточен, ср. примеры, где группа с личным глаголом «иметь» реализует иерархический компонент, а группа с косвенным падежом посессора — ограничительный:

дргутн. *land* = Nom Sg alt = Nom Sg *hafpi* = 3Sg Pret [*sir* = Dat Refl] *hoystu blotan* = Acc *míþ fulki* (GS 39)

букв. «страна вся имела [себе] верховное жертвоприношение с народом»
дрисл. *hafa* = Inf scal = 1Sg Pres *ec* = 1Sg Sigurd = Acc, — *eda þó svelt!*
mög = Acc *framungan* = Acc [*mér* = Dat f *armi*] (Sig 6 5—8)

букв. «иметь должна я Сигурда — иль меня уморите! — мужа молодого [у меня на руке]»

дрисл. N(*hefi* = 1Sg Pres *ek* = 1 Sg *einurd* = Acc *allra lendra manna Magnúss konungs* [*f þing mér* = Dat] *nema Nikulás kufungs* (Sv 98, kap 50)

букв. «Теперь имею я преданность всех ленников Магнуса конунга [в кошельке у меня (букв. [мне]), кроме Никуласа Кувунга]

Подобные примеры, где одновременно выражены концепты *обладания объекта* и *нахождения предмета в сфере субъекта*, позволяют представить соотношение предикатов «быть» и «иметь» в более адекватном свете. На смену исследованиям, в которых абсолютизировались поверхно-синтаксические свойства конструкций с данными предикатами, должна прийти новая типология посессивных отношений, учитывающая фактор несовпадения семантических и синтаксических ролей.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Следует напомнить, кроме того, что бинарное противопоставление предикатов *Быть* и *Иметь* не исчерпывает всех типологических возможностей оформления отношений между двумя терминами как отношения между субъектом и объектом обладания. В языках мира встречается и тип, где показателем связи является не глагол, а частица: **Я конь да*. **Я телега нет* = У меня есть конь, у меня нет телеги (распространен в тюркских языках) и тип со специальным притяжательным аффиксом **Я конястый*, **Я трех-лошадястый* (характерен для монгольского языка).

² Ср. обосуждение в статье Ю. С. Маслова [4, 88].

³ Другая идея Бенвениста — о разной концептуализации посессивности на основе дат. п. («движение к») и род. п. («движение от») — подхвачена П. Дурст-Андерсеном. Он полагает, что в русском и датском языках имеется как ненаправленная схема, ср. рус. *Он владеет ситуацией*, дат. *Han ejer huset* «Он (подл., общий падеж) владеет домом

- (доп., объектный падеж)», так и ненаправленная *Huset tilhører ham* «Дом (подл., общ.) принадлежит ему (объектн.)» [11]. Это построение кажется нам умоглядным.
- ⁴ В данной статье вопрос о том, выполняет ли актант со значением семантического субъекта-посессора роль подлежащего или нет, не обсуждается. Его рассмотрение потребовало бы развертывания формально-синтаксической аргументации и обсуждений конвенций о том, что понимается под подлежащим.
- ⁵ Одним из подтверждений того, что высказывания *книга еще не написана* и *у него книга еще не написана* имеют разную структуру, является то, что их аспектуальная семантика различна. Высказывание без посессивного расширителя имеет стативное значение и не содержит информации о действиях агенса, высказывание с посессивным расширителем имеет акциональное значение «неверно, что X уже совершил действие».
- ⁶ Для русской падежно-предложной группы «у + род. п.» характерно локативное значение, которое часто проявляется и при одушевленных существительных. О коммуникативных противопоставлениях типа *У меня Петровы vs Петровы у меня* см. [1, 152].
- ⁷ Необходимость единообразного описания двухместных предикатных значений с посессивным расширителем давно осознана лингвистической традицией. В работе Н. Д. Арутюновой на роль семантического инварианта выдвигается не категория посессивности, а категория «микрокосмоса», «личной сферы субъекта» — ср. [1, 142]. Между нашим подходом и подходом Н. Д. Арутюновой нет расхождений по существу, поскольку мы понимаем посессивность не как денотативное, а как синтаксическое отношение.
- ⁸ Приведем лишь два примера из разных языков, показывающих, что посессивная конструкция и маркировка субъекта может изменяться в пределах одного предложения. 1) дисл. *Haan attí xij bersercke og voru þeir honum til landuarnar og vid þillum háska og ofríði Hrólfis. s. 33* «Он владел 12 берсерками и были они у него для защиты страны и на случай разных нападений и набегов» — рассказчик начал фразу конструкцией с ИМЕТЬ, а затем перешел на конструкцию с БЫТЬ. 2) дррус. *оу того отрока • и вмаше нога емоу соуха и съкърчена* Усп. сб. л. 19 в 19 — рассказчик начал фразу с посессивного расширителя у + род. п., затем перешел на посессивный дат. п.
- ⁹ Ср конструкцию с посессивным акциональным перфектом в языке русской прессы («Известия», 12.01.1999): *У Галухйна в сарайчике смонтирована портативная бензиновая электростанция мощностью в один киловат. = Галухин сам смонтировал электростанцию. Подобные примеры еще более употребительны в чистой диалектной речи*

ЛИТЕРАТУРА

- 1 Арутюнова Н. Д., Ширяев Е. Н. Русское предложение, бытийный тип. М.: Русский язык, 1983.
- 2 Бевенист Э. Глаголы «быть» и «иметь» и их функции в языке // Общая лингвистика. М., 1974. С. 203—224
- 3 Иванов В. В., Гамкрелидзе Т. В. Индоевропейский язык и прародина индоевропейцев. Тбилиси, 1984.
- 4 Маслов Ю. С. К вопросу о происхождении посессивного перфекта // Ученые записки Ленинградского университета. № 97. Сер. филол. наук. Вып. 14. 1949. С. 76—104.
- 5 Мещанинов И. И. Глагол. Л., 1982.

6. Селиверстова О. Н. Контрастивная синтаксическая семантика. Опыт описания. М., 1990.
7. Смирницкая О. А. Семантическое взаимоотношение глаголов «HAFA» и «VERA» в древнеисландском // Вестник МГУ. 1970 № 5. С. 69—74.
8. Типология результативных конструкций. Л., 1983.
8. *Behaghel O.* Deutsche Syntax. Heidelberg, 1923, 1927.
9. *Comrie B.* Aspect. Cambridge textbooks in linguistics. 1976.
10. *Durst-Andersen P.* Possession in Danish and Russian from a typological perspective. 1996. P. 79—92.
11. *Haugen E.* Die Skandinavischen Sprachen. Helmut Buske, Hamburg, 1984.
12. *Isacenko A. V.* On 'have' and 'be' languages (A typological sketch) // Slavic Forum, Essays in linguistics and literature / Ed. M. S. Flier. 43—77. The Hague, Mouton, 1974
13. *Lie S.* Være som hjelpeverb i perfekt // Maal ok Munne. 1989 № 3—4
14. *Meillet A.* La phrase nominale en indoeuropéen. // Mémoires de la Société de Linguistique de Paris. T. XIV Fasc. 1 Paris, 1906—1908/ 1—21.
15. *Meillet. A.* Le développement du verb avoir // Antidoron ... J. Wackernagel, Basel, 1924

ПРЕДЛОЖЕНИЯ НАЛИЧИЯ VS. БЫТИЙНЫЕ И ЛОКАТИВНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Как отмечалось [5; 6], локативные предложения и бытийные предложения, говорящие о существовании объекта в каком-либо фрагменте мира, относятся к единому глубинному семантическому супертипу. Они описывают соединение, совмещение двух фрагментов одного рода (в широком смысле), но разного объема (в отличие от, например, предложений тождества, описывающих соединение, совмещение фрагментов одного рода и одинакового объема, или предложений характеризующей предикации, описывающих соединение фрагментов разного рода и разного объема) [6, 48]. Предложения, относящиеся к этому супертипу, имеют в своем составе три основных компонента: терм, обозначающий меньший фрагмент, терм, обозначающий больший фрагмент, и показатель соединения, совмещения этих фрагментов (связка). Разумеется, область бытийных и область локативных предложений несопоставимы по своему объему. Бытийные предложения в русском языке — это поистине грандиозный класс. Соединяемые в бытийных предложениях фрагменты могут быть сущностями самого разнообразного рода. Это может быть множество и множество, множество и отдельный объект, они могут относиться к абстрактной и конкретной сфере и т.д., и т.п. [см. 2]. Ср.: *Есть в осени первоначальной короткая, но дивная пора; В этом слове есть буква «е»; У верблюда есть горб; У стола есть ножки; У Пети есть усы; У Гегеля есть мысль, что...; У него есть невеста; В нашем классе есть умные девочки* и т.д. Область бытийных предложений только частично, самым своим краешком семантически (и денотативно) пересекается и соотносительна с областью локативных предложений, а именно тем своим краем, где речь идет о соединении, совмещении фрагментов, имеющих пространственные параметры. Напр.: *В Африке есть слоны; За рекой есть баиня; В этом лесу есть грибы* и т.д. Будем называть меньший фрагмент в бытийных и локативных предложениях этого типа просто *объект*, а больший фрагмент, вслед за Н. Д. Арутюновой [2] — *локализатор*.

Отличия между бытийными и локативными предложениями можно свести к трем основным пунктам. Первые два касаются коммуникативной перспективы высказывания и референции термов.

(1) В бытийных предложениях в коммуникативном фокусе показатель соединения (связка) вместе с меньшим фрагментом (нейтральный, первичный коммуникативный тип бытийных предложений, только об этом типе и будет идти речь в данной статье); соответственно, связка *есть* эксплицирована; в локативных предложениях в коммуникативном фокусе, в реме только обозначение большего фрагмента (локализатор).

(2) В бытийных предложениях меньший фрагмент (объект) всегда неопределенный (в вопросах — неконкретный), в локативных предложениях меньший фрагмент всегда определенный.

Однако имеется и чрезвычайно важное собственно семантическое (объективное, денотативное) различие между бытийными и локативными предложениями.

(3) Принципиальным для осмысления предложения как бытийного является то, что фрагмент большего объема и фрагмент меньшего объема не чисто механически, внешне совмещены в пространстве, но связаны отношениями включения (в широком смысле), представляют собой целое и его часть. Предложения существования являются в некотором смысле предложениями «частичного тождества», меньший фрагмент «частично тождествен» большему фрагменту [6, 138]. Если предложение, построенное по бытийной модели, содержит локализатор, который не включает объект в качестве своей части, то предложение понимается так, что объект входит в некоторое множество, ассоциированное с данным локализатором, в качестве его члена (части) [5, 71, 6, 140]. *В нашем магазине есть хорошенькая продавщица* =, поскольку продавщица не может рассматриваться как часть магазина, «среди продавцов, работающих в нашем магазине, есть одна хорошенькая продавщица». В тех случаях, когда такое множество не может быть домыслено, бытийное предложение делается аномальным **В нашем киоске есть хорошенькая продавщица* — в киоске обычно только один продавец, и непонятно, в каком множестве «есть» продавщица. В локативных предложениях меньший фрагмент не является частью большего. *Петя находится в магазине*. Это принципиальное объективное различие не позволяет инвертировать друг в друга бытийные и локативные предложения путем не затрагивающих объективных аспектов ситуации преобразований коммуникативной перспективы и референции термов. Так, предложение *Хорошенькая продавщица находится в нашем магазине* или аномально, или будет понято так, как будто «хорошенькая продавщица» зашла на время из какого-то другого магазина, в любом случае оно не будет соотносительно с бытийным предложением *В нашем магазине есть*, поскольку описывает другую ситуацию.

Помимо описанных выше моделей, в той области языка, которую образуют предложения, описывающие соединение большего и меньшего фрагментов одного рода, существуют и другие модели — ни то ни се, ни существование, ни местонахождение.

Такую особую модель, которую нельзя свести ни к бытийным, ни к локативным предложениям, представляют предложения типа: *На окраине города стоит башня, На столе лежит книга, На стене висит картина, А напротив беленькие колонны и черная-пречерная печка, возле которой сидит на корточках человек в валенках и топит ее* (Булгаков *Театральный роман*), *Под подушкой его лежало Евангелие* (Достоевский *Преступление и наказание*), *В этой квартире жил один семейный немец, чиновник*. (Там же), *В бричке сидел господин, не красавец, но и не дурной наружности*. (Гоголь *Мертвые души*), *За столом покойного сидел неизвестный, толстый и длинный гражданин в клетчатом пиджачке* (Булгаков. *Мастер и Маргарита*), *С середины потолка висела люстра в холстинном мешке*.. (Гоголь *Мертвые души*) и т.д.¹ Назовем условно эти предложения — надо же их как-то называть? — предложениями наличия (ср. *Наличность какого-то иностранца, да еще с переводчиком, в этой*

квартире явилась для него совершеннейшим сюрпризом (Булгаков. Мастер и Маргарита))². Предложения этого типа подобны бытийным предложениям (описывающим соединение пространственных фрагментов) во всех отношениях, за исключением одного: **меньший фрагмент не является частью большего**. Меньший объект не является такой частью в прямом пространственном аспекте (как у верблюда горб или усы у Пети), и никакое множество, ассоциированное с данным фрагментом, частью (членом) которого был бы данный объект (как, например, множество продавцов в магазине или множество родственников у определенного лица), тоже домыслено быть в этих случаях не может. Поэтому построение предложений по (нейтральной, коммуникативно первичной) бытийной модели дает здесь аномальный результат (в сконструированных примерах ниже подчеркнута рема и показано фразовое ударение). **На столе есть книга; *В этой квартире есть один семейный немец; *За столом покойного есть тощий ... гражданин; *На стене есть картина; *На тарелке есть помидоры* и т.д. В некоторых случаях наряду с моделью наличия может быть употреблена и собственно бытийная модель, однако значение предложения в этом случае получается иное. Так, *На тарелке есть помидоры* может быть сказано в том случае, если помидоры — только часть того множества различных сортов плодов, которые лежат на тарелке, и только в такой интерпретации. Бытийная интерпретация, впрочем, затруднена здесь тем, что трудно представить, что столь многое может поместиться на тарелке (Другое дело, например, холодильник. Поэтому *В холодильнике есть помидоры* вполне нормально). В ряде случаев в равной (или почти в равной) степени допустимы как модель наличия, так и бытийная модель, поскольку в равной степени возможны обе интерпретации. В каком-то смысле волки не являются частью леса, но просто находятся в его пространстве, с другой стороны, их можно рассматривать как часть ассоциированного с лесом, населяющего лес множества животных. Отсюда возможность как бытийной модели, так и модели наличия: *В лесу есть волки — В лесу водятся / обитают волки; В Африке есть / водятся львы; В лесу есть / растут грибы; На краю города есть башня — На краю города стоит башня* и т.д.

Что значит быть частью — это особый вопрос. Естественноразговорное понятие части — это, безусловно, весьма «туманный» концепт, имеющий сильно размытые очертания. Для разных типов сущностей применяются различные критерии «частичного отождествления», так же как и в случае собственно тождества [1, 155, 6, 80—81], ср. самолет и его крыло, человек и его усы, семья и ее член, река и ее берег (является ли берег частью реки?) и т.д. Часто это степень неотъемлемости меньшего фрагмента от большего. Используя выражение А. Платонова («Без меня народ неполный»), можно сказать, без меньшего фрагмента в этом случае больший фрагмент является неполным. Поэтому вряд ли можно рассматривать образовавшийся в почке камень как ее часть, отсюда *'У него в почке есть камень*. Обязательным условием концептуализации соединения фрагментов как части и целого является постоянство этого соединения. Поэтому если соединение временно и преходяще, то бытийная модель употреблена быть не может, ср. **У меня есть красивая блондинка, если кра-*

сивая блондинка находится среди моих сегодняшних гостей. (Ср *Есть у меня одна знакомая блондинка*, уже нормальное, = *Есть среди моих постоянных знакомых...*). Однако, разумеется, одного постоянства соединения мало, и постоянно соединенные фрагменты могут не быть частью один другого, как, например, гробница и покоящееся в ней мертвое тело (**В мавзолее есть вождь мирового пролетариата — В мавзолее лежит / покоится вождь.*).

Важной структурной особенностью этой модели в русском языке является то, что, в отличие от бытийных предложений, где есть специальная бытийная связка *есть*, и предложений наличия в английском языке, где существует фиксированная модель *there to be* (*There is a book on the table; There is fresh mud on her shoes*) [см. 5], в русском языке отсутствует специальный показатель для выражения этого типа соединения, совмещения. Поэтому в качестве связки здесь употребляются делексикализованные глаголы с контекстуально выветрившимся лексическим, «вещественным» значением. Поскольку стандартного способа выражения связи фрагментов не существует, постоянно приходится решать задачу подбора нужного глагола, такого, значение которого в данном контексте, в сочетании с данным именем, делексикализуется. Это происходит в тех случаях, когда лексическое значение глагола избыточно, поскольку дублируется, полностью предсказывается семантикой имени [2, 100—107]. Так, башня всегда в нормальном положении стоит, книга — лежит, дерево стоит или растет, человек — живет, солнце — сияет и т.д. В таких случаях глагол контекстуально превращается в связку. Но надо еще ухитриться найти такой подходящий глагол. При этом часто возникает номинативный тупик: река — что она делает? Течет? Несет свои воды? Это величественно. Но равнинные русские реки с виду неподвижны. Придумал: раскинулась: *Среди холмов и лугов широкой блестящей лентой раскинулась река*. Ведь здесь все равно, какое слово, лишь бы оно было пустое — этого требует семантика модели — чем пустее, тем лучше. *В небе .. жаворонки* — что они делают? Летают? Но это туда-сюда, а жаворонки снизу кажутся неподвижными. Тогда пусть *висят*. *Глаза и любопытство* — как их лучше соединить? *В глазах у нее светилось любопытство* или *.. искрилось любопытство*? Но даже если такой глагол и найден, все равно все эти метафоры, вносящие дополнительные семантические оттенки, все эти дополнительные смыслы, вносимые словами типа *сияет* (о солнце или луне), *раскинулась* (о реке), *висит* (о горе) и т.д., хороши в художественном тексте, а в нормальном, обычном разговорном языке, категорически чужающемся излишней, передаваемой ради «живописности», изобразительности информации («красивостей»), они все равно крайне неуместны. Заметим, впрочем, что достаточно стандартно в таких случаях употребляются, по возможности, глаголы положения в пространстве. *стоит, лежит, висит, сидит*. Однако, выбор между этими глаголами во многих случаях, там, где пространственная ориентация объекта, о наличии которого нам хочется сообщить, относительно локализатора точно не соответствует прототипу ни одного из глаголов пространственного положения (положений в пространстве много, а глаголов мало¹), также часто представляет проблему. У горы вертикальное измерение примерно равно горизонтальному, поэтому хотя сказать *лежит* о

горе абсолютно недопустимо, *стоит* тоже не очень хорошо. Может быть, поэтому отдано предпочтение собственно бытийной трактовке: *Там, за речкой тихоструйной есть высокая гора...* (Пушкин) — ‘среди того, что находится за речкой, есть...’, ср. ... *стоит высокая гора*³. Часто так ничего и не удастся подобрать. Гости в доме — они кто стоит, кто сидит, а кто, может быть, и лежит. Хочется, нарушив правила, сказать: *В доме есть / находятся гости*. Так и говорят, хотя это и шероховато с грамматической точки зрения. (Может быть, поэтому все шире употребляются в подобных предложениях глагол *находиться* и конструкции с нулевой связкой: *В доме гости*). Ср. также. *На столе стоял почти пустой графин водки, рюмки, хлеб, стаканы, огурцы и посуда с давно уже выпитым чаем* (Достоевский. Преступление и наказание), где об одних предметах надо сказать *стоят*, о других, как об огурцах и хлебе — *лежат*, а все вместе представляет грамматическую головоломку, которую правильно разрешить нельзя⁴.

С отмеченным денотативным, семантическим различием между бытийными предложениями и предложениями наличия связано важное различие в референциальной характеристике меньшего фрагмента. В бытийных предложениях бытующий в том или ином фрагменте мира объект всегда неопределенный [см. 2, 8, 6, 153—158, и др.], в предложениях наличия объект может быть как неопределенным, так и определенным. *На диване сидел какой-то незнакомый человек* — *На диване сидел Петя*; *На лестнице стояла Вера*; *На пороге стояла моя жена*; *На берегу пустынных волн стоял он, дум великих полн...* (Пушкин), *На диване лежал Илья Ильич Обломов* и т.д., ср. **У меня есть Петя*, **У меня есть эта собака* (может быть понято, и то с натяжкой, только как ‘одна из собак этой породы’, т. е. неопределенно); **У меня есть эта жена*; **В лесу есть этот волк* и т.д. Принципиальная и неискоренимая неопределенность объекта в бытийных предложениях, говорящих о существовании объекта во фрагменте мира, обусловлена именно тем, что объект и локализатор (меньший и больший фрагмент) связаны в этом случае отношениями часть — целое. Для того чтобы можно было интересоваться (сомневаться), утверждать или отрицать наличие (существование) объекта в данном фрагменте, он, этот объект, должен существовать в мире вообще, независимо от его наличия или отсутствия в данном фрагменте. Если известно, что объект вообще не существует, то противоречиво утверждать, что он существует в таком-то фрагменте, и совершенно излишне и поэтому бессмысленно сообщать, что он в таких-то и в таких-то фрагментах не существует (если кентавры вообще не существуют, то они заведомо не существуют и в Африке). Теперь, если объект является частью данного фрагмента, то он может одновременно существовать в другом (других) фрагментах только в том случае, если то, что существует или не существует в этом фрагменте и в других фрагментах, рассматривается в родовом, а не индивидуальном аспекте. Только объект, взятый в его родовом аспекте, тождествен объектам того же рода в других фрагментах мира. Только экземпляры одного и того же рода могут быть в одном фрагменте и одновременно быть или не быть в другом. А это и значит, что объект является неопределенным. Однако если объект не являет-

ся частью данного фрагмента, то он может быть в один момент времени в данном фрагменте, а в другой — в другом, он может менять фрагменты, оставаясь самим собой — все тем же определенным объектом. И его наличие / отсутствие в данном фрагменте может быть поэтому противопоставлено не наличию / отсутствию в других фрагментах подобных данному (того же рода) объектов, но наличию / отсутствию в других фрагментах того же самого индивидуального (определенного) объекта. Соответственно, сообщение о наличии / отсутствии в данном фрагменте определенного объекта является, если объект не является частью данного фрагмента, осмысленным и информативным. Поясним сказанное примерами. Сообщение о наличии, скажем, усов у Ивана не может быть мотивировано с коммуникативной точки зрения возможностью наличия этих же усов у Петра. Ведь усы — если они у него есть — являются частью Ивана, и если у Ивана нет усов, то усов Ивана, «этих усов», вообще не существует, поскольку они не могут быть у Петра. Аналогично, женщина, входящая в множество членов семьи Ивана в качестве его жены, не может покинуть это множество, не потеряв это свое качество. Но если Ивана нет в комнате, то это не противоречит существованию Ивана (определенного человека) вообще, ибо Иван не является частью комнаты и поэтому может, оставаясь самим собой, быть на улице, в парке, другой комнате и т.д. Аналогично, жена Ивана, не меняя своего качества и оставаясь той же самой определенной женщиной, может оказаться в квартире Петра, поскольку она не часть квартиры Ивана. Поэтому нормально: *На диване в квартире Петра сидела жена Ивана.*

Предложения наличия являются точным коммуникативно-референциальным коррелятом локативных предложений, поскольку они отражают одну и ту же денотативную, объективную ситуацию. Поэтому они могут быть инвертированы друг в друга посредством изменения коммуникативной перспективы и референциального статуса меньшего фрагмента, если этот фрагмент в предложении наличия неопределенный (в локативных предложениях меньший фрагмент всегда определенный), и только коммуникативной перспективы, если меньший фрагмент, объект в предложении наличия также определенный. *На столе лежит книга* (неопр.) — *Книга* (опр.) *лежит на столе*; *На диване сидит Петя* — *Петя сидит на диване*. Поскольку в локативных предложениях связка не в фокусе, она может быть опущена и часто опускается: *Носки в нижнем ящике*; *Газета на столе на кухне*; *Петя в ванной*; *Он сейчас в Париже*; *Щи в котле*, *каравай на столе*, *вода в ключах*, *а голова на плечах* (А. Гайдар).

Предложения наличия не отделены резкой гранью от предложений, не просто говорящих о наличии объекта в данном фрагменте, но о наличии в данном фрагменте ситуации, положения вещей, «происхождении» в нем процесса, события, в которую / -ое включен данный объект: *По лугу со скрипом тянется обоз...* (Есенин. Топи да болота..); ... *И золотое ожерелье блестит в косматых волосах* (Есенин. Чары); *А рядом, у проталинки, в траве, между корней, бежит, струится маленький серебряный ручей* (Есенин. Черемуха), *Грезит над озером рыжий овес ...* (Есенин. Синее небо, цветная дуга.); ... *Наверху*

была освещена только одна комната, и в ней томилась двенадцать литераторов, собравшихся на заседание и ждавших Михаила Александровича (Булгаков. Мастер и Маргарита); *Над болотом звенят комары; Бочка по морю плывет* (Пушкин) и т.д.⁵ Между этими типами — континуальный переход по мере нарастания или, с другой стороны, убывания степени лексикализованности значения глагола, наслоения на связочное значение других признаков, вещественных компонентов. Ср.: *На лестничной площадке стоит человек* и *На лестничной площадке лежит человек*. Последнее — нестандартное положение для человека на лестничной площадке (лежит — что случилось? Устал? Пьян? Болен? Убит?), поэтому информация об этом положении перемещается в коммуникативный фокус и предложение сообщает не только о наличии человека на площадке, но также и о его положении, о ситуации в целом.

Предложения с нулевой связкой: *На столе — книга; В вазе — цветы; За рекой — башня; На голове у него — кепка* (ср.: *На голове у него надета кепка*); *На лестничной площадке — человек* и т.д. образуют особую разновидность предложений наличия. Подчеркнем, что они соотносительны именно с последними, но не с собственно бытийными конструкциями, включающими глагол *есть*. В собственно бытийных предложениях, подразумевающих включенность объекта как часть в локализатор или ассоциированное с ним множество, глагол *есть* не может быть опущен: **У верблюда — горб; *У меня — жена; *У генерала — сын; *У стола — ножки; *В осени первоначальной — короткая, но дивная пора; *В этом слове — буква «е»; *У попа — собака* и т.д. Подобные предложения могут получать ту или иную интерпретацию, но с потерей специфически бытийного значения, заключающегося, отметим еще раз, в том, что меньший фрагмент понимается как часть большего, и переходом в другие семантические разряды. Так, *У меня жена* может быть понято как предложение наличия (= 'В помещении, где я сейчас нахожусь, находится моя жена'), аналогично *У него сейчас дядя / тетя / племянник; У него седые волосы = Волосы у него седые; В нашем классе умные девочки = Девочки нашего класса умные* — предложения характеристики [2; 5], *На улице много машин = Машин на улице — много*⁶. (Подробнее см. [2]). С другой стороны, предложения, аномальные как бытийные предложения с *есть*, при его устранении могут получать нормальную интерпретацию, но при этом они уже соотносятся не с бытийными предложениями, а с предложениями наличия (или какого-либо другого типа). Так, нормальным делается при устранении *есть* предложение с продавщицей в киоске: *В киоске — хорошенькая продавщица ≠ есть...*, а ≈ 'В киоске находится хорошенькая продавщица; За прилавком киоска стоит хорошенькая продавщица'.

Предложения с нулевой связкой, однако, не совсем синонимичны предложениям с материальным делексикализованным глаголом. Язык не терпит синонимии и старается семантически использовать любое формальное различие. Предложения с нулевой связкой, размежевуясь с предложениями с материальным полусвязочным глаголом, приобретают дополнительные оттенки значения. Для большинства из них семантический нюанс, возникающий при элиминации глагола, заключается в том, что подобные предложения понимаются,

используя формулировку Д Болинджера для описания английских конструкций «*Loc is Y*» (см [5, 129—130]), как описание картины, непосредственно открывающейся нашему взору (в действительности или в воображении) в момент речи: *В окнах продукты. вина, фрукты* (Маяковский), см. также все примеры выше⁷ В других случаях (при невозможности интерпретации предложения как описывающего непосредственное восприятие) предложение наличия с нулевой связкой понимается как выражающее предупреждение. *В лесу — волки!* (восклицательный знак в этих случаях просто напрашивается); *В овраге змеи!*; (*Осторожно!*) *В портфеле бомба!*, *Во дворе злая собака!*; *Не ходите, дети, в Африку гулять!* *В Африке акулы, в Африке гориллы, в Африке большие злые крокодилы...* и т д (К. Чуковский); *Гражданин! У вас в ушах бананы!* (из анекдота) и т д

В прошедшем времени теряются многие противопоставления, которые выражаются в настоящем времени, поскольку здесь уже не функционирует нулевая связка, а также резко сужается сфера употребления собственно бытийных предложений — ведь бытие чаще всего имеет всевременной характер и поэтому выражается формой наст времени Поэтому, хотя **На голове у него есть кепка* аномально, *На голове у него была кепка* вполне нормально, как и *В номере, несколько большем, чем его собственный, было двое посетителей* (Достоевский. Преступление и наказание) Соответственно, формальное противопоставление между бытийными предложениями и предложениями наличия в прошедшем времени менее резко выражено, поскольку и наличие, и бытие в каком-либо фрагменте может в этом случае выражаться глаголом *быть*.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В работе [2] предложения этого типа отнесены к бытийным предложениям Разумеется, вопрос, рассматривать ли эти предложения как особый тип или как особый подтип внутри класса бытийных предложений, имеет условный характер и зависит от того, как мы определяем бытийные предложения [см 6, 146—147] Однако так или иначе, под тем или иным ярлыком такие предложения должны быть выделены, поскольку они объективно образуют особую группу

² Условность употребления данного слова в данном значении заключается в том, что слово *наличие* (*наличность*) обслуживает в качестве номинализации (классификатора) как предложения, названные выше предложениями наличия, так и собственно бытийные предложения, говорящие о существовании объекта во фрагменте мира *Наличие в квартире какого-то иностранца* — *Наличие у Советского Союза атомного оружия*

³ См обсуждение вопроса, что, где, когда и почему стоит, лежит или сидит, в работе Е В Рахилиной [4]

⁴ Ср результаты эксперимента, проведенного Е Н Ширяевым «Из десяти информантов-лингвистов, которым был поставлен вопрос «Как лучше сказать *На клумбе сидят флоксы* или *На клумбе стоят флоксы*?», семь предпочли предложение с чисто бытийным глаголом, т е отвергли оба варианта» [2, 107] (Я бы сказал *растут флоксы*, *На клумбе есть флоксы* имеет иное значение)

- ⁵ «Так, в предложении *Вдоль берега, от высоких ветел плотины, медленно шел старичок в кафтане* (А. Н. Толстой) глагол *идти* означает не просто идти, но скорее «to be present while going» (С. L. Ebeling. Subject and predicate especially in Russian. In: Dutch Contributions to the Fourth International Congress of Slavistics. Moscow, 1958. 'S-Gravenhage, 1958, s.20») [3, 70].
- ⁶ В тех случаях, где предложения наличия и бытия во фрагменте мира сближаются, поскольку объективно ситуация такова, что допускает интерпретации объекта как входящего, так и как не входящего в больший фрагмент (или в множество, находящееся в данном фрагменте) в качестве его части, предложения с нулевой связкой сближаются с предложениями с *есть* постольку, поскольку к ним близки и предложения наличия: *У меня в этом городе есть родственники — У меня в этом городе живут родственники — У меня в этом городе родственники; За рекой есть леса — За рекой находятся леса — За рекой леса* и т.д. Заметим, однако, что ближе такие предложения, естественно, все-таки к предложениям наличия. Иногда предложения без связки представляют собой контаминацию бытия, местоположения и характеристики: *У нас там небольшая дача* (пример из [2, 6]) = 'У нас есть дача, она — небольшая и находится там'. Слово *там* требует отсутствия связки, *у нас*, напротив, имплицитно множество, тянет за собой связку (= среди предметов нашей собственности), поэтому здесь в равной степени возможно и предложение с *есть*: *У нас там есть небольшая дача*. Естественно, что предложение без связки выражает значение, которое ближе к значению наличия, а со связкой — к значению бытия.
- ⁷ Аналогичный эффект возникает при элиминации глагола-связки и в предложениях других типов: *Ночь. Улица. Фонарь. Аптека* (Блок); *Шепот, робкое дыханье, трели соловья* (Фет).

ЛИТЕРАТУРА

1. Аристотель. Метафизика. Соч. в 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1976.
2. Арутюнова Н. Д., Ширяев Е. Н. Русское предложение. Бытийный тип. М.: Русский язык, 1983.
3. Ковтунова И. И. Современный русский язык: Порядок слов и актуальное членение предложения. М.: Просвещение, 1976.
4. Рахилина Е. В. Семантика русских «позиционных» предикатов: *стоять, лежать, сидеть и висеть* // ВЯ. 1998. № 6.
5. Селиверстова О. Н. Контрастивная синтаксическая семантика. М.: Наука, 1990.
6. Шатуновский И. Б. Семантика предложения и нереперентные слова. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996.

БЫТОВАНИЕ И ОБЛАДАНИЕ: КОНСТРУКЦИИ С ГЛАГОЛОМ *БЫТЬ**

У конструкции *есть* у затруднено образование *да-нет*-вопроса к одному из актантов: **У тебя есть карандаш ↗?*, ср. конструкцию с опущенным глаголом *быть*, где такой вопрос возможен: *Это у тебя карандаш ↗? Или ручка?* (Носитель вопросительной интонации — в примере выше это словоформа *карандаш* — помечен стрелкой вверх ↗). Отсутствует у таких актантов и способность вступать в контрастное противопоставление: **У него есть сын, а не дочь*. Это свойство мы вслед за Р. Харвегом [7; 8]¹ называем неконтрастоспособностью, см. также [5, 26]. Нетрудно предположить, что причина неспособности актанта конструкции с глаголом *быть* вступать в контрастное противопоставление объясняется природой ситуации, которую эта конструкция обозначает. Конструкция с глаголом *быть* — не единственный предикат, у актанта которого затруднена сочетаемость с контрастом. Так, у глагола *знать* с пропозициональным дополнением вопрос типа **Ты знаешь, что Вася ↗ приехал? <Или что Петя диссертацию написал?>* также кажется странным. Встает задача объяснить семантическую подоплеку явления неконтрастоспособности.

1. НЕКОНТРАСТОСПОСОБНОСТЬ

Очевидно, что большинство элементов предложения — словоформ, групп и целых предложений контрастоспособно:

(1) *Пришел Вася ↘ ↘, а не Петя; Вася ↗? Или Петя? Пришел, а не позвонил; Пашет землю ↘ ↘, а не пишет стихи; Стол ↘ ↘ упал, а не полка рухнула; Стол ↗ упал? Или полка рухнула?*

(В примерах (1) контрастный акцент помечен двумя стрелками, т.к. он отличается большей интенсивностью, чем простой акцент).

Чем же *быть* и *знать* отличаются от других глаголов? Поясним это различие на примере сопоставления с глаголом *копать*. У *копать* второй актант способен к контрастному противопоставлению:

(2) *Я копаю яму ↘ ↘, а не канаву; (3) Ты копаешь яму ↗? Или канаву?*

А у конструкции *есть* у образование такого вопроса затруднено:

(4) **У тебя есть пластиковые лыжи ↗?*

Ситуацию обладания — *У меня есть ...* — (а также и ситуацию знания и умения) можно сравнить с синхронным срезом, в котором отразилась некая система ценностей — все, что мы имеем, знаем или умеем. А копанье — это точка на оси времени. В точке в некий момент времени может быть только одна единица — яма или канава, а в системе ценностей — все единицы сосуществуют друг с другом в один момент времени.

* An INTAS grant (project number: INTAS-96-0085) provided support for the preparation of this paper.

Таким образом, наша задача состоит в том, чтобы показать, что актаны некоторых глаголов не могут в норме создавать необходимое для контраста множество возможностей, одна из которых исключает другую

2 СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ «СУЩНОСТЬ» И «ЯВЛЕНИЕ»

Семантическая оппозиция предметов парадигматической и синтагматической природы находит свое немедленное выражение в бинарном грамматическом признаке, который мы назвали контрастоспособностью. Встает задача описать рассматриваемую семантическую оппозицию. Рассмотрим предложения *У меня X* и *У меня есть X* и покажем, что эффект неконтрастоспособности возникает только в конструкции *У меня есть X* и что это связано с особыми семантическими свойствами этой конструкции. Исходными данными для нас при толковании признака глаголов послужит следующее. Прежде всего, это идея Ю. Д. Апресяна о том, что предложение

(5) *У него пластиковые лыжи* < *Поэтому он так быстро бежит* > обозначает актуальное обладание, а предложение

(6) *У него есть пластиковые лыжи*

обладание вообще [2, 523]. Мы будем также опираться на анализ предложений типа *У меня X* и *У меня есть X* в работах Н. Д. Арутюновой [3, 4], О. Н. Селиверстовой [6].

Говоря о предложениях типа *У меня X* и *У меня есть X*, нельзя также не заметить, что, кроме предложений об актуальном обладании и обладании вообще, существует третий логико-семантический тип предложений — включающий прилагательное *У меня молодой X*. Одно из значений предложений с прилагательными — не единственное — это приписывание свойства, в данном случае — отнесение *X*-а к разряду молодых, ср. [3]. Другой логико-семантический тип, реализуемый в контексте прилагательного, — это предложения об актуальном обладании или наличии, ср. предложение (6).

Таким образом, ниже мы рассмотрим три типа предложений

- предложения о виртуальном обладании (*У меня есть деньги*),
- предложения об актуальном наличии (*У меня гости*),
- предложения о приписывании свойства (*У меня голубые глаза*) или указании на количество (*У дома две двери*)

Рассмотрим для начала предложения без прилагательного, чтобы избежать разговора о предложениях, выводящих нас за пределы интересующего нас явления неконтрастоспособности. Сравним предложения типа *У меня есть X* и *У меня X*. Наша гипотеза состоит в том, что *X*-ы в предложениях *У меня есть X* и *У меня X* различаются как сущность и явление. *Сущность* и *явление* мы понимаем не в философском терминологическом смысле, а как слова русского языка.

Предложение *У меня X* описывает текущее явление мира, *X* в действии, *X* в цвету, *X* в полном блеске, *X*, который можно наблюдать воочию, а не просто хранить в надежде, что он когда-нибудь пригодится. А в предложении *У меня есть X X* — это элемент системы ценностей, который еще никак не проявил

себя. Он предстает как еще не проявившаяся, но готовая в своем ценном (или вредном) качестве проявиться сущность.

Аналогично в *знать, что РР*, будучи предметом знания, обозначает сведения, которые, наряду с другими данными, находятся в голове человека и ждут, что он их использует. *Уметь* или *мочь* также обозначают возможности и способности, которые ждут своего часа. Глагол *иметь* тоже обозначает обладание вообще:

(7) *Работа имеет ряд недостатков; (8) Искусство имеет свои законы.*

Интересно, что английское *have* может обозначать и актуальное обладание: *He has a book in his hands*. На русский язык этот пример переводится конструкцией с опущенным *есть*: *У него в руках книга*.

Большинство предметов мира — X-ов — могут выступать как в качестве сущности, так и в качестве явления, т.е. использоваться в конструкциях с *есть* и без *есть*. Так, деньги-сущность имеют значение денежных средств (виртуальных денег), а деньги-явление — это монеты и купюры, ср.:

(9) *У него есть деньги. Он может пригласить нас в ресторан* (это деньги-сущность) — *Смотри, у маленького деньги! Он же их сейчас в рот отправит!* (это деньги-явление).

Сущности находятся в распоряжении человека, и он может не пользоваться ими постоянно, а только иметь на это право. Иногда эти сущности могут быть вредны или опасны. Если X понимается как сущность, в одну парадигму с ним входит, как минимум, его отсутствие. Значит, сущность — это такой X, которого может не быть в определенной области бытия. Таким образом, в конструкции *У меня есть X* возникает понятие об ассоциированной с X-ом парадигме, в которую он входит. Сущность X — элемент системы (парадигмы), чье присутствие в определенной области бытия заключает в себе потенциальную силу. Сущность оценивается с точки зрения ее полезности (*В лесу уже есть грибы*) или, не дай Бог, опасности (*В лесу есть змеи*).

X же в отсутствии глагола *есть* представляет собой самодовлеющую ценность, здесь X — это явление, на котором сосредоточено все внимание говорящего. Итак,

Сущность	— 1) элемент системы (парадигмы);
	— 2) она потенциальна;
	— 3) в некотором смысле скрыта от чужих глаз.
Явление	— 1) единично;
	— 2) актуально;
	— 3) находится на виду.

В рамке приводятся основные признаки, которые отличают сущность от явления. Они позволяют объяснить выбор между предложениями с *есть* и без *есть*. Конкретные типы предложений обоих классов мы рассмотрим ниже. Мы рассмотрим также предложения третьего типа с прилагательными и числительными:

(10) *У него голубые глаза (= Глаза у него голубые), У дома две двери.*

Мы специально не касались предложений о приписывании свойств выше, потому что при исследовании феномена неконтрастоспособности, который возникает только в предложениях о сущностях, задача различить предложения о сущностях и предложения о явлениях представлялась наиболее существенной.

В разделе 3 мы рассмотрим разные подтипы предложений с *есть* и без *есть*. Рассмотренные в разделе 3 примеры с *есть* не служат свидетельством того, что в них невозможна замена *есть* на пусто. Наша задача состоит в том, чтобы показать, в каких случаях *есть* возможно, какое значение имеет соответствующее предложение и как в нем реализуются различия, указанные в рамке.

3. ПРЕДЛОЖЕНИЯ С ГЛАГОЛОМ *ЕСТЬ*

Есть утилитарное:

(11) *У меня есть сын. Дома сейчас есть бабушка — она тебе откроет; Есть свежее пиво; Напротив нашего дома есть рынок; У Джорджа есть двоюродный брат, который обычно значится в полицейских протоколах студентом-медиком. Поэтому Джордж всегда выражается, как домашний врач.*

В последнем примере двоюродный брат Джорджа понимается как полезный источник медицинских сведений. Предполагается также, что двоюродного брата у Джорджа могло бы и не быть

В примере *У меня есть сын* сын понимается как тот, кто может обо мне позаботиться, унаследовать мой бизнес, продолжить дело моей жизни. Кроме того, сын в таком предложении понимается как не единственный родственник. Так, у того, кто говорит, что у него есть сын, могут быть и дочери. Очевидно, что в таком предложении о сыне сын не противопоставлен тому, что у человека может быть, кроме сына, поэтому *да-нет*-вопрос к сыну, подразумевающий контраст «сын — что-то еще», скажем, дочь, представляется странным: *У тебя есть сын?* (если только это не вопрос-удивление *У тебя уже есть сын?*) Между тем, когда говорят *У меня сын*, имеют в виду, скажем, сына, который только что родился: ведь могла родиться и дочь. Здесь имеется в виду не тот сын, который может позаботиться о родителях или, наоборот, доставить им хлопоты и волнения, а конкретный новорожденный мальчик, который противопоставлен возможной девочке или близнецам. Кроме того, предложение *У меня сын* уместно, когда субъекта ситуации пришел навестить его сын, т. е. субъект ситуации в текущий момент времени находится в обществе своего сына.

Есть анатомическое. В предложениях о частях тела в комбинации с *есть* употребляются те части тела, которые используются в практической деятельности человека:

У него есть руки-ноги — пускай работает; У него есть голова на плечах; У тебя есть глазки — читай сам.

Другие жизненно важные органы, которые непосредственно не участвуют в работе и потому не расцениваются как полезные, с *есть* не употребляются:

(13)* *У меня есть печень.*

Предложения с *нет*, *есть* ударным (*есть* \ \ *нос*) и *есть?*, мы сейчас оставляем в стороне, так как противопоставление по наличию / отсутствию носа, скажем, у майора Ковалева, ставит глагол *есть* под контраст и расширяет сочетаемость разнообразных X-ов с глаголом *есть* (см. ниже раздел 7.1).

Есть медицинское дает себя знать только в сочетании с несложными болезнями, сохраняющими дееспособность и не влияющими на общее состояние человека. Так, мы можем сказать

(14) *У него все еще есть небольшая простуда / есть кашель.*

Это болезни, которые не имеют тотального характера. Они же могут пониматься и как явления:

У него насморк.

Если болезнь делает человека больным, то его болезненное состояние понимается как явление, что делает сочетаемость с *есть* невозможной:

**У него есть скарлатина / инфаркт.*

В сочетании с *есть* обычно фигурируют не сами болезни, а некоторые симптомы и проявления болезней, которые понимаются как сущности, — они системны, их может быть много, и они полезны для установления диагноза:

(17) *У него есть экстрасистолы на кардиограмме, есть температура, антитела к тиреоглобулину, сыпь на лице.*

Если появление сыпи ограничено только лицом, она не воспринимается как всеохватное состояние человека. Но ср.:

**У него есть сыпь на всем теле.*

Если сыпь есть на лице, то значит, есть участки тела, где сыпи нет. Ограниченная локализация сыпи ведет к пониманию сыпи как сущности.

Когда одна болезнь рассматривается в ряду других, даже серьезные болезни вступают в комбинацию с *есть*:

(19) *У него есть только одно серьезное заболевание. Это — невроз [6, 72]; У меня есть все болезни, известные медицине, кроме воспаления коленной чашечки; У меня есть скарлатина, дифтерия, тиф, коклюш и бронхит.*

И наконец, если болезнь еще не проявила себя, а находится в латентной фазе, тоже может быть употреблено *есть*:

(20) *Анализы показали, что у нее есть скрытый диабет;*

ср. *У нее диабет* — **У нее есть диабет*. Пример (20) весьма наглядно показывает отличие сущности (скрытого диабета), которая сочетается с *есть*, от явления (просто диабета), которое с *есть* не сочетается.

Есть интродуктивное:

(21) *А у нас во дворе есть девочка одна, среди прочих подруг неприметна она; Есть город у моря; С бульвара за угол есть дом, где дней порвалась череда (Пастернак); Есть у нас в отделе одна Иванова.*

Здесь употребление *есть* оправдано тем, что введение некоего предмета в рассмотрение выделяет его из ряда ему подобных, т.е. из некоторой парадигмы. При интродукции уникального объекта конструкция с *есть* аномальна:

(22)* *Есть у меня мать?*

Есть полицейское. Конструкция с *есть* часто используется при установлении личности и при поиске преступника. Через *есть* вводятся особые приметы и улики

(23) *У убитого на среднем пальце есть специфический мозоль, который выдает в нем клерка; У нее на верхней губе есть родинка, На теле есть следы побоев, На животе есть шрам после перенесенной в детстве операции.*

Если особая примета — это важная и хорошо заметная деталь, такая, как горб, ср [6, 71—72], выбитый глаз, хромяя нога, которые свидетельствуют о болезненном состоянии человека и делают его горбатым, хромым, кривым, больным, то такая примета расценивается как явление. Это делает невозможным употребление *есть*.

Если горб рассматривается как часть тела, наличие которой отличает один вид животных от других, у которых горба нет, употребляется *есть*: *У верблюда есть горб; У дельфинов есть зубы, а у других китов — нет.* Ср. [6, 72].

Есть источника.

(24) *Если в Швеции по деревне разгуливает кенгуру, значит поблизости есть зоопарк.*

Заметим, что часто встречающееся *есть* утилитарное — это частный случай *есть* источника, потому что при *есть* утилитарном предмет рассматривается как источник возможных благ

Есть состава (*В супе есть морковь*), *есть* содержания (*В молчаньи твоего ухода упрек невысказанный есть* (Пастернак)), *есть* расписания (*У меня сегодня есть лекция, репетиция*) В этих примерах X понимается как принадлежность множеству или системе. Если говорится, что в супе есть морковь, это значит, что в нем есть не одна только морковь — если суп сварен из одной морковки, *есть морковь* не говорят. Если в поступке есть упрек, то это значит, что уход не равен упреку, — в нем есть еще и многое другое. Будучи элементом системы, X не заполняет собой все событие и расценивается как составляющая сущность

Мы рассмотрели некоторые типы предложений с *есть*. Нашей задачей было показать, что в конструкции *есть X X* понимается как сущность.

4. ПРЕДЛОЖЕНИЯ БЕЗ ГЛАГОЛА *ЕСТЬ*

Как было показано выше, предложения без *есть* разбиваются на два основных класса — предложения о явлениях (раздел 4.1 ниже) и предложения о приписывании свойств (раздел 4.2).

4.1. ПРЕДЛОЖЕНИЯ О ЯВЛЕНИЯХ. «ЛЮБОВЬ ПРОСТРАНСТВА»

Наиболее часто встречающийся тип предложений о явлениях — это предложения о расположении в пространстве. Пространственные отношения открываются бескорыстному человеку, который не пользуется предметами, а смотрит на них.

Кавказ подо мною, Слева стол, а справа стул.

Когда говорят *есть стул*, это выдает утилитарную точку зрения: если есть стул, значит, можно посидеть. Если говорят *Есть тропинка*, это значит, что тропинкой можно воспользоваться. А в предложении *Там налево тропинка* значит просто 'слева увидишь тропинку'. В мире прагматического человека *Там налево есть тропинка* и *Там налево тропинка* — это, в сущности, одно и то же; различие — только в подходе. первое выдает позицию пользователя, а второе — более скромного наблюдателя. О конструкциях без *есть* в образительном стиле речи говорит О. Н. Селиверстова [6, 68]; там же литература по теме

4.2. ПРЕДЛОЖЕНИЯ О ПРИПИСЫВАНИИ СВОЙСТВ

Рассмотрим предложения о приписывании свойств:

(26) *У него молодая жена, У него голубые глаза.*

Сначала покажем, что синтаксический тип *У меня молодой X* распадается на два логико-семантических подтипа — предложения о приписывании свойств и предложения о явлении. Для этого рассмотрим минимальную пару

(27) (а) *У него молодая мама* — (б) *У него молодая дама.*

В стандартном случае предложение (27а) означает, что мать субъекта молода, а предложение (27б) — что субъект в текущий момент проводит время в обществе молодой дамы: дама находится на территории, принадлежащей субъекту, — у него дома или в его кабинете. Таким образом, (27а) — это предложение о приписывании свойства, а (27б) — предложение о явлении.

В чем состоят стандартные контексты, которые делают возможными две указанные логико-семантические интерпретации? Или чем с точки зрения синтаксической семантики лексема *мама* отличается от лексемы *дама*?

Ответ на этот вопрос дает обращение к концептуализации времени в предложениях двух типов: приписываемые свойства характеризуют объект в течение некоторого временного интервала, а явления разворачиваются в актуальный момент, т. е. имеют точечную временную локализацию.

Рассмотрим пример (27а). О матери субъекта ситуации сообщается, что она молода. Мать — это имя отношения, которое имеет временную координату. А в семантической структуре лексемы *дама* указание на длежащее время в норме отсутствует, поэтому предложение (27б) говорит об актуальном положении дел в текущий момент: субъект ситуации занят общением с молодой дамой.

Таким образом, для лексем, которые содержат указание на длительность отношений между субъектом ситуации и X-ом, стандартный контекст состоит в том, что в конструкции *У него молодой X* X-у приписывается свойство *молодой*. А если отношение между субъектом и X-ом не включает указаний на интервал времени, стандартная ситуация состоит в том, что субъект ситуации вступает в отношения с X-ом в текущий момент: *У него новые посетители* (это значит, что к нему сейчас пришли *посетители* и он занят беседой с ними).

Интересен также пример *У него Иванов*, который понимается как актуальное посещение субъекта ситуации Ивановым. Для последнего (Иванова) тоже

не определен ни характер его отношений с субъектом, ни понятие о времени. Предложение значит, что Иванов в момент речи находится у субъекта ситуации в гостях.

Очевидно, что многие X-ы допускает обе трактовки. Так, *У него новые постояльцы* может означать как то, что он сдал свою квартиру на длительный срок новым жильцам, потому что семантическое представление лексемы *постояльцы* включает сему временного интервала, т. е. то, что постояльцы у него новые, так и то, что его новые постояльцы явились в текущий момент времени к нему в кабинет для беседы

Рассмотрим примеры (28), которые иллюстрируют полный набор возможных интерпретаций предложений с *есть* и без *есть*:

- (28) (а) *У него есть магазин* (предложение о магазине как о сущности);
 (б) *У него есть большой магазин* (предложение о большом магазине как о сущности);
 (в) *У него магазин. <Поэтому он так занят>* (предложение о магазине как о явлении),
 (г) *У него большой магазин. <Поэтому он так занят>* (предложение о большом магазине как о явлении);
 (д) *У него большой магазин (=Магазин у него большой, предложение о приписывании магазину свойства «большой»).*

Предложения об X-ах, которых в определенной области бытия может не быть (так, магазин у Y-а может быть, а может не быть), бывают предложениями о свойствах таких X-ов и предложениями о существовании X-ов или X-ов с некоторыми свойствами. Так, если X — это большой магазин, то он образует полный набор логико-семантических типов рассматриваемых предложений — это и предложение о сущности (28б) (*У него есть большой магазин*), и предложение о явлении (28г) (*У него большой магазин*), и предложение о приписывании свойства (28д) (*У него большой магазин = Магазин у него большой*). А набор предложений с X-ами, которых не может не быть в распоряжении Y-а, например частей его тела, дефектен, потому что они в норме всегда есть. В таком наборе в норме отсутствует предложение о сущности (**У него есть глаза*) и затруднено образование предложений о явлении (?*У него ногти*). В полной мере в нем представлены только предложения о приписывании свойств (*У него голубые глаза; У нее крашеные ногти*). К рассмотрению таких X-ов мы сейчас и перейдем

4.2.1 ПРЕДЛОЖЕНИЯ О ЧАСТЯХ ЦЕЛОГО

Выше мы показали, что если X понимается как сущность, в одну парадигму с ним должно входить его отсутствие. Значит, сущность — это такой X, которого может не быть в определенной области бытия. Денег может не быть, поэтому осмысленно говорить о том, что они сейчас есть и можно заплатить за квартиру. Рассмотрим X-ы, которых не может не быть. Про них обычно не говорят, что они есть, потому что они есть всегда — это глаза, руки, ноги, нос у человека, дверь у дома. Выражение «У стен есть уши» возможно только пото-

му, что на самом деле у стен ушей нет, и такое предложение понимается в метафорическом смысле. Когда говорится «У тебя есть глазки — читай сам», это значит, что слушающий ведет себя так, как будто у него нет органов зрения. Когда говорят «У верблюда есть горб» имеют в виду, что наличие горба отличает верблюда от других животных, у которых горба нет.

Итак, об X-ах, которых в норме не может не быть, обычно не говорят, что они есть. Поэтому предложения о наличии существующих на своих местах X-ах — это обычно предложения о том, какие X-ы. В предложении *У нее голубые глаза* говорится о том, что ее глаза — голубые, см. [3; 4, 71].

Заметим, что в применении к частям целого, например, к частям тела, употребление с нулевой связкой и без прилагательного тоже возможно, но представляет собой не стандартный контекст. Остановимся на нем. Примеры

(29) *У него глаза / почки / сердце*

значат, что у него болят глаза [1, 201] или возникла необходимость сделать исследование (ультразвуковое или рентгеновское) органов — так говорят у кабинета врача в ожидании процедур. Конструкция «нулевая связка плюс X-часть тела» означает, что в актуальное время говорящего некий объект X находится у субъекта ситуации на повестке дня.

З а м е ч а н и е. Представляется, что источником полисемии «часть тела — болезнь этой части тела» служит не полисемия семантического класса частей тела, как считает Ю. Д. Апресян [1, 201], а свойство конструкций с опущенной связкой, которые могут обозначать актуализацию части тела в связи с проблемами, которые с ней возникли. Значит, конструкция «нулевая связка плюс имя части тела» выражает актуализацию этой части тела в связи с ее болезнью или обработкой. Заметим также, что по аналогии с (29) можно построить и примеры с другими X-ами, которые не служат именами частей тела: *У нее сердце — У нее диссертация; Кто тут с почками? — Кто тут с юбкой?* Попутно отметим, что в выражениях *У него есть сердце / У него нет сердца* такая часть тела, как сердце, понимается в метафорическом смысле, то есть не совсем как часть тела (ср. *бессердечный*).

Аналогично частям тела ведут себя и другие обязательные части других целых. Так, предложение **У дома есть дверь* аномально, потому что дверь у дома есть всегда, а предложение **У дома дверь* аномально, так как неясно, что могла бы значить актуализация двери по отношению к дому: по-видимому, полисемия «часть целого — проблема, возникшая у целого в связи с этой частью» вообще релевантна только для тех целых, которые служат именами лиц. В отношении одушевленного владельца аналогичное предложение было бы возможно *Мы все тут к краснодеревщику. У меня дверь / Я с дверью. А предложения*

(30) *У дома есть две двери / много дверей — У дома две двери / много дверей —*

нормальны, потому что одна дверь у дома в норме есть всегда, а две — необязательно. Тогда предложение *У дома есть две двери* понимается в утилитарном смысле — у дома есть две двери для удобства пользователей, а *У дома две двери* — как простая констатация того, что дом таков, что двери у него две.

Итак, среди предложений о бытовании обязательных частей целых предметов встречаются следующие типы (первые три типа в списке ниже требуют специальных контекстов).

– предложения о явлениях; они употребляются в разговорной речи для общения о проблемах, которые возникают с X-ами (*У него почки*);

– предложения об уникальных частях целых организмов, которые отличают предметы от других, у которых таких частей нет; это предложения о сущностях (*У дельфинов есть зубы, а у других китов — нет; У верблюда есть горб*);

– предложения о сущностях, которыми можно пользоваться (*У тебя есть глазки — читай сам*);

– предложения о приписывании свойств частям целого или указании на количество (*У него голубые глаза; У дома две двери*).

Таким образом, в наиболее естественный класс в предложениях о бытовании обязательных частей целых организмов и предметов выделяются только предложения о приписывании свойств. Все остальные типы оказываются либо на периферии стандартного употребления, ср. *У него сердце; У тебя есть глазки*, либо требуют особого контекста, предполагающего противопоставление, как в предложении *У верблюда есть горб*.

4.2.2. ПРЕДЛОЖЕНИЯ О СВОЙСТВАХ ХАРАКТЕРА

X-ы, характеризующие внутренний мир человека, такие, как характер, нрав, натура, дух и душа, ведут себя в предложениях со связкой *быть* — наличной или опущенной — как части тела, т.е. в соответствующей парадигме предложений широко представлены только предложения о приписывании свойств:

(31) *У нее добрый нрав / характер / добрая душа / бодрый дух / благородная натура* (ср. **У нее есть хороший характер*).

Противопоставление «есть характер / нет характера», ср.

(32) *У него есть характер / нет характера,*

возможно, но в метафорическом смысле, потому что присутствие характера понимается как сильный характер, а его отсутствие — как слабый характер.

Между тем отдельные черты характера, мелкие изъяны, слабости, заскоки и благородные стороны парадигматичны — каждая черта не составляет всей натуры в целом и не проявляется постоянно. Нет человека без натуры, но есть люди без слабостей, заскоков, черт благородства. Поэтому все частные черты характера легко сочетаются с *есть*:

(33) *У него есть слабость к блондинкам / заскок насчет соседей / склонность к выпивке.*

5. ПОНЯТИЕ О ВРЕМЕНИ В ПРЕДЛОЖЕНИЯХ У НЕГО X И У НЕГО ЕСТЬ X

Три рассмотренных логико-семантических типа предложений — предложения о сущностях (*У него есть деньги*), предложения о явлениях (*У него гости*) и предложения о приписывании свойств (*У него молодая мама*) — раз-

личаются воплощенными в них представлениями о времени. В предложениях о явлениях фигурирует настоящее актуальное, в предложениях о приписывании свойств — настоящее генерическое, которое значит, что приписываемое свойство присуще объекту всегда или в течение долгого времени, а в предложениях о сущностях — настоящее генерическое, которое имеет проекцию в настоящее актуальное или в будущее, т.е. такое, при котором постоянные отношения между субъектом ситуации и объектом имеют потенциальный заряд и готовы проявиться в нужный момент.

6. НЕЙТРАЛИЗАЦИЯ РАЗЛИЧИЙ МЕЖДУ ПРЕДЛОЖЕНИЯМИ С *ЕСТЬ* И БЕЗ *ЕСТЬ*

6.1. СООТНОШЕНИЕ МЕЖДУ СУЩНОСТЬЮ И ЯВЛЕНИЕМ

Соотношение между сущностью и явлением таково, что если некий X — это сущность, он обычно может фигурировать и в роли явления под тем же именем. Ибо смысл сущности состоит в том, чтобы дожидаться своего часа и послужить в своем качестве, т.е. проявиться в явлении. И тогда сущность и явление называются одним словом, правда, с некоторой вариативностью значения. Так, выше было показано, что деньги-сущность иначе называются покупательными средствами, а деньги-явление — это горсть монет или пачка купюр. Следовательно, предложения с *есть* могут довольно часто с легкой сменной точки зрения на более бескорыстную заменяться предложениями без *есть*:

(34) *Там у соседей есть мальчик — можно мне с ним поиграть? — Там у соседей мальчик (= я вижу мальчика) — можно мне с ним поиграть?*

Итак, конструкция *есть X* способна с небольшим изменением смысла заменяться на конструкцию без *есть*, поэтому правомерно говорить о возможной замене предложений с *есть* на предложения без *есть*

6.2. КОГДА НЕВОЗМОЖНА ЗАМЕНА КОНСТРУКЦИИ БЕЗ *ЕСТЬ* НА КОНСТРУКЦИЮ С *ЕСТЬ*

Некоторые X-ы в силу онтологической природы обозначаемой ими ситуации способны выступать только в роли явлений. Так, инфаркт, обморок, испуг, жара, толпа, митинг, свадьба — обычно понимаются как явления. Они всегда в действии, всегда на виду и в ином — латентном — качестве не существуют. Они не могут служить в качестве заготовки для последующих явлений, их не расценивают с точки зрения будущей утилизации, возможной вредоносности или включения в соответствующую парадигму. Это словарное свойство соответствующих понятий.

6.3. КОГДА НЕВОЗМОЖНА ЗАМЕНА КОНСТРУКЦИИ С *ЕСТЬ* НА КОНСТРУКЦИЮ БЕЗ *ЕСТЬ*

Замена *есть* на пусто невозможна, если X специально предназначен для роли сущности, например когда X служит именем средства для достижения

некоторой цели или именем источника блага, а не самого блага. Так, покупательные средства могут даже функционировать в виртуальном виде — безналично. Это может быть банковский счет или телеграфный перевод:

(35) *У него есть средства / возможности / тайные мысли / затаенные желания; *У него средства / тайные мысли*

6.4. ВЗАИМОЗАМЕНИМОСТЬ КОНСТРУКЦИЙ, ВКЛЮЧАЮЩИХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ

Взаимозаменяемость в конструкциях *У меня есть молодой X* и *У меня молодой X*, где X-ы противопоставлены как сущность и явление, описана в разделах 6.2 и 6.3, т. е. здесь тенденции те же, что и в случаях просто с X-ом.

В разделе 4.3 было показано, что конструкция *У меня молодой X* может иметь в зависимости от семантики X-а и контекста, кроме значения бытования сущности, и значение приписывания свойства. *У меня молодые друзья* (= *Друзья у меня молодые*). Очевидно, что это значение достаточно сильно расходится со значением обладания сущностью (*У меня есть молодые друзья*), поэтому взаимозаменяемость *есть* / нулевая связка в таких парах маловероятна.

7. ВОЗМУЩАЮЩИЕ КОНТЕКСТЫ

7.1. КОНТЕКСТЫ, СНИМАЮЩИЕ ЗАПРЕТ НА УПОТРЕБЛЕНИЕ *ЕСТЬ*

К контекстам, возмущающим поведение конструкций типа *X* и *есть X*, прежде всего относится контраст (коммуникативная ситуация, которая характеризуется наличием множества однородных элементов, из которого надо произвести выбор), и в частности, верификация (коммуникативная ситуация, в которой выбор производится из двух возможностей: «да» и «нет»). Так, в ситуации верификации слово *есть* может соединяться с такими концептами, которые обычно понимаются как явление:

(36) *Кардиограмма подтвердила: инфаркт есть* \ \

При контрасте на X-е *есть* может, наоборот, опускаться:

(37) *У тебя — деньги, у меня — стулья.*

7.2. ДА-НЕТ-ВОПРОСЫ В ПРЕДЛОЖЕНИЯХ С *БЫТЬ* И *ЗНАТЬ*

В разделе 1 мы показали, что у конструкций с *быть* и *знать* отсутствует да-нет-вопрос к одному из актантов. Это свойство мы связали с потенциальным характером знания и обладания или присутствия в некоей точке бытия. Оказывается, однако, что существуют если не вопросы к пропозициональному дополнению Р глагола *знать* и подлежащему X в конструкции *есть X*, то вопросы, которые совпадают по форме с вопросами к пропозициональному дополнению Р и к предмету обладания X, если бы такие вопросы были возможны.

(38) *Ты знаешь, что Р? У нее есть X?*

Такие вопросы возможны в том случае, когда ударение на Р и Х маркирует не вопрос к Р и Х, а формирует вопрос ко всей ситуации в целом. Это вопросы о причине:

(39) <Почему не пришел Вася?> Знал, что придет Петя ↗ ? <Почему местного адвоката не пригласил?> Знал, что они все купленные ↗ ?

Вопросы (39) — это не вопросы к пропозициональному дополнению Р, а ко всей ситуации *Вася знал, что Р*. У конструкции с *есть* тоже возможен вопрос ко всей ситуации в целом

(40) *Смотри, как она расстроена* Это потому, что у нее *есть* седые волосы ↗ ?

Итак, мы показали, что существуют вопросы с формой *Он знал, что Р* ↗ или *У нее есть Х* ↗ ?, которые не являются вопросами к Р и к Х-у

* * *

Существует группа глаголов, чье толкование включает семантический признак 'виртуальное свойство или способность'. Этот признак имеет существенные грамматические последствия, которые состоят в неспособности актантов этих глаголов образовывать *да-нет*-вопрос и сочетаться с союзом *не...а*. Мы показали, что у одного из таких глаголов — глагола *быть* — в конструкции *есть Х* есть минимальная пара — конструкция с опущенным *есть*, которая отличается от *есть Х* в точности указанным семантическим признаком. Ибо конструкция *есть Х* обозначает виртуальное бытование, а конструкция с опущенным *есть* — актуальное

Мы предложили трактовать противопоставление конструкций с *есть* и без *есть* как противопоставление предложений о сущностях и явлениях. Было показано, что бытующий предмет понимается как сущность в конструкции с *есть* и как явление в конструкции без *есть*. Различие сущности и явления позволяет объяснить выбор конструкций с наличным и опущенным глаголом *есть* и проливает свет на семантику контраста. Сущность проявляет себя в предложениях со значением полезности или вреда бытующего предмета для некоего бенефицианта и в предложениях об Х-е как об элементе системы или множества. А явление фигурирует в предложениях с актуальным, уникальным и наблюдаемым Х-ом

Были также рассмотрены конструкции с прилагательным, которые в отсутствие глагола *есть*, кроме значения бытования явления, могут иметь значение приписывания свойства

Было показано, что предмет, присутствующий в некоторой точке бытия, а также предмет знания, обладания, умения и способности сущностей. Он бытует в неявленном виде, как счет в банке или кредитная карточка, как тротиловый заряд или огнетушитель, как малиновое варенье, которое хозяйка варит с молитвой, чтобы дети были здоровы и оно не понадобилось. Это все, что у нас есть, и неизвестно, пригодится ли в будущем.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Р. Харвег ввел термин **неконтрастоспособность** для описания других слов с иными источниками неконтрастоспособности, чем подлежащее в конструкции *быть* у и пропозициональное дополнение глагола *знать*; в его работах были рассмотрены слова типа *кто-то*.
- ² В неинтродуктивном предложении лексико-синтаксическая структура *У меня есть мать* возможна: *Не волнуйтесь. У меня есть мать, и она обо мне позаботится.*

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. Избранные труды. Т. 1. М., 1995.
2. Апресян Ю. Д. Интегральное описание языка и системная лексикография. Избранные труды. Т. 2. М., 1995.
3. Арутюнова Н. Д. Функции определений в бытийных предложениях // Русский язык. Текст как целое и компоненты текста. М.: Наука, 1982.
4. Арутюнова Н. Д. Коммуникативные формы бытийных предложений // Арутюнова Н. Д., Ширяев Е. Н. Русское предложение. Бытийный тип. М.: Русский язык, 1983.
5. Николаева Т. М. Лингвистика текста. Современное состояние и перспективы // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII. М.: Прогресс. 1978.
6. Селиверстова О. Н. Контрастивная синтаксическая семантика. М.: Наука. 1990.
7. Harweg R. Die textologische Rolle der Betonung // Beiträge zur Textlinguistik. München, 1971.
8. Harweg R. Ein Mensch, eine Person und jemand // Zeitschrift für deutsche Sprache. Bd. 27. Nr. 1/2. 1971.

Н. Н. Болдырев

ОТРАЖЕНИЕ ПРОСТРАНСТВА ДЕЯТЕЛЯ И ПРОСТРАНСТВА НАБЛЮДАТЕЛЯ В ВЫСКАЗЫВАНИИ

Выражение пространственных отношений в языке осуществляется с помощью отдельных языковых единиц и определенных типов высказываний. Данная статья посвящена высказыванию, а именно тому, как высказывание отражает взаимодействие двух видов пространства, участвующих в его моделировании: пространства деятеля (событийного пространства) и пространства наблюдателя. В качестве последнего может выступать сам говорящий, слушающий или третье лицо, не участвующее в коммуникации.

Восприятие любого события, его концептуализация и представление в языке во многом определяется пространственной характеристикой данного события, т. е. выделением объектов как определенных пространственных ориентиров. При этом значительна роль самого автора высказывания (говорящего), поскольку именно он ограничивает событие и выделяет те или иные пространственные ориентиры — ориентиры в пространстве деятеля или в пространстве наблюдателя.

При моделировании речи важное значение имеет оппозиция «стабильность — мобильность». Думается, что стабильность пространственного моделирования высказывания обеспечивается его связью с определенным событием окружающего мира, которое включает такие пространственные ориентиры, как: источник события и другие его участники, место осуществления события и т. д. Мобильность же связана с ориентацией высказывания относительно наблюдателя, т. е. когда в качестве специального ориентира выступает сам говорящий, слушающий или третье лицо, а также элементы их пространства. Сравните, например, два предложения: «Он подошел к двери и постучал» и «В дверь постучали», — где одно и то же событие окружающего мира «Кто-то постучал в дверь» в первом случае ориентировано относительно деятеля (дверь — элемент пространства деятеля), а во втором случае — относительно наблюдателя (дверь — элемент пространства наблюдателя).

Стабильность пространственного моделирования высказывания (событийного пространства — пространства деятеля) обеспечивается исходной семантикой используемого глагола, в которой содержится определенная программа языковой интерпретации события в виде обязательных и факультативных валентностей: тот или иной тип субъекта, объекта, возможность тех или иных собственно пространственных, временных или качественных характеристик события. Эта программа в некоторой мере (и это тоже элемент стабильности) определяет также степень мобильности пространственного моделирования высказывания. Очевидно, что глаголы широкой семантики, например, допускают большую мобильность, чем глаголы конкретной семантики.

Мобильность пространственного моделирования высказывания обусловлена тем, что позиция наблюдателя, относительно которого ориентируется высказывание, может меняться. Эта изменчивость связана с тем, что высказывание может охватывать не только самого наблюдателя и имеющие к нему непосредственное отношение пространственные ориентиры, которые определяют его местонахождение, но и его внутренний мир, а также мир окружающих его событий, включая собеседника или третье лицо. Введение (явное или скрытое) элементов пространства наблюдателя может уточнять специфику восприятия того или иного события и, как следствие, его концептуализацию и соответствующую языковую интерпретацию: как действия, процесса, состояния, свойства и т.д. Это осуществляется за счет использования различных глаголов в их основном, системном значении или в результате их полного или частичного переосмысления (перекатегоризации), например: «Он поднялся на третий этаж и осторожно открыл дверь своим ключом» — «Он подошел к двери и позвонил. Щелкнул замок, дверь открылась». Если в первом случае событие «Кто-то открыл дверь» представлено как активное действие субъекта, то во втором примере этот же субъект выступает лишь в роли наблюдателя (дверь — элемент пространства другого деятеля, не названного в высказывании), и то же событие интерпретируется с его позиции иначе — как процесс.

Таким образом, пространство высказывания отражает определенную интерпретацию события с точки зрения одного из трех вышеназванных пространств в виде соответствующей ориентации относительно деятеля или наблюдателя. Эта ориентация может быть представлена как вектор высказывания, который носит либо преимущественно денотативный, либо преимущественно интенциональный характер. В первом случае вектор высказывания совпадает с онтологическим вектором события, который направлен от активного источника события к его объекту. Источник события в этом случае является и подлежащим и темой высказывания («Он осторожно открыл дверь»). Во втором случае в качестве темы высказывания может быть избран любой другой (кроме его источника) элемент события, а сам источник — занимать зависимую синтаксическую позицию или вовсе отсутствовать в синтаксической структуре высказывания («Дверь открылась»). При этом выдвигание в позицию темы того или иного элемента события может отражать определенный способ передачи события с точки зрения говорящего (ориентация высказывания относительно говорящего субъекта), слушающего (например, императивные высказывания или высказывания инструктивного типа: описание того, как найти дорогу или тот или иной предмет и т. п.) или третьего лица. Ограниченный объем данной статьи позволяет подробно остановиться лишь на некоторых способах ориентации высказывания относительно говорящего субъекта на материале одного (современного английского) языка.

Ориентация высказывания относительно говорящего субъекта может осуществляться двумя способами: во-первых, за счет включения выражаемого события в пространство говорящего субъекта и отражения этого события с его позиций или, во-вторых, за счет включения говорящего в зону внимания (т.е. в само обозначаемое событийное пространство). В первом случае сам говорящий выступает в качестве субъекта суждения, который в явной или скрытой форме высказывает определенное мнение или дает оценку описы-

ваемым событиям. Это высказывания с так называемой субъективной модальностью, в которых используются различные вводные и модальные слова типа: *К счастью; К сожалению; Неправильно* и т.д. В лингвистике эти высказывания достаточно хорошо описаны и в данной статье не исследуются. Напротив, высказывания второго типа, когда говорящий сам является участником передаваемого события, но не в качестве его исполнителя, а в качестве наблюдателя, могут представлять собой, на наш взгляд, некоторый интерес в плане лингвистического анализа способов пространственного моделирования высказывания. В семантическую структуру подобных высказываний как бы включается дополнительный элемент — экспериенцер, под которым подразумевается сам говорящий. В синтаксической структуре высказывания этот элемент не представлен или представлен имплицитно. Событийное пространство при этом претерпевает определенные трансформации. Вектор высказывания в этом случае направлен не от источника события (*John broke the cup*), а от того элемента, который находится в зоне внимания говорящего или в позицию которого помещает себя говорящий (*The cup broke*). Позиция говорящего, как известно (и об этом свидетельствуют многочисленные исследования), — это начальная позиция в высказывании. В том случае, когда говорящий излагает объективное положение дел и не включает себя в зону внимания, в этой позиции выступает реальный источник события. Выдвижение же в эту позицию любого другого элемента события свидетельствует о включении говорящего в зону внимания, т.е. об авторском изложении данного события и о том, что вектор высказывания приобретает исключительно интенциональный характер.

Анализ языкового материала показывает, что это происходит, в основном, при процессуальном осмыслении глаголов и реализации признака псевдо-активности субъекта. Сравним следующие два предложения:

He was moving his head from side to side [1, 943].

His head was moving from side to side.

В первом предложении онтологический вектор события и вектор высказывания совпадают. Событие передается как бы нейтрально — от его источника, т.е. высказывание отражает событийное пространство в его исходной форме (иконически). Во втором предложении перспектива, или интенция языковой интерпретации событий (интенциональный вектор) меняется. Это достигается с помощью декаузативной конструкции. В качестве исходного элемента в языковом представлении данного события выступает семантический объект, пациент. Реальный каузатор события в этом случае не представлен, а в роли подлежащего выступает семантический объект, т.е. подлежащее имеет непрототипический характер. Ему как бы приписывается говорящим определенная активность — псевдо-активность.

Следовательно, реализация признака псевдо-активности при синтаксической связи глагольного предиката с непрототипическим подлежащим может свидетельствовать об ориентации высказывания относительно говорящего субъекта. В качестве непрототипического подлежащего, в частности, могут выступать:

1. Названия неодушевленных объектов (для разных видов глаголов), например:

A piece of newspaper blew along the street: the wind was from the sea [2, 203].

The gun was pointing straight at me [3, 176].

What film was showing? [1, 1343].

В этом случае признак псевдо-активности реализуется наиболее отчетливо за счет использования декаузативных конструкций, выражающих определенные изменения, которые происходят в объектах в результате внешней каузации: The wind blew the newspaper; Someone was showing the film / pointing the gun... и т.д.

2 Названия природных явлений, стихий и космических объектов (с глаголами, обозначающими природные процессы и общие изменения состояния, а также с глаголами движения и перемещения), например:

A storm was brewing [4, 150].

The sun went down behind the hot prairie, and the dusk came [5, 178].

Приведенные высказывания представляют собой определенный способ восприятия и концептуализации окружающего мира говорящим, т.е. также включают говорящего в роли экспериенцера как составляющий элемент. Последний и приписывает определенную активность явлениям природы и окружающего мира (солнце, как известно, не встает и не садится). При этом в поверхностной структуре предложения-высказывания функция экспериенцера-говорящего не отражается, но имплицитруется за счет реализации признака псевдо-активности.

3. Слова событийной и абстрактной семантики (для глаголов общего изменения состояния и некоторых других глаголов):

Music was playing [2, 135].

Seven-thirty came and went [3, 191].

4. Названия технических средств и механизмов:

The shaker clacked in the bar [2, 134].

The rifles cracked again [6, 117].

В этом случае объекту в позиции подлежащего также приписывается определенная активность (псевдо-активность) как результат приложения внешних по отношению к этому объекту источников энергии (результат внешней каузации).

В качестве дополнительного средства, которое свидетельствует об ориентации высказывания относительно говорящего субъекта, выступают также лексически маркированные глаголы и наречия, выражающие оценку, например:

The neon flashed and glared [7, 71].

The electricity burned wanly on [7, 101].

Сама семантика таких глаголов и наречий, в которой содержится определенный модальный компонент оценки, в сочетании с непрототипическим подлежащим указывает на наличие наблюдателя.

Наличие внешнего каузатора и, следовательно, реализация признака псев-

до-активности может быть выражена также отрицательной формой модального глагола при непрототиписическом подлежащем:

The engine wouldn't start.

The door won't open.

Модальный глагол в силу того, что его значение характеризуется признаком воликативности, в этом случае указывает наличие другого (неопределенного) субъекта-каузатора, чьи усилия или намерения не достигают цели. Импликация же этого субъекта приводит к тому, что определенная активность (псевдо-активность) приписывается объекту в позиции подлежащего.

На импликацию экспериенцера-говорящего в структуре высказывания могут указывать и другие языковые средства. В английском языке это достигается также за счет использования инвертированных синтаксических конструкций с вводным *there* или обстоятельством места в начале высказывания, например:

Onto the table jumped a cat.

Suddenly there entered the hall an ugly old man.

Данные примеры свидетельствуют о том, что пространство говорящего (зона его внимания) ограничено столом (в первом случае) и прихожей (во втором случае), а сами описываемые события представляются уже не как действия животного и человека соответственно, а как процессы их появления в пространстве говорящего. Это обусловлено выдвиганием на передний план (в позицию темы) обстоятельственных элементов, которые обозначают не столько элементы собственно событийного пространства, сколько пространственные ориентиры наблюдателя. Это приводит к изменению интенции (интенционального вектора) в языковой интерпретации события, в состав которого в этом случае включается и сам наблюдатель (говорящий), т.е. экспериенцер. С его точки зрения и происходит языковая интерпретация данного события уже не как действия какого-либо лица, а как особого способа появления объекта.

Таким образом, из всего вышесказанного можно заключить, что в тех случаях, когда вектор высказывания отражает изменение интенции в языковой интерпретации события, пространственное моделирование высказывания преимущественно ориентировано относительно наблюдателя, в данном случае — относительно говорящего субъекта.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ ФАКТИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА

1. Collins Cobuild English Language Dictionary. L. Glasgow: Collins, 1990.
2. Greene G. Brighton Rock. L. Penguin, 1980.
3. Francis D. In the Frame. L. Pan, 1983.
4. Clarke A. C. The Other Side of the Sky. N.Y. Signet, 1979.
5. Stone I. The Passionate Journey. N.Y. Signet, 1969.
6. Bradbury R. The Golden Apples of the Sun. N.Y.: Bantam, 1979.
7. Faulkner W. The Wild Palms. L.: Penguin, 1982.

ВОЗДУХ: 2 ВЕЩЕСТВО ИЛИ ПРОСТРАНСТВО, МАТЕРИЯ ИЛИ ДУХ

Способ концептуализации действительности в каждом конкретном языке обладает и универсальными чертами, и национальной специфичностью. Даже понятия материального мира, преломляясь в человеческом сознании, по-разному осваиваются языками. Сопоставление семантики русского слова *воздух* с другими языками обнаруживает существенные различия в картинах мира, создаваемых этими языками.

Значение этого слова объединяет в себе разные семантические категории: будучи веществом, воздух является в то же время пространством; обозначая явление материального мира, воздух развивает значения, относящиеся к миру духовному.

Рассмотрим основные значения русского слова *воздух* в сопоставлении с данными других языков: английского, французского и, более детально, немецкого и багвалинского¹.

1. Первое значение слова *воздух* — вещество, которое человек и другие живые существа получают через нос и через рот (*дышать в.*, *вдыхать в.*). При этом в русском языке воздух может осмысляться как питье, а не как еда (*глоток в.*, *пить в.*, *захлебнуться в.*):

Движение кентуриона было небрежно и легко, но связанный мгновенно рухнул наземь, как будто ему подрубили ноги, захлебнулся воздухом, краска сбегала с его лица и глаза обессмыслились (М. Булгаков).

... Вот неподвижная земля, и вместе с ней

Я христианства пью холодный горный воздух,

Крутое Верую и псалмопевица роздых,

Ключи и рублища апостольских церквей (О. Мандельштам).

Представление о воздухе как о питье не характерно, например, для немецкого языка: немецкий воздух (*die Luft*) нельзя глотать и пить. В немецком существует выражение, сходное с русским *хватать в. ртом*: *nach Luft schnappen* (букв. 'цапнуть воздуха').

С этим значением слова *воздух* связаны две противоположные коннотации. С одной стороны, воздух — это вещество, необходимое для жизни (ну-

¹ Материалы по багвалинскому языку (аваро-андийская подгруппа нахско-дагестанской группы кавказских языков) были собраны в Дагестанской экспедиции МГУ в 1997—98 гг. при финансовой поддержке РФНФ, грант № 99-04-16172 Д).

Пользуясь случаем, я хотела бы выразить благодарность моему багвалинскому информанту Асият Магомедовой, а также Кирстен Йених за консультации по немецкому языку и Эрику Шлоссеру — по французскому.

жен как в., ему перекрыли в) Ср. немецкое *Ich brauche ihn wie die Luft zum Atmen* — 'он нужен мне, как воздух для дыхания'. С другой стороны, воздух — это вещество, которое не может быть средством поддержания жизни, оно поступает к человеку тем же путем, что и пища, но не является ею. Поэтому *питаться воздухом* значит питаться ничем, аналогичная метафора есть и в немецком: *Von Luft allein kann man nicht leben* ('нельзя жить одним лишь воздухом')

Это вещество может иметь разные свойства. Оно обладает положительными свойствами, если является таким, каким обычно бывает в открытом, природном пространстве (*свежий в*, *чистый в.*), и отрицательными, если сходно с тем, которое бывает в закрытом помещении (*спертый, тяжелый, затхлый в.*). Вследствие ассоциации со свободным, открытым пространством воздух употребляется в русском языке как метафора свободы: *Его книги были для нас как глоток воздуха* (ср. *глоток свободы*). *В этой стране мне не хватало воздуха / свежего воздуха* (= свободы), или же: *В этой стране было нечем дышать*. Ср также знаменитую фразу Блока: *Пушкина убила... вовсе не пуля Дантеса. Его убило отсутствие воздуха*.

Интересно, что в багвалинском языке для этого значения — 'вещество, получаемое человеком через рот и через нос' — существует отдельное слово, употребляющееся только в этом смысле, — *h.āj*. Выражение *h.āj huna:* (букв 'воздух нюхать') соответствует русскому глаголу 'дышать'. Все остальные значения, которые будут рассмотрены в этой статье, в багвалинском ложатся на два других слова — *hawa* и *hač mič*.

В русском языке практически нет таких контекстов, которые осмыслили бы слово *воздух* как вещество, наполняющее человека или выходящее из него: нельзя **выдохнуть воздух*, **выпустить воздух*. Между тем в немецком есть выражения, связанные именно с таким значением этого слова. Можно сказать 'придержите воздух' (*halten sie mal die Luft an!*), что означает 'помолчите!', 'не болтайте глупостей'. Метафорическое выражение *Er machte seinem Ärger Luft* буквально переводится 'он сделал воздух своему гневу'; носители языка вкладывают в это выражение смысл, сходный с тем, который имеет русская идиома *выпустить пар* — взорваться, дать волю своей злости. *Bei ihm ist die Luft raus* — 'из него ушел воздух' — так говорят о человеке, которого покинуло вдохновение. Тем самым воздух, перемещающийся из человека наружу, оказывается в немецком языке носителем некоторых нематериальных явлений.

С другой стороны, помимо слова *Luft*, в немецком есть еще одно слово, обозначающее воздух, «находящийся в человеке», — *der Atem*. Это существительное, родственное глаголу *atmen* — 'дышать', отчасти соответствует русскому *дыханию*. Однако, если русское *дыхание* совмещает два значения — процесс (*затрудненное дыхание*) и вещество, выделяемое в результате этого процесса (*зловонное дыхание*), то в немецком эти значения распределены по разным существительным: *der Atem* (вещество) и субстантивированный ин-

финитив *das Atmen* (процесс). Например, фраза *Er hat einen schlechten Atem*, букв. 'У него плохое дыхание', может быть понята только как 'У него плохо пахнет изо рта'.

Это значение — вещество, получаемое человеком через рот и через нос; необходимое для жизни, но не являющееся пищей; хорошее, если такое, какое бывает на открытом пространстве, и плохое, если такое, какое бывает в закрытом помещении, — является исходным для другого значения слова *воздух*.

1.1. *Воздух 1.1* — это пространство, где есть *свежий воздух 1*; то есть пространство, открытое с трех сторон. Например: *Нужно проводить как можно больше времени на воздухе*; *Мне нехорошо, я выйду на воздух*; *Чай будем пить на воздухе / на открытом в. / на свежем в. (*на закрытом в.)*.

Это значение является результатом регулярного переноса по модели, существующей и для других слов. Сравним следующие употребления: *выйти на мороз / сидеть на солнце / выйти на свет / стоять на сквозняке / вынести торт на холод*. Эти значения образованы по модели 'явление' → 'пространство, в котором имеет место это явление': *выйти на мороз / на свет* = *выйти туда, где мороз, где свет*. Этот перенос непродуктивен, поскольку, по всей видимости, ограничивается теми словами, которые были названы; нельзя **выйти на зной / на жару / на луну*.

Такое употребление прослеживается и в остальных языках, но гораздо более ограничено. Все подобные контексты во французском, немецком и багвалинском имеют значение 'быть под воздействием воздуха', чисто пространственные употребления для этих языков нехарактерны. Так, по-немецки можно сказать *an die frische Luft gehen* ('выйти на свежий воздух'), *jemanden an die frische Luft setzen* (букв. 'выставить кого-л. на свежий воздух' — ср. русск. *выставить за дверь*), но нельзя 'пить чай на воздухе', а для обозначения мероприятий, происходящих на открытом воздухе, — концертов или спектаклей, используется английское выражение *open air*. Французский тоже ограничивает это употребление выражением *plein air*: *J'ai besoin d'aller en plein air* — 'мне нужно выйти на свежий (букв. полный) воздух', но *aller en l'air* может означать только 'взлететь на воздух'; чаепитие может происходить *снаружи (dehors)*, но никак не *на воздухе*. Сходным образом ведет себя багвалинский язык: можно сказать *c'inub hawala baX:a le* — букв. 'на новый (= свежий) воздух пойдем', но фраза *čaj tira: hawala beta:lob ek'a* 'чай пить на воздух пойдем' может быть понята только как 'вися в воздухе'.

Русское слово *воздух* в этом пространственном значении употребляется только с предлогом *на*, в отличие от другого пространственного значения, о котором речь пойдет дальше и для которого более характерен предлог *в*.

Для этого значения существенным является отсутствие свода над головой; антоним этому воздуху — замкнутое пространство. По-русски *выйти на воздух* обязательно означает выйти на открытое пространство; это выражение нельзя употребить, если речь идет просто о таком месте, где хороший

воздух (например, *Будем пить чай на воздухе* нельзя сказать, если имеется в виду веранда), ср. *Я хочу сидеть на солнце* — так можно сказать о солнечной стороне в автобусе

Итак, русский *воздух* в этом значении — это пространство, открытое сверху, где есть *свежий воздух* 1. Отсюда происходит следующее переносное употребление слова: *в этой комнате / картине много воздуха* — т. е. в этой комнате (картине) есть ощущение открытого пространства.

*Соборы вечные Софии и Петра,
Амбары воздуха и света...* (О. Мандельштам).

В немецком языке есть сходное употребление слова *Luft*. *Hier muss man erstmal Luft schaffen* — букв. 'здесь нужно сначала устроить воздух', что переводится словарями как 'навести порядок' и, по свидетельству носителей языка, означает необходимость создания свободного пространства — например, на письменном столе или в заставленной комнате.

2. Следующее значение русского слова *воздух* можно определить так. *воздух* — это вещество, окружающее человека повсюду; воздухом является все, что не представляется материей. О вездесущности воздуха говорит А. Ахматова

*Ты неотступен, как совесть,
Как воздух, всегда со мною ..*

В нормальном случае это вещество не обладает обычными свойствами материи: оно бесплотно, невидимо и неосязаемо (*прозрачный, чистый в. / мутный в.*). Материя определяется словарями как «то, из чего состоят физические тела» (МАС); в этом смысле воздух не является материей. Тем самым *воздух* — это ничто; поэтому *возникнуть из в., раствориться, растаять в в.* странно, т. к. означает материализоваться из ничего или, напротив, стать ничем, потерять плотность. *И тут знойный воздух сгустился перед ним, и соткался из этого воздуха прозрачный гражданин престранного вида* (М. Булгаков). Ср. багвалинское выражение *te hawala sinmido wa ?* 'Ты что, из воздуха явился?'. *Сотрясать в.* бессмысленно по причине той же коннотации пустоты, отсутствия консистенции; человеку, который врет для того, чтобы подчеркнуть свое превосходство, по-багвалински говорят *men hawa beL'a X ek',a* (букв. 'ты воздух пашешь')

В немецком языке употребления, связанные с метафорой воздуха как пустоты, многочисленнее и богаче, чем в русском. *Diese Person ist Luft für mich* (букв. 'этот человек для меня воздух') — 'я больше не замечаю этого человека' — так говорят о том, кто обманул доверие. Ср. это выражение с багвалинским *men basam qal Xabar hawala: beli* (букв. 'тобой все сказанное в воздух ушло') — 'мне все равно что ты говоришь, я тебя не слушаю'. Немецкая фраза *Er hat sich in Luft aufgelöst* ('он потерялся в воздухе') может означать как неожиданное исчезновение того, кто находился рядом, так и то, что с ним прекратилось общение. Выражение *Dieses Argument ist völlig aus der Luft gegriffen* ('Этот довод взят из воздуха', то есть не обоснован, не связан с предыдущим обсуждением) напоминает английское *out of thin air* — 'из тон-

кого воздуха', то есть неконкретно, смутно. О человеке, скужающем от безделья, немцы говорят *Er guckt Löcher in die Luft* — 'Он высматривает дырки в воздухе', то есть рассматривает пустоты в том, что и так лишено материальности, пусто.

В то же время в особых ситуациях воздух может осознаваться как имеющий свойства материи — плотность, сопротивление: *поток, струя, столб в.*;

Тяжкий шум испаряваемого воздуха послышался сзади и стал наступать Маргариту (М. Булгаков).

И ты гоняешься за легкой весной,

Ладонью воздух рассекая (О. Мандельштам).

Тяжелы твои, Венеция, уборы,

В кипарисных рамах зеркала.

Воздух твой граненый. В спальне тают горы

Голубого драхлого стекла (О. Мандельштам)

С этой своего рода «материализацией» воздуха связано представление о воздухе как о массе, имеющей динамические свойства — подвижность или статичность: *неподвижный воздух, теплый воздух недвижим* (А. Чехов); *Но прошло немного времени, роса испарилась, воздух застыл, и обманутая стель приняла свой унылый июльский вид* (А. Чехов). И даже так:

Но вдруг неожиданно воздух надулся

И вылетел в небо горяч и горюч,

Фадеев подпрыгнул, Налдеев согнулся,

А Пепермалдеев схватился за ключ (Д. Хармс).

Представление о движущемся воздухе воплощается в русском языке в немногочисленных выражениях, которые к тому же явно не принадлежат к разговорному стилю. Между тем во многих языках это значение представлено гораздо более явно. Так, слово, обозначающее *воздух*, часто имеет значение 'ветер': англ. *light air* переводится как 'ветерок', франц. выражение *Il y a de l'air ce soir* — 'сегодня вечером ветрено', нем. *Hier geht ein frisches Lüftchen* — 'здесь дует свежий ветерок'. Заметим, что польское слово *powietrze* ('воздух') этимологически связано со словом *wiatr* ('ветер').

В багвалинском языке есть особое слово, *hač mič*, значение которого можно определить как «движущийся воздух». В зависимости от контекстов оно иногда переводится как «ветерок», а иногда как «воздух». Вот некоторые выражения с этим словом: *angiri hač mič ek'a* (букв. 'здесь hač mič есть') — 'здесь ветрено', *hač mič huna: X weč'e* (букв. 'hač mič не нюхает') — 'он не дышит', *ošub kutakila XeXub hač mič buk'a* (букв. 'у него очень быстрый hač mič') — 'у него очень быстрое дыхание'. Можно сказать *hač mič ye* — 'пошли на улицу'; это выражение отличается от *hawata te*, имеющего такой же перевод, тем, что подразумевает присутствие легкого ветерка.

2.1. И, по естественному переносу значений, воздухом называется не только вещество, повсюду окружающее человека, но и пространство, заполненное этим веществом. Д. Лакофф и М. Джонсон [2] отмечали существование та-

кой метафоры, как «вещества, рассматриваемые как вместилища» — «сядась в ванну, вы погружаетесь в воду», где вода есть «вещество-вместилище» Ср. цитату из О. Мандельштама, в которой эпитет *пустой* очень точно соответствует представлению о воздухе как о вместилище:

*Не утоляет слово
Мне пересохших уст,
И без тебя мне снова
Дремущий воздух пуст
Что может вмещать воздух 2.1?*

В русском языке воздух является средой пребывания тех явлений, которые человеку дано ощущать с помощью органов чувств, но которые невидимы и неосязаемы, — запаха и звука. *Короткое пребывание Маргариты под вербами ознаменовалось одним эпизодом. В воздухе раздался свист, и черное тело, явно промахнувшись, обрушилось в воду.* (М. Булгаков)

*В гуще воздуха степного
Переключка поездов
Да украинская мова
Их растянутых гудков* (О. Мандельштам).
*Глубь небес опять ясна,
Пахнет в воздухе весна...* (А. Фет).

Этим свойством обладает, вообще говоря, любое пространство, ср.: *в комнате пахло сиренью, на кухне ощущался запах гари*. Однако обычные слова с пространственной семантикой осмысляются как локализации запахов, но не как носители: *комната пахнет сиренью, *кухня пахнет гарью. Между тем воздух может подаваться как носитель запаха:

*И пахнет водой, и железом,
И ржавчиной воздух болот* (Б. Пастернак).

Очевидно, что в этом случае воздух осмыляется скорее как вещество, чем как пространство: носителем запаха является не пространство, а то, что в нем находится.

В багвалинском языке не удалось найти примеров, подтверждающих, что воздух является локализацией звука: фраза *Свист раздался в воздухе* непереводима на этот язык. По-немецки можно сказать *der Pfiff tönte durch die Luft* ('свист прозвучал в воздухе'), однако употребление выражений, связывающих воздух с запахами, ограничено. Ср. *in der Küche riecht es nach Kaffee* ('на кухне пахнет кофе'), но невозможно **in der Luft riecht es nach Frühling*. При этом возможно *die Luft ist verraucht* — 'воздух прокурен'.

Английский воздух (*air*) является также средой пребывания радиоволн; в русском это свойство приписывается эфиру; ср. англ. *to be on the air* — 'быть в эфире'.

Но главным свойством воздуха является, конечно, его способность быть вместилищем разного рода ощущений, которые не соотносятся напрямую ни с одним из органов чувств. Воздух не обладает в полной мере свойствами

материи, с одной стороны, и заполняет собой все пространство, с другой. Именно поэтому он оказывается заряженным свойствами духовными; воздух — это среда обитания таких явлений, как настроение, идеи, чувства, которые не приписываются никакому определенному носителю. Недаром *идеи носят в воздухе*; в стране может быть, согласно словарю политической метафоры, *раскаленный политический воздух* [1, 170]; воздух может быть *враждебным и напряженным*; *воздух кулис*, *воздух свободной страны* обладают особыми свойствами, не определяемыми в терминах пяти чувств. Знаменитые французские духи *L'air du temps* — «воздух времени» — призваны воплощать в себе дух своей эпохи. Именно этот воздух, создающий богатую почву для метафор, особенно любим в поэзии и прозе.

Пятым действием драмы

Веет воздух осенний (А. Ахматова);

...Как хорошо, что некого терять

И можно плакать. Царскосельский воздух

Был создан, чтобы песни повторять (А. Ахматова)

Поют деревья, блещут воды,

Любовью воздух растворен,

И мир, цветущий мир природы,

Избытком жизни упоен (Ф. Тютчев)

Словом, близким по значению к воздуху 2.1, является *атмосфера*; однако в семантике этого слова отсутствует компонент, исходный для воздуха: значение природного вещества и пространства, заполненного этим веществом. Тем самым *атмосфера* не обладает редким свойством соединения материальных и духовных свойств, того, что происходит от природы, и того, что вносится человеком. Воздух — среда, в которой локализируются те духовные явления, которые составляют атмосферу. Будучи наполненным какими-то духовными субстанциями, воздух остается природным явлением; такие контексты, как *идея носится в воздухе*, *в воздухе чувствуется приближение революции*, отчетливо ощущаются как метафорические.

Наделение воздуха духовными свойствами характерно для английского, немецкого и французского языков, но совершенно несвойственно багвалинскому.

Немецкое слово *Luft* может быть локализацией тех грядущих явлений, которые человек лишь предчувствует, не имея возможности наблюдать: *Veränderungen liegen in der Luft* (букв. 'в воздухе лежат изменения'). Немецкое выражение *dicke Luft* (букв. 'толстый, густой воздух') означает 'напряженная обстановка' — напр., в семье или на работе. Ср. также *die Luft ist rein* (букв. 'воздух чист') — опасности нет, можно идти.

В английском эти значения развиваются еще более активно: *a change of air* — 'перемена обстановки', *there was an air of poverty* — 'печать бедности'. Кроме того, английское *air* является сферой распространения информации: *to take air* (букв. 'взять воздух') — 'стать общеизвестным', *to give air to a*

plan (букв. 'дать плану воздух') — 'предать план гласности, сделать общеизвестным'.

3. И, наконец, третье значение русского слова *воздух* — тоже пространственное, но уже никак не связанное с представлением о воздухе как о веществе. Напомню, что обсуждались два типа пространственного употребления: 1) *воздух 1.1* — это пространство, открытое с трех сторон, где есть свежий *воздух 1* (*выйдем на воздух, бывать на воздухе*); 2) *воздух 2.1* — пространство, заполненное веществом, которое окружает человека повсюду, являющееся средой распространения запахов, звуков, а также духовных субстанций (*в воздухе запах весны; идея носится в воздухе*). *Воздух 3* — это пространство, открытое (не ограниченное) с четырех сторон, т.е. не имеющее основания, опоры. Антонимом этому воздуху является *земля*. По сути дела, мир оказывается разделенным на две части — на землю, представляющую опору для всего, неспособного летать, и воздух, являющийся пространством обитания того, что может существовать без опоры снизу, — прежде всего птиц и самолетов. *Птица думает: В воздухе мне не прожить, в лесу не прожить и на реке, выходит, тоже не прожить: я прятаться не умею* (В. Бианки)

В отличие от слова *небо*, обозначающего 'воздушное пространство высоко над землей' [3], слово *воздух* употребляется преимущественно тогда, когда необходимо подчеркнуть отсутствие опоры снизу: *подняться в в., висеть в в., болтать ногами в в.*; воздух представляет собой все пространство, не имеющее соприкосновения с землей.

*А кошка отчасти идет по дороге,
Отчасти по воздуху плавно летит!* (Д. Хармс).

Жаворонок видел, как бедный Подковкин, то бегом, то взлетая на воздух, с трудом добрался до Костяничной горки и скрылся в кустах (В. Бианки).

Она подпрыгнула и повисла в воздухе невысоко над ковром, потом ее медленно потянуло вниз, и она опустилась (М. Булгаков).

*По вторникам над мостовой
Воздушный шар летал пустой.*

*Он тихо в воздухе парил,
В нем кто-то трубочку курил...* (Д. Хармс).

Интересно, что этот воздух, в отличие от значения 1.1 (*выйдем на в., бывать на в.*), употребляется с другими предлогами, а именно, преимущественно с предлогом *в*; значительно реже встречаются также предлоги *по* и *на*. Был проведен эксперимент, в котором опрашиваемым предлагалось заполнить пробел в предложении предлогами *в* или *на*, при этом почти во всех контекстах было возможно употребление и того и другого. Например: *Аэропланы сначала бежали по земле, а потом — раз, два, три — оказывались уже ___ воздухе. На оказался очень непопулярным предлогом, по сравнению с в; если он и употребляется в описываемом значении, то в основном с глаголами поднять и подняться: Художник Тутин распечатал другой конверт и*

прочел «Товарищ профессор Трубочкин! Сколько нужно взять красных и синих воздушных шариков, чтобы они подняли меня на воздух? Женя Перов» (Д. Хармс).

Однако сама возможность использования этого предлога представляется любопытной, поскольку выражение *поднять(ся) на воздух* предполагает представление о наличии как бы опоры снизу: *Стул, плавно покачиваясь, поднимся на воздух и повис* — образ этой ситуации примерно такой: стул висит, поддерживаемый снизу воздухом. Здесь вновь возникает представление о вещественной, «непустой» природе воздуха.

В этом употреблении слово *воздух* является семантически наименее наполненным; его значение почти сводится к глобальной пространственной ориентации *верх / низ*. Довольно часто *воздух* в этих контекстах без ущерба заменим наречиями *вверх, вверху* (ср. *стул поднялся вверх и повис*). Правда, локализация пространства *воздух* несколько иная, чем пространства *верх воздух* — это все, что выше земли.

Описанное значение осваивается разными языками по-разному. Так, багвалинское слово *hawala* имеет набор употреблений, очень сходный с русским. Воздух может быть локализацией птиц, самолетов и всего, что не имеет опоры снизу: *šac'ib hawala eta behi* 'птица в (букв. на) воздух взлетела', *samaliot hawalašine etira:X ek',a* 'самолет по воздуху летит', *hebi uhu 'b hawala ek',ab dan?* 'что это там в (=на) воздухе?'. И даже космонавты в багвалинском языке оказываются помещенными в воздух: *kasmanawtadi hawala etiro 'w ek',a* — букв. 'космонавты в (=на) воздух полетели'. Существенное отличие, однако, состоит в том, что слово *hawala* никогда не употребляется в том значении, которое было описано в разделе 1 ('вещество, получаемое человеком через нос и через рот'), — в этих контекстах используется другое слово.

В немецком языке пространственное значение выражается тем же словом *Luft*, однако оно обнаруживает гораздо более ограниченное употребление по сравнению с русским *воздухом*. Использование слова *Luft* как локализации для физических объектов уместно только в контрастивных контекстах ('рыбки плавают в воде, а птички летают в воздухе') или для тех объектов, для которых пребывание в воздухе является исключительным событием. Например, сомнительным представляется выражение '*das Flugzeug ist in die Luft geflogen* ('самолет поднялся в воздух'), но можно сказать *der kleine Muck ist auf seinem Teppich in die Luft geflogen* ('маленький Мук поднялся на своем ковре в воздух'). Слово *Luft* не служит средством создания пространственной ориентации (верх — низ). По-немецки, глядя наверх, можно спросить «Что это там в небе?», но едва ли можно сказать «Что это там в воздухе?». *Was ist da am Himmel? / 'Was ist da in der Luft?* Заметим, что во французском языке ситуация прямо противоположная. Слово *air* может употребляться в тех контекстах, где русский использует *небо* или *верх*. *J'ai regardé en l'air (= vers le ciel) et j'ai vu un avion passer* — 'я посмотрел в небо и

увидел пролетающий самолет'; *j'étais allongé sur la plage les jambes en l'air* — 'я лежал на пляже, задрал вверх ноги' Кроме того, во французском возможно поэтическое употребление слова *воздух* во множественном числе, *les airs* имеет только пространственное значение — небеса: *la déesse est descendue du haut des airs* — 'богиня спустилась с небес' (но нельзя **du haut de l'air*)

Итак, *находиться в воздухе* значит не иметь опоры; такая локализация является нормальной для очень ограниченного ряда объектов: человек и явления человеческого мира должны на что-то опираться. На этом основываются такие метафорические выражения, как *вопрос повис в воздухе*, *моя поездка повисла в воздухе*, а также *поднять на воздух* (взорвать) и *взлететь на воздух* (взорваться) Та же метафора обнаруживается во многих других языках. Ср нем *Meine Entscheidung schwebt noch in der Luft* 'мое решение повисло в воздухе', англ *keep smb. in the air* — 'держат в неуверенности'. Человеку зазнавшемуся, потерявшему чувство реальности, по-багвалински можно сказать *me aš hawala ek'a, hatub he.raX gulačsa me* — букв. 'ты пока на воздухе, чуть позже поговорим с тобой'

Многие явления, рассмотренные для слова *воздух*, не являются специфическими, характерными только для этого слова. Так, переносы значения по типу «явление → пространство, где имеет место явление», «вещество → пространство, заполняемое веществом», являются вполне распространенными. Очеловечивание окружающего мира, наделение природных явлений духовными чертами тоже характерно для языка в целом, однако некоторые свойства воздуха как природного феномена создают особенно благоприятную почву для таких метафор. Бесплотность воздуха, как бы нематериальность, с одной стороны, а с другой стороны, несомненность его вполне физического присутствия в человеческой жизни располагают к тому, чтобы совместить в нем природное и умозрительное. В результате *воздух* осмысливается как физический, природный носитель духовных субстанций. Кроме того, присутствующий везде и заполняющий собой все «пустоты», воздух оказывается членом глобальной пространственной оппозиции верх—низ.

ЛИТЕРАТУРА

- 1 А. Н. Баранов, Ю. Н. Караулов. Словарь русских политических метафор. М., 1994.
- 2 Дж. Лакофф, М. Джонсон. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры. М., 1990.
- 3 Е. В. Урысон. Словарная статья Небо 1 // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. М., 1997.
- 4 Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1935.

ФОНЕТИЧЕСКАЯ СИМВОЛИКА ПРОСТРАНСТВА (СЕМАНТИКА ДОЛГОТЫ И КРАТКОСТИ)

О ВВЕДЕНИЕ

При выражении пространственных смыслов в русском языке активно используется удлинение и сокращение гласных. Эти количественные характеристики могут иконически выражать соответствующие значения темпорального пространства:

(1) — *Нам еще до-олго здесь сидеть!*

(2) — *Ра|з ра|з и готово!* (здесь и далее | означает маркированное сокращение гласного)

Можно считать, что такое иконическое использование долготы и краткости является исходным, прототипическим. Однако эти признаки могут использоваться и символически — для описания некоторых характеристик физического и ментального пространств. Внутри каждого из указанных пространств количественные характеристики гласных могут участвовать в оценке нескольких параметров. В частности, для темпорального пространства эти параметры таковы:

- дальность/близость события от референциальной точки во времени;
- отложенность/немедленность начала действия;
- неопределенность/определенность действия;
- протяженность/точечность действия

Имеется известный изоморфизм семантической структуры разных пространств, однако полного тождества, конечно, нет. Поэтому мы рассмотрим темпоральное, физическое и ментальное пространства отдельно. Долгота и краткость будут рассматриваться параллельно при анализе каждого смыслового признака — как внешнее выражение его маркированных смысловых значений.

Признаки долготы и краткости обнаруживают фонетическую асимметрию: имеется несколько ступеней удлинения, но лишь одна ступень сокращения. Как кажется, в речи семантически контролируется три ступени удлинения: малое удлинение, большое удлинение и эмфатическое удлинение. При малом удлинении длительность гласного увеличивается приблизительно на $1/3$ — $1/2$ относительно нейтрального значения для данного гласного. При большом удлинении (оно часто используется как иконическое средство — для обозначения временной протяженности или удаленности) длительность гласного увеличивается приблизительно вдвое. Такая длительность нормально обозначается в орфографии двойной буквой с дефисом посередине, и мы будем пользоваться этим средством. Что же касается малого удлинения, характеризующего, в частности, большинство замен одного заполнения семантической позиции на другое, то оно обычно не обозначается в орфографической запи-

си, хотя окказионально в таких случаях можно встретить и двухбуквенные написания, отражающие более долгую реализацию:

(3) — *Это кто сделал? Петя?*

— *Да какой Петя?! Ваня!/Ва-аня!*

Для простоты мы не будем различать «малого» и «большого» удлинений (тем более, что при риторическом подчеркивании разница между ними исчезает) и будем использовать стандартное двухбуквенное обозначение в обоих случаях. Эмфатическое же удлинение (длительность может увеличиваться здесь в три-четыре раза) будет изображаться трехбуквенными цепочками:

(4) — *Огро-о-омный!*

Следует отличать собственно количественную долготу от двуморовости, связанной со сложением двух тональных акцентов разной направленности на одном гласном (см. [5]):

(5) — *Муж согласился.*

— *А жена\-а!?*

Такая долгота в данной статье не рассматривается. Вне сферы рассмотрения, естественно, находится и неосознаваемое автоматическое удлинение конечного гласного в препаузальной позиции (*final lengthning*), которое не раз описывалось фонетистами.

Подчеркнем, что в общем случае долгота является совершенно регулярным (неэкспрессивным) просодическим средством, которое в диалогической речи используется очень часто. При этом она не обязательно выступает в комбинации с тональным переломом в составе сложного выделительного акцента [8] — возможны и чисто долготные акценты. В частности, встречается даже удлинение безударного гласного, не несущего тонального акцента:

(6) — *У них дене-ег...*

Далее, количество может выступать не только как акцентное (локальное) просодическое средство, но и как интегральная характеристика некоторой составляющей высказывания. В этом случае мы имеем не только удлинение гласного акцентной вершины группы, но и замедление темпа произнесения всех гласных, реализуемое через их удлинение. В таких примерах мы будем отмечать как удлинение акцентированного гласного, так и медленный темп (М) группы в целом:

(7) — *Как же мне поступи-ить?* (М) (задумчиво)

Аналогичным образом будем одновременно фиксировать как усечение акцентированного гласного, так и быстрый темп (Б) группы:

(8) — *Немедленно закро\й!*(Б)

1. ТЕМПОРАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО

Это пространство имеет чисто линейную организацию: события некоторым образом размещены на временной оси. Мы находим здесь несколько ипостасей абстрактной оппозиции, выражаемой долготой/краткостью. Рассмотрим их.

1.1. Дальность/близость от референциальной точки

В качестве референциальной точки обычно используется момент речи.

Примеры на дальность:

(9) — *Когда-а это еще будет.*

(10) — *Это когда-а еще было.*

(11) — *А он когда туда пошел?*

— *Да давно-о уже.*

(12) — *Это еще неско-оро будет.*

Как видим, направление удаления от точки отсчета (вперед или назад) значения для пространственной оценки (а, следовательно, для просодии) не имеет.

Здесь уместно сделать две оговорки, которые касаются как выше приведенных, так и всех последующих примеров. Во-первых, мы игнорируем в данной работе все просодические различия, кроме долготных, которые и являются предметом анализа. Во-вторых, маркированные значения длительностей выступают только в том случае, когда пространственная оценка осуществляется говорящим актуально, в данном акте речи. При дескриптивном введении такой оценки специфическая просодия отсутствует:

(13) — *Зачем об этом говорить, когда это всем давно известно.*

(14) — *Не жди его — он вернется нескоро.*

Ситуация здесь ничем не отличается от других случаев дескриптивного употребления смыслов, которые при актуальном использовании манифестируются интонацией [6].

Приведем теперь примеры на маркированную близость к моменту речи:

(15) — *Он то|лько что уехал. Вы опоздали на несколько минут.*

(16) — *Подождите! Он во|т-во|т придет.*

Сравните иную огласовку при дескриптивном употреблении во вставленных предложениях:

(17) — *Она говорит, что он только что уехал.*

(18) — *Она говорит, что он вот-вот придет.*

(Об утрате просодических характеристик предложения при его вставлении см. [9]).

1.2. Отложенность/немедленность осуществления действия

Приведем пару противопоставленных количественных характеристик для выражения этих двух смыслов:

(19) — *Ща-ас, ща-ас, подожди-ите!(М) Что вы меня торопите!*

(20) — *Ща|с-ща|с, одну секунду. Во|т-во|т начнем. (Б)*

Очень характерны огласовки команд стартера, «запускающего» начало спортивного соревнования:

(21) — *На старт! Внима-ание!(М) Ма|риш!(Б)*

Здесь первая команда нейтральна, вторая своей огласовкой предупреждает против фальстарта (запуск произойдет не сразу, а через некоторое время), а третья требует немедленного начала действия (= *Не засидись на старте!*).

К рассматриваемому классу случаев примыкают побудительные акты, отражающие специфику иерархических отношений говорящего и слушаю-

шего. Наряду с нейтральными повелениями, которые предполагают относительно равное положение участников, имеются такие маркированные побуждения, как приказы и просьбы. Приказы предполагают безотлагательное выполнение:

(22) — *Введи|те его.*

Напротив, просьба предполагает возможность задержанного исполнения (или отказа):

(23) — *Помоги-и мне!*

Повторная просьба превращается в упрашивание, длительность гласного в этом случае увеличивается:

(24) — *Ну, пожа-а-алуйста, помоги-и-и! Я же тебя прошу-у-у.*

Как разновидность просьбы могут трактоваться выкрики торговцев или обращения нищих:

(25) — *Ко-о-офточки, ко-о-офточки покупаем! Не проходим!*

(26) — *Пода-а-айте, Христа ради.*

1.3. Непредельность/предельность действия

Типичные примеры непредельности дают повторы глагольных форм:

(27) — *А он все да-авит, да-авит.*

(28) — *Что ты все но-о-еешь, но-о-еешь!*

Здесь доминирует идея невыхода из некоторого состояния вопреки ожиданию. К этому значению примыкают команды, предотвращающие выход из состояния, в котором пребывает адресат:

(29) — *Тя-янемся, тя-янемся, девочки!*

(30) — *Стои-им, стои-им!*

Их противоположностью являются команды прекращения прежнего состояния:

(31) — *Гру|та! Сто|й — ра|з, два|!*

Сюда же относятся всевозможные «остановы», для которых характерен быстрый темп реплики:

(32) — *Что ты де|лешь?! (Б) Прекрати неме|дленно! (Б)*

К их числу относится и «останов», направленный на предотвращение возможной ошибки в оценке ситуации:

(33) — *Она заболела. Но ничего серье|зного! (Б) Не волнуйся!*

1.4. Протяженность/точечность действия

В первом значении признака доминирует идея общей продолжительности состояния безотносительно к его пределу:

(34) — *Це-елый ча-ас (М) ехали!*

(35) — *Трудно ему было. До-олго не мог понять, в чем дело.*

Очень часто это значение соединено с идеей медленности протекания действия, хотя в общем случае это разные смыслы:

(36) — *Ме-едленно ехали.*

Особый случай континуальности составляют высказывания, как бы выводящие наружу внутренние психические процессы говорящего:

(37) — *Та-а-ак... Это прове-ерили. (М) Теперь э-этот блок смо-отрим. (М)*

(38) — *Сто-ой! Это же Ва-аня!* (М) (реплика задержанного узнавания)
Сравните требование немедленной реакции:

(39) — *Сто|й! Кто идет?* (Б)

Для континуальности особенно характерны недоуменные вопросы, демонстрирующие продолжающиеся попытки говорящего преодолеть интеллектуальные трудности:

(40) — *Ка-ак это могло случи-иться?* (М) *Не понимаю.*

Удлинение может символизировать и продление эмоционального состояния — положительного или отрицательного:

(41) — *Та-анечка!* (М) *Как я рад вас видеть!*

(42) — *Ва-аня-Ва-аня! Что же ты наделал!* (М)

Перейдем теперь к обратному смыслу. быстроты-краткости. Идея краткости, по-видимому, всегда кластеризуется с идеей быстроты осуществления действия.

(43) — *Ра|э-ра|з и все сделал.*

Обратное явно неверно — быстрота не обязательно предполагает точечность события:

(44) — *Бы|стро-бы|стро бежит*

Бежать можно быстро, но это не значит, что длительность бега коротка. В то же время краткость исключает идею медленности

Имеется и другой смысловой кластер, содержащий компонент быстроты — на этот раз в сочетании с идеей неожиданности. Он характерен для многих употреблений специфических глагольных форм, которые мы называем «быстрофонами»:

(45) — *Хва|ть его за шиворот.*

(46) — *А он пры|г в сторону и побежал.*

2. ФИЗИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО

Это пространство может мыслиться как линейно (одномерно), так и нелinearно. С долготным просодическим контрастом связано три смысловых оппозиции.

2.1. Дальность/близость относительно референциальной точки

Примеры дальности:

(47) — *Во-он он!*

(48) — *Далеко-о полетела стрела.*

(49) — *Оттуда еще о-ой как далеко ехать!*

Примеры близости:

(50) — *Да во|т он. Где ты ищешь?*

(51) — *Да оттуда два|ш а|га.*

Классический пример долготно-краткостной оппозиции дают обращения. При обращении к лицу, которое находится не рядом с говорящим, долгота иконически зависит от расстояния и может достигать многократного увеличения.

(52) — *Ва-аня-я! / Ва-а-аня-я-я!*

Напротив, обращение на близком расстоянии реализуется с усечением гласного:

(53) — Ва|нь, ты куда собрался!

Удлинение при большом расстоянии между коммуникантами одновременно выполняет и функцию защиты передаваемого сообщения от затухания. Характерны удлинения и в неапеллятивных компонентах призывных криков:

(54) — Ма-аша-а! Иди домо-ой!

(55) — Ми-тя-я! К телефо-ону!

Сравните также удлинения акцентированных гласных и замедление темпа при начале разговора по неисправному телефону:

(56) — Ма-аша-а! Я тебя пло-охо слы-ышу! (М)

Однако мотивация долготы в обращениях к удаленному партнеру связана в первую очередь с иконикой расстояния, а не с функцией защиты сообщения. Об этом говорит тот факт, что в ряде языков звательные формы, а также указательные местоимения и наречия со значением удаленности обнаруживают идентичные чередования гласных: узкие и широкие гласные переходят в соответствующие удлиненные средние: $i > e$; $u > o$; $a > o$: (см. [3]). Артикуляционный жест, который провоцирует такое изменение гласных, присутствует и в современном русском языке, — это смещение языка как целого назад-вниз. Однако в современном русском литературном языке качественное чередование гласных отсутствует (сравните древнерусские звательные формы на -о).

2.2. Непредельность/предельность маршрута движения

Как кажется, актуальное употребление этой оппозиции совмещено с идеей непредельности/предельности развития действия во времени:

(57) — Дорога уходила все да-альше, да-альше...

(58) — Мы уже были почти у цели и вдруг — сто|и, дорога перекрыта завалом.

2.3. Величина: большая/малая

Примеры линейного контекста для рассматриваемой оппозиции:

(59) — Она на таком автомобиле приехала — дли-инном-предли-инном!

(60) — Высо-окий такой парень!

(61) — Ну и текстик ты написал — кро|шечный!

(62) — Пиджачи|шка (Б) на нем — коро|тенький, какого-то цвета немислимого!

Интересно, что экспрессивные формы существительных с пренебрежительно-уменьшительным значением (типа пиджачишка, брючки, волосики) сочетают усечение гласных с артикуляционным (выдвижение нижней челюсти) и фонационным (скрипучий голос) жестами. Количественная просодия выражает идею малости, а артикуляционно-фонационная — идею ролевой доминанции и аксиологическое отрицание по отношению к «хозяину» оцениваемого объекта.

Возможна и нелинейная оценка величины:

(63) *Машина остановилась. Огро-омный ка-амень лежал на дороге.*

(64) — *Там всего меда-то осталось — с гу|лкин но|с!*

Однако в этом случае легко происходит переход на оценку в терминах параметра Magn, который предполагает удлинение безотносительно к большому или малому размеру оцениваемого объекта (см. ниже).

Имеются естественные метафорические осмысления сложного пути достижения цели как долгого, а более простого как краткого. Символика огласовок этому соответствует:

(65) — *Ну-у, это до-олгая история!*

(66) — *Иди пря|мо к нача|льнику.*

3. МЕНТАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО

Ментальное пространство дает наибольшее количество контекстных семантических вариантов морфем долготы и краткости. Мы представим ниже основные употребления, не пытаясь достигнуть полного покрытия всех случаев. Для большинства употреблений долготы/краткости в ментальном поле характерна нелинейность.

3.1. Введение дальнего/ближнего

Рассмотрим сначала ситуацию, когда имеет место заполнение некоторой незанятой семантической позиции. Кроме нейтрального заполнителя возможно два типа маркированных. В первом случае в качестве заполнителя выступает член, который оценивается говорящим как находящийся на далекой позиции на шкале ожидаемости:

(67) — *Кто это сделал?*

— *Ваня.*

— *Ах, Ва-аня.*

Можно считать, что в этом случае долгота выступает как совмещенный признак: она манифестирует не только эпистемическую удаленность термина, но и процесс перестраивания системы пресуппозиций. Если этот процесс затруднен, то возможны удивленные восклицания типа:

(68) — *Ва-аня это сделал?! (М) Невероятно.*

(69) — *Ах во-от оно что... (М) А я-то удивлялся.*

Обратная ситуация имеет место, когда в качестве заполнителя говорящим предлагается эпистемически ближайший член, почему-то «невидимый» для партнера:

(70) — *Кто же это сделал?*

— *Ва|ня (Б), кто же еще?*

(71) — *Где-ты их ищешь! Во|т же они!*

Сюда примыкает ситуация, когда новая информация только что ассимилирована и начинает выступать как отправная точка («близкое») для дальнейшего:

(72) — *Значит, он хо|лост. Тогда надо его женить.*

3.2. Замена ближнего дальним и дальнего ближним

Просодия показывает, что ситуация замены заполнения семантической позиции обычно осмысливается как переход к дальнему:

(73) — *Да это не Ваня. Это Пе-тя сделал.*

(74) — *Да какой там вторник. Четве-рег!*

(75) — *Я вам сказала — напра-а-аво! А вы куда идете?*

В последнем случае эмфатическое удлинение совмещает указание на необходимость замены с ддящимся давлением на слушателя.

Однако ситуация замены допускает и иную огласовку:

(76) — *Да это не Ва-аня. Это Пе|тя сделал.*

(77) — *Да какой там вто-орник — четве|рег!*

Очевидно, в этом случае действует иная логика: дистанцируется неверное заполнение, а верное интерпретируется как ближайшее.

Дистанцирование может быть связано с категорией релевантности: верное, но нерелевантное, интерпретируется как дальнее:

(78) — *Это ве-рно, но только ему от этого не легче.*

(79) — *Приехать-то он прие-ехал. Да вот денег не привез.*

Другой случай дистанцирования связан с оппозицией «свое/чужое». Чужая речь интерпретируется как «дальняя» и маркируется долготой:

(80) — *Он говорит: — Напиши-и, мол. А я не хочу писать.*

(81) — *А он мне жестом показывает — подойди-и, мол.*

Возможны и случаи дистанцирования от собственных поступков:

(82) — *Написал письмо?*

— *Написа-ал. Да зря все это.*

Интересный вариант описанной ситуации представляет собой передразнивание чужой речи с последующим отрицанием ее содержания в собственной. Чаще всего чужая речь передразнивается как медленная [1], и тогда последующая реакция говорящего оформлена ускоренным темпом, что символизирует его желание «закрыть» фрагмент дискурса.

(83) — *Помоги-и, помоги-и...(М). Заладил. Да не буду я тебе помога|ть! (Б)*

(84) — *Возьми-и, возьми-и...(М) Да не возьму|и все|тут! (Б)*

Гораздо более редкие случаи тараторящего передразнивания сопровождаются контрастным переходом говорящего на собственную медленную речь:

(85) — *Ты все твердишь «сделаю, сделаю...»(Б). Когда же ты сде-елашь, наконец? (М)*

Сравните более обычное распределение темповых признаков:

(86) — *Сде-елаю, сде-елаю...(М) Когда|ты сделаешь? (Б)*

К рассмотренным случаям примыкает различие огласовок реактивных реплик несогласия (отрицания) и согласия (подтверждения). Для первых типична долгота, для вторых краткость:

(87) — *Ну во-от (М), опять всё на меня.*

(88) — *Не-ет, так не пойде-ет! (М)*

(89) — *Во|т-во|т. (Б) Вы совершенно правы.*

(90) — *Охо|тно. Всегда готов вам помочь. (Б)*

Очевидно, здесь долгота одновременно показывает дальность «чужого» и интеллектуальное замешательство при его восприятии, а краткость — быстроту положительной реакции на «близкое».

Труднее проинтерпретировать быстрый темп переспросов:

(91) — *Какой-какой сорт, я не расслышал?* (Б)

Вероятнее всего, и здесь темп указывает на «близкое» — возврат к только что актуализованной номинации

3.3 Переход в другое подпространство/совмещение подпространств

Переход в другое ментальную область кодируется удлинением — оно означает удаление от ранее актуализованной зоны памяти

(92) — *Ты что-то грустный.*

— *Да до-ома опять неприятности.*

(93) — *Вы знаете, я недавно встречался с Гло-оба, и он произвел на меня большое впечатление.*

Такое использование удлинения чрезвычайно характерно при переключении на параллельную линию повествования

(94) — *Что касается мла-адишего брата, то он не любил таких забав.*

(95) — *А во дворце-е в это время полным ходом шли приготовления к свадьбе*

Напротив, совмещение отдельных событийных линий в какой-то точке кодируется краткостью.

(96) — *Я как раз мла|дишего брата лучше знаю.*

(97) — *Как раз во дворце|я его и видел.*

Хорошие примеры сопоставительного (удлиняющего) и отождествительного (сокращающего) употребления дает частица «же».

(98) *Серебро было пущено на монеты. Зо-олото же было оставлено в слитках.*

(99) *На ней были великолепные золотые серьги. Из зо|лота же и браслет.*

3.4 Удаленность от нейтрального

Высокая степень признака трактуется как удаленность от референциальной (нейтральной) точки и маркируется удлинением:

(100) — *Какая краси-ивая!* (М)

(101) — *Тако-оо белье-е!* (М)

Отметим, что Магн'ы имеют долготу только при актуальном статусе оценки, т. е. дескриптивные суперлативы нейтральны по долготе [4]:

(102) — *Она очень красива и думает, что ей поэтому все позволено.*

Абстрактная семантика интенсификации, реализуемая долготой, может подавлять встроенную семантику малости, которая нормально реализуется краткостью

(102) — *Такая ма-аленькая-маленькая!*

(103) — *У-узенький такой!*

Однако характерно, что в таких высказываниях сема малости сохраняет просодическое выражение в виде высокого регистра тона [7]. Впрочем, не все прилагательные, обозначающие малые размеры, способны к удлинению. Так, его не допускает лексема *короткий*.

Обратим внимание на то, что при сопоставлении использование долготы отнюдь не является обязательным. Если сопоставляемые члены не разнесены на оценочной шкале, то долготы нет:

(104) — *Старший стал физиком, а младший химиком.*

Напротив, любая поляризация сопоставляемых объектов на некоторой шкале ведет к удлинению при переходе ко второму члену сопоставления:

(105) — *Ваня ученый, а вот Петя — предпринима-тель*

Интересные свойства обнаруживает частица «даже». Обычно она вводит информацию, обладающую низкой эпистемической оценкой, а потому «удаленную» на шкале ожидаемости.

(106) — *Даже дире-ктор пришел*

Однако в контексте отрицания она, напротив, вводит наиболее «близкое» по ожидаемости, но не осуществившееся событие, которое может маркироваться краткостью:

(107) — *Он даже не заме|тл|л меня*

Остановимся, наконец, на специфических удлинениях в высказываниях с опущенными Magn'ами. Здесь долгота совмещает семантику высокой степени оценки и незавершенности вербального ее выражения:

(108) — *Народу пришло-о...*

(109) — *Нагорит ему-у...*

Здесь неопределенности качества соответствует непрекращающийся поиск подходящей вербализации, который предлагается продолжить слушающему.

3.5. Неопределенность/определенность

Долгота в сочетании с медленным темпом может кодировать сохранение концептуальной неопределенности, тем самым показывая необходимость продолжения процесса интеллектуального поиска:

(110) — *Что-то ты сегодня какой-то гру-устный. (М)*

(111) — *Какая-то она непоня-ятная-я... (М)*

(112) — *Не знаю. Может быть, за-автра поехать? (М)*

Аналогичным способом оформляются речлики, имитирующие стимул к процессу угадывания слушающим приятного события

(113) — *А кто у нас сейчас получит пода-арок? (М)*

Несколько иная техника используется для маркировки приблизительно-сти, неточности предлагаемой концептуализации. В этом случае долготный акцент не сопровождается общим замедлением темпа.

(114) — *Ну это у него как бы мета-афора что ли такая.*

(115) — *Было что-то чи-истое, не-ежное в этих отношениях.*

Напротив, концептуальное или вербальное попадание «в точку» или же полная однозначность интерпретации или поведения отмечается краткостью

(116) — *Что она вопит как резаная?*

— *О-о, точно сказал. Именно, вопи|т, а не плачет.*

(117) — *Смотри-ка! Пла|чет. Ей Богу, пла|чет.*

3.6. Неисчерпанность/исчерпанность

Одно из тривиальных использований долготы мы находим в незамкнутых сочиненных рядах с семантикой неисчерпанности, открытости множества

(118) — *Чего только не было в этом саду: я-яблоки, гру-уши, сли-ивы, сморо-одина, крыжо-овник...*

(119) — *Как он это любит: теа-атры, спекта-акли, роскошная пу-ублика...*

(120) — *Модель больша-ая, удо-обная, с большим бага-ажником...*

Напротив, усечение гласных сопровождается незамкнутыми рядами с семантикой исчерпанности, полного покрытия множества:

(121) — *Пришли абсолютно все: и Ко|ля, и Пе|тя, и Сере|жа, и Ви|тя...*

Аналогична кодировка открытости/исчерпанности текущего фрагмента дискурса. Дополнительные сведения, особенно аргументативного характера, кодируются долготой акцентированного гласного:

(122) — *А потом еще на ры-ынок пойдём. Так что ты нас не жди.*

(123) — *Подожди! Мне еще а-алгебру делать.*

Напротив, исчерпанность фрагмента дискурса или его прерывание символизуется усечением гласного:

(124) — *Хва|тит! Не хочу больше слушать! (Б)*

(125) — *Чего тут обсуждать? Ду|ра и все тут. (Б)*

(126) — *Все|! Коне|ц слава Богу! (Б)*

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ текстов звучащей речи показывает, что говорящий довольно часто занимается озвучиванием маркированных значений своих пространственных оценок. Он как бы постоянно отслеживает длительности, степени удаленности/близости и т.д. во всех видах пространств. Тем более удивительно, что семантическая сторона просодического количества до сих пор не привлекала внимания.

В значительной степени это связано с доминанцией интереса к тональным характеристикам и их иллокутивным функциям. Материал данной статьи обнаруживает необходимость в большем внимании к семантике и фонетике количественной просодии.

Из нашего изложения видно, как трудно определить инвариантную семантику разных употреблений просодических морфем долготы и краткости. Ситуация здесь аналогична той, в которой мы оказываемся при исследовании служебных морфем, частиц и лексем с непредметными значениями. Как было показано, наряду с прототипическими употреблениями долготных характеристик, которые носят иконический характер (долгота/краткость звучания гласных соответствует длительности реального времени описываемых событий), имеется масса гораздо более абстрактных значений, возникших в результате всевозможных ассоциативных употреблений.

ЛИТЕРАТУРА

- 1 Арутюнова Н Д Диалогическая цитация // ВЯ 1986 № 1
- 2 Арутюнова Н Д Типы языковых значений Оценка, событие, факт Гл VI М, 1988
- 3 Кодзасов С В Две заметки о звуковом символизме // Публикации Отделения структурной и прикладной лингвистики, 7 М, 1975
- 4 Кодзасов С В Смысл «очень» через призму просодии // Le mot, les mots, les bons mots Hommage à I A Melchuk Montreal, 1992
- 5 Кодзасов С В Комбинаторная модель фразовой просодии // Просодический строй русской речи М, 1996а
- 6 Кодзасов С В Интонация как показатель актуальности речевого действия // Труды международного семинара «Диалог-96» М, 1996
- 7 Кодзасов С В, Кривнова О Ф Фонетические возможности гортани и их использование в русской речи // Публикации Отделения структурной и прикладной лингвистики, 8 М, 1977
- 8 Николаева Т М Семантика акцентного выделения М, 1982
- 9 Падучева Е В Субъективная модальность и синтаксическая неподчинимость // Ed Z Saloni Metody formalne w opisie języków słowiańskich Białystok 1990

ПРОСТРАНСТВО В ОБЛИЧИИ ВРЕМЕНИ И НАОБОРОТ (К ТИПОЛОГИИ МЕТОНИМИЧЕСКИХ ПЕРЕНОСОВ)*

О, как внезапно кончился диван!

В. Вишневский *Одностишия*

1 МЕТОНИМИЧЕСКИЙ ПЕРЕНОС «ВРЕМЯ → ПРОСТРАНСТВО»

Слова и выражения, которые в своем первичном значении обозначают отрезок времени, могут обозначать — в порядке переноса по смежности — события, происходящие на данном отрезке времени и, следовательно, занимающие определенное пространство. Здесь можно говорить о метонимическом переносе «время → событие» или «время → пространство»:

- (1) *поговорим о будущем* = 'о том, что будет происходить — в определенном месте — в будущем',
расскажи про воскресенье = 'про то, что происходило / будет происходить — в определенном месте — в воскресенье'

С таким же переносом употреблено слово *мгновенье* в контекстах *Мгновенье, ты прекрасно* или *Я помню чудное мгновенье*.

В романских языках это изменение значения слова отмечается словообразовательным аффиксом, такая словообразовательная модель продуктивна, например, во французском:

- (2) день — *jour / journée*, утро — *matin / matinée*, год — *an / année*

В русском такого аффикса нет, и практически все слова, обозначающие отрезок времени, могут обозначать также и события, которые развертывались на этом отрезке; например:

- (3) и речь бежит из под пера
не о *грядущем*, но о *прошлом* (Бродский *Конец прекрасной эпохи*);
за окнами обычный *день*,
накрапывает *дождь*, *без* *ут* *машины* (*там же*)

Само слово *время* подвержено таким же метонимическим сдвигам:

- время* сейчас такое = 'обстановка',
эти, с такой силой обобщающие *время* и события стихи [19],
время было *тревожное* = 'жизнь в это время была тревожная' (Пастернак *Доктор Живаго*),
Зрелищное понимание биографии было свойственно моему *времени* (Пастернак *Охранная грамота*),
сейчас не *время* шутить = сейчас не такое *время*, чтобы шутить = 'сейчас окружающая нас реальность не такова, чтобы можно было шутить';

* Статья написана при финансовой поддержке INTAS, грант 96-0085, и Российского гуманитарного научного фонда, проект 99-04-00262а

дух времени — это господствующие взгляды и потребности людей, живущих в определенный период времени;

Творчество — всегда противоборство с *временем* и обстоятельствами (Новый мир, 1997 № 6);

в наше советское *время* = 'в нашей советской действительности'.

Л. К. Чуковская [19, 251] приводит следующее высказывание Ахматовой:

Я [Ахматова] убеждена, например, что мои стихи «И время прочь, и пространство прочь» никто не хочет печатать из-за слова *время*. Оно воспринимается не как философская категория, а как «наше советское время».

Когда *время* значит 'погода' (*Время ненадежно: ветер слегка подымается*, Пушкин), это тоже метонимический перенос; *хмурое утро* — это утро с хмурой погодой.

В принципе, любое обозначение отрезка времени может иметь, помимо собственного значения, метонимическое значение отрезка реальности, занимающего определенное положение в пространстве¹:

и голос из *13-го года* (Ахматова. Поэма без героя) = 'из эпохи 13-го года';

1940 год ощущался как погребение эпохи;

<...> социальная структура Запада в общем до сих пор аналогична тому, что существовало в России до 1917 года. <...> в определенном смысле *XIX век* на Западе еще продолжается. В России он кончился. (Бродский. Нобелевская лекция);

Бродский имеет в виду, что социальные структуры, характерные для XIX века, на Западе сохранились, а в России — нет. Далее то, что произошло в России, характеризуется как «социальная и хронологическая перемена», т.е. как изменение времени.

В отрывке из «Пиковой дамы» наполнение *этой минуты* событиями ясно из контекста, и именно они имеются в виду:

Головка приподнялась. Германн увидел свежее личико и черные глаза. *Эта минута* решила его участь.

Но ни один словарь не даст для слова *минута* значение 'события, происшедшие в эту минуту'. В МАС значение слова *минута* в контексте

И здесь героя моего

В *минуту* злую для него,

Читатель, мы теперь оставим (Пушкин. Евгений Онегин).

характеризуется как 'какой-либо определенный отрезок времени'. Между тем эпитет *злую* относится, конечно, не к отрезку времени, а к одновременным ему событиям.

Чтобы понять, что здесь происходит, надо разобраться в общей природе метонимии.

2. К ТИПОЛОГИИ МЕТОНИМИЧЕСКИХ ПЕРЕНОСОВ

Можно различить три рода явлений, которые естественно охарактеризовать как метонимические переносы.

I Метонимически связаны могут быть две концептуализации одной и той же ситуации. Причем та концептуализация, которая порождается буквальным смыслом метонимически употребленного слова, аномальна, т.е. воспринимается как образ, троп. Более реальное понимание предложения возникает за счет восстановления другого участника ситуации, связанного с данным отношением смежности. Классический пример метонимии — когда вместо «стаканы» заменяет собой содержимое:

(1) *Стаканы* пенялись и шипели беспрестанно (Пушкин *Выстрел*).

На самом деле в контексте (1) шипело и пенилось вино, но стаканы тоже присутствовали в ситуации; метонимический сдвиг только перенес их из периферии в центр. Еще пример:

(2) Вагоны шли привычной линией,
Подрагивали и скрипели
Молчали желтые и синие [вагоны],
В зеленых плакали и пели (Блок *На железной дороге*)

Метонимическое смещение и как правило возникающая при этом категориальная ошибка создают образ. Так, в (2) смещение фокуса внимания с пассажиров (которые на самом деле молчали) на вагоны — важный момент в проведенной в этом стихотворении внешней точке зрения на проходящие мимо платформы поезда

Интерес к метонимии — это следствие обращения лингвистов к связям между высказыванием говорящего и (воспринимаемой и осознаваемой им) действительностью. связи по смежности существуют не между смыслами, а в действительности. Но идя от ситуации действительности к ее концептам, можно говорить о соответственных — метонимических — связях между компонентами концептов ситуаций. Метонимический сдвиг — это смещение фокуса внимания. метонимия, «перенос по смежности», дает перенос внимания на объект, смежный с данным. Смежность может быть пространственной, временной или причинно-следственной, как при метонимии «автор → произведение» в контексте *когда мужик <...> Белинского и Гоголя с базаров понесет* (Некрасов). Употребления глаголов звука в значении движения (*свистят пули, по снегу хрустели шаги, за окном протарахтел мотоцикл*) тоже можно представить как метонимический перенос от события к воспринимаемому следствию.

II. Метонимический сдвиг может связывать два значения слова, зафиксированных в словаре, — если одно значение получается из другого смещением фокуса внимания. В этом случае метонимия служит инструментом семантической деривации

Смещение фокуса внимания бывает двойного рода: оно может касаться участников ситуации и компонентов толкования.

Примером первого рода (когда фокус внимания переносится на другого участника ситуации) могут служить два значения слова *рот*. МАС дает этому слову следующее толкование: «отверстие между губами, ведущее в полость между челюстями и щеками до глотки, а также сама эта полость». И действи-

тельно, слово *рот* имеет два прямых значения *во рту* значит 'в полости', а *тонкий рот, в уголках рта* — приблизительно то же, что *тонкие губы, в уголках губ*, т. е. имеется в виду отверстие. Впрочем, попасть в фокус и активизироваться² могут оба участника одновременно, так, *раскрыть рот* значит разомкнуть губы (отверстие), тем самым сделав доступной полость (ср [26, 125])

Пример второго рода, когда смещение фокуса касается компонентов толкования, — из [9] В (3а) в фокусе деформация, в (3б) — издавание звука, разным акцентам соответствуют разные лексемы одного и того же слова, связанные друг с другом отношением семантической деривации.

- (3) а *Кувшин треснул* = 'произошла деформация — быть может, сопровождаемая определенным видом звуком';
 б *Что-то треснуло в лесу* = 'раздался звук — быть может, вызванный деформацией определенного вида'

Между участниками ситуации и компонентами толкования есть почти прямая связь (она намечена в [1, 128] — участнику с данной ролью соответствует компонент толкования, выявляющий эту роль, см об Инструменте, Средстве и других ролях), так что в некоторых контекстах различение этих двух видов метонимии не имеет смысла, см (8) ниже

Фокусировка внимания на том или ином участнике или компоненте толкования — это, по-видимому, то же, что *профилирование* компонента (термин, используемый в когнитивной лингвистике, см [24])

Важный пример смещения фокуса внимания — метонимическое соотношение между событийным и стативным компонентом в семантике глагола совершенного вида. В реальности событие и порождаемое им состояние находятся в отношении пространственно-временной смежности, и в принципе, в концепт ситуации, описываемой глаголом, входят оба компонента. Но в контексте высказывания один из компонентов может быть акцентирован, а другой подавлен:

- (4) а Мой дядя *сломал* ногу [событие, и состояние, актуальное в момент речи].
 б Мой дядя в детстве *сломал* ногу [только событие состояние уже не актуально]

Русские причастия на *и/т*, будучи употреблены со связкой, оставляют возможность двойного выбора фокусировок

- (5) а. В этот момент окно *было*, наконец, *открыто* <и в комнату ворвался ветер> = 'на «этот» момент приходится действие открывания' [событие].
 б В этот момент окно *было открыто* <и мы наслаждались прохладой вечера> = 'в «этот» момент окно пребывало в открытом состоянии' [состояние]

А при отсутствии связки акцентирование событийного компонента невозможно, о чем писал в 1993 году Ю. С. Маслов, который ввел это для этой конструкции термин «статальный перфект», семантика формы фиксирует акцент на стативном компоненте, отсюда аномалия в (4б):

- (6) а В данный момент окно *открыто* [состояние].

б *Вчера окно *открыто*.

Фраза (7) не выражает в современном языке того смысла, который имеется в виду: сейчас надо было бы сказать *была отдана*, поскольку к моменту разговора, описываемого в стихотворении, это состояние уже не актуально:

(7) Скажи-ка, дядя, ведь недаром / Москва, спаленная пожаром / францу-
зу *отдана* (Лермонтов. Бородино)

Очевидно, во времена Лермонтова статальный перфект, фиксирующий акцент на стативном компоненте, еще не сформировался.

III Перенос фокуса внимания с одного участника на другого может иметь специальное выражение — с помощью синтаксической конструкции. Именно к этому сводится семантика диатетических сдвигов и расщеплений — в [12] было предложено трактовать изменение диатезы (в смысле [8]) как смещение фокуса внимания, а следовательно — как метонимический сдвиг³; ср. примеры:

(8) а. Я открыл дверь *новым ключом*; б. *Новый ключ* открыл дверь без труда.

(9) а. выбить *пыль* из ковра; б. выбить *ковер*.

(10) а. пробить *дыру* в стене; б. пробить *стену*

(11) а. вылечить *больного* от малярии; б. вылечить *малярию*.

В Центр, т е в позицию субъекта, как в (8), или объекта, как в (9)—(11), могут попадать то один, то другой из участников обозначаемой глаголом ситуации. С семантической точки зрения соотношение между (а) и (б) в (8)—(11) может быть представлено как перенос фокуса внимания с одного участника на другого, например, с пыли в (9а) на ковер в (9б).

Во многих случаях ситуация такова, что если один из участников выходит на передний план, то какой-то другой отступает на задний или вообще уходит за кадр, ср

(12) рубить лес (на дрова) — рубить дрова;
уложить вещи в чемодан — уложить чемодан (пример из [20]).

Семантика глагола и конструкции может закреплять внимание на одном участнике. Так, *следовать* можно, в принципе, откуда-то, куда-то, за кем-то и т.д.; но в контексте (13а) нельзя сказать «откуда?», а в (13б) нельзя сказать «за кем?»:

(13) а. X следует за Y-ом, б. из Y следует X.

Границы между выделенными нами тремя типами метонимических переносов не всегда ясны. Отличие типа II от типа I основано на том, что метонимия, как и метафора, бывает живая и стершаяся, т.е. уже закрепленная в значении слова. Тип I — это живая метонимия, которой соответствует продуктивное правило переноса (ср. *вскипятить чайник*); тип II — стершаяся. При метонимии типа I высказывание дает две концептуализации ситуации метонимическую, которая соответствует его буквальному смыслу, и прямую, которая должна быть восстановлена, а при метонимии типа II — одну. Живая

метонимия обычно не фиксируется словарем, однако полной последовательности здесь трудно ожидать.

С другой стороны, тип III сближается с типом I в том, что оба могут использоваться в целях порождения художественного эффекта, ср. явно значимый перенос фокуса внимания с Агенса (т.е. того, кто стреляет) на деталь Инструмента в (14):

(14) В граненый ствол уходят пули,

И *шелкнул* в первый раз курок (Пушкин. Евгений Онегин).

Метонимия типа III, диатетический сдвиг, была подробно рассмотрена в [12]. В данной работе мы сосредоточимся на типе II (т.е. на метонимических связях между разными значениями слова) в его соотносительности с типом I.

3. ОНТОЛОГИЧЕСКАЯ МЕТАФОРА И ЕЕ РОЛЬ В СЕМАНТИКЕ ЛЕКСИКИ

Для выявления метонимических связей между значениями (лексемами) слова важна принадлежность лексемы к таксономической (а ее денотата — к онтологической) категории.

В [23] было показано, что онтологические категории (такие как ОБЪЕКТ и СУБСТАНЦИЯ; СОБЫТИЕ, ПРОЦЕСС, ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, СОСТОЯНИЕ) — это, как правило, метафоры: концепт соответствующих классов основан на метафорическом переносе свойств одних объектов на другие. Характерный пример метафорического концепта — ВМЕСТИЛИЩЕ. Центр этого класса составляют прототипические вместилища — *чашка, дом*; денотаты этих имен — объекты, которые имеют ограничивающую поверхность и, соответственно, внутреннюю и внешнюю область. Но кроме того, к той же категории вместилищ относятся, скажем, *вода и воздух*; а на периферии ее находятся чувства и состояния, которые язык тоже мыслит как вместилища (*Он в ярости; Я в тревоге*). Получается, что принадлежность слов к одной и той же категории в существенной степени опирается на сходство сочетаемости — которая, по крайней мере частично, основана на стершихся и семантически не полностью мотивированных метафорах. Что, однако, не исключает возможности применения такого рода концептов в лексикографии, поскольку необходимой составляющей толкования слова является его родовая категория (*genus proximum*)⁴. Ниже мы рассмотрим несколько примеров неочевидных родовых категорий, оказавшихся полезными при описании метонимических переносов.

В работах [2, 352ff; 16], было привлечено внимание к словам типа *воля, память, ум, сознание, интуиция, воображение, слух*. Словари последовательно указывают для таких слов ближайшую родовую категорию СПОСОБНОСТЬ. Между тем сочетаемость и контекстные изменения смысла скорее роднят их с такими словами, как *рука, желудок*, что дает основание сопоставить им метафорический концепт ОРГАН, в своем исходном конкретном значении — обособленная часть тела человека (а также, возможно, и других живых существ), предназначенная для выполнения определенных

функций, т.е. способная производить определенные действия, выдавать адекватные реакции и под., ср. *органы речи; дыхания; пищеварительные органы*⁵.

Рассмотрим, например, слово *память*. В словарях *способность* определяется как 'свойство мочь' (удар по голове лишил его способности *соображать*); но в соответствующем контексте слово *способность* может также быть именем факта (*обнаружил, доказал способность*); параметрическим именем (*покупательная способность понизилась*), именем количественно измеряемой субстанции (*способность велика*) и даже названием органа (*напряги свои умственные способности*). Между тем для слова *память* все эти употребления (кроме последнего!) исключены. Так что конкретный концепт ОРГАН гораздо лучше подходит на роль обобщающей категории для слова *память*, чем СПОСОБНОСТЬ.

Например, только метафорический концепт ОРГАН оправдывает такие употребления слова *память*, как: *напрягать память; развивать память; память воскресила; изменила, отказала; отшибло память (как палец), потерял память (как потерял почку). Память слабеет* — значит, что орган памяти функционирует хуже.

По аналогии с другими именами органов (например, *сердце, легкие*) «орган памяти» представляется как имеющий границы; поэтому он может мыслиться и как ВМЕСТИЛИЩЕ. В этой категории слово *память* выступает, в частности, в сочетаниях с глаголами *врезаться в ~, изгладиться из ~и; память сохранила / хранит; храни в ~и; поройся в ~и*.

Можно было бы подумать, что в сочетании *вернулась память* родовая категория для *память* — способность: *вернулась способность* — нормальное сочетание. Однако поскольку *вернуться* здесь не имеет своего прямого значения глагола движения, можно считать, что речь идет об органе памяти, который перестал и вновь начал нормально функционировать. В сочетаниях *хорошие глаза, слабые мозги* речь идет об органах, хорошо или плохо выполняющих свою функцию. В сочетании (*не хватило ума*) количественно измеряемая субстанция — это мощность ума, сила его активности, а не способность. Метонимический перенос от органа к его мощности допускают имена «настоящих» органов: *мозгов не хватает; насколько хватает глаз*. Ср. у Маяковского метонимию *отращиваю глаз* в значении 'тренирую зрение'.

Память как орган может вызвать сомнение, если считать, что орган — это часть тела, и потому она должна находиться где-то в пределах тела. Однако семантический анализ слова *душа* в [28] открыл дорогу в семантику для метафизических сущностей: душа существует, несмотря на то, что для нее нет места в трехмерном пространстве (и, согласно [17], имеет родовую категорию ОРГАН). С памятью — аналогично.

Метафорический концепт ОРГАН позволяет выявить метонимические соотношения в семантике слова *голос* (см. [9]). В своем первичном значении *голос* — это орган, предназначенный для издавания звука, т.е. то же, что *голосовые связки*, ср. *Чей-то голос произнес*. В контексте *голос пропал* можно сказать, что пропала способность выполнять соответствующую функцию.

Но и здесь способность категоризуется как орган: *голос* ведет себя так же, как *глаза, ум, память*, ср. *слабый голос, слабые глаза, острый ум, прочная память*.

Голос как орган характеризуется прежде всего с точки зрения свойств издаваемых звуков (*низкий голос, слабеет голос мой; голос мой отроческий зазвенел*), ср. [7].

Слово *голос* может иметь и другое значение, метонимически связанное с первым, а именно, обозначать актуально издаваемый звук: *раздался, послышался голос, твой голос до меня не доходит*. Поскольку орган — это инструмент (в данном случае — предназначенный для издавания звука), а инструмент для издавания звука — частный случай Источника звука, мы имеем здесь дело с метонимическим переносом «источник звука → звук»: *слышу голос* — как *слышу колокол, скрипку* и т.д. Так, во фразе *Голос у нее звенит* глагол *звенеть* обозначает свойство Источника (так же как в *Эти бокалы звенят как бубенчики*), а *В вечернем воздухе звенели женские голоса* имеет бытийное значение, как в *Звенела музыка в саду*.

Метонимический перенос «источник звука → звук» объединяет слово *голос* (в значении 'орган') с названиями музыкальных инструментов: все названия музыкальных инструментов (и их активных частей, например, *струна*) могут обозначать и самих себя и, метонимически, издаваемый звук, ср. *играю на скрипке / слышу скрипку*. Так что метонимический потенциал слова *голос* удачно выявляет связь между органами и устройствами, наметченную в [21].

Итак, обращение к категориям позволяет выявить у слова *голос* два метонимически связанных значения, одно имеет родовую категорию ОРГАН, другое — ЗВУК. Но вместилищем *голос* не является: *в голосе* может быть только 'в звуках голоса'.

Другой пример роли категорий в метонимических переносах — слово *время*. Язык предлагает нам модель мира, включающую метафизический процесс поступательного движения времени [14]: время идет приблизительно так же, как идет дождь или снег, только всегда и не в реальном пространстве (поскольку реальное пространство — мир — само является субъектом этого процесса), а «в 4-м измерении»; лексема *время 1* обозначает бесконечный процесс движения мира по временной шкале, а *время 2* — отрезок такого процесса. Так что *время 1* и *время 2* связаны как целое и часть. Отсюда наличие многочисленных гипонимов у *время 2* (*суббота, вечер* и под.), при полном отсутствии их у *время 1*, а также сходства и различия в сочетаемости этих лексем. Примеры ниже — из книги Бродского «Уrania» (*время 1* течет, поэтому оно подобно воде):

*Время, текущее, в отличие от воды,
горизонтально от вгорника до среды,
в темноте там разглаживало бы морщины
и стирало бы собственные следы;
как время ни целебно...*

Лексема *время 2* (и ее гипонимы), в отличие от *время 1*, сочетается с фазовыми показателями:

по отсутствию дыма я узнавал бы о наступлении *воскресенья*,
март на исходе

Но возможность употребления в каузативном контексте у *время1* и у *время2* одинакова.

Все, что мы звали личным,
 что копили, греша,
время, считая лишним,
 как прибор с гольша
 стачивает,

Летом столицы пустеют. *Субботы* и отпуска
 уводят людей из города.

Сходство отрезков времени с обычными процессами очевидно, ср. *Двадцатый век кончается* и *собрание кончается*; *день длился* и *длилась пытка счастьем*; *прошла среда* и *прошли ядерные испытания*. Отрезки времени и процессы одинаково ведут себя в контексте слов *конец*, *начало*. Так, *конец*, в одном из значений, — это, согласно словарям, последний момент (процесса или отрезка времени) и примыкающий к нему отрезок (процесса или отрезка времени); а *начало* — первый, ср. *в начале концерта* и *в начале января*.

4. ПРИМЕРЫ МЕТОНИМИЧЕСКИХ ПЕРЕНОСОВ

Перечни метонимических переносов, приводимые в разного рода учебниках и пособиях, сходны в том, что они всегда неполны. Так, список из [27] включает переносы: ВМЕСТИЛИЩЕ → ВМЕЩАЕМОЕ; АВТОР → ПРОИЗВЕДЕНИЕ; МАТЕРИАЛ → ИЗДЕЛИЕ, ОЗНАЧАЮЩЕЕ → ЗНАК, ЧАСТЬ → ЦЕЛОЕ; ЦЕЛОЕ → ЧАСТЬ, ПРОИЗВОДИТЕЛЬ → ПРОДУКТ, МЕСТО → УЧРЕЖДЕНИЕ и др. Но он не включает таких важных типов переносов как «отрезок времени → занимаемое им событие» (то, что в разделе 1 было условно названо переносом «время → пространство»), ИСТОЧНИК ЗВУКА → ИЗДАВАЕМЫЙ ЗВУК (см раздел 3); ЧАСТЬ ТЕЛА → БОЛЕЗНЬ (этой части тела), см [20, 104]. Едва ли, вообще, этот перечень можно сделать полным⁶, ср. заголовок в газете «Стриндберг продолжает эпатировать Москву», где речь идет о новой постановке в Москве когда-то нашумевшей пьесы Стриндберга. Все это продуктивные переносы.

Ниже мы рассмотрим некоторые примеры метонимических переносов (не обязательно продуктивных) — в основном такие, которые связаны с категориями времени и места

ДЕЙСТВИЕ⁷ → ВРЕМЯ (т. е. продолжительность) ДЕЙСТВИЯ:

- (1) а. *весь поход* молчал,
 б. *всю дорогу* плакала.

Этот тип метонимии упоминается в [20, 100]. В примере (1б) дополнительный сдвиг, касающийся слова *дорога*: согласно МАС, это слово имеет, в числе прочих, следующие два значения: 1) полоса земли, служащая для езды и ходьбы; 2) путешествие, поездка; например. *после дороги лег отдохнуть, в дороге не спал*. В (1б) слово *дорога* употреблено в этом втором, процессном значении.

ДЕЙСТВИЕ → ВРЕМЯ (собственно время)

Отглагольные имена событий обычно соединяются с тремя предлогами — *до, после и во время*, и каждый предлог актуализует свой компонент семантики имени — начало, конец и развитие события

(2) до приезда, после праздников,

(3) в Рождество, во время войны (свадьбы, переезда)

При этом получает семантическое объяснение аномалия в (4) — имена, образованные от моментальных глаголов, предлога *во время* не допускают, поскольку у них отсутствует процессный компонент, требуемый семантикой этого предлога

(4) *во время прихода, *во время ухода

ДЕЙСТВИЕ → МЕСТО ДЕЙСТВИЯ

На вопрос «Где он?» можно ответить *На лекции, на концерте, на репетиции* и т. д. Разумеется, аспект места выявляется в значении такого действия, которое мыслится как происходящее в определенном месте. В сочетании *письмо с дороги* тот же самый метонимический переход от слова *дорога* в процессном значении к месту, где идет процесс

Место и время вообще могут иметься в виду одновременно, ср. *на пробуксовке* в примере, который приводится, в другой связи, в [5, 331].

Пришлось бы каждый рыбозавоз протаскивать тракторами, портиль машины, жечь *на пробуксовке* покрышки и горючее (Правда янв 1981)

СВОЙСТВО → МЕСТО

Этот переход можно видеть в значении слов *темнота, теснота, тепло, чистота, пустота, духота, высота* и др., ср. *темнота помещения* и *сидеть в темноте*. Обычно эти слова не просто обозначают часть пространства, а имеют метафорическую категорию МАССА (заполняющая пространство)

сидеть в *тепле*, в *тесноте*, да не в обиде

Менее продуктивен, но все-таки допустим переход в обратную сторону — от места к развертывающимся на этом месте событиям и процессам, событиям, деятельности

МЕСТО → ПРОЦЕСС (развертывающийся на этом месте)

В строчке Ахматовой, конечно, не имеется в виду реконструкция города а тому *переулку* наступает конец

Среди переходов типа ЧАСТЬ → ЦЕЛОЕ следует выделить переходы от граничных точек к примыкающим поверхностям и пространствам

ПОВЕРХНОСТЬ → ПРОСТРАНСТВО (примыкающее к этой поверхности)

Здесь примером может служить слово *небо*. БАС дает толкование 'видимое над поверхностью земли воздушное пространство в форме свода, купола', представляя небо как трехмерную сущность — ПРОСТРАНСТВО. Однако сочетания типа *на небе, с неба, под небом, небо высокое* заставляют думать, что *небо* в русском языке изначально концептуализуется как поверхность — в фор-

ме свода. (В словарях говорится «в форме свода, купола», но нужно — именно «свода», поскольку купол представляется взору с двух сторон, и чаще всего — с внешней, ср. *видны купола*, тогда как свод люди видят обычно с внутренней стороны; поэтому *под сводом*, но **над сводом*.) Родовая категория ПОВЕРХНОСТЬ объясняет употребления *на небе*, *с неба* и невозможное **из неба*.

В своем другом значении, *небо 2*, это слово обозначает воздушное пространство, примыкающее к тому «как бы своду», который составляет денотат лексемы *небо 1*; а родовая категория ПРОСТРАНСТВО объясняет употребления *В синем небе звезды блещут*, *Высоко в небе летит самолет*, *Прозрачно небо* и т.д. Ясно, что второе значение — результат метонимического переноса: захват смежной области. То, что перенос именно в эту сторону (от *небо 1* к *небо 2*), видно из того, что он произошел не полностью: **из неба невозможно*. Можно думать, что в толковании лексемы *небо 1* участника 'воздушное пространство' нет (ср., однако, [18]).

Для нашего описания существенно, что *небо 1*, как и *свод*, имеет родовую категорию ПОВЕРХНОСТЬ — а не ВМЕСТИЛИЩЕ: для слов последней категории перенос на содержимое характеризуется абсолютной продуктивностью, см. пример *стаканы пенились* в разделе 2. А тенденция к переносу с поверхности на прилегающую область гораздо слабее.

Семантическое дерево у слова *море*, которое тоже допускает и трехмерную и двумерную трактовку (возможно *в море*, *из моря* и *на море*, *с моря*, см. Рахилина 1998), устроено иначе, чем у слова *небо*. Исходная категория слова *море* — ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ ОБЪЕКТ, а употребление, при котором актуализуется поверхность, не воспринимается как изменение значения слова: можно сказать *в* и *на снегу*, *в* и *на доме*, и т.д. Вообще, слово с одним и тем же значением может совмещать принадлежность к нескольким категориям, ср. пример из [15]: *колодец* — это УСТРОЙСТВО и ВМЕСТИЛИЩЕ.

ГРАНИЦА (линия) → ПРИЛЕГАЮЩАЯ ПЛОЩАДЬ

Например, слово *круг* обозначает и границу — окружность, и все ограниченное ею внутреннее пространство. Поэтому можно сказать и *за Полярным кругом*, и *в Полярном круге* (Бродский. Конец прекрасной эпохи); впрочем, последнее — изыск.

Перенос непродуктивен и обычно ограничен определенным набором контекстов. Ср. неправильное употребление сочетания *черта оседлости* в примерах из (5б), (5в) (взятых из предисловия к двухтомнику Бабеля, изданному в 1972 г.), где *черта* должна пониматься с метонимическим переносом — как территория, ею ограниченная:

- (5) а. не видящих иного выхода за *черту оседлости*;
 б. *Одесса была крупнейшим центром еврейской *черты оседлости*;
 в. *не имея права жительства за пределами *черты оседлости*.

При этом *в черте оседлости* (= 'на территории, ограниченной этой чертой') сказать можно, как и *в черте города*, *в прежних границах*, т.е. метонимический перенос возможен только в определенных синтаксических контекстах.

Тот же метонимический переход, но в линейном случае — от границы к интервалу, который этой границей заканчивается или начинается, возможен для обозначений времени. Известный пример — *неделя*: первоначально — воскресенье; ср. польск. *tydnie*, род. *tygodnia*, первоначально — 'день недели с тем же названием, что данный'. Ср. также этимологию слова *год*: первоначально — договорный срок (т.е. момент времени), до которого можно «годить».

Метонимический переход в обратную сторону — от временного интервала к границе — настолько продуктивен, что даже не замечается: *до субботы* значит 'до начала субботы', а *после субботы* — это 'после конца'.

Захватывать соседнюю территорию могут не только границы, но и другие выделенные пространственные объекты, ср. *на реке, на даче, на лыжне, поехал на мельницу* и т.д.

Почему метонимические связи между значениями слова надо фиксировать?

Метонимические связи между значениями слова и явления сдвига фокуса внимания необходимо рассматривать в их единстве, поскольку одни проливают свет на другие.

Если между двумя значениями слова есть метонимическое отношение, в особенности продуктивное, то слово обычно не ощущается как многозначное. Так, словарное толкование для *рот*, о котором уже шла речь, различает два возможных денотата этого слова — отверстие и полость; а в толковании слова *небо* поверхность и пространство не различены, хотя из приведенных примеров в одних явно имеется в виду двумерное небо, а в других — трехмерное. Дело в том, что слово *небо* по характеру своей неоднозначности похоже на многие другие слова, а связь между двумя значениями слова *рот* более уникальна. Впрочем, возможно, это просто непоследовательность.

Метонимическая связь между значениями слова может быть причиной нарушения одной из самых общих семантических закономерностей — состоящей в том, что одно слово не может быть употреблено в предложении одновременно в двух своих значениях. Так, в примере (6), из [9], *пианино* в его отношении к сказуемому *бередит* должно обозначать не сам музыкальный инструмент, а его звук, поскольку только звук может воздействовать на слух; между тем *разбуженное* относится к инструменту:

(6) Одним пальцем разбуженное *пианино* бередит слух (Бродский)

Такое совмещение двух значений в одном употреблении возможно только благодаря тому, что между инструментом и звуком, как говорилось выше, имеется метонимическая связь. Другой пример. В строчке из романа —

(7) глядя задумчиво в небо высокое —

эпитет *высокое* заставляет понимать *небо* в значении *небо1*, а *глядеть в* — в значении *небо2*.

Метонимические связи между компонентами значения слова или грамматической формы могут объяснить межъязыковую общность парадигм

семантической деривации. Так, Л. Талми [25] обращает внимание на то, что в семантике глагола пребывание в состоянии часто (т. е. во многих разных языках) сочетается с входением в него, но не с выходом. См. пример (8) — глагол *hid* 'прятаться' может иметь значение перехода в состояние, (8а), и значение пребывания в состоянии, (8б); но не значение выхода из состояния:

- (8) а. He hid in the attic when the sheriff arrived 'спрятался';
 б. He hid in the attic for an hour 'прятался';
 в. *He hid out of the attic '*выпрятался'.

Если принять во внимание метонимические связи между компонентами толкования глагола СВ (см. раздел 2), эта квази-универсалия получает естественное объяснение: состояние метонимически связано с порождающим его событием — как следствие с причиной; а между состоянием и выходом из него такой естественной связи нет.

Выявление метонимической соотношенности значений в составе данного слова может упростить семантическое описание слов, которые с ним связаны.

Так, слово *давно* эксплуатирует вышеуказанную смежность событийного и стативного компонентов в «перфектной» ситуации: в (9а) *давно* = 'long time ago', акцентируется событийный компонент; в (9б) *давно* = 'for a long time', выделен стативный компонент; а в (9в) актуализованы оба компонента одновременно:

- (9) а. Он умер *давно*, больше столетия тому назад;
 б. Мы живем здесь *давно*, третий год;
 в. — Почему Вася не идет? — Да он *давно* пришел (↔ 'он давно здесь').

Т.е. два значения *давно* различаются тем, какой из компонентов толкования глагола (а эти два компонента есть у большей части глаголов СВ) оказывается сферой его действия и актуализуется.

Такую же природу имеет многозначность слова *быстро*, у которого можно различить два значения — 'с большой скоростью' и 'через короткий срок', т.е. 'немедленно'. Значения легко переходят одно в другое, поскольку эти два свойства движения связаны друг с другом как причина и следствие: если движение имеет большую скорость, то результат (конечное состояние) наступит через короткий срок.

Пространственно-временная смежность событийного и стативного компонента перфектной ситуации нетривиальным образом связана с семантикой союза *пока*. Квази-синонимичность предложений (10б) и (10в) объясняется временной смежностью того отрезка времени, когда ситуация (вылезание) еще длится, с наступлением состояния, когда она уже закончилась; при этом значение *ждать* в (10б) и (10в) неодинаково — в (10б) субъект заинтересован в том, чтобы ситуация наступила, а в (10в) речь идет только о времени его пребывания в определенном месте (см. о значении *пока* в [3]):

- (10) а. Он ждал, пока они *вылезали*;
 б. Он ждал, пока они *вылезли*;
 в. Он ждал, пока они *не вылезли*.

* * *

Всем сказанным мы хотели обратить внимание на следующее.

Метонимия в языке носит всеобъемлющий характер и требует динамического подхода к семантике лексики (грамматики, впрочем, тоже), т. е. дополнения словаря продуктивными моделями преобразования толкования под воздействием контекста. Имеющийся в распоряжении современной лингвистики концептуальный аппарат пока не дотягивает до уровня этой задачи. Как мы видели, обязательное условие успешного проникновения в природу действующего в языке механизма метонимического переноса — разработка системы таксономических классов, категорий и суперкатегорий лексических единиц. Можно упомянуть два момента, которые делают эту задачу достаточно сложной.

1) Таксономические категории, которыми пользуется язык, часто имеют то ли метафорическую (ср. [23]), то ли метафизическую [28] природу, что мы видели на примере концептов ОРГАН и БЕСКОНЕЧНЫЙ ПРОЦЕСС.

2) Одно и то же слово часто позволяет рассматривать свой денотат в разных аспектах, т. е. подводить его под разные категории, не будучи неоднозначным. Это было продемонстрировано на примере совместимости концептов ОРГАН и ВМСТИЛИЩЕ слова *память*; концептов ПРОСТРАНСТВО и ПЛОСКОСТЬ слов *море*, *снег* и др.

До последнего времени изучение метонимии было уделом поэтики, которой с динамическим устройством лексики волей-неволей приходится считаться. Углубленное исследование метонимии должно быть полезно не только для самой лингвистики, но и для поэтики. Так, в работе [4], исследующей идиостиль Маяковского, метонимический перенос

улица корчится безъязыкая / Ей нечем кричать и разговаривать

отнесен к типу «вместилище → содержимое»: имеется в виду не сама улица, а населяющий ее городской люд. Возникает, однако, вопрос, почему в этом контексте метонимия создает троп, в то время как в контексте *вскипятил чайник* метонимия того же типа тропа не порождает. Очевидно, дело в том, что хотя перенос «вместилище → содержимое» носит глобальный характер, категоризация предмета, лежащая в основе переноса, может быть разной степени метафоричности. Метонимия «улица → городской люд» требует отнесения множества людей к категории МАССА. Но эта специфическая категоризация несовместима с теми, которых требуют другие предикаты, применимые к той же сущности. Отсюда усиление тропа в

улица присела и заорала.

В любом случае, язык поэзии — это для лингвистической семантики заманчивый вызов (*challenge*), который она, конечно, обязана принять.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Для слова *эпоха* значение отрезка реальности, ограниченного определенными временными рамками (а не просто отрезка времени), фиксируется в словаре, ср. *эпохи 30-х годов, которая именуется 37-м годом* [19, 321].

- ² Активация — то же, что актуализация и акцентирование (участников и компонентов толкования), см. [9; 10; 13].
- ³ Трактовка диатетических сдвигов как относящихся к сфере метонимии намечена в [20].
- ⁴ Ср. о роли категорий в словарных дефинициях [6].
- ⁵ Обоснование концепта ОРГАН было дано в [21, 51], где проводится аналогия между органом — частью тела человека — и частью устройства: «Орган — какая-то часть устройства (например, человека), которая совершает один и тот же круг действий (например, рука, разум, воля и т.д.)».
- ⁶ См. классификации метонимических переносов в [22, 328; 4, 404].
- ⁷ Упрощая, мы в некоторых случаях используем, по традиции, слово «действие» в качестве обобщающей категории для действий, терминативных процессов, деятельностей, имеющих начало и конец (так сказать, мероприятий — таких, как концерт, лекция).
- ⁸ Как известно, обстоятельства места могут пониматься в значении времени (*Поеду я в Лондон или нет — не знаю, это решится в Висбадене* = 'когда я буду в Висбадене'). Метонимия ли это — неясно.
- ⁹ Слова *свет* (ср. *на свету*), *тьма*, *мрак* тоже имеют в качестве своих родовых понятий концепты ВМЕСТИЛИЩЕ и МАССА: *Тьма, пришедшая с Средиземного моря* (Булгаков).

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. М.: Наука, 1974.
2. Апресян Ю. Д. Избранные труды. Т. II. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995.
3. Барентсен А. Об особенностях употребления союза *пока* при глаголах ожидания // *Studies in slavic and general linguistics*. I, Amsterdam, 1980.
4. Гаспаров М. Л. Избранные труды. Том II. О стихах. М.: Языки русской культуры, 1997.
5. Золотова Г. А. Синтаксический словарь. М.: Наука, 1988.
6. Кнорина Л. В. Классификация лексики и словарные дефиниции. // Национальная специфика языка и ее отражение в нормативном словаре. М.: Наука, 1988; перепеч. в кн. Л. В. Кнорина. Грамматика, семантика, стилистика. М., 1996. С. 87—90.
7. Крейдлин Г. Е. Голос, голосовые признаки и оценка речи // *Язык речевых действий*. М.: Наука, 1994.
8. Мельчук И. А., Холодович А. А. К теории грамматического залога // *Народы Азии и Африки*. 1970. № 4.
9. Падучева Е. В. Парадигма регулярной многозначности глаголов звука // *Вопросы языкознания*, 1998. № 5. С. 3—23.
10. Падучева Е. В. Коммуникативное выделение на уровне синтаксиса и семантики. — Семиотика и информатика. Вып. 36. М.: Русские словари, 1998.
11. Падучева Е. В. Метонимические и метафорические переносы в парадигме значений глагола *назначить* // *Теория и типология языка. От описания к объяснению. К 60-летию А. Е. Кибрика*. М., 1999. С. 488—502.
12. Падучева Е. В. О роли метонимии в концептуальных структурах // *Труды Меж-*

- дународного семинара Диалог'99. Т. 1. Теоретические проблемы Таруса, 1999 С. 215—225.
13. Падучева Е. В. Семантика вины и контекстные сдвиги акцентов в толковании лексем // НТИ. Сер. 2. 1999. № 8.
 14. Падучева Е. В. К семантике слова *время*: метафора, метонимия, метафизика // Поэтика. История литературы. Лингвистика. Сб. К 70-летию Вяч. Вс. Иванова М., 1999.
 15. Рахилина Е. В. Семантика отыменных прилагательных // Лики языка. К 45-летию научной деятельности Е. А. Земской. М.: Наследие 1998. С. 298—304.
 16. Урысон Е. В. Фундаментальные способности человека и «наивная анатомия» // Вопросы языкознания 1995. № 3.
 17. Урысон Е. В. Душа и сердце // Русский язык. Еженедельное приложение к газете «Первое сентября» 17(41), 1996
 18. Урысон Е. В. «Несостоявшаяся полисемия» и некоторые ее типы // Семиотика и информатика. Вып. 36 М.: ВИНТИ, 1998.
 19. Чуковская Л. К. Записки об Анне Ахматовой. Т. 2. М.: Согласие, 1997.
 20. Шмелев Д. Н. Современный русский язык. Лексика. М.: Просвещение, 1977.
 21. Щеглов Ю. К. Две группы слов русского языка. Машинный перевод и прикладная лингвистика. Вып. 8. 1964.
 22. Якобсон Р. О. Заметки о прозе поэта Пастернака. // Якобсон Р. О. Работы по поэтике. М.: Прогресс, 1987.
 23. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors we live by*. Chicago, London: Univ. of Chicago press, 1980
 24. Langacker R.A. *Foundations of cognitive grammar*. Vol. I. Stanford, 1987.
 25. Talmy L. *Lexicalization patterns: semantic structure of lexical forms* // Ed. T. Shopen. Language, typology and syntactic description. Vol. 3. Cambridge UP, 1985.
 26. Taylor J. R. *Linguistic categorization. Prototypes in linguistic theory*. Oxford, 1989.
 27. Ungerer F., Schmid H.-J. *An introduction to cognitive linguistics*. L.-N.Y. 1996.
 28. Wierzbicka A. *Semantics, culture and cognition: Universal human concepts in culture-specific configurations*. New York. Oxford University Press, 1992.

ПРОСТРАНСТВА, СИТУАЦИИ, СОБЫТИЯ, МИРЫ: К ПРОБЛЕМЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ОНТОЛОГИИ*

Онтология призвана ответить на вопрос о форме и способе бытия мира. В общем виде этот вопрос можно сформулировать так: «Как устроен мир?», или «Из каких объектов мир состоит?»

В конце 40-х годов, пытаясь разрешить извечный онтологический спор номиналистов, концептуалистов и реалистов, Куайн сформулировал критерий «онтологических обязательств теории» (ontological commitment of a theory). В нем прямой и впрямую не разрешимый философский вопрос «Какие объекты (являются ли они универсалиями, единичными объектами (particulars) или чем-то другим) есть в мире?» снимался в качестве исходного. Взамен Куайн предложил путь через язык теории, а именно — вопрос «Существование каких объектов теория (будь то научная теория, философская теория) признает, чтобы ее утверждения были истинными?» По мнению Куайна, в результате этого хода мы непременно вернемся к положительному ответу на извечный онтологический вопрос «Что существует в мире?» («What is there?»), причем ответу с формальнологических позиций (from a logical point of view) [14, 1—19].

Итак, вопросы бытия мира Куайн редуцировал до способа существования предметной области теории — «существовать значит быть значением связанной переменной» в выражениях ее языка. Тем самым предмет вековых споров был перенесен в область философии языка, а противостояние номиналистической и реалистической традиций философии, разумеется, сохранилось.

Начиная свои рассуждения тезисом Куайна, мы осознаем как его логическую ангажированность, так и принадлежность определенному (причем весьма специфическому) философскому контексту. И дальнейшие детали, связанные с формулировкой куайнового критерия, мы опускаем (историю вопроса можно найти в работе [11, 399—403]).

Однако презумптивной части положения Куайна можно придать и более широкий, общеполитический и общенаучный, смысл. В ней мы выделим мысль о важности онтологических обязательств (или онтологических допущений) в любой сфере познания. И философия языка, имея дело с выражениями естественного языка — их семантикой и структурой, несвободна от решения онтологических проблем.

Применительно к семантике и структуре естественного языка онтологией мы не называем то, что обретается «за окном». Ею для нас является то, что конструируется языком (а также, при участии языка, его носителями и нами, лингвистами) в этом «закономном» пространстве. Лингвистике малоин-

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 97-06-80095.

тересны данные «беспристрастной» действительности; она рассматривает мир сквозь призму языка и в модусе субъекта.

На вычленении онтологических сущностей и выяснении имеющихся между ними отношений долгое время оттачивался аппарат многих систем философской логики и логической семантики. (Подробно исследованы эволюции онтологических предпосылок — «разные онтологии» — философий Б. Рассела, А. Мейнонга, Д. Дэвидсона и др.; см. [2 и работы Новосибирской школы; 5; 12].) Однако расхождения авторских систем не ограничивались вопросами номенклатуры онтологических единиц. Гораздо более тонкие их различия в другом. Философы и специалисты по логическому анализу по-разному полагали (если только вообще признавали) связь открываемых ими онтологических реалий с языком и проблемами языка. Именно этими расхождениями вызвана главная особенность подхода к этой проблематике в современной философии языка. Этим обусловлены и особенности настоящей статьи, посвященной исключительно вопросам лингвистической онтологии (а не онтологиям философских или логических течений). Мы позволим себе игнорировать многие содержательные (и, безусловно, философски значимые) аспекты привлекаемых в статью идей и направлений, ограничиваясь актуализацией в них на более высоком уровне обобщения лишь тех фрагментов, которые гармонируют с современными философскими подходами к языку. Одно их перечисление уже свидетельствовало бы о том, что обращение к миру для философии языка — в ее стремлении проникнуть в сложный мир семантики языковых выражений — носит «примиряющий» разные и порой противоположные онтологические подходы характер. То, что в истории логики и философии оказывалось объектом полемических реакций, а также сами противостоящие теории в своих некритических (позитивных) частях — в современной философии языка сосуществуют (ср. теорию объектов А. Мейнонга и теорию дескрипций Б. Рассела, а также «антирасселовский» дух многих направлений логической семантики; из работ металогического характера сошлемся на [4] и недавнее исследование [13]). Былая изоляция отдельных логикофилософских идей и направлений, часто по причине их — для того времени — «несоизмеримости», несовместимости с другими направлениями, сменилась идеей их синтеза и объединения применительно к нуждам новой области знания.

Разумеется, на пути к компромиссным решениям в своих «поисках мира» философы языка исходят из самой системы языковых выражений, желая преодолеть онтологический диссонанс.

В разделе I предлагается опыт типологии онтологических объектов.

I

Мы будем апеллировать к трем типам онтологических объектов: это (1) возможные (эпистемические, семантические) ситуации и миры, (2) факты и (3) события.

При вычленении первого типа объектов (к нему мы относим различающиеся объемом, но нередко синонимизирующиеся объекты — ситуацию и

мир) мы сталкиваемся с комплексной проблемой. Она неоднородна как по объективному составу, так и по ответственным за ее решение дисциплинам. Достаточно сказать, что расположена она на стыке логики, эпистемологии и лингвистики.

В логике название первого объекта фигурирует прежде всего в сочетании *возможный мир*. В наших рассуждениях понятие возможного мира взято в качестве исходного в том виде, какой оно приобрело в семантике возможных миров, утверждающей многомерность и многомирность пространства исследовательской онтологии (обзор направления см. в работах [9, 11, 419—424; 13]). Возможными мирами мы называем ментальные модели действительного (равно как и воображаемого) мира, возникающие в ситуациях восприятия экстралингвистической реальности и построения высказывания

Вклад другой дисциплины — эпистемологии — в определение понятия мира мы не ограничиваем привнесенным ею параметром знания. Он выражается еще и в сообщении этому параметру динамических черт. Занимаясь моделями получения информации, эпистемология стоит на позиции множественности направлений развития каждого акта восприятия и результатов этого акта — информационных структур. Ее исходная посылка такова. Появление в разговоре эпистемических состояний разной информационной глубины равновозможно. Поэтому предполагается, что наряду с ситуацией «полного» знания, при других обстоятельствах, вероятно появление другой — ситуации нехватки информации. Каждое эпистемическое состояние предполагает построение ментальной модели мира разной степени полноты и детализованности. И в каждом случае перед нами будет новый эпистемический мир — «другой», в сравнении с альтернативным миром, отличающимся большей или меньшей информационной насыщенностью.

Как логика, так и эпистемология имеют дело не с конкретными проявлениями психической активности субъекта, а с логическими отношениями в познавательной деятельности людей. Обе дисциплины, следовательно, постулируют сущности более «общие», чем те, которыми оперируют психология и когнитивная наука. Но вместе с тем и более «строгие», нежели последние¹. В свою очередь опосредованность и абстрагированность объектов рассмотрения — естественный (если не единственный) способ построения модели. И модель ментального мира субъекта не является исключением. «На наш взгляд, — здесь резюмирован подход логиков, необходима не прямая формальная репрезентация всех мыслимых и немыслимых внутренних состояний (субъекта речи. — К. П.), а логическая модель этих состояний и всего «внутреннего мира» интеллектуального субъекта в целом. Такая модель явилась бы важнейшей составной частью общей логической модели прагматики, основой для адекватной компьютерной формализации различного рода «интенциональных», «неэкстенциональных», «эпистемических» и прочих трудноформализуемых контекстов естественного языка» [3, 12].

Таким образом, возможный мир — это ментальная модель действительного (или воображаемого) мира. Он образуется в результате интериоризации физической реальности во внутреннюю сферу человека (говорящего) и

входит в полное описание исследуемой реальности на правах альтернативы иным моделям (другим возможным мирам). Умение извлекать из действительности включаемую в сообщение информацию, уровень знаний и законы познания — эти и другие признаки, имеющие отношение к информационной стороне акта восприятия, характеризуют эпистемологию ментальной модели и образуют собственную структуру — эпистемический мир. Языковая модель объекта, «семантический мир», задается множеством языковых выражений, принадлежащих разным аспектам высказывания. Их конфигурация определяет языковые рамки и формы выражения мира [7]. Мы получили три системы терминов. Атрибуты «возможный», «эпистемический» и «семантический» в названии объекта имеет смысл употреблять рядоположно, там где нет нужды их разводить. Но это не синонимы: за каждым термином стоит особая сторона объекта — мира.

Названия двух других объектов — факт и событие — возникли как имена для соответствующих логико-семантических категорий. В настоящее время смысл этих терминов конвенциализован; см. работы [1; 7; 8; 10; 13; 15].

Ниже мы обратимся к свойствам онтологических объектов, поочередно соотнося их с диагностическими (для каждого случая разными) типами языковых выражений.

II

Для различения сущностей внутри каждой онтологической категории — мира (ситуации), события и факта — в языке существуют альтернативные выражения, принадлежащие разным аспектам высказывания. Это альтернативы имен (термов), предикатов (пропозициональных функций) и пропозиций.

Конкурирующие формы предикатов (в частном случае глаголов) и пропозиций образуют в языке грамматические оппозиции. Применительно к процессам восприятия ситуации и производства высказывания и в отношении к онтологическим объектам — возможным мирам — смысл этих оппозиций различен. Составляющие одних по-разному описывают устройство наблюдаемой ситуации (т.е. их различия проецируются на структуру онтологического объекта), другие же предназначены исключительно для удобства сообщения о мире (подчинены коммуникативной стороне, прагматике речи). Оба типа подробно описывались с разных позиций, но не релятивизировались на основе онтологических признаков.

Об исходе матча можно говорить в терминах *победы и поражения*; о совершенной сделке — как о *купле и продаже*. В фокусе внимания могут оказаться действующий субъект ситуации или ее объект. Фокусировка внимания на одном из участников — важный механизм, определяющий тему сообщения и принцип ее развертывания в текст. Отношения таких пропозиций — в центре которых находятся предикаты конверсивной семантики либо предикаты, противопоставленные по залогу, — отвлечены от деталей восприятия. А выбор и использование одной из пропозиций в речи описывается в категориях прагматики. Здесь важен момент сохранности в выбранной пропозиции обстоятельств, а главное — участников происходящего. Список субъектов не-

изменен: так, говоря о победе, не забывают о побежденном; сообщение о поражении принято сопровождать ссылкой на виновника; покупка имплицитно фигурирует продавца, как и продажа — фигурирует покупателя и т.д. Прагматика языковых выражений — здесь понимаемая в узком смысле — не несет онтологической нагрузки. Разговор о подчиненных прагматике альтернативах мы не продолжаем.

Другой тип предикатных (и пропозициональных) оппозиций отражает информационные нюансы познавательной ситуации. Пример: *Маргарита смутно видела что-нибудь. Запомнились свечи и самоцветный какой-то бассейн* (Булгаков). Отсутствие знаний о ситуации выражается в выборе предиката — *запомнились* (его нерелексивный коррелят — *запомнить* — обычно актуализирует необходимую в этом акте цепочку ментальных операций). О полном незнании — «эпистемическом провале» — обычно сообщают безличной пропозицией: — *Как ты это все запомнил?* — *Да так, как-то запомнилось*. Ранжирование предикатов и пропозиций по семантической категории личности / безличности нами рассматривается как отражение в формах языка лимитов восприятия, как факт эпистемологии и фактор лингвистической онтологии.

Семантическая категория личности / безличности имеет точки соприкосновения с определенностью референции в сфере имен [6]. И здесь эпистемический фактор оказывается главным: разница между *Старик вошел в комнату*; *Какой-то старик вошел в комнату*; *Некто вошел в комнату* и *Нечто вошло* очевидна.

В сфере имен (термов) типичными примерами альтернатив, построенных на эпистемологических основаниях, являются отношения имен типа *Геспер* и *Фосфор* и именных групп (дескрипций) *Утренняя звезда*, *Вечерняя звезда* и *планета Венера*, тождественных по денотату. Перед нами эмпирические термы: их появление, противопоставление и отождествление отражают этапы приращения знания об эмпирических объектах. Отвлекаясь от традиционных интерпретаций этих имен в логике — в частности, известного Парадокса Фреге и способов его преодоления, — мы рассматриваем их как средства для обозначения одного и того же референтного объекта в двух разных семантических (возможных) мирах — мире древних и мире современных астрономических взглядов. Каждое имя окружено индивидуальным семантическим ореолом, содержащим информацию об эпистемических характеристиках объекта планеты Венера — в границах названных миров. Выражение *планета Венера* можно считать резервированным для мира современных астрономов и всеведущих логиков и философов. Оно включает сумму смысловых характеристик своих «предшественников», очищенную от эпистемических контроверз, и будет, в терминах С. Крипке, «жестким десигнатором» (*rigid designator*). Имена в обеих парах — «нежесткие десигнаторы» (*nonrigid designators*): их сфера действия ограничена пространством одного семантического мира. Отношения имен, дескрипций и идентифицируемых именных выражениями объектов сложны, многослойны и диффузны. Логико-лингвистическая сторона проблемы касается отделения в ней собственно-семантических явлений от способов идентификации объекта, относящихся к кругу вопросов референции. Здесь

мы ограничимся одним примером. В следующем фрагменте разделение семантики и референции наблюдается довольно отчетливо: «Вчера вечером я пришел с *покойным* М. А. Берлиозом на Патриаршие пруды». И сразу поэт запутался, главным образом из-за слова «покойным». С места выходила какая-то безлелица: как это так пришел с покойным? Не ходят покойники! < > а здесь еще пришлось этот никому не известный композитор-однофамилец, и пришлось вписывать «не композитором...» (Булгаков, курсив наш — К. П.). Первые сомнения поэта, Ивана Бездомного, — семантические, стимулированные смысловым устройством выражений русского языка. С точки зрения же референции дескрипция *покойный М. А. Берлиоз* безупречна. Она позволяет нам, читателям, единственным образом идентифицировать персонаж, и ее референция не нуждается в уточнениях. Последнее добавление — *не композитором*, — напротив, касается референтной стороны имени *Берлиоз*, а не его семантики. Оно вызвано опасением Бездомного за смешение двух разных лиц. Если разрешение первой проблемы находится в компетенции семантики, то снятие второй — прерогатива теорий референции.

Обе области исследования — семантика и референция — не обходят стороной «рамочных» признаков имени — эпистемических и семантических качеств среды его обитания, мира. Описать все перечисленные типы альтернатив — значит связать оппозитивные языковые выражения (их семантику) с определенным видением мира (его эпистемологией). В этом можно видеть их логико-семантическое родство. Этим демонстрируется смысл альтернативности как фундаментального принципа устройства языка.

III

Попытка наложить альтернативные выражения на мир, посмотреть, с какими сущностями в структуре мира они соотносятся, равносильна онтологизации их семантических различий. Можно задать вопрос: что меняет в мире фактор знания о нем? (Разумеется, здесь, как и прежде, речь идет не о реальном, «сыром», мире, а о создаваемом человеческим сознанием, ментальном мире.)

Сценарий любого действия в неявном виде оставляет зазор для «пути отступления», отказа агенса от совершения действия. Один из неформальных постулатов логики действий (как и логики изменения в целом) гласит: «Если некоторый фрагмент *H* поведения субъекта *a* является действием, то *a* имел возможность как совершить *H*, так и воздержаться от совершения *H*» [2, 18]. «Теневая сторона» действия может быть скрыта от агенса (деятеля), но она открывается Наблюдателю, вездесущему и судящему (в том числе логику, философу или лингвисту, занятым акциональной тематикой). Этот же принцип — в логике действий он назван «контрфактичностью» — можно распространить и на сценарий эпистемических событий. Мы уже сказали, что каждое эпистемическое состояние задает границы и внутреннее содержание мира, причем с разной степенью полноты и детализации. Однако неполнота информации не имплицитно подразумевает отсутствия в ней деталей. Из поля зрения наблюдателя часто выпадают именно глобальные связи и отноше-

ния, действующие лица или их деяния. Например, здесь о положении дел если и можно сообщить, то приписать его индивидуализованному субъекту невозможно. Напротив, насыщение эпистемического пространства позволяет говорящим произносить более «сильные» суждения, которые требуют ответа или ответчика.

Выше мы коснулись вопроса о способах номинации и идентификации объектов в высказывании. Здесь мы кратко остановимся на проявлениях эпистемического принципа в выборе номинации. Некоторые направления модальной логики предпочитают рассматривать не объекты сами по себе («particulars»), но объекты в совокупности с набором присущих им свойств. Такие объекты принято называть интенциональными (см. [9, 117—133]). Изобретенная для решения вопросов тождества объектов в модальных контекстах, интенционалистская теория отвлекается от проблем их градуированного представления. Все свойства объектов, утверждает она, не универсальны («non-cross-world»). При переходе из одного мира в другой они элиминируются или замещаются другими свойствами. Иначе говоря, взамен одного интенционального объекта, имеющего свойство *a*, в новом мире появляется другой объект, обладающий свойством «не-*a*» и потому антонимичный первому. Лингвистическое следствие этого допущения нетрудно предсказать. Оно состоит в том, что два высказывания об одном наблюдаемом явлении, различающиеся объемами знаний говорящего, будут включать названия разных интенциональных объектов, а значит — с неизбежностью будут противоречивы, что явно противоречит нашей интуиции. Действительно, ряд свойств объектов преходящи, другие же обнаруживают стабильность и сопровождают своего носителя во всех возможных мирах. «Кошка Мурка» в глазах несведущего не скоро станет «некошкой», для этого ей понадобится стать сначала просто «кошкой», затем «каким-то животным, напоминающим кошку», дальше — «тенью, пробежавшей вдоль дороги» или «белым пятном». Языковые альтернативы в сфере номинации образуют градуальный ряд, повторяя в общих чертах размытость понятий об объектах в реальном мире.

Свойства объектов, актуализованные говорящим в новой ситуации, порождают новый и в идеале — эпистемически более полный мир. Таков путь открытий и откровений. Но в распоряжении субъекта есть и обратный ход: в его изображении реальные и известные коллизии могут перестать быть такими после воображаемого перевода стрелки на жизненном пути. Так поступают, в частности, тогда, когда за свои проступки ожидают санкций «извне» или «изнутри». Из пропозиции удаляются предикаты, способные вызвать этический резонанс. Даже десигнаторы типа «обезьяна», «человек» и пр. в этой ситуации способны потерять обычную для них «жесткость». Стоящий за «минимизирующими» высказываниями ментальный произвол, в своих результатах нередко трагедийный, многократно был предметом описаний. Ср. иерархию дескрипций и имен в следующем фрагменте: «Предположим, я убил обезьянку. Не трогают. Предположим, что это обезьяна особенно умная. Не трогают. Предположим, что это — обезьяна нового вида, говорящая, голая. Не трогают. Осмотрительно поднимаясь по этим тонким ступеням, можно доб-

раться до *Лейбница* или *Шекспира* и убить их, и никто тебя не тронет, — так как все делалось постепенно, неизвестно, когда перейдена грань, после которой софисту приходится худо» (Набоков, *Курсив наш — К П*)

Анализ каузального контекста, в который помещены высказывания набоковского персонажа и выстраиваемые им ментальные модели ситуации, перевел бы разговор из плоскости философии языка в область этики и юриспруденции. Однако именно каузальный контекст во многом является диагностическим для других онтологических единиц события и факта, гранича, но не пересекаясь в этом случае с этической проблематикой.

IV

«Событие» и «факт», возникавшие в логике и философии неединожды, в современном понимании были открыты как категории логической семантики. Начиная с работ Д. Дэвидсона и З. Вендлера 1967 г. (см. в изд. [10, 15]), они заняли место в онтологии логики и логического анализа. Заслужкой Вендлера можно считать открытие этих категорий в новом ракурсе. Вопреки мнению предшественников и в открытой полемике с Дэвидсоном², отстаивавшим событийный состав онтологии, Вендлер выделил «факт» в особую категорию и наделил «событие» и «факт» привязкой к формам языка. Хотя к настоящему времени содержимое контейнера «событие vs факт» хорошо изучено — по линии семантики (типов языковых выражений) и по линии самих категорий (см. обобщающие работы Н. Д. Арутюновой и Ю. С. Степанова [1, 7]), — любые попытки приступить к их анализу неизменно начинаются ссылками на работы Вендлера (*Любопытно, однако, что в фундаментальном томе, посвященном философии Дэвидсона [12], имя Вендлера не упоминается ни разу, даже когда речь идет об анализе «сингулярных каузальных суждений» (см. [12, 199—219])*). Тогда как имена других оппонентов — Куайна, Ф. Дрекке, Х. Патнэма и др. встречаются в критических обзорах неоднократно.)

Для целей настоящей статьи важно подчеркнуть, что оперирование категориями «событие» и «факт» теперь предполагает описание языковых выражений, в рамках которых категории реализуются, — описание не типов пропозиций, являющихся диагностическими для разграничения миров, а их синтаксически несвободных дериватов — пропозитивных номинализаций.

В общих чертах, мы усматриваем следующие отношения между типологией онтологических объектов и иерархией языковых средств их выражения. Пропозиция создает и описывает ситуацию (возможный мир). Ее неполная номинализация задает особый модус осмысления мира — факт, в его противопоставленности другому модусу — событию. Диагностической для последнего принято считать полную номинализацию. Событийное значение экстенционально, фактообразующее и пропозитивное включаются в контекст пропозициональных установок. Только модализованная пропозиция (*Я верю / полагаю / знаю, что P*) способна создавать эпистемическую реальность — ситуации и миры, интенциональное прочтение номинализации необходимо для появления факта. «То, что приехал Иван Иванович», «то, что приехал отец

четырех детей», «то, что хозяин Белки явился вчера пополудни» будут разные обозначения для разных фактов, если даже денотативное тождество употребленных в них дескрипций в нашем мире само по себе непреложный факт. Напротив. «Приезд Ивана Ивановича» и «приезд отца четырех детей» — два способа описания и понимания одного события, но не два события, если — следуя Дэвидсону — усматривать критерии идентификации событий в общности их пространственно-временных характеристик и причинно-следственных историй [10; 12, 255—297]. Впрочем, «приезд отца» в системе Дэвидсона будет отдельным событием — по его влиянию на интересы сына.

Обращение исследователя к абстрактным сущностям и помещение их в онтологию лингвистики не нуждается в теоретическом обосновании. Эти категории возникли в разное время и в разных системах в результате осмысления способов существования и устройства мира сквозь призму обращенных к миру языковых выражений. Лингвист их может открывать и констатировать, но их существование, как и присутствие в языке ответственных за них типов языковых выражений, нельзя санкционировать. Существенным аргументом является также то, что этими структурами в познавательной и речевой деятельности оперирует человек. Говорящий в каждом случае по-разному представляет один и тот же фрагмент действительности и выбирает для сообщения о нем разные языковые структуры — из альтернативных имен, предикатов, пропозиций или номинализаций. Но использование понятий «мир», «событие», «факт» философией языка для объяснения собственно лингвистических явлений должно иметь и практический смысл. Поэтому поставим вопрос: какие факторы, определяемые спецификой самих онтологических единиц, регулируют отношения обозначающих их типов языковых выражений, в том числе способность последних к взаимным преобразованиям (например, препятствуют полной, событийной, номинализации исходной пропозиции)? Или иначе, в терминах выбранной нами онтологии, какие элементы должна включать в себя эпистемическая ситуация, чтобы, подчиняясь логике говорящего субъекта, свободно преобразовываться в факт или перетекать в событие? Этой проблеме посвящен наш следующий раздел.

V

Сразу заметим, что факты и события несимметричны в отношении к своим аргументам — возможным мирам. Возможный мир всегда дает пищу фактам. И здесь не бывает «онтологических пустот» — знаков отторжения фактообразующим значением содержания пропозиции. Факты предсказуемы в том смысле, что не бывает эпистемической реальности, которую нельзя осмыслить в терминах факта. Связь мира (ситуации) и факта стабильна. В то же время событийный модус предъясняет к содержимому мира определенные требования. Номинализованные пропозиции в значении события ограничены не только возможностями словообразовательной системы языка, но и тем, что эпистемическое пространство мира (и значение описывающей мир исходной пропозиции) в ряде случаев недоукомплектовано признаками, релевантными для события. По этой причине нас будут в первую очередь интересо-

вать отношения миров и событий. Именно в этом звене цепочки сообщающихся типов онтологических объектов нередки сбои. Факты же будут нами привлекаться в той мере, насколько они, обнаруживая много общих с мирами черт, контрастно оттеняют свойства событий

Обратим внимание на то, что возможные миры, выделяемые по эпистемическому признаку, — наиболее вариативный разряд онтологических единиц. Информационный объем и границы мира могут сужаться и расширяться; пропозиция лишь очерчивает его контуры или тщательно прорисовывает детали. Субститутотом подробного описания происходящего становится перечень действующих лиц и эскиз «сцены». На семантическом «фоне» выступают контуры «фигуры». Фатическая коммуникация, дневниковые записи, письма дают примеры «внесобытийного», «контурного» письма. Ср. фрагмент устного рассказа Т. Г. Винокур об «ушаковских мальчиках» (Из сб. «Поэтика. Стилистика. Язык и культура. Памяти Т. Г. Винокур» (М., 1996), с. 299): «...Это был такой длинный-длинный большой стол // Была столовая // Столовая / была / собственно говоря очень большая комната / но казалась маленькой из-за того / что ее занимал стол // Длинный-длинный стол //» и т.д. Между тем «факультативность» событийного предиката присуща только ситуациям, занимающим нижний полюс эпистемической шкалы; по мере продвижения к ее вершине рейтинг предиката повышается: «Это была огромная комната / . сзешенно пустая / какая-то аскетическая / где / два стояли огромных рояля / вот где он (К. Н. Игумнов. — К. П.) занимался с учениками / и где тоже / он меня сажал за-а рояль / и что-то меня там учил..» (Там же, с. 301).

Пропозиции, обращенные к эпистемически «опустошенному» миру, могут при номинализации принимать фактообразующее, но не событийное значение. Пространство, населенное предметами, лишенными предикатных признаков, может превратиться в факт, но не стать событием: пропозиция *В саду — дети* легко переходит в разряд подчиненной для факта (*То, что в саду дети, всех удивило*), но не для события. Номинализация *Пребывание детей в саду* (длилось долго) не является результатом преобразования пропозиции *В саду — дети*. Она составляет семантический эквивалент пропозиции *В саду пребывали (были) дети*, а это уже другая, неравная первой, смысловая структура. Если эпистемическая невозможность «полиценной» предикации естественно выражается пропозицией с опущенным предикатом, то экзистенциальная предикация, напротив, не обслуживает беспризнаковых эпистемических пространств. Она выражает конкретное знание. Ср. другой пример, где событийная номинализация по понятным причинам возможна: *В саду играли дети — То, что в саду играли дети, всех удивило — Игры детей в саду не остались незамеченными*. Из соположенных в высказывании *А у нас сегодня кошка родила вчера котят* (Михалков) двух семантических миров мир «вчера» допускает также событийное осмысление, тогда как мир «сегодня» — только фактивное: для его событийного прочтения недостает предиката. В сегодняшнем разговоре о кошке предикаты вчерашних с ней событий могут выполнять лишь индивидуализирующую

роль (кошка, которая родила вчера котят). Хотя жизнь и полна событий, «присутствие-в-мире» несобытийно. Практика жизни активно препятствует представлениям о несобытийности мира; эпистемический опыт их оправдывает. Открывая путь к вершинам знания, эпистемология как научная и метанаучная область дает почувствовать и его нижний предел. Привлеченная в сферу языковых выражений, она устанавливает границы информативности для высказываний разных типов и жанров.

Таким образом, чтобы событие «состоялось», его нужно *наблюдать, идентифицировать, типизировать* лексическими средствами языка. Поэтому событийное значение попадает в зависимость от предикатной лексики, ср. лужкинское: *Крик, хохот, песни, шум и звон, Разгульное похмелье*. Возможные миры и факты нуждаются в знании, а не наблюдении. Для их появления достаточно знания о положении предмета (в широком смысле) в границах освоенного человеком пространства, ср.: *Во дворе люди (людно) — Тот факт, что во дворе люди (людно)...; В глубине прохода, разделявшего палисадник, чернелась вывеска подвальной угольни* (Набоков). И хотя параметризация пространства, бесспорно, может быть весьма сложным делом, но ее результат не обогащает событийные ряды. Итак, ситуации в контексте эпистемических миров наименее притязательны к информационному субстрату. Это проявляется в устойчивости некоторых пропозиций — описывающих «инкомплетивные» миры — к событийным преобразованиям. Регулярные отношения миров и событий нарушаются (с сохранением фактов) и на противоположном фланге эпистемической шкалы, занятом ситуациями «полного» знания. Мы имеем в виду не максимально заполненные позитивной информацией пропозициональные структуры, а высказывания о ненаступивших положениях дел. То, что не имело места, нельзя увидеть, но о нем, зная, все же можно сообщить.

На первый взгляд, отрицательные признаки не создают почвы для события (ср. [8, 214—215]). Они лишают действия, состояния, процессы релевантных качеств события как онтологической единицы. Событие всегда имеет позитивное содержание. «Не-действие» же не-наблюдаемо. Оно не имеет приложения к действительности. «Минус-ситуацию» трудно заметить вследствие ее слитости с фоном. Хотя наличие в языке у отрицательных предикатов лексикализованных позитивных (контекстных) синонимов (ср. *не сказать и смолчать, не указать и пренебречь, не вспомнить и забыть, не заметить и пропустить* и под.) как будто убеждает нас в обратном. И в самом деле это легко понять. Ведь о событиях не обязательно судят по их непосредственным (позитивным) проявлениям. В отсутствии позитивных свидетельств приметы событий черпают из других источников. Прямые симптомы неосуществленных действий, непротекающих процессов и ненаступивших состояний — их причины-следствия. Если мы в какой-то момент обнаруживаем отсутствие события, появление которого предопределено логикой вещей, то сама по себе эта информация стимулирует наше обращение к событийным смыслам. Помещенная в «зримый» контекст, отрицательная информация получает положительное языковое оформление. Русский язык

терпимо относится к выражениям типа *Ее неприходы становились все чаще* или *Его неприезды длились все дольше*. *Неприходы* и *неприезды* здесь — собственно-события. Отрицательная информация может ассимилироваться событием; отрицание событийной номинализации, как показала Н. Д. Арутюнова [1, 133], переводит ее значение в фактообразующий ранг.

Подведем итог. Для трех сообщающихся типов онтологических объектов — мира (ситуации), события и факта — имеется три диагностических типа языковых выражений. Два типа выражений, относящиеся к факту и событию, связаны с исходной пропозицией, описывающей возможный мир, трансформациями номинализаций. Такое онтологическое разнообразие лиций раз подтверждает мысль о том, что применительно к двум языковым выражениям бессмыслен традиционный вопрос о том, являются ли они обозначениями «одной ситуации» или «разных». Но можно сказать, что каждое из них выражает ситуацию в контексте определенного возможного мира — или событие, или же факт. Выражение «*Это еще не факт*» для нас имеет, помимо прочего, онтологический смысл: оно квалифицирует предшествующее ему высказывание как описание сложившейся в сознании говорящего ситуации, но не сообщение факта.

* * *

Предмет настоящей статьи — онтологические объекты: миры, ситуации, факты и события — как результаты языковой концептуализации экстралингвистических, объективно существующих в физической или воображаемой реальности пространств. Их рассмотрение мы начали определением статуса онтологии. Последнему будет посвящено и наше заключение.

Принадлежат ли рассматриваемые нами объекты языку, «онтологии языка»? Да, если принимать во внимание наличествующие в языке альтернативные выражения — альтернативы имен, оппозиции предикатов, пропозиций, типы номинализаций, внутреннее устройство последних и т.д. Их конфигурация воспринимаются нами как свидетельства существования в предметной области приложения языка особых сущностей — онтологических объектов. Но, являясь объектами «онтологии языка», миры, ситуации, факты и события одновременно принадлежат и «онтологии теории языка» — онтологическим допущениям лингвистики. Здесь существование объектов необходимо для того, чтобы положения лингвистической теории имели смысл («были истинными», если вернуться к некогда безусловному формальному критерию Куайна).

Данная статья мыслится в качестве звена в реализации следующей идеи: можно составить классификацию языковых выражений на основании введенного логико-семантического критерия — их способности различать миры или отражать их динамику (переход из одного мира в другой). В этой перспективе оба аспекта существования онтологических объектов объединены.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Например, обязательным требованием к системам формального вывода признается следующее: какова бы ни была структура принимаемых в них способов рассуждения, они должны воспроизводить отношение логического следования [5, 10]
- ² См журнал «The Journal of philosophy» (1967 Vol LXIV № 21), где опубликованы одноименные статьи Дэвидсона и Вендлера «Causal relations» («Причинные отношения»), демонстрирующие суть полемики

ЛИТЕРАТУРА

- 1 Арутюнова Н Д Типы языковых значений Оценка Событие Факт М , 1988
- 2 Блинов А Л , Петров В В Элементы логики действий М , 1991
- 3 Петров В В , Переверзев В Н Обработка языка и логика предикатов Новосибирск, 1993
- 4 Сааринен Э О метатеории и методологии семантики Пер с англ // Новое в зарубежной лингвистике Вып XVIII М , 1986
- 5 Смирнова Е Д Логика и философия М , 1996
- 6 Степанов Ю С Безличность и неопределенная референция // Язык система и ее функционирование М , 1988
- 7 Степанов Ю С Язык и Метод К современной философии языка М , 1998
- 8 Asher N Reference to abstract objects in discourse Dordrecht, 1993
- 9 Creswell M J Semantical essays Possible worlds and their rivals Dordrecht, 1988
- 10 Davidson D Essays on actions and events Oxford, 1980
- 11 Handbook of pragmatics Manual Amsterdam, Philadelphia, 1995
- 12 Language, mind and epistemology On Donald Davidson's philosophy Dordrecht, 1994
- 13 Lycan G Modality and meaning Dordrecht, 1994
- 14 Quine W v O From a logical point of view 2-nd ed N Y , Evanston, 1963
- 15 Vendler Z Linguistics in philosophy Ithaca, 1967

ПРОСТРАНСТВО УМОЗРЕНИЯ И ЕГО ОТРАЖЕНИЕ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ*

1. О ПОНЯТИИ «УМОЗРИТЕЛЬНОСТЬ» В ПРИМЕНЕНИИ К НАШЕЙ ТЕМЕ

1.1. Умозрительность: в картине мира / в значении слова. Умозрение в работе понимается в соответствии с внутренней формой этого слова — не просто как умственная деятельность (= дедукция, обобщение), но именно как «мысленное, умственное зрение, видение», необходимой предпосылкой которого является противопоставление объектов и ситуаций по линии материальное / идеальное, физическое / духовное, внешнее / внутреннее.

Способность к умозрению является необходимым атрибутом религиозно-го сознания. Так, в церковнославянском языке о значимости различения «материального» и «идеального» свидетельствуют весьма характерные противопоставления: *ока внешнего (телесного, плотского) и внутреннего (духовного, умного, сердечного), молитвы простой (словесной) и умной (мысленной) и даже уха внешнего и внутреннего.*

Слова с пространственной семантикой, выражающие идеи перемещения, местоположения, в древнерусском языке, как правило, обладают относительной свободой осмысления в терминах физического / духовного, материального / идеального. К примеру, смысловой диапазон слова *путь* простирался от конкретно-пространственного, близкого значению современной *дороги* до такого абстрактного, как «повод, причина», ср: *Дъва сѣльца, сѣдѣца при пѣти. Мф. XX. 30* и Крымские Татарове ... безъ пути начаша воевати. *Соф. вр. 7025.*

В настоящее время конкретно-пространственное значение на лексическом уровне противопоставлено умозрительному, абстрактному: первое описывается лексемой *дорога*, а второе — лексемой *путь*, ср. *длинная* («пространственно») *дорога*, но *долгий* (по времени) *путь*; *лесная, живописная дорога*; *сидеть, лежать, стоять у края дороги и творческий, жизненный путь, плохая (ухаби-стая) дорога и тяжелый путь (испытаний)*. «Дорога» — это объект, занимающий место в физическом пространстве (*Дорога совсем рядом: по полю около километра; Недалеке виднеется дорога*); «путь» же — это некое функционально-смысловое содержание и поэтому он не имеет конкретно-пространственной локализации, ср. *Идти своим путем; Найти свой путь* (в жизни, в искусстве...) и *Иди своей дорогой; сбиться с пути (истинного) и сбиться с дороги.*

Такое противопоставление материального и идеального, конкретно-физического и умозрительного характеризует именно современные языковые пред-

* Работа осуществляется при поддержке Российского Гуманитарного Научного Фонда, инициативный проект 97-04-06234.

ставления. Некогда же оно существовало на уровне сознания и не имело специального языкового выражения. Так, древнерусское слово *животъ* называло и «жизнь, органическое существование» (сконча животъ — окончил жизнь, при своемъ животѣ — при жизни), и «жизнь блаженную, вечную» (Тесемъ поуть въводи въ животъ (Мк 7 4) Это кажущееся неразличение конкретного и абстрактного, свободное переключение из одного плана в другой, не требующее использования специального языкового кода, хорошо соответствует представлениям об окружающем человека мире как о двойном бытии — с параллелизмом материального и идеального, который выражается уже самим тождеством называний

В условиях современной языковой ситуации дуализм материального и идеального — этот важный аспект картины мира, представленный на уровне сознания, — благодаря наличию в языке двух стихий, русской и церковнославянской, получает достаточно последовательное выражение. За церковнославянизмами в современном языке закрепляется так называемая «книжность» — выражение абстрактного, возвышенного, поэтического содержания [13]. При этом «абстрактность» в данном случае не следует понимать как переход от частного к общему — от гипонима к гиперониму (сфера употребления церковнославянизмов, напротив, сужается), абстрактность — это отвлечение от физически конкретного, выход за пределы физической пространственности в умозрительные сферы. Ср. *дѣтище* (младенец, отрок, дитя, мальчик) [4, с. 163] и *детище* (плод творческой, как правило, интеллектуальной, ментальной деятельности); *прѣходити* (из кельи в келью, из города в город) [9, т. II, стлб. 1712] и *преходить* («оканчивать земное существование»), *наслѣдик* («наследство», понимаемое в конкретном, имущественном, плане) и *наследие* («наследство» духовное), *наити* («нашествие»). *Изъави ны изъ напасти и скръви и вѣдъ въсачьскыхъ и наити поганыхъ Мин 1096 г* [9, т. II, стлб. 289]) и *наитие* (духовное внушение), *снѣденіе* («съедение»). *Мы же со владыкою приказали ево среди улицы ввернути псом на снадение* [5, с. 17]) и *снадение* («эмоциональное», «душевное»)

1.2. Попытка содержательной интерпретации «умозрительности» языковой единицы. «Умозрение» в применении к церковнославянизмам обладает вполне определенным содержанием и поэтому может рассматриваться как своего рода семантический компонент. В основе его лежит идея созерцания некоего идеального пространства, которое реализуется либо во времени (прошедшее, будущее, протяженное), либо в воображении, мысленном / образном представлении. Зачастую в семантике слова содержатся обе эти составляющие.

Приведем несколько примеров. «Овременность» глагола *обрести* проявляется в том, что он называет действие, протяженное, рассредоточенное во времени. *обретают* с течением жизни, на жизненном пути. Аналогично и *воздвигать* реализуется на некотором участке времени. Ни тот, ни другой глагол не способны к актуальному употреблению. Умозрительность таких слов, как *очи*, *уста*, *взор* проявляется в том, что образы, ими называемые, реализуются в пространстве нашего воображения — не конкретном, доступном непосредственному восприятию, но именно «мысленном», ср. *У Ульяны не глаза, а очи*

называя глаза очами, говорящий апеллирует к воображению адресата, побуждая его не увидеть, но именно представить соответствующий объект.

Важной особенностью «пространства умозрения» является безразличность к системе ценностей языкового коллектива — позитивная ориентация. Существенно, что эта ценностная отмеченность не присуща исконным языковым формам; она является следствием отстоящей во времени духовной рефлексии носителей языка. Так, именно в современном языковом узусе *обрести* предполагает судьбозначимость «предмета речи», ср.: *Я наконец нашел очки и Я наконец обрел друга*. Употребляется соответствующий глагол по преимуществу апостериори и потому лишен многих форм. В прошлом же глагол *обрести* был вполне нейтрален и поэтому универсален: прилагался к любому субъекту в любой предметной ситуации, ср.: *И на ину нош един бес, в хижу мою вошед, походя и нечево не обрете, токмо чотки из рук моих вышиб и исчезе* [5, с. 61].

Воздвигать также несет информацию о предмете речи (с последующей оценкой всей ситуации в целом), не говоря уже о таких словах, как *очи* и *уста* — называющих эстетически привлекательный объект и характеризующих вследствие этого только человека [1, с. 67].

Как кажется, современное значение упомянутых нами и многих им под. слов — существенно редуцированное по сравнению с исходным, но и сдвинутое в сторону «высокого», «умозрительного» содержания — определяется их ассоциативной или даже непосредственной связью с неким значимым в культурной традиции носителей языка текстовым источником: мы имеем в виду библейские (и шире — религиозные) тексты. Ведь события, ситуации этого текстового мотиванта реализуются именно в пространстве умозрения, которое понимается как *альтернативная область существования*.

О том, что церковнославянский мыслится нами, носителями современного языка, «не столько языком, сколько своего рода текстом», пишет О. А. Седякова: «Церковнославянский оборот любого объема ... воспринимается в русском дискурсе как цитата. Даже если такая «цитата» в реальности ничего не цитирует... [Она] отсылает нас к какому-то «источнику», который представляет собой нечто большее, чем просто словесный текст ... В церковнославянской инкрустации в русскую литературную речь есть отсылка к определенному миру вещей...» [7, с. 257].

Весьма интересна в указанном смысле судьба слова *воздвигать*. Имея первоначально весьма широкое значение «двинуть», «поднять», *воздвигнути* в евангельских текстах весьма часто прилагалось к Христу и прочитывалось как «воскресить». Именно так толкует употребление этого слова (и некоторых его форм) П. Гильтебрандт, ср.: *Вамъ первѣе Бѣ въздвигнѣ отрока своего Инѣа, посла его (Деян. 3:26); Воздвигнѣ Хрѣста изъ мертвыхъ (Римл. 8:11); Воздвигнѣ Гда Инѣа, и настъ со Инѣомъ въздвигнѣтъ (2 Коринф. 4:14)*. Именно так используется это слово и в речи самого Христа: *разорните црковь сію, и трѣма днѣма въздвигнѣ ю (Иоан. 2:19)* [3, т. 1, с. 310]. Кроме того, в Евангелиях, а также в дальнейшем и в житиях, летописях *въздвигнути* употребляется в значении «побудить», «поднять», «возбудить», ср. у Аввакума (о злом начальнике) *И он презрев моление наше, въздвиг на меня бурю, и у церкви, пришед сонмом, до смерти меня задавил* [5, с. 9]. Для современного же носителя языка *воздвигать* ассоциируется

со значением «строить», что парадоксальным образом соотносится с евангельским (условно говоря, «дигтатным») употреблением этой формы, с той лишь разницей, что Иисус говорил притчами, а современное языковое сознание склонно к буквальному прочтению метафоры «строительства» — «воскрешения» Злания¹.

2. ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ, ВЕРА И ИСТИНА В ТЕРМИНАХ ПРОСТРАНСТВА

2.1. О «жизненном пути» и «пространстве поведения». И по сей день метафора «пути» используется при описании человеческого существования, а смерть представляется как перемещение, «переход» («переселение») из одного локуса в другой². В примерах же из древнерусского и церковнославянского за счет иного, более архаичного, способа предложного управления и наличия добавочных спецификаторов особенно ощутима «пространственность» архетипической модели жизни, ср.: *Помышлати прѣшествик отъсудоду Сбор. 1076 г.* [9, т. II, стлб. 1715]; *И оубже на коньць жития прѣшьдѣ, и прѣже оубѣдѣвъ еже къ Бѣу свок Ѡшьствик. Нест. Жит. Феод.* [9, т. II, стлб. 824]; *се азъ Ѡхожю свѣта сего ... Пов. вр. лет 6562 г.* (там же, стлб. 821); *Посем мати моя отиде к Богу* [5, с. 8]; *Робеночек на кончину пришел* (5, с. 28).

Не только «внешнее» человеческое существование, но и духовная жизнь могла быть представлена как взаимодействие с пространством: «истины», «веры», «заповедей»..., ср.: *Ходяще во всѣхъ заповѣдехъ* (Лук. 1:6); *Николиже заповѣди твоа прѣстѣпнхъ* (там же 15:29) [3, т. II, с. 693]; *Онъ — во истинѣ не стонтъ, яко нѣсть истины въ немъ* (Иоан. 8:44); *якоже ты во истинѣ ходиши* (3 Иоан. 1:3); *да слышѣ моа чада во истинѣ ходяща* (3 Иоан. 1:4) [3, т. III, с. 829]; *Ѡстѣпнать нѣщын Ѡ вѣры* (1 Тимоф. 4:1); *Еже Ѡстѣпнати Ѡ Бга жива* (Евр. 3:12) (там же, 14:15); *Ѡгвже(сребролюбия) нѣщый желающе заблѣдиша Ѡ вѣры* (1 Тимоф. 6.10) [3, т. II, сс. 648—649]

Отголосками этих представлений в современном языке являются в большей или меньшей мере потерявшие связь с пространством слова *преступление* (*преступник*), *зablуждение* (*zablудиле души* .), *сoвращение* (*сoвратитель*), *отступник* и под.¹

Для описания неуклонного (ежедневного) следования поведенческой норме в древнерусском языке весьма часто употреблялась модель *ходити* + N6, например: *ходити въ вѣрѣ / въ истинѣ*. Сейчас мы не говорим *жить* (и тем более *ходить*) *в вере*, но реликты такого «пространственного» понимания слов, называющих пороки и добродетели, остались и в нашем языке, ср.: *жить в любви и согласии, жить в грехе, жить во лжи*⁴. Способность к употреблению в позиции предложного падежа имени в модели *ходить* (*жити*) + N6 можно рассматривать как своего рода тест на наличие у этого имени «пространственной» семантики. Такая способность, например, обнаруживается у слов *чистота*, *нечистота*, ср. (из Домостроя): *Тако же и юных детей своих наказуйте и учите Страху Божию, чтобы жили в чистоте и покаянии и в прочих добродетелях; в чистоте пребывать; в чистоте пребывайте, в посте и молитве, и в покаянии, и во всяких добродетелях; празников и поста не хранит, всегда в нечистоте пребывает, или чародействует, и волхвует*. Эти примеры показывают, что «чистота» / «нечистота» в древнерусском языке могли пони-

маться не только как свойства чистого и нечистого, но и как «пространство поведения» — в полном соответствии с такими именами, как *вера* и *истина*.

2.2. О символизации пространства и пространственной метафоре. Как известно, архаическому сознанию свойствен и другой способ «идеализации» пространства, а именно — соотнесение пространственных координат с «плохим» и «хорошим», «божественным» и «земным» началами. Фундаментальное исследование механизмов ориентации по странам света в архаических культурах Евразии проделано А. В. Подосиновым [6]. В лингвистическом отношении релевантной оказывается «малая» система координат — эго-, или персоно-, центрическая ориентация по линии «верх» / «низ», «право» / «лево» — именно она формирует пространство этики и является поставщиком нравственных оценок, ср. *высокий / низкий ум, низкая душа, низменные инстинкты, Наше дело правое, левая работа*. Весьма обширный материал на тему соотношения *правого* и *левого* с «хорошим» и «плохим» представлен в [14]. Вопрос о семиотизации пространственных координат и о роли «правого» и «левого» в ряду взаимосвязанных бинарных оппозиций типа *хороший / плохой, внутренний / внешний, мужской / женский* исследуется в [10, 11].

Здесь же мы хотим обсудить два момента: первый — это семантические основания оппозиции *правый / левый*, а второй — это вопрос о пространственном образе, на основе которого рождается соответствующий метафорический перенос.

Как известно, в древнерусском языке существовало две возможности описания рассматриваемой оппозиции — с помощью пар *десный* — *шѣный* и *правый* — *лѣвый*. Часто компоненты этих пар можно встретить в одном и том же контексте, ср. (из Домостроя) *И паки от десные страны на левую отгоняти враги являет, яко непобедимую силою Своею победи диавола Господь Шуия суца мрачна и некрепка*. С точки зрения «семантических первооснов» данные пары диаметрально противоположны: если *десный* и *шѣный* исходно пространственны — это, в первую очередь, «находящийся, расположенный справа и слева», то *правый* и *лѣвый* — это исходно «хороший» и «плохой», они образованы на «на семантической основе *bonus — malus*» [10, с. 165]. Мотивационная роль координат «правое» и «левое» в образовании оценок *хороший* и *плохой* проявилась слабо: изначально пространственные *десный* и *шѣный* почти не развили систему переносов. В свою очередь, изначально оценочные *правый* и *лѣвый* в плане выражения пространственных отношений различны: у *правого* эта функция была периферийной, а у *левого* — основной.

Вообще говоря, быть может, правильнее было бы с точки зрения реального употребления объединять в одну «пространственную» пару *лѣвый* и *десный* (как наиболее частотные корреляты), ср. *И паюють въ лѣвою роукою Десною же роукою сланны размажш(е) помазуютъ крщаемаго* Кр. 1282, и *ш(т)верзеся юмоу десноу шко оубо и шнѣ молщце юго ш лѣвъмь* ПНЧ 1286 [8, т. IV, с. 452].

Правый в древнерусском языке — это, прежде всего, «правильный, верный», «достоверный», «истинный», «чистый, непорочный» и даже «святой» (*Духъ правый*) [9, т. II, стлб. 1352—1354].

Итак, несмотря на обрядовую значимость (и отсюда — ценностную отмеченность) «правого» и «левого» пространства (см. [10]), отнюдь не пространственный образ «правого» и «левого» и не непосредственное чувственное ощущение этих пространственных координат служили семантическим основанием оценок *правое* — «справедливое», «истинное», *левое* — «несправедливое», «ложное»⁵.

Пространственным образом, на основе которого возник указанный перенос был образ «прямизны» (т.е. нечто вполне наглядное!), ведь исконное значение слова *правый* — это «прямой», ср. (Мф. 3 3) *Прави творите стези егво* («прямыми сделайте стези Ему»), (Лук 3 5) *И вѣдѣтъ стропотнаа въ правѣа, и острѣи въ пѣти гладки* («Кривизны выпрямляются, и неровные пути сделаются гладкими»).

Отголосками такого понимания «правого» в современном языке являются выражения *выправить* — «выпрямить», *править* (кораблем) — «держат (прямой) курс», *направление*, *выправка* (необходимым элементом которой является *прямизна* спивы)

Таким образом, можно сказать, что в какой-то исторический период в сознании носителей языка *правый* синонимизировалось с *прямый* как в пространственном, так и в оценочном значениях. При этом вопрос о конкретном образе пространства при интерпретации определенного типа высказываний (а именно тех, которые не апеллировали к конкретному денотату, например, евангельских изречений) оказывался несущественным: выражение *правым* (буквально «прямым») *путем ходити* прочитывалось как «поступать правильно, по правде» [9, г. II, стлб. 1352]. Отсутствие у *правого* тесной ассоциативной связи с «прямизной» — образным мотивантом положительной оценки — позволяет этому слову сменить, или быть может лучше сказать расширить, специализацию: от названия «хорошего», «истинного» поведения перейти к обозначению соответствующей этому поведению пространственной координаты.

Антонимами слова *прямый* (и в какой-то степени *правый*) являются прилагательные *лѣвый* и *кривый*⁶. При этом первое весьма рано порывает с идеей пространства (ср. редкое употребление *лукаво* в значении «извилисто»: *Иерданъ лукаво же вельми и быстро течеть. Дан. Иг.*) и сосредоточивается на описании полюса зла (вспомним субстантивное употребление этого слова)⁷. Второе же, напротив, от общей оценки с течением времени переключается на описание пространственных нюансов, ср. употребление *кривый* в значении «неверный, лживый»: *Ни права ни крива не обучивайте* (Поуч. Вл. Мон); *Бѣ же Издѣливъ мужь взоромъ красенъ и тѣломъ великъ незлобивъ правомъ криваго ненавидѣ любѣ правду* (Лавр лет) и современный словообразовательный комплекс пространственных спецификаций «кривизны» *покривиться*, *закривить*, *скривиться*, *искривление* и даже *кривляться*.

Если мы сравним современный язык с древнерусским по возможности употреблению слов на *прям-* и *крив-* в качестве оценок, то увидим, что не только у *крив-*, но и у *прям-* произошло существенное сужение «предметной сферы», ср.: *Прѣме оучитъ. Златостр.* — «правильно»; *Не вѣровати прѣмь. Изб. 1073* — «правильно»; *Вѣроуи въ прямоую и въ съборноу вѣроу. Жит. Порф.* — «истинную»; и *ниѣ ѡбоятеса Га и слѣжите емѣ прѣмоу правдоу Ис. Нав.* — «совершенной» (все примеры из [9, т. II, стлб. 1718—1718]). Сейчас

мы не используем слова *прямо*, *прямой* в перечисленных значениях, ср. **Моя вера прямая (а твоя — кривая)*; **Ты прямо сделал домашнее задание*. Приведем наиболее типичные случаи современного употребления слов на *прям-*: *прямой человек*, *прямой ответ* — «открытый, честный»; *прямодушный*; *Что вы ходите вокруг да около! Скажите прямо...* и под. В отличие от древнерусского, в котором *прямо* соотносилось с полюсом добра и в силу этого могло описывать весь комплекс значений, относящихся к этому полюсу (от «правильного», «истинного», «святого» до «открытого», «честного»), в современном языке как бы оживляется действие фактора пространственной мотивации, которая определяет соответствие между оценкой и тем пространственным образом, который за ней стоит. В самом деле, эпитет *прямой* в выражениях *прямой ответ*, *прямой человек* подразумевает такой тип поведения (=откровенности, открытости), который не ищет «обходных путей», не уходит в сторону от предмета обсуждения. Заметим, что в каких-то конкретных случаях подобное поведение может оцениваться и негативно (как жестокое, неделикатное и под.), что свидетельствует об отсутствии у данного эпитета априорной позитивности, ср. в этом плане такие (нейтральные в плане оценки) выражения, как *иметь прямое отношение к...*; *все это прямо указывает на...* и под.

Слова на *крив-* в современном языке почти потеряли возможность к выражению общих оценок, ср. между тем весьма широкий спектр таких возможностей в древнерусском языке: *кривити* — извращать, искажать, лгать, поступать несправедливо; *криво* — неправильно; несправедливо, ложно (...что взято криво. а то по исправѣ отъдати. *Гр. 1390*); *кривовѣрный* — еретический, печестивый; *кривоглаголати* — клеветать, порочить... и, конечно, *кривьда* — неправда, несправедливость. Имеющиеся же в современном языке выражения *кривить душой*, *криводушный* отсылают нас все к тому же типу поведения, только со знаком «минус».

Любопытно, что в настоящее время и у слов *лукавить*, *лукавый*, *лукавство* можно усмотреть некоторое «оживление» памяти о былом, пространственном, употреблении, на основе которого уже в современном узусе развивается метафора «непрямого» поведения, ср. *Он лукавил* — т.е. был не вполне искренен, «прям»; *В разговоре с журналистами он лукавил*; *лукавый ответ* и под.

Последнее тем более интересно, что слово *лукавый* употреблялось в древнерусском языке по преимуществу «переносно», претерпев с течением времени существенное изменение по линии характера и интенсивности оценки, ср.: «Первоначальное значение этого прилагательного определяется значением общеславянского существительного *лука* 'изгиб, излучина реки'. *Лукавый* значило 'извилистый'. На основе этого значения формируется уже в древнейшую эпоху 'коварный, обманный'. В своем последнем (переносном) значении слово и было приспособлено для передачи религиозного смысла среднегреческого *diábolos*. В современном русском языке сохранилось именно значение 'коварный', но слово приобрело и более «мягкое» значение, выражающее уже не резко отрицательную, но скорее даже доброжелательную оценку; ср. *Милая, лукавая улыбка блеснула в ее глазах* (Панова). *Лукавый* в значении 'дьявол' сохраняется, продолжает свое существование главным образом в сочетании *от лукавого*; само это значение характеризуется в современных толковых словарях как «просторечное» [15, с. 256].

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ О переосмыслении в современном русском языке многих церковнославянизмов в соответствии с некоей «культурной программой», заложенной в их памяти, см. в [16].
- ² Механизмы метафоры, эксплуатирующие пространственные модели, подробно рассматриваются в [2], при этом сама метафора изучается в аспекте диахронии.
- ³ О факторах, влияющих на идиоматизацию некоторых церковнославянизмов в современном языке, см. в [12].
- ⁴ Заметим, древнерусская модель по своей семантике не тождественна современному структурному аналогу — модели *esse + Loc* (*пробывать в страхе, находиться в укынии*): последняя, в полном согласии с семантикой «пространственности», называет пассивное нахождение (= состояние) субъекта, между тем как в древнерусском языке соответствующая модель подразумевает активность и ответственность субъекта, т.е. обладает яркой деятельностной семантикой.
- ⁵ Быть может, отсутствие этой пространственной мотивации связано со сложностью функционального освоения соответствующей оппозиции, ср.: «Понятия 'правый' и 'левый' в психическом развитии человека и прочное их утверждение в сознании и в практической деятельности, способность оперировать ими при столкновении с элементами окружающего мира, возникают довольно поздно. Правая (*resp.* левая) рука служила всегда важнейшим вспомогательным звеном при ориентации, но и отличие правой руки от левой — довольно сложный акт. Еще недавно, в начале XX в., крестьянскому ребенку нужно было перекреститься, чтобы отличить правую руку от левой...» [11, с. 149].
- ⁶ Слово *кривой* является противоположностью *правого* и как одно из возможных названий «левого», ср.: «Дезтимологизировались в славянских языках и диалектах и слова с *dexter — laevus*, образованные на семантической основе *bonus — malus*. Таковыми являются славянские *pravъ* — исконно 'прямой', 'справедливый', 'добрый, хороший', а затем 'правый', *krivъ* — исконно 'кривой', 'плохой' (ср. *кривда*), а затем 'левый' и др.» [10, с. 163]. Географические островки, где еще можно обнаружить эту семантическую близость между *кривым* и *левым*, выявлены Н. И. Толстым [11].
- ⁷ Весьма симптоматичен пример из современной (синодальной) версии Псалтыри: строки (118:101) *Ѡ всѣкагѡ пути лукава...* переводятся как *от всякого злого пути (удерживаю вас)*. Буквальному переводу *лукавого* как «непрямого» (что хорошо согласуется с семантикой *пути*) предпочитается замена этого эпитета на общую оценку *злой*.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян Ю. Д. Интегральное описание языка и толковый словарь // Вопросы языкознания. 1986. № 2.
2. Балашова Л. В. Метафора в диахронии (на материале русского языка XI—XX вв.). Саратов, 1998.
3. Гильтебрандт П. А. Справочный и объяснительный словарь к Новому Завету. Т. I—IV. München, 1988.
4. Дьяченко Гр. Полный церковно-славянский словарь. Репринт 1890 г. М.

5. Житие протопопа Аввакума: Житие инока Епифания. Житие боярыни Морозовой. СПб., 1994.
6. Подосинов А. В. Ех огиенте них! Ориентация по станам света в архаических культурах Евразии. М., 1999.
7. Словарь древнерусского языка XI—XIV вв. В 10 т. М., 1988—1991.
8. Седякова О. А. «Странствия владычня» (Из наблюдений над церковнославянским словом) // Слово и культура. Сб. статей памяти Н. И. Толстого. Т. 1. М., 1998.
9. Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. I—III. СПб., 1893—1913.
10. Толстой Н. И. Бинарные противопоставления типа *правый — левый, мужской — женский* // Н. И. Толстой. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995.
11. Толстой Н. И. Из географии славянских слов: *правый — левый* // Избранные труды в 3 т. Т. 1. М., 1997.
12. Улуханов И. С. О языке Древней Руси. М., 1972.
13. Успенский Б. А. Очерк истории русского литературного языка (IX—XIX вв.). М., 1994.
14. Шайкевич А. Я. Слова со значением «правый» и «левый» (Опыт сопоставительного анализа) // Уч. зап. 1-го Моск. гос. пед. ин-та иностранных языков. Т. XXIII. М.
15. Шмелев Д. Н. Современный русский язык. Лексика. М., 1977.
16. Яковлева Е. С. О понятии «культурная память» в применении к семантике слова // Вопросы языкознания. 1998. № 3.

Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев

ПЕРЕМЕЩЕНИЕ В ПРОСТРАНСТВЕ КАК МЕТАФОРА ЭМОЦИЙ*

Возникновение эмоций язык чаще всего представляет метафорически (напр., *вспыхнуть гневом*). Едва ли не самой распространенной метафорой для эмоций оказывается пространственная метафора, и, соответственно, возникновение эмоции часто метафорически уподобляется движению, перемещению в пространстве (не случайно именно таково происхождение и самого слова *эмоция*): ср. такие выражения, как *прийти в ярость; доставить удовольствие; выйти из себя; поднять настроение* и т.д. При этом выбор метафоры не является произвольным: мы говорим *прийти в раздражение, ярость, бешенство, уныние, отчаяние, ужас, восторг, восхищение, замешательство*, но не **прийти в огорчение, тоску, страх, опасение*; можно *принести радость* и *доставить удовольствие*, но не **принести удовольствие*; человек может быть *охвачен страхом*, но не бывает **охвачен радостью*. Отметим также лингвоспецифичность метафорических выражений такого рода: так, напр., в английском языке возникновение влюбленности метафоризируется как падение (ср. *fall in love*), а в русском языке такая метафора отсутствует.

Возможны два крайних подхода к таким метафорам.

Если считать, что «внутренняя форма» таких выражений полностью стерта и участвующие в них глаголы движения обнаруживают полную семантическую «опустошенность», то придется признать выбор глагола ничем не мотивированным и определяемым только на основе словарной информации, задающей идиосинкратичные свойства названия соответствующей эмоции. Такое решение было характерно для работ, выполненных в русле теории «Смысл ↔ Текст», и, в частности, именно оно принято в «Толково-Комбинаторном Словаре русского языка» [6]. При таком подходе достаточным считается указать в словарной статье названия эмоции способ(ы) реализации соответствующей лексической функции: *IncerOpег (восторг) = приходит*; *IncerOpег (отчаяние) = приходит, впадать* и т.д. Однако при этом упускаются лингвистически существенные обобщения и, в частности, не находят отражения интуиция носителей языка, в соответствии с которой выбор того или иного обозначения возникновения эмоции вовсе не случаен. Мы не говорим **прийти в удовольствие* или **погрузиться в бешенство* не просто потому, что таковы ни на чем не основанные идиосинкратичные свойства слов *удовольствие* и *бешенство*, а потому, что этому препятствует наше восприятие самих обозначаемых эмоций (в данном случае — удовольствия и бешенства). *Бешенство* — это не такая эмоция, в которую можно было бы «погрузиться», а *удовольствие* не является состоянием, в которое «приходят».

* Работа выполнена при частичной финансовой поддержке РГНФ (грант № 98-04-06214).

В последнее время получил широкое распространение иной (на первый взгляд, противоположный) подход к выражениям такого рода, предполагающий «буквальное» прочтение метафорических выражений, за которыми видится особый способ концептуализации эмоций. При таком подходе можно было бы сказать, что есть эмоции, которые представляются нам как своего рода помещения, в которые можно *прийти* (отсюда *прийти в раздражение, гнев, ярость* и т. д.), есть эмоции, подобные жидкости, в которую *погружается* человек, и т. д. Однако, можно заметить, что этот подход (едва ли не в крайней форме представленный направлением, иллюстрируемым работами Дж. Лакоффа, ср., напр., [9]) сходен с первым подходом в том отношении, что в обоих случаях все сводится к идиосинкретическим особенностям названий эмоций и не получает подлинного объяснения. В конце концов, сказать, что некоторое эмоциональное состояние метафорически концептуализуется как «помещение», и отдельно торжественно заявить, что возникновение эмоций, метафорически концептуализуемых как «помещения», описывается при помощи глагола *прийти*, — это просто вычурный способ сказать, что возникновение данного эмоционального состояния описывается посредством глагола *прийти*. Кроме того, такого рода объяснения слишком прямолинейны и при столкновении с языковыми фактами (в частности, с так называемым «отрицательным языковым материалом») полностью лишаются объяснительной силы или же требуют серьезной модификации. Если *тоска* и *страх* не «помещения», то как объяснить возможность конструкций *в тоске*, *в страхе*? Если же это «помещения», то почему нельзя **прийти в тоску* или **прийти в страх*?

Сказанное не означает, что попытка выявить концептуальную метафору, лежащую в основе конкретных метафор, вообще лишена смысла. Удачно обнаруженный мотивирующий образ часто не только описывает стандартные общеязыковые метафоры, но и позволяет предсказать более или менее индивидуальные метафорические употребления, которые, как оказывается, порождаются на основе того же самого образного представления. Заслуженную известность получило уподобление *радости* легкой светлой жидкости, которая *разливается* в человеке, *бурлит*, *играет*, *искрится*, *выплескивается через край* и т. д. (см. [3], ср. также [7]). Однако даже удачно найденные образные представления такого рода, порождая реально зафиксированные или только потенциальные метафорические выражения, не отвечают на все вопросы, связанные с функционированием метафорических выражений рассматриваемого типа. В частности, они тоже не обладают достаточной объяснительной силой в отношении отрицательного языкового материала. Если *радость* — жидкость, то непонятно, почему в нее нельзя *погрузиться*?

Кроме того следует иметь в виду, что далеко не всякий постулируемый лингвистами метафорический образ действительно обладает значительной порождающей силой. Бывает и так, что образ воссоздается на основе двух-трех выражений, подобранных достаточно случайно, и не соответствует другим аналогичным выражениям¹. Так, в книге [9] в основу пространственных метафорических образов эмоций кладется ключевая оппозиция ВЕРХ–НИЗ (UP-DOWN). Утверждается, в частности, что «радостные» эмоции ассоциируются с верхом, а грустные — с низом (*happy is up, sad is down*), что с верхом ассоциируется рациональное, а с низом — эмоциональное и т. п. Последний образ

связывается с такими выражениями, как, напр , *fell to the emotional level, raised it back up to the rational plane; rise above his emotions*. Но, как кажется, внутренняя форма некоторых других английских выражений инвертирует указанное пространственное соотношение эмоционального и рационального. Так, о человеке, который ранее под действием эмоций размечтался и пришел в возбуждение, но теперь успокоился, вернулся к реальности и вновь обрел способность рационально рассуждать, говорят, что он «спустился на землю» (*came down to earth*)². Кроме того, как и в прочих случаях, эти метафоры бессильны в применении к отрицательному языковому материалу. Так, в русском языке, по-видимому, радостные эмоции тоже ассоциируются с верхом, а грустные — с низом. Это образное представление объясняет интерпретацию таких выражений, как *поднять настроение, приподнятое настроение, настроение упало*; однако остается необъяснимым, почему говорят *настроение упало*, но не **настроение опустилось*³.

В настоящей заметке принимается несколько иной подход к пространственным метафорам, используемым для характеристики эмоций и стадий их существования. Предполагается, что выбор выражения в большинстве случаев является семантически мотивированным, однако выявление мотивировки должно быть основано не на примитивном «буквальном» прочтении метафорических выражений (которое может использоваться лишь как эвристический прием), а на семантическом анализе слов, обозначающих эмоции. При этом способность объяснить возможность или невозможность того или иного метафорического выражения может рассматриваться как свидетельство того, что семантическое описание адекватно отражает особенности языковой концептуализации мира эмоций (которая, разумеется, является лингво-специфичной)⁴.

Так, для английского языка характерно использование в составе таких выражений глаголов *come* и особенно *go* (напр , *went (*came) berserk, went (*came) into a frenzy, went (*came) into a tantrum, went (*came) livid with rage, came (*went) down to earth*). При этом выбор глагола осуществляется в соответствии с общими правилами, регулирующими выбор рассматриваемых глаголов для обозначения перехода в то или иное состояние и описанных в [8], а именно: *come* выбирается, когда речь идет о переходе в состояние, которое оценивается говорящим как «нормальное», тогда как выбор *go* указывает на то, что говорящий расценивает результирующее состояние как отклонение от нормы. Показательна здесь сама релевантность признака «нормальное» vs. «ненормальное» для английской языковой концептуализации эмоций.

Для русского языка признак «нормальное» vs. «ненормальное», по-видимому, не столь существен⁵. Показательно, что глагол *прийти*, служащий буквальным словарным переводом английского *come*, свободно сочетается с обозначениями заведомо ненормативных эмоциональных состояний: ср такие выражения, как *прийти в раздражение, прийти в ярость, прийти в бешенство*. Попытаемся установить, какие семантические признаки и семантические классы эмоций релевантны для установления возможности метафорического обозначения возникновения и бытования эмоции.

Обратим внимание на то, что семантические классы, о которых пойдет речь, пересекаются. Это обусловлено рядом факторов. Во-первых, в основу классификации кладутся разнородные признаки — все то, что представляется релевантным для описания сочетаемости названий эмоций. Тем самым может оказаться, что тот или иной концепт удовлетворяет конституирующим признакам различных семантических классов. Так, выражаясь упрощенно, можно заметить, что для эмоциональных состояний, в которые *впадают*, существенно, что они относятся к классу «неодобряемых» эмоциональных состояний, а для состояний, в которые *приходят*, — то, что это кратковременные состояния, направленные на внешний мир. Такая эмоция, как *ярость*, удовлетворяет обеим характеристикам и попадает в оба упомянутых класса, так что нас не должно удивлять, что можно сказать как *впасть в ярость*, так и *прийти в ярость*. Второй фактор состоит в том, что иногда одна и та же лексема может интерпретироваться несколько различным образом — в зависимости от того, в какую метафорическую конструкцию она попадает. Иначе говоря, класс, к которому относится соответствующая эмоция, определяется свойствами предиката, с которым ее наименование сочетается в данном высказывании. Так, *настроение* как таковое не является ни устойчивым, ни кратковременным, ни одобряемым, ни неодобряемым. Однако сочетание *впал в такое настроение ...* заставляет предположить, что речь идет о каком-то «неодобряемом» настроении, а сочетание *пришел в такое настроение ...* — что имеется в виду некоторое скоропреходящее настроение. Наконец, отнесенность эмоции к тому или иному классу может уточняться или модифицироваться посредством тех или иных определений. Так, *гнев* сам по себе не относится к классу «неодобряемых» эмоциональных состояний (бывает *справедливый гнев*), и не удивительно, что сочетание *впал в гнев* звучит несколько странно и принимается не всеми носителями языка (и заведомо аномально сочетание **впал в справедливый гнев*), если же все же признать *впал в гнев* допустимым, то *гнев* будет в нем пониматься как «необоснованный». При этом, как заметила Анна Мостовая (в рукописи диссертации [10], посвященной русским конструкциям с предлогом *в* и любезно предоставленной нам И. М. Богуславским), конструкция *впал в необоснованный гнев* «вполне приемлема» (perfectly felicitous) [10. 83]. Наличие определения *необоснованный* как бы переводит *гнев* в класс «неодобряемых» эмоций.

С учетом всего сказанного, можно утверждать, что большая часть эмоций, как они концептуализуются русским языком, подразделяется на «впечатления», эмоциональные состояния и стихийные чувства. Несколько упрощая картину и оставаясь в рамках пространственно-двигательной метафоры, можно сказать, что «впечатления» — это то, что человеку *приносит* или *доставляет* окружающий мир, в эмоциональные состояния он *приходит*, *впадает* или *погружается* (в зависимости от типа состояния), а стихийные чувства *охватывают* человека.

К «впечатлениям», или эмоциям, которые человек получает от окружающего мира, относятся такие эмоции, как *горе*, *огорчение*, *радость*, *удовольствие*. Способ получения «впечатлений» определяется типом эмоции. Мы говорим: *принести горе* или *радость*, *доставить удовольствие*, а *огорчение* может быть как *принесено*, так и *доставлено*. Но во всех случаях «впечатления»

каким-то образом черпаются из окружающего мира, в котором они гаятся, как музыкальный звук в струне. В них невозможно *прийти*, как приходят в то или иное состояние, они не *охватывают* человека, как чувства: нельзя сказать **прийти в горе, огорчение, радость, удовольствие* или **охващенный горем, огорчением, радостью, удовольствием*.

Такие «впечатления», как *горе* и *радость*, имеют как бы две стороны, отсылая как к переживаемой эмоции, так и к ситуации внешнего мира, вызвавшей эту эмоцию; *огорчение* и *удовольствие* — скорее к способу переживать эту ситуацию⁶. Поэтому *горе* и *радость* могут «объективироваться», напр. в таких конструкциях, как *У меня радость; У него горе* (в этом случае речь идет не столько об эмоциях, сколько об объективной ситуации). Для *огорчения* и *удовольствия* такие конструкции невозможны. Однако «объективация» *горя* или *радости* все же не устраняет аспект, связанный с эмоциональным переживанием внешней ситуации (такие высказывания, как *У тебя такое горе, а ты веселишься* или *У тебя такая радость, а ты все ноешь по пустыкам*, указывают не просто на несоответствие внешней ситуации и эмоций субъекта, а, скорее, на несоответствие того, что, по мнению говорящего, должен чувствовать субъект, и того, что он чувствует на самом деле). Показательно различие между словами *горе* и *несчастье*. Слово *горе* предполагает эмоцию, вызванную некоторой ситуацией внешнего мира; об этой ситуации можно сказать что она *принесла* субъекту *горе*. Слово *несчастье* дает объективную оценку ситуации, не зависящую от эмоций; соответственно, сочетание *принести несчастье* означает «стать причиной ситуации, которую можно охарактеризовать как *несчастье*».

«Впечатления» черпаются извне в том или ином количестве, для них существенна количественная оценка: *много горя, радости* и т.д. Существительное может стоять в такой конструкции и во множественном числе, но значение при этом несколько иное. При существительном в единственном числе количественная оценка относится к интенсивности или значимости эмоции: *много горя* ≈ *большое горе*, *много радости* ≈ *большая радость*, *много удовольствия* ≈ *большое удовольствие*⁷; при существительном во множественном числе количественная оценка указывает на разнообразие ситуаций, вызвавших соответствующее «впечатление»: *много радостей* ≈ *многообразные радости*, *много огорчений* ≈ *многочисленные огорчения*, *много удовольствий* ≈ *разнообразные удовольствия*.

От «впечатлений» следует отличать эмоциональные состояния: *раздражение, ярость, бешенство, уныние, отчаяние, ужас, восторг, восхищение, замешательство, печаль, скорбь* и т. д. Они могут каузироваться какими-то ситуациями внешнего мира, однако, в отличие от «впечатлений», они и в этом случае не «черпаются» извне (и потому их названия не сочетаются с такими глаголами, как *принести* или *доставить*), а возникают как реакция на внешнюю ситуацию. В рамках класса эмоциональных состояний можно выделить «кратковременные» состояния, «глубокие» состояния и «греховные» состояния.

Самый обширный класс эмоциональных состояний — это моментально возникающие кратковременные состояния. В такие состояния *приходят* (ср. *прийти в раздражение, ужас, восторг, замешательство* и т.д.), а поскольку

чаще всего они вызываются внешней ситуацией и направлены на нее, то говорят, что нечто *привело* человека в соответствующее состояние ср. *привести (кого-л.) в раздражение, ярость* и т.д. Метафорическое использование глаголов *прийти / приходиться* и *привести / приводить* здесь не случайно. Как известно, ярким аспектуальным свойством этих глаголов движения является их неспособность употребляться в «процессном» значении. Соответственно, уместно их использование для обозначения моментального возникновения эмоции. Таким образом, в рассматриваемых конструкциях аспектуальные свойства глаголов *прийти / приходиться* и *привести / приводить* сохраняются — в отличие от таких конструкций, как *приходить в себя (в чувство)* и *приводить в себя (в чувство)*, которые указывают не на возникновение эмоции, а на выход субъекта из бессознательного или полубессознательного состояния и в которых глаголы вполне могут иметь процессное значение (ср. *медленно приводили его в чувство; постепенно приходил в себя*). Если же речь идет об эмоциональных состояниях, возникающих постепенно, используются глаголы *войти / входить*, а не *прийти / приходиться* (ср. *постепенно входить в раж, в азарт* и т.п.)

Среди кратковременных состояний центральное место занимают «аффекты»: *раздражение, ярость, бешенство, ужас, восторг, восхищение, замешательство* и т.д. «Аффекты» представляют собою интенсивные, но в каком-то смысле неглубокие эмоции (с этим связана и их кратковременность), связанные с потерей самоконтроля и мешающие субъекту адекватно вести себя в соответствующей ситуации⁸. Иллюстрировать понятие «аффекта» можно на примере ряда *страх, боязнь, испуг и ужас*⁹ (ср. описание указанных слов, предложенное Е. В. Урысон [4: 472—486]), в котором к «аффектам» относится *ужас*, но не *испуг, страх и боязнь*. Это связано с тем, что слово *ужас* (в частности, в сочетании *прийти в ужас*) обозначает «в высшей степени сильное огорчение, негодование, крайнее изумление» [4: 480], которое уже поэтому «не может быть слишком длительным» [4: 473]. Прочие слова этого ряда не могут попасть в класс «аффектов», поскольку *боязнь* — это не очень интенсивная и при том контролируемая установка, часто предполагающая рациональную оценку вероятности некоторого неприятного события (ср. [4: 475—476]), *испуг* часто бывает незначительным (ср. выражение *легкий испуг*) и, как отметила Е. В. Урысон [4: 477], в любом случае не успевает сильно повлиять на человека и его действия; наконец, *страх*, будучи менее сильной эмоцией, чем *ужас*, часто оказывается более длительным (показательно название книги В. Ф. Турчина «Инерция страха»). Поэтому и можно *прийти в ужас*, но не **прийти в испуг, страх* или *боязнь* (*испуг* и *боязнь* вообще не концептуализуются как *состояния*, о *состоянии страха* иногда говорят [4: 474], однако более естественно выглядит сочетание *чувство страха*). Точно так же «аффектом» являются *ярость, бешенство, раздражение*, но не *злоба* (ср. замечание Ю. Д. Апресяна: «Злобу, какой бы сильной она ни была, субъект может контролировать» [4: 447]), и поэтому можно *прийти в ярость (бешенство, раздражение)*, но не **прийти в злобу*.

К «аффектам» примыкают другие кратковременные состояния, препятствующие адекватному поведению субъекта, — такие, как *уныние* или *от-*

чаяние в их бытовом понимании. В сочетаниях *прийти в уныние*, *прийти в отчаяние* эти слова указывают на не очень глубокое (хотя, возможно, интенсивное) и кратковременное эмоциональное состояние (*пришел в уныние* ≈ *приуныл*; *он пришел в отчаяние* ≈ *у него руки опустились*)¹⁰. Возможно и понимание уныния и отчаяния как глубоких (*бездна отчаяния*) и длительных душевных состояний (именно о таком глубоком унынии говорят, что это самый тяжкий грех), но в этом случае не используются конструкции *прийти в уныние* и *прийти в отчаяние* — напр., можно сказать *Опоздав на автобус, он пришел в отчаяние*, но странно звучала бы фраза *После смерти жены он пришел в отчаяние* (наблюдение А. Д. Мостовой [10: 73])¹¹

Хотя «приход» в то или иное кратковременное эмоциональное состояние обычно бывает неконтролируемым, субъект несет за него ответственность. Кратковременное состояние может быть «греховным», и тогда в него можно не только *прийти*, но и *впасть* (так, говорят *впасть в бешенство*, *впасть в ярость*, но не **впасть в восторг*, *в восхищение*, поскольку в *восторге* или *восхищении* как таковых нет ничего «греховного»)¹². При этом из «греховного» состояния бывает трудно «выйти», так что даже «кратковременные» состояния в конструкциях с глаголом *впасть* воспринимаются как относительно более длительные. Еще чаще конструкции с глаголом *впасть* используются для описания длящихся «греховных» душевных состояний, которые уже превращаются в общую установку (не случайно говорят *прийти в раздражение*, но *впасть в раздражительность*). *Отчаяние* и *уныние*, в которые *впадают*, — гораздо более глубокие и безнадежные состояния души, нежели *отчаяние* и *уныние*, в которые *приходят* — ср., с одной стороны, бытовую реплику Чацкого, обескураженного беспардонным враньем Репетилова *Послушай, ври, да знай же меру! Есть от чего в отчаянье прийти*, — и с другой — почти безнадежное *Как не впасть в отчаяние при виде всего, что совершается дома* (Тургенев) *Впадают* также в *мрак*, в *мнительность*, в *панику*, в *истерику* — во всех случаях «впавший» в такое состояние субъект ведет себя неадекватно, но при этом ему нелегко своими силами прекратить это состояние.

Подчеркнем, что оценка 'плохо', характеризующая состояния, в которые *впадают*, — это именно неодобрение. Большинство состояний, в которые *впадают*, представляют собою отрицательные эмоции, но конституирующим свойством рассматриваемого класса является все же «греховность». Так, некоторые информанты считают приемлемым выражение *впасть в экстаз*, и это, несомненно, связано с тем, что *экстаз*, хотя и приятен субъекту, но подчас выходит за рамки приличий и многими не одобряется. Напротив того, нельзя **впасть в скорбь*: существенная черта *скорби*, отличающая ее, напр., от *отчаяния*, состоит в том, что *скорбь* всегда бывает связана с какой-то действительной утратой и потому предполагает сочувствие *скорбящему* субъекту, а не осуждение его.

Степень ответственности субъекта за попадание в «греховное» эмоциональное состояние больше, чем в случае «кратковременных» состояний. Если все же требуется указать, что состояние было каузировано какой-либо внешней причиной, используется не глагол *привести*, а глагол *вергнуть* или *повергнуть*.

Третью разновидность эмоциональных состояний составляют «глубокие» состояния, в которые человек *погружается*. Так, говорят *погрузился в печаль, в уныние, в отчаяние, в скорбь*.

«Глубокие» состояния противопоставлены «кратковременным» состояниям по ряду параметров. Прежде всего, «глубокие» состояния нормально бывают длительными или, по крайней мере, предполагается, что они могут быть таковыми. Другое отличие заключается в том, что субъект, который находится в таком «глубоком» состоянии обычно не обращает внимания на окружающий мир (бывает *погружен в себя*), фиксируясь на своих переживаниях, — в отличие от субъекта «кратковременного» состояния, которое обычно возникает как реакция на внешнюю ситуацию и бывает направлена на нее. Кроме того, для «кратковременных» состояний, особенно «аффектов», характерны внешние проявления¹³, тогда как «глубокие» состояния внешних проявлений, как правило, не имеют. Указанные свойства «глубоких» состояний можно связать с метафорическим образом *погружения* в жидкость, который и лежит в основе конструкций, описывающих возникновение таких состояний. Действительно, человек погрузившийся в жидкость на известную глубину, оказывается лишен доступа к информации о внешнем мире и затруднен в своих движениях; и ему бывает нелегко сразу же вынырнуть на поверхность.

Некоторые «кратковременные» состояния могут при определенных условиях переосмысливаться как «глубокие» состояния и тем самым сочетаться с глаголом *погрузиться*. Так, не говорят *погрузиться в ужас*, но можно сказать: *Я погрузился в бездну ужаса* (Достоевский). Среди названий эмоциональных состояний есть и такие, которые могут обозначать и «кратковременные», и «греховные», и «глубокие» состояния. Сюда относится, напр., слово *отчаяние* — ср. правильность конструкций *прийти в отчаяние, впасть в отчаяние, погрузиться в отчаяние*. Можно сказать, что в указанных трех конструкциях мы имеем дело с тремя различными разновидностями *отчаяния*: кратковременным упадком духа (*прийти в отчаяние*), глубокой и, вероятно, длительной депрессией (*погрузиться в отчаяние*), состоянием полной лишенности последней веры и надежды (*впасть в отчаяние*). В целом же соотношение рассматриваемых трех типов эмоциональных состояний таково: «кратковременные» состояния противопоставлены «глубоким» состояниям, признак же «греховности» независим от названных двух признаков.

Третий класс эмоций составляют стихийные чувства, которые *охватывают* человека, овладевают им (о том, что стихийные эмоции концептуализуются как враждебная сила, извне завоевывающая человека, см. [1]). К ним относятся *стыд, страх, тоска, беспокойство, тревога, грусть* и т.д. Этот класс менее четко очерчен, нежели классы «впечатлений» и эмоциональных состояний. Едва ли не всякое эмоциональное состояние, в котором незначительна рациональная подоплека, может рассматриваться и как стихийное чувство. Поэтому, наряду с *прийти в бешенство, в восторг* и т.д., используются и такие выражения, как *бешенство охватило, восторг охватил* (а также *охваченный бешенством, восторгом* и т.д.). Лишь о рациональных эмоциях нельзя сказать, что

они *охватывают* человека, — так, Ю. Д. Апресян отметил, что человека не может *охватить* такая эмоция, как *изумление*, потому что она «слишком рациональна» [1]

Итак, мы видим, что выбор метафорического образа, указывающего на возникновение эмоции, зависит от того, как данная эмоция концептуализуется в языке. Для разных типов эмоций пригодными оказываются различные метафорические образы.

В заключение коснемся кратко выражений, указывающих на эмоции при помощи пространственно-двигательной метафоры, но при этом не включающих названия эмоции. Среди них есть такие характерные для русской языковой картины мира выражения, как, напр., *отвести душу*, и идиосинкратичность многих из таких выражений может рассматриваться как дополнительное свидетельство того, что одного лишь буквального прочтения образа недостаточно, чтобы однозначно предсказать интерпретацию метафорического выражения

Так, целый ряд выражений, построенных на пространственно-двигательной метафоре, включает возвратное местоимение *себя*. В частности, указать на то, что человек приходит в состояние ярости, дает волю своему гневу или раздражению, можно посредством выражения *выйти из себя* (а о внешней ситуации, каузировавшей возникновение этого состояния, говорят, что она *вывела субъекта из себя*). О человеке, который *вышел из себя*, можно сказать, что он *вне себя*, но значение этого оборота шире: напр., можно быть *вне себя от радости*¹⁴. Когда человек *вышел из себя*, то его возвращение в нормальное состояние не может быть прямолинейно описано при помощи метафоры обратного движения: *прийти в себя* значит 'вновь обрести сознание', а не 'успокоиться'.

В выражении *выйти из себя* (а также *выйти из терпения*, *из равновесия*) за точку отсчета (исходный пункт «движения») принимается нормальное эмоциональное состояние. Иначе устроены такие выражения, как *уйти в себя* или *уйти в свои переживания*, сходные с такими выражениями, как *уйти в науку* или *уйти в запой*. В этих выражениях точкой отсчета оказывается наблюдатель или окружающий мир (так что все разнообразные «уходы» воспринимаются как своего рода эскапизм). Когда человек *выходит из себя*, отклонение от нормы состоит в разладе с самим собою; когда он *уходит в себя*, отклонением от нормы является утрата контакта с внешним миром. При *уходе в себя*, как и в случае *погруженности в себя* или *в свои переживания*, человек перестает обращать внимание на окружающих, и это может восприниматься как свидетельство его эгоцентризма. Анна Ахматова в таких случаях говорила: «Рухнул в себя, как в пропасть!» Н. И. Ильина комментировала эту фразу Ахматовой следующим образом: «Эти слова я слышала от нее не раз. Они произносились по адресу эгоцентриков, и интонация Ахматовой бывала гневной». Действительно, выражение *рухнул в себя* объединяет представление о погруженности или уходе в себя при полном невнимании к нуждам других и представление о движении вниз, как при «впадении» в «греховное» состояние, и тем самым в наличии оказываются все основания, чтобы гневаться.

Наконец, на эмоцию можно указать метонимически, описав ее физическое проявление, и при этом также нередко используются пространственно-двигательные метафоры (*вогнать в краску* и т. п.). Коснемся лишь одного типа такого рода выражений, связанных с «движением» голоса.

Когда мы говорим, что у кого-либо упал голос, это указывает на то, что у человека резко ухудшилось (упало) настроение. Метафора движения вниз здесь используется в соответствии с общим принципом «sad is down». Совсем иной статус у метафорического образа движения голоса вниз в выражении понизить голос, указывающем на контролируемое «движение» голоса: понизить голос значит 'начать говорить тише' (чтобы не слышали), и никакого указания на эмоции здесь нет. Казалось бы, можно ожидать, что выражение повысить голос, соответствующее метафорическому образу контролируемого движения голоса вверх, окажется симметричным выражению понизить голос. Однако повысить голос значит не просто 'начать говорить громче' (нельзя сказать: **Она плохо слышала, поэтому пришлось повысить на нее голос*), а нечто вроде 'начать говорить громче в раздражении'.

Представляется, что изложенные в настоящей заметке наблюдения, касающиеся пространственно-двигательных метафор возникновения и прекращения эмоций, свидетельствуют, что их описание требует внимательного семантического анализа — как для того, чтобы описать разнообразные идиосинкратичные свойства отдельных лексических единиц, так и для того, чтобы выявить систему, лежащую в основе рассматриваемых метафор.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Ср. критические замечания по адресу метафорических описаний в духе Дж. Лакоффа в [2].
- ² В словаре Вебстера [11] выражение down to earth толкуется как 'without affectation'.
- ³ Здесь можно заметить, что здесь проявляется общий дефект подхода, основанного на поиске базовых концептуальных метафор. Так, можно утверждать, что недостаток энергии или безнравственное поведение ассоциируются с «низом», а не с «верхом», и это объясняет интерпретацию сочетаний *упадок сил* или *падение нравов*, но не отвечает на вопрос, почему в первом случае мы говорим об *упадке*, а во втором — о *падении* (а не наоборот).
- ⁴ Очевидно, что собственно семантическому анализу должна предшествовать тщательная фиксация фактов, относящихся к сочетаемости названий эмоций. В этом смысле можно сказать, что описание метафорических сочетаний, сделанное в духе «Толково-Комбинаторного Словаря», является необходимым предварительным этапом всякого описания, претендующего также и на объяснение возможности или невозможности того или иного сочетания.
- ⁵ Хотя в каких-то случаях он все же может оказаться релевантным. Так, глагол *упасть* при описании эмоций указывает на переход в ненормативное состояние (*настроение упало*, т. е. стало хуже, «чем положено»), а *опуститься* — на возвращение в нормальное (*После краткого периода эйфории он опустился на землю*).
- ⁶ Детальное описание различий между *радостью* и *удовольствием* содержится в замечательной статье А. Б. Пеньковского [5]. Семантическое соотношение *горя* и *огорчения* во многом аналогично соотношению *радости* и *удовольствия*, хотя и не тождественно ему.

- ⁷ Впрочем, некоторое различие между конструкциями со словом *много* (или «восклицательными» местоимениями *сколько* и *столько*) и конструкциями со словом *большой* (*огромный* и т. д.) все же имеется. В конструкциях со словом *много* и т. п. акцент ставится на силе переживания (*принести много горя; ... много, много радости детишкам принесла; Мне это так не трудно, а им столько удовольствия*), а конструкции со словом *большой* (*огромный* и т. д.) чаще указывают на объективную оценку значимости ситуации (*У него большое горе — умерла жена; У нас большая радость — дочь вышла замуж*; ср. также ироническое обыгрывание этого компонента — объективированная общезначимая оценка — в шуточном четверостишии Б. Заходера: *Плачет Киска в коридоре. У нее большое горе: злые люди бедной Киске не дают украсть сосиски!*).
- ⁸ «Аффекты» противопоставляются друг другу по целому ряду признаков, напр. по степени интенсивности и глубины (так, по Ю. Д. Апресяну [1], *восторг* интенсивнее, чем *восхищение*, а *восхищение* глубже, чем *восторг*), но мы здесь сосредоточимся на общих свойствах класса.
- ⁹ В этот ряд входит еще и слово *паника*, относительно которого интуиции информантов расходятся: некоторые считают сочетания *прийти в панику, привести в панику* вполне приемлемыми, тогда как другие отвергают их.
- ¹⁰ По-видимому, именно о таком «неглубоком» *унынии* Е. В. Урысон замечает, что для слова *уныние* характерно «смазанное употребление, при котором оно обозначает неглубокое кратковременное гнетущее чувство, сопровождающееся апатией» [4, 515].
- ¹¹ Отметим, кстати, что не попадают в класс «кратковременных эмоциональных состояний» и не используются в конструкциях с глаголом *прийти* такие слова, как *грусть, печаль, скорбь*. Различаясь по степени силы (*грусть* может быть *легкой*, тогда как *скорбь* обычно *глубокая*), все эти эмоции не препятствуют адекватному поведению субъекта и не имеют ничего общего с «аффектами».
- ¹² Использование в таких конструкциях глагола *впасть* связано с метафорическим образом греха как *падения*. Отметим, впрочем, что в применении к этим конструкциям понятие пространственно-двигательной метафоры является условным, поскольку глагол *впасть* не имеет значения «буквального», пространственного падения.
- ¹³ Интересна гипотеза А. Д. Мостовой, которая связывает наличие наблюдаемых проявлений у сочетающихся с глаголом *прийти* эмоций с тем фактом, что глагол *прийти* в основном, пространственном значении указывает на перемещение в место, в котором находится или воображает себя наблюдатель, и тем самым этот глагол предполагает фигуру наблюдателя [10].
- ¹⁴ Обратим внимание также на различную интерпретацию двух оборотов, имеющих почти тождественную внутреннюю форму: *вне себя* означает «в крайнем возбуждении», а *не в себе* — «в душевном расстройстве».

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян Ю. Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания. 1995. № 1.
2. Апресян В. Ю., Апресян Ю. Д. Метафора в семантическом представлении эмоций // Вопросы языкознания. 1993. № 3.
3. Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл. М., 1976.

4. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Проспект. / Авт. Ю. Д. Апресян, О. Ю. Богуславская, И. Б. Левонтина, Е. В. Урысон. Под общим руководством акад. Ю. Д. Апресяна. М., 1995.
5. Пеньковский А. Б. *Радость и удовольствие* в представлении русского языка // Логический анализ языка. Культурные концепты. М., 1991.
6. Толково-Комбинаторный Словарь современного русского языка. Опыты семантико-синтаксического описания русской лексики. / И. А. Мельчук и А. К. Жолковский. Вена, 1984.
7. Успенский В. А. О вещных коннотациях абстрактных существительных // Семиотика и информатика. Вып. 11. М., 1979.
8. Clark E. V. Normal states and evaluative viewpoints // *Language*. 1974. Vol. 50. № 2.
9. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors we live by*. Chicago; London, 1980.
10. Mostovaia A. Doctoral thesis. Manuscript. 1996.
11. Webster's New World dictionary of American English / Victoria E. Neufeldt, editor-in-chief. 3rd college ed. Cleveland & New York, 1988.

ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ МЕТАФОРЫ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ ➤

Вся культура может быть
истолкована как деятельность
организация пространства
П. Флоренский

В работе рассматривается метафорическое употребление некоторых групп слов с исходным пространственным значением.

Выясняется, какие смыслы порождаются этими метафорами и какие фрагменты внеязыковой деятельности они отражают

Анализируя семиотику пространства, Ю. М. Лотман писал: «Всякая модель культуры может быть описана в пространственных терминах» [7, 406].

Склонность воспринимать и оценивать мир в пространственных категориях — очевидно, явление универсальное, но представляется возможным предположить, что это особенно характерно для русского менталитета.

В пространственных метафорах (далее ПМ) отражаются в русском языке важнейшие фрагменты картины мира: жизнь, смерть, судьба, общество с его социальной иерархией, нравственные понятия, качественные и количественные характеристики.

В русском языке метафоризируются едва ли не все названия пространственных объектов. Известно, что источником метафор, как правило, являются слова, называющие актуальные для общества определенного времени понятия. С этой точки зрения пространственные категории, их параметры относятся к вечно актуальным для человека любого общества.

Для анализа взяты названия природных объектов: водоемов, возвышенностей, впадин и некоторые другие.

Каждая из названных групп имеет свой «участок» в отражении картины мира, но нередко эти участки пересекаются, поскольку ПМ характеризуются многообразием направлений переносов и многозначностью почти каждой отдельной метафоры. Как метафорически осмыслен русский ландшафт?

1. Для метафоры не очень характерно оставаться в пределах той же самой логической категории, но анализируемые метафоры могут образно представлять одно пространство через другое.

Горы, холмы, бугры могут быть не только на земле: *горы, холмы облаков* (не в количественном значении), *горы, холмы, бугры — воды, волн; море тайги, снежное море, песчаное море* (о пустыне), *степной океан* и *морская пустыня*, грязную реку называют *болотом*, землю (страну или сушу в противоположность морю) называют *берегом* и т.д. (о том, что в духовных русских стихах *пустыней* называют лес, сообщалось в докладе С. Е. Никитиной).

Тем самым — метафора отражает осознание человеком единства, неразрывности частей мирового пространства. Разные ярусы пространства выступают изоморфными явлениями. В этом отношении особое место занимает слово *бездна*, которое метафорически соединяет все уровни мирового пространства: небо, землю и то, что под землей.

Так, *бездна* — «о морской глубине» — *бездна моря, бездна вод* и «беспредельное неизмеримое пространство» *Воздушная бездна*. Ср. у Набокова о небесной бездне: «Со страстной завистью я смотрел на лилипутового аэронавта, ибо в *гибельной черной бездне*, среди *снежинок и звезд*, счастливцев плыл совершенно отдельно, совершенно один (Другие берега); *Открылась бездна, звезд полна* (Ломоносов).

О соединении небесной и морской бездны писал Тютчев:

Но нет завиднее удела,
О лебедь чистый, твоего —
И чистой, как ты сам, одею
Тебя стихией божество.
Она, между *двойною бездной*,
Лелеет твой всезрящий сон —
И полной славой, *тверди звездной*
Ты отовсюду окружен (Лебедь).
Небесный свод, горящий славой звездной,
Таинственно глядит из глубины, —
И мы плывем, *пылающею бездной*
Со всех сторон окружены

Из этих пространственных бездн рождаются у Достоевского две бездны души, две бездны человеческого сознания, существующие в русской натуре:

.. Мы натуры широкие, карамазовские.., — способные вмещать всевозможные противоположности и разом созерцать *обе бездны, бездну над нами, бездну высших идеалов, и бездну под нами, бездну самого низшего и зловонного падения* (Достоевский, Братья Карамазовы).

В то же время метафорическому осмыслению мира не чужда и идея расчлененности. Мир делится на *там* и *здесь*, на *свое* и *чужое*. Разделяют пространство *горы, моря, океаны, реки*.

Ср.: Славны бубны *за горами*; И *за рекой* люди живут, И *за горами* люди (Даль, Пословицы); Ладно ль *за морем*, иль худо? *За морем* житье не худо (Пушкин); *За горами, за долами, за широкими морями*, не на небе, на земле жил старик в одном селе (Ершов); За «*бугром*» у нас — несметные богатства (АиФ 33, авг. 1994). Беда, коль наш новый премьер ищет (уже нашел) *за бугром* врагов (ЛГ, 3.07.1991). Людей разделяет и *глубокая пропасть*.

Расчлененность вещного мира в поэзии нередко предстает как разделенные миры: мира живущих и потустороннего. Ср. у Ахматовой.

Я теперь *за высокой горю*,
За пустыней, за ветром, за зноем.
Но тебя не предаю никогда (Постучись кулачком — я открою. .)

Но эти два мира в сознании поэта разделяются теми же пространственными преградами, что и мир реального бытия человека.

Кроме *горы* это может быть *река* или *поток*, *ручей*. Тогда два мира — это два *берега*:

... пиршество, устроенное по случаю благополучного выздоровления хозяина дома, который, по его словам, уже одной ногой был *там*, но вторая оказалась крепче, и он удержался *на этом берегу* (Ф. Искандер, Сандро из Чегема).

2. Человек как индивидуум чаще всего представляется в образах: *гора* (огромный и толстый), *бугор* (жарг. 'начальник'), *остров* (выделяющийся среди других), *берег* (тот, кто является источником спасения, прибежищем). Встречаются так же и *айсберг* (холодный и не до конца понятный), *река* (об изменчивой натуре), *оазис* (отрадное исключение). Общество может характеризоваться метафорами — *дно*, *болото*, *яма*, *трясина* и др.

3. Жизнь человека в ее течении (или застое) издавна ассоциировалась с рекой или морем или с плаванием по «реке жизни», «житейскому морю» (застой — с болотом).

В этой метафоре выражается не только идея движения (течения), но и коллизий, столкновений (*скалы*, *риффы*), надежды на спасение во время «бурь» (*берег*) и т. д.

И хотя эта метафора оценивается словарями как устарелая, однако мотив жизни как плавание по морю или в образе самого моря не покидает общественное сознание. Он по-прежнему характерен для художественной литературы и особенно для современной публицистики. Общественная жизнь — политика, экономика, идеология то и дело представляется в образах *моря* (*океана*) с *рифами*, *скалами*, *пучинами*, *островами*, в образе реки с быстрым течением, мгновенно уносящей все.

Ср.: *Река жизни; поток жизни; река с быстрым течением* (Маканин); *ювенильное море* (Платонов); *море политики; океан экономики; болото политики* и т. д.

Ср.: *Море житейское подводных камней преисполнено* (Даль, Пословицы); *Далекий могучий поток народной жизни...* Коснулся одинокой души Зенона (Ф. Искандер, Утраты); *Экая быстрая река — жизнь, сносит течением, и все тут дела...* Ручей вновь напоминал ему реку, быструю воду реки, которая за какие-то полтора десятка мгновений *пронесла мимо него жизнь жены* — и унесла (В. Маканин, Река с быстрым течением). В *бурном океане сегодняшней экономики* надежный лоцман — СП «Колумб» (Ог., 1991, 4).

В метафорическую картину жизни включаются все названия водоемов и их части: *источник*, *ключ*, *родник*, *водопад*, *истоки*, *русло*, *излучины*, *плес* и др.

«*Славянские ль ручьи сольются в русском море? Оно ль иссякнет? Вот вопрос*» (Пушкин, Клеветникам России); Тогда-то Мартын впервые понял, что *человеческая жизнь идет излучинами*, и что вот первый *плес* пройден (В. Набоков, Другие берега).

ПМ в высшей степени системны. Метафорическое употребление названий водоемов обуславливает образный смысл у таких слов, как *риффы, волны, берега, острова, архипелаги, подводные камни, мели*

Часто именно эти атрибуты морского пейзажа и создают целостность метафоры *море* или *плавание* по нему — это жизнь в разных проявлениях.

Ср.: Римская церковь и в древние времена одна стояла *твердою скалою*, о которую разбивались все темные волны антихристианского движения (В Соловьев, Три речи в память Достоевского); Политический корабль Маргарет Тэтчер разбился именно *о риффы* европейской интеграции (ЛГ, 30.01.91); Скажется это, несомненно, и на течении того процесса, который должен вынести Россию на *стремнину рынка* (ЛГ, 2 Об 92)

Хотя, я думаю, разные исследователи не без основания говорят о «равнинном» мышлении российских людей (см. [10, 31]), даже об их равнинной религиозности, однако метафорическое использование возвышенностей и их частей мы находим во всех сферах отражения бытия пространства, времени, жизни в ее течении и фазах, человека как индивидуума. Метафора представляет жизнь и как движение по горе: жизнь до «середины» — *движение в гору* (ср. также *на подъеме, на крутизне, на вершине*), после — *под гору, с горы, под уклон, на склоне* и т.д.

4. Конец жизни, гибель, смерть представляются метафорическим употреблением названий *впадин*: в образе *бездны, пропасти, пучины, ямы, обрыва, провала, иногда оврага*.

В основе метафорического осмысления здесь лежат религиозные представления о том, что преисподняя находится под землей, в бездне, и обычный житейский страх на краю пропасти (боязнь упасть), и ассоциации: *яма — могила*

При этом, как правило, бездна выражает идею грядущей гибели (а не произошедшей). Поэтому обычны контексты. *Над пропастью (бездной); у края бездны (пропасти); перед пропастью (бездной); у обрыва, к обрыву* и т.д. Ср.: Летящей горою за мною несется Вчера, А Завтра меня впереди ожидает как *бездна* Иду . но когда-нибудь в *Бездну* Сорвется Гора. Я знаю, я знаю, дорога моя бесполезна (Гумилев, Я верил, я думал .).

Хотя не исключены и контексты: Они оказались в пропасти (яме). Мы поверили, что он *выкарабкается из этой ямы* ... но не получилось (КП, 27.0 97.)

5. Известно, что время нередко появляется в русском языке в образе пространства. Названия анализируемых природных объектов представляют время жизни, как и саму жизнь, в образе движения по горе: *в гору, под гору* и т.д. Ср.: *время пошло под уклон; достиг вершины дней, пик времени; не за горами* — не только о пространственной, но и о временной близости. Время представляется издавна также в образе *реки* или *океана*.

Преимущественно в художественной литературе встречается образ *бездны* для характеристики глубины (отдаленности) прошлых лет: *бездна времен, веков, дней, лет*.

Так вот что так влекло сквозь *бездну грустных лет, сквозь бездну дней пустых*, чье время не избудешь (Блок, Кармен).

6. И, наконец, многие слова из рассматриваемых групп могут метафорически обозначать большое количество, нерасчлененное множество различных объектов: *горы снега, книги, дел* и т.д.; *пропасть (бездна) вопросов, дел, народу* и т.д.; *море света, крови, огней; реки (потоки, ручьи) слез, крови, лавы, океан горя, радости, любви* и т.д.

Как видно даже из приведенного материала, многие ПМ имеют такую широкую денотативную отнесенность, что часто можно говорить не о многозначности отдельных метафор, а о неопределенности границ референции, как у собственно оценочных слов типа *прелесть, гадость* и т.п.

Приведу лишь один пример. Метафора *остров* в словарях толкуется как «то, что стоит особняком, отлично от окружающего». Эту идею отделенности *остров* может выражать по отношению к человеку, группе людей, чувству, ситуации и т.д. Для него [Каренина] она [Лидия Ивановна] была единственным *островом* не только *доброго* к нему *расположения*, но *любви среди моря враждебности и насмешки*, которое окружало его (Л. Толстой, Анна Каренина), Политическая география российского парламента представляет собой *три острова* среди обширного «болота»: *остров в центре — это фракция «Промышленный союз»*. (КП, 8.08.92); ... наряду с «АиФ» мы *одни из немногих островков независимой прессы* (АиФ, 7.02.1997); И только *острова тоталитаризма* таят в себе опасность для соседей (КП, 1990); Недавние президентские выборы в Узбекистане . . . вроде бы дали основание говорить об этой *среднеазиатской республике*, как одном из *островков стабильности* в бушующем пространстве СНГ.. (КП, 25.01.92); Спасти шаманов — *острова народного духа*, уже никогда и никому не удастся (Ог., 1991, 4).

Таким образом, в метафорическом осмыслении мира принимают участие имена пространственных реалий, расположенных на вертикали (все ярусы) и горизонтали, образно представляя основные культурные концепты: само пространство, время, человек, жизнь, смерть.

ПМ обнаруживает тесную связь с физической природой пространства, которая постоянно проглядывает сквозь метафорическое употребление пространственных терминов.

1) Многие ПМ не утрачивают пространственную сему. Так, в случаях употребления *горы снега, реки лавы, море тайги* совмещаются значения количества и пространственной протяженности, а в случаях *горы риса, горы мусора* — количества и возвышения над плоскостью. Ср.: количественное употребление тех же слов, в котором пространственная сема полностью заглушена. *море света, радости; горы новостей, дел* и т.д.

Возможность неполного отхода метафоры от прямого значения отмечает Г. Н. Склярская [8, 88]. Характерно, что она иллюстрирует это явление только ПМ. Трудно представить такие контексты, в которых метафоры типа *свинья, тюфяк* находились бы на разных ступенях отхода от прямого значения

2) Метафорические смыслы, порожденные пространственными терминами, так же связаны с идеей движения, как и их источники, что было очевидно из предыдущего анализа.

Отмечу еще, что метафоризированные именные группы с пространственными предлогами всегда имплицитно содержат образ движения, как и соответствующие им прямые словоформы. Ср. заглавия: *Из-за гор; К обрыву; К другому берегу; На дно; У края бездны* и т.д.

3) ПМ редко покидает свою среду: ее метафорический контекст обычно отражает связи объектов физического мира. Ср., например: «Из окна нищего-анского «сверхчеловека» прямо открывается необъятный простор для всяких жизненных дорог, и если... иной попадает в яму, или завязнет в болоте, или провалится в живописную, величавую, но безнадежную пропасть, то ведь такие направления ни для кого не представляют безусловной необходимости (В. Соловьев, Идея сверхчеловека).

Конечно, это бывает и с другими метафорами, но в обычном употреблении *леса, заяц, попугай, спрут, кит* покидают свои леса, джунгли, океаны.

4) Физическая природа пространства влияет на оценочный компонент в семантической структуре ПМ.

Еще М. Бахтин, рассматривая метафорическое построение образа мира у Данте, отмечает соответствие этого построения иерархии высших ценностей: «Буквально и с гениальной последовательностью и силой осуществляет это вытягивание мира... по вертикали Данте... Грубая материальность людей и вещей *внизу* и только *свет* и голоса *вверху*» [2, 307].

На примере ориентационных метафор верх-низ Д. Лакофф и М. Джонсон показали, что оценки по вертикали всегда определены: *верх* — ‘хорошо’, *низ* — ‘плохо’ или, во всяком случае, ‘хуже’. И это в любой сфере отношений [5].

К этому можно добавить, что все нравственные категории, выражаемые языком пространств, противопоставлены на вертикальной оси, что изначально связано с религиозными представлениями: на небе — бог, в бездне — преисподняя.

А чем определяются оценки в метафорических названиях пространственных объектов, расположенных на плоскости, по горизонтали? Здесь можно отметить, по крайней мере три обстоятельства:

а) расположение по отношению к тому, что осмысливается как некий центр — в исторических процессах, развитии общественной мысли, экономики, политики и т.д.: близость к «центру» — ‘хорошо’, отдаленность — ‘плохо’. Ср.: *обочина, задворки, периферия общественной мысли* и т.п.;

б) ровность «пространства» — ‘хорошо’, неровность — ‘плохо’. Здесь пространство оценивается с точки зрения свободы, удобства движения.

Ср.: метафорические *ухабы, рытвины, овраги, колдобины, косогоры, ямы, болота* и т.д. Вот лишь некоторые примеры:

В движении по этой дороге, искореженной *рытвинами и ухабами наших принципов* ... мы все больше утрачивали возможность одержать победу над противником, избравшим движение по прямой магистрали здравого смысла (СРПМ, 41); И после этого мы толчемся на месте, обсуждая каждую *гипотетическую колдобину на дороге*, по которой ни разу не ходили (СРПМ, 43); Поезд нашей экономики несется по *рытвинам и уха-*

бам, то и дело норовит свалиться в яму, а то и в пропасть, из которой уже не выбраться (КП, 1.03.91).

Движение по водной поверхности сталкивается с рифами, скалами, пучинами, соответственно и эти метафоры получают отрицательную оценку.

в) Определяющими оценку являются и такие признаки пространства, как открытость, отсутствие границ (оценка «+») и закрытость, ограниченность (оценка «-»). Поэтому *ущелье, нора, пещера, овраг* метафорически употребляются со знаком «-»; *степь* — со знаком «+» (она обычно широкая, раздольная) Открытое пространство имеет коннотации 'свобода' 'воля'. Ср у Толстого: Протасов, слушая пение цыган. «*Это степь, это десятый век, это не свобода, а воля*» («Живой труп», этот пример приводит Ю Лотман. См. [6, 257])³

ПМ входят в оппозиции, отражающие реальные контрасты по физическим параметрам: *небо — бездна*, 'неземное блаженство' — 'страдания, муки', *пустыня — оазис*; 'нечто безрадостное' — 'нечто отрадное'. Река — 'движение' — болото — 'застой' Ср. также: *гора — долина; море — берег; материк — острова* и др. Ср.: «Драматические опыты Гоголя среди драматической русской поэзии 1835 г. — это зеленый роскошный *оазис* среди песчаных *пустынь* Африки» (Белинский, Русский театр в Петербурге)

Входя в разные оппозиции, ПМ меняют и характер оценки. Например, берег как прибежище в оппозиции с морем (рекой, океаном) имеет оценку плюс: И тогда желанный *берег* из тумана выйдет к нам (Б. Окуджава) В оппозиции *берег — берег* оценка зависит от позиции говорящего (в частности, в политике). *берег левый — берег правый, демократический берег — коммунистический берег* и т.д

Кроме того, в оппозиции *берег — берег* выражается идея несоединимости («мы с тобой *два берега* у одной реки»).

ПРОСТРАНСТВО ДУШИ

ПМ представляют два уровня бытия 1) человеческую жизнь в ее физическом проявлении и 2) жизнь души.

В русском языке к душе прилагаются все пространственные параметры, составляющие четкие оппозиции: *широкая — узкая, глубокая — мелкая; высокая — низкая* Не случайно Н. Бердяев писал: «Эти необъятные русские пространства находятся и внутри русской души и имеют над ней огромную власть» (Судьба России).

Семантика ПМ, извлеченных из пословиц, фразеологизмов, сказочных и других текстов, показывает, что в русском наивном сознании душа — это, с одной стороны некое закрытое пространство, вместилище (см. об этом: [4, 627]), а, с другой — (в соответствии с религиозными представлениями) некое бесплотное существо, пребывающее в этом пространстве Поэтому — душу можно *открыть, распахнуть*, в нее *можно влезть, войти* и т.д., но и *душа тоскует, просит, требует, знает меру, с богом беседует, не принимает, рвется вон из тела, уходит в пятки, бывает не на месте; душу можно отвести, вымотать, положить за кого-нибудь* и т.д. (в данном слу-

чае для нас несущественно, что некоторые выражения могут быть кальками). Ср. у Б. Окуджавы: *Что такое душа? — Человек задумчивый*, всем наукам печальным и горьким обученный. Видно, что-то не так в его тяжелой судьбе. Но он сам по себе, а я — сам по себе (Песенка о моей душе).

Восприятие человека и души как разных сущностей не покидает современное сознание. Ср.: Наказание без преступления — смерть. Человек, может, и вынесет такое, но душа не сможет (МК, 22.07.97).

Пространство души имеет другой «ландшафт»: в нем нет *гор, рек, скал, островов*, но есть *бездны, пропасти, безымянные глубины, пустыни*.

В пространстве души *бездна* — это «тайные, мрачные глубины», которые, очевидно, бывают «закрытыми», потому что их можно «открывать». Ср.: Пред Кочубеем Гетман скрытней души мятежной ненасытной отчасти *бездну открывал* (Пушкин, Полтава). У души, как и у жизни, есть *дно*, но это два разных «дна», хотя в обоих случаях речь идет не о физическом пространстве: *На дне жизни* — «там, где живут люди, достигшие крайней степени падения», *На дне души* — «то же, что в глубине души» — никакой оценки, этого дна здесь нет. Ср. *Я скрою эту тайну на дне души*.

Изучение ПМ показывает, насколько важное место в человеческом сознании занимает пространство: в пространственных терминах образно представляются все наиболее важные культурные концепты. Подчеркну еще, что выражение непространственных отношений не выходит за рамки системных отношений названий пространств. ПМ отличаются четкой организованностью, все они существуют в оппозициях, все взаимообусловлены. Фактически — это отношения между пространственными объектами физического мира, но перенесенные в другие миры. Оценки физических пространственных объектов проникают в метафору. Физическое пространство «проникает в душу».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Разумеется, в отражении картины мира принимают непосредственное участие и метафорические названия пространственных артефактов: например, названия частей дома — *порог, лестница, крыша, потолок, коридор, передняя* и др. Об этом писали, в частности, М. Бахтин. Ср.: «Порог — это хронотоп кризиса и жизненного перелома» [2, 397]. Бахтин так же отмечает метафоричность и символичность у Достоевского хронотопов лестницы, передней и коридора (там же).

² «Мир получил самобытность, но она утверждается на ничто, на *бездну небытия* (курсив мой — О. Е.), которая лишь прикрыта софийным бытием, но *всегда зияет, угрожая* если не самому бытию, то, во всяком случае, полвоте его» [3, 7].

³ Существует мнение (оно, в частности, было высказано в докладе Т. Анштатт на конференции «Динамика мира в разных культурах и языках», Дубна, 1999), что, по данному языку, отдаленность от наблюдателя по горизонтали обычно включает в себе оценку минус, а близость — оценку плюс. Это подтверждается некоторыми примерами. Ср.: он мне очень *близок* — он мне совсем *не близок; сблизиться — отдалиться; держись от него подальше* и т.п.

В то же время эти языковые данные отражают сознание повседневности. При более романтическом взгляде на мир, далекое часто оказывается более привлекатель-

ным, чем то, что вблизи. Об этом в связи с понятием хронотопа писал М. Бахтин: «Образы этого будущего неизбежно локализовались в прошлом или переносились в тридевятое царство, за моря-океаны, их непохожесть на жесткую — злую современность измерялась их временной или пространственной далью» [2, 299].

Это отчетливо выражается в образном употреблении слова *даль* в русской поэзии. Ср. у Пушкина *светлая даль, очарованная даль*, у Тютчева — *светлая даль*, у Блока — *очарованная даль, синяя даль* (*сини* у Блока — как правило, положительный эпитет).

О мающей, влекущей силе дали, дальних стран и дальних дорог писали многие поэты:

Что за этой синей далью
Лишь мечтанье о далеком
С непонятною печалью

Ничто не манит за собою,
Как будто даль сама близка

Но уж в очах горят надежды,
Едва доступные уму,
Что день проснется, вскроет вежды,
И даль привидится ему

(Блок)

И ненасытная мечта
В пути находит неизменно
Две дали разом — та и та —
Влекут к себе одновременно

(Твардовский, За далью даль)

И я хочу в Бразилию, к далеким берегам
(Киплинг)

А дальняя дорога дана тебе судьбой
(Б. Окуджава)

Пусть эта мысль предстанет строгой,
Простой и белой, как дорога,
Как дальний путь, Кармен
(Блок)

СОКРАЩЕНИЯ

АиФ — Аргументы и факты

КП — Комсомольская правда

ЛГ — Литературная газета

Ог — Огонек

ПМ — Пространственные метафоры

СРПМ — Словарь русских политических метафор

ЛИТЕРАТУРА

- 1 Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. Словарь русских политических метафор. М.: Полюсовский и партнеры, 1994.

2. Бахтин М. М. *Формы времени и хронотопа в романе* // Вопросы литературы и эстетики. М., 1975.
3. Будагов С. *О чудесах евангельских*. М.: Русский путь, 1994.
4. Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. *Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики)*. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997.
5. Лаккофф Д., Джонсон М. *Метафоры, которыми мы живем* // Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990.
6. Лотман Ю. М. *Художественное пространство в прозе Гоголя* // Лотман Ю. М. В школе поэтического слова. Пушкин. Лермонтов. Гоголь. М.: Просвещение, 1988.
7. Лотман Ю. М. *Семиотика пространства* // Лотман Ю. М. Избранные статьи, I. Таллин: Александра, 1992.
8. Складывшая Г. Н. *Метафора в системе языка*. С-Пб.: Наука, 1993.
9. Флоренский П. *Анализ пространственности и времени в художественно-изобразительных произведениях*. М.: Прогресс, 1993.
10. Яковлева Е. С. *Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространств, времени и восприятия)*. М.: Гнозис, 1994.

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ АКСИОЛОГИЧЕСКИХ ПОТЕНЦИЙ СЛОВА: КОНЦЕПТЫ 'КРУГ', 'КОЛЕСО' И ИХ ОЦЕНОЧНО-ЭКСПРЕССИВНЫЕ ДЕРИВАТЫ

О 1 Значения, связанные с отображением круговых и вращательных движений, образуют пеструю область многочисленных представлений, которые давно и с полной естественностью укоренились во всех тематических областях обыденного сознания Древнейшие и основные индоевропейские этимоны слов данного поля — это глаголы, обозначающие физические движения (круговые, вращательные, вращательно-поступательные)* [12, 10, 11, 7, 8].

Представления о круговых и вращательных движениях лабильны и переходят друг в друга Поэтому называющие их глаголы не только многозначны, но и в высокой степени парадигматически близки между собой Характерно, что К Бак объединил в одной словарной статье четыре соответствующих концепта — 1) 'turn', 2) 'turn around', 3) 'wind, wrap', 4) 'roll' — решение в его словаре не уникальное, но редкое [9, 664—668] Несмотря на глагольность исходных обозначений и на то, что в любом языке имеется по 4—6 семантически непроемких таких обозначений, будем несколько условно называть всю обширную группу данных концептов с помощью субстантивов *круг* и *колесо*

Деривативная активность обозначений круговых и вращательных движениях связана, во-первых, с материально-физическим разнообразием движений такого рода (*вертеть, вить, воротить, ворочать, вращать, завинчивать, катить, качать, крутить, поворачивать, свивать, сучить* и др., включая дериваты с префиксальными рефлексами **obhi* — *обводить, обволакивать* и т. п.), во-вторых, с ролью широко понимаемых залоговых различий в семантике обозначений движения (*кружить, окружать* и *кружиться, колесить* и *исколесить, круглеть, закругляться, круглить* и *округлять*, в-третьих, с их безудержной полисемией Поэтому дериваты концептов 'круг', 'колесо' — это многие сотни слов и значений в любом языке, во всех тематических отделах словаря

Существенно также, что с участием концептов 'круг', 'колесо' формировались опорные мифолого-поэтические, философские, космологические представления человечества В древнейшей картине мироздания круг — это образ

* В рассматриваемой группе только инд.-евр. **obhi* имеет не глагольный, а наречный этимон индоевропейской древности К **obhi* восходят др.-инд. *abhi* 'к, через, из', греч. *αμφί* 'около, вокруг', лат. *ambi* 'около, вокруг', др.-врх.-нем. *umbi* 'вокруг', праслав. **obъ* 'около, вокруг' (один из дериватов — **obylo* 'то, что вокруг', рус. *общию*) При менительно к более позднему времени можно указать также на неглагольный этимон англ. *twist* 'крутить, виться, вертеть', связанного с *twil* 'двойной' [11, 676]

Солнца; суточное и годовое движение Земли осознаются как движения по кругу; происходят круговороты дня и ночи, времен года, лунных фаз, круговороты веществ в природе; имеют место биологические и космические циклы. К образу движения по кругу восходит древнейшая модель времени и истории (в отличие от более поздней и более историчной линейной концепции времени, характерной для иудаизма, маздаизма и христианства). Циклическая концепция времени отразилась, между прочим, в праславянском корне, к которому восходит заимствованное из старославянского языка русск. *время*: праслав. **vertmen* — буквально 'то, что вращается, возвращается'. О семантических потенциях корня, точнее, его латинского соответствия, говорит и такой дериват, как лат. *versus* — стихотворная строка, стих (от *vertere* — поворачивать, обращать); к тому же концепту в греческом восходит еще один ключевой термин метаязыковой рефлексии человека: *τρόλος* — поворот, оборот; образ; оборот речи; слог, стиль; троп.

В образно-мифологическом сознании образы круга и кольца нередко содержат идею единства, бесконечности и законченности, целостности и высшего совершенства; иногда круг и кольцо — это весь мир, поэтому круг обычно сопровождает изображения мирового древа. Круг и кольцо — это и общность (людей, территории), а также власть над этой общностью. В ряде традиций круг и кольцо — это еще и судьба. Греческая богиня случая и судьбы Тихе, как и римская Фортуна, изображалась в виде молодой женщины, стоящей на шаре или колесе (символ неустойчивости, изменчивости счастья; ср. фразеологизм *колесо Фортуны*, его соответствия в языках Европы и *колесо дхармы* в буддизме).

0.2. Среди дериватов концептов 'круг', 'колесо', разумеется, немало слов и оборотов с экспрессивно-оценочной коннотацией (*вертлявый, околедсица, зациклиться, дать кругая* и т. п.). Встает вопрос: можно ли развитие коннотации в слове рассматривать как одно из проявлений его лексико-семантической активности? Подобная активность слова в целом пропорциональна его частотности, степени многозначности, словообразовательной и фразеологической продуктивности, разнообразию синтагматических возможностей. Входит ли коннотация в этот ряд пропорциональных проявлений активности слова? Ответ предполагает уяснение природы и видов коннотации и условий ее формирования.

1. Оценочно-экспрессивная коннотация слова относится к факультативным компонентам в прагматической зоне семантики слов. Следующая ниже схема показывает ближайшее окружение коннотации (выделенные клетки соответствуют четырем ее разновидностям). О противопоставлениях, значимых для характеристики коннотации, говорится в пунктах 1.1.—1.5. (при этом оппозиции 1.1.—1.3. отображены на схеме).

1.1. Оппозиция чисто оценочных и оценочно-дескриптивных значений соответствует различию общеоценочных, или итоговых, и частнооценочных значений (в терминологии Н. Д. Арутюновой [1, 2]).

Типы прагматических (недескриптивных) компонентов лексического значения						
Дейк- сис	Мо- даль- ность	Экспрессия (ее обли- гаторные компоненты суть 1) эмоциональ- ность и 2) семантико- смысловой сдвиг; ча- стный случай послед- него есть образность)		Общеоценоч- ные (не- дескрип- тивные) зна- чения	Оценочно-дескрип- тивные значения	Сти- листи- ческая мар- киро- ван- ность
		Значения без- оценоч- ной экс- прессии с	Общеоценочная экспрессия (= значения экс- прессивной оцен- ки) с' а'	Не экс- прессив- ная оценка а	Оценоч- нодескрип- тивные экспрес- сивные значения с' б'	Оценоч- нодескрип- тивные неэкс- прессивные значения б

Оценки обоих видов бывают неэкспрессивные и экспрессивные. С учетом двух названных пар признаков оппозицию можно представить так: а — общеоценочные неэкспрессивные значения (*хороший, плохой*) / а' — общеоценочные экспрессивные (*великолепный, дрянной*); б — оценочно-дескриптивные неэкспрессивные значения (*вкусный, скучный, интересный, удача, холодный, мало*) / б' — оценочно-дескриптивные экспрессивные значения (*вкуснятина, скущище, мура, блеск!, лафа, на рыбьем меху, кот заплакал*).

В терминах оппозиции 1.1. почти все оценочные дериваты концептов 'круг', 'колесо' относятся к группам б и б' — т. е. к области оценочно-дескриптивных значений, неэкспрессивных и экспрессивных: лат. *globus* — шайка, клика; *torquere* — скручивать члены, истязать, пытаться; терзать, мучить, беспокоить; искажать, извращать, *circuitio* — обиняки, увертки; англ. *ring* — объединение спекулянтов для совместного контроля над рынком; клика, шайка, банда; *twist* — искажать, искривлять; обманывать, трюк, уловка; *twist of the tongue* — косноязычие; русск. *разврат, оборотень, крутить* 'избегать прямого ответа, хитрить', *ноги колесом* (кривые) и др. Слово *отвратительный* относится к средствам общей и при этом экспрессивной оценки (а').

1.2. Различие между безоценочной и оценочной экспрессией (на схеме с — с') может быть продемонстрировано на примере аргоизмов *колесо, колёса, колесици*. В [6, 109] *колесо* в описано так: 1. Поезд. 2. Браслет, кольцо. 3. У карточных шулеров: смена приемов, тактики, самой карточной игры в зависимости от квалификации жертвы. 4. Металлический рубль; *колёса, колесици*: 1. Наркотические таблетки. 2. Ботинки, туфли, сапоги. 3. Ноги. 4. Глаза. Все отмеченные значения экспрессивны в силу, во-первых, эмоционального и актуального (ощущаемого говорящими) противопоставления аргоических значений общеязыковой семантике; во-вторых, в силу их живой образности. Однако именно оценочная коннотация характерна только для *коле-*

сики во всех значениях (положительная, в силу гипокористической семы) и для *колёса* в значении 'глаза' (отрицательная коннотация: *колёса* 'глаза' — это слишком любопытные, удивленные, вытаращенные или слишком назойливые глаза). Ср. также безоценочность, но экспрессивность омонимичных значений арготического *вертун*: 1) 'шофер': *Жди, пока вертун не смоеется*; 2) 'инструмент для вскрытия сейфов, коловорот': *Вертун в гараже валлялся, среди рухляди всякой железной*; 3) 'вор, совершающий кражи с прилавков магазина': *Вертун долго на воле не протянет*.

1.3. Существование неэкспрессивных (денотативных) и экспрессивных (коннотативных) оценок объясняется широтой области приложения оценок, многообразием объектов оценки и оценочных шкал. Неэкспрессивные оценочные значения образуют основу ценностной картины мира, которая представляет собой ценностную проекцию наивной картины мира. В своих существенных чертах ценностная картина мира носит общечеловеческий характер (ср. универсальную оценочную маркированность концептов в парах «жизнь — смерть», «правда — ложь», «любить — ненавидеть», «друг — враг», «здоровый — больной» и т. п.), однако ее те или иные периферийные и частные черты бывают этнически, культурно или регионально своеобразны. Ср. разные оценки наличия нескольких жён в мусульманской и христианской культурах; нищенство как подвижничество в христианстве и мусульманстве; юродство как благодать в народно-христианском сознании в Московской Руси.

Ценностная картина мира отображается в языковой семантике — прежде всего в денотативных значениях некоторой части лексики. Это, с одной стороны, слова со значением 'добрый', или 'честный', или 'мирный', или 'любить' и т. п., называющие то, к чему люди стремятся, или что они хотят сохранить, продлить, иногда иметь в большем количестве, а с другой, — слова, денотативная семантика которых отображает то, что люди оценивают как плохое, нежелательное. Оценочность денотативных оценочных значений устойчива, общепринята и поэтому представляется говорящим объективной. Это сфера аксиологических пресуппозиций: оценки, заключенные в денотативных значениях слов, как бы «сами собой понимаются». Они бесспорны, но и тривиальны. Поэтому людям мало денотативных оценочных значений. Они используют оценочную экспрессию, заключенную в узуальной, но не денотативной семантике некоторых слов, — дополнительные (коннотативные) экспрессивно-оценочные семы. Оценочная коннотация релятивна, поскольку возможна только на фоне безоценочного синонима (*выкормыш* — *воспитанник*, *рутинер* — *консерватор*, *эпигон* — *последователь*, *гнусный*, *поганый*, *отвратительный* — *плохой* и т. п.). Последний пример иллюстрирует два достаточно обычных случая: 1) слово с оценочным денотатом лишено оценочной коннотации (*плохой*; ср. также *лживый*, *презрение*, *предатель*, *хороший*, *интересный*, *надежный* и под.); 2) слово обладает и оценочной денотативной семантикой, и коннотацией — одноименной (*гнусный*, *отвратительный*, *поганый*; ср. также *брехня*, *двурушник*, *гад*) или, реже, иронически или смяг-

чающе и эвфемистически разноименной (*грязноца, поганенький, смертушка, чертенок, деликатничать*).

Среди дериватов группы 'круг', 'колесо' относительно мало денотативно-оценочных обозначений без коннотации, поскольку в своем большинстве по происхождению они не связаны с ценностной картиной мира, поэтому оценочность в них является не изначальной, а вторичной, экспрессивной и оттеночной, т. е. коннотативной. Ср. все же редкие производные с оценочным денотатом и без видимой коннотации: *разарат, кручина* 'печаль, тоска, забота'; русск. диалектн. *кручѣнь* (ж. р.) — грусть, тоска, печаль; *кручѣнь* (м. р.) — тот, кто горюет, кручинится, горемыка; *крутѣль, крутѣль* — обманщик, злой, недоброжелательный человек; *бестолковый, беспорядочный человек* [8, вып.13, 28—29].

В аспекте рассматриваемой оппозиции для дериватов группы 'круг', 'колесо' более характерно наличие и оценочного денотативного значения, и оценочной коннотации, причем, судя по имеющимся материалам, оба компонента всегда одноименны по знаку оценки. Ср.: *околѣсица* — вздор, бессмыслица (МАС); у Даля: *колесить* (между прочими значениями) — ездить околицей; плутать, блуждать; говорить намеками, не прямо; говорить или нести *околесную*, чепуху, пространно пустословить [3, т. 2, 137]; *окольные речи* — сторонние, не идущие к делу, речи стороной, намеки, обиняки [3, т. 2, 665]; *околесица* — нелепица, пустяковина, бессмыслица; *околесник* — кто говорит длинно, пространно и бестолково; *околесить* и *околесничать* — нести *околесную*, путать; говорить длинно, широко и все не приходить к делу [3, т. 2, 590].

Из дериватов гнезда 'круг': *крутить* — избегать прямого ответа с помощью уловок, хитрить (МАС); *крутѣль, крутѣль* — обманщик, злой, недоброжелательный, бестолковый, беспорядочный человек [8, вып.13, 27]; у Даля *крученый человек* — горячий, вспльчивый; бешеный, взбалмошный, ветренный; *крутящая голова* — ветренный, разгульный человек [3, т. 2, 203]; *круговой* — шальной, взбалмошный; резвый, ветренный, безрассудный; сумасшедший, безумный; ср. приводимые Далем присловья: *На бешеный вопрос да круговой ответ* (такой же сумасшедший ответ); *как круговой баран головой вертит* [3, т. 2, 201]. Из экспрессивно-оценочных дериватов гнезда *вертеть: вертеться* — увиливать, уклоняться от прямого ответа; хитрить; *вертеться под ногами* — быть назойливым, надоедать постоянным присутствием; ср. также *вертихвостка, вертлявый, вертушка* 'о легкомысленном, непостоянном, ветреном человеке (преимущественно женщине)' (МАС). Из оценочных дериватов гнезда *цикл: зациклиться* — упорно придерживаться занятой позиции, поведения [5, 242].

1.4. Оппозиция узуальной и окказиональной оценочной экспрессии существенна для понимания генезиса коннотативной семантики. Узуальная (общепринятая и воспроизводимая) коннотация есть результат принятия коллективом говорящих коннотации окказиональной (индивидуально-авторской),

впервые в поисках выразительности создаваемой конкретным человеком в конкретном речевом акте. Эти поиски составляют обычную атмосферу прагматически активного общения, однако только немногие из них документированы и, следовательно, в какой-то мере доступны наблюдению. Ср. узуально неэкспрессивное слово *круглый* в значении 'полный, невысокий человек; полное, непродолговатое, лицо' и его два оценочных, причем с разными знаками, употребления у Пушкина: *Пылкой наш герой Воображает очень живо Хозяйки взор красноречивый, Довольно круглый, полный стан, Приятный голос* («Граф Нулин») и *Кругла, красна лицом она, Как эта глупая луна На этом глупом небосводе* («Евгений Онегин»).

Ср. также выражение *дать кругляя*, в узусе с отрицательной коннотацией (впрочем, особенно если это досада на себя, нерезкой, иногда с сочувствием к другому, поскольку *кругляя дают* по незнанию или ошибке), и его употребление у А. Вознесенского, ставшее положительным символом творческого поиска, непредсказуемого и парадоксального: *Чтоб в Лувр королевский попасть из Монмартра, Он дал кругляя через Яву с Суматрой* («Параболическая баллада»).

1.5. Уровневая оппозиция оценочно-экспрессивных возможностей лексики и оценочных средств иллокутивно-синтаксического уровня существенна для определения роли коннотации слова (узуальной и окказиональной) в формировании оценочных высказываний. Во всем здании оценочного суждения оценочные средства лексики — это только его «кирпичики» (готовые или на ходу создаваемые находчивым говорящим). Между тем на иллокутивно-синтаксическом уровне соединяются все оценочные возможности языка и речевого творчества говорящих: в речевых актах с оценочной иллокуцией создаются (а не воспроизводятся) сложные оценочные значения, формируемые в результате соединения-взаимодействия семантики структурной схемы предложения с оценочной семантикой ее лексического наполнения, а также благодаря оценочным возможностям интонации и паралингвистических средств. Ср. разнообразие денотативных смыслов и коннотаций в четырежды звучащем рефрене *Ах, как кружится голова, как голова кружится* в песне из репертуара К. И. Шульженко: от молодого счастья в первые минуты влюбленности до вполне физиологической старческой немощи. И все же, хотя лексика — это только часть «стройматериала» оценочных суждений, в силу разнообразия лексических оценочных средств именно лексика создает основу всего разнообразия конкретных оценочных смыслов.

Оценочно-экспрессивная коннотация словоупотребления существенно зависит от референциального и прагматического контекста. Нередко контекст влияет не только на «балл» оценки и модус экспрессии (скажем, переводит «пренебрежение» в «презрение»), но и на знак оценки. «Тень» или «отблеск» экспрессивно или / и стилистически маркированного слова падает на соседей. Ср.: ... *овал с его бледовитыми свойствами колеса: склонностью к перемене мест и т. д. и т. п.* (И. Бродский. «Повернись ко мне в профиль...»).

2. Появлению экспрессивно-оценочных дериватов в группе 'круг, колесо' способствовал ряд обстоятельств. Во-первых, нетерминологичность данных концептов: естественные языки в основном игнорируют геометрию, которая со времен Евклида (III в. до н. э.) различает окружность, круг, шар, цилиндр, сферу, тор, а благодаря Архимеду (III в. до н. э.) знает еще и спираль. Однако слова естественных языков довольно хаотически соотносятся с терминами геометрии. Так, русск. *круг сыра* — это подобие цилиндра; спасательный *круг* и *круг колбасы* — это подобия тора; *паровозный круг* и *круг сцены* действительно включают в себя круги, а *круг почета* и *круги по воде* — это окружности. Шар и сфера тесно связаны в геометрии, а в языковой семантике *сфера* ближе не к *шару*, а к *кругу* (ср. их взаимозаменяемость: *в круг его интересов входит* — *в сферу его интересов входит*). В латыни и русском слова со значением 'круглый' в отдельных значениях отчасти утратили самое идею «круглости». лат. *circiter* 'кругом, в окружности' означает кроме того 'со всех сторон', что делает возможным сочетание *lapis circiter quadratus*, т. е. камень со всех сторон [буквально: кругом] квадратный [4, 183]. Аналогичные случаи отмечены у Даля: *круглый четырехугольник* означает 'квадрат', *кругляк* — это 'целый платок, не косынка' [3, т. 2, 200]. Семантическая диффузность глаголов со значениями 'кружить, крутить, вертеть, вить', по-видимому, мешала их использованию для деривации слов со строгим геометрическим значением. Поэтому именно в сфере терминологии здесь так много заимствований.

Во-вторых, развитие экспрессивно-оценочной коннотации в группе дериватов 'круг, колесо' было связано с такими процессами в истории соответствующих слов, как усиление абстрактности значений; как метонимическое или аналогическое использование слова применительно к человеку (а не для обозначения вещей или абстрактных представлений), как употребление слова применительно к таким объектам, свойства которых могут быть оценены с точки зрения некоторых норм, имеющихся в сознании говорящих.

Судя по составу дериватов в семье 'круг, колесо', такая психологизация семантики протекала в разных языках, но отчасти идиоматично. Так, в немецком языке среди дериватов из семьи 'круг, колесо' меньше переносов в сферу человека (в сравнении с латинским, английским и русским языками). В русском, в отличие от латыни, английского и немецкого, слова со значением 'круглый' развили значение 'полный, совершенный' (ср. русск. *круглый отличник / дурак / сирота*). Для слов со значением 'круг' типичен семантический дериват 'группа лиц', при этом в русском это оценочно нейтральное употребление (*в кругу семьи, клерикальные круги*), в немецком — терминологическое значение (*Runde* — патруль, дозор), а в латыни и в английском, наряду с нейтральными, есть и оценочные обозначения: лат. *globus* — шайка, клика; англ. *ring* — то же

Еще в латыни стало узуальным употребление слов со значением 'круглый' для положительной, но не экспрессивной (или слабо экспрессивной) характе-

ристики речи и стиля. *rotunde* — округло, изящно; *rotundare* — тщательно отделять (элегия); *rotundus* (о стиле, периоде) — закругленный, стройный, изящный; складно, стройно (говорить) Такая же коннотация характерна для англ. *round* 'закруглить фразу'. В латыни отрицательные оценки «закругленной» речи (вроде *circuitio* — обиняки, увертки) встречаются реже, чем положительные. Иначе в русском языке. «кружащая» речь оценивается преимущественно отрицательно (см. раздел 1.3)

Оценочно-экспрессивные семы развивались также у дериватов, связанных с обозначением «непрямого» («кривого», «окольного», «кружного», т. е. хитрящего и легкомысленного) и особенно «сворачивающего», сбивающегося в сторону поведения (*свихнуться*, *крутящая голова*, *вертихвостка*, *разврат* и т. п., см. раздел 1.3), и в обозначениях повторяемых действий (*вертеться под ногами*, *крутить шарманку*, *заиклиться* и т. п.). Здесь отрицательная оценка связана с семой 'движение по кругу' (надоедливое, теряющее смысл, слишком утомительное и т. п.)

3. Вместе с тем представляется, что среди дериватов концептов 'круг, колесо' доля оценочных обозначений меньше, чем доля экспрессивных, но безоценочных. Сотни слов и значений, прямо или (чаще) образно и опосредованно связанных с обозначениями круговых и вращательных движений, сохраняют свою денотативно-дескриптивную определенность, которая в целом препятствует развитию оценочности. Они нужны в языке прежде всего как обозначения предметов и действий, а не как оценочные слова. Многие из того, что они называют, волнует людей, и поэтому здесь много экспрессии, но при этом многое не оценивается. *Крутить* (любовь) и *крутиться как бобик*, *накручивать* 'приводить в определенное настроение, внушать определенные чувства', *раскручивать* 'разворачивать дело; разрабатывать, исследовать', *накрутка* 'увеличение стоимости товара при движении от производителя к потребителю', *закругляться* 'заканчивать' и *кругленькая сумма*, *вертеться* 'быть в постоянных хлопотах; постоянно находиться где-либо, около кого-, чего-либо' и *вертеться как белка в колесе*, *вертеться на языке*, плащ или иномарка *с наворотами* — все это экспрессивно, но это не хорошо и не плохо, иногда амбивалентно и поэтому в конечном счете безоценочно-нейтрально. Если в экспрессивно-образном употреблении *низ* или *левый* — это всегда плохо, то круговые движения, как колесо Фортуны, переменчивы по знаку. В лексике это чревато энантиосемией. Ср. в современном арго: *крученный*, среди прочих, имеет семы 'надежный, проверенный в деле человек' и 'двурушник' [6, 119]; в русском диалекте: *кружной* означает 'дурной, полоумный' и 'веселый' [8, вып. 13, 40].

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н. Д. Аксиология в механизмах жизни и языка // Проблемы структурной лингвистики 1982 М., 1984
2. Арутюнова Н. Д. Об объекте общей оценки // ВЯ. 1985 № 3.

3. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1—4. М., 1978 [факсимиле издания 1880—1882 гг.].
4. *Дворецкий И. Х.* Латинско-русский словарь. М., 1976.
5. *Словарь новых слов русского языка (середина 50-х — середина 80-х годов)*. СПб., 1995.
6. *Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона: Речевой и графический портрет советской тюрьмы*. М., 1992.
7. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка / Перевод с немецкого и дополнения О. Н. Трубачева. Т. 1—4. М., 1964—1973.
8. *Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд*. Вып. 1—23. М., 1974—1996 [издание продолжается].
9. *Visk C. D.* A Dictionary of Selected Synonyms in the Principal Indo-European Languages: A Contribution to the History of Ideas. Chicago—Illinois, 1949.
10. *Kluge F.* Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. 22. Auflage unter Mithilfe von M. Bürgisser und B. Gregor völlig neu bearbeitet von E. Seebold. Berlin—New York, 1989.
11. *Skeat W. W.* An Etymological Dictionary of the English Language. Oxford, 1961.
12. *Walde A.* Lateinisches etymologisches Wörterbuch. 3. Auflage von J. B. Hofmann. Heidelberg, Bd. 1. 1938; Bd. 2. 1954.

СЛЕДЫ «ПУТИ» В ВЫСКАЗЫВАНИИ*

Предметом анализа в данной работе будут языковые средства, описывающие различные виды движения, точнее, различные виды «пути»: идея «пути», с одной стороны, тесно связана с движением, поскольку всякое движение нормально предполагает некоторый путь, а с другой стороны, она в каком-то смысле шире представления о движении, поскольку путь, дорогу, мы можем мыслить и в их статической ипостаси, не связывая их с реальным движением.

В лингвистической литературе часто говорят о реальном и метафорическом «пути» как о том, с чем мы имеем дело при реальном и «абстрактном» (Р. Лангакер) движении, ср. примеры из [8, 166—173]:

(1) *A train went through the tunnel* «Через туннель прошел поезд»

— описывается реальное движение;

(2) *I went through the book in three hours* букв. «Я прошел через эту книгу за три часа»,

(3) *He can go quickly from one mood to another* «Он мог быстро переходить от одного настроения к другому»

— описывается «абстрактное» движение. При этом понятно, что ситуация «абстрактного» движения может быть обозначена и без помощи глагола движения, ср. примеры (2), (3) со следующими предложениями:

(2') *I read the book in three hours* «Я прочел эту книгу за три часа»,

(3') *He can quickly change moods* «Он мог быстро менять свои настроения».

Итак, метафора «пути» усматривается прежде всего в ситуации, не являющейся ситуацией движения, но состоящей из сменяющих друг друга в реальном времени этапов, причем ситуация эта может обозначаться и глаголом движения (ср. также русские примеры *продраться сквозь толпу / через этот манускрипт, выйти в круг / в люди* и под.).

Существуют, однако, употребления глаголов движения, не описывающие ситуацию с последовательно сменяющимися друг друга этапами, ср. пример

(4) *Окна кабинета выходят в сад,*

в котором обозначено статическое положение дел.

Аналогичная картина наблюдается и у многих предлогов и адвербиалов, в некоторых своих употреблениях характеризующих «путь», ср.

а) предлог *сквозь*:

(5) *Пробирается медведь сквозь густой валежник* (С. Маршак)

— описывается ситуация реального движения,

(6) *Как в Грецию Байрон, о, без сожаленья,*

Сквозь звезды, и розы, и тьму.

*Автор выражает признательность фонду INTAS (проект № 96-0085), финансировавшему данную работу.

На голос бессмысленно-сладкого пенья...

— *И ты не поможешь ему* (Г Иванов)

— описывается ситуация метафорического движения,

(7) *Сквозь гардины с трудом пробивались лучи света*

— пример описывает статическую ситуацию (о *сквозь* см. [4]);

б) адвербиал *прямо*.

(8) *Сотников шел прямо, никуда не сворачивая*

— *прямо* описывает контур реального пути,

(9) *Говори прямо, не тяни!*

(10) *На Маргарите прямо на голое тело был накинут черный плащ*

(М Булгаков),

(11) *Передо мной сидела прямо Екатерина II*

— в этих случаях нельзя говорить об «абстрактном» движении, и т.д. и т.п.

Между тем принцип внутреннего единства слова заставляет искать общее во всех употреблениях слова. Для слов, способных описывать или характеризовать «путь», подобные поиски приводят нас к идее упорядоченного множества элементов (эту идею легко выразить также рисунком — с помощью либо вектора, либо луча (соответственно для множеств, мыслящихся как конечные, т.е. как ограниченные некоторым пределом, или бесконечные, так сказать, не имеющие предела множества)) Данная идея модифицируется, принимает более конкретные черты в контексте того или иного типа

Так, частным случаем воплощения этой идеи оказывается реальный или метафорический «путь»: в случае «пути» элементы множества (= этапы, пункты, периоды, кванты, шаги, точки, отрезки, фазы и т.п. ситуаций) мыслится как упорядоченные на оси времени, ср. примеры (1)—(3), (5), (6), (8)¹

Идея упорядоченного множества включает основные характеристики «пути» — направленность и поступательность, поэтому для тех случаев ее воплощения, которые не «вписываются» в реальный или метафорический «путь», мы предлагаем говорить о виртуальном — умозрительном — «пути»

Например, «языковым свидетельством» (А Вежицка), «следом» виртуального «пути» в примерах (9)—(11) является адвербиал *прямо*. Роль этого адвербиала в высказывании — это описывать «путь» (будь то реальный или виртуальный «путь») как минимальный из возможных *прямо* исключает необязательные, «промежуточные» элементы, которые нормально или с точки зрения говорящего принадлежат «пути» (ср. описание *прямо* в [5, 160 и сл.])

В примере (9) виртуальный «путь», редукцию которого описывает *прямо*, — это стадии высказывания мысли субъектом речи (*прямо* в (9) уместно только в том случае, если собеседник сообщает мысль постепенно, с фигурами умолчания, вежливости и т.п., — *прямо* требует исключения «промежуточных» этапов, лишь подводящих к высказыванию самой мысли).

Виртуальный, умозрительный «путь», задаваемый *прямо* в предложении (10), следующий. в этом примере *прямо* свидетельствует о редукции

некоторых этапов, нормально предполагающихся при реализации ситуации 'надеть верхнюю одежду'. Так, обычно, прежде, чем надеть плащ, мы надеваем под него что-то еще, т.е. проходим некоторый «путь», некоторую последовательность этапов, предполагающихся в ситуации «надеть верхнюю одежду». *Прямо* же говорит, что промежуточные этапы этого «пути» были проигнорированы, что «пути», собственно, как такового и не было, мы сразу перенесли в его конечную точку. Поскольку мы лишь «реконструируем» в данном случае «путь», он с необходимостью является виртуальным, умоглядным.

В (11) ситуация в каком-то смысле еще более сложная. Виртуальный «путь», «следом» которого является здесь *прямо*, — это всевозможные наименования субъекта ситуации, упорядоченные по степени своей адекватности: *прямо* заставляет осмыслить имя собственное *Екатерина II* как в некотором отношении наиболее удачное, наиболее емкое наименование для встреченного субъекта, как наименование, значение которого включает максимальное количество характеристик субъекта (т. е. как наименование, являющееся максимальным элементом упорядоченного множества, так сказать «концом» «пути»).

В случае невозможности такого осмысления наименования употребление *прямо* оказывается недопустимым. Например, имя собственное *Екатерина II* может обозначать не только «лицо, очень напоминающее Екатерину II», но и саму императрицу (ср. предложение (11') *Передо мной сидела Екатерина II*) — в этих случаях говорят, что это невоплощенное имя собственное². Невоплощенные имена собственные невозможны в контексте *прямо* (ср. невозможность осмысления (11) как 'передо мной сидела императрица Екатерина II собственной персоной'), и запрет этот закономерен: поскольку роль невоплощенного имени собственного — только называть имя данного субъекта, то его нельзя помыслить как «конечный» элемент в ряду других возможных наименований субъекта, как в некотором отношении самое удачное наименование субъекта — столь беден смысл этого имени; поэтому в случае невоплощенных имен исчезает сама основа для употребления *прямо* — идея упорядоченного множества, идея «пути».

Еще один пример «следа» виртуального «пути» в высказывании — это глагол *выходить* в примере (4): этот глагол вводит в описываемую ситуацию перспективу, направленную по линии движения из внутреннего пространства во внешнее (что хорошо известно для исходного, «двигательного» значения данного глагола, см. [1, 491]). Виртуальный «путь» в рассматриваемом случае образуют точки пространства, упорядоченные направлением изнутри наружу, ср. невозможность предложений, противоречащих такой перспективе:

(12) ?*Окна выходят в кабинет / столовую / детскую* (и проч. имена внутренних помещений),

(13а) *Дверь выходит на веранду,*

но

(13б) ?*Дверь выходит во внутренние комнаты* (надо сказать *ведет*).

Итак, мы рассмотрели адвербиал *прямо* и глагол *выходить*, употребления которых могут быть связаны с реальным, метафорическим или виртуальным «путем». С аналогичной точки зрения могут быть рассмотрены адвербиалы *сквозь*, *через*, *насквозь*, *напролом*, *мимо* и другие выражения (см., в частности, разбор адвербиала *сразу* в [6]).

Например, анализу предлогов *через* и *сквозь* посвящена статья [4], где предложения типа

(14) *Он живет через два дома от нас*

анализируются (со ссылкой на [8, 7]) как предложения, описывающие движение модальной природы говорящий как бы мысленно проходит расстояние от точки отсчета до конечного пункта, а *через* при этом вводит обозначение дистанции. Легко видеть, что модальное движение в рассматриваемой работе — это как раз наш умозрительный, виртуальный «путь» в случае примера (14) упорядоченное множество элементов составляют две области пространства — место проживания говорящих и место проживания субъекта предложения. Точкой отсчета, начальным элементом множества при этом, естественно, является место проживания говорящих как наименее удаленное от них.

Что касается предлога *сквозь*, то ситуации, описываемые предложениями типа

(7) *Сквозь гардины с трудом пробивались лучи света,*

рассматриваются в [4] как ситуации перцептивного движения, т. е. как процесс зрительного или слухового восприятия. Легко видеть, что идея движения, «пути» в этих случаях возникает за счет естественной упорядоченности точек пространства относительно субъекта восприятия или каким-либо иным образом. Так, в случае примера (7) точки пространства организованы идеей луча (напомним, что как раз с помощью луча или вектора выше предлагалось изображать центральную идею «пути» — идею упорядоченного множества элементов).

До сих пор идея «пути» рассматривалась, так сказать, в анализе речь шла о реальном, метафорическом или умозрительном «пути» в связи с теми языковыми выражениями, которые в каких-то своих употреблениях могут описывать ситуацию реального движения, движения физического объекта в пространстве. Теперь идея «пути» будет рассмотрена с точки зрения синтеза, т. е. с точки зрения возможных средств ее выражения. При этом сразу бросается в глаза, что идея упорядоченного множества элементов касается далеко не только слов, которые в каких-то своих употреблениях связаны с реальным «путем», с реальным движением.

Во-первых, с идеей упорядоченного множества элементов соотносятся не только глаголы движения, но и глаголы, обозначающие динамическую ситуацию вообще, — ср. в связи с этим пары примеров (2) и (2'), (3) и (3'). Тем самым метафорический «путь» можно усмотреть во всякой динамической ситуации.

Более того, с абстрактной идеей «пути», с идеей множества упорядоченных элементов оказываются связанными также лексемы, обозначающие ту

или иную степень признака. Степень признака обязательно соотносится с идеей упорядоченного множества элементов — ведь шкала степени проявления признака (как, кстати, и шкала оценки) прекрасно «вписывается» в образ вектора, в идею упорядоченного множества. например, можно принять, что максимальная степень проявления признака (или наилучшая оценка) соотносится с векторной стрелкой, с максимальным элементом упорядоченного множества. Конечно, «путь» — шкала оценки степени признака — кажется нам довольно необычным «путем», непохожим на более привычные нам «пути» — реальные или метафорические, ведь мы привыкли усматривать «движение», «путь» лишь в ситуациях, соотносенных с линией реального времени, «путь» же — шкала оценки — мыслится только умозрительно, виртуально — путем сравнения данной степени проявления признака с другими возможными его степенями.

Казалось бы, зачем вообще нужно столь абстрактное понятие «пути» (как мы видели, это понятие имеет отношение не только к реальному или метафорическому движению, но и к виртуальному «пути», а также к шкале степеней признака, и т.д.)? Однако оказывается, что многие лексемы чувствительны именно к разным реализациям идеи «пути», в том числе и самой абстрактной, «виртуальной» ее реализации, что эти лексемы легко преодолевают различия между реальными, метафорическими, виртуальными «путями», так как могут характеризовать различные виды «пути», а абстрактная идея «пути» позволяет увидеть то общее, что присуще всем употреблениям таких слов.

Собственно, иллюстрацией этого тезиса в той его части, который касается виртуальных «путей», может служить приведенный выше разбор употреблений прямо, выходить, через, сквозь. Рассмотрим теперь с точки зрения данного тезиса наречие *совсем*, способное, в частности, описывать высокую степень признака (подробно слово *совсем* рассматривается в [5, 2]) *Совсем*, грубо говоря, означает, что «путь» достиг своего конца, своего предела (то есть *совсем* соотносится, так сказать, со стрелкой вектора, с максимальным элементом упорядоченного множества), причем это может быть совершенно различным по типу «путь» — это может быть реальный «путь», как в ситуациях *совсем добрался*, *совсем доехал*, или членимая на этапы деятельность, т.е. метафорический «путь» — например, *совсем выучил стихотворение*, *совсем собрал вещи*, кроме того, это может быть процесс изменения признака в реальном времени, т.е. метафорический «путь» уже другого рода — *совсем высох*, *совсем постарел*, и, наконец, слово *совсем* может быть связано с «путем» — шкалой степени проявления признака, как в случаях *совсем сухой*, *совсем старый*. Видимо, *совсем* может характеризовать и другие типы «пути».

Наряду с адverbialом степени (*совсем*) рассмотрим также типичное наречие оценки *хорошо*. *Хорошо высох* — это значит, в частности, что процесс высыхания практически достиг предела, метафорический «путь» был пройден до конца. А, скажем, *хорошо помнил / знал* — это 'помнил / знал значительное число элементов объекта' (ср. *совсем выучил стихотворение*, *со-*

всем собрал мотор); *хорошо написал сочинение* — это написал так, что сочинение может быть соотносено с элементом шкалы оценок, близким к максимуму, и т.п.

Вероятно, трактовка ситуации 'знать (в той или иной степени)' или 'написать сочинение (с той или иной степенью блеска)' как элемента (точки, пункта) «пути» на первый взгляд может показаться несколько надуманной — несмотря на то, что такие слова, как *совсем*, *хорошо*, *сквозь*, *прямо* и другие, как мы видели, индифферентны к различию между реальными и виртуальными «путями», в том смысле, что они легко определяют как реальные, метафорические, так и умозрительные «пути». Посмотрим, однако, на эквивалент выражения *насколько я знаю* в английском языке — *As far as I know*. В английском языке для обозначения степени осведомленности субъекта используется наречие *far* (≈ 'далеко'). Это наречие обозначает в данном случае параметр «степени продвинутости в знаниях», т.е. соотносит степень осведомленности с идеей продвижения в пространстве, с идеей бесспорного «пути». Ту же метафору использует и русский язык, когда мы говорим *Иван хорошо продвинут в данной области*, *Петр здорово продвинулся в изучении данной темы* и т.п. Подобные «языковые свидетельства», на наш взгляд, говорят о семантической близости (= наличии общей идеи) у ситуаций продвижения и степени проявления признака (в данном случае речь идет о степени осведомленности).

Выше мы лишь обозначили некоторые типы «пути», ни в коей мере не претендуя на строгость и полноту их описания. Очевидно, каждый из этих типов можно рассматривать как инвариант более конкретных реализаций абстрактной идеи «пути», идеи упорядоченного множества элементов. Можно искать инвариант классов ситуаций типа *совсем высох* и *совсем сухой* (такая попытка сделана в [5, 148]), или искать инвариант у ситуаций типа *хорошо высох* и *хорошо знал*, и т.д. В данной работе нам важно было лишь подчеркнуть многоуровневость идеи «пути», что «путь» может мыслиться не только как реальный или метафорический, но и как умозрительная последовательность элементов, рассмотрение же всевозможных реализаций этой идеи — предмет для отдельного исследования.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Реальный «путь» по сравнению с метафорическим «путем» еще больше уточняет исходную идею: элементами множества в данном случае являются точки пространства, упорядоченные не просто на оси времени, а по времени прохождения их субъектом движения, ср., например, [8].
- ² Невоплощенное имя собственное — это имя, интенционал которого сводится к свойству 'иметь данное имя', в то время как интенционал воплощенного имени собственного — 'быть данным объектом', т.е. воплощенное имя собственное отсылает к конкретным чертам, конкретным свойствам носителя имени, а не собственно к имени, см. [3].

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян Ю. Д. Избранные труды. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995.
2. Григорьева С. А. Наречие *совсем*: полисемия или логические компоненты в толковании? 1994 (рукопись).
3. Кронгауз М. А. Об одном типе употребления имен собственных // НТИ. Сер. 2. 1988. № 8.
4. Плунгян В. А., Рахлина Е. В. Полисемия служебных слов: предлоги *через* и *сквозь* // Русистика сегодня, 1996, № 3. Путеводитель по дискурсивным словам русского языка. М., 1993.
5. Баранов А. Н., Плунгян В. А., Рахлина Е. В. Путеводитель по дискурсивным словам русского языка. М., 1993.
6. Филипенко М. В. Об иерархии аспектуальных характеристик в высказывании (к анализу адвербиалов — определителей «процесса») // ВЯ. № 5. 1997.
7. Brugman С., Lakoff G. Cognitive topology and lexical networks // Cottrell, et al. (eds.). Lexical ambiguity resolution: perspectives from psycholinguistics, neuropsychology and artificial intelligence. San Mateo (CA): Morgan Kaufman. 1988.
8. Langacker R. W. Foundations of cognitive grammar. Stanford, SUP, 1987.

А. А. Золкин

ПРОСТРАНСТВЕННАЯ СТРУКТУРА КАРНАВАЛА
(НА МАТЕРИАЛЕ MOTHER GOOSE RHYMES)

Mother Goose Rhymes (далее MGR) — собрание стихов и песен на английском языке, объединенных по закону определенного жанра. «Жанр и жанровые разновидности определяются... хронотопом» [2, 122], т.е. «время-пространством». С середины XVIII века MGR фиксируются письменно, с этого же времени их начинают относить к жанру детской поэзии. Но в эпоху создания MGR (некоторые исследователи относят этот период чуть ли не к языческой древности [5, 24—26]) не существовало понятия детства — дети считались «маленькими взрослыми» [4, 43, 213]. Детство в современном его понимании является продуктом эпохи Просвещения — конца XVII — начала XVIII веков [5, 19—21]. Очевидно, что MGR относятся к карнавальной культуре, поскольку, во-первых, содержат все основные формы карнавального смеха — центрального момента карнавальной культуры [3, 9] и, во-вторых, соответствуют всем основным характеристикам карнавального смеха [3, 17]. Карнавальное мировидение является универсальным по крайней мере в рамках индоевропейской культуры [3, 17; 8]. И поскольку MGR имеет аналоги во всех романо-германских странах [5, 15—16], то это собрание стихов и песен необходимо рассматривать как единый корпус.

Собственно стихотворно-музыкальная форма MGR говорит о категориальном моменте в карнавальном представлении о мире. С точки зрения феноменологии, словесная художественная форма оперирует «понятиями, категориями, смыслами, суждениями и пр.» [10, 123], музыкальная художественная форма — «временем и его качествами» [10, 123]. При этом числовая символика, прямое упоминание чисел широко встречается в MGR. Сам ритм стихов и песен (рифма, слоговость, рефрен, акrostих и пр.) задает определенную числовую структуру. Некоторые стихи содержат в себе алфавит — парадигматический набор знаков. Можно сказать, что целостность стихотворно-музыкальной формы может быть описана только через числовые отношения. Объективация числовой структуры переводит стих из концептуального ряда в перцептуальный: число становится ритуалом (ritual — от *ri- — число, порядок; ср. греч. peritos — неисчисляемый, бесчисленный; arithmos — беспорядочный [15, 566]). Гармония числовая становится гармонией телесной (лат. harmonia от гр. arthron — сустав, см. тж. harmonica — музыкальный инструмент [15, 279]); слово «карнавал» этимологизируется как «праздник плоти» (наивная этимология — «О, плоть, прощай!») и относится к такому ряду, как «инкарнация/реинкарнация», «алый цвет» (англ. carnation), «смерть / похороны» (англ. charnel, charnel-house — склеп) [15, 80].

Корпус MGR — произведение карнавального жанра. Карнавал/праздник есть не просто переживание, но соприсутствие моменту творения мира [7; 12, 34; 14, 97—100]. Показать, какое категориальное (концептуальное) пространство скрывается за воспринимаемым (перцептуальным) карнавальным миром, и является целью данной работы.

В корпусе MGR отчетливо прослеживается мотив центра. Это выражается, в частности, в следующем:

- предметы со всего света собираются в определенном месте, чтобы из них была приготовлена качественно иная вещь, необходимая для праздника (напр., загадка: ингредиенты со всего мира собираются в сумке — ответ: из них будет приготовлен Рождественский пирог:

Flour of England, fruit of Spain,
Met together in a shower of rain;
Put in a bag, tied round with a string;
If you'll tell me the riddle, I'll give you a ring.

— № 143 — номера стихов и песен даются по [1];

- все стремятся на праздник, место которого часто отмечено крестом или имеет в своем названии слово «крест» (Cross) (напр., нужно поехать в Бенбери Кросс на лошади-петухе для того, чтобы увидеть танцующую леди:

Ride a cock-horse to Banbury-Cross,
To see a fine lady upon a white horse;
Rings on her fingers and bells on her toes,
And she shall have music wherever she goes.

— № 29);

- кто-то или что-то приближается к предмету/человеку (напр., проходя по Чаринг Кросс, кто-то увидел приближающегося человека в черном, от чего сердце чуть не разорвалось:

As I was going by Charing Cross,
I saw a black man upon a black horse;
They told me it was king Charles the First —
Oh dear, my heart was ready to burst.

— № 89);

- нечто исходит (запах, звук, веселье и пр.) из какого либо места и распространяется предельно далеко (напр., некий святой так сильно схватил дьявола за нос, что его рев от боли был слышен более чем за 10 миль:

St. Dunstan, as the story goes,
Once pulled the devil by his nose,
With red hot tongs, which made him roar,
That could be heard ten miles or more.

— № 138);

- распадение, разрывание на части некоего целого (напр., Шалтай-Болтай разбился на куски, и никакая сила не может его восстановить — № 220).

Восприятие Центра карнавального пространства, показывает, что Центр не определяет сам себя, но требует какого-либо отношения к себе извне. Т.е. Центр не может быть описан катафатически (положительно, напр., это есть то и то), но только апофатически (отрицательно, напр., это не есть то и то). Центр либо обладает притяжением, за счет которого он определяется, либо из него исходит нечто существенное (или же сам Центр разрывается). Центр распространяет свою энергию на периферию. При этом интересно отметить, что русское «праздник» восходит к *porzd* — «лопаться, трескаться, разрываться и становиться в силу этого пустым» [13, 360].

Помимо мотива центра в корпусе MGR можно выделить мотив движения вверх-вниз (состоянияверху-внизу), что очевидно является Осью карнавального пространства. Это выражается, в частности, в следующем:

- описание человека, предмета или явления сверху вниз (напр., в № 7 описывается человек, живущий на луне в следующем порядке:

And his hat was made of good cream cheese... (шляпа)
 And his coat was made of good roast beef... (пальто)
 And his buttons were made of penny loaves... (пуговицы)
 And his waistcoat was made of crust of pies... (жилетка)
 His breeches were made of haggis bags... (брюки)

— см. тж. № 121, 164, 165);

- движение тела вверх-вниз («up — down» движение в, напр., № 19, 56, 73, 74);
- физическое или социальное (напр., король-пьяница, священник-прелюбодей, ряд имен от официального до просторечного) падение вниз, редко с возвратным движением вверх, либо возвращение вверх, но уже в ином качестве (напр., кошка была белой, стала черной) (напр., № 141 — загадка, почему получается так, что четыре девочки, взяв каждая по одному яйцу из гнезда, взяли лишь одно яйцо — ответ: это одно лицо, представленное рядом имен, от официального до просторечного:

Elizabeth, Elspeth, Betsy, and Bess,
 They all went together to seek a bird's nest;
 They found a bird's nest with five eggs in,
 They all took one, and left four in.

— см. тж. № 10, 22, 37, 111, 142, 145, 148, 162);

- пребывание искаженных предметов и персонажейверху или внизу (напр., № 58, 99, 103);
- описание предмета или человека, который настолько высок, что соединяет землю и небо (напр., № 16).

Мотив движения (в отличие от состояния) вверх-вниз описывает постановку Оси. Эта динамика — переворот мира «с ног на голову», который приводит к пространственным искажениям. Новый «перевернутый» мир существует по своим пространственным законам. Это с очевидностью наблюдается

в мотиве движения в стороны (Периферия), который выражается, например, в следующем:

- уход на периферию, часто как эвфемизм смерти (напр., гадание о том, жив ли отец-моряк, сопровождается обязательными прыжками вверх-вниз — № 8);
- сочетание с движением вверх-вниз, но всегда после вертикального движения (напр., развлечение ребенка — прыжки на коленях родителей — № 19);
- после очерчивания круга качественно меняется мир (напр., после того, как собака обежала вокруг дома — № 129:

The little black dog ran around the house,
And set the bull a-roaring,
And drove the monkey in the boat,
Who set the oars a-rowing,
And scared the cock upon the rock,
Who cracked his throat with crowing.);

— движение на периферию является завершающим этапом конструирования карнавального космоса. Новое пространство обладает особыми качествами.

Интересно, что Периферия не имеет качественных отличий, кроме оппозиции свой-чужой, которая объясняется через энергетику Центра карнавального мира — чем дальше нахождение от Центра, тем более чужим становится объект. Все стороны Периферии равнозначны. Периферия определяется Центром так же, как и Центр определяется Периферией. При этом мотив движения на периферию часто связан с мотивом старости-смерти и/или рождения-возрождения (напр., некто ухаживает за леди, которая оказывается только что родившимся младенцем — № 17). Создание карнавального космоса есть обновление и/или воссоздание некоего экзистенциального мира.

Нельзя обойти вниманием некий мотив, который можно назвать мотив нонсенс. Он с очевидностью проявляется, напр., в следующем:

- хаос, стремящийся к структурированию под воздействием внешних сил (напр., задается целая серия невыполнимых и совершенно нелогичных заданий, как, скажем, стирка белья в сухом колодеце, в результате выполнения которых некто получает награду, которая сама по себе не ценна, но воспринимается как ценность огромной величины — № 82);
- хаотическое для обыденного сознания состояние, но которое воспринимается как устоявшийся порядок вещей и поэтому часто вместе с числовой символикой (напр., кошка женится на мышке — № 84);
- невероятные телесные искажения при том, что дается точный физиолого-анатомический анализ всевозможным уродствам и увечьям (напр., описание жизни «скрюченного» человека, которое дается как нечто обыденное и естественное — № 307).

Легко заметить, что мотив нонсенса есть мотив разрушения привычных связей-соседств и создания новых, которые возникают по причине имманентной вещам необходимости (часто подобные стишки заканчиваются словами: «И я все это видел» и т.п.). При этом следует дифференцировать два различных мотива: «Нонсенс как хаос» и «Нонсенс как устоявшийся порядок вещей». Мотив «Нонсенс как хаос» описывает переходный этап между миром обыденным и карнавальным и утверждает хаос как одновременно нечто всепоглощающее и всепорождающее. Карнавальный хаос обладает определенной эстетикой.

Мотив «Нонсенс как устоявшийся порядок вещей» описывает собственно карнавальный мир. Описание новых состояний дается в динамике, так, что сам новый порядок вещей принимает участие и даже диктует условия поведения персонажей.

Разобрав основные мотивы, можно сказать, что создание карнавального пространства проходит следующие этапы: 1) нахождение центра; 2) постановка вертикальной оси; 3) распространение на периферию; 4) установившийся карнавальный мир. Последнее, собственно, и является тем, что было названо перцептуальным карнавальным пространством, которое необходимо отличать от пространства концептуального, ибо первое есть телесная гармония, второе же — стихия числа.

Перцептуальное карнавальное пространство динамично и телесно. Концептуальное пространство статично, что объясняется идеальностью численных соотношений. Число ограничено; но число статично не поэтому, а по причине своей бесконечности. Число есть одновременно чисто мыслимая точка и абсолютная самодостаточность (каждое число есть некая целостность). В этом плане каждое число есть некий центр (или символ апофатического центра) и питается энергией того Единственного центра.

Карнавальное пространство целостно и самодостаточно, в отличие от пространства обыденного, которое по необходимости требует карнавальное пространство как свое иное (меон); центр карнавального пространства определяется за счет какого-либо отношения к нему иных объектов; сам же по себе центр самодостаточен (монада) и не нуждается в отношении к себе.

Конструирование карнавального мира начинается с момента излияния монады во вне для определения себя самой же. Это самоопределение монады порождает некую новую целостность. Она одновременно тождественна монаде (ибо это есть целостность) и отлична от нее (ибо это уже не есть монада). Эта новая целостность есть двойца.

Энергичное излияние центра вовне есть вечное становление, притягивающее к себе предметы, которые «переплавляются» и приобретают определенные имманентно присущие им качества. Притяжение предметов к эманлирующему центру приводит к нарушению порядка обыденного мира, который поглощается хаосом. Вечное становление есть еще одна целостность, которая одновременно тождественна монаде (ибо это есть целостность) и отлична от нее (ибо это есть ни абсолютная монада, ни самоотжествленная монада — двойца). Эта новая целостность есть троица.

Энергия центра питает карнавальное пространство. Чем дальше от центра, тем больше энтропия. На определенной удаленности от центра наступает такой момент, когда тело перестает питаться энергией центра, тогда оно становится чужим. Но вовлеченное в карнавал и пропитанное энергией монады тело обретает новую форму, выплавляется из абсолютной неразличимости хаоса. Это необходимо, ибо если есть нечто становящееся (эманлирующая вовне монада, двоица), то должно быть и нечто ставшее. Это ставшее есть целостность, которая одновременно тождественна монаде (ибо это есть целостность) и отлична от нее (ибо это есть не абсолютная монада, не самоотождествленная монада — двоица, не абсолютное становление, хаос — троица). Эта новая целостность есть тетрактида (четверица).

Карнавальное пространство может быть численно описано следующим образом: 1) монада (единица) — центр сам для себя достаточный, неопределяемый, 2) двоица — эманлирующий вовне центр, определение центра; 3) троица — вечно становящийся хаос, абсолютно бесформенная материя, 4) тетрактида (четверица) — ставший, законченный мир.

Обыденное пространство трехмерно. Карнавальное пространство «центромерно», ибо определяется только из центра.

Обыденное пространство является атрибутом материи [11, 519—521]. Карнавальное пространство само диктует порядок вещей, т. е. обладает свойством обратной атрибутивности. Числовая сущность карнавального пространства говорит о том, что материя подчинена числу — идеальному выражению самоотождествленного различия.

Панэстетизм карнавала все, вовлеченное в карнавальную мир, целостно, все, что имеет отношение к карнавалу, не может быть лишь частично вовлечено в него, все соприкасается всему; в карнавале что красиво, то хорошо, и наоборот, карнавал есть живая телесная гармония добра и красоты, энергетика карнавала питает обыденность, не давая ей превратиться в абсолютную застывшую вещь, обыденный мир есть «чужое» для мира карнавального, в то время как карнавальная мир есть «необходимое свое» для повседневности.

ЛИТЕРАТУРА

- 1 Стихи матушки Гусыни. М., 1988.
- 2 Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Бахтин М. М. Литературно-критические статьи. М., 1986.
- 3 Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1990.
- 4 Бессмертный Ю. Л. Жизнь и смерть в средние века. Очерки демографической истории Франции. М., 1991.
- 5 Демурова Н. М. Эти маленькие шедевры // Стихи матушки Гусыни. М., 1988.
- 6 Еремина В. И. Ритуал и фольклор. Л., 1991.

7. Золкин А. А. Гармония добра и красоты во времени праздника // Духовные ценности культуры: Вопросы теории, истории, практики. Владимир, 1995.
8. Лидова Н. Р. Драма и ритуал в Древней Индии. М., 1992.
9. Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
10. Лосев А. Ф. Диалектика художественной формы // Лосев А. Ф. Форма — Стиль — Выражение. М., 1995.
11. Философский энциклопедический словарь. М., 1989.
12. Хейзинга Й. Homo Ludens. В тени завтрашнего дня. М., 1992.
13. Шанский Н. М. и др. Краткий этимологический словарь русского языка. М., 1975.
14. Юнг К. Г. Об архетипах коллективного бессознательного // Юнг К. Г. Архетип и символ. М., 1991.
15. Partridge E. Origins. A Short Etymological Dictionary of Modern English. N.-Y., 1979.

СЕЛЬКУПСКАЯ ДОРОГА ²⁾ (ПРОСТРАНСТВЕННАЯ ОРИЕНТАЦИЯ В ФОЛЬКЛОРЕ СЕВЕРНЫХ СЕЛЬКУПОВ)*

Селькупы — маленький народ (3612 человек, согласно переписи 1989 года), разбросанный по огромным пространствам Западной Сибири. Селькупы живут двумя изолированными группами: северные селькупы — по рекам Таз и Пур в Ямало-Ненецком автономном округе и по реке Турухан (правому притоку Енисея) в Красноярском крае, южные селькупы — по Оби и ее притокам в пределах Томской области. Селькупский язык относится к самодийской ветви уральской языковой семьи.

Материалом анализа служат три корпуса фольклорных текстов на говорах северного (тазовско-туруханского) диалекта, общим объемом около 50 тыс. словоупотреблений, различающиеся по времени записи: Тазовский корпус, записанный Г. Н. Прокофьевым в 1925—1928 гг. (опубликовано только два из 12 текстов этого корпуса [5]), Баишенский корпус, записанный Л. А. Варковицкой в 1941 г. (ни один из 94 текстов корпуса не опубликован) и Тазовский корпус МГУ, записанный в 1970—1977 гг. участниками лингвистических экспедиций отделения структурной и прикладной лингвистики МГУ им. М. В. Ломоносова (все 28 текстов корпуса опубликованы в [3]). По всем трем корпусам получены частотные словари (см. [1]).

Пространственная ориентация играет в текстах весьма существенную роль. Поскольку важнейшим компонентом большинства фольклорных сюжетов является движение героев (глагол *qəŋqə* 'пойти, уйти' — самый частотный во всех трех корпусах), направление указывается гораздо чаще, чем место. Предметом нашего рассмотрения будет лексика, выражающая пространственные отношения, причем основное внимание будет уделено наиболее частотной лексике.

ПРОСТРАНСТВО ВСЕЛЕННОЙ

Существует земля (*təttu*), небо (*nor*, *niš šüŋcy* 'нутро неба') и подземный мир (*təttu puŋqyt* 'внутри земли'). Небесный и подземный миры имеют по семь ярусов. Земля — это мир простого селькупа (*kulyl' šöl'qur*). Здесь действует большинство фольклорных персонажей. Подниматься на небо и спускаться в подземный мир по собственной воле могут только шаманы (*tətturu*); простой человек (*kulyl' qur*) попадает туда либо случайно, либо по воле тамошних обитателей.

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, исследовательский проект 96-04-06103.

ЗЕМНОЕ ПРОСТРАНСТВО

Центром земного пространства является чум (*mōt*). Чум служит отправной точкой развития сюжета и местом достойного его завершения, из чума герой уходит в начале повествования, а в конце возвращается в свой чум или находит новый, лучше прежнего, и в нем поселяется: *Puceka-Curyka mōtqyt qala* 'Пучика-Чурька в чуме остался' (Баиш.); *Imaqota na ilyqolamty na mōtqyt* 'Старуха стала жить в том чуме' (Таз МГУ). Место чума может занимать землянка (*cul' mōt*): *Imaqota ilymmunty cul' mōtqyt* 'Старуха жила в землянке' (Таз. МГУ).

Чум, как правило, окружен лесом, тайгой (*šōt, macu*). Лес воспринимается как место хорошо знакомое и достаточно обжитое. Для селькупского фольклорного героя практически невозможно заблудиться в лесу.² Согласно Г. И. Пелих [4, 64], *šōt* — это ближняя тайга, где расположены родовые охотничьи угодья селькупов, а *macu* — дальняя тайга. В рассматриваемых нами текстах оба существительных выступают как полные синонимы: *Nyny ira maconty ätäl' pīrylä qänna* 'Потом старик пошел в лес оленей искать' (Баиш.); *Nyny na ija šōtty qänna* 'Потом этот парень в лес пошел' (Баиш.). При этом существительное *šōt* употребляется гораздо чаще, чем *macu*. Для обоих существительных в текстах зафиксированы только формы местных падежей: *Täl cely los ira maconty* (иллатив) *qänna* 'Назавтра черт-старик в лес пошел' (Баиш.); *Macoqyt* (локатив) *korāṇa, ni qai qattety cāṅka* 'В лесу ходил охотился, ничего не добыл' (Баиш.). *Ica šōtty* (иллатив) *qänny, imyl'ary mōtqynDy emDylä qala* 'Ича в тайгу пошел, бабушка его в чуме своем сидя осталась' (Таз. Пр.); *Šōtqyn* (локатив) *ilympany ima* 'В лесу жила женщина' (Таз. МГУ); *Šōl'qur šōtqyny* (элатив) *qänneiciṅa moqunä* 'Селькуп из леса домой пошел' (Баиш.).

Для структурирования земного пространства чрезвычайно важным оказывается еще один объект, редко называемый в текстах, но тем не менее постоянно там присутствующий в качестве ориентира, относительно которого указывается направление и местоположение. Это река: большая (*qolty*) или поменьше (*ky*): *N'omal' Porqy ira na ilymmunty, na ilymmunty, nyny ukkyr tot çontōqyt qoltyt tō kīn'cym na mēmmyntyty, Tōs qoltyt tō* 'Старик Немаль Поркы жил, жил, потом однажды через реку запор сделал, через реку Таз' (Таз. МГУ); *Nyny rasalympa ütyl' sompyl ky* 'Потом раскололась водяная шаманская река' (Баиш.); *Kyt qannyky olcōtyt* 'На берег реки упали' (Баиш.).

Стандартный способ передачи пространственной ориентации в текстах — идентификаторы направления (наречия и превербы). Они относятся к наиболее частотной лексике всех трех корпусов.

Ориентация по вертикали. Наречия *ṅnā* 'вверх' и *ṅllä* 'вниз' — основные лексемы, задающие ориентацию по вертикали: *Šimty ṅnā wəšälenta, tōs-irat qōnty ni'cyk oryn'n'ōtyt «Mat qōntap kul'šōl' qumyp sä ket amlätyt»* 'Частицы золы вверх поднялись: «Частицы моего пепла простых людей пусть же съедят»' (Таз. МГУ); *Wərqy näl'aty nomty ṅnā qänna* 'Старшая дочь на небо вверх пошла' (Таз. МГУ); *ṅnā ütyṅuty sukyltä, ṅnā ütyṅuty l'akcynmynty* 'Вверх повесил вниз головой, вверх повесил за пятку' (Таз. МГУ); *Ickycsa ṅllä na pašqolamna* 'Ичкыча вниз стал спускаться' (Таз. МГУ); *N'enndlōqyn ṅllä mannymmenōmyn,*

qaj titty, qaj purqu tatty mtynty «Немного впереди **вниз** посмотрим, то ли облако, то ли дым принесен»

Часто *inna* и *illa* образуют лексическое единство с глаголом, изменяя или уточняя его значение в отношении перемещения по вертикали. При этом они занимают, как правило, препозитивное положение в отношении глагола, превращаясь в превербы. *Imaqota innä pakta* «Старуха вскочила» (буквально: «**вверх** прыгнула») (Таз. МГУ); *Qarvn innä wəša, amurna, qəngolamnytu* «Утром встал (**вверх** поднялся), ест, собрался уезжать» (Таз. МГУ), *Qumyt pəqunu mōty šəralyntōty, tōl' pelal' koptonty illä omtalyntōty* «Люди с улицы в чум позаходили, на дальнее место поусаживались» (буквально: «**вниз** поусаживались») (Таз. МГУ); *illä qontāš'* «Ложись спать» (буквально: **вниз** спи») (Таз. МГУ)

Интересную пару образуют *illä* и *inna* в сочетании с глаголом *məqo* «делать». *illa məqo* означает «похоронить», а *inna məqo* — «оживить». *A imaqotar — žmyl' qōt qumyt qulyr meñōtyt i imaqotar illä mēñōtyt* «А старуху — люди царя яму сделали и старуху похоронили» (Таз. МГУ), *Təgyru innä šim mēna* «Шаман меня оживил» [2, с. 312].

В сочетании с рядом глаголов *illa* практически теряет пространственное значение, привнесо в глагол значение окончательности и бесповоротности действия. *ŋyutu n' ŋyut kontur, Nataŋkar qōt šūmyn parqylnyty i qənnnyty illä* «Взяла корешок травы, Нэтэнку через ухо уколола и убила» (Таз. МГУ); *Iray kəsyu porqumty to' i tpaty, imaty iranty kəsyu porqum tun'ar illä šüttəmpaty* «Муж свою кольчугу снял, жена рукав кольчуги своего мужа **наглухо зашила**» (Таз. МГУ), *Nūny illä nyllēlā qumōqumty ətyqolamnytu* «Потом, **остановившись**, он своих спутников стал ждать» (Таз. МГУ)

Ориентация относительно чума (дома). Наречия *rona* «наружу, на улицу» и *moquna* «домой, назад, обратно» определяют направление движения героев относительно центра земного мира — чума: *Ima mōtyqt uŋku' tumpaty. Ronā tappumtra* «Женщина в чуме прислушивается. **На улицу** вышла» (Байш.); *žmyl' qōn nal' ai ronā paktōtyt Icat imam tappumtruqo* «Царские дочери **на улице** выбежали на Ичину жену посмотреть» (Таз. МГУ); *Tar qur ronā parqylty!* *A to mašyr qətta* «Этого человека **на улице** вытолкни! А то меня убьет» (Таз. МГУ), *Nūny moqunā qənnōtyt žmyl' qot kinik* «Потом **назад** пошли к царю» (Байш.), *Nūny moqunā tattynty qalytyn mōtyr* «Потом **домой** привез чумы ненцев» (Таз. МГУ).

Ориентация относительно реки. Пара наречий *karrä* «вниз с берега к реке, к воде, на берег (к реке)» и *konna* «из воды вверх на берег; с берега (от реки)» описывает приближение к реке или, соответственно, удаление от нее. *Nūny karrä ūtoq qonyn n' y cil' antysa* «Потом **на берег** по воду сходил с котелком» (Таз. МГУ), *Ica il' camty quraltynty «Il' cə, tat qənaš karrä, sajal aj untal' l' y, žkly māl' sa šitty kəpytōty»* «Дед, ты пойд **на берег**, свои глаза и свой нос, свой рот прутьями порасияль» (Таз. МГУ), *Nūny lōs-ira karrä ulleja ūty* «Потом медведь **от берега (в реку)** отплыл в воду» (Таз. МГУ); *Palna konnā qənna tššat šocyryl' mōtyqnty* «Палиа **на берег (от реки)** пошел в свой чум с дыркой от стрелы» (Таз. МГУ), *Naiak, pišcar wəssyla, konnā tattyty* «Девушка, шуку подняв, **с берега (от реки)** принесла» (Таз. МГУ), *əty qalyt*

konnä na tannumtuntötyt 'Остальные ненцы на берег (из лодок) вышли' (Таз. МГУ).

Та же пара задает ориентацию относительно очага, будь то внутри чума (дома) или снаружи: *karrä* 'к очагу, на огонь', *konnä* 'с очага, с огня'. Примеры: *A tam i tpaty öñ'amty iüntu karrä pärqylpaty cäpsysä* 'А он взял и невестку в костер (в огонь) толкнул рожнем (Таз. МГУ); *Cön'ykty mišyruḡuty, näität ünkyksap mišyruḡuty, konnä wäccuḡuty, innä tḡuḡuty* 'Чайник вскипятил, уши девушки сварил, с огня снял, вытащил [уши]' (Таз. МГУ); *Karrä paky, iḡna qumty konnä pärqylḡuty* 'К огню подбежал, этого своего спутника от огня оттолкнул' (Таз. МГУ).

Ориентация относительно направления течения реки задается наречиями *n'ennä* (вариант: *jannä*) 'вверх по течению реки' и *takky* 'вниз по течению реки': *Tynu jannä qәнny* 'Затем вверх по течению уехал' (Таз. Пр.); *Lözy-ira takky renDa* 'Черт-старик вниз по течению плывет (не гребя)' (Таз. Пр.).

Ориентация относительно направления движения субъекта. Наречие *n'ennä* (*jannä*) в значении 'вверх по течению реки' встречается в текстах довольно редко и исключительно при описании шаманских путешествий. Зато для текстов любой тематики характерна высокая частота употребления *n'ennä* (*jannä*) в значении 'вперед, дальше', то есть для описания направления, совпадающего с направлением движения субъекта: *Lös-ira nḡ'cyk kәḡuḡuty «Kәtsat, n'ennä qәнäš»* 'Черт-старик так сказал: «Внук, вперед иди»' (Таз. МГУ); *Nynu qәssak n'ennä tәttat mḡty* 'Потом поехал дальше в чум богача' (Таз. МГУ). В этом значении *n'ennä* (*jannä*) оказывается противопоставленным наречию *moḡunä* 'назад, домой': *Palna ira nannerik tuḡa, qәllyt moḡunä i n'ennä alciqol' cimpḡtyt* 'Старик Пална такой гребок сделал, что ненцы назад и вперед попадали' (Байш.); *Moḡunä qәнneja, cip qoḡuty aj jannä qәнneja* 'Домой пошел, котел нашел, опять вперед пошел' (Байш.).

Ориентация относительно стран света. Для героев селькупского фольклора страны света — это не просто элементы пространственной ориентации, но понятия, чрезвычайно нагруженные мистически, этически, и эмоционально. Север и юг предстают в текстах зачастую как направления движения, восток и запад — как местоположение. Для обозначения южного направления в текстах употребляется специальная лексема *tḡmy*: *Nynu na Kaks'ap tomy qәntḡtyt*. 'Потом Каксу на юг увезли'; *Nynu tәtyḡy tḡmy surytysä mašesa* 'Потом шаман на юг с птицами полетел' (Байш.). Северное направление — это направление течения больших рек в местах, где живут селькупы (Оби, Енисея, Таза), поэтому неудивительно, что наречие *takky* 'вниз по течению реки', используется также в значении 'на север': *Nynu takky ilimkasä takky lyḡtytqo qәнna* 'Потом на север на илимке на север за товаром пошел' (Байш.); *Nynu takky mennumruḡa* 'Потом на север посмотрел' (Байш.); *Takky pigyltylä yltyty na säqy ätämty qumyt ilsanqo takky laḡkuruḡuty* 'На север повернувшись, вниз от этого черного оленя за душой человека (чтобы позвать душу человека) на север закричал' (Байш.). Юг у селькупов ассоциируется с добрым началом, север — со злом. В представлении селькупов наблюдается некий параллелизм между севером и низом. И север, и низ (подземный мир) — это место, где сосредоточено зло,

где обитает дьявол *Кузу*, имя которого не рекомендуется произносить вслух простым смертным, страна мертвых также помещается либо под землей, либо на севере. При описании шаманских путешествий *takku* — основное направление движения шамана, если он во время лечения отправляется за душой больного, украденной злым духом или каким-нибудь умершим родственником, плывя на священной лодке *rätuŋ* туда, где раскинулось водяное чертово море (*ul' losyl' contysy*), в этом направлении смотрит шаман, ища ослабевшую душу, не способную без его помощи из 'плохой земли' (*qoštŷyl' tättŷ*) вернуться в обычный мир людей.

Восток (*cēlyn tättŷyl' pelak* 'солнечной земли сторона', *cēlyn ētyl' pelak* 'сторона, на которой солнце', *celynty žtyrmyl' pelak* 'солнечных угодий сторона') и запад (*pil' nūmyl' pelak* 'ночного неба сторона', *pillyl' pelak* 'ночная сторона') в текстах обычно не направление движения, а место, где что-то или кто-то находится или разворачиваются определенные события. Восточная сторона и все, что есть на ней, в том числе и сверхъестественные силы, как правило, добры и дружественны человеку, западная сторона и все что есть на ней человеку враждебны. *Ūt kurytyl' suryt celyn tetiļ' pelel' utyt pelemyt kurynžtyt* 'Водой несомые черти (духи-помощники) по восточной стороне воды по течению плывут', *Celyn tetiļ' pelāl' mžtyt pelāqyt kybl' a tul' gol' a tat namu try!* 'В восточной половине чума маленький ящик, ты его возьми' (героиня берет и обретает счастье); *Nyny qaryl' celynty žtyrmyl' pelāqyny numyl' tun olakasā inna syqyl' na* 'Потом утром с восточной стороны по небесному облаку вверх влез' (Баиш); *Pil' numyl' pelel' contysyt pelāqyt muntokty obykytyl' qumyt latalymmyntuŋa* 'На западной стороне моря безголовые люди ко всему приставлены'; *Imakota ŋil'cik kätŷnt* «*Tat tynu qata qannymantŷ pit n'etil' pelāl' mžtyt pelāqyt męqŷ tul'qot totynžtyt Tat namu itŷ!*» 'Старуха так сказала: «Ты туда если пойдешь, в западной половине чума большой ящик поставлен Ты его возьми» (героиня берет ящик и гибнет.) (Баиш.).

СЕЛЬКУПСКАЯ ДОРОГА

У каждого фольклорного персонажа своя дорога — *wätty*: *Nętenka ŋil'cik kätŷnt* «*Tat mat mättonŷ ŷu qannāšik!*» *Tžmnenka qanna* 'Девка так сказала: «Ты по моей дороге пойд!» Лягушка пошла' (Баиш.), *Na qantžtyt kętyla nātāt эsyт wättyt žūmyt* 'Поехали, откочевав, по дороге отца девушки' (Таз. МГУ); *Nut tžtyptel' qot mättonŷ qašyca* 'Остановился у дороги небесного гремящего царя' (Баиш.). Селькупское существительное *wätty* имеет и другое значение — 'след'. *Okkyr tap tättŷ contoqyt macit ütā mättyр qоnyty* 'Однажды дикого оленя след нашел' (Баиш.), *Okkyr tap contoqęntŷ lokat mättyр qоnyty šentyk koryŋa* 'Однажды лисы след увидел, недавно пробежала' (Баиш.), *Tuŋa mžt koptontŷ. Mannŷmpaty — sūryn wätty. Ica ilła korallta, tž cap manteja — qumŷn wätty* 'Пришел к чумовищу. Посмотрел. звериный след Ича нагнулся, туда взглянул: след человека' (Таз. МГУ). Собственно, дорога в понимании селькупов — это место, по которому прошли, оставив след. *Tūpyl' wätžmŷntŷ imantysa moqŷnā qanna, tŋna il'cantŷ mžty* 'По пройденной дороге (т. е. там, где уже проходили и оставили след) с же-

ной обратно пошел, в чум того деда' (Таз. МГУ); *Kuntų paktympa wəttomynty paktympa* 'Долго бежал, по своему пути бежал' (Баиш.).

Всякая дорога куда-то ведет. Дороги простых смертных ведут в лес (*šōttų, masonťu*) или в чье-то жилище (*mōttų* 'в чум', *mōttųquntų* 'в его чум', *to mōttų* 'в тот чум', *iran mōttų* 'в чум старика', *losyn mōttų* 'в жилище черта', *jerecyl' mōttų* 'в дом упырей'), к запору (приспособлению для ловли рыбы), причем обязательно к своему (*kjncōdquntų*), в тундру (*n'arōquntų*), иногда в город (*qəttuntų*), а то и просто на ту сторону (*na pelakťu*) или на другое место (*jaruŋ mestantų*). Шаманская дорога (*tōttųyl' wəttų*) отличается от дорог простых смертных. Это дорога, по которой душа камляющего шамана поднимается на небо, чтобы узнать будущее, или спускается под землю (или на север), чтобы вылечить больного. Она проходит через теснины (*tjcsu*), где шамана ждут тяжкие испытания, прежде чем он достигнет своей цели. Подробное описание шаманской дороги составляло, как правило, содержание текстов камланий.

Благополучное завершение пути — будь то путь простого смертного или шамана — это возвращение. Обратная дорога, возвращение героя в селькупских фольклорных текстах нередко описывается не менее подробно, чем движение вперед, к намеченной цели. Ведь только благополучное возвращение обеспечивало по настоящему счастливый конец.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Все примеры даются в написании источника
- ² Вспомните, с какой легкостью могут заблудиться в лесу герои русских сказок и сказок других европейских народов. Самоназвание северных селькупов *šol'qumyt* 'лесные люди', положенное в основу официального названия всей этнической группы, говорит само за себя. Отношение селькупов к лесу очень точно иллюстрирует эпизод, описанный директором Томского краеведческого музея М. Б. Шатиловым [6] Во время своей экспедиции в Нарымский край в 1924 году М. Б. Шатилов попросил одного селькупа проводить его к тунгусскому стойбищу, расположенному, как ему сказали, недалеко от поселка. Через несколько часов пути по тайге М. Б. Шатилов спросил своего провожатого, не заблудились ли они, и получил возмущенный ответ: «Что ты, дурак, в лесу поди!»
- ³ Передачу наречиями *karra* и *konna* пространственной ориентации относительно очага Г. Н. Прокофьев считал вторичной и объяснял тем, что древние жилища селькупов — землянки — обычно располагались на крутых берегах рек выходом к воде, причем очаг внутри землянки находился ближе к выходу, то есть ближе к реке [5, 11—12].

СОКРАЩЕНИЯ

Баиш. — Баишенский корпус Л. А. Варковицкой.
Таз. МГУ — Тазовский корпус МГУ
Таз. Пр. — Тазовский корпус Г. Н. Прокофьева.

ЛИТЕРАТУРА

- ¹ Казакевич О. А. Частотные словари селькупских фольклорных текстов // Аборигены Сибири: Проблемы изучения исчезающих языков и культур. Тезисы междуна-

- родной конференции Новосибирск (Академгородок), 26—30 июня 1995 г Т 1 Филология Новосибирск, 1995 С 386—389
- 2 Кузнецова А И, Хелимский Е А, Грушкина Е В Очерки по селькупскому языку Т 1 М, 1980
 - 3 Кузнецова А И, Казакевич О А, Иоффе Л Ю, Хелимский Е А Очерки по селькупскому языку Т 2 Тексты Словарь М 1993 С 6—88
 - 4 Пелих Г И Селькупская мифология Томск, 1998
 - 5 Прокофьев Г Н Селькупский (остяко-самоедский) язык. Ч 1 Л, 1935 С 101—103
 - 6 Шатилов М Б Остяко-самоеды и тунгусы Принарымского края Путевые заметки // Труды Томского краевого музея Т 1 Томск, 1927 С 139—167

«ЦАРСТВО»: ОТ ЛОКАЛЬНОГО К ТРАНСЦЕНДЕНТНОМУ (ИСТОРИЯ ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЯ В ДРЕВНЕГЕРМАНСКИХ ХРИСТИАНСКИХ ПАМЯТНИКАХ)

Концептуализация пространства и вербализация соотносимых с пространственными концептами категорий и понятий в последние годы во всё возрастающей мере привлекает внимание лингвистов. При этом особое внимание уделяется исследованию соотношения универсальных и идиоэтнических черт в семантике языковых единиц, релевантных в плане пространственной концептуализации мира, Архетипические элементы «наивной картины мира» (ср. [1, 6]) позволяют вскрыть некоторые фундаментальные принципы языковых значений и объяснить целый ряд языковых фактов, до сих пор представлявшихся разрозненными (там же, ср. также: [7, 11]). С другой стороны, формирование языковых концептов обнаруживает несомненную связь с этнокультурными факторами не только исконного, архетипического порядка, но и возникающими из взаимодействия культур и мировоззрений различных этносов. Последнее приобретает особое значение в эпохи смены культурной парадигмы, которая, как правило, сопровождается массивным проникновением в сознание носителей того или иного языка иноязычной, «внешней» по отношению к нему языковой и культурной стихии, связанной с принципиально иной системой концептуальных архетипов, духовных ориентиров и языковых символов. Именно по этой причине когнитивно-лингвистические модели, не включающие понятия «культурного концепта», всегда будут неполными (ср.: [2; 14] и др.).

В литературе, посвящённой своеобразию концептуализации мира в древнегерманских языках, достаточно детально разработаны вопросы пространственных архетипов, присущих дохристианской картине мира древних германцев, — картине, обусловленной в первую очередь концептами мифопоэтического сознания и религиозных верований древнегерманского этноса (ср., напр.: [3; 6; 5]).

Вместе с тем концептуальная динамика, связанная с христианизацией германских народов и нашедшая своё отражение уже в древнейших письменных памятниках, как переводных, так и автохтонных, до сих пор остаётся малоисследованной. Заметим, однако, что изучение взаимодействия исконных и привнесённых концептов в эпоху невиданных по своему размаху культурных и мировоззренческих коллизий, связанных с христианизацией германских народов, является кратчайшим путём к получению выводов о механизмах «концептуальной эволюции» германских языков, обладающих высокой степенью научной достоверности, поскольку смена культурной парадигмы, сдвиг системы концептуальных символов и глубинные изменения в языке, несомненно, имеют общий вектор.

Учёные монахи древности, подвизавшиеся как в переводе греческих и латинских библейских и христианских текстов, так и в создании автохтонных произведений христианского содержания (в широком смысле этого слова) стояли перед задачей, которая, на первый взгляд, представляется неразрешимой. Любой библейский или христианский текст — от Символа веры до сложнейших богословских трактатов — содержал стройную систему понятий, образов, символов (то есть, в конечном итоге, концептов), которая была непонятной и чуждой вчерашним язычникам. Более того, это отчуждение в немалой степени осложнялось интерференцией собственных, унаследованных из языческой традиции концептов, способных при определённых условиях привести к масштабной подмене понятий, что, конечно, происходило, а зачастую происходит и сегодня — когда чуждые христианскому мирозерцанию и исповеданию языческие «фреймы», проникая в ткань христианской культуры, становятся как бы частью, и чуть ли не «неотъемлемой частью» христианской традиции. В древности, в эпоху христианизации подобные процессы находились отнюдь не на периферии формирующейся новой, христианской культурной парадигмы. Преодоление «язычества» и основанной на нём системы представлений и ценностей для миссионеров 4—9 столетий, подвизавшихся на обширной территории расселения германских племён, было, безусловно, насущной задачей. Текст — как звучащий, так и записанный — играл при этом ведущую роль. Создание текста христианского содержания на родном языке, сформировавшемся на основе текстов языческого содержания, со свойственным ему концептуальным обрамлением и являлось той неразрешимой — и все же разрешённой — задачей, которая стояла перед древнегерманскими авторами и переводчиками.

Характеризуя стратегию концептуального переосмысления, которая использовалась в древнегерманских христианских текстах в самых общих, существенных её чертах, следует отметить, что при создании этих текстов древние, исконные, глубоко укорененные в традиции, а потому понятные недавним язычникам концепты не отбрасывались как нечто непригодное для христианской модели мира, но и не включались в эту модель безусловно, механически. Концептуально значимые единицы языка втягивались в орбиту христианского текста, становились частью его континуума, переосмыслились и теряли значительную часть своей исконной концептуальности. При этом сам факт их включения в христианский текст выполнял чрезвычайно существенную функцию — происходило «узнавание», или первоначальная идентификация, концепта, стоявшего за тем или иным словом, что в значительной степени облегчало возможность его последующего переосмысления. Впрочем, этим цель еще не достигалась. Поскольку исконная, архетипическая семантика «старого» слова, его соотносённость с «нежелательным» концептуальным рядом в сознании носителей языка, очевидно, сохранялась, переводчику или автору автохтонного текста зачастую приходилось изменять не только окружение слова, но и само слово — иногда путём прямого заимствования из латыни или греческого, в других случаях — путём изменения его словообразовательной структуры, а следовательно, внутренней формы.

В настоящей статье прослеживается развитие концепта «царство» в древнегерманских языках (прежде всего в готском), включающее употребление соответствующих данному концепту лексических единиц. Поскольку речь пойдёт о сложных и производных словах, в анализе используется теоретический и методологический инструментарий когнитивной теории словообразования, разработанный, в частности, в трудах Э. Вильямса [13], А.-М. ди Скиуло [9], И. Томана [12], С. Ольсен [10], Д. Боазе-Бейер [8], М. Рикхейт [11]. В частности, применяется известное «правило правой руки», согласно которому когнитивно-концептуальной доминантой любой словообразовательной структуры — независимо от того, идет речь о композите или о деривате — является словообразовательный компонент, замыкающий сложное или производное слово (то есть находящийся «по правую руку» от читающего слово) (ср.: [13, 247; 12; 11, 123 и сл.), ср., напр.: рус. ледо-ход, но и лед-ник (суффикс как показатель концептуально значимого класса отыменных существительных); нем. Fahrzeug, но и, напр., Fahrer (суффикс как показатель класса Nomina agentis, чаще всего отглагольных) и т. п. Наиболее «правые» компоненты словообразовательной структуры в рамках данной теории получили название «морфологических доминант» (morphological Heads). Не рассматривая в рамках настоящей статьи весьма сложную и, очевидно, не всегда приемлемую концепцию «правой руки» и «морфологических доминант» в целом, ограничимся здесь лишь указанием на то, что для конкретного анализа деривата и композита готского языка с общим значением «царство» описанная процедура не только вполне приемлема, но и позволяет весьма наглядно обозначить связанную с рассмотрением данного концепта проблему.

Готское *riudangardi*, посредством которого в переводе священного Писания передаётся греческое βασιλεία «царство», представляет собой композит, морфологической доминантой которого является основа, коррелятивная германским существительным с высокой степенью концептуальной значимости, ср. гот. *gards* «дом, жилище», *gardo* «двор, место»; дисл. *gardr* «сад; забор, ограда», да. *jeard* др. *gard* «забор; дом», двн. *gart* «круг, окружность, ограждение вокруг чего-л.», *garto* «место; дом», ср. также дреч. *χόρτος* «двор», лат. *hortus* «сад», ст.-слав. «градъ», рус. «город, град, ограда». Общим элементом в семантике всех приведённых слов является представление об ограждённом, замкнутом пространстве, отделённом от другого, внешнего пространства. В древнегерманской мифологии, где картина мира опиралась на представление о соположении относительно независимых замкнутых пространств («царство богов», «срединное царство», «царство теней, или мёртвых»), данный концепт, несомненно, в значительной мере конституировал пространственное измерение картины мира в целом. Поэтому использование концепта *gard-* в любом контексте, где речь шла о пространственной модели мира, несомненно, было узнаваемым и приемлемым. Вульфила (или один из его учеников), переводивший, в частности, 11—12 стихи восьмой главы Евангелия от Матфея, переводит греческое *Nomen abstractum*

βασιλεία — по своей словообразовательной структуре суффиксальное производное с абстрактным суффиксом — посредством готского композита *þiudangardi*, как бы вводя тем самым вполне определённый, конкретный германский пространственный концепт в ткань евангельского повествования, где физическое пространство, если и присутствует, то лишь как символ иной, духовно осмысляемой реальности — ведь греч. βασιλεία употребляется в Евангелии и в значении «царское достоинство», так сказать «право царствовать» (ср.: «Царство Моё не от мира сего» — Ин. 18, 36), и в значении временном (в Евангелии неоднократно говорится о пришествии, наступлении Царствия Небесного), и в значении чисто духовной реальности, не связанной ни с временем, ни с пространством (Христос говорит своим ученикам: «царствие Божие внутри вас есть» — Лк. 17, 21). Можно ли говорить в приведённых случаях о переосмыслении некоего «исконного» концепта, о метафорике? Если метафорика и присутствует здесь исконно, то для христианской картины мира она вторична, синкретизм концепта «царство» следует, очевидно, воспринимать как именно концептуальную, а не производную нерасчленённость. Тем не менее готский перевод в целом ряде случаев использует композит, включающий вполне конкретный, связанный с дохристианской картиной мира концепт «замкнутого пространства», ср.: Мф. 8, 11—12:

греч. λέγο δέ υἱν, ὅτι πολλοὶ ἀπὸ ἀνατολῶν καὶ δυσμῶν ἤξουσιν, καὶ ἀναγκλιθήσονται μετὰ Ἀβραάμ καὶ Ἰσαάκ καὶ Ἰακώβ ἐν τῇ βασιλείᾳ τῶν οὐρανῶν· οἱ δὲ υἱοὶ τῆς βασιλείας ἐκβληθήσονται εἰς τὸ σκότος τὸ ἐξώτερον· ἐκεῖ ἔσται ὁ κλαυθμὸς καὶ ὁ βρυγμὸς τῶν ὀδόντων.

гот. aþþan qifa izwis þatei maþagai fram urrunsa jah saggqa qimand jah anakumbjand miþ Abrahama jah Isaaka jah Iakoba in þiudangardjai himine: iþ þai sunjus þiudangardjos uswairpanda in riqis þata hindumisto: jainar wairþip grets jah krusts tunþiwe.

«Говорю же вам, что многие придут с востока и запада и возлягут с Авраамом, Исааком и Иаковом в царстве Небесном; а сыны царства извержены будут во тьму внешнюю: там будет плач и скрежет зубов».

Использование концепта *gard-*, указывающего на локальную семантику композита в целом, в качестве морфологической доминанты, обуславливает общую концептуализацию «царства» как локальной данности. При первом употреблении данного композита в приведённом отрывке такая мотивировка, впрочем, вполне адекватна («возлягут в царстве Небесном» предполагает, конечно, актуализацию чисто пространственного значения). Что касается второго употребления, непосредственно следующего за первым («Сыны царства»), то здесь речь идёт об устойчивой формуле, унаследованной из ветхозаветной символики («Сыны царства», «сыны геенны», «сыны погибели» и т. п.) и весьма распространённой в Новом Завете. Речь идёт при этом уже о другом значении «царства», осмысляемого прежде всего уже не как «территория, управляемая неким царём», но как «царское достоинство, право царствовать или быть сонаследником царской власти». В принципе уже здесь возможен был перевод

посредством гот *þiudinassus* — точной кальки греч *βασιλεία* с абстрактным суффиксом в качестве морфологической доминанты, не имеющим локальной соотношенности в той степени, в какой она присуща основе *gard-*. Однако с точки зрения общей архитектоники контекста, включающей формульный повтор как элемент центральной антитезы («сыны царства», т. е. те, кому оно должно было принадлежать «по закону», извергаются, а находящиеся вне царства, пришедшие «с востока и запада», занимают их место), использование одного слова дважды совершенно необходимо.

В другом отрывке греч *βασιλεία* переводится на готский посредством существительного *þiudinassus*, ср. Мф IV, 8 Лк IV, 5

греч Πάλιν παραλαμβάνει αὐτὸν ὁ διάβολος εἰς ὄρος ὑψηλὸν λίαν καὶ δείκνυσιν αὐτῷ πάσας τὰς βασιλείας τοῦ κόσμου

гот *Jah ustluhands ina diabolus ana fairguni hauhata, ataugida imma allans þiudinassuns þis midjungardis*

«Опять берет Его диавол на весьма высокую гору и показывает Ему все царства мира»

Казалось бы, следовало ожидать гот *þiudangardi* именно в этом контексте — ведь речь идет как раз о локальном значении, как нельзя лучше выраженной доминантой *gard* «все царства мира» представляют собой, конечно, хотя и символически, государства, территории, то есть «локусы», *gard-s*. Тем не менее переводчик выбирает *Nomen abstractum þiudinassus*. При интерпретации данного стиха следует, однако, иметь в виду, что «локальный концепт», не будучи использован при переводе греч *βασιλεία*, присутствует в композите *midjun-gards* (*þiudinassuns þis midjungardis*), посредством которого здесь переведено греч *κόσμος* «мир, Вселенная». Таким образом, концептуализация пространства в данном случае переносится со словообразовательного (номинативного) на синтаксический уровень, где основа *gard-*, оставаясь концептуальной доминантой высказывания, выполняет по отношению к основе *þiudan-* в известной мере «супрасегментную функцию», — достаточно сопоставить пару *þiudangardjai himine — þiudinassuns þis midjungardis*. Общая локальная перспектива высказывания и дискурса усиливается употреблением концептуально нагруженной морфологической доминанты *gard-* в составе композита *midjungards*, обладавшего исключительно высокой степенью концептуальной значимости в германских языках древнейшего периода их развития. *midjungards* «срединное царство» в представлении древних германцев было местом обитания людей и противостояло как «царству богов», так и «царству мертвых, или теней». Дьявол показывает Христу в пустыне не какие-то неопределенные (для германца, недавнего язычника) государства, но вполне конкретные и понятные ему «все царства срединного царства». Переводчик, избегая тавтологии, одновременно использует при передаче греч *βασιλεία* готское производное с абстрактным суффиксом *-passus*, что позволяет ему, с одной стороны, более точно передать смысл греческого слова (явно значительно более широкозначного, чем гот *þiudangardi*), а с другой стороны, посредством включения *midjungards*, сохранить необходимый здесь локальный концепт.

В целом, суффиксальное производное *riudinassus* не только по своей форме, но и концептуально ближе греч. βασιλεία, чем композит *riudangardi*. Но поскольку концепт *gard-* в той или иной форме используется в общем контексте, постольку и соответствующее *Nomen abstractum* — имплицитно или эксплицитно — остаётся локально детерминированным. Снятие локального концепта возможно лишь на основе постепенного отчуждения в процессе замены однородных референциальных (то есть обусловленных контекстом) концептов (ср.: [11, 124]). В тех случаях, когда «царство» употребляется в наиболее абстрактном из своих значений, предполагающем обращение к трансцендентной по своей сути реальности — «состояние духа, обращённого к Богу; благодатное, дарованное свыше состояние души», перевод с использованием локально детерминированного концепта привёл бы к серьёзному искажению смысла оригинала. Древний переводчик, не представлявший себе иного осмысления Священного Писания, кроме духовного, изучавший тексты Писания, согласно учению Отцов Церкви, в неразрывном единстве догматики и мистического опыта, конечно, умел распознавать подобные опасности. Поэтому локальные концепты, цель которых состояла, в первую очередь, в достижении большей «прозрачности» текста, его доступности сознанию вчерашних язычников, всё же отбрасывались тогда, когда необходимо было передать концепты, не только не связанные с пространством, но и зачастую исключающие локальный компонент, ср. следующий отрывок из I послания ап. Павла к Коринфянам (XV, 50):

þata auk qiþa, broþrjus, þei leik jah bloþ riudinassu gudis ganiman ni magun.

«Но то скажу вам, братья, что плоть и кровь не могут наследовать Царства Божия».

Следует ли из вышесказанного, что развитие концепта «царство» в готском языке от локального к трансцендентному, духовно осмысляемому под влиянием христианской картины мира хронологически совпадало с заменой локально детерминированного *riudangardi* на абстрактное широкозначное *riudinassus*, несомненно, в большей мере соответствовавшего греческому βασιλεία? Положительный ответ на этот вопрос, очевидно, снимал бы большинство проблем, связанных с исследованием концептуальных границ «царства» в древнегерманских языках и, в частности, в готском.

Тем не менее некоторые факты заставляют увидеть рассматриваемую проблему в несколько ином свете. Дело в том, что производное существительное *riudinassus* встречается в тех частях текста Евангелия, о которых с большой долей вероятности можно предположить, что они возникли раньше остального корпуса, ср. следующий стих из Евангелия от Матфея (Мф. VI, 10) — начало молитвы «Отче наш»:

греч. ἔλθétω ἡ βασιλεία σου

гот. qimai riudinassus þeins

«да приидет Царствие Твое».

Известно, что молитва «Отче наш», наряду с Крещальным символом и Символом веры, принадлежит к древнейшему пласту переводов христианских текстов на германские языки. Эти переводы служили обращению язычников в христианскую веру и выполнялись в миссионерских целях задолго до появления более обширных евангельских текстов. Вероятно, и на готский язык молитва «Отче наш» была переведена раньше, чем остальной текст Евангелия, в который впоследствии была включена. Как в таком случае объяснить употребление в этом древнейшем тексте производного *ƿiudinassus*? Не естественнее ли было, напротив, ожидать более доступного пониманию обращаемого язычника композита *ƿiudangardi*, которой впоследствии — через посредство референциальных концептов — постепенно вытеснялся бы производным без ущерба для адекватного восприятия переосмысленного концепта?

Решение лежит здесь, как представляется, в плоскости отношения переводчика к тексту оригинала, определенные фрагменты которого не допускали даже малейшего отклонения не только от содержания, но и от формы переводимого слова. Гот. *ƿiudinassus* буквально копирует греч. βασιλεία, это — классическая калька, характерно, что буквальность, «дословность» перевода как наиболее надёжное средство сохранения смысла и духа Священного Писания признавались необходимыми всеми наиболее авторитетными духовными писателями того времени. Так, в предисловии к одному из готских переводов Евангелия, известному под названием «Бриксианского кодекса», написанном на латыни готским клириком, очевидно, близким бл. Иерониму, осуждаются попытки некоторых переводчиков слишком вольно обходиться с библейским текстом. В тех же случаях, когда буквальный, точный перевод мог затруднять понимание текста, предлагается прибегать к помощи специальных примечаний, особых глосс, по-готски называемых *wulfrs* (что буквально означает «ценность, значение») (ср.: [4, 17]). Очевидно, что такое требование можно было выполнить, не только используя подстрочные или приводимые на полях рукописи глоссы, но и иначе — обращаясь к синонимическим единицам и конструкциям, в том числе обладающим равной словообразовательной структурой. Композит *ƿiudangardi* можно поэтому в известном смысле рассматривать как своеобразный *wulfrs*, используемый наряду с более «каноничным» *ƿiudinassus* для пояснения последнего посредством включения более привычного дохристианскому сознанию германцев концепта *gard*.

Что касается молитвы «Отче наш», то использование здесь *ƿiudinassus* свидетельствует, по-видимому, не только об осознании переводчиком особой важности дословного воспроизведения текста этой наиболее важной христианской молитвы, но и о том, что именно производное существительное *ƿiudinassus* скорее всего было первоначальным переводом греч. βασιλεία — характерно, что написанные позднее заключительные строки молитвы «... ибо Твоё есть Царство и сила и слава, Отца и Сына и Святого Духа. ...» при их переводе на готский язык передают греч. βασιλεία уже как *ƿiudangardi* — типичный пример внутритекстового *wulfrs*.

Существительное «царство» в Евангелии очень редко употребляется самостоятельно, как правило, оно выступает в составе сочетаний «царство Бо-

жие» или «Царство небесное». В греческом и латинском текстах используется при этом не притяжательная конструкция, а атрибутивное сочетание с существительным в родительном падеже — греч. βασιλεία (τοῦ) Θεοῦ, βασιλεία τῶν οὐρανῶν; лат. regnum Dei, regnum caelorum, то есть буквально «Царство Бога», «Царство Небес». Готский перевод снова строго следует оригиналу, ср. гот. þiudinassus / þiudangardi gudis; þiudmassus / þiudangardi himine. В западногерманском ареале и, в частности, в древневерхненемецком первоначально также, по-видимому, использовалось именное атрибутивное сочетание с генитивом, ср. отрывок из одного из древнейших верхненемецких памятников — поэмы о Страшном суде «Муспилли» (стих 13):

die þringent sia sar uf in himilo rihi.

«они (ангелы) перенесут её (душу) тогда наверх, в небесное царство».

Здесь использован буквальный перевод лат. regnum caelorum, включая род. п. мн. числа himilo — как и в готском himine. Поскольку «Муспилли» представляет собой не перевод, а автохтонное произведение, как по форме (аллитерационный стих), так и по системе образов (в частности, здесь употребляется существительное mittilagart «мир», соответствующее готскому midjungards «срединное царство», переосмысляемое как «мир», «Вселенная») близкое дохристианскому сознанию, используемые здесь модели с большой долей вероятности можно отнести к древнейшему пласту заимствований и калек. Следовательно, именно атрибутивное сочетание следует считать исконным переводом лат. regnum caelorum. Вместе с тем порядок следования детерминанса и детерминатума (определяющего и определяемого компонента) в данном сочетании обратный латинскому (и греческому), что обуславливает впоследствии возникновение в древневерхненемецком языке композита himilrīhhi, в котором концепт «царство» реализован в виде морфологической доминанты. Впрочем, himilrīhhi возник, по-видимому, под влиянием, но не из атрибутивного сочетания, поскольку в этом случае следовало бы ожидать неполносложного композита с «соединительным элементом» в качестве реликта синтаксического архетипа (формы типа himilorīhhi или himilesrīhhi, а в нововерхненемецком — *Himmelsreich вместо Himmelreich).

Таким образом, в западногерманском ареале концептуализация пространства содержалась не в существительном «царство», изначально представлявшем собой производное с абстрактным суффиксом (да. rīce, двн. rīhhim, лс. rīki), а лишь в первом компоненте (Head) композита (да. heofon-rīce, двн. himilrīhhi), хотя и здесь имелась возможность переосмысления локального концепта как трансцендентного («царство на небесах» — «царство, приходящее с небес» — «царство — духовная реальность, обусловленная высшим, «небесным» законом»).

Концепт «царство», связанный в древнегерманских языках дохристианского периода их развития прежде всего с локальной доминантой, которая может быть определена как «территория, управляемая царём; государство» и содержит представление об ограниченном, относительно автономном, обнесённом стеной, валом или иной преградой пространстве, отделённом от внеш-

него мира, то есть от иных царств, претерпевает в результате христианизации германских народов существенные изменения. Локальный концепт, исконно выражавшийся основой со значением ограниченного пространства, используется в христианских текстах, и прежде всего в переводе Священного Писания лишь как вспомогательное средство, дополнительная «понятийная опора», призванная облегчить недавним язычникам понимание текста, — используется наряду с новой моделью (суффиксального словообразования *Nomina abstracta*), противопоставляемой композиту и воплощающей новую, обусловленную христианским миропониманием концептуализацию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян Ю. Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семиотика и информатика. Вып. 28.
2. Арутюнова Н. Д. Истина: фон и коннотации // Логический анализ языка. Культурные концепты, М., 1991.
3. Гуревич А. Я. «Эдда» и сага. М., 1979.
4. Гухман М. М. Готский язык. М., 1958.
5. Проскурин С. Г. Древнеанглийская пространственная лексика концептуализированных областей. АКД. М., 1990.
6. Топорова Т. В. Семантическая структура древнегерманской модели мира. М., 1994.
7. Яковлева Е. С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия), М., 1994.
8. Boase-Beier J. Poetic compounds. The Principles of Poetic Language In Modern English. Tübingen, 1987.
9. Di Sciullo A.-M., Williams E. On the Definition of Word. Cambridge (Mass.): MIT-Press, 1987.
10. Olsen S. Zum Begriff der «morphologischen Heads» // Deutsche Sprache. 18. 1990.
11. Rickheit M. Wortbildung. Grundlagen einer kognitiven Wortsemantik. Opladen, 1993.
12. Toman J. Wortsyntax. Eine Diskussion ausgewählter Probleme deutscher Wortbildung. Tübingen, 1993.
13. Williams E. On the Notions 'Lexically Related' and 'Head of a Word' // Linguistic Inquiry. 12/2. 1989.
14. Wießbicka A. Semantics and Culture. New York, 1992.
15. Die gotische Bibel. 1. Tell. Der gotische Text und seine griechische Vorlage mit Einleitung, Lesarten und Quellennachweisen, sowie den kleineren Denkmälern als Anhang. Hg. W. Streitberg. 5. Aufl. Heidelberg: Winter, 1965.
16. Muspilli // Altdeutsches Lesebuch. Hg. W. Braune u. K. Helm. 10. Aufl. Halle (S.), 1942.

РОДНЫЕ ПРОСТОРЫ

Есть идеи, которые высказываются так часто, что воспринимаются уже как нечто само собой разумеющееся. Банальность этих суждений мешает вдумываться в их смысл. К числу таких идей относится утверждение, что русский характер сформировался под влиянием бескрайних российских просторов. «Всякий ландшафт, <...> несомненно, воспитывает народное чувство, своими очертаниями сильно действует на нравственное существо человека, неотразимо западает в его душу и содействует образованию его характера, настроения, всего мирозерцания. Вот почему чувство простора, равнинности является типичной чертою русского народного ума» [13]; «Ширь русской земли и ширь русской души давили русскую энергию, открывая возможность движения в сторону экстенсивности. Эта ширь не требовала интенсивной энергии и интенсивной культуры. От русской души необъятные российские просторы требовали смирения и жертвы, но они же охраняли русского человека и давали ему чувство безопасности. Со всех сторон чувствовал себя русский человек окруженным огромными пространствами, и не страшно ему было в этих недрах России. Огромная русская земля, широкая и глубокая, всегда вывозит русского человека, спасает его. Всегда слишком возлагается он на русскую землю, на матушку Россию» (Н. Бердяев, География русской души, цит. по [10])¹.

Тема пространственной беспредельности — один из структурообразующих элементов русской культуры. Она не только часто возникает в русских художественных и философских текстах, но и является общим местом всех расхожих представлений о России и русском национальном характере. Это особенно наглядно демонстрируют разнообразные произведения массовой культуры. Так, на телевидении недавно был создан «Русский проект» — серия клипов общегуманистической направленности. Одна из газет сразу же обратила внимание на то, что почти все сценки как-то связаны с перемещением, транспортом и т.п. Это, конечно, объясняется стремлением авторов «Русского проекта» отразить «русский национальный характер», который полнее всего раскрывается в странствиях по необъятным просторам России.

Само собою разумеется, что, говоря о национальном характере, мы ничего не утверждаем о том, каков русский человек на самом деле. «Национальный характер» понимается здесь как фрагмент языковой картины мира, реконструируемый на основе лингвистических данных и отраженных в культуре стереотипов.

Довольно часто авторы высказываний о русской специфике иллюстрируют свои мысли ссылкой на неперебиваемость тех или иных русских слов; ср. «Русские просторы зовут странствовать, бродить, раствориться в них, а не искать новых стран и новых дел у неведомых народов; отсюда неперебиваемость самого слова простор, окрашенного чувством мало понятным ино-

странцу и объясняющим, почему русскому человеку может показаться тесным расчлененный и перегороженный западноевропейский мир» (В. Вейдле, Задача России, цит. по [10]).

Было бы полезно, не ограничиваясь такой констатацией, попытаться понять, в чем, собственно, состоит своеобразие подобных понятий. Так, можно согласиться, что слово *простор* лингвоспецифично, однако само по себе это утверждение не объясняет, что оно значит и в чем состоит его специфичность.

Начнем с того, что в слове *простор* обнаруживается ширина в большей степени, чем высота или глубина. В частности этим оно отличается от слова *пространство* и даже от формы *просторы*. Пространство трехмерно (ср. в *пространстве*), а простор имеет только горизонтальное измерение (ср. на *просторе*); *просторы* при этом — это как бы широта в все стороны² (ср. *бороздить просторы вселенной, но сомнительно³ на просторах космоса*)³.

При этом если пространство не предполагает никакого наблюдателя (известно высказывание Ньютона: «Во Вселенной стынет пустое пространство»), то *простор* — это всегда зрительно воспринимаемое открытое пространство, чаще всего связанное с равнинным степным пейзажем или с *чистым полем*: «после долгого созерцания деревни поражал снежно-белый простор, по-зимнему синеющие дали казались неоглядными, красивыми» (И. Бунин).

Но самое главное в *просторе* — это даже не зрительно воспринимаемая картина, а более сложный комплекс ощущений. Оно исполнено не только любования, но и гедонистического восторга⁴.

Простор — это когда легко дышится, ничто не давит, не стесняет, когда можно пойти куда угодно, когда *есть где разгуляться*, как у Лермонтова: «...нашли большое поле — / *Есть разгуляться где на воле*». Само выражение *на просторе* иногда употребляется в значении 'на воле' или 'без помех': «Человеку нужно не три аршина земли, не усадьба, а весь земной шар, вся природа, где на просторе он мог бы проявить все свойства и особенности своего свободного духа» (А. П. Чехов).

Пространство может быть замкнутым, для *простора* (и *просторов*) самое важное — отсутствие границ. Не говорят **замкнутый простор, *замкнутые просторы*, зато чрезвычайно естественны сочетания типа *бескрайние, безбрежные просторы*. Ср. также прилагательные *безграничный, бесконечный, беспредельный, необъятный* — их обилие в русском языке само по себе показательное.

На *простор* человек все время стремится, рвется: «Нам надо было куда-то поехать, вырваться в этот морозный простор, вылететь из сидений, почувствовать себя безумными путниками на большой дороге» (В. Аксенов).

Различие между *пространством* как само собою разумеющейся системой координат и *простором* как источником радости отражается и в переносных значениях. Мы говорим *пространство для маневра*, но *простор для фантазии и простор чувствам, воображению*. В первом случае выражается идея достаточности для некоторой цели, во втором — идея отсутствия ограничений (чувства и воображение своевольны и непредсказуемы). Ср. харак-

терный пример: «Он испытал чувство мирной радости, что он с девяти до трех, с восьми до девяти может пробыть у себя на диване, и гордился, что не надо идти с докладом, писать бумаг, что есть простор его чувствам, воображению» (И. А. Гончаров, Обломов).

Эта идея отсутствия стеснений выходит на первый план в производном *просторный*. Можно сказать, что *просторный* (антоним прилагательного *тесный*) — это такой, где не тесно, где можно свободно двигаться и легко дышать (обычно о помещениях или одежде). Говорят *просторная комната*, но не **просторное поле*, потому что никакое поле не стесняет движений.

Надо сказать, что в русском языке есть еще целый ряд слов, в которых выражается идея любования или наслаждения большими расстояниями. Так, слова *даль* (*дали*) и *ширь*, несомненно, содержат идею зрительного восприятия, а слова *приволье* и *раздолье* предполагают, что человек чувствует себя свободно и хорошо (*раздолье* — это вообще в первую очередь не место, а положение дел).

При этом каждое из слов имеет свои оттенки смысла. *Даль* скорее одномерна, *ширь*, как и *простор* — во все стороны. *Даль* — слово скорее созерцательно-мечтательное, *ширь* — энергично-эпическое; ср. «Были дали голубы, / Было вымысла в избытке» (Б. Окуджава); «Какой во всем простор гигантский! / Какая ширь! Какой размах!» (Б. Пастернак).

Приволье и *раздолье* тоже различаются. *Приволье* в большей степени ориентировано на пассивное восприятие роскоши мира, тогда как *раздолье* — на активное осуществление любых своих желаний. Поэтому первое слово всегда подразумевает наблюдателя, но не предполагает активного субъекта: ср. «Привольем пахнет дикий мед» (А. Ахматова). *Раздолье* же имеет валентность субъекта, который обычно сам не является наблюдателем (*Ему там раздолье*; хуже *Мне там раздолье*). Это восхищенный или завистливый взгляд со стороны на человека, которого ничто не ограничивает. Своеволие не всегда одобряется, поэтому *раздолье* может произноситься даже с оттенком осуждения: *Ну уж пустили козла в огород! Ему там раздолье*. *Приволье* ассоциируется с теплой погодой, когда человек нежится на солнышке. Для *раздолья* время года не существенно.

Идея отсутствия ограничения во всех этих словах настолько важна, что они могут употребляться и тогда, когда речь не идет о больших расстояниях. Ср.: «Обломов всегда ходил дома без галстука и без жилета, потому что любил простор и приволье» (И. А. Гончаров)⁵; «Запершись в деревне, он сразу почувствовал себя на свободе, ибо нигде, ни в какой иной сфере, его склонности не могли бы найти себе такого простора, как здесь» (М. Е. Салтыков-Щедрин).

В русской картине мира *простор* — это одна из главных ценностей. Общая идея не только слова *простор*, но и многих других слов — клаустрофобия, а точнее боязнь тесноты и ограничений, представление о том, что человеку нужно много места, чтобы его ничто не стесняло. Без простора нет покоя, без простора — душная теснота. Только на просторе человек может быть самим собой.

С другой стороны, *простор* противопоставлен уютному маленькому домашнему миру, где человек в безопасности и покое. *Простор* — холод, ветер и неожиданности, и в этом смысле он противоположен не тесноте, а уюту «Все напасти и невзгоды постигают человека за пределами семейного круга, но что поделать родные лица не могут заменить весь мир и, как ни тепло дома, надо выходить на холодный ветер простора» (Ю. Нагибин)

Любовь к небольшим закрытым пространствам тоже присутствует в русской языковой картине мира, хотя и гораздо менее развита. К числу ее ключевых элементов относится и уют⁶. В понятие *уюта* входят тепло (и даже представление о домашнем очаге) и маленькие размеры, защита от ветра, который гуляет на просторе (у Блока *красивые уюты* противопоставляются *стуже люттой*, у Олейникова отсутствие уюта связывается с воем ветра⁷). Большая или прохладная комната вполне может быть удобной и комфортабельной, но странно было бы сказать *большая уютная комната*, *прохладная уютная комната*. Не случайно прилагательное *уютный* особенно охотно сочетается с уменьшительными существительными *уютный мирок*, *уютный уголок*⁸.

Русское слово *уют*, с одной стороны, гораздо менее от-refлектировано в русской культуре, чем, например, *простор*, а с другой — в отличие от последнего, имеет аналоги в некоторых европейских языках. Если на французский язык слова *уют* и *уютный* едва ли переводимы, то в английском языке есть чрезвычайно близкое по смыслу к русскому *уютный* прилагательное *cosy*⁹, а в немецком не только есть слова *Gemutlichkeit* и *gemutlich*, но они еще и выражают одно из ключевых понятий немецкой культуры¹⁰. Ср. рассуждение, которое Л. Лосев приписывает толстовскому Карлу Ивановичу, клеящему картонный домик на именины воспитаннику: «Мы внутрь картона вставим свечку / и осторожно чиркнем спичку, / и окон нежная слюда / засветится тепло и смутно, / уютно станет и темютно, / и это важно, господа! // О, я привью германский гений / к стволам российских сих растений».

Все эти слова, конечно, имеют некоторые семантические отличия от русских аналогов. Главное различие коренится во внутренней форме соответствующих слов. Русское слово *уют* связано со словами *приют*, *ютиться*, то есть наводит на мысль о небольшом по размеру убежище, укрытии, тогда как в основе немецкого *gemutlich* лежит идея настроения *gemutlich* — это такой, который приводит в приятное, спокойное расположение духа.

Особенно показательно сравнение русского *уюта* с голландским *gezelligheid*, которое выражает сходное ощущение покоя и защищенности, но связывается, напротив, с незамкнутыми пространствами, см. [14, 13] «*Gezelligheid is the Dutch nirvana. A Dutch historian has described gezelligheid as 'partly a sort of cosiness and partly a living togetherness'* The mood in a neighbourhood cafe on a cold winter's afternoon is *gezellig*. Rather than switch on the lights at twilight, a family will light a few candles, make a pot of coffee and sit looking out of their large clean window, suffusing themselves in *gezelligheid*». Большие чистые окна без занавесок, с одной стороны, символизируют душевное единение с соседями, а с другой — заявляют, что хозяева не делают ничего такого, чего следовало бы стыдиться.

Связь *уют* с идеей укрытия проявляется в том, что он очень часто противопоставляется опасному внешнему миру. Упоминание об *уюте* нередко соседствует с указанием на то, что за окнами дождь, холод, война, революция. Герои «Белой гвардии» отгораживаются от крушения мира *кремовыми шторами*. Иными словами, для *уют* требуется отдельное *обжитое* пространство, хотя и маленькое, но свое, отгороженное, ср. «Ему нянечка штормку повесила, / Создают персональный уют!» (А. Галич).

Итак, покой возможен либо при отгороженности, либо при удаленности, поэтому типично как сочетание *покой и простор*, так и сочетание *покой и уют*, ср. «Около леса, как в мягкой постели, / Выспаться можно — покой и простор» (Н. А. Некрасов)¹¹, «Его охватило ощущение покоя и уюта» (Вас. Аксенов)

Очень естественно совмещение этих идей. Формула Пушкина *покой и воля* подразумевает, что человек убегает от людей на *простор*, но там создает свой закрытый маленький мирок¹². Подальше от чужих и потеснее со своими

Тем самым отношение к *простору* двойственно: холодный ветер *простора* и манит, и пугает¹³. Об этом писал в свое время русский историк И. Забелин: «Путник, переезжая вдоль и поперек эту равнину, в безлесной степи или в бесконечном лесу, повсюду неизменно чувствует, что этот великий простор, в сущности, есть великая пустыня. Вот почему рядом с чувством простора и широты русскому человеку так знакомо и чувство пустынности, которое яснее всего изображается в заунывных звуках наших родных песен» [3]. В этом коренятся многие, подчас противоречивые черты русской языковой картины мира. С *простором* связываются две возможных эмоциональных тональности: либо мажорная, гедонистическая, когда простор видится как *приволье*, либо минорная, когда *простор горестных нив* (М. Цветаева) навевает *тоску*¹⁴. От избытка места человек *тоскует* и *мается*, *не находя себе места*. Избыток места оборачивается отсутствием места — *неприкаянностью*¹⁵.

«Неприкаянность», «перекати поле», странничество, — вот выражения еще одних свойств «русской души», которые так часто повторяются во многих хрестоматийных свидетельствах. < > Вокруг простор, слишком много места, но нет *моего* и *твоего* места, обжитого места», — пишет Валерий Подорога. *Неприкаянность* — это такое состояние человека, когда он испытывает внутренний дискомфорт (например, потому что он несчастен или ему нечем заняться) и растерянность; это состояние концептуализуется как безуспешные поиски такого места, где бы человеку было спокойно и хорошо. Ср. типичное *бродит как неприкаянный*, «Ты мыкаешься с места на место, как неприкаянный» (А. П. Чехов). Эта же идея лежит и в основе выражения *не находит себе места*. Показательно, что оно переводится на английский язык выражениями, не включающими идею места (ср., напр., [8, 2]). Однако если *не находит себе места* можно от тревоги, реже — просто от душевного волнения, то причины *неприкаянности* могут быть более глубокими. *Неприкаянность* — душевная бесприютность, она может сопровождать

отсутствие у человека *приюта* в собственном смысле слова и исчезать, когда человек находит приют и домашний очаг; ср. «От этого дивного перехода из одного состояния в другое — от холода и неприкаянности к теплу и защите — всегда возникало на редкость острое наслаждение» (Л. Зорин)

Но часто о *неприкаянности* говорят не просто как о временном состоянии человека, а как о его свойстве — неспособности жить в мире с самим собой. Это может быть связано с душевной раной, которая не дает человеку покоя всю жизнь. Так, Л. Чуковская приводит строки из дневника отца: «Страшна была моя неприкаянность ни к чему, безместность — у меня даже имени не было < . > как незаконнорожденный, < . > я был самым нещелным, непростым человеком на земле». *Неприкаянность* не обязательно ярко проявляется, она может быть едва заметной; ср. *Какой-то он весь неприкаянный!*

Близкая идея содержится в слове *маяться*. На первый взгляд непонятно, чем *маяться* отличается от *мучиться*, но ощущается, что это нечто другое. Дело в том, что мучение в случае *маяться* также концептуализуется как безостановочное и бессмысленное движение, подобное движению маятника (ср. отличие *маеты* от *суеты*, которая предполагает лихорадочные и хаотичные перемещения). Ср. «Маялся я [Рудин] много, скитался не одним телом — душой скитался» (И. С. Тургенев). *Маётся* человек часто от бездеятельности (ср. устойчивые выражения *маяться бездельем, ленью*), тогда как *умаяться* (*замаяться, намаяться*) скорее можно от работы (ср. аналогичное соотношение в паре *томиться-утомиться*). Парадокс здесь лишь кажущийся, потому что в обоих случаях акцент делается на безрезультатных и не приносящих удовлетворения перемещениях. Кроме того, *маяются* часто от болезней (ср. типичное *маяться животом*). В этом случае также имеется в виду, что человек все время двигается, не находя покоя, возможно, ходит по врачам и т. п. (ср. необычное *'маяться головной болью*, потому что мигрень не предполагает никаких бессмысленных перемещений туда-обратно).

В повести А. Аверченко «Подходцев и двое других» есть характерное описание душевного дискомфорта: «Все это время унылый муж бродил по комнатам, насвистывал мелодичные грустные мотивы, хватался за дюжину поочередно начатых книг и даже «прижимался горячим лбом к холодному оконному стеклу», что по терминологии плохих беллетристов является наивысшим признаком скверного душевного состояния». Если бы нужно было обозначить состояние героя одним словом, едва ли можно было бы найти более емкое и точное слово, чем *маяться*.

Песня с названием «*Маётся*», как раз и посвященная описанию некоторых черт «русского национального характера», есть у Б. Гребенщикова. Со словом *маётся* там рифмуется и «то грешит, то каётся», и «жизнь не получается», а также «и все не признается, / что дело только в нем».

Очень интересно сопоставить *маяться* не только с *мучиться*, но и с таким словом, как *томиться*. В *томиться* тоже есть пространственная составляющая, однако концептуализация здесь другая. *Томиться* включает

представление о закрытом пространстве, из которого человек не может выбраться на *простор*, на *волю* (ср. кулинарное значение слова *томиться*). Естественно *томиться в неволе* и *маяться* от излишней свободы.

Избыток *простора* часто приводит к тому, что человек ищет выхода для своей энергии в таких крайних реакциях, как *загул* или *запой*. В *загул* и *запой*, так же как и в *себя*, уходят, то есть в русской языковой картине мира все это воспринимается как виды эскапизма.

Вообще слово *гулять* (в разных значениях) и его многочисленные производные: *разгуляться*, *загулять* и *гульнуть*, *гулена* и *гуляка*, *гулянка*, *прогулять* и *отгул*, *гуляние* и *прогулка* — чрезвычайно важны для русского языка; ср. выразительное заклинание: «Только б сыпало инеем с веток, / да посвистывая б, / погуляла душа, / погуляла б душа напоследок» (Л. Лосев). Все эти слова имеют характерный гедонистический привкус, хотя каждое из них окрашено по-своему. Интересно сравнить слова *прогулка* и *гуляние*. Первое вполне космополитично, оно предполагает умеренное приятное времяпрепровождение, второе подразумевает безудержную дикую радость жизни, с песнями, плясками, а зачастую пьянкой и мордобоем. Праздники сопровождаются *народными гуляниями*, а никак не **народными прогулками*. С другой стороны, влюбленные осуществляют романтические *прогулки* при луне, которые нельзя назвать *гуляниями*. Ср. очень характерное употребление слова *прогулка* в изысканном антураже: «Где слов найду, чтоб описать прогулку, / Шабли во льду, поджаренную булку <...> / <...> Мариво капризное перо <..> / Пьеро <...> / Свадьба Фигаро / Дух мелочей, прелестных и воздушных» (М. Кузмин).

На первый взгляд кажется, что весь широкий спектр значений слов с корнем *гул-* развивается на основе значения пешего передвижения. Это, однако, совсем не так. Хотя этимология слова *гулять* не вполне ясна, во всех версиях первичным является не значение перемещения, а идея игры (иногда в мяч, иногда любовной), алкоголя или лежания в постели. Не удивительно, что ассоциативное поле русского глагола *гулять* так сильно отличается, например, от английского *walk*.

Когда человек *гуляет*, его ничто не сдерживает, и он проявляет такие качества, как *размах* и *удаль*. Широкие просторы определяют и широту души [11].

Размах предполагает отсутствие мелочности и внутренних ограничений, связанных со страхом, скупостью или недостатком фантазии. Это может оборачиваться либо бесшабашностью, либо масштабностью, либо сочетанием этих идей (ср. *праздник на широкую ногу, с размахом*). И во всех случаях *размах* вызывает восхищение; ср., с одной стороны: «Я / планов наших / люблю громадь, / размаха / шаги саженьи» (В. Маяковский), и с другой — «Проиграл я одежду и сменку, / Сахарок на два года вперед, <...> / Но зато господа из влиятельных урок / За размах уважали меня» (Ю. Алешковский).

Идея *размаха* входит в смысл многих других характерных русских слов, таких, как, например, *хлебосольство*, *да ну, плевать, безудержный, эхма*, см. [7; 5; 12].

С другой стороны, сама потребность «русской души» в размахе требует простора. Широкой душе нужно много места, и она эмоционально осваивает огромные пространства. Вероятно, этим объясняется то расширенное представление о личной сфере, которое характерно для русского языка. В частности, это ясно видно в употреблении слова *родной*; см. об этом в [6].

Можно заметить, что подобные «ключевые слова» обладают замечательным свойством притягиваться друг к другу. Очень часто они появляются в текстах рядом: *воля тянет за собой удасть, разгул заставляет вспомнить о тоске*, а к *просторам* так и просится эпитет *родные*.

Такие слова в конденсированном виде содержат одно и то же мироощущение. Создается впечатление, что они сами по себе обладают текстоорождающей способностью. Некоторые тексты как будто написаны человеком, отдавшимся на волю стихии языка и плывущим по течению. Так, песня на стихи Лебедева-Кумача «Широка страна моя родная» не просто проникнута характерным русским мироощущением, но является описанием фрагмента русской языковой картины мира, облеченным в стихотворную форму. Тут и *широта*, и *необъятность*, и *приволье*, и *родное*, и *ветер*, и *вольное дыхание*. Недаром, послушав эту песню, американская героиня Любови Орловой на вопрос: «Теперь понимаешь?», — уверенно отвечает: «Теперь — понимаешь!»

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Пожалуй, можно сказать, что весь круг соответствующих стереотипов был сформулирован уже в программной статье Н. Надеждина «Европеизм и народность, в отношении к русской словесности», опубликованной в 1836 г. в «Телескопе», и дожил до сегодняшнего дня практически без изменений. Надеждин, в частности, писал: «Да и что такое Европа — Европа? Наше отечество, по своей беспредельной обширности, простирающейся чрез целые три части света, наше отечество имеет полное право быть особенною, самобытною, самостоятельную частью вселенной. Ему ли считать для себя честию быть примкнутым к Европе, к этой частичке земли, которой не достанет на вину из его губерний?» [9].
- ² Ср. термин «простираение», используемый в этой связи Валерием Подорогой.
- ³ Ср. «Я знал, что наша Земля — «песчинка в необъятных просторах вселенной», и в свете этого походы Александра Македонского несколько смешили меня» (В. Аксенов).
- ⁴ Следует отметить, что русская языковая картина мира вообще значительно более жизнерадостна, чем нередко считают (Н. А. Бердяев в своем эссе «О власти странств над русской душой» прямо пишет, что «русские почти не умеют радоваться»). Исследователи «русского национального характера» обычно описывают такие концепты, как *тоска* или *судьба* и почти не обращают внимания на не менее характерные для русской языковой картины мира слова, исполненные не уныния, а оптимизма, также, например, как *соскучиться* (см. об этом слове [4]).
- ⁵ Большинство рассматриваемых слов вообще чрезвычайно характерно для романа «Обломов» — одного из самых важных для формирования представлений о русском национальном характере текстов русской литературы. Очевидно, что «обломовский комплекс» тесно связан с картиной привольной жизни русского барина.

- Ср. «Все это происходило, конечно, оттого, что он получил воспитание и приобрел манеры не в тесноте и полумраке роскошных, прихотливо убранных кабинетов и будуаров, где черт знает чего ни наставлено, а в деревне, на покое, просторе и вольном воздухе» (И. А. Гончаров, *Обломов*). См. [5].
- ⁶ Не случайно герой Л. Лосева говорит в ответ на указание, что в русском языке нет слова *sophistication*: «Есть слово «истина». Есть слово «воля». / Есть из трех букв — «уют»
- ⁷ «Страшно жить на этом свете, / В нем отсутствует уют, — / Ветер воет, на рассвете / Волки зайчика грызут».
- ⁸ И наоборот, использование уменьшительных существительных само может создать ощущение уюта, как в следующем примере. «Приятный блондин хлопотал, уставшая стюка кой-какою закускою, говорил ласково, огурцы называл «огурчики», икру — «икоркой понимаю», и так от него стало тепло и уютно, что я забыл, что на улице беспросветная мгла» (М. Булгаков).
- ⁹ Русских и англичан объединяет также любовь к чаепитию. Показательно, что слово *sozu*, имеет не только значение 'уютный', но и значение 'баба на чайник'.
- ¹⁰ Мы благодарим А. Циммерлинга и особенно Д. Вайса за обсуждение указанных немецких слов и их ассоциативного поля. Сравнение слов *уютный* и *gemütlich* показывает, что ощущение неперевоодимости, уникальности какого-либо слова не всегда связано с собственно семантическими особенностями. Своеобразие слова *gemütlich* заключается в первую очередь в его культурной нагруженности, плотности ассоциативного поля
- ¹¹ Но, разумеется, сочетание *простора* и *уюта* выглядело бы странно, ср крайне необычный пример: «Копенкин показал на недалекую полосу леса, лежавшего на просторной земле черной тишиной и уютом» (А. Платонов)
- ¹² Об истории этой формулы в творчестве Пушкина см [1].
- ¹³ Так же двойственно и отношение к *уюту*, ср *мещанский уют* — отказ от высоких идеалов в пользу пошлой повседневности. В романтической поэзии уют не признается; ср «Пускай зовут, Забудь, поэт! / Вернись в красивые уюты! / Нет! Лучше сгинуть в стуже лютой / Уюта — нет. Покоя — нет» (А. Блок); «Другие придут, / Сменив уют / На риск и непомерный труд, / Пройдут тобой не пройденный маршрут» (В. Высоцкий)
- ¹⁴ Связь *тоски* с характерными для русского пейзажа большими расстояниями многократно отмечалась, ср., напр., «Наш путь — степной, наш путь в тоске безбрежной, / В твоей тоске, о, Русь!» (А. Блок).
- ¹⁵ *Неприкаянный* — загадочное слово, с не вполне ясной историей. Оно попало в литературный язык поздно, видимо, во второй половине прошлого века, вероятно, из псковских говоров. Первоначально, как полагают, оно имело значение 'покающийся, но не получивший отпущения грехов'.
- Впрочем, есть и другие точки зрения относительно происхождения этого слова. Ср. высказанную (устно) И. Г. Добродомовым гипотезу, в соответствии с которой слово *неприкаянный* можно возвести к существовавшему в «жгонском языке» глаголу *каять*.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бочаров С. Г. «Свобода» и «счастье» в поэзии Пушкина // Проблемы поэтики и истории литературы. Саранск, 1973.

2. *Гуревич В. В., Дозорец Ж. А.* Краткий русско-английский фразеологический словарь. М.: Русский язык, 1988.
3. *Забелин И. Е.* История русской жизни с древнейших времен до наших дней. 2-е изд. М., 1876.
4. *Зализняк Анна А., Левонтина И. Б.* С любимыми не расставайтесь // Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке. М., 1999.
5. *Левонтина И. Б.* Homo rigor // Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке. М., 1999.
6. *Левонтина И. Б.* Милый, дорогой, любимый // Русская речь. 1997. № 5.
7. *Левонтина И. Б.* Гостеприимный, радушный, хлебосольный // Ю. Д. Апресян и др. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Второй выпуск (под общим руководством Ю. Д. Апресяна). В печати.
8. *Лубенская С. И.* Русско-английский фразеологический словарь. М., 1997.
9. *Надеждин Н.* Европейизм и народность в отношении к русской литературе // Телескоп. Ч. 31. 1836.
10. Хрестоматия по географии России. Образ страны: пространства России. Авт.-сост. Замятин Д. Н., Замятин А. Н. М., 1994.
11. *Шмелев А. Д.* «Широкая русская душа» // Русская речь. 1998. № 1.
12. *Шмелев А. Д.* Homo sapiens // Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке. М., 1999.
13. *Шмурло Е. Ф.* Введение в русскую историю. Прага, 1924
14. *Bolt R.* The Xenophob's Guide to The Dutch. Horsham, 1995.

КЕЛЬЯ В ТРИ ОКОШЕЧКА ³) (О ПРОСТРАНСТВЕ В ДУХОВНОМ СТИХЕ)*

Герой одного духовного стиха, убедившись, что «ни в ком правды нет», собирается уйти в монастырь:

Кину-брошу мир, уйду в монастырь.
Выстрою себе я келью новую,
Келью новую, в три окошечка.
Что перво окно — во чисто поле,
А друго окно — во темны леса,
А третье окно — во сине море (ЭЗА).

Этот фрагмент стиха насыщен значимыми для жанра концептами: *мир, монастырь, келья, три окна, поле, лес и море*. Все они имеют в своей семантике самое непосредственное отношение к пространству и в то же время несут на себе дополнительную, существенную для мира духовного стиха семиотическую нагрузку.

Обратимся сначала к тому, что видно за окном. Приведенный стих имеет много вариантов, и пространство за окном тоже вариантно. Иногда там виден зелен сад или зеленый луг, реже — дороженька. Однако, пожалуй, лес, поле и море появляются чаще всего, и это не случайно. Эти концепты универсальны, встречаются во всех фольклорных жанрах и наиболее насыщены дополнительными культурными смыслами. Их перечисление (с вариантами, указанными выше), образуют прототипическое русское народное пространство.

Для того, чтобы описать, как устроено пространство в духовных стихах, мы должны рассматривать их как единый текст. Что же объединяет стилистически чрезвычайно пеструю массу текстов, относящихся по происхождению к разным эпохам и традициям? Их объединяет система культурных, или семиотических, значений, вырастающих и надстраивающихся над непосредственной семантикой некоторых, «избранных» слов текстов, а также система оценок.

В духовном стихе главными являются две оценочных шкалы: шкала этических оценок 'добро-зло', подчиняющая все остальные частнооценочные шкалы (эстетические, сенсорные, утилитарные, нормативные и пр. оценки, см. о классификации оценок [1]), и шкала значимости-незначимости, связанная с противопоставлением вечного-временного и левого-правого (более подробно об оценке в духовных стихах см. [4, 138—151, 6]).

Главный признак пространства и времени в духовных стихах — его принципиальная неоднородность. Она определяется религиозным отношением к миру как божественному творению, в котором должны быть отмеченные, освященные Богом места, места прорыва священного пространства в зем-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (грант РФФИ 97-06-80020).

ное [12]. Их рукотворно отмечает и человек, например, ставит храм. При этом христианское понимание мира и пространства тесно переплетено с дохристианскими представлениями об устройстве Земли и ее частей [11]. Из такого представления о пространстве проистекает его глубокая, всепроникающая иерархичность и наличие оценки в семантике или прагматике слова, называющего элементы пространства. Неоднородность, иерархичность и оценочность пространства свойственна и другим фольклорным жанрам, и другим культурам (см. фундаментальное описание пространства — космоса в польской народной культуре в [13; 14]). В русских духовных стихах эти характеристики имеют свои особенности.

Иерархичность пространства реализуется в нескольких направлениях. Во-первых, в отличие от остальных жанров традиционного фольклора, особенно эпического и свадебного, пространство в стихе членится не столько по горизонтали, сколько по вертикали. Пространство в текстах традиционного фольклора разделяется прежде всего на «свое» и «чужое», причем «чужое» чаще всего не структурировано в отличие от освоенного «своего» (см., например, [8]). Расположено «чужое» в «ином», далеком месте, преимущественно по горизонтали — за горами, за лесами, за морем, такую четкую диспозицию миров дает, например, свадебный фольклор. В духовных стихах это членение также присутствует, особенно существенно указание на запад (там расположен ад) и восток (рай) после Страшного суда: праведные души отправляются на восток, в райское место, а души грешные — на запад, в муку вечную. Однако преобладает членение пространства по вертикали, а запад и восток для ада и рая — скорее символы, нежели земные ориентиры, ведь в других стихах «под морем, под землю мучаются души грешные», т. е. рай и ад ориентированы по вертикали.

В духовных стихах членение пространства по вертикали происходит в двух разновидностях: физической и духовной, причем «верх» — и физический, и духовный — отмечен положительной оценкой.

Физическое членение вселенной (напомним, что в духовных стихах играет внутренняя форма этого слова: вселенная — это место заселенное, или то, где надлежит селиться) разделяет небо (верх) и землю (низ). Небо, солнце, луна, звезды — вместе с землей составляют *белый свет*. В Стихе о Голубиной книге говорится о создании мира, вернее, его верхней части — неба посредством эманации частей божественной плоти:

Солнце красное от лица Божья,
Млад светел месяц от грудей Божьих,
Звезды частыя оны от риз Божьих,
Зори светлыя от очей Божьих (Варенцов, 22)

«Изукрашенная божьей милостью» земля покоится на китах, она, мать сыра земля, одушевлена и персонифицирована, она кормит и поит, страдает и мучается от человеческих грехов. Но в духовных стихах присутствует и земля со множеством *земель* — государств и городов. Наряду с неопределенными басурманским, Рахлинским или Астрачинским царствами упоми-

нается довольно много географических названий реальных государств, городов, гор, морей и рек Таковы, например, земли Грецкая и Турецкая, царства Римское, Израильское, Египетское, и, конечно, Святорусская или Светлорусская земля, Московское государство; города Иерусалим — всем городам мать, Вифлеем, Содом и Гоморра, Ефес, Константинов-град, Салым-город, Рим и русские города Киев, Чернигов, Новгород — из былин, а также Москва, Ярославль, Тифлис, в старообрядческих стихах появляются Соловецкий монастырь и Дауря. Через упоминания времени пути мы можем догадаться о расстояниях между городами. калики идут от монастыря Боголюбова до Киева неделю, а от Киева до Иерусалима два или три месяца

Большинство отмеченных и имеющих собственные имена точек земного пространства связано с духовным членением вселенной. Духовное вертикальное разделение вселенной одновременно и двух-, и трехчленно Царство небесное противопоставлено царству земному, но это противопоставление включает в себя пару *рай — ад*, соотносенную с вечностью (вечная радость в раю и вечная мука в аду) и противопоставленную земле — жилищу временному При этом каждый член пары *рай-ад* также противопоставлен земле

Если физическая вселенная — место обитания человека — *белый свет*, то в духовном смысле это место обитания называется *вольным светом* — эпитет *вольный* принадлежит именно духовному стиху, описывающему, как человек, живя на земле, по своей воле выбирает добро или зло.

На земле есть пространство, в физическом смысле принадлежащее земле, а в духовном — небу Это пустыня — место, имеющее райские атрибуты, место спасения, противопоставленное остальной земле — *преlestному злому миру* (подробнее о концепте пустыни см. [5]).

Между верхом и низом в физическом и духовном смысле осуществляется постоянный контакт Уже само существование пустыни на земле этот контакт реализует Кроме этого, с неба выпадает Голубиная книга, содержащая тайны вселенной, оттуда же слетают ангелы, и Богородица гласит свои гласы, совершаются чудеса по Божьей милости, даже волны в море подымаются не только потому, что «кит-рыба ворохнется», но и потому, что «от небес моря возмутятся». Христос говорит матери о своем распятии

По мне, мати, плачут солнце и луна,

По мне, мати, плачут реки и моря (Варенцов, 52)

Небо как физическая сущность и как божественная благодать так или иначе присутствует на земле от самого ее начала

Изукрашен белый свет красным солнышком,

Изнаполнена земля Божьей милостью [ЭЗА]

С неба же сходит Михаил-Архангел или сам Иисус Христос для Страшного суда. Тем самым иерархичность проявляется постоянно: низ одаривается верхом, он же им и карается

В земном пространстве иерархичность представлена в двух видах а) как выделение наиболее значимого элемента среди однородных и подчинение

всех остальных этому первому / главному элементу, б) как выделение наиболее значимых элементов пространства во множестве неоднородных.

Первый тип иерархичности свойствен только духовному стиху и представлен в самой эксплицитной форме во всех вариантах «Голубиной книги». Это выделение главных элементов мира, каждый из которых начинает ряд однородных явлений или предметов. Эти элементы *мать* или — реже *отец* им подобных. *Окиян-море — всем морям мать, Иерусалим-град — всем городам мать, Фавор-гора — всем горам мать* и т.д. В стихе дается объяснение, почему это так. Например, *Окиян-море — всем морям мать потому, что* (в одном варианте) «оно весь белый свет окинуло», в другом варианте — потому, что раз в год из воды выходит «церковь соборная, богомольная», т.е. в пространстве океана есть отмеченное место, место прорыва священного пространства в земное. Многие элементы пространства в духовном стихе имеют собственное имя, главные же имеют его обязательно. Наделение собственным именем есть тоже признак несомненной высокой степени иерархии и сакральной ценности [10].

Второй тип иерархичности присутствует во всех жанрах фольклора, и он связан с дополнительной семантической нагруженностью некоторых концептов, приданием им семиотического / символического значения, свойственного данному жанру или фольклорному тексту как таковому. Как уже отмечалось выше, в русском традиционном фольклоре пространство представлено через отмеченные, прототипические элементы. Эти концепты пространства практически всегда появляются в текстах с постоянным эпитетом: *поле чистое, море синее, леса темные, сад / луг зеленый, горы высокие или крутые*. Так, например, синее море, как и все остальные водные пространства, в большинстве фольклорных жанров играет роль границы между мирами, границы, которую необходимо преодолеть — особенно очевидно это в свадебном фольклоре, когда невеста отъезжает на чужую сторонушку по морю.

Для каждого жанра существует свой набор особо отмеченных элементов пространства. В эпосе это прежде всего чистое поле — место битвы или судьбоносной встречи героя-богатыря, пространственный центр былины. Море, гора, лес менее значимы, хотя и они имеют свои общесемантические функции. Так, гора — место обитания потусторонних сил: змей уносит героя на горы Сорочинские.

В духовном стихе присутствуют те же части пространства, но семантическая нагрузка их иная и по весу, и по смыслу. Море остается, как и в других жанрах, *границей между мирами: чтобы изменить свою жизнь и посвятить ее Богу, Алексей человек Божий уходит из дому, садится в кораблик и едет по синему морю в далекое индейское царство*. Кроме того, в описаниях моря в духовных стихах проглядывает мифологический образ воды-праматерии, из которой творился мир; возможно, поэтому вода — море и реки — упоминаются первыми и иногда единственными элементами пространства, отсылающимися на смерть Христа. Но море — символ жизни и житейской суеты, это образ из учительных текстов отцов церкви (один из самых распространен-

ных у Иоанна Златоуста, например) В духовных стихах этот образ часто присутствует вместе с кораблем — символом церкви.

По тому ли морю по Вассионскому
Плыл же тут Господь Бог во кораблике,
Со ангелами, со архангелами (Киреевский, 214)

ср. По лугу-лугу течет реченика ,
По этой по реченьке суденышка плывет,
Как на этом на суденышке сам-от Господь,
Ищо сам-от Господь со апостолы (ЭЗА).

Темный лес так же, как и море, является границей между мирами в свадебных песнях оттуда приезжают за невестой и оттуда же «выкатает туча темная со невзгодою» В сказках лес является местом испытания и приобретения чудесного помощника [9] Важно, что во всех жанрах лес враждебен герою, хотя бы поначалу В духовных стихах лес как бы продолжает эту фольклорную линию, недаром после битвы Кривды с Правдой, воплощенных в Стихе о Голубиной книге в образе серенького и беленького зайцев, Кривда — серенький заяц бежит *во темны леса* [Варенцов 28] Однако лес приобретает дополнительную специфическую функцию — он стал русской пустыней, пустым от людей, но отмеченным Богом местом, куда человек бежит от грешного мира. Царевич Осафий (Иоасаф) просит пустыню.

Прекрасная ты пустыня,
Любимая моя мати!
Прими меня, мать-пустыня,
От юности прелестныя,
От своего вольного царства
Научи ты меня, мать-пустыня,
Волю Божию творити (Голубиная книга, 156)

Пустыня лесовольная, зеленая дубровушка, попавшая из духовного стиха в оперную классику («Сказание о невидимом граде Китеже») — вот то райское, святое место на земле, где человек слышит архангельские гласы Как и в сказке, лес-пустыня продолжает быть местом испытания, местом приобретения силы — однако не посредством хитрости, как бывает в сказках, а путем упорного духовного труда Недаром пустынники названы в стихах трудниками, или тружениками

Поле, как и в эпосе, — место встречи и битвы Святополк встречает и убивает своих меньших братьев — Бориса и Глеба в чистом поле, Правда и Кривда в Стихе о Голубиной книге, являющиеся в образах белого и серого зайца, также бьются в чистом поле, и исход их битвы определяет судьбу человечества Правда уходит на небеса, а Кривда *расходится по народу православному, и начинаются беззакония великия* Поле в духовных стихах становится местом встречи человека и Бога в некоторых вариантах Стиха о двух Лазарях сначала бедный, а затем богатый Лазарь идут в чистое поле просить у Бога смерть, и Бог откликается, посылая убогому *тихий и милостивых ан-*

гелов, а богатому — *лютых, немилостивых*. Однако главная функция места общения человека и Бога отводится горам.

Высокие и крутые горы являются в текстах духовных стихов самыми значимыми иерархическими точками. Они продолжают общефольклорную семиотическую линию представлять горы как место пребывания сакральных сил. Фавор-гора — всем горам мать, потому что на ней преобразился сам Иисус Христос, на нее же выпала книга Святого Духа — книга Голубиная. На Сион-горе стоит главная церковь *соборная, богомольная*. Горы в большей степени, чем поле, становятся местом встречи человека и Бога. В большинстве вариантов Стиха о двух Лазарях оба Лазаря просить у Бога смерти идут на крутую гору. Главные человеческие прозрения совершаются на горе: чтобы осознать свое назначение и цель творения, стих призывает человека подняться на Сион-гору и посмотреть с нее вниз.

Но почему же тогда из окна кельи не видно гор? Во-первых, потому, что, заимствованное духовными стихами, прототипическое фольклорное пространство, видимое из фольклорного окна во всех традиционных жанрах, лишено гор. Во-вторых, монастырь сам стоит, как правило, на горе, как часть «верхнего» мира, откуда смотрят вниз:

Монастырь верхний издавна стоит
Издавна стоит на крутой горе.
На крутой горе при долинушке,
Во прекрасной во пустынюшке (ЭЗА).

Пейзаж контрастен: крутая гора и долина. Кроме общефольклорного, но жанрово нагруженного пространства, в духовном стихе, особенно в старообрядческом, существует свое, специфическое пространство, связанное с пустыней: схимницы, пустынницы «спасаются в долах, горах, пустынях», а когда пустыни (монастыри, скиты) разоряют («пришли тебя, пустыня, зажигаги»), пустынный идет

...по долам, по болотам
Искать островов непроходных (Стихи духовные, 271).

Однако пространство старообрядческого стиха, в частности, тема острова как недоступного для «чужих» места — особая тема, а здесь нас интересует трансформированное в стихе общефольклорное пространство.

Пространство духовного стиха, с одной стороны, статично, как и полагается пространству, и появление в тексте слов-концептов с их постоянными эпитетами эту статичность и стабильность поддерживает. С другой стороны, пространство существует только благодаря тому, что его наполняют события, и потому, что оно выполняет определенные функции, о которых говорилось выше. В этом смысле в эпических духовных стихах, как и в былине, сюжет определяется движением героя в пространстве и времени, и пространство предстает в динамике [2; 3]. Однако главная динамика пространства духовных стихов заложена в тех центробежных и центростремительных силах, которые определяют начало и конец вселенной. Образование солнца, звезд, луны, земной атмосферы (ветра, облаков), «разбегание»

пространства происходит при самом акте творения его, о чем и говорит «Голубиная книга» (см. пример на стр. 349).

Упорядочение, структурирование земной поверхности, превращение хаоса в космос происходит в более ограниченных масштабах на земле Святорусской: по повелению Егория Храброго пропадают *заставы великие*, раздвигаются *горы толкущие*, их покрывают леса, раньше стоявшие хаотической массой от земли до неба, единое бесформенное море превращается в моря и реки, текущие по земле Святорусской.

При конце света, наоборот, действуют центростремительные силы: небо (по Апокалипсису) сворачивается в свиток, «солнце и звезды на землю падут», на Сион-гору сходит Михаил-архангел, и ставится престол для Страшного Суда. Конец пространства или его полное очищение от греха («стала земля как харатья белая») происходит тогда, когда «время скончается», что в свою очередь определено Богом. Подчиненное вечности, как земля небесам, эсхатологическое время движется, чтобы преобразовать пространство и с вечностью соединиться.

Центростремительные и центростремительные силы действуют и в человеке: герои духовного стиха — Алексей божий человек, Иоасаф царевич бросают богатый дом, семью и уходят из мира в прекрасную пустыню; герои старообрядческих стихов «разбегаются» в неведомые пространства, в глухие леса, Они рассеяны по разным точкам земли, но стремятся к одному — служить Богу:

А кто бы мне построил
 Прекрасную пустыню,
 Во темных во лесах,
 Во горах бы, во вертепах,
 Во пропастьех во земных?
 Уже бы мне не видати
 Жития бы суетного,
 Уже бы не слыхати
 Человеческого гласу!
 И сам Господь похвалил
 Тоя пустыни... (Варенцов, 189)

Их жильем становится келья — минимальное пространство с максимальным духовным наполнением. Путь к этому — не простая физическая протяженность в пространстве, материальная дорога, но жизненный выбор и духовный труд. Интересно, что в отличие от других жанров песенного фольклора, например, свадебных причитаний, где в паре *дорога* и *путь-дорога* со значением 'направленность в пространстве' главенствует по частоте (слово *дорога* / *дорожка* / *дороженька* встречается в два раза чаще, чем слово *путь*), в духовных стихах слово *путь* встречается в два раза чаще, чем *дорога*, и употребляется преимущественно в значении 'жизненный выбор, духовное направление жизни', что проявляется отчетливо в выборе эпитетов (см. подробнее [7]).

Итак, последнее прибежище человека, жаждущего спасения, — тесная келья. Келья своими окнами открывается в физическое пространство, испытывающее двойную семиотическую нагрузку: мифопоэтическую и духовно-христианскую. Три окошечка традиционны для фольклора так же, как три попытки в сказке, три удара в песне. Но три окна в духовном стихе манифестируют и христианскую символику: святая Варвара, получив от отца башню с двумя окнами, прорубает третье:

Три окна создать она велела.
 Бога-Троицу познала,
 Крест на камню начертала (Стихи духовные, 127—128).

Это и есть то зрение «духовными глазами», которое преобразует физическое пространство в духовное.

ИСТОЧНИКИ

- Бессонов П.* Калехи переходные. Вып. 1—6. СПб., 1861—1864.
 Голубиная книга. Русские народные стихи XI—XIX веков. Составление, вступительная статья, примечания Л. Ф. Солощенко и Ю. С. Прокошина. М., 1991.
 Русские народные песни, собранные Петром Киреевским. Ч. 1. Русские народные стихи. СПб., 1848.
 Сборник духовных стихов, составленный В. Варенцовым. СПб., 1860.
 Стихи духовные. Составление, вступительная статья, подготовка текстов и комментарии Ф. М. Селиванова. М., 1991.
 ЭЗА — экспедиционные записи автора.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М., 1988.
2. Неклюдов С. Ю. Время и пространство в былинне // Славянский фольклор, М., 1972.
3. Неклюдов С. Ю. Статическое и динамическое начала в пространственно-временной организации повествовательного фольклора // Типологические исследования по фольклору. Сборник памяти В. Я. Проппа. М., 1975.
4. Никитина С. Е. Устная народная культура и языковое сознание. М. 1993.
5. Никитина С. Е. Старообрядческие стихи: функция и семантика // X Международный съезд славистов. История, этнография, фольклор. М., 1993.
6. Никитина С. Е. Шкалы ценностей в русском духовном стихе // Folklor. Sakrum. Religia. Lublin, 1995.
7. Никитина С. Е. О многозначности, диффузии значений и синонимии в тезаурусе языка фольклора // Облик слова. Сборник статей памяти Дмитрия Николаевича Шмелева. М., 1997.
8. Пеньковский А. Б. О семантической категории «чуждости» в русском языке // Проблемы структурной лингвистики, 1985—1987. М., 1989.

9. *Пропт В. Я.* Морфология сказки. М., 1969.
10. *Топоров В. Н.* Об индоевропейской заговорной традиции (избранные главы) // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Заговор. М., 1993.
11. *Элиаде М.* Священное и мирское. М., 1994.
12. *Федотов Г. П.* Стихи духовные. Народная вера по духовным стихам. М., 1991.
13. *Słownik stereotypów i symboli ludowych. T. 1. Kosmos. Niebo, Światła niebieski, Ogień, Kamienie.* Lublin, 1996.
14. *Słownik stereotypów i symboli ludowych. T. 1. Kosmos. Ziemia, Woda, Podziemie.* 1999.

«ШИРОТА РУССКОЙ ДУШИ»*

Словосочетание *широта русской души* стало почти клишированным, но смысл в него может вкладываться самый разный.

Прежде всего, *широта* — это само по себе название некоторого душевного качества, приписываемого русскому национальному характеру и родственного таким качествам, как хлебосольство и щедрость. *Широкий* человек — это человек, любящий *широкие* жесты, действующий с размахом и, может быть, даже живущий на *широкую* ногу¹. Иногда также употребляют выражение *человек широкой души*. Это щедрый и великодушный человек, не склонный *мелочиться*, готовый простить другим людям их мелкие проступки и прегрешения, не стремящийся «заработать», оказывая услугу. Его щедрость и хлебосольство иногда могут даже переходить в нерасчетливость и расточительность. Но существенно, что в системе этических оценок, свойственных русской языковой картине мира, *широта* в таком понимании — в целом положительное качество. Напротив того, *мелочность* безусловно осуждается, и сочетание *мелочный человек* звучит как приговор.

Замечание Реже встречается иная, менее характерная интерпретация сочетания *человек широкой души*, когда его понимают как относящееся к человеку, которому свойственна терпимость, понимание возможности различных точек зрения на одно и то же явление, в том числе и не совпадающих с его собственной². Чаще в таком случае используют сочетание *человек широких взглядов* (впрочем, здесь есть и некоторое различие *человек широких взглядов* — это человек прогрессивных воззрений, терпимый, готовый переносить инакомыслие, склонный к плюрализму, иногда, возможно, даже граничащему с беспринципностью, тогда как *человек широкой души* в рассматриваемом понимании — это человек, способный понять душу другого человека, а поняв, полюбить его таким, каков он есть, пусть не соглашаясь с ним). Данное понимание сочетания *человек широкой души* встречается относительно редко, чаще оно говорит о щедрости, великодушии и размахе. Однако и *широта* в этом понимании также иногда приписывается «русскому характеру» (ср. *характеристику русского народа*, данную Достоевским: «широкий, всеоткрытый ум»).

Однако выражение *широта души* может интерпретироваться и иначе, обозначая тягу к крайностям, к экстремальным проявлениям какого бы то ни было качества. Эта тяга к крайностям (все или ничего), максимализм, отсутствие ограничителей или сдерживающих тенденций часто признается одной из самых характерных черт, традиционно приписываемых русским³. Так, в статье В. А. Плузгяна и Е. В. Рахилиной, посвященной отражению в языке разного

*Сокращенный и несколько популяризованный вариант настоящей статьи (под заглавием «Широкая русская душа») был опубликован в журнале «Русская речь» (1998, № 1).

рода стереотипов, отмечается что именно «центробежность», отталкивание от середины, связь с идеей чрезмерности или безудержности и есть то единственное, что объединяет *щедрость* и *расхлябанность*, *хлебосолье* и *удаль*, *свинство* и *задушевность* — обозначения качеств, которые (в отличие, напр., от слова *аккуратность*) в языке легко сочетаются с эпитетом *русский* [3, с. 340—351]. «Широк человек, я бы сузил», — говорил Митя Карамазов как раз по поводу соединения в «русском характере», казалось бы, несоединимых качеств. При этом каждое из качеств доходит до своего логического предела, как в стихотворении Алексея Толстого

Коль любить, так без рассудку,
Коль грозить, так не на шутку,
Коль ругнуть, так сгоряча,
Коль рубнуть, так уж сплеча!
Коли спорить, так уж смело,
Коль карать, так уж за дело,
Коль простить, так всей душой,
Коли пир, так пир горой!

Отметим, кстати, что последние две строки говорят не только о тяге к крайностям (*широте* во втором понимании), но и собственно о *широте характера* здесь и готовность понять и простить (*Коль простить, так всей душой*), и хлебосолье и размах (*Коли пир, так пир горой!*).

Наконец, о «широте русской души» иногда говорят и в связи с вопросом о возможном влиянии «широких русских пространств» на русский «национальный характер». Роль «русских пространств» в формировании «русского видения мира» отмечали многие авторы. Известно высказывание Чаадаева «Мы лишь геологический продукт обширных пространств». У Н. А. Бердяева есть эссе, которое так и озаглавлено — «О власти пространств над русской душой». «Широк русский человек, широк как русская земля, как русские поля, — пишет Бердяев и продолжает — В русском человеке нет узости европейского человека, концентрирующего свою энергию на небольшом пространстве души, нет этой расчетливости, экономии пространства и времени, интенсивности культуры. Власть шири над русской душой порождает целый ряд русских качеств и русских недостатков»⁴. В этом отрывке из Бердяева заметен отзвук известного высказывания Свидригайлова из «Преступления и наказания»: *Русские люди вообще широкие люди, Авдотья Романовна, широкие, как их земля, и чрезвычайно склонны к фантастическому, к беспорядочному*. О «власти пространств над русской душой» говорили и многие другие, напр. «В Европе есть только одна страна, где можно понять по-настоящему, что такое пространство, — это Россия» (Гайто Газданов). «Первый факт русской истории — это русская равнина и ее безудержный разлив < > отсюда непереводаемость самого слова простор, окрашенного чувством мало понятным иностранцу...», — писал Владимир Вейдле, известный русский литературный критик и искусствовед. Целый ряд высказываний такого рода собран в хрестоматии Д. Н. и А. Н. Замятиных «Хрестоматия по географии России. Образ страны пространства России» [1].

Все названные выше факторы сплелись воедино и определяют причудливую «географию русской души» (выражение Н. А. Бердяева). Механизм влияния «широких русских пространств» на *широту* «национального характера» раскрывает Валерий Подорога: «Так, широта плоских равнин, низин и возвышенностей обретает устойчивый психомоторный эквивалент, аффект *широты*, и в нем как уже моральной форме располагаются определения русского характера: открытость, доброта, самопожертвование, удаль, склонность к крайностям и т.п.» [1]. И не удивительно, что эта «*широта русской души*» интересным образом отражается в русском языке и, в первую очередь, в особенностях его лексического состава. Русские слова и выражения, так или иначе связанные с *широтой* русского «национального характера», оказываются особенно трудными для перевода на иностранные языки.

Многие из слов, ярко отражающих специфику «русской ментальности» и соответствующих уникальным русским понятиям, — такие, как *тоска* или *удаль*, — как бы несут на себе печать «русских пространств». Недаром переход от «сердечной тоски» к «разгулю удалому» — это постоянная тема русского фольклора и русской литературы, и не случайно во всем этом «что-то слышится родное». Часто, желая *сплеснуть тоску с души*, человек как бы думает: «Пропади все пропадом», — и это воспринимается как специфически «русское» поведение, ср.: *Истинно по-русски пренебрег Павел Николаевич и недавними страхами, и запретами, и зарокami, и только хотелось ему тоску с души сплеснуть да чувствовать теплоту* («Раковый корпус»). Именно «в метаниях от буйности к тоске» находит «безумствующее на русском языке» «сознание свихнувшейся эпохи» и поэт Игорь Губерман.

Склонность русских к *тоске* и *удали* неоднократно отмечалась иностранными наблюдателями и стала общим местом, хотя сами эти слова едва ли можно адекватно перевести на какой-либо иностранный язык. Характерно замечание, сделанное в статье «Что русскому здорово, то немцу — смерть» («Иностранец», 1996, № 17): «По отношению к русским все европейцы сконструировали достаточно двойственную мифологию, состоящую, с одной стороны, из историй о русских князьях, борзых, икре-водке, русской рулетке, неизмеримо широкой русской душе, меланхолии и безудержной отваге [выделено мною — А. Ш.]; с другой же — из ГУЛАГа, жуткого мороза, лени, полной безответственности, рабства и воровства». Выражение *меланхолия и безудержная отвага*, конечно же, заменяет знакомые нам *тоску* и *удаль*; автор сознательно «остраняет» эти понятия, передавая тем самым их чуждость иностранцам и непереводаемость на иностранные языки.

На непереводаемость русского слова *тоска* и национальную специфичность обозначаемого им душевного состояния обращали внимание многие иностранцы, изучавшие русский язык (ср., напр., замечания Р.-М. Рильке об отличии *тоски* от состояния, обозначаемого немецким *Sehnsucht*⁵). Трудно даже объяснить человеку, незнакомому с тоскою, что это такое. Словарные определения («тяжелое, гнетущее чувство, душевная тревога», «гнетущая, томительная скука», «скука, уныние», «душевная тревога, соединенная с грустью; уныние») описывают душевные состояния, родственные *тоске*, но не тождественные ей. По-

жалуй лучше всего для описания тоски подходят развернутые описания в духе Вежбицкой (ср. [6, с. 169—174]) *тоска* — это то, что испытывает человек, который чего-то хочет, но не знает точно, чего именно, и знает только, что это недостижимо. А когда объект тоски может быть установлен, это обычно что-то утраченное и сохранившееся лишь в смутных воспоминаниях: ср. *тоска по родине*, *тоска по ушедшим годам молодости*. В каком-то смысле всякая тоска могла бы быть метафорически представлена как тоска по небесному отечеству, по утраченному раю. Но, по-видимому, чувству тоски способствуют бескрайние русские пространства; именно при мысли об этих пространствах часто возникает *тоска*, и это нашло отражение в русской поэзии (*тоска бесконечных равнин у Есенина* или в стихотворении Леонарда Максимова. *Что мне делать, насквозь горожанину, с этой тоской пространства?*)

На связь тоски с «русскими просторами» указывали многие авторы. *Почему слышится и раздаётся немолчно в ушах твоё тоскливая, несущаяся по всей длине и ширине твоей, от моря до моря, песня?* — спрашивал Гоголь, обращаясь к Руси из своего «прекрасного далека», именно эта «тоскливая» и одновременно «несущаяся по всей длине и ширине» песня была для него как бы символом России. Нередко чувство тоски обостряется во время длительного путешествия по необозримым просторам России (ср. понятие *дорожной тоски*); как сказано в уже цитированном стихотворении Максимова, *каждый поезд дальнего следования будит тоску просторов*.

Другое характерное русское слово — это *удаль*. Это слово называет качество, чем-то родственное таким качествам, как *смелость*, *храбрость*, *мужество*, *доблесть*, *отвага*, но все же совсем иное. Это хорошо почувствовал Фазиль Искандер, который писал

Удаль. В этом слове ясно слышится — *даль*. *Удаль* это такая отвага, которая требует для своего проявления пространства, дали.

В слове «*мужество*» — суровая необходимость, взвешенность наших действий, точнее, даже противодействий. Мужество от ума, от мужинства. Мужчина, обдумав и осознав, что в тех или иных обстоятельствах жизни, защищая справедливость, необходимо проявить высокую стойкость, проявляет эту высокую стойкость, мужество. Мужество ограничено целью, цель продиктована совестью.

Удаль, безусловно, предполагает риск собственной жизнью, храбрость.

Но, взглядевшись в понятие «*удаль*», мы чувствуем, что это неполноценная храбрость. В ней есть самонакачка, опьянение. Если бы устраивались соревнования по мужеству, то *удаль* на эти соревнования нельзя было бы допускать, ибо *удаль* пришла бы, хватив допинга.

Удаль требует пространства, воздух пространства накачивает искусственной смелостью, пьянит. Опьяненному жизнь — копейка. *Удаль* — это паника, бегущая вперед. *Удаль* рубит налево и направо. *Удаль* — возможность рубить, все время удаляясь от места, где лежат порубленные тобой, чтобы не задумываться: а правильно ли я рубил?

А все-таки красивое слово *удаль*! Утоляет тоску по безмыслию.

Действительно, человека, который не проявил достаточной удали, мы не назовем *трусом* — скорее, скажем, что это *расчетливый* человек. Человек, который *смело* смотрит в лицо опасности или *мужественно* переносит страдания, не проявляет этим никакой *удали*. Говоря о солдатах, которые *доблестно* или *отважно* встретили смерть, вступив в бой с превосходящими силами противника, употребить слово *удаль* тоже будет неуместно. Вообще это слово не употребляется, когда речь идет об *исполнении долга*. Оно оказывается уместным, когда речь идет о ком-то, кто действует вопреки всякому расчету, «очертя голову» и тем самым совершает поступки, которые были бы не по плечу другому. *Удаль* всегда предполагает *удачу* — здесь проявляется связь с глаголом *удаться*, к которому восходят оба этих существительных.

Пытаясь объяснить или понять, что такое *удаль*, мы неизбежно сталкиваемся с некоторым парадоксом. Все попытки рационального объяснения *удали* заставляют признать, что в ней нет ничего особенно хорошего; во всяком случае, она не является таким превосходным качеством, как *мужество*, *смелость*, *храбрость*, *отвага*, *доблесть*. Именно это демонстрирует и приведенное выше рассуждение Ф. Искандера. В то же время слово *удаль* в русском языке обладает яркой положительной окраской. Типичное сочетание с этим словом — *удаль молодецкая*. Конечно, П. Вайль и А. Генис иронизируют, когда пишут об «идеальной гоголевской Руси» как о *грядущем царстве правды, добра и удали*, но сама возможность появления *удали* в этом ряду показательна.

По-видимому, существенный смысловой компонент слова *удаль* соответствует идее любования (впрочем, иногда речь, скорее, может идти о самолюбовании того, чьи поступки отличаются *удалью*). Говоря об *удали*, мы любимся тем, какие удалые действия может совершить человек, и уже это сообщает слову положительную окраску. Кроме того, для *удали* важна идея бескорыстия, *удаль* противостоит узкому корыстному расчету. Как объяснить, *зачем* надо проявлять *удаль*? Так, ни для чего, просто ради самой *удали*. Как курьер из детского рассказа С. Алексеева «Сторонись!», который любил лихую езду, как-то, мчась на санях, сшиб в снег самого Суворова, а через три дня, вручая Суворову бумаги из Петербурга, получил от него в награду перстень.

— За что, ваше сиятельство? — поразился курьер.

— За *удаль*!

Стоит офицер, ничего понять не может, а Суворов опять

— Бери, бери. Получай! За *удаль*. За русскую душу. За молодецество.

Пожалуй, самое типичное проявление *удали* — это и есть быстрая езда, которую, как известно, любит всякий русский. Образ мчащейся и «необгонимой» «птицы-тройки», косясь на которую «постораниваются и дают ей дорогу» другие народы и государства, дает хорошее представление о том, что такое *удаль* и каково ассоциативное поле этого слова в русском языке. По-видимому, само слово (и понятие) *удаль* могло родиться только у бойкого народа, — и при этом у народа, привыкшего к широким пространствам. На то, что *удаль* возникла под влиянием широких пространств, со всей

определенностью указывает Николай Федоров, говоря о географическом положении России: «простор <...> не мог развить упорства во внутренней борьбе, но развивал удаль, могущую иметь и иное приложение, а не одну борьбу с кочевниками».

Связь понятия *удали* с представлением о широких пространствах хорошо иллюстрирует и цитированный выше отрывок из Ф. Искандера. Он же дает понять, каким образом удалые действия, совершаемые «от тоски», могут эту тоску хотя бы частично утолить. И с понятием *удали* связаны другие типично русские понятия и соответствующие им трудно переводимые слова, отражающие «широту русской души»: *размах*, *разгул*, а может быть, даже *загул* и *кураж*. Последнее слово интересно тем, что будучи прямым заимствованием из французского языка, оно коренным образом изменило свое значение. Если во французском языке *courage* значит просто смелость, то в русском оно как бы втянулось в поле русского «загула» и стало характеризовать некоторое развязное состояние, когда у человека нет никаких «внутренних тормозов» (самое характерное сочетание с этим словом — *пьяный кураж*).

По замечанию С. А. Старостина (в передаче корреспондента «Комсомольской правды»), наряду с *тоскою* и *удалью*, к труднопереводимым русским словам, для которых отсутствуют эквиваленты в других языках, относятся слова *хохотать* и *хохот*. Слова «смеяться», «смех» есть в большинстве языков, а «хохота» нет. Едва ли в этом можно видеть влияние «широких пространств», но вот пристрастие к крайностям, к крайним проявлениям имеет место — «коли смех, так не просто смех, а *хохот*». При этом важно, что *хохот* и *хохотать* являются общеупотребительными русскими словами, обозначающими «здоровый смех», который не вызывает у говорящего неодобрения. Этим *хохотать* отличается от *гоготать*, а также от таких слов, как, напр., английское *guffaw* 'гоготать, ржать', которое иногда приводится в русско-английских словарях в качестве эквивалента слова *хохот*. В отличие от русских слов *хохот* и *хохотать*, глагол *guffaw* не является общеупотребительным словом и при этом включает оценочный компонент, указывающий на неодобрение такой «крайности», как несдержанный громкий смех.

Свойственное русскому языку представление о взаимоотношениях человека и общества, о месте человека в мире в целом и, в частности, в социальной сфере нашло отражение в синонимической паре *свобода* — *воля*. Эти слова часто воспринимаются как близкие синонимы. На самом деле, между ними имеются глубокие концептуальные различия. Если слово *свобода* в общем соответствует по смыслу своим западноевропейским аналогам, то в слове *воля* выражено специфически русское понятие. С исторической точки зрения, слово *воля* следовало бы сопоставлять не с его синонимом *свобода*, а со словом *мир* (ср. сопоставление мира и воли в историческом аспекте в [5]).

В современном русском языке слово *мир* соответствует целому ряду значений ('отсутствие войны', 'вселенная', 'сельская община' и т. д.). Однако все указанное многообразие значений исторически можно рассматривать как модификацию некоего исходного значения, которое мы могли бы истолковать как 'гармония; обустройство; порядок' (ср. устное замечание Т. В. Топоровой

об объединении значений 'мирная жизнь' и 'вселенная' в ряде германских языков)⁶. Вселенная может рассматриваться как «миропорядок», противопоставленный хаосу (отсюда же греческое *космос*). Отсутствие войны также связано с гармонией во взаимоотношениях между народами. Образцом гармонии и порядка, как они представлены в русском языке, или «лада», если пользоваться словом, ставшим популярным после публикации известной книги Василия Белова (которая так и называлась «Лад»), могла считаться сельская община, которая так и называлась — *мир*. Общинная жизнь строго регламентирована («налажена»), и любое отклонение от принятого распорядка воспринимается болезненно, как «непорядок». Покинуть этот регламентированный распорядок и значит «вырваться на волю».

Замечание. То, что *воля* противопоставляется некоторому принятому распорядку, воспринимаемому как норма, создало базу для семантического развития этого слова в советское время. В речи советских заключенных слово *воля* обозначало весь мир за пределами системы лагерей, и в таком употреблении отразилось представление о *воле* как о внешнем, постороннем мире. Характерно, что слово *воля* (и его производные *вольный*, *вольняшка*) в таком значении могло употребляться только самими заключенными, а также говорящими, как бы становящимися на их «точку зрения» (так, в «Раковом корпусе» Лев Леонидович, сообщивший Костоглотову, что побывал, «там где вечно пляшут и поют», на вопрос последнего: «И по какой же статье?» — отвечает: *Я — не по статье. Я — вольный был*).

Воля издавна ассоциировалась с бескрайними степными просторами, «где гуляем лишь ветер... да я». На связь понятия *воли* с «русскими просторами» указывает Д. С. Лихачев: «Широкое пространство всегда владело сердцем русским. Оно выливалось в понятия и представления, которых нет в других языках. Чем, например, отличается воля от свободы? Тем, что воля вольная — это свобода, соединенная с простором, ничем не огражденным пространством» («Заметки о русском»). Прочитируем также Г. Д. Гачева, который писал в работе «Национальные образы мира»: «Широкая душа, русский размах — это все идеи из стихии воздуха-ветра... Человек стремится «Туда, где гуляют лишь ветер да я», — не случайно это братское спаривание. Недаром и для ветра, и для русского человека одно действие присуще и любимо: «гулять на воле» — разгуляться, загулять, загул, отгул, разгул. И недаром Гоголь, о душе русского человека говоря: «Его ли душе, стремящейся закружиться, разгуляться» — упоминает действия, которые в равной мере делаются и ветром». *Воля* оказывается сопряжена с простором, а тем самым — с тоскою и удалью, и не случайно при описании психологического состояния персонажей художественных произведений *воля*, *простор*, *тоска* часто появляются вместе, как в повести А. И. Свирского «Рыжик»: *Санька своими рассказами о том, как он с Полфунтом «гулял на просторе», как они ночевали в лесах и как делали все, что им хотелось, разбудил в душе Спирьки чувство любви к свободе, к безневольному житью, и он мучительно затосковал*⁷. По сравнению с такой волей, *свобода* в собственном смысле слова оказывается чем-то ограниченным, она не может быть в той же степени желанна для «русской души». Характерно рассуждение П. Вайля и А. Ге-

ниса о героине драмы Островского «Гроза»: «Катерине нужен не сад, не деньги, а нечто неуловимое, необъяснимое — может быть, воля. Не свобода от мужа и свекрови, а воля вообще — мировое пространство».

В отличие от *воли*, *свобода* предполагает как раз порядок, но порядок, не столь жестко регламентированный. Если *мир* концептуализуется как жесткая упорядоченность сельской общинной жизни, то *свобода* ассоциируется, скорее, с жизнью в городе. Недаром название городского поселения *слобода* этимологически тождественно слову *свобода*. Если сопоставление *свободы* и *мира* предполагает акцент на том, что *свобода* означает отсутствие жесткой регламентации, то при сопоставлении *свободы* и *воли* мы делаем акцент на том, что *свобода* связана с нормой, законностью, правопорядком («Что есть свобода гражданская? Совершенная подчиненность одному закону, или совершенная возможность делать все, чего не запрещает закон», — писал В. А. Жуковский). *Свобода* означает мое право делать то, что мне представляется желательным, но это мое право ограничивается правами других людей; а *воля* вообще никак не связана с понятием права.

Характерны в этой связи замечания Д. Орешкина, который писал в статье «География духа и пространство России», опубликованной в журнале «Континент»:

В свое время спичрайтеры подвели президента Рейгана, который, развенчивая «империю зла», между делом обмолвился, что в скудном русском языке нет даже слова «свобода». На самом деле есть, и даже два: свобода и воля. Но между ними лежит все та же призрачная грань, которую способно уловить только русское ухо. Свобода (слобода) — от самоуправляемых ремесленных поселений в пригородах, где не было крепостной зависимости. Свобода означает свод цеховых правил и признание того, что твой сосед имеет не меньше прав, чем ты. «Моя свобода размахивать руками кончается в пяти сантиметрах от вашего носа», — сформулировал один из западных парламентариев. Очень европейский взгляд. Русская «слобода» допускает несколько более вольное обращение с чужим носом. Но все равно главное в том, что десять или сто персональных свобод вполне уживались в ограниченном пространстве ремесленной улочки. «Свобода» — слово городское.

Иное дело воля. Она знать не желает границ. Грудь в крестах или голова в кустах; две вольные воли, сойдясь в степи, бьются, пока одна не одолеет. Тоже очень по-русски. Не говорите воле о чужих правах — она не поймет. Божья воля, царская воля, казацкая воля... Подставьте «казацкая свобода» — получится чепуха. Слово степное, западному менталитету глубоко чуждое. Может, это и имели в виду составители речей американского президента.

Сошлемся также на рассказ Тэффи «Воля»⁸, в котором различие между *свободой* и *волей* эксплицируется сходным образом:

Воля — это совсем не то, что свобода.

Свобода — *liberté*, законное состояние гражданина, не нарушившего закона, управляющего страной.

«Свобода» переводится на все языки и всеми народами понимается
«Воля» непереводаима

При словах «свободный человек», что вам представляется? Представляется следующее. Идет по улице господин, сдвинув шляпу слегка на затылок, в руках папироска, руки в карманах. Проходя мимо часовщика, взглянул на часы, кивнул головой — время еще есть — и пошел куда-нибудь в парк, на городской вал. Побродил, вышлюнул папироску, посвистел и спустился вниз в ресторанчик.

При словах «человек на воле» что представляется?

Безграничный горизонт. Идет некто без пути, без дороги, под ноги не смотрит. Без шапки. Ветер треплет ему волосы, сдувает на глаза, потому что для таких он всегда попутный. Летит мимо птица, широко развела крылья, и он, человек этот, машет ей обеими руками, кричит ей вслед дико, вольно и смеется.

Свобода законна

Воля ни с чем не считается

Свобода есть гражданское состояние человека

Воля — чувство

Упомянем еще рассуждение П. Вайля и А. Гениса на ту же тему:

Радищев требовал для народа свободы и равенства. Но сам народ мечтал о другом. В пугачевских манифестах самозванец жалуется своих подданных «землями, водами, лесом, жительство, травами, реками, рыбами, хлебом, законами, пашнями, телами, денежным жалованьем, свинцом и порохом, как вы желали. И пребывайте, как степные звери».

Радищев пишет о свободе — Пугачев о воле. Один хочет облагодетельствовать народ конституцией — другой землями и водами. Первый предлагает стать гражданами, второй — степными зверями. Не удивительно, что у Пугачева сторонников оказалось значительно больше.

Таким образом, специфика противопоставления *мира* и *воли* в русском языковом сознании особенно наглядно видна на фоне понятия *свободы*, в целом вполне соответствующего общеевропейским представлениям. В каком-то смысле это противопоставление отражает пресловутые «крайности» «русской души» («все или ничего», или полная регламентированность, или беспредельная анархия) — иными словами, «широту русской души»⁹.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Широта характера, размах решений*, — пишет А. Солженицын, перечисляя качества, отмечаемые наблюдателями в русском характере («Россия в обвале»).

² *Отзывчивость, способность «все понять»*, — перечисляет А. Солженицын в том же ряду «своих свойств русского характера» («Россия в обвале»).

³ Ср., впрочем, мнение А. Солженицына, высказанное в книге «Россия в обвале»: «Не согласен я с множественным утверждением, что русскому характеру исключительно свойственен максимализм и экстремизм. Как раз напротив большинство хочет только малого, скромного».

- ⁴ Цитируется по книге Н. Бердяев. Судьба России. Очерки по психологии войны и национальности. М., 1918.
- ⁵ В письме от 28 июля 1901 г., адресованном А. Н. Бенуа и написанном по-немецки, Рильке, ощутив необходимость выразить смысл, содержащийся в русском *тоска*, перешел на русский язык, хотя владел им не в совершенстве (отсюда некоторые грамматические ошибки), и писал: «Я это не могу сказать по-немецки . (..) как трудно для меня, что я должен писать на том языке, в котором нет имени того чувства, который самое главное чувство моей жизни: тоска. Что это *Sehnsucht*? Нам надо глядеть в словарь, как переводить «тоска». Там разные слова можем найти, как напр.: «боязнь», «сердечная боль», все вплоть до «скуки». Но Вы будете соглашаться, если скажу, что, по-моему, ни одно из десяти слов не дает смысл именно «тоски». И ведь, это потому, что немец вовсе не тоскует, и его *Sehnsucht* вовсе не то, а совсем другое сентиментальное состояние души, из которого никогда не выйдет ничего хорошего. Но из тоски народились величайшие художники, богатыри и чудотворцы русской земли» (цитируется по книге Р. М. Рильке. Вorpсведе Огюст Роден Письма Стихи. М., 1971).
- ⁶ Ср также наблюдение Ю. С. Степанова «соединение двух рядов представлений — «Вселенная, внешний мир» и «Согласие между людьми, мирная жизнь» — в одном исходном концепте постоянно встречается в культуре... 'Мир' в древнейших культурах индоевропейцев — это то место, где живут люди «моего племени», «моего рода», «мы», место, хорошо обжитое, хорошо устроенное, где господствует «порядок», «согласие между людьми», «закон»; оно отделяется от того, что вне его, от других мест, вообще — от другого пространства, где наши законы не признаются и где, может быть, законов нет вообще, где нам страшно» [4: 95].
- ⁷ Примечательно, что в этом отрывке используется слово *свобода*. Здесь следует иметь в виду, что, будучи из двух синонимов значительно более употребительным, оно (в тех случаях когда используется вне противопоставления *свобода vs воля*) часто сближается с *волей*, так что рассматриваемое противопоставление оказывается размытым. Так, скажем, В. Вейдле, когда писал о «русском, столь отличном от западного понимании свободы, не как права строить свое и утверждать себя, а как права уйти, ничего не утверждая и ничего не строя», скорее всего, имел в виду в первую очередь *волю*.
- ⁸ На этот рассказ мое внимание обратила Н. А. Николина (ср. также [2]).
- ⁹ Уже после того как настоящая статья была закончена, автору удалось познакомиться с книгой А. Вежбицкой «Understanding Cultures through their Key Words» [7], в которой А. Вежбицка высказывает точку зрения, согласно которой не только концепт *воля*, но и концепт, заключенный в русском слове *свобода*, отражает «широкую русскую натуру» и связан с «русскими пространствами» и потому отличен от латинского *libertas*, английского *liberty* и французского *liberté* (которые, впрочем, также не тождественны друг другу)

ЛИТЕРАТУРА

1. Хрестоматия по географии России. Образ страны: пространства России / Авт.-сост. Д. Н. Замятин, А. Н. Замятин. М., 1994.
2. Лисицын А. Г. Анализ концепта свобода-воля-вольность в русском языке. Канд. дис. М., 1995.

3. *Плунгян В. В., Рахилина Е. В.* «С чисто русской аккуратностью...» (к вопросу об отражении в языке некоторых стереотипов) // *Московский лингвистический журнал*. 1995. № 2.
4. *Степанов Ю. С.* Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М., 1997.
5. *Топоров В. Н.* Об иранском элементе в русской духовной культуре. III. Мир и воля // *Славянский и балтийский фольклор*. М., 1989.
6. *Wierzbicka A.* Semantics, culture, and cognition: universal human concepts in culture-specific configurations. New York, 1992.
7. *Wierzbicka A.* Understanding Cultures through their Key Words: English, Russian, Polish, German, Japanese. New York, 1997. ✓

Н. Д. АРУТЮНОВА

ДВА ЭСКИЗА К «ГЕОМЕТРИИ» ДОСТОЕВСКОГО*

Время организует события, пространство — предметы. Между событиями существуют отношения последовательности, между предметами — взаимного расположения. Пространственные отношения многообразны. Они используются для моделирования невидимых миров. Предметы целостны и зримы. Их конфигурации порождают образы, лежащие в основании эмблематики смысла.

В русском языке пространственные отношения широко используются для моделирования мира человека, в том числе его психической сферы. Каждый автор, однако, индивидуален в выборе тех или других языковых средств. Ниже мы остановимся на некоторых особенностях представления психического пространства в текстах Достоевского. Наряду с каноническими текстами к анализу привлекаются предваряющие их рукописные редакции. Итак, тема первого этюда — психическое пространство персонажей Достоевского. Во втором очерке мы обратимся к параметрам внутреннего человека и, прежде всего, параметру широты.

1.

ЧЕЛОВЕК — СОСУД СКУДЕЛЬНЫЙ

Практически все имеющиеся в языке синтаксические модели могут быть использованы для описания внутреннего мира человека, в частности, его эмоциональных состояний. Они распределены между двумя основными группами: субъектно-предикатными структурами, в которых субъектную позицию может занимать имя лица или название психической компоненты, и пространственно-бытийными, в которых имя лица помещается в позицию локализатора и оформляется разными пространственными предлогами. Субъектно-предикатные конструкции могут быть активными и пассивными: ср. *Петя тоскует (страдает, радуется, печалится, веселится, скушает)*; *Петя был охвачен тоской*; *Тоска (радость, беспокойство, печаль) охватила Петю*. В этом втором случае чувство как бы перемещается во внешнюю позицию и подобно стихии овладевает человеком, проникая в его сердце или душу. В бытийных предложениях утверждается существование чувства (или иной психической компоненты) через его локализацию в личной сфере или непосредственно внутри человека: *У Пети тоска*; *В сердце Пети тоска*; *На сердце изморось и мгла*; *В тебе (у тебя) нет совести (стыда)*. Мы не будем развешивать здесь весь спектр служащих для описания внутреннего мира человека

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 99—04—00294а).

языковых ресурсов. Они хорошо известны. Для нас достаточно подчеркнуть, во-первых, принципиальное различие между субъектно-предикатными и бытийными (шире, локальными) структурами и, во-вторых, значимость выбора тех или других языковых средств для художественного метода автора. При этом существенно не только предпочтение, отдаваемое субъектным или пространственно-бытийным (в широком смысле) конструкциям, но также выбор локальных предлогов, вводящих имя лица или название симптома, обнаруживающего внутреннее состояние человека.

Достоевский особенно склонен представлять человека как некий докус (сосуд скудельный, арену действий или контейнер), в котором сосредоточены разные, часто противоположные, психические компоненты и в котором происходят разные, часто неожиданные, события-кадры, с кинематографической быстротой сменяющие друг друга. Такой метод изображения внутреннего человека характерен и для авторской речи и для речи персонажей. Он встречается и в окончательном тексте и в предварительных к нему набросках.

Вот несколько примеров *в вас никакой выдержки... Повторяю в вас беспорядок* (4, т. 16, 353), *Я видела в вас безобразие* (4, т. 16, 356), *А что в ней сила есть, это я засвидетельствую* (4, т. 13, 105), *В Альфонсине раскаяние* (4, т. 16, 414), *В нем всегда коренилось самое искреннее и глубочайшее неверие* (4, т. 13, 446), *если только в вас есть великодушие и смелость* (4, т. 13, 341), *Может быть, в ней и видна была некоторая робость* (4, т. 13, 413), *Весь твой грех — мой, а в тебе, так мысля, и разумеешь-то вряд ли тогда было, а пожалуй и в вас, сударь, вкупе с нею* (4, т. 13, 331), *Что-то во всем нем было такое тихое* (4, т. 13, 43), *В вас этот вопрос не решен, и в этом ваше великое горе, ибо он действительно требует разрешения. — А может ли быть он во мне решен?* (4, т. 14, 65)

В ряде случаев представляются менее маркированными субъектно-предикатные аналоги предложений с «лицом-докусом». Например *Они подозревали во мне знание о документе* (4, т. 13, 204), ср. *Они подозревали, что я знаю о документе, Но я заметил в нем несомненное лихорадочное состояние, ср. Я заметил, что он находится в лихорадочном состоянии (что у него лихорадка, что его лихорадит)* (Далее в скобках указывается номер тома и страница, откуда взят пример)

Лицо-докус встречается в текстах Достоевского в разных позициях, особенно часто тогда, когда человек является объектом наблюдения или отношения. *Положительно я не знал, чему приписать такое в ней волнение, которое я никогда бы в ней и не предположил* (13, 368), *В Васине Лиза любила симпатию к своему положению* (13, 328), *Я нашел в вас благороднейшее существо* (13, 205). Общась с другими людьми, персонажи Достоевского стремятся непосредственно выскнуть и даже проникнуть в них, ср. *Мне всегда казалось в вас что-то смешное* (13, 415), *Я в вас встретила искренность* (13, 207), *Вы хоть и искренно страдаете, но в вас есть что-то очень ложное* (16, 348), *Я почувствовала в вас беса* (16, 113). Взаимодействие людей представляется как соприкосновение их внутренних миров. *Я встретил вас, и все в вас говорило, что во мне фальшь* (16, 353)

Этот метод изображения психических «пейзажей» характерен как для повествования, ведущегося от лица хрониста (как, например, в «Бесах» и «Братьях Карамазовых»), так и для повествования от первого лица (как, например, в «Подростке»).

Даже обращаясь к своему собственному внутреннему состоянию, персонажи Достоевского склонны исключать себя из субъектной позиции. Например: *Была ли во мне злоба? Не знаю, может быть, была. Странно, во мне всегда была... такая черта: коли уж мне сделали зло, то всегда тут же являлось у меня желание подчиниться оскорблению* (13, 268). При этом в большинстве контекстов предпочтение отдается предлогу «интерьера» *в*, а не предлогу личной сферы *у*, более употребительному в бытийных высказываниях о человеке. Например: *Я заметил, что в русских юношах потребность жертвовать собой* (16, 360), *Решительно в нем была лихорадка* (16, 350), *Если в нем есть недостатки, то в нем по крайней мере столько же достоинств, сколько и недостатков* (13, 176), *Представьте себе, во мне это, кажется, одно из болезненных впечатлений детства* (13, 86), *Я думаю, что в нем есть и чрезвычайно искренние черты характера* (13, 52), *Вы не можете любить меня, коли заметили во мне столько смешных черт* (16, 85) и т. п. В такого рода предложениях более естественно употребить предлог *у*; ср.: *у них потребность жертвовать собой, у него лихорадка, у меня есть смешные черты* и т. д. Выбор предлога значим. Он подчеркивает обращенность мысли не к зоне, объединяющей внутреннего человека и его внешние проявления, а только к внутреннему человеку. Человек предстает в образе сосуда, в который проникает взгляд наблюдателя.

Иногда интериорируются чисто поведенческие или мимические характеристики человека. Это указывает на их связь с внутренними качествами или состояниями: *Мне в вас нравится, Крафт, что вы — такой вежливый человек* (13, 61), *Но, повторяю, в последние дни в нем явилось что-то злобно оскаливающееся* (13, 176),... *легкая, прекрасная, хоть и совсем какая-то безнадежная улыбка промелькнула-таки в лице ее и не сходила почти во все время рассказа* (13, 392). Улыбка промелькнула *в* лице, хотя следующий глагол свидетельствует о ее положении *на* лице (ср. *не сходила с лица*); ср. также:... *хоть смех его прошел скоро, но светлый, веселый след его остался в лице его* (13, 285). Есть случаи, когда остается не вполне ясным, идет ли речь о внутреннем или мимическом признаке. Такова, например, версиловская складка: *Он [Версилов] говорил с грустью, и все-таки я не знал, искренно или нет. Была в нем какая-то складка, которой он ни за что не хотел оставить* (13, 171). В других контекстах складка проступает *на* лице Версилова: *Глаза его загорелись. Странная складка мелькнула на лбу, очень мрачная складка* (13, 223), *Сильно выступала прежняя версиловская складка, которую я не желал бы встретить в тот вечер* (13, 372). Выступая *на* лице, складка сохраняет свое положение *в* лице: *И вот, помню, в лице его вдруг мелькнула его обычная складка — как бы грусти и насмешки вместе, столь мне знакомая* (13, 372).

Итак, основным предметом изображения Достоевского является внутренний человек в его непосредственной данности. Между тем повествова-

тель в текстах Достоевского, даже написанных от первого лица, никогда не занимает позиции всезнающего автора, проникшего в «тайну человека» и даже полностью осведомленного о фактической стороне жизни персонажей. Это — важная черта поэтики Достоевского. Так, в самых ранних материалах к «Подростку» сам Достоевский формулирует эту установку: *Множество недосказанностей* (10, 47). Позиция наблюдателя, принятая автором, позволяет ему оставлять внутренний мир персонажей недоопределенным, оберегая «тайну их души»; ср., например, высказывание Аркадия о Версилье — своем отце: *Кроме того, я видел ясно, что в нем всегда как бы оставалась какая-то тайна* (13, 173).

Функция наблюдателя во всех типах повествовательного дискурса часто распределяется между разными персонажами, которые, всматриваясь друг в друга, судят о протекающих в человеке процессах. Склонность Достоевского включать в ремарки глагол *смотреть* и его синонимы была отмечена В. Н. Топоровым, который писал в своем анализе текста «Преступления и наказания»: «Автор сознательно вводит в ремарку описания душевного состояния героев, которые традиционно толковались как самостоятельные и самодовлеющие. Осуществляя эту операцию, Достоевский не только добивается огромной экономии, но и, перераспределяя элементы структуры по разным уровням, увеличивает число рангов, создает возможности для конструирования существенно более сложных конфигураций» [8, 643].

Герои Достоевского постоянно ведут друг за другом наружное наблюдение. Они заняты сыском. Они всматриваются в глаза и лица друг друга, стремясь проникнуть в душу своего контрагента, постигнуть его природу. Персонажи Достоевского обычно наделены острым зрением, пронзающим душу Другого. Очень характерны слова Лизы, обращенные к Аркадию: *Я выглядела вас всего* (13, 161). Приведем несколько примеров. Большинство из них взято из «Подростка». Роман написан от первого лица, предполагающего исповедальный или автобиографический жанр. Тем не менее и здесь превалирует позиция внешнего наблюдения: ... *угадал он сразу, точно впрыгнул в мою душу глазами* (13, 337), *Он... пристально и молча глядел на меня, так же как я на него...; рассмотрев меня всего, до последней черты, в эти пять или десять секунд молчания, он вдруг улыбнулся* (13, 284), *Так вам нравится такая женщина, князь, — спросил он [Ганя] вдруг, пронзительно смотря на него* (8, 31), *То есть если вы уже знаете, — заторопился Петр Степанович, желая вскочить глазами в душу* (10, 402), *Выговорив это, он... выпучил на меня глаза. Я тоже глядел во все глаза* (13, 190), — *Вы — нарочно или нет? — медленно проговорил Стебельков, пронзительно... в меня взглядываясь... Я смотрел, выпуча глаза* (13, 191), *Ставрогин неподвижно и пронзительным взглядом безмолвно и упорно всматривался в ее лицо* (10, 215; см. также: 10, 209, 216, 217, 219) и т. д. Таких предложений можно привести множество. Большая серия примеров содержится в цитированной работе В. Н. Топорова, которым зарегистрировано более 600 ситуаций «вглядывания» и «всматривания» в тексте «Преступления и наказания».

Характерно, что взгляды персонажей обращены не на человека (Другого), а в него или в его лицо. Взгляд «на» не может проникнуть внутрь. Он мало информативен: *Вглядишься в Олимпиаду, гляди пристальнее, пристальнее... — Я глядел на нее довольно пристально и ничего особенного не находил* (13, 33). Если бы Подросток последовал совету и глядел не на Олимпиаду, а в Олимпиаду, он, может быть, и обнаружил бы в ней что-нибудь особенное.

Всматривание в человека естественно переносится на утверждения, касающиеся его внутренних свойств или состояний. Всмотревшись в Версилова, Ахмакова увидела в нем какой-то беспорядок. Понятно, однако, что непосредственно увидеть беспорядок, искренность, благодушие, ненависть и прочие составляющие внутреннего человека нельзя. Можно заметить лишь их внешние проявления. Собственно психологический метод изображения человека уступает место семиотическому.

Для Достоевского, столь далекого от дескриптивного стиля, в частности от описаний природы, тем не менее, характерен именно визуальный подход к человеку. Известен его интерес к портретной живописи, а также та роль, которую играют портреты и фотографии в его произведениях. Приведем тому хотя бы один пример. Вот как описывает Подросток свою первую встречу с Ахмаковой. «Отворилась боковая дверь и — та женщина появилась! Я уже знал ее лицо по удивительному портрету, висевшему в кабинете князя; я изучал этот портрет весь этот месяц. При ней же я провел в кабинете минуты три и ни на одну секунду не отрывал глаз от ее лица. Но если бы я не знал портрета, и после этих трех минут спросили меня: «Какая она?» — я бы ничего не ответил, потому что все у меня заволокло» (13, 34). Ср. также пространное рассуждение Версилова о фотографическом портрете Софьи Долгорукой и его соображения о том, что «оригинал чрезвычайно редко бывает похож на себя», художник же, изучая лицо, угадывает его главную мысль и воплощает ее в портрете, ср. там же замечания Аркадия о фотографии Лидии (13, 369—371). Напомним, что князь Мышкин познакомился с Настасьей Филипповной также «через портрет» и судил о ней в дальнейшем именно по портрету, а не по ее экстравагантному поведению; ср. описание фотопортрета Настасьи Филипповны и его интерпретацию князем Мышкиным (8, 27, 31—32). На портрете *лицо о-лице-творит личность*. Не случайно слово *лицо* имеет значение «человек, личность, индивидуум». Лицо приобретает глубину. Поверхностный подход заменяется глубинным. Между тем тексты Достоевского не содержат подробных словесных аналогов живописных портретов, заключающих в себе «главную мысль лица». Она не может быть адекватно выражена. Семиотический подход к лицу, свойственный Достоевскому, в основном остается неэсплицированным. Ср., впрочем, характеристику князя Мышкиным лиц сестер Епанчиных (8, 65). Его герои всматриваются друг в друга, стараясь увидеть в лице лик личности, но выразить его словами они не могут. Он невыразим. Лицо бессловесно. Здесь приходится придерживаться апофатического принципа. Главная идея человека, отраженная в его лице, может быть представлена своего рода символическим признаком. Сущность Сони, запечатленную фотографом, Версиров видит в стыдливой кроткой любви, от-

дающей разом тому, кого полюбит, все — «и мгновенье, и судьбу, и настоящее, и будущее» (13, 370). Как бы символом этой «главной мысли» лица служат впалые щеки, о которых постоянно упоминается в тексте «Подростка»; ср.: *Эти впалые щеки — это тоже в меня ушедшая красота, в мою коротенькую потеху* (13, 370). Точно так же символом Версилова является складка, выражающая двойственность его природы (см. выше), и хорошо согласующаяся с фамилией: *Версиров* ассоциируется с фр. *verser* 'переворачивать, оборачиваться' или лат. *versare*, имеющим близкое значение. Главным признаком Подростка, готового прожить три жизни, служит его яркий и здоровый румянец; ср. также «две косточки, две точки под глазами в начале щек» как знак пережитого страдания в лице Настасьи Филипповны. «Главная мысль» лица не располагает конвенциональными символами. Она выражается в каждом случае индивидуальной чертой.

Итак, взгляд со стороны имеет очень существенное следствие. Наблюдатель, всматриваясь в своих партнеров, видит не их внутреннюю сущность, не их состояния и эмоции, которые в принципе не наблюдаемы, а лишь некие символы, знаки или симптомы. Это осложняет психологическую характеристику персонажей тем, что выражение лица может, во-первых, быть неверно интерпретировано и, во-вторых, многие симптомы поддаются имитации и могут не соответствовать подлинным чувствам человека; см. об этом [1, 853—864]. Однако основная трудность состоит в другом.

Язык содержит в себе очень ограниченный репертуар слов (в основном глаголов), относящихся к мимической знаковой системе; см. об этом в работах Г. Е. Крейдлина, в частности в [5]. Это легко понять. Физиономические жесты затруднены, а выражения лица складываются из совокупности мелких штрихов, не образующих стабильного означаемого, имеющего название. Выражение лица, а также глаз идентифицируется по означаемому, которое обычно безошибочно улавливается наблюдателем; ср.: *выражение радости (печали, презрения)*. Лексикон мимики сводится к очень ограниченному списку имен и глаголов; ср.: *смех, улыбка, усмешка, ухмылка (насмешка относится к означаемому), просиять, помрачить, поднять (сдвинуть) брови, насупиться, нахмуриться, прищурить глаза, зажмуриться, подморгнуть, подмигнуть, поджать (скривить, надуть, закусить, прикусить) губы (губу), показать язык, покраснеть, побледнеть, порозоветь, побагроветь, надуться, разинуть рот* и немногие другие. Значение некоторых слов уточняется определениями, относящимися к форме («виду»): *кривая усмешка, широкая улыбка*. Приведенные слова распределены между симптомами (*краснеть, бледнеть*), конвенциональными адресованными знаками, точнее, мимическими жестами (*подмигнуть, подморгнуть, улыбнуться, поднять брови*) и знаками-реакциями, обозначающими выражения лица, которые могут появляться как в ситуации общения, так и тогда, когда человек один (*нахмуриться, насупиться, усмехнуться*). Эта последняя категория мимических движений занимает промежуточное положение между симптомом и знаком. Поскольку выражения лица амбивалентны, означающие их слова принимают смысловые определения, то есть означаемое монтируется с означающим: *веселая (радостная, печаль-*

ная, приветливая, дружелюбная) улыбка, мрачно (недовольно, раздраженно) нахмуриться, покраснеть от стыда (смущения, удовольствия) и т. п. Точка зрения автора-наблюдателя ограничивает его возможности скудным репертуаром словаря мимики. Внешняя позиция возводит перед хронистом (автором) мимический барьер. Загадка персонажей остается не до конца разрешенной. Однако Достоевский нередко покидает позицию аутсайдера и показывает психические состояния своих героев изнутри; ср., например, описание внутреннего состояния Ивана Карамазова (14, 241 и сл.), а также многочисленные исповедальные тексты. Взаимодействием двух позиций повествователя — внешней и внутренней — определяются некоторые особенности поэтики Достоевского.

Характеристика психического феномена через его внешние проявления занимает в текстах Достоевского очень большое место. Уделяя не слишком много внимания описанию внешности своих персонажей, Достоевский, напротив, постоянно следит за их физиономическими модификациями. Можно заметить при этом, что особо положительные герои (например, князь Мышкин, Алеша Карамазов, Софья Долгорукая) обладают неброской внешностью (исключение составляет Хромоножка), но большинство его персонажей имеют «лицо с резкой и вызывающей физиономией» (13, 247). Именно они находятся в фокусе внимания автора. Характер и эмоции человека экстериоризируются, и наблюдатель фиксирует их внешние проявления: *Наконец, медленная, задумчивая усмешка показала на его губах* (10, 400), *Самое полное счастье светится на лице его* (13, 447), *На ее лице было такое отчаяние, которое невозможно видеть в лице ребенка* (11, 18), *Я вижу на вашем лице опять искренность* (13, 374), *Все секреты твои на твоём честном лице написаны... Я по лицу твоему угадываю, что у тебя в голове какое-то предприятие* (13, 89), *И я часто ловил на лице его чрезвычайно привлекательную улыбку* (13, 312) и т. д., и т. п.

Лицо в текстах Достоевского как бы становится личностью, внешний образ совмещается с внутренним. Лицо приобретает глубину. Даже такие чисто внешние признаки, как краска (покраснение), слезы и даже веснушки нередко перемещаются автором с поверхности вглубь лица: *Кто бы посмотрел на Алешу, ... тот заметил бы в его лице быструю краску, залившую его щеки* (14, 50), *Да, я помню очень, я действительно ждал тогда появления краски в твоём лице (...)* *Эта «краска» в твоём лице пришла же теперь к тебе сама собой и без моих указаний, а это, клянусь, для тебя же лучше* (13, 217), ... *уверял он меня прошлого года сам, с краской в лице, что... все вышло так* (13, 9). «Интерьоризация» краски является в такого рода примерах знаком того, что речь идет о чувстве стыда, неловкости или смущения. Симптом как бы отождествляется со своим психическим субстратом. Веснушки также, видимо, принимаются за «глубинную» характеристику, индивидуализирующую лицо; возможно, это намек на некую «запятнанность души»; ср. описание Лизы (сестры Аркадия): *Нос очень прямой, небольшой и правильный; впрочем, и еще особенность — мелкие веснушки в лице, чего совсем у матери не было* (13, 84); ср. также: *В лице его я не заметил чего-*

нибудь вроде чистой жалости, слез. в лице его поражало какое-то необыкновенное возбуждение (13, 364)

Психические компоненты и состояния перемещаются из внутреннего мира человека внутрь его лица или появляющегося на лице симптома. При этом их внутреннее положение как бы снимает сомнение в правильности интерпретации симптома наблюдателем. Приведем несколько примеров. *Но вдруг я заметил в нахмуренном лице Лизы какое-то злобное обвиняющее выражение* (13, 214), *Ставрогин смутился, беспокойство выразилось в его лице* (10, 26), *Я вздрогнул в лице его в миг поцелуя я решительно прочел отвержение* (13, 187), *повернулся он вдруг ко мне с страшным вызовом в лице* (13, 235), *никогда не забуду этого восторга, этого счастья в лице ее и вдруг это все сменилось быстрой краской* (13, 382), *Болезненное впечатление отразилось в лице его* (10, 399), *Что-то было такое в его лице, чего бы я не захотел в свое, что-то вроде тайной себе неведомой гордости* (13, 44)

Теперь подведем краткий итог

В текстах Достоевского заметна тенденция описывать внутренний мир героев в локальных терминах. Это согласуется с общей пространственной ориентацией русского языка. Использование пространственно-бытийных конструкций позволяет расширить внутреннее содержание человека, не замыкая его той или другой характеристикой, ср. *Он был горд* и *В нем была (какая-то) гордость*. Второе предложение дает понять, что гордость занимает лишь малое место во внутреннем пространстве человека, «рельеф» которого очерчен далеко не полностью. С другой стороны позиция внешнего наблюдателя, принимаемая Достоевским даже в авторском дискурсе и в повествовании от первого лица, позволяет ему избежать эксплицитности в характеристике героев. Эти две особенности его стилистики — локальность в изображении психологии героев и позиция внешнего наблюдателя — согласуются между собой. Обе они служат одной цели: они позволяют оставить внутренний мир героев недоопределенным.

Позиция внешнего наблюдения воздвигает между автором и внутренним человеком своего рода барьер в виде мимического экрана. На нем проецируются кинокадры, которые автор совмещает с рентгеновскими снимками, высвечивающими психические свойства или состояния человека. Это метод кино-рентгена или, если угодно, ультразвукового кино. Наблюдатель видит кинокадры лица — взлеты бровей, улыбки, поджатые губы, сморщенный лоб, а рентгеновский луч, проникая внутрь лица, показывает то, что стоит за кадром — недоумение, радость, неудовольствие, напряжение мысли. Кино-рентген сосредоточен на актуальном состоянии психики персонажей. Совокупность «снимков», дополненная содержанием тех высказываний, которые они сопровождают, и тех событий, которым они сопутствуют, постепенно складывается в некий кинематографический образ, в котором внутренний человек, однако, не раскрывается полностью.

Итак, в антропологической лаборатории Достоевского установлен кинотомограф. Но Достоевский пользуется им не всегда. Он не обращается к нему тогда, когда в фокусе его внимания находятся носители «усиленного созна-

ния», такие как человек из подполья или Ставрогин; см. его исповедь в главе «У Тихона» (11, 12—23). Локальные конструкции уступают в этом случае место субъектным. Таким образом, в стилистике Достоевского выбор локально-пространственного подхода к изображению внутреннего мира человека значим. Он, в частности, позволяет подчеркнуть произвольность протекающих в человеке психических процессов, их неподвластность субъекту.

В заключение мы хотим обратить внимание на некоторую стилистическую аналогию между Достоевским и А. Платоновым. Платонов, как и Достоевский, представляет человека как некое вместилище, в котором сосредоточены психические качества и состояния, мысли и образы. Приведем характерные примеры из неоконченной повести Платонова «Лобская гора»:

Может быть наутро в хозяику придет раздражение, возникнет злоба в ее большом теле — она ведь сама не знает, что в ней случится, ... он не хотел, чтобы в нем появилась мысль или воспоминание. В теле его лежали слабые силы. Скорбь прошла по сердцу внутри батрака. Ср. также употребление Платоновым формы в лице. У ней есть сейчас важность и видимость в лице. Сопоставление принципов моделирования внутреннего человека, используемых Достоевским и Платоновым, заслуживает специального исследования.

2.

«МЫ НАТУРЫ ШИРОКИЕ, КАРАМАЗОВСКИЕ»

Приятель мой был un homme tout rond, человек совершенно круглый, как говорят французы, homo quadratus, человек четырехугольный, по выражению латинскому — по нашему, очень хороший человек (Пушкин).

Выше речь шла о стереоскопическом подходе к человеку, представляющем его как своего рода сосуд, внутри которого сосредоточены переживания и черты характера, чувства и состояния. Однако Достоевский пользуется в определении свойств личности также параметрическими прилагательными, не имплицитными с необходимостью третьего измерения, такими как *узкий, короткий, длинный* и особенно *широкий*. На этом последнем мы остановимся специально. Но прежде приведем несколько иллюстраций употребления соотносительных с ним параметрических прилагательных, поскольку оно не вполне стандартно. Так, Достоевский различал *широкую* и *длинную улыбку*, причем это последнее сочетание имеет у него отрицательные коннотации: *Сам он [Ламберт] очень молчал..., порой улыбался длинной, долгой улыбкой, скалил зубы и прищуривал глаза, как бы усиленно соображая и желая угадать* (13, 276, ср. также с 335, 386).

В качестве антонима прилагательного *широкий* (в переносном смысле) Достоевский использует как прилагательное *короткий*, так и *узкий*, но отдает некоторое предпочтение первому. Прилагательное *узкий* также встречается, но чаще в применении к отвлеченным и общим понятиям. *Выйдите из узко-*

сти вашей идеи (13, 45), *Какая-то чрезмерная узость жизни* (16, 217); ср. впрочем: — *Ты это уже говорил. У тебя все — одна Альфонсина; ты ужасно узок. — Узок? — не понимал он [Ламберт]* (13, 356); ср. также слова Мити Карамазова: *Широк человек, слишком даже широк, я бы сузил* (14, 100). Прилагательное *узкий* Достоевский как бы резервировал для характеристики городских пространств (улиц, переулков и т. п.) и жилых помещений; см. об этом Топоров [8, 606—611; 641—643]; Цивьян [9, 696—697].

Приведем несколько примеров употребления прилагательного *короткий* в значении «ограниченный (о человеке)»: — *Потому что ты ограничен. Ты короток. Я тебя поймал* (16, 410), *Коротенькие люди, чего вам недостает, чтобы понять?* (10, 373), *И если взять, что провозгласил это убитый, оскорбленный отец, то неужели — о коротенькие, — неужели можно стать выше в беспристрастии и спокойствии взгляда* (10, 373), *Это самая обнаженная, самая простодушная, самая коротенькая глупость* (10, 371). Прилагательное *короткий*, как явствует из последнего примера, относится к умственным способностям человека, что согласуется с употреблением этого слова в просторечии; ср. *Волос длинен, да ум короток*, — так судит *широкий* мужчина о добропорядочных женщинах. Прилагательное *широкий* ориентировано преимущественно на этическую характеристику человека. Более того, *широта натуры* совместима с *коротким умом*. Прилагательные *широкий* и *короткий* относятся к разным параметрам личности. Их антонимичность условна. У человека больше аспектов, чем у физических тел. Вместе с тем не все параметрические прилагательные приобретают в применении к человеку фигуральное значение. Не метафоризируется, например, прилагательное *длинный*, если оставить в стороне фразеологизм *длинный язык* и употребление этого прилагательного в значении «высокий», но с отрицательными коннотациями. Достоевский им пользуется для характеристики Андреява — персонажа «Подростка» (13, 343 и сл.), но потом заменяет его французским аналогом *le grand dadais*, или просто *dadais* «придурак» (13, 346 и сл.). Так или иначе «переход на личности» расшатывает строгую систему параметрических значений.

Прилагательное *широкий* очень характерно для русского языка. Его прямое значение («имеющий большую протяженность в поперечнике», по словарю Ушакова) стремится расстаться с одномерностью: *широкие просторы (поля, озера)*, *широкий горизонт* характеризуют величину замкнутого пространства, раздвинутость его границ: *Он ехал берегом широкого озера* (Пушкин); ср. также: *Дети, шире круг!* Слова известной песни *Широка страна моя родная* относятся не к протяженности России с запада на восток (или с севера на юг?), а к ее необъятным просторам. Еще менее ассоциируется с протяженностью *широкий карман*, то есть карман с широким отверстием, через которое легко выскакивают деньги. Но тут мы уже переходим от *ширины* к *широте*. Это последнее имя (в прямом и не географическом смысле) используется преимущественно тогда, когда говорят о плоских природных пространствах (*полях, лугах, степях, океанах*). Существительные *ширина* и *широта* отделили одномерную характеристику объекта от двухмерной. Итак, семантика прилагательного *широкий* постепенно расширяется, переходя от

значения большой протяженности поперечного, то есть меньшего, параметра (линии) к характеристике замкнутого пространства с далеко отстоящими друг от друга границами. Если пространство не является очевидно вытянутым (как, например, река, ручей, берег, долина), то оно определяется только в терминах широты. Изначально меньший параметр (поперечник) служит теперь показателем большой величины округлых пространств любой конфигурации. Широта, не противостоящая длине, из параметра становится диаметром. Несколько иначе представлены типы значения прилагательного *широкий* в интересной статье Е. В. Рахилиной [6, 78]

Образное значение прилагательного *широкий* также не ограничено семантической однолинейности, ср. *широкие взгорья (планы, интересы, виды на будущее), широко жить, широкая масленица*. Однако в этом случае небезразлично и параметрическое значение прилагательного. Оно объясняет, почему *широкий человек* может совмещать в себе противоположные качества. Выбор поперечного параметра, несмотря на его меньшую длину сравнительно с продольным (высотой человека), по-видимому, не случаен. Именно «по ширине» человек этически асимметричен: его отрицательные свойства и действия ассоциируются с левой стороной, а положительные качества и праведные поступки — с правой. Но если, как писал Достоевский, в мире жизни все концы сходятся со всеми концами, то «широты» замыкаются, возвращая человеку объемный образ. Наряду с *шириной* и *широтой* появляется *широкость*. Именно этим существительным пользуется Достоевский, говоря о широких душах и натурах, способных вместить в себя самые разные качества, интересы, чувства, убеждения и склонности. Итак, *ширина* одномерна, *широта* двумерна, *широкость* трехмерна. Для метафорического значения прилагательного *широкий* важны все три «меры»: оппозитивность *ширины*, просторность *широты* и объемность *широкости*.

Итак, *широкий человек* сочетает в себе свойства не только разные, но иногда и противоположные. Достоевский подчеркивает именно совместимость в человеке склонностей к добру и ко злу, их сопричастие даже в красоте. Напомним слова Мити Карамазова: «Красота — это страшная и ужасная вещь!.. Тут берега сходятся, тут все противоречия вместе живут. Еще страшнее, кто уже с идеалом содомским в душе не отрицает и идеала Мадонны. Нет, широк человек, слишком даже широк, я бы сузил» (14, 100). Еще более выразительно говорит о Дмитрии Карамазове прокурор. «Обыкновенно в жизни бывает так, что при двух противоположностях правду надо искать посередине, в настоящем случае это буквально не так. Вероятнее всего, что в первом случае он был искренно благороден, а во втором случае так же искренно низок. Почему? А вот именно потому, что мы натуры широкие, карамазовские, способные вмещать всевозможные противоположности и разом созерцать обе бездны, бездну над нами, бездну высших идеалов, и бездну под нами, бездну самого низшего и зловонного падения. Мы широки, широки, как вся наша матушка Россия, мы все вместим и со всем уживемся!» (15, 129). К нравственной горизонтали присоединяется этническая вертикаль.

Идея широкости человека соприкасается с мыслями Достоевского о характерных для русского народа свойствах всепонимания, всемирной отзывчивости и всепримирения, о которых он настойчиво говорил в Пушкинской речи и «Объяснительном слове» к ней (26, 130 и сл.; 146—148).

Действительно, широкость — это умение понять чужую точку зрения, чужую культуру и, наконец, чужую правду (правду Другого). Широкость не противопоставляет свое чужому, а, напротив, снимает их оппозицию. Она может оцениваться положительно. Например: *Версиров как бы боялся за мои отношения к Макару Ивановичу..., а потому чрезвычайно был доволен потом, когда разглядел, что и я умею иногда понять, как надо отнестись к человеку совершенно иных понятий и воззрений, одним словом, умею быть, когда надо, и уступчивым и широким* (13, 308). В другом месте Подросток так комментирует исповедь Версирова, в которой «мелькало иногда циничское или даже что-то как будто смешное»: «Я был слишком широк, чтоб не понять и не допустить реализма, не мараю, впрочем, идеала» (13, 388).

Однако *широкий человек* может идти дальше. Он выслушивает другого и тогда, когда тот морально нечистоплотен. Тем самым он как бы принимает его нравственную позицию, а иногда даже на нее переходит или использует ее в своих целях: Например. — *Видишь, Ламберт, ты не поймешь этого, но я соглашаюсь слушать тебя, потому что я широк, — твердо заявил я и опять хлебнул из бокала. Ламберт тотчас подлил* (13, 356); *Ламберт в первом свидании заговорил о том, что можно содрать денег. Я решился быть широким, я слушал* (16, 390),... *Анна Андреевна... сумела сдержаться и выслушала шантажника... — и все из «широкости»... Русский ум таких размеров до широкости охотник, да еще женский, да еще при таких обстоятельствах* (13, 326). В подготовительных заметках после слов «Стебельков предлагает Подростку выдать Анну Андреевну и погубить Ахмакову» следует резюме: «Идея широкости» (16, 301). Широкость, то есть умение понять правду Другого, оборачивается отрицательной стороной, обнаруживая нравственную неустойчивость, или шатость (слово Достоевского) человека. В заметках к «Подростку» неоднократно повторяется вопрос. «Широкость это или подлость?». Например. «Не обратил внимания на широкость. Широкость ли это или просто подлость?». (После признаний Князя). «— Я всегда задавал себе вопрос — широкость ли это в русском человеке или просто подлость?» (16, 391; ср. также с 325, 402). Широкость постепенно эволюционирует «влево», а широкий человек движется к отрицательному флангу этического параметра. Заметим, что в материалах к «Подростку» о Макаре Долгоруком, персонаже в высшей степени положительном и целостном, говорится, что он «не знал идей широких» (16, 325). Не знали их также Соня и Софья Долгорукая, несмотря на некоторые нравственные уступки.

Итак, мы рассмотрели тот аспект понятия широкости, который соприкасается с мыслью о «всемирной отзывчивости и всепримирении». При этом «широкость» является как бы обратной стороной этих качеств. неограниченная отзывчивость, становясь широкостью, постепенно превращается в свою противоположность.

В человеке, особенно если он наделен усиленным сознанием, возникает моральная двойственность. В оказавшемся предсмертным письме к Даше Ставругин пишет, «Я . могу пожелать сделать доброе дело и ощущаю от этого удовольствие; рядом желаю и злого и тоже чувствую удовольствие» (10, 574). Разница между добром и злом стирается. Наступает «нравственное всепримирение». У Пушкина в «Пиковой даме» есть такие слова. «Две неподвижные идеи не могут существовать вместе в нравственной природе, так же как два тела не могут в физическом мире занимать одно место» (Соч. в 8 т. М.—Л., 1960—1965. Т. 6, 351). «Всемирная отзывчивость» Пушкина не влекла за собой совмещения добра и зла. В широком человеке Достоевского действует принцип совместимости взаимоисключающих идей, суждений, эмоций и нравственных качеств. Концы сходятся.

В особо высокой степени наделен свойством широкости так называемый *хищный тип*, суть которого неоднократно разъясняется Достоевским в подготовительных материалах к «Подростку». Например: «Хищный тип.. Страстность и огромная *широкость*. Самая подлая грубость с самым утонченным великодушием, и между тем, тем и *сила* этот характер, что эту бесконечную широкость преудобно выносит, так что ищет, наконец, груза и не находит. И обаятелен, и отвратителен» (16, 7; курсив автора; см. также с. 6). Сам представитель «хищного типа» (Версилон) говорит о себе: «Меня ничем не разрушишь, ничем не истребишь и ничем не удивишь. Я живуч, как дворовая собака Я могу чувствовать преудобнейшим образом два противоположные чувства в одно и то же время и уж, конечно, не по моей воле» (16, 278) «Две неподвижные идеи» существуют в нем вместе. Широта натуры в этом случае, совмещая несовместимое, не создает внутренних, прежде всего нравственных, конфликтов, а напротив их как бы снимает

Подросток, хотя и не принадлежит к «хищному типу», также замечает в себе черты «широкости». Вспоминая свою ложь об уничтожении письма, Подросток восклицает: «И я ее обманул! Я мог ее обмануть . Что это — широкость?» (16, 325). «А пока лишь скажу одно: пусть читатель помнит *душу наука*. И это у того, который хотел уйти от них и от всего света во имя «благообразия»! Жажда благообразия была в высшей мере, и уж конечно так, но каким образом она могла сочетаться с другими, уж Бог знает какими, жаждami — это для меня тайна. Да и всегда было тайною, и я тысячу раз дивился на эту способность человека (и, кажется, русского человека по преимуществу) лелеять в душе своей высочайший идеал рядом с величайшею подлостью, и все совершенно искренно *Широкость ли это особенная в русском человеке, которая его далеко поведет, или просто подлость — вот вопрос!*» (курсив мой — Н. А.). И немного ниже. «Каким образом могли сочетаться все мирные впечатления и наслаждения затишьем с мучительно сладкими и тревожными биениями сердца при предчувствии близких и бурных решений — не знаю, но все опять отношу к «широкости» (13, 307).

Вот еще пример снятия нравственного конфликта: «Женщина — порок и соблазн, а мужчина — благородство и великодушие. Так и будет во веки веков. А что я собираюсь употребить «документ» — так это ничего. Это не по-

мешает ни благородству, ни великодушию. Шиллеров в чистом состоянии не бывает — их выдумали. Ничего, коль с грязнотой, если цель великолепа! Потом все омоется, все загладится. А теперь это — только широкость, это — только жизненная правда — вот как это теперь называется!» (13, 363). «Широкость», таким образом, служит прикрытием этически неблагоприятных поступков. Она не истребляет совести, но ее расширяет: наряду с *широкой душой* появляется понятие *широкой совести*; например: Крафт заметил, что Андронников «никогда не рвал чужих бумаг» и, кроме того, был человек, хоть и широкого ума, но и «широкой совести» (13, 51).

В человеке могут сосуществовать не только полярные чувства, не только добро совместимо в нем со злом, но он может совмещать разное отношение к себе, своим эмоциям, своим убеждениям и своим идеалам. С жаром изложив свои мысли о будущем России и о миссии дворянства, Версиров не замедлил их осмеять: *Вечером Версиров говорит это Подростку уже с цинизмом. Тот удивляется и огорчается. — Это, может быть, только широкость нашей русской природы, — насмешничает Версиров, — Теперь, впрочем, эта широкость (то есть пламенная вера и в то же время цинизм) несколько съезживается* (16, 276). Фанатическая проповедь идеала не мешает Версирову непосредственно «среди проповеди делаться и легкомысленным, и развратным, и злым, и широким» (16, 51). Идеалы вызывают насмешку. Смех расширяет свой экстенционал, включая в него трагические события, святые имена и священные объекты. Природа мира не содержит в себе смешного. Его творит человек. Поэтому во власти человека сужать или раздвигать его область. В статье «Ирония» (1908 г.) Блок писал о разрушительной силе смеха Достоевского, Л. Андреева и Ф. Сологуба, породившей волну иронии, которая охватила его поколение: «Самые живые, самые чуткие дети нашего века поражены болезнью, неизвестной телесным и духовным врачам. Эта болезнь — сродни душевным недугам и может быть названа «иронией»... Перед лицом проклятой иронии — все равно для них; добро и зло, ясное небо и вонючая яма, Беатриче Данте и Недотыкомка Сологуба» [2, т. 5, с. 345—346]. Иронический смех, дискредитирующий собственные идеалы и действия, входит у Достоевского в модель «широкого человека».

Ирония есть знак раздвоения личности. Итак, широта человека, с одной стороны, препятствует распределению людей по типам, а с другой — создает феномен двойничества, формируя на одной природной основе двух индивидов. В предварительных материалах к «Подростку» Достоевский говорит о Версирове: «В нем два типа — идеалист и непрерывно — прежний человек, совершенно греховный и мелочный» (16, 259). В идеалисте господствует сознание, в «прежнем человеке» — воля. Версиров стремится их соединить. Он говорит: «Если есть сознание, то есть и воля». Подросток возражает: «Это не одно и то же». Но Версиров настаивает: «Напротив — буквально одно и то же» (16, 154). Чем это кончилось, мы знаем: «осталась только половина прежнего Версирова» (13, 446), соединения сознания и воли не произошло.

Здесь нельзя не вспомнить глубокую статью М. О. Гершензона об автономности русского интеллигентского сознания, его отрыве от воли. Именно

это явление лежит в основе двойничества: ирония — в отличие от смеха — факт сознания, допускающего рефлексию. В круг наблюдений Гершензона, приведших его к мысли об отделении логического сознания от чувственно-волевого ядра человека, вполне могли входить произведения Достоевского, в которых соответствующий феномен представлен недвусмысленно и ярко как в образах героев, так и в их рассуждениях, а также в авторских текстах, в частности в Пушкинской речи. Мы не можем здесь останавливаться на этом подробно. Приведем лишь одну выдержку из статьи Гершензона, касающуюся распада личности: «Мы калеки, потому что наша личность раздвоена, что мы утратили способность естественного развития, где сознание растет заодно с волею, что наше сознание, как паровоз, оторвавшийся от поезда, умчалось далеко и мчится впустую, оставив втуне нашу чувственно-волевою жизнь» [3, 74] И немного ниже: «Это имеет последствием два явления. во-первых, сознание перестает руководить волею, бросает ее, так сказать, на произвол ее страстей, во-вторых, само оно, не контролируемое на каждом шагу той непогрешимой целесообразностью, средоточием которой является в нас воля, начинает блуждать вкривь и вкось, теряет перспективу, ударяется в односторонность, впадает в величайшие ошибки» [там же, с. 78] Здесь нельзя не вспомнить слова Мити Карамазова: «Что уму представляется позором, то сердцу сплошь красотой» (14, 100).

Итак, воля брошена на произвол страстей. Страсть есть совмещение противоположных чувств, прежде всего, любви и ненависти. «Знаю тоже, что в этом чувстве страсти можно ненавидеть и любить вместе. Столько же ненавидеть, сколько и любить», — говорит Ахмакова о Версилове (16, 374, ср. также: (16, 112, 157—158, 197, 433; 13, 263 и др.). *L'haine dans l'amour* — формула эмоциональных состояний Рогожина и Версилова, Дмитрия Карамазова и Катерины Ивановны, Настасьи Филипповны и Лизы

Итак, чувства дwoятся. Но дwoятся также и убеждения, ибо «убеждение есть чувство» (16, 209). Возникает феномен оборотничества, о котором писал Ф. А. Степун. Оборотничество состоит в совмещении несовместимых убеждений и вер [7, 214]; см. подробнее [1, 850].

Наконец, конфликт между природным человеком (волей) и сознанием приводит к трагедии веры. В материалах к «Подростку» о Версилове сказано: «и вот он выбирает Бога, т. е. природа его выбирает, потому что ум его в том иногда не участвует». Эти люди иногда страшно верят, т. е. не верят, а хотят верить, но желание *принимают* за самую веру» (16, 207; курсив автора). Разрыв между природой человека (волей) и сознанием оборачивается порочным кругом. Кириллов говорит о Ставрогине: «Ставрогин если верует, то не верует, что он верует. Если же не верует, то не верует, что он не верует» (10, 469) Проблема веры оказывается неразрешимой для всех персонажей, наделенных «усиленным сознанием» — Ивана Карамазова и Ставрогина, Кириллова и Версилова и даже Шатова, который на прямой вопрос Ставрогина о вере говорит, запинаясь: «Я я буду веровать в Бога» [10, 201] Человек как бы скользит «по широте» от одного конца к другому. Неслучайно Достоевский употребляет слова *все скользит* и *скольжение*, говоря о вере и атеизме

(16, 417, 426). Версиров, основное свойство которого «огромная широкость», как уже упоминалось, все время скользит от неверия к самой пламенной вере, и наоборот. Когда концы сходятся, вера соединяется, или совмещается, с неверием. В «широком человеке» возникают логические противоречия. Широта оборачивается внутренним и, прежде всего, нравственным беспорядком. «Беспорядок души от неверия» (16, 99). Идея беспорядка, хаоса, привнесенного в общество, семью и внутреннего человека атеизмом, проходит красной нитью через последние романы Достоевского. Общим правилом стало отсутствие правил. «Нет оснований нашему обществу, не выжито правил», — пишет Достоевский в черновом варианте предисловия к «Подростку» (16, 329). «Беспорядок поразил меня... Беспорядок нравственный Версирова, отсутствие начал. Один Макар в порядке, но разве он возможен?», — восклицает Подросток (16, 395—396). Слово *беспорядок*, выделенное то курсивом, то крупным шрифтом, то поставленное в качестве заглавия части романа (16, 130) и даже всего романа мелькает на страницах материалов к «Подростку» (16, 29, 34, 50, 52, 68, 80, 81 и др.). В подготовительных материалах Достоевский пишет: «Название романа "Беспорядок". Вся идея романа — это провести, что теперь беспорядок всеобщий, беспорядок везде и всюду, в обществе, в делах его, в руководящих идеях (которых по тому самому нет), в убеждениях (которых потому же нет), в разложении семейного начала. Если есть убеждения страстные — то только разрушительные (социализм). Нравственных идей не имеется, вдруг ни одной не осталось» (16, 80).

Спутником *беспорядка* нередко является очень значимая для Достоевского оппозиция *безобразия* — *благообразия*: «*Чувство беспорядка. Первое чувство безобразия*» — говорит Подросток (16, 351). Здесь мы не можем останавливаться на этих понятиях. Нам важно только подчеркнуть, что идея широты внутреннего человека, вмещающего противоположные чувства и несовместимые идеи, имела далеко идущие следствия. Так, внезапность поступков и реакций персонажей Достоевского, их неожиданность для окружающих и для самого агенса, маркированная едва ли не самым частотным в текстах Достоевского словом *вдруг*, непоследовательность их поведения легко объясняется неупорядоченностью внутреннего человека. Неупорядоченность часто оборачивается непорядочностью: предательством, кощунством и даже убийством. Вспомним вопросы Подростка: «Что это — широта или подлость?». Все «вдружи» Достоевского — от царящего в человеке беспорядка: «Беспорядок охватывал меня все больше и больше», — жалуется Подросток (16, 289).

«Расширение» внутреннего человека лишает его гармонии. Его образ становится мало эстетичным. Красота чувств становится безобразной. Напомним строки Лермонтова о «тайных бурях страстей»: *Но красоты их безобразной / Я скоро таинство постиг, / И мне наскучил их несвязный / И оглушительный язык*. Внутри человека возникает еще одно противоречие — эстетическое (см. также выше).

Подведем короткий итог.

«Склонность к всемирной отзывчивости и к всепримирению» Достоевский считал «всецело способностью русской, национальной». «Пушкин толь-

ко делит ее со всем народом нашим, и, как совершеннейший художник, он есть и совершеннейший выразитель этой способности» (26,131). Свойство «всемирной отзывчивости» проявляется по-разному на разных социальных уровнях и в разных формах деятельности. Пушкин обнаружил «способность всемирной отзывчивости и полнейшего перевоплощения в гении чужих наций» (26, 130) в своем творчестве, в созданных им образах, то есть в сфере искусства. В контексте жизни это свойство приобретает другие формы, становясь тем, что принято называть широтой русского характера, оцениваемой обычно положительно (см. об этом в статье А. Д. Шмелева в наст. кн.). Достоевский ясно видел не только положительные, но и отрицательные стороны «широты» внутреннего человека. Он показал, что расширение внутреннего пространства может повлечь за собой совмещение противоположных качеств и состояний — этических, эмоциональных, идейных и эстетических. Все эти свойства, качества, взгляды и эмоции, соприисутствуя во внутреннем пространстве человека, вносят в него хаос. В Нагорной проповеди Христос говорит: «Входите тесными вратами, потому что широки врата и пространен путь, ведущие к погибели, и многие идут ими; потому что тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их» (Мф. 7, 13—14). Тесные врата тесны для широкого человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М., 1999.
2. Блок А. А. Соч. в 8 т. М.—Л., 1960—1965.
3. Гершензон М. О. Творческое самосознание // Вехи. М., 1990. Репринт. изд. 1909 г.
4. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений в 30 т. Л., 1972—1990.
5. Крейдлин Г. Е. Национальное и универсальное в семантике жеста // Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке. М., 1999.
6. Рахилина Е. В. Семантика размера // Семиотика и информатика. Вып. 34. М., 1994.
7. Степун Ф. А. Мысли о России // Новый мир. 1991. № 6.
8. Топоров В. Н. О структуре романа Достоевского в связи с арханческими схемами мифологического мышления // Из работ Московского семиотического круга. М., 1997.
9. Цивьян Т. В. О структуре времени и пространства в романе Достоевского «Подрусок» // Из работ Московского семиотического круга. М., 1997.
10. Шмелев А. Д. «Широта русской души» // В наст. кн.

«СЛУЧИТСЯ ВСЕ, ЧТО ПРЕДНАЗНАЧЕНО...»
 (ПУТЬ И СУДЬБА В ИДИОСТИЛЕ М. КУЗМИНА)

Соотношение образов *пути* (107)* и *судьбы* (44) (ср. *рок* (8), *судьбина* (1)) в идиостиле Кузмина обусловлено религиозными, эстетическими и философскими взглядами поэта. Попробуем ответить на вопрос, почему *путь* становится *судьбой* лирического субъекта Кузмина.

Кузминская метафизическая концепция *пути* причудливо переплавляет учения гностиков (в частности Плотина), Платона, Гамана, раннехристианские и старообрядческие представления, а также опыт собственной духовной жизни.

В своей эстетике Кузмин отталкивался от мысли Плотина о том, что человеческая душа — странствующий, беспокойный дух — мечется и тоскует о единении с богом, поскольку она оказалась в дольном мире.

*В золоченой утлой лодке
 По зеленому пространству,
 По лазури изумрудной
 Я [душа] ждала желанных странствий*

(1917—1918, Нездешние вечера)**

Человеческая душа может постепенно утратить самое себя и погибнуть, если человек не обрекает себя на вечный странника, ищущего красоту, духовно сливающегося с ней и тем самым приближающегося к благу, к истине. В гностицизме понимание пути к спасению предполагает прежде всего самопознание человека: *Один лишь путь, то путь к себе, я знаю, / Другого нет пути в любви страну* (1908, Осенние озера). Среди главных вопросов приверженцев гностического учения находим и такие, как *Где наш путь? куда, откуда?* (1909, Осенние озера).

Дневниковые записи и письма поэта также содержат отголоски этих идей. Цель своей жизни Кузмин видит в *пути*, в котором он сможет наполнить свою опустевшую душу. Ср. письмо от 3 октября 1901 года Чичерину: «И ничто не повторяется, и возвращающиеся миры и содержания являются с новым светом, с другой жизнью, с не прежнею красотой. И так длинный, длинный путь***, и все вперед, к еще другому восторгу без конца и без успокоения» [1, 71].

* Конкорданс поэтических текстов М. Кузмина подготовлен при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 95 06-17344). Работа выполнена на базе основного собрания стихов, опубликованных в издании Кузмин М. Стихотворения / Вступ. ст., сост., подгот. текста и примечания Н. А. Богомолова. СПб., 1996. Далее цифра в овальных скобках после слова обозначает абсолютную частоту употребления.

** В скобках после стихотворных строк указывается год написания и название книги или цикла.

*** Подчеркнуто мной — А. Г.

Не случайно в идиостиле Кузмина образ *пути* является одним из доминантных как по статистическим показателям, так и по смысловой нагруженности. Лексема *путь* входит в десятку самых частотных знаменательных слов (общее количество словоупотреблений в поэтических произведениях Кузмина — 64799). На *путь* приходится 107 употреблений, которые в 70% случаев являются переносными. Достаточно обширно семантическое «окружение» данного слова: *всадник* (9), *дорога* (49), *дорожка* (2), *моряк* (9), *полет* (12), *прогулка* (17), *путешествие* (2), *путник* (10), *путь-дорога* (1), *стезя* (3), *странник* (12), *странствие* (6), *тропа* (7) и др.

Биографический Кузмин говорил о себе: «[я] какой-то вечный «бегун» или «странник»» [9 Ноября 1908 г., письмо к Иванову Вяч. И.; Ф. №109, карт 28, ед. хр.29]. В минуты душевного кризиса он описывает свое состояние как угнетающее ощущение пустоты (ср. письма девятисотых годов: «...меня не приводит в трепет ни Вагнер, ни Палестрина, ни даже Моцарт [Только когда я читаю о Плотине, я чувствую нечто похожее на прежнее, к моему горю], я всем интересуюсь, все пишу, везде хожу, но без любви и настоящего, <... >, и я ношу всюду свою пустоту, не видя ничего впереди, дееспособный и здоровый, вспоминая о мечтах больного» (цит. по [1, 47]).

Желание Кузмина преобразить свою жизнь связано с идеей возрождения души, очищения. «Очищение может быть в странствиях и мытарствах» (цит. по [7, 347]). «Если я пребуду тверд, то я уйду или в олонецкие поморские скиты, или в белую Криницу, если же малодушен (ибо нужно все предвидеть), то в хороший православ <ный> монастырь...» (цит. по [1, 67]; письмо не датировано).

Это движение души к совершенству — стало основанием всей жизни поэта. Кузмин по-своему интерпретировал платоновскую идею познания прекрасного. А возникшая в платоновском «Пире» [211 b-e] знаменитая иерархия красоты была проиллюстрирована как в поэтических, так и прозаических текстах поэта. У Кузмина символика материального мира как «теней идей», как отображения вечно и первично существа переосмысливается, дополняется иной: двуединство мира дольного и горнего для Кузмина становится двуединством тела и духа: *Рождается тело небу угодно, / Угоден небу и рождаемый дух...* (1922, Параболы). Ср. концовку рассказа «Хорошая подготовка» (1916): «...добродетельная Лавиния приобрела себе верного и спокойного мужа, а Гаetano, совершив обычный путь влюбленных, достиг желанной цели.» [4, 658].

Большое влияние на формирование жизненных взглядов Кузмина оказал немецкий философ Гаман. Настаивая на первенстве «естественного» и конкретного надо всем искусственным и абстрактным, Гаман отвергал все застывшие системы и идеи. Наверняка не без влияния «северного мага» (так называли этого философа, основоположника философии чувств) Кузмин заявляет в Декларации эмоционализма — нового направления искусства: «Эмоционализм признает только феноменальность и отвергает общие типы, законы, считая единственно обязательным закон смерти» [Декларация эмоционализма, 1923 г.].

Истина не заключена в каком-то одном отрезке времени, и менее всего — «вечном настоящем» какой-либо системы идей. Истина познается только в движении, возможно, и создается движением к ней и с ней. Она открывается на протяжении жизни человеку, обладающему терпением и смирением: *Смотри: я путь прошел, не запятнавши ризы* (1908, Осенние озера). Все-таки направление движения выбирает не сам человек, им руководит чья-то воля:

Все можем мы. Одно лишь не дано нам:

Сойти с путей, где водит тайный рок

(1910, Осенние озера).

Поэтому, в текстах Кузмина можно встретить оксюморонные сочетания: *вольный ярем, покорная и свободная; Едина цель и волея твой ярем, / Покорная, свободная дорога* (1919, Эхо).

Путь лирического субъекта Кузмина хоть и направляется высшей силой, однако может быть определен как *странный* и *капризный*: *Мы собираемся в странный путь* (1907, Сети); *Я знаю тайно, вне сомненья, / Что неизбежен странный путь* (1912—1913, Глиняные голубки); *Так юношеское житье / Идет капризными путями!* (1927, Форель разбивает лед). Прилагательное *странный* сопоставляется с определением *странничий*: *Ах, нужен лик молебный грешнику, / Как посох странничий в пути* (1907, Сети); *Странничий перстень, друг, не забудь* (1922, Параболы). В данных контекстах происходит контаминация смыслов: «непонятный и потусторонний», этимологически восходящих к одному корню: *сторона* (ср. у Даля: «странный и странний — сторонний <...>; нездешний <...>; прохожий, путник», [2, 335]). На игре разных оттенков слова *странничий* построено и заглавие стиха 1917 г.: «Странничий вечер».

И все же Кузмин верит, что судьба сама выведет человека на нужный путь: *Кем ты, путь мой дальний, велен: / Судьбами ль правыми?* (1911, Осенние озера), *Таинственной связаны судьбою, / Мы ждем, какой удел постигнет нас.* (1910, Осенние озера), *Кто любит, возвышается и верен, / В пустынях райских тот не одинок, / А путь задолго наш судьбой измерен.* (1922, Параболы), — *Я далеко не фаталист, / Но считаю, что все уходы / Нам предписывает судьба. / Тешимся детски свободной волей, / А уходим, окончив роль.* (1928, Форель разбивает лед).

Религиозный подтекст вычитывается во многих стихотворениях Кузмина, в которых путь человека соотносится с путем Христа: *Не забудем, не забыли. / Мы ночной канунный путь* (1913, Глиняные голубки).

Герои Кузмина обречены судьбе: *Я странной обречен судьбе* (1916, Вожатый), *Конечно, Вы судьбе другой / Обречены. Любовь и слава!* (1924, Новый Гуль). Проявление собственной воли в выборе жизненной дороги оценивается поэтом как ошибка, ведущая к разрушению гармонии между миром и человеком. Так Кузмин пишет о М.Ю. Лермонтове: *К земле и людям равнодушен, / Привязан к выбранной судьбе, / Одной тоске своей послушен, / Ты миру чужд, и мир — тебе* (1915, Нездешние вечера). Лермонтов остался один на один со своей тоской, так как решился выбрать себе судьбу.

А лирический субъект Кузмина часто не знает даже о конечной цели пути: *Неизвестен путь далекий: / Приведет, иль заведет* (1907, Сети). Однако догадывается, что этот путь связан с путем познания тайны мира и любви: *Если мы не кастраты и соки, / Путь — наш удел* (1922, Параболы).

Именно по пути влюбленных ведет Вожатый, который, в соответствии с основным принципом поэтики Кузмина — «узнавании единой сущности в разнокачественных символах» (по Р. Д. Тименчику) принимает облик Эроса, Архангела Михаила, Вергилия, Гермеса: *Тот же я, но нежным взором / Преграждает путь к позорам / Ангел мой; Мудро нас ведет рукою / Кто послал на этот путь* (1907, Сети); *Мой вождь прекрасен, как серафим, / И путь мой — ясен.* (1908, Сети); *Случится все, что предназначено, Вожатый нас ведет* (1913, Вожатый).

Судьба расставляет любовные сети на пути человека, а человек должен ей покоряться: *Вы мыслите разъединить / Тех, что судьбой навеки слиты, / И нежную расторгнуть нить, / Которой души наши свиты. / Но что вы знаете о ней* (1911—1912, Осенние озера), *Опять плету венок любовных роз / Рукою верною и терпеливой.* (1910, Осенние озера).

Когда лирический субъект плетет венки / сети любви, он как бы забывает о судьбе, которая у Кузмина представлена в образе прядущих сестер (три Мойры — богини судьбы, дочери богини Ананке («необходимости»), вращают мировое веретено): *Отрадно провести весь день в прогулках пестрых / Отдаться в сети черт пленительных и острых, / В плену часов живых о темных, тайных сестрах, / Зевая, забывать* (1907, Сети).

Нити связывают сердце с сердцем. Но эти связи — тайна, рационально их объяснить невозможно. Наверное, поэтому в идиостиле Кузмина много иррационального: например, он пишет стихотворения-загадки. Поэт часто вводит читателей в заблуждение. Так, над стихотворением «Есть у меня вещица...» из цикла «Панорама с вывесками» бьется уже ни одно поколение исследователей творчества поэта. Кушнер предполагает, что эта вещица — пластинка, Синяевский — кристалл. «Фигурой умолчания повествованию придается интрига, которая нас завлекает и ведет по тексту, подобно тому, как таинственная вещь ведет автора по жизненному пути и руководит им в самые трудные минуты» [5, 67]. Идея постоянного движения предполагает постоянный поиск. Открывает перспективу, в которую предлагает заглянуть Кузмин своим читателям.

Творческая фантазия Кузмина переносит читателя во многие страны мира. Произведения поэта переполнены географическими названиями: Америка, Византия, Китай, Россия, Италия, Голландия, Египет, Германия, Гренландия — вот далеко не полный перечень стран, которые встречаются в текстах (подробно о «петербургском тексте» см. [5, 17]). Тем не менее, «реальности Кузмина сомнительны и обманчивы, надежны лишь «узоры», высвобождающие образы искусства из-под власти «реальной» пространственно-временной необходимости» [6, 17]. В предисловии к своему сборнику «Условности» Кузмин писал: «...освобождение от этих понятий [время и пространство] (всегдашняя мечта человечества) можно наблюдать только в области искусства, простейших чувств, исконных движениях духа и анато-

мического строения человеческого тела. Конечно, каждый художник живет во времени и пространстве и потому современен, но интерес и живая ценность его произведений заключается не в этом» [3·7].

Главный путь, который интересует Кузмина — это путь Духа. «Главным образом меня интересуют многообразные пути Духа, ведущие к одной цели, иногда не доводящие и позволяющие путнику свертывать в боковые аллеи, где тот и заблудится несомненно. Мне важно то место, которое занимают избранные герои в общей эволюции, в общем строительстве Божьего мира, а внешняя пестрая смена картин и событий нужна лишь как занимательная оболочка, которую всегда может заменить воображение, младшая сестра ясновидения» [3, 563] «Занимательную оболочку» многие читатели и даже исследователи часто принимали за чистую монету. Например, цикл «Путешествие по Италии» из сборника «Параболы» воспринимался как описание имевшего места в реальности. На самом деле, это воображаемое путешествие Кузмина со своим другом Ю. Юркуном: *Где же море? Где же фарос? / Океанский пароходик? / Ты сидишь со мною рядом, / и не едем никуда, / Но похоже, так похоже?*

Однако метафизический путь лирического субъекта Кузмина имеет и материальные ориентиры — сад, долина. *Куда бы не пришлось идти, — / Все этот сад мне по пути* (1927, Форель разбивает лед); и географические пункты: *Голландия! Конец пути.* (1927, Форель разбивает лед); и свои средства передвижения: *автомобиль* (2), *баржа* (1), *бот* (1), *ботик* (1), *дилижанс* (1), *корабль* (14), *ладья* (4), *лодка* (16), *лодочка* (5), *машина* (3), *паровоз* (1), *пароход* (14), *плот* (1), *поезд* (1), *сани* (1), *санки* (2), *повозка* (2), *судно* (2), *челн* (2), *челнок* (3), *паром* (1), *тележка* (2), *трам* (разг.) (1), *трамвай* (2), *экипаж* (1)

Идеи путешествия и странствия заложены в названия многих поэтических произведений и циклов стихотворений: *Прогулка на воде*, *Радостный путник*, *Странничий вечер*, *Хождение Богородицы по мукам*, *Веселый путь*, *В дороге*, *Путешествие по Италии*. Сюжетные ходы других стихотворений также состоят из описания «пути любви» — поэма «Всадник», 1908, странствий Эроса (по концепции Платона) — цикл «Для Августа», 1927.

Таким образом, почти все произведения Кузмина переполнены метафорикой пути. Даже взаимное обладание описывается Кузминым как путешествие: *«Дома я читал дневник и стихи; потом стали нежны, потом потушили свечи, постель было сделана; было опять долгое путешествие с несказанной радостью, горечью, обидами, прелестью. <...> Я безумно его люблю»* (дневниковая запись от 22 ноября 1906 (1907?) года, цит. по [1, 122]).

В конце концов, путь для Кузмина становится основой полноценной жизни и творчества, его судьбой:

Мы путники: движение — обет наш,
Мы — дети Божьи: творчество — обет наш,
Движение и творчество — жизнь,
Она же Любовь зовется.

(1922, Параболы).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Богомолов Н. А., Малмстад Джон Э.* Михаил Кузмин: искусство, жизнь, эпоха / Новое литературное обозрение. Научное приложение. Вып. V. М., 1996.
2. *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 4. М., 1994.
3. *Кузмин М.* Условности. Статьи об искусстве. Петроград, 1923.
4. *Кузмин М.* Подземные ручьи. Избранная проза. / Сост., послесловие и прим. А. Пурина. СПб., 1994.
5. *Синявский А.* «Панорама с выносками» Михаила Кузмина // Синтаксис. Париж, 1987. № 20. С. 58—72.
6. *Топоров В. Н.* К «петербургскому» локусу Кузмина // М. Кузмин и русская культура XX века. Тезисы конференции. Л., 1990. С. 17—25.
7. *Шмаков Г. Г.* Блок и Кузмин (новые материалы) // Блоковский сборник 2. Тарту, 1972. С. 341—364.

ПРОСТРАНСТВО ЖИЗНИ И СМЕРТИ В ДВУХ ЦИКЛАХ СТИХОВ ВЯЧЕСЛАВА ИВАНОВА

В работе анализируется семантика пространства в двух известных циклах стихов Вяч. Иванова, относимых С. С. Аверинцевым к «едва ли не лучшему из того, что он написал» [1, 98]. «Зимние сонеты» и «Римские сонеты»¹, о которых пойдет речь, были написаны Вяч. Ивановым в период с 1919 г. по январь 1925 г., соответственно в России (Москва, Серебряный Бор) и в Италии (Рим). Запечатлевая образы реальных географических пространств, оба цикла насквозь мифологичны и глубоко символичны. Культурно-историческое здесь сложным образом переплетается с конкретно-биографическим и природным, земное с «запредельным», внутреннее с внешним, составляя общий контекст судьбы поэта, свидетельствуя о некоем общем ритме его душевной и духовной жизни, где Жизнь встречается со Смертью, а после всякого конца остаётся надежда на поворот событий и улыбку счастья.

Первый из циклов — «Зимние сонеты» — ярко отразил и общую атмосферу жизни в России 20-х годов, и печальное для поэта время, когда среди разрухи, голода умирала Вера Шварсалон — его последняя любовь. По «З. с.», напишет позже в своих воспоминаниях об отце Л. Иванова, можно догадаться, «какой ад у него был тогда на душе» [2, 84]. «Римские сонеты» начаты были Ивановым сразу же по приезде в Рим (сентябрь 1924 г.), а уже к январю 1925 г. весь цикл, состоящий из 9 стихотворений, был завершён. К этому времени относится и запись в его Дневнике: «Нагулял себе запас римского счастья»².

Оценку первого цикла обычно связывают с именем А. Ахматовой, которая кратко констатировала: «А вот «Зимние сонеты» — это да». О стихах второго цикла, «воспевающих с нерастрченным юношеским восторгом красоту Вечного города», С. Аверинцев [3, 188] говорит как о большой удаче поэта. И если «Р. с.», вне всякого сомнения, больше «идут» Вяч. Иванову — славословию, неизменно возносящему благодарение миру, то и «З. с.» отнюдь не случайное звено в его творчестве. Их трагизму и скорби можно найти много соответствий у поэта, в том числе и эти строки: *Жизнь-Смерти гимны* («Сестина», 1910 г.).

Обусловленность появления «З. с.», а затем и столь контрастных им «Р. с.» конкретным локусом, местом проживания поэта, а также отражение в них особенностей и поворотов личной судьбы должны быть поняты и в ряду других фактов его поэтической биографии. Среди них свидетельство того, что работе над «З. с.» предшествовало написание поэмы «Младенчество» с её атмосферой созерцательного покоя, идилличности, гармонии, а после завершения «Р. с.» Иванов переживает тяжёлый внутренний кризис. В этой смене душевных состояний, внутренних ритмов и поэтических тем можно увидеть неслучайное сходство со смыслами любимого Вяч. Ивановым мифа о Диони-

се — умирающем и воскресающем Боге³, и проявление одного из важнейших принципов античной риторики, состоящего в ее универсальном подходе к вещам и проявляющее себя в эпиграмматических текстах поэтов классической древности в том, что «пессимистический» текст уже несёт в себе как собственную импликацию свою «оптимистическую» обратимость [5, 177]. Художественное отражение пространства в «З. с.» определяется восприятием зимы как символа смерти, столь родственным мифологическим и календарным представлениям об этом времени года. Это восприятие реализуется в метафорах *светел мертвый снег* (1)⁴, *кладбище сугробов* (2, 8), *реквием метели ледовитой* (2) и примыкающих к ним: *немые сугробы* (3), *пелена зимы* (8), *острог зимы* (11) с заключенной в них идеей ограничения, умаления жизненного пространства. К этой группе примеров должны быть отнесены и строки с прямой характеристикой лирического героя как умирающего или умершего, см.: *О, не ищи под саваном меня* (3), *Как дуб под снегом* (4), *я лежу на дорогах, Уставя к небу мёртвый, острый лик* (7), *В ночь зимнюю пасхальный звон ловлю, Стучусь в гроба и мертвых тороплю, Пока себя в гробу не замечаю* (1). Соответствие зимы — смерти и смерти — зиме получает в цикле и более частную реализацию, проявляющуюся в сближении этимологически родственных слов *гроб* и *су-гроб* (см. сонет (3), где оба слова употреблены в начальной и заключительной строках в последовательности *сугробы — гроб*, и (2) сонет с предваряющей указанное сближение метафорой *кладбище сугробов*).

Пространственное ощущение смерти-зимы связано для лирического героя Иванова, в первую очередь, с природным миром и властью действующих в нем стихий. Пространство стихотворений заполняют: Лес торжественный и поля безбрежные, тёмный бор и степь застылая, луна и ветер ночной, хлад звездных копий и Созвездья Рыбы. Преобладание в нём горизонтали подчеркивают образы пути, глухих дорог и содержащие эту идею обозначения способов движения скольжение лыж, саней прямой полет, дроги, поезд теневой. Динамизируют это пространство, актуализируя в нем природный компонент, развернутое сравнение-метафора *Быстрей оленя туч подлунных бег*, образы рыскачего волхва, вора лютого, серого волка, вообще зверя, а также коня, ветра ночного, плывущих созвездий. Это холодное, равнодушное к человеку или прямо угрожающее его жизни пространство, получающее и в своей вертикальной организации горизонтальную перспективу, оказываясь то вытянутым и узким, то обширным и безбрежным, безграничным, см. *Грозя висит хрустальная громада* (9), *Февральские плывут в созвездьях Рыбы, Могильные лучом пронзают глыбы* (11), *А сон полей безвестен и безбрежен...* (1). Этому пространству природного и космического мира соответствует в цикле не менее опасное городское пространство, где *мнится, дух чумы Прошел* (8), — то открытое и более пространное, то замкнутое и прячущееся, см.: *Пустырь окрест под пеленой зимы, И кладбище сугробов — переулоч, ...и жизнь пустой своей тюрьмы В потайных схоронилась закоулоч* (8).

В этом внешнем пространстве с чертами национально-природного и культурно-исторического образа России много примет внутреннего пространства. Однако внутреннее пространство имеет в цикле и свою, более самостоятель-

ную линию развития, прямо заявленную в начальном образе сонета (3): *Зима души*. По своей семантике это внутреннее пространство души героя противоречиво, двойственно. Заявляя сначала о себе как о пространстве вечного сна, могилы, застылости, оно вдруг обнаруживает способность к резкому качественному изменению и вытягиванию по вертикали, оставаясь в какой-то части тождественным себе прежнему, ср.: *Свой гроб влечит двойник мой, раб покорный, Я ж истинный, плотскому изменяя, Творю вдали свой храм нерукотворный*. Но не точнее ли будет сказать, что с появлением символа храм в этой точке лирического сюжета начинает существование иное, пограничное по своей природе, пространство — *меж явью и виденьем* — и открывающее себя лирическому герою в «мечтанье сонном», в «сновиденье». Среди других знаков этого пространства — Муза, Небесная, Изидины чертоги, вожатый, Пресветлая Жена, Психея, а также предикативно-характеризующая конструкция: *Превыспренных бесплотных легкокрылость*. Его связь с первоначально заданным пространством внутреннего мира и преобразующая сила даны в метаморфозе: *В лес лавровый холодная тюрьма Преобразилась Музы нисхождением* и подготавливающих её появление в тексте двух лаконичных конструкциях с прямой характеристикой лирического субъекта: *Я праздную, Очей бежит дрема* (см. сонет (4)). Динамизм этого качественно нового пространства с его восходяще-нисходящими линиями (см. храм — символ восхождения в горный мир и образ нисходящей Музы: в (3) и (4) сонетах) обнаруживает себя и в ярко выраженной тенденции к саморазвитию, к качественному изменению своей структуры. Так, в сонете (7) мы уже видим двухчастное и контрастное пространство, а его противопоставляемым частям соответствуют разные проявления лирического героя: то он тайным учеником бродит в Изидиных чертогах, то видит себя «здесьним», на дрогах, с мёртвым, острым ликом, обращённым к небу, — в мире, где месячно и бело на дорогах. Остается оно двухчастным и в начале (9) сонета, в противопоставленности частей достигая при этом некоторых умозрительных пределов, обозначаемых с помощью пространственных дейксисов «там» и «тут». В этой точке развития лирического пространства можно говорить и о преодолении границ внутреннего опыта, о выходе за его пределы. С дейксисом «там» связано обозначение поднебесного пространства, *где в вышних ночи славы торжество, Превыспренных бесплотных легкокрылость*. Дейксис «тут» указывает на ближайшее к позиции лирического героя пространство, о котором в начале сонета было сказано: *Твое именованье — Сиротство, Зима, Зима!* и для характеристики которого лишь в одном этом сонете привлечено множество лексем со значением лишительности, отсутствия, негации, см.: *Сиротство, скорбный, унылость, глухонемых, немилость, вдовство, безвестье, беспамятство, застылость*. Пространство «там» и «тут» с их признаковыми характеристиками связаны лишь точкой зрения субъекта восприятия и речи. В своих сущностных свойствах это предельно противопоставленные и удалённые друг от друга пространства: одно безусловно положительное и далекое относительно позиции лирического «я», другое — более проработанное и сложное, но в высшей степени насыщенное отрицательными смыслами и в этом своем качестве оп-

ределяющее тип страдающего лирического героя. Такое завершение получает одна из главных линий развертывания внутреннего пространства в цикле «З. с.» и к середине их (9) сонета

Однако уже в (9) сонете присоединительной конструкцией *А в недрах* — *Солнца. Солнца рождество!* и заключенными в ней символами *недр* и *Солнца* предопределяется изменение лирического пространства. Как указывал М. М. Бахтин, солнце для Вяч. Иванова — это Дионис и «солнце жара, полдня, страсти». Оно связывается, пишет тот же автор, с символом страдания и распятия, страдания и любви, страдания и смерти и «с самого начала одиноко, обречено на одиночество, и этим оно связано о Дионисом» [6, 380]. Но как бог «умирания мученического» Дионис, по словам самого Вяч. Иванова, символизирует собой и рождение «сокровенной жизни в чреватых недрах смерти» [7, 29]. Следовательно, и с образом-символом Солнца в контрапунктической строке (9) сонета связано рождение нового пространства жизни. Его первоначальная структура задана здесь главным из пространственных символов *недра* (см. корнесловы к нему и иллюстрации к ним из литературы эпохи средневековья у Срезневского и Дала⁵), обозначающего узкое, скрытое от глаз, точечное почти, малое пространство. Это нарождающееся пространство в какой-то части своих признаков (страдательности, тесноты) сохраняет связь с пространством прежней жизни как смерти, но в целом является отрицанием прежнего. В последующих трёх сонетах цикла (10, 11, 12) можно наблюдать его постепенное развитие и развёртывание. Явленное в нём соответствие земного и небесного, природного и человеческого, внутреннего и внешнего приобретает гармонический и жизнеутверждающий, хотя и не окончательный характер. Один из главных его символов из заключительных стихов (12) сонета — символ пасхального звона напоминает слова хорошо известного всем тропаря. «...смертию смерть поправ, и сущим во гробех живот даровав»

Новому, нарождающемуся пространству соответствует и другой тип лирического героя: в нём теперь «душа бодрa» и *За огонек воспламенный тревога В себе и в милом ближнем* (10). Сострадание, деятельная любовь и вера — вот что становится смыслом его жизни в еще так мало изменившемся пространстве бытия (ср.: *Ты — бытие, но нет к тебе следа* из (12) сонета). Вслед за лирическим героем, каким он предстает в заключительных стихах последнего сонета, многие могли бы повторить и выстраданные и лишённые всякой торжественности слова:

Но и в мечтанье сонном я люблю,
Дрожу за милых, стражду, жду, встречаю...
В ночь зимнюю пасхальный звон ловлю.

Сказанное выше о пространстве «З. с.» позволяет сделать некоторые выводы о его поэтическом языке.

Наиболее значительный класс слов, участвующих в формировании пространства смерти в «З. с.», составляют имена природного мира: *зима, ночь, сугробы*, лексемы с собственно пространственной семантикой. *степь, поля,*

лес. Ключевые позиции при этом занимают слова, относящиеся к тематической группе зимы. Имена с собственно пространственной семантикой выражают при этом идею безбрежного (иногда открытого), равнодушного к человеку или угрожающего ему пространства. Сочетание «зимних» слов с лексемами, обозначающими атрибуцию человеческой смерти: *тюрьма, острог, гроб, кладбище* — представляют наиболее сильные образы пространства смерти. Отрицательный аспект связи с пространством смерти таких символов, как *дорога* и *путь*, создаётся за счёт употребления определений соответствующего класса: ср. *глухих дорог, прямой путь*. В целом пространство смерти в «З. с.» формируется при участии весьма значительного числа лексем различных классов, имеющих значение 'лишительности', 'отсутствия', 'негации'.

Пространство жизни в «З. с.» представлено прежде всего традиционными символами с безусловно положительной семантикой: *храм, недра, насхальный звон* — и мифологическими именами: *Муза, Изидины чертоги, Пресветлая Жена, Солнце*. Все они принадлежат культурной традиции, включая и те из них, которые сохраняют связь с природным миром.

К ним примыкают немногочисленные названия сезонов и частей суток: *весна, утро* и др., а также символы дома и очага: *хижина, стены, кров, очаг, уголок, котелок*, — обозначающие малое, хранящее тепло пространство (на него указывают также слова природного мира: *нора, берлога, лог*). Более многочисленную группу составляют элементы текста, образующие оппозиции, вторыми членами которых формируется противоположный образ пространства, ср.: *весна — зима, тепло — холод, утро — ночь, влага — лёд, убежище — степь, огонь — застылость, радость — смерть, рождение — смерть, любовь — смерть* и др.

Противостояние и борьба двух пространств выражается в «З. с.» системой многочисленных противопоставлений, контрастов и переходов, динамичной позицией лирического героя. Контрастному — белому и чёрному — пространству смерти, одновременно тесному и беспредельному, здесь противопоставлено удерживающее свет (см.: *лампада, искра, огонек*) или рождающее Солнце очень малое, но способное к расширению пространство жизни с присутствующими в нём синим и зелёным цветами (ср.: *синеет... дол, лес лавровый*). Разным образам пространства соответствует и разный тип лирического героя⁶. Таким образом, лирическому герою, вовлечённому в игру стихийных и враждебных человеку сил и переживающему глубокое сродство с пространством смерти, противопоставлен другой тип героя — преодолевающий инерцию смертной стихии, застылости и способный быть причастным к рождению нового пространства — пространства жизни и любви. Истоки его духовной силы — в религиозном и художественном творчестве, в природе.

В «Римских сонетах» пространство жизни торжествует — и это главное впечатление от цикла, посвящённого Риму⁷. Об отражении топографии города в цикле вспоминает дочь поэта: «В каждом из них (сонетов — А. Г.) описываются улицы и площади, близкие к нашей квартире, соседний Квиринал и статуи на площади перед дворцом <...> Баркачча, фонтан на пьядца ди Спанья, тритон соседней с нами пьядца Барберини, черепахи, которых навес-

шал Вячеслав после работы в Библиотеке, расположенной тогда недалеко от них <...> Фонтан Эскулапа на вилле Боргезе, монументальная Треви, «весть мощных вод», куда мы заглядывали по воскресеньям, после обеда в маленькой траттории. И наконец, Пинчио, откуда любовались горящим закатом над лежащим перед холмом городом...» [2, 139—140]. Однако мифологический, историософский и метафизический план «Р. с.» и связанный с ним образ пространства оказывается здесь не менее значительным, чем черты реального города в его непосредственном восприятии поэтом.

Римское городское пространство определяется в цикле соотносённостью двух образов: Рима и мира (все случаи их смыслового и фонического сближения были глубоко проанализированы В. Н. Топоровым [12, 211—212]). Восприятие Рима как центра мирового пространства дано уже в первом сонете цикла с его метафорой *царь путей* — русским переводом древнего титула города «*Regina Viarum*». Динамический аспект римоцентричного мирового пространства создаётся здесь не только символом *пути*, но и другими элементами текста, выражающими идею движения как исхода и возврата⁹: метафорическим определением *скитаний пристань* в (1) сонете, самохарактеристиками лирического героя как *пилигрима* и *беглеца* (1 и 8), словообразовательным рядом *возврат, возвращал* (8), наречием *вновь* (1). И если путь лирического героя в направлении от Рима характеризуется как невольный, то обратный путь в направлении к Риму отвечает сокровенным желанием лирического героя и его тайным обетам городу (см. словоупотребления *молитва, договорные обеты, пилигрим*). Не случаен и параллелизм, смысловой и психологический, начальных стихов (1) сонета и заключительных (8): *Вновь арок древних верный пилигрим* и — *Счастливого, как днесь фонтан волшебный, Ты возвращал святыням пилигрима* с их определением древнего города как *святыни* и соответствующей этому его качеству характеристикой лирического героя: *пилигрим*, с их мыслью о *возврате*. При этом подчёркивается верность лирического героя городу — и в духе христианской традиции как личная верность [14, 127], а также счастье возвращения в него. Предикаты и их составные части *счастливый, (я) веселюсь, люблю, сладостно, светел дух* — характеризуют не только состояние лирического героя, но качественно определяют и объект его чувствований (9).

Сравнение-метафора *как свод родного дома* из (1) сонета цикла сразу же вносит во взаимоотношения города и героя личный, почти интимный мотив. Отсылая к «образу обжитого и упорядоченного мира, ограждённого [14, 153] от безбрежных пространств хаоса» [14, 153], дом в системе авторской [13, 177] символики выступает ещё и знаком «собираения себя» [13, 177]. Лексемы *свод, арки* задают вертикальный образ города как дома и мира, а параллелизм сравнения *как свод родного дома* и *синего свода небес* из (1) и (7) сонетов определяет вертикальную перспективу римского городского пространства, заключая в себе мысль о сходстве человеческого и природного, о близости небесного и земного в их гармонической соотносённости. Завершает эту линию развития смыслов образ синего Купола в его торжественном и благоговейном восприятии лирическим героем: *Один / На золоте кружится синий*

купол, — символизирующий присутствие горнего в дольном, встречу небесного с земным (см. заключительные стихи (9) сонета).

Восприятие Рима через Трою — историческую и духовную родину Рима, мерцание сквозь эти два имени образа недавно покинутой России, определяет и содержание, и эмоциональное звучание, и структуру пространства не только в (1) из сонетов цикла, где сказано словами Энея: «Мы Трою предков пламени дарим»¹⁰, а слова, обращённые к Риму: *И ты пылал и восставал из пепла, И памятливая голубизна Твоих небес глубоких не ослепла*, — как верно было замечено С. Аверинцевым [1, № 4098], поэт мог бы обратиться к самому себе. Восприятие судьбы Трои, и судьбы Рима, и России, и своей собственной в нескончаемой перспективе смертей и возрождений характеризует и стоящий за ними образ пространства — открытого смерти, но всегда способного к возрождению.

Пространство «Р. с.» насыщено мифологическими именами: боги-пришлецы (т.е. Кастор и Поллукс)¹¹, Тритон, Асклепий, Нептун, Влага-Дева, а также именами, символизирующими высшие достижения культуры: Пиндар, Гоголь, Иванов, Бернини, Пиранези, Лоренцо. Все они объясняют или характеризуют римское пространство, которое предстаёт в холмах — Квиринальском и Пинччо, с узкими, но людными улицами и оживлёнными переулками, с башнями и обелиском над площадью Испании, с лестницами, домами, шорохом пальм, красным клёном у водоёма, пиниями. *Камень и вода* — ключевые символы этого пространства, Их сходжение в образе *фонтана* — а в «Р. с.» мы находим описание или упоминание 10 фонтанов Рима! — глубоко символично и многозначительно. Неизменность и вечное движение, твёрдость формы и безудержность стихии, природное и культурное в их единстве, не упраздняющем антиномии, и — движение: от «истока» к «истоку»! — таковы главные, но не единственные смыслы этих символов. *Вода* как главный символ жизни входит здесь и в состав метафор: *играющие воды и Весть мощных вод*¹², к ней отсылают и образы *Ютурнской влаги и влаги родников счастливых*, и *струй* — то журчащих, то пронзающих лучом воздух синий, и, конечно, образ *моря*, в составе метафорического сравнения из заключительного (9) сонета: *Зеркальному подобна морю слава Огнистого небесного расплава*. В этом жизненном пространстве города-мира стихия демонстрирует свою подчинённость форме, а форма удерживает «стихийную причудливость линий».

Многоцветное пространство «Р. с.» насыщено светом, воспринимаемым как «деятельность Божия» [15, 60]. Золотой и солнечный, медвяный, огнистый и огненный, вообще светлый указывают на высший предел интенсивности света, связанного с формированием сакрального пространства. Но это пространство включает и цвета с меньшей интенсивностью проявления света: оранжевый, красный, голубой, синий, зелёный, цвета бронзы и серебра. Многоцветное разнообразие и световое великолепие этого пространства соответствуют определению Рима как святыни, и свидетельствуют о благодатном состоянии города-мира и его поэта.

Немногочисленные, но весомые знаки смерти (*Троя* и предикаты к ней, *Асклепий*, *мертвящих стуж* и др.) теряют свою силу в торжествующе победительном и полном праздничного великолепия пространстве жизни, явленном в «Римских сонетах», которые продолжают нас волновать «юношеской силой таланта и совершеннейшей красотой».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Далее в сокращении «З. с.» и «Р. с.»

² От 5 декабря 1924г. Цит. по [2, 139].

³ Одна из его поэтических интерпретаций Вяч. Ивановым — «Тризна Диониса», которая, кстати, была написана в Риме в 1895г и первоначально была озаглавлена «Зимние Дионисии» [4, 454].

⁴ Здесь и далее в скобках указывается номер следования сонета в цикле.

⁵ Утроба и ядро, ср.: Пребывати в земли, яко въ ядрехъ мѣринихъ. Псал. XIV в. л. (Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам, т. III, 2, 1989). Сын Божий, хотя спасти свою тварь, отческихъ ядръ (и҃дрь) не отступи. Ники. (Толковый словарь живого великорусского языка, т. IV, 1980).

⁶ См. анализ такого соответствия в работах И. И. Ковтуновой [8, 12] и В. Н. Топорова [9, 10].

⁷ Ср. сказанное Д. В. Ивановым, сыном поэта: «Для моего отца Рим — одно из торжественных мест в его жизни, куда он постоянно возвращался» [11, 4].

⁸ В ст. «Системность символов в поэзии Вяч. Иванова» С. С. Аверинцев пишет о нём так: «Движение идёт от «истока», но также, что ещё важнее, ещё сокровеннее, к «истоку», и это «возврат» [13, 175].

⁹ В этом случае, как и в других, слово ведёт себя как «познающий субъект и познаваемый объект, — сплетающимися энергиями которых оно держится», — так определял его природу о. П. Флоренский.

¹⁰ В. Н. Топоров так комментирует эти строки: «Так мог бы сказать Эней, дойдя по дороге времени до предела, у которого мечта становится явью» [9, 124].

¹¹ См. Примечания к этому циклу, сост. С. Аверинцевым [4, 498—499].

¹² И в качестве словообразовательного элемента в состав слов «вод-о-ём, вод-о-мёты».

ЛИТЕРАТУРА

1. Аверинцев Сергей. «Скворешниц вольных граждан» // Русская мысль. 1995. 26 окт. — 1 нояб. 2—8 нояб. № 4098, 4099.
2. Иванова Л. Воспоминания об отце. М., 1992.
3. Аверинцев С. Поэзия Вячеслава Иванова // Вопросы литературы. 1975. № 8.
4. Иванов Вячеслав. Стихотворения и поэмы. Л., 1976.
5. Аверинцев С. С. Риторика как подход к обобщению действительности // Риторика и истоки европейской литературной традиции, М., 1996.
6. Бахтин М. М. Вячеслав Иванов // Эстетика словесного творчества. М., 1979.
7. Иванов В. Ницше и Дионис // Родное и вселенское. М., 1994.

8. *Ковтунова И. И.* Принцип неполной определённости и формы его грамматического выражения в поэтическом языке XX в. // *Очерки истории языка поэзии XX века.* М., 1993.
9. *Топоров В. Н.* Эней — человек судьбы. Ч. 1. М., 1993.
10. *Топоров В. Н.* «Минус»-пространство Сигизмунда Кржижановского // *Миф. Ритуал. Символ. Образ.* 1995.
11. Вячеслав Иванов и Рим. Беседа прот. И. Свиридова с Д. В. Ивановым // *Русская мысль.* 1997. 5—9 июн. Церков. Обществ. вестник. № 17.
12. *Топоров В. Н.* Вергилианская тема Рима // *Исследования по структуре текста.* М., 1987.
13. *Аверинцев С. С.* Системность символов в поэзии Вячеслава Иванова // *Поэты.* М., 1996.
14. *Аверинцев С. С.* Поэтика ранневизантийской литературы. М., 1977.
15. *Флоренский П.* Мысль и язык. Небесные знамения // *Статьи по искусству.* Р.: УМСА-PRESS. 1985.

В. ХЛЕБНИКОВ: «НАСТОЯЩИЙ ГОЛОД ПРОСТРАНСТВА»

Это состояние Хлебников испытывал в Петрограде «сумасшедшим летом» 1917 г. после освобождения из «долгой неволи в запасном пехотном полку», когда «на поездах, увешанных людьми, изменившими Войне, прославляющими Мир, Весну и её дары, — вспоминал он год спустя, — я проехал два раза, туда и обратно, путь Харьков — Киев — Петроград. Зачем? — недоумевал он. — Я сам не знаю» [13, 544]¹.

До открытия «основного закона времени» (конец 1920) было еще далеко. Но весной 1917-го дух Воззвания к «государствам пространств», «государствам прошлого», этим «торговым домам 'Война и К'», «кормящимся людьми», уже провозглашал (именем «общин времени», подымая «прапор времени» и «голубое знамя безволода») Правительство земного шара [13, 609—613]. А годом раньше, в «Трубе марсиан» клеймился «грубо пространственный люд», — всё то, что сегодня мешает «изобретателям-будетлянам» «свершить прекрасную измену пространству».

Наскоки на «пространство» легко объяснялись «герценовской клятвой», которую Хлебников дал в 1904 г. в связи с трагическими событиями русско-японской войны и которая сводилась к «осаде» времени, его неизвестных людям законов, к стремлению «найти оправдание смертям» в войнах и других судьбоносных событиях, мечте метафорически «утопить войну в чернильнице», «оседлать рок», «надеть намордник Вселенной, / Чтоб не кусала нас, юношей» [13, 37, 460; 11, 4 и др.]². Но в этом не было ни грана ненависти к пространству «как таковому»: не только «пространство Лобачевского» в начале «Ладомира», но и природные пространства реальной биографии поэта насыщали его эстетику, конечно же, не менее, чем непосредственно с трудом наблюдаемое время (хотя в самой категории «суховатого» времени он умел отыскать прекрасное).

И в 1909 г., когда он писал:

Я думал о России, которая сменой тундр, тайги, степей
Похожа на один божественно звучащий стих [13, 58]³,

и в 1916-м, той же «Трубой марсиан» призывая людей туда, где даже «научные союзы» похожи на «волны», а «время цветёт, как черёмуха» (см. [5]), он знал толк в изученных им *просторах*, птицах и реках на Урале, в водораздела в районе Павдинского камня, в геологии и горах Дагестана, в ощущениях человека, которому в Крыму уже удавалось преодолевать вплавь трёхвёрстный залив Судака, в пижмах, богининых чёботах, молодике, дрёме, жости, а не только в общеизвестной черёмухе (см. [13, 679, 662, 569, 58, 661, 61, 86—87]).

У него был какой-то особый интерес к микропространствам — свою «дальнозоркость» космического масштаба он как естествоиспытатель соче-

гал с вниманием к биоценозу крохотного участка луга у берега реки (стих. «Кузнечик») или ночному жуку, севшему на волосы поэту (стих. «Ночь в Персии»; ср. стих. «Солнца лучи в чёрном глазу...») и этапные «Времышикамыши...»). Но желательнее при этом, чтобы пространство было *открытым*. Тогда *близкое* и *далёкое* пространства в реальном художественном и виртуальном исследовательском хронотопе Хлебникова выступают в завидном эвристическом единстве.

Так, стихотворения «Ночь, полная созвездий...» (1912), «Годы, люди и народы...» (1915), «Точит деревья и тихо течёт...» и «В этот день голубых медведей...» (оба 1919) и «Как стадо овец мирно дремлет...» (1921) сводят «широкое небо», строчки «звёзды — невод, рыбы — мы, / Боги — призраки у тьмы», земные «невода» и того таинственного, «бледного и высокого», кто стоит, «с дубровой одинаков», «море», протянутое «на серебряной ложке протянутых глаз», «моряну любес», «молнию» дикую и «запертую в узком пространстве» спичечного коробка, наконец, «спички из рока» — «первую коробку спичек судьбы» в растянувшееся на годы, но особенно тесное соседство, как бы на порядок превышающее привычную «тесноту циклового ряда», а близкое тесноте соседних «стиховых рядов» (см. в тыняновских анализах)⁴.

Жажду перемещений в «пространстве-времени» Хлебников знал и утолял еще до того, как оно становится полноценным и строгим термином-символом теории относительности. Об этом можно судить и по различным архивным материалам⁵, и по тому же стих. «Вам», где образ *путе-шествия* сплавляет его «осады»: через пространство автор подвергает осаде *время*, через числа — *множества* (или *толпы*), через природу — (стиховое) *слово*.

Ассоциации отсюда ведут к разным «вещам» поэта.

1) К чёткой студенческой работе о *метабиозе* — понятии, с введением которого дополняется, как бы по Бору, классическое понятие симбиоза («путём перестановки времени и пространства в их свойствах»); работа имеет в виду и осаду *толп*: метабиоз — это и занятие серой мухоловкой готового гнезда, покинутого дроздом-рябинником, и связи между «поколениями людей внутри народа» [13, 583—584]⁶. 2) К заглавию поэмы «Шествие осеней Пятигорска» (1921), где сиюминутное пространство — эти «шероховатые ступени» лестниц и «белые стены» напилены, как доски, «из моря, ставшего серым строгим бревном» (в течение тысячелетий); тоже в процессе своего рода метабиоза — смены древних китов и ящеров игроками в лапту. 3) К методологическому (и полемико-метафорическому) заглавию одной из частей «Досок судьбы» — «Починка мозгов. Пути» [11, 36].

Примером «хронотопического сплава» может служить и поэма «Хаджи-Тархан» (1913), где реально видимые и конкретно-исторические детали в пространстве-времени, которое формально ограничено современными Волгой, Астраханью и Казанью, разрастаются в ономастикон, далеко выходящий за пределы, казалось бы, тривиальной задачи описания «истории Нижне-Волжского края и Астрахани» (ср.: [13, 681—682]). Хронотоп подчиняет местные детали «общесадному» подходу, погружая их 1) в область «далековатых» топов и 2) в историческую среду метабиотических связей.

Вот несколько имён из поэмы: гора Богдо, Магомет, Рим, Африка, Ассирия, Египет, Прометей, игла Сумбеки, Ра (Волга у античных авторов), Ломоносов, море Ледовитое, море Хвалынское (т. е. Каспийское; это имя не только рифмой, но и начатками будущего «звёздного языка», в которых Ха имело значение смерти, связано со следующим), Волинский (губернатор Астрахани, казнён при Бироне), вещий Олег, Индия, Озирис... Кроме того, перифрастически названы Пугачёв и Разин, в дальнейшем один из самых важных для поэта образов: в 1921 г. Хлебников называл себя *противо-Разин* и *Разин навыворот* [13, 148 и 350].

Последовательный «азнизм» Хлебникова нашёл выражение уже в ранней поэме «Медлум и Лейли» (1911); однако его просторы непрерывно расширяются согласно формуле «Лю-блю-весь-мир-я», эстетически доминирующей в том же «Ладомире», но «принятой к руководству» значительно раньше, так что и в 1911 г., когда автор использовал общеориентальный сюжет (не только в версии Низами), он 1) по-шекспировски «заостряет» его трагической враждой двух родов и 2) преобразует его идеей «Востокозапада» — по модели несомненно для поэта единого, но раздвоенного мира [10, 131—159]'. Это мировосприятие и в его пространственных координатах, и в его известном противостоянии идеологии будущего евразийства было бы уместно назвать *зангезийством* (Зангези < Ганг как метоним Евразии, «помноженный» на Замбези, полпреда Африки).

С 1904 г. на уже испытываемый поэтом «голод пространства» накладывается неутолимая «жажда» осмысления современных ему событий. Её возникновение — прямая реакция на катастрофу в русско-японской войне. Из «Своеси» известно, что данное тогда обещание найти «законы времени» Хлебников написал «на берёзе». Он хотел «найти оправдание смертям» [11, 4]^в, объяснить их через познание и, следовательно, подчинение того, что имеют в виду, говоря о *Роке* или *Судьбе*^в.

Как понять поведение Хлебникова: «зачем» летом 1917 г. он уезжал из Петрограда и тут же возвращался в него? До поры до времени тяга к семейству Синяковых, в Красную Поляну, дачную местность под Харьковом, уравновешивалась естественной тягой домой (летом 1917 г. до Астрахани поэт побывал и в Таганроге и Царицыне) и не вполне осознанной тягой к столице, где было беспокойно. Не обсуждая здесь его различные «предсказания» в предшествующие годы (включая твердое заявление в письме к родным от 25 декабря 1916 г. о том, что через 1 1/2 года «внешняя война» перейдёт «в мёртвую зыбь внутренней войны» [12, т. 5, 312]), увидим именно в постоянном внимании Хлебникова к идее «прозоров» на близкое или более отдалённое будущее (с 1921 г. они ориентируются, в основном, на социальное пространство Земного шара, а не только России), в явной его «чуткости к событиям» ключи к определённой «странности», если не уникальности, его места в пространстве событий конца 1917-го — начала 20-х годов.

Очень своеобразно, несколько остранённо, даже отчуждённо — и всё-таки Хлебников вписывается и в «петербургский текст» русской литературы¹⁰. Но сердце поэта было отдано Москве [12, т. 5, 285], а Питер не вошёл и в ряд,

образующий «дорогу чада милого», как её перед смертью обозначил сам Хлебников: Астрахань / Москва / Харьков / Ростов / Баку / Персия / Пятигорск / Поезд / Москва [14, 26]¹¹. Тем не менее к 25 октября 1917 г. поэт оказался именно в Петрограде, а через считанные дни, не оставив нам и аналога вопроса «зачем?», — в Москве. Там (известно: попадая под обстрелы), он решил и, несмотря на оцепления, несколько раз остановленный и обысканный, однажды всё же сумел «пройти по Садовой всю Москву поздней ночью» [13, 547].

Замечательно, что в январе 1918 г. он был свидетелем победы советской власти и в Астрахани (очерк «Никто не будет отрицать того...», 1918) [12, т. 4, 114—117]. Сегодня подобную, почти репортёрскую жажду пространства можно назвать тягой к «горячим точкам». Весной 1919 г. уже из Москвы поэта снова потянет на юг, в Харьков, где он, испытывая огромные тяготы в самый пик Гражданской войны, переживёт и «смену властей», и «сумасшедший дом». В апреле 1921 г. в Баку, после зимы, «походившей на Нерчинские рудники» [12, т. 5, 320], ему понадобится новая «горячая точка», и он отправится с частями Красной армии в Гилян, где проведёт лето в обществе «искателей приключений», похожих на конкистадоров [12, т. 5, 322], среди мусульман-шиитов на закате недавно возникшей и бурлящей республики иранского прибрежья.

«Ненависть к пространству» в прямом смысле слова, конечно же, была невозможной для естествоиспытателя, каким оставался Хлебников-поэт. Но строгая категория «пространство-время» на всём протяжении поисков основного закона времени неизбежно и последовательно рассматривалась как внутренне противоречивая и «мифологизировалась» в духе таких высказываний: в основах всех вер «добро совпадает с временем, а пространство — со злом; пространство — с веществом <и> смертью, время — с жизнью и духом» — или: «время души разлучает <ся> с пространством тела»¹². И даже одна из самых сжатых формулировок «основного закона» выглядит так:

«3ⁿ — смерть, 2ⁿ — жизнь, 3ⁿ.2ⁿ — гармония, 3^m — 2ⁿ, <где>
m > n, — борьба» (77: 55)¹³.

В Баку, найдя, наконец, свой «закон», Хлебников записал: «6 дек <абра> 1920 получил легкость на душе <: > время <- > логарифм пространства» (82: 58). Этой сухой формуле сопоставляется множество поэтических высказываний, которые в отрыве от всей системы поздней эстетики и идеологии автора могут выглядеть как противоречащие друг другу. Дух прежних оппозиций витает над одним из позднейших стихотворных «тезисов» поэта: «Лишь я, лишь я заметил то, что время <- > / Дольше крепостной пространства», — а вне образной связи с ним трудно адекватно истолковать предшествующий «тезис»: «Пространство, ты исчезнешь, точно юс. / Не знаю, плачу иль смеюсь» [12, т. 5, 105 и 104].

Так же «образно исчезает» и время: в *чудесах* (мистерии) «Взлом Вселенной» (1921) [12, т. 3, 93—91]¹⁴ Ученик-Сын, alter ego поэта, выступает с таким неожиданным парадоксом: «Мой разум, точный до одной энной, / Как уголь сердца, я вложил в мёртвого пророка Вселенной, / <...>. / И понял

вдруг: нет времени», - хотя далее, из самого текста, «временную пропажу времени» можно понять как концентрацию героев на штурме пространства неба и «черепе Вселенной», а категория времени в финале оказывается не менее существенной, чем в знаменитом рассказе Р. Брэдбери «И грянул гром» (можно сказать об экологической «бабочке Хлебникова-Брэдбери»).

Хлебниковский «звёздный язык» и его «скорнение» как приём словотворчества (см. [3; 4; 8]) передают «голод» и «жажду» пространства у автора не просто на уровне «самовитого слова», «слова как такового», но и в социальном пространстве. Показателен такой тезис: «Вот слово *большевик*. Под ним лежит звуковое молчание *вольшевик*. Большевик больше. Кого больше? *Вольши*, более воли. / Вот кто молчит из-под слова *большевик*, прижатый им к земле. / Каждое слово опирается на молчание своего противника» (46: 5)¹⁵.

Категории времени и пространства в сверхповести «Зангези» функционируют и взаимодействуют в отдельных её «плоскостях» настолько по-разному, что здесь уместно остановиться лишь на материалах, которые не были в своё время учтены в пионерской работе А. Г. Костецкого [7]¹⁶. По Зангези, уже не только «нет времени» (это на минуту допускалось во «Взломе Вселенной»), но и «слова нет, есть движения в пространстве и его части — точек, площадей». «Поскоблите язык — и вы увидите пространство и его шкуру» (представление звёздного языка в плоскости VIII). Но «благовест ума» в плоскости IX, разъясняя значения всех этих *Вьумов*, *Лаумов* и *Воумов*, естественно, прибегает к лексике и грамматике из поля времени, сверх всё же доминирующих полей пространства и движения.

Время и пространство (прежде всего социальное) тем более оказываются в согласном равновесии в плоскости VII (и начале VIII), где «воины азбуки» *Эр*, *Ка*, *Эль* и *Гэ* действуют на базе «основного закона времени» в некоем глобальном поле, которое обладает признаками «эстетической гносеологии» (при сильных допущениях и воображаемой филологии, и воображаемой истории, сплавленных в идиостиле Хлебникова с «нормальными» эстетикой и поэтикой): «*Гэ* пало, срубленное *Эр*, / И *Эр* в ногах у *Эля*!».

Так в «Зангези» (и еще в «Царине по небу») консонантные фонемы противостоят друг другу и своими ранее фиксированными общими смыслами «квазиморфем», и как когнитивные и эстетически заряженные символы: *Эль* — символ народоправства¹⁷, *Гэ* — верховной власти (здесь — государственно-антинародной), *Эр* — разрухи, войны, революции, *Ка* — «сковывающего» застоя¹⁸. Согласное равновесие достигает идиостилевой гармонии в стих. «Есть запах цветов медуницы...» (1922), где *Кол*, с его изначально и элементарно грубой пространственной семантикой, становясь осью всего мироздания, вбирает в себя и семантику времени, которую проповедует поэт, тоже будучи «осью» и сам

Точку раздела тая
К тому, что было,
И тому, что будет.
Кол.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ При упоминании названий текстов из «Творений» Хлебникова (1986) ссылки не даются.
- ² Цит. «Своеси» (1919), «Война в мышеловке» (1915—1919—1922) и «Доски судьбы».
- ³ Цит. стих. «Могилы вольности — Каргебиль и Гуниб...» (1909), озаглавливаемое «Вам» по его адресату — М. Кузмину.
- ⁴ Хлебниковскому хронотопу резко противостоит заурядное, если не примитивное, характерное для «зауми» в брюсовских «Бредах», «непривычное нагромождение экзотической лексики» [2, 29].
- ⁵ Ср. запись начала 10-х годов: «Мнковский и <...> (я), начи <ная> с 1903 год <a> (я), суме <ли...>» (ОР РНБ, ф. 1087, ед. хр. 26, фрагм. 1, л. 2).
- ⁶ См. также работы биологов [6 и 1].
- ⁷ С 1908 г. поэт не употребляет западных по происхождению «иностранных слов». «Восток» он не дискриминирует вообще, а неславянскому «Западу» дал разумную и естественную поблажку: запрету не подлежали имена собственные. Лексически просторы идиостилия сократились, но были развязаны культура словотворчества и перифрастики. Глубинную заповедную чистоту пространства хлебниковского языка Мандельштам и сопоставлял с «языком-праведником» («Заметки о поэзии», 1923).
- ⁸ У автора ошибка памяти: он пишет о дне, когда до него дошло в Ярославский край известие о Цусиме, но тогда он был в экспедиции на Урале. «Клятва» явно вызвана вестью о гибели броненосца «Петропавловск» (31 марта 1904 г.).
- ⁹ См. в этой связи заметку [9, 298—301].
- ¹⁰ Отчуждённость связана с «Аполлоном» С. Маковского, так и не опубликованным «Зверинец», с произволом издателей в отношении хлебниковских рукописей, конфликтом внутри «Гилей» из-за Маринетти, атмосферой «Бродячей собаки» и рядом других обстоятельств.
- ¹¹ В автографе П. В. Митурич, указав место (и дату) смерти поэта, добавил в перечень и имя состояния — *Свобода* (РГАЛИ, ф. 527, оп. 1, ед. хр. 75, л. 35). Р. Вроон принял его за оппозитив в мысли самого Хлебникова остальным именам перечня как местовременным точкам (красивая, но ошибка).
- ¹² РГАЛИ, ф. 527, оп. 1, ед. хр. 9, л. 10 (далее в тексте — по схеме 9: 10).
- ¹³ Ср. стих. «Трата и труд, и трение...», где *туша* и *дух*, *душа* противостоят друг другу как 3 и 2 (*три* и *два*), но оппозиция времени и пространства в тексте нейтрализована. Развить эту идею автор уже не успел.
- ¹⁴ Этот текст еще не привлёк достаточного исследовательского внимания. Существенны и пушкинский образ пророка, и возможная связь уже хлебниковского угла с другими аллюзиями в... «Оде» Мандельштама, но это — особая тема. Ср. также образы *осей* у Хлебникова и позднего Мандельштама.
- ¹⁵ Показательны предлоги пространственной семантики и соседство с нереализованной программной записью: «Чистые законы времени и творчество» (46: 4 об.; 1921).
- ¹⁶ А. Г. Костецкий не учёл и текст «Царапины по небу» (12, т. 3, 75—86; 1920).
- ¹⁷ Ср. также стих. «Слово о Эль» (1920) и четверостишие: «Верёвка судов государственных / Лямкой широкой советов / На груди бурлака мирового / Замкнулась, чтоб грудь не давило», — с значимым *Эль* в слове *лямка* (64: 64).

¹⁸ В поэме «Синие оковы» (< сестры *Синяковы*; 1922) эти «оковы» — «возвышенное *Ка*» и «небесный кол», ось мироздания, противопоставлены тем оковам, что только-только еще начали, по Хлебникову, рушиться в 1917 г., и их «коллобым» защитникам, желающим *Ка* «из земли», «из грязи, из песка и глины», — толпе «упорных смерти женихов, / Войны упорных осетров».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бабков В. В.* Симбиоз, метабиоз и учение о биосфере // *Онтогенез. Эволюция. Биосфера.* М., 1989.
2. *Гаспаров М. Л.* Академический авангардизм. / *Природа и культура в поэзии позднего Брюсова.* М., 1995.
3. *Григорьев В. П.* Грамматика идиостиля. В. Хлебников. М., 1983.
4. *Григорьев В. П.* Словотворчество и смежные проблемы языка поэта. М., 1986.
5. *Григорьев В. П.* «Где время цветет, как черемуха» // *Логический анализ языка. Язык и время.* М., 1997.
6. *Дымищ В. А., Чебанов С. В.* Биологические идеи Велимира Хлебникова // *Хлебниковские чтения.* СПб., 1991.
7. *Костецкий А. Г.* Лингвистическая теория В. Хлебникова // *Структурная и математическая лингвистика.* 3. Киев, 1975.
8. *Николина Н. А.* «Скорнение» в современной речи // *Язык как творчество.* М., 1996.
9. *Перцова Н. Н.* Об «уравнениях рока» Велимира Хлебникова // *Понятие судьбы в контексте разных культур.* М., 1994.
10. *П. И. Тартаковский.* Социально-эстетический опыт народов Востока и поэзия В. Хлебникова. Ташкент, 1987.
11. *Хлебников В.* Доски судьбы. [М., 1922—1923] (фототипическое воспроизведение текста — в четырехтомном изд. В. В. Хлебников. *Собр. соч.*, III. München, 1972).
12. *Хлебников В.* Собрание произведений. Т. 1—5. Л., 1933.
13. *Хлебников В.* Творения. М., 1986.
14. *Vroon R.* Velimir Khlebnikov's *Krysa*: a commentary. Stanford, 1989.

ДЕФОРМАЦИИ ПРОСТРАНСТВА В ПРЕДЕЛАХ РУССКОЙ ДУШИ (ПО ТЕКСТАМ АНДРЕЯ ПЛАТОНОВА)

Мотив *пустоты* справедливо отмечен как один из наиболее существенных и характерных для творчества Платонова [3]. Наряду с такими парными концептами, как *сон* и *смерть*, *забвение* и *память*, *сознание* и *чувство*, он безусловно входит в число важнейших «экзистенциалов» данного писателя — если выражаться в терминах [5]. Следует рассматривать *пустоту* как таковую в паре (или же контрастно сопоставляя ее) с *теснотой*, а также вместе с родовым для обеих понятием *пространства* вообще. То есть, с одной стороны, пустое, ничем не заполненное пространство, в котором чувствуется недостаток вещества (тут мы неизбежно выходим на субъекта восприятия), а с другой стороны, нехватка места, скудность пространства (при чрезмерной насыщенности, переполненности веществом). Таким образом, получается следующий «микротезаурус»:

1. *пространство*

1а. *пустота*

1б. *теснота*.

Слова, выражающие мотив *пустоты*, сравнительно с их употреблением у других авторов, в текстах Платонова получают одно из ведущих мест. Так, при сравнении общего числа словоупотреблений (по пяти произведениям писателя — романам «Чевенгур» и «Счастливая Москва», а также повестям «Котлован», «Ювенильное море» и «Сокровенный человек») со средними частотами в языке художественной прозы (по данным словаря [2]), выходит, что совокупная частота употребления у слов

пространство — для Платонова выше, чем в среднем, в 8,3 раза;

пустота / *пуст* / *пусто* / *пустой* / *пустынный* — в 2,7 раза (выше);

голый / *голо* / *голь* / *голевой* / *голыдыба* — в 1,6 раза; в то же время

порожний / *порожняк* / *порожняком* — даже в 23,8 раза!

Противоположный полюс этого противопоставления, т.е. слова, выражающие мотив (1б), хоть и не так сильно, но тоже выделяются на общем фоне:

тесный / *тесно* / *теснота* / *тесниться* — более часты в 2,2 раза;

стеснение / *стеснять* / *стесняться* — в 2,3 раза; хотя уже

узкий / *узко* / *узость* — в 1,9 раза реже, чем в среднем.

Вообще говоря, мы можем несколько видоизменить конструкцию, усложнив наш тезаурус, и подвести рубрики 1а и 1б не непосредственно под 1. *пространство*, а под — 1.1. *неудобное пространство* (то есть *пространство* + *чувство тоски* и *беспокойства*), противопоставив ему, так сказать, уже более «комфортное» *пространство* (1.2). Итак, внутри: 1. *пространства* есть:

1.1. *неудобное пространство*:

1.1а. *пустота*

1.16. *теснота*1.2. *комфортно устроенное пространство.*

Но вот с выражением в последней рубрике у Платонова — явный дефицит. Такие слова, как *открытый / открывать(ся) / открыто / открытость* — в его текстах встречаются реже среднего уровня в 1,5 раза; *разворачивать(ся) / разворачивание / развернутый* — реже в 1,8 раза; *простор / просторный / просторно* — встречаются реже в 2,8 раза; а *широкий / широко / широта / ширь* — даже в 3,3 раза; *распахивать(ся) / распахнутый* — в 3,8 раза (реже). Помимо этого, такие, казалось бы, традиционно признаваемые характерными для «русской души», русского «самосознания», «национального характера» (Д. С. Лихачев) [6] слова и концепты, как *воля / вольный / вольно / вольность* — встречаются реже в 2,8 раза; а слова *привольный / привольно / приволье* и *раздольный / раздольно / раздолье* — вообще в данных произведениях не употребляются. Как объяснить эту странную казалась бы «нерусскость» Платонова?

На мой взгляд, тут очевидно пристрастие к выражению идей, выдающих определенную «психическую деформацию» (по крайней мере, деформацию психики у платоновских героев). Можно, видимо, говорить и об определенном «смещении взгляда на мир» самого писателя: ведь, с одной стороны, во всем вокруг себя он видит нечто — как бы только и исключительно — *сверхплотное* (т.е. неразложимое и непроницаемое), а с другой стороны, нечто *сверхразряженное* или даже почти нереальное, воздушное, то есть, как это было у Демокрита, — лишь только *атомы и пустоту*. Его взгляд на мир можно соотнести также и с постоянным тяготением (и одновременно ужасом!) перед двумя *безднами* — у Паскаля: одна из которых есть бесконечность, уходящая внутрь наблюдаемых человеком вещей, а другая — уходящая *вовне* бесконечность космоса. Итак, если вернуться к Платонову, перед его читателем предстает, во-первых, раскрытая, распахнутая, *разверстая* (даже *разверзтая*¹) и неудобная, образующая вакуум вокруг субъекта *пустота* и *голосность*, а во-вторых, засасывающая, точно в воронку, «черная дыра», или опять-таки невыносимая для жизни скученность, плотность, насыщенность и теснота внутри материи, которая переживает его героями очень часто как *зажатость*, *сдавленность* и даже *замурованность* — будь то в толще земли, на дне котлована, среди праха живых останков вещества и т.п. Оба эти противоположных, но одинаково непереносимых, *раздирающих душу* мотива тесно переплетены, правда, еще и с внутренними мотивами «одиночества, заброшенности», а также «тоски, тщетности и скуки», которых я здесь не хотел бы касаться. Попытаюсь на нескольких примерах истолковать те платоновские деформации внешнего пространства, которые предстают перед читателем его текстов.

В статье Якушевых [11], а также в работах Е. Толстой-Сегал [9] и др. уже отмечалось, что для Платонова, во-первых, характерно избегание метафор в собственном смысле слова — с отчетливым предпочтением в пользу метонимий:

«Платонов старается избегать значения слов, которые лингвистическая конвенция по отношению к русскому языку признает за метафорические» [11, 75—776];

а во-вторых, ему свойственно изобретение преимущественно собственных, диалектных и ни на что не похожих, каких-то намеренно неуклюжих, трудно

воспринимаемых для читателя метафор-загадок. И действительно, к метафоре как к типовому и общедоступному направлению переноса значения Платонов относится как бы с недоверием, и если уж использует ее, то как правило уже в разрушенном, расчлененном, «разъятом» виде, переделав ее до неузнаваемости — относительно привычных и устоявшихся норм. Платоновские собственные метафора с метонимией почти всегда оказываются тягостными, мучительными, «корявыми» и «конфузными». Об их смысле (и соответственно о результирующем смысле всего целого, в которое они входят) читателю каждый раз приходится заново догадываться.

В статье Т. Сейфрида описан (и удачно назван) такой часто применяемый Платоновым прием, как **обратная метонимия** — когда вместо привычного поэтического способа обозначения предмета, то есть обычной метонимии или синекдохи, с помощью которых ситуация в целом бывает представлена через свои характерные составляющие части или свойства: например, *класс* вместо 'дети соответствующего класса школы' (*Сегодня весь класс не готов к уроку*); или *Пушкин* — вместо 'книга (или конкретное произведение) данного писателя'; а также *лицо* — вместо 'человек с данным лицом'; или же *юбка* — вместо 'женщина как объект сексуальных домогательств конкретного мужчины' и т.д. и т.п. — т.е. когда вместо подобных закрепленных в языке переносов значения (которые, как правило, внешне-иллюстративны и представляют нам предмет через характеризующую его деталь, берут конкретный признак для описания целого), Платонов, наоборот, выбирает более обобщенное, укрупненное, родовое наименование соответствующего объекта как целого класса — для обозначения какого-то его представителя. Например: *семящее детство* — вместо просто «дети» или «пионеры, идущие общей группой» (К)²; *капитализм* вместо «мирод, кулак» или даже «эксплуататор, буржуй» (К) — последнее говорится про конкретного человека, крестьянина от лица искренне презирающего его пролетария. По форме, собственно, и тут везде у Платонова метонимия, но гораздо менее обычная — целое вместо части, а не наоборот. Сравним с комментарием: «на палый лист или брошенный на дороге лапоть Платонов смотрит как бы через призму вселенной и вечности» [8, 312].

То же самое явление описывают и другие исследователи языка Платонова, но, правда, более удачного названия этому они не находят: «свойства, качества; состояния, присущие живому существу или объекту природы, [у Платонова] приписаны абстрактному социально-политическому явлению: *надо лишь сберечь детей как нежность революции...* (К)» [7, 76]; и далее тот же автор по поводу замены частного на общее в примере *мужик же всю жизнь копил капитализм* (К); «мена частного *капитал на более общее капитализм сразу меняет масштаб изображения в сторону глобального обобщения» [7, 78].

На мой взгляд, замеченные многими платоновские нарушения привычного употребления метонимии лежат в рамках еще более общего приема, который можно охарактеризовать как «вынесение наружу», или **овнешнение языка**, с отстранением автора от своей собственной речи, что оказывается связанным, конечно, с процессами определенного «уродования и выхолощивания» этого языка, идущими как бы и в угоду, с подстраиванием под язык «простого наро-

да», но и — с одновременно накладывающимся на него — процессом пародирования официального, навязываемого извне языка, со стороны диктатуры и тоталитаризма. Этот мотив представляет собой важную константу поэтического мира писателя.

Каковы конкретные примеры такого нарочитого «выведения наружу», или «вынесения напоказ» того, что показывать и обнаруживать, вообще говоря, не принято? Начнем с движения *изнутри — наружу*. Это движение выводит нас (как читателей и «наблюдателей») из привычно замкнутого в непривычно открытое, распахнутое, неуютное пространство. Как мы увидим в дальнейшем, у Платонова представлено и движение в обратном направлении, уводящее снаружи — внутрь, далеко вглубь предмета или явления (что также сопровождается нарушением законов нормального, привычного употребления языка).

(1) *Сербинов открыл окно в воздух...* (Ч).

Такого рода смещение в словоупотреблении для Платонова вообще очень характерно. Его герои не просто где-то *оказываются, живут*, куда-то *входят* и откуда-то *выходят / ищут пищу / открывают окна* (как здесь, или *двери*), но — находятся всегда в целостном *пространстве*, как, например:

(2) *Воцев очутился в пространстве* (К). Да и сам мир представлен Платоновым как *простертый*, а небо — как *разверстое* (К) над его героями. Почему? Зачем? Еще один сходный пример:

(3) *Воцев отворил дверь в пространство* (К).

Сравним с естественным комментарием к нему:

«Бытовое движение в конкретном окружении вдруг выводит в широкий мир, во вселенную: подчеркивается одновременно и включенность человека в мировую жизнь (метафизическая укорененность человека в мире), и его экзистенциальная «брошенность» в мир, одиночество, сиротство» [5, 119]³.

В исходном платоновском примере (1) гораздо «нормальнее» было бы, конечно же, сказать так:

Сербинов открыл окно < во двор / на улицу > / < выходящее на пустырь /?— в коридор /?— на юг /?— на лес /?— в мир /??— в безвоздушное пространство и т. д. >⁴.

С одной стороны, ситуация «открывания окна во (что-то) / или на (что-то)» связана с тем стандартным действием, что через окно *смотрят* и, тем самым, окно как бы на что-то *установлено*, направлено — на то, что может из этого окна увидеть направленный наружу взгляд человека. Здесь как бы сделавшийся стандартным для самого языка троп, поэтический перенос, с олицетворением того помещения, где человек находится, по функции самого наблюдателя. Расширяя свои границы до размеров комнаты или дома, мы смотрим наружу, вовне себя — через окна-глазницы (назовем это смыслом а).

Обычно было бы в этом смысле услышать что-то вроде: окно *выходит* (смотрит, глядит) в сад / в поле / на улицу / на море / на юг и т. п. При этом сказать: *окно выходит в коридор* — заметно лучше, чем: *открыть окно в коридор* — именно потому, что несколько иная (чем с «открыванием») ситуация «выхода (куда-то)» вполне нормально допускает, например, выражение *окно выходит в коридор / на черную лестницу / на стену соседнего дома*, — тогда как ситуация «открывания окна (куда-то)», видимо, требует от расположенного вблизи пространства, с од-

ной стороны, большей 'открытости, простора для взгляда', чем это может предоставить коридор или внутренняя лестница, а с другой стороны, еще и некоторой 'предметной явленности и оформленности того, что можно в результате такого открывания видеть, наблюдать — через появившееся отверстие'

Так же, кстати сказать, и иная, хоть и родственная 'открыванию окна', ситуация — 'открывания двери' связана со *стандартным положением вещей дверь выходит / ведет* (во что-то / к чему-то) И для него необходимо, чтобы через дверь можно было бы (хоть куда-нибудь) *выйти* Например, в переносном значении *прорубить* (т е. 'открыть') *окно в Европу* — действие осмыслено уже как 'сделать возможным хоть поглядеть (т е. хоть как-то оценить, хоть для глаза сделать доступной) иностранную (европейскую) жизнь' (б) Тут *окно* осмыслено как *око* Отсюда и дальнейший перенос 'сделать сообщающимися (т е. свободными для перемещения и обмена) два пространства, внутреннее — российское, исходно замкнутое от внешнего мира, которое, как всегда, представляется тесным, недостаточно просторным, душным и т.п. — и внешнее, иностранное, космополитическое, открытое' (в)

«Шаги» от (а) через (б) к (в) в таком переосмыслении — когда окно выступает в роли двери и обеспечивает возможность свободного перемещения из внутреннего во внешнее пространство, все равно происходит — несмотря на то, что *выходить* (куда-либо) *через окно* совсем не так удобно, как *через дверь* Но здесь оказывается важен, по-видимому, именно волевой момент *прорубания окна* — в исходно сплошной стене из бревен (или выход *взгляда* наружу)

С другой стороны, и *воздух* в исходном примере (1) никак не может быть тем «объектом», который нормально было бы «наблюдать», т е. на котором можно было бы остановить внимание, с которым можно было бы «общаться» — через открываемое окно Но Платонов и с этим не считается, ставя под сомнение как бы саму неодушевленность воздуха Сдвиг значения в примерах (1), (3) сделан, очевидно, по аналогии с тем, что происходит в (опять-таки переносном) выражении *открывать / распахивать окно в <ночь>*, — где тоже, собственно, невозможно «разглядеть» никакого реального объекта, но при этом сам ночной мрак, темнота, метафорически представлены как некий квазиобъект Платонов таким словоупотреблением хочет сделать специальным объектом наблюдения сам воздух (в)

Ведь воздух необходим человеку для дыхания Дыхание — стандартная метонимия жизни вообще Значит, за таким «остранением» у Платонова может стоять дополнительный смысл (помечаю и его — как Предположение — угловыми скобками, вопросительный знак перед этим компонентом толкования дополнительно обозначает его неопределенный статус)

(а+б+в) <?-значит, стало необходимым отворить окно — для выхода из замкнутого пространства в комнате — наружу, во внешний мир >

Это дополнительное осмысление, вычитываемое из платоновской фразы, хорошо согласуется с тем, что у *воздуха* имеется в языке коннотация 'невидимого ментального пространства'¹⁵, через которое осуществляется общение людей (т е. как бы того пространства, которое вполне «прозрачно» для коммуникации) Оно

имеет непосредственное отношение к человеческому «духу» — тому мыслительному пространству, где *носятся идеи*, в котором атмосфера чем-то *произигана / пропитана*, где *веет духом (чего-то)* и т.д. и т.п.

Для того чтобы выразить еще один, более обычный, почти тривиальный в данной ситуации смысл, должно бы быть сказано, например, так. *Сербинов открыл окно < для притока свежего > воздуха* — как Платонов, собственно, и говорит, в другом месте (хотя и там нарушая нормальную сочетаемость) — когда Гопнер с Двановым в «Чевенгуре» садятся на пороге дома, выйдя на улицу с партийного собрания:

(4) *Из зала было распахнуто окно для воздуха, и все слова слышались оттуда* (Ч).

В последнем примере — просто пропуск, или же «спрямление» смысла, тогда как в исходном, более изысканном случае (1) Платонов явно хотел бы приписать воздуху некую дополнительную субстанциальность, насыщенность, сгущенность.

Кроме того, выражение *открыть окно в воздух* можно сравнить еще и с такими языковыми выражениями, как *выстрелить в воздух* — т.е. 'в никуда, мимо цели, в пустоту' и *прозвучать (раздаться) в пустоте* — т.е. 'не вызвав никакого отклика'. То есть, в истолкование ситуации исходного примера может вовлекаться еще и такой побочный смысл:

(г) <все это было сделано как будто для облегчения обстановки, просто чтобы разрядить ее>.

Но с другой стороны, на этот смысл накладывается противоречащий, в частности, последнему смысл какого-то

(д) <бесцельного, направленного просто в никуда действия — в пространство / в воздух / мимо цели>⁶. Значит, можно сформулировать общий смысл этого предположения следующим образом:

(г+д) <герой будто *выстрелил* или *сказал* что-то в воздух / или на воздух — непонятно зачем и ради чего (?-может быть, чтобы хоть что-то сделать, хоть чем-то проявить себя) — от безвыходности ситуации>.

Итак, как мы видели, вся фраза в целом нагружена множеством приращенных смыслов, которое можно было бы суммировать приблизительно так:

(а+б+в+г+д) <герой открыл окно, как бы делая попытку соединить ту комнату, где он находится, с внешним миром, приблизить себя к нему, выйти наружу (?-может быть, даже — слиться с человечеством, со всеми людьми, по крайней мере, со всеми в Чевенгуре); но его действия более всего походят на лишённые смысла (?-и, скорее всего, кажутся бессмысленными ему самому — в той безвыходной ситуации, в которую он попал)>.

Такое амбивалентное высказывание, заключающее в себе сразу несколько противоположных (или «неуверенных») утверждений, вообще очень характерно для Платонова. В работе [9, 199] это получает название — «семантический конфликт как свернутый сюжет» слёва у Платонова, или «мерцание, осцилляция» сразу многих смыслов, ни один из которых не отменяет до конца ни один другой.

Теперь проследим обратное направление движения — ведущее извне — **во-внутрь** (внутри человека или же внутри какого-то исходно непроницаемого для взгляда наблюдателя вместилища). Тут автор тоже заставляет нас взглянуть туда, куда заглядывать странно, да и не принято. Вот характерный пример:

(5) ... *Его* [бегущего деревенского мужика] *тело отошало внутри одежды, и штаны колебались на нем, как порожние* (К).

Собственно, сам мужик, Елисей, приходит на котлован за пустыми гробами. Он хочет их забрать и привезти назад домой, в деревню. Гробы, как выясняется, — последняя собственность деревенских жителей: они хранят гробы для себя, спрятав их в пещере, на которую теперь, расширяя котлован для «общепролетарского» дома, наткнулись пролетарии. Но как следует понимать подчеркнутые платоновские сочетания? При разборе первого из них становится видно, что сама синтаксическая аномалия заставляет читателя искать скрытый смысл фразы. И такой подходящий смысл действительно находится. Фраза может быть осмыслена так:

(а) <его тело отошало — просто худело, худело, пока окончательно не стало таким худым (то есть таким, каким Елисей предстал перед пролетариями); но он сам при этом не снимал с себя одежды> (ср. у Якушевых [11, 760]).

Этим, однако, мне кажется, не могут быть исчерпаны все наводящиеся во фразе (и «просвечивающие» из нее) смыслы. Сюда же следует причислить, на мой взгляд, и такие предположения, как:

(б) <мужик так отошал в своих штанах, что они стали ему непомерно широки — причем настолько, что его самого скорее уже следовало представлять как находящегося не в *штанах*, а как бы помещенным (или даже *заключенным!*) *внутри* них>. В итоге вывод: (бб) <крестьянин отошал настолько, что, если заглянуть в его штаны, его самого там трудно было бы и найти!>?

Кроме того, на мой взгляд, естественно рассмотреть наряду с приведенными еще и такие осмысления (для второго трудного места):

(в) <штаны колебались или же: развевались, словно белье на ветру, так, будто внутри совсем ничего не было — ни ног, ни тела>;

и возможно несколько более далеко идущие:

(г) <??-его тело так отошало именно из-за того, что все время находилось внутри одежды, а не снаружи (на воле, где ему было бы значительно легче)>, то есть <??-этот человек вынужден носить одежду как некое бремя, тогда как его естественным состоянием является голое, обнаженное, «природное» — как в раю; в одежде же он чувствует себя словно в стенах тюрьмы и стремился бы во что бы то ни стало из этого положения освободиться>.

Но, может быть, еще и вот что:

(д) <??-одежду можно рассматривать как неотъемлемую принадлежность тела — человек никогда и не снимает ее, просто «срастается» с ней, или даже носит ее на себе в наказание (за свое пребывание на земле), как верити>.

Этот пример — не единичное, а вполне типовое употребление сочетания у Платонова. В том же «Котловане» читаем, например: *люди валились, как порожние штаны...* (К).

Это происходит после того, как «кулаков» уже отправили (на барже) по реке — в Ледовитый океан, и в колхозе творится безудержное *ликование*: беднота танцует до упаду, т.е. просто никак не может остановить свое *топтание* на месте (все происходит на *ордворе*, под музыку марша, доносящегося из *радиорупора*), пока, наконец, безногий инвалид Жачев не начинает хватать и не укладывает всех по очереди — на землю.

Или вот еще пример:

(6) *Елисей* [не соображал], что штаны спустились с его живота, хотя вчера вполне еще держались. [Он] не имел аппетита к питанию и потому худел в каждые истекищие сутки (К).

Не имел аппетита — это перифраза более простого и естественного в данном случае: <не хотел есть>.

К тому же она еще и может быть очевидно соотнесена с:

<он не имел склонности / склонности / влечения к чему бы то ни было>. Здесь — как бы какая-то отстраненная медицинская констатация: ведь, *аппетит к питанию* — это из стиля госучреждений, что-то вроде <?-мероприятий по общественному питанию>.

Платонов постоянно сдвигает смыслы. ведь *худел в каждые истекищие сутки* — это значит: худел <?-на столько-то> или <за каждые истекающие сутки заметно худел>, а в целом — <?-как будто просто таял на глазах>.

В итоге напрашивается следующий вывод.

<всем платоновским героям должно быть стыдно (или даже противно, мерзко) иметь что-нибудь **внутри себя**, они как бы намеренно отторгают всякую пищу (поглощение пищи ставится наравне с приобретением чего-то — в частную собственность)>.

Что же, может быть, персонажам Платонова действительно хочется — быть внутри пустыми? Значит, это и есть для них — освобождение от тягости «собственнической» души? Так чего же надо их автору? — Чтобы у них не было *ничего за душой*?

Как известно, Россия Платонова (а он родился и вырос в пригороде Воронежца, Ямской слободе, т.е. практически в деревне) — это большая степная страна, где много свободных, или *порожных*, как он любит говорить, мест. Но сами слова *пустой / пустота* и *порожный*, присутствуют сразу в двух противоположных смыслах. Грубо говоря, с одной стороны, *порожное* — это плохо, т.е. пустое пространство, где ничего нет и которое должно быть заполнено (иначе просто *пропадает место*), а пока человеку делать в нем нечего — отсюда и вытекающие — *тоска / скука / грусть / печаль / уныние* и т.п. Но с другой стороны, это и хорошо, поскольку пустота несет в себе потенцию заполнения — в согласии со свободной волей субъекта. В этом Платонов, кажется, обостренно ощущает основное противоречие российской жизни. И вот как это выражается в его текстах. По поводу Чевенгура один из героев говорит:

(7) *Город порожний... Тут прохожесму человеку покой; только здесь дама стоят без надобности, солнце горит без упора и человек живет безжалостно: кто пришел, кто ушел, скуности на людей нету...* (Ч).

Общее отношение к жизни определено этим замечательно точно: *скуности на людей нет*.

Читай: <во всем Чевенгуре (?-да и по всей России) нет никакой бережливости, заботливого, уважительного отношения к человеку>. Здесь *скуность* — что-то вроде обратной литоты, преувеличения, или, так сказать, «обратного эвфемизма», т. е. сдвига значения, призванного не для того, чтобы сделать выражение более приличным, литературно-приемлемым, как это бывает обычно, а, наоборот, для того чтобы намеренно огрубить то, что имеет вполне устойчивое и принятое выражение. Герой (вместе с автором) сетует на отсутствие осмысленности: по его мнению, все делается *без всякой экономии*, т.е. без пользы и не впрок.

Итак, с одной стороны, пустота, незанятость, вакуум и «дырявость», оголенность пространства переживаются болезненно и могут быть постыдны. Мотив пустоты таким образом не раз «задействован» в платоновских текстах.

Но с другой стороны, *открытое* (или *пустое*) пространство — это именно то, что воодушевляет, позволяет забыть, дает человеку успокоение. Вот что переживают герои Платонова в минуты восторга (связанного с быстрым перемещением в пространстве, когда у них *дух захватывает*):

(8) *Конь разбрасывал теплоту своих сил в следах копыт и спешил уйти в открытое пространство. От скорости Копенкин чувствовал, как всплывает к горлу и уменьшается в весе его сердце. Еще бы немного быстрее, и Копенкин запел бы от своего облегченного счастья...* (Ч).

А вот Чепурный выбирается, наконец, из суеты жизни губернского города (с его партсобраниями и вводимым ээпом) — на степной простор:

(9) *За городом Чепурный почувствовал себя спокойней и умней. Снова перед ним открылось успокоительное пространство. Лесов, бугров и зданий чевенгурец не любил, ему нравился ровный, покатый против неба живот земли, вдыхающий в себя ветер и жмующийся под тяжестью пешехода* (Ч).

И тем не менее из пустого пространства человек у Платонова почему-то постоянно стремится в тесноту, в скученность, в давку. (По-видимому, именно из-за ощущения бесцельности и бессмысленности собственного движения в слишком просторном для него, внешнем пространстве?) Именно в тесноте он получает вожаемую возможность забыть, т.е. раствориться в массе, *растерять себя* и слиться с целым (общества, коллектива, семьи, природы), начав двигаться, так сказать, уже «в едином строю», «со всеми вместе», «по течению». Например, для прирученного Яковом Титычем таракана, который смотрит на мир через окно в комнате, весь внешний мир кажется *слишком просторным и страшным*, — поэтому в результате таракан предпочитает для себя *забвение в тесноте теплых вещей* (Ч) и так и не выходит наружу.

Утешение и успокоение для человека возможно через слияние своих («неправильных, ложных, эгоистичных, корыстных») чувств с чувствами всего че-

ловечества (а не разъединение, к которому толкает разум). Но при излишней удаленности, «разбросанности» пространства успокоение недостижимо, и такие пространства вселяют в человека страх:

(10) *Бурьян обложил весь Чевенгур тесной защитой от притаившихся пространств, в которых Чепурный чувствовал залегшее бесчеловечие* (Ч).

Так почему же именно над родиной Саша Дванов видит *безвыходное небо, делающее весь мир порожним местом?* — Т.е. как бы зазывающее его к себе, остающееся без него *неполным*, требующим его, Сашинного, участия?

В целом, все-таки, мне кажется, теснота переживается Платоновым еще болезненнее, чем пустота:

(11) *Лиза и Сарториус вышли вместе на улицу, занятую таким тесным движением, что казалось здесь же происходит размножение общества* (СМ)

Как пустота, так и теснота (т.е. излишняя разреженность пространства, с одной стороны, и переполнение, узость, с другой) может иметь значение 'заполненного неправильно (или просто занятого чем-то посторонним, другим, нежели нужно), неудобного, неприспособленного для жизни места'. Именно эти значения они у Платонова чаще всего и получают. Некоторые исследователи (в частности, Лангерак) даже считают, что теснота (по крайней мере, в «Чевенгуре») всегда однозначно выступает как признак смерти [4, 480].

Находясь в первом из излюбленных для писателя, затрудненных состояний (в состоянии *тесноты*), герой ощущает себя скованным (зажатым) со всех сторон (иначе говоря: *узником*), а все свои действия — строго детерминированными, совершенно предсказуемыми извне, никак не зависящими от него самого. Он постоянно старается преодолеть это мучительное для себя положение, но, как правило, не находя выхода, стремится — либо уж полностью утратить контакт, изолировать себя в пространстве, порвать все связи с окружающим, или *лечь на дно* (можно вспомнить желание матери Насти в «Котловане» — *заживо быть погребенной, остаться забытой, найденной*, ее переживания по поводу того, что она — *буржуйка*, т.е. дочь бывшего владельца завода, а также и желание множества героев Платонова куда-то непременно *ускользнуть*, «пройти по жизни незамеченными»), либо же, с другой стороны, напротив, — *растратить* себя до самого конца, *расхитить*, использовав свое тело, свой ум, все свои силы — «пресуществив» их на какое-то общепольное дело, а в реальности часто просто хоть на что-нибудь, чтобы только *выкинуть из памяти* или *развезть память* (о себе самих) или хотя бы *забыться*, позабыть свой ум.

Конечно, уход в себя и замыкание бесконечных пространств мира в одной единственной точке можно понимать и как своего рода сбережение, консервацию «до лучших времен» своего тела, способностей, своей души — из-за *отчаяния перед их невостребованностью* (или возможной «порчей») в этом излишне материальном, пропитанном духом ложных ценностей мире. Можно отнести это к манихейству, как мне кажется, глубоко сидящему в русской культуре (в варианте *носияфлян*). Но одновременно, как настаивает Платонов, в этом следует видеть — бесполезную растрату сил, бессмысленное, да и про-

сто преступное недействие, необязательность, расхлябанность и расслабленность, уход от ответственности, «закапывание таланта» или просто лень.

Находясь в другом состоянии, так сказать, уже *раскрепощенном* (т.е. *вольном, шальном, чудном, удалом* — проявляющем себя через озорство, увлеченность, восторг, но и разгул), герои Платонова теряют способность рассчитывать свои силы и вообще теряют контроль над собой, а также способность трезво оценивать что бы то ни было, но при этом они по-настоящему живут, живут *горячими чувствами*, а не одним холодным умом, не сознанием. (Сознание, по-платоновски, только *пере-жевыкает* то, что может быть *пере-жито* по настоящему — только в чувствах.)

Разные выработанные формы ограничения, оформления и «размежевания» собственного *пространства души* с посторонним, внешним, чужим характеризуют лишь самых эгоистичных и, так сказать, жизнеспособных героев Платонова. Таковы, к примеру, Прошка Дванов, горбун Кондаев в «Чевенгуре», инвалид Жачев в «Котловане», Умрищев и Федератовна в «Ювенильном море». Либо же это герои иного типа — действующие исходя из какой-то вселенской целесообразности и пытающиеся сохранить, удержать, зафиксировать все сущее на своих местах, чтобы каждая вещь (каждая *травинка* или *волосок*, *брошенный лапоть* или давно высохший *труник паучка*) — нашли бы себе должное место в мироздании, *уцелели бы полностью* в этом мире. Это — тоже вариант накопительства, консервации, но — скорее положительной и, во всяком случае, совершенно альтруистической, бескорыстной, хотя и (в отличие от предыдущего) уже насквозь утопической. Тут, конечно, развитие идей «Общего дела» Н. Ф. Федорова, то есть *материального воскрешения отцов*. Герои этого второго типа, как правило, слабые, и описание их доведено до пародии.

Но есть еще и третий тип платоновских героев — это действительно самоотверженные подвижники, живущие в *яростном мире*, часто даже просто «бешенные», или «сумасшедшие», «расточители самих себя». Они преобразуют мир, это люди будущего, труженики, добровольные мученики, способные взвалить на себя бремя уничтожения всего «неправильного» устройства вселенной и пересоздать ее в соответствии со своими идеалами, т.е. это люди, всегда «знающие, как надо». В ранний период своего творчества Платонов твердо ориентировался именно на них, однако позднее, с пересмотром своих позиций и отходом от прежних идеалов, характерным для него стало пристальное внимание именно к героям первого и второго типа. И отсюда, как следствие, постоянное двоение или даже «троение» его сочувствующей авторской точки зрения — между лиризмом описания героев и их же — пародированием. В героях второго типа, сомневающих, слабых, ненавидящих себя и поэтому, как правило, жаждущих смерти, движущим мотивом является мотив изоляции и замыкания в закрытом (или заполненном только собой, а поэтому *безвыходном и скучном*) пространстве. Именно так они пытаются отстоять и сохранить самостоятельность, уйти от растворения себя и смешивания с чуждой для них стихией — «всеобщего» существования. Но, с другой стороны, ведь это именно они не приемлют никакого насилия — ни над собой, ни над чем-либо вообще в мире. Они чаще всего и

представлены кропотливыми *собираателями памяти* — памяти о ветшающем и разрушающемся на их глазах мире, собирателями тех свидетельств, по которым — то ли в день Страшного суда, то ли после того, как наука *разгадает* тайну вечной жизни — можно будет воздать всему сущему по заслугам — и *палому листу*, и брошенному на дороге *лаптю*, и одиноко живущему в доме Якова Титыча *таракану*.

В ранних своих героях, неистово жаждущих борьбы и постоянно добивающихся цели, утверждающих себя в жизни, главенствует обратный, центростремительный мотив — размыкание замкнутых пространств, с обрыванием всех ненужных связей, устремленностью наружу, к выходу из себя, в космос. Эти герои приемлют всякое насилие — и над природой, и над всем миром, и над собой. Они тоскуют и страдают, скучают и мучаются именно от узости и темноты, от замкнутости своего мира и втиснутости в тесную оболочку собственного тела. Они болеют интересами только всего человечества, им скучно оставаться *наедине* с собой (со своим ограниченным разумом и пятью чувствами); они сознают себя *узниками* тела, их угнетает всякое замкнутое пространство — даже если это пространство собственной мысли (как и вообще любое повторение, которое они болезненно переживают как дурную бесконечность). Эти герои не просто исчезнут в позднем творчестве мастера, но они претерпят изменение авторского отношения к себе, прочно усвоив и впитав в себя трагизм и безысходность героев «второго» типа. Они будут по-прежнему жаждать вечного Эроса — соединения с другими, со всем человечеством (как Москва Честнова, физик Семен Сарториус или хирург Самбикин из «Счастливой Москвы»), но к их врожденному энтузиазму добавится сознание бессмысленности всего, *тоска тщетности*.

(12) *Сарториус с грустью посмотрел на него* [на Божко, который только что излагал перед ним идею несовершенства человеческой души]: *как мы все похожи, один и тот же гной течет в нашем теле* (СМ).

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Тоже характерные слова самого Платонова, с коэффициентами +7,7 и +3,7 соответственно.
- ² Здесь и далее ссылки на произведения Платонова даются без указания страниц и источника, а сокращения расшифровываются следующим образом (К) — «Котлован»; (ЛД) — «Любовь к дальнему». Рассказ; (РП) — «Река Потудань»; (СЧ) — «Сокровенный человек»; (СМ) — «Счастливая Москва»; (Ч) — «Чевенгур»; (ЮМ) — «Ювенильное море».
- ³ Внутри этой же направленности движения, выводящего «изнутри наружу», находятся и разбираемые в работе [1, 166—167] примеры *вошел на пустырь* и *пришел в пустырь*.
- ⁴ В угловых скобках я помещаю компоненты типа *конъектур* или *предположений*; причем последний вариант (про безвоздушное пространство) скорее можно представить как подходящий для космонавта, который летит в ракете.

⁵ Как было указано в докладе Н. Р. Добрушиной на конференции в Дубне, 1997

⁶ Этим наблюдением я обязан устному замечанию Н. Н. Леонтьевой

⁷ Т е тут происходит что-то вроде кафкианского *Превращения*

ЛИТЕРАТУРА

- 1 *Бобрик М.* Заметки о языке Андрея Платонова // Wiener Slawistischer Almanach В 35, 1995
- 2 *Засорина Л. Н.* (ред.) Частотный словарь русского языка М, 1977
- 3 *Геллер М.* Андрей Платонов в поисках счастья Париж, 1982
- 4 *Лангерак Т.* Недостающее звено «Чевенгура» (Текстологические заметки) // Russian Literature XXII, N Holland, 1987
- 5 *Левин Ю. И.* От синтаксиса к смыслу и далее («Котлован» А. Платонова) // Семиотика и информатика Вып 30 М, 1990
- 6 *Лихачев Д. С.* О национальном характере русских // Вопросы философии М 1990 № 4
- 7 *Рабцман Т. Б.* Мифология языка Андрея Платонова Н Новгород 1998
- 8 *Сеифрид Т.* Писать против материи о языке «Котлована» Андрея Платонова // Андрей Платонов Мир творчества М, 1994
- 9 *Толстая-Сегал Е.* О связи низших уровней текста с высшими (Проза Андрея Платонова) // Slavica Hierosolymitana Slavic studies of the Hebrew university Vol II, Jerusalem, 1978
- 10 *Топоров В. Н.* Апология Плюшкина вещь в антропоцентрической перспективе // Топоров В. Н. Миф Ритуал Символ Образ Исследования в области мифопоэтического Избранное М, 1995
- 11 *Якушева Г., Якушев А.* Структура художественного образа у А. Платонова // American Contributions to the Eighth International Congress of Slavistik Vol 2 Columbus, 1978

ТРАНСФОРМАЦИИ МИФОЛОГЕМЫ МИРОВОГО ДЕРЕВА У А. ПЛАТОНОВА

В произведениях А. Платонова нашла свое отражение совокупность различных, зачастую взаимоисключающих представлений о пространстве. Сюда относятся ньютоновское представление о бесконечном пустом пространстве и диаметрально противоположный ему комплекс мифопоэтических пространственных представлений. Для этих последних значимо понятие о центре, через который проходит мировая ось и вокруг которого организовано кольцеобразное, расширяющееся пространство. Центр может быть отмечен пупом земли, мировым деревом или же его функциональными разновидностями — крестом, горой, столбом, камнем, церковью, человеком-великаном. Мировое дерево осуществляет структурирование пространства не только по горизонтали, но и по вертикали (с выделением верхнего, среднего и нижнего мира). В традициях многих народов одинокое, отдельно стоящее дерево является объектом культового почитания¹

В произведениях А. Платонова образ мирового дерева встречается очень часто². Здесь в первую очередь нужно отметить широкое распространение образа одинокого дерева у писателя. Отдельность, уникальность дерева повышает его онтологический статус. Единственность дерева подчеркивается у Платонова соответствующими лексемами: *одинокое, одно, единственное, в одиночку*, ср.: «На дворе стояло *одно дерево* — лоза» (ЭТ)³; «На пространстве лагеря росло *одно дерево*» (МВ); «*старое дерево* росло на нем *одно* среди светлой погоды» (К); «под кушей закоптевшего *единственного дерева*» (Впрок), «*одинокая старая яблоня*» (Д); «растет *одинокое дерево* где-то» (Т), «росло *одинокое старое дерево*» (ДР), «ему пришлось < > надломить *одно небольшое дерево* мягкой породы, росшее в *одиночку* среди каменистого ущелья» (Д); «дошел до *одинокого ствола* обгорелой, погибшей *сосны*» (ВСЗС) «Одинокое дерево» упоминается также в рассказе «Июльская гроза» и в черновых вариантах «Котлована» Иногда единственность дерева не маркируется лексически, но подчеркнута рематическим выделением, ср.. «Росло *дерево* где-то на поляне, в окрестностях родины, освещенное июньским полуденным солнцем» (СЖ). Мифологично описание чинары в повести «Такыр»: «Персиянка поглядела на *старинную чинару* — *семь больших стволов* разрасталось из нее и *еще одна слабая ветвь*: *семь братьев* и *одна сестра*»⁴. Значимость образа мирового дерева отмечена у Платонова также тем, что с описания одинокого дерева начинаются три рассказа — «Дерево родины», «Свет жизни» и «Железная старуха». Функционально значимо упоминание одинокого дерева в зачине рассказа «Глиняный дом в уездном саду» и повести «Джан»

Э. Церен, возводящий образ мирового древа к лунарным и солярным мифам, где за дерево принимается Млечный Путь, отмечает, что к тому же источнику может быть возведен и образ двух деревьев (встречающийся, на-

пример, в египетской «Книге мертвых»), ибо в определенные периоды Млечный Путь предстает глазам наблюдателя как раздваивающееся дерево — с двумя ветвями [17, 153—200, 121—122] (ср. также в этой связи представление у многих народов Полярной звезды в качестве «Мирового Столпа» [19, 146—147]). У А. Платонова во фрагменте, который Н. В. Корниенко определяет как наброски экспозиции романа «Путешествие из Ленинграда в Москву в 1937 году» [«Предисловие»], есть наглядное подтверждение тому, что в восприятии писателя Млечный Путь сопрягался с деревом (ветвью дерева), ср.:

«Лишь в Млечном Пути он [Никодим] был уверен, — не во всем Млечном Пути, а в *отростке из него*, который выходил в сторону и кончался во тьме или уходил дальше тьмы < .. >, если весь Млечный Путь походил на толстый прут или обруч, окружающий все звезды и землю, чтобы никто никуда не ушел, то оборванная, слепая ветвь из него была дорогой бежавшего < . > Всякий раз, когда небо было звездное, он подолгу смотрел из тюремного окна на Млечный Путь и на его одинокую ветвь ..».

В рассказе «Лунная бомба» мы сталкиваемся с символическим значением двух столбов, которое тоже можно свести к небесной символике. Находясь под воздействием электромагнитных волн, возбуждающих бесконтрольные мысли, Крейцкопф думает «о двух яственных субъектах, ожидающих меня на суровом бугре, где гнилых два столба, а на них замерзшее молоко». Здесь, очевидно, нашло свое отражение представление о существовании двух небесных деревьев — ветвей Млечного Пути. В пользу этого говорит то, что в предпоследнем сообщении во время межзвездного путешествия Крейцкопф уже прямо называет Млечный Путь, который по мере приближения героя к Луне из «замерзшего молока» на столбах превращается в «поперечный синий поток». Видение Крейцкопфа обнаруживает близость к мифологической картине неба в египетском храме Дендера, на потолке которого изображены два дерева Ишед, растущие на вершинах гор, между которыми восходит солнце [17, 122].

В произведениях А. Платонова встречается также образ двух деревьев, ср.: «Две ракиты росли у той дороги, на выходе ее из деревни в поле» (ПНП); «В саду росло всего деревьев сорок — яблони, груши и два клена» (ЯС). В последнем примере упоминание о двух кленах в саду явно корреспондирует с подробным описанием сада, в котором есть один клен, в рассказе «Глиняный дом в уездном саду». Из разновидностей одиночных и двойных деревьев у Платонова встречаются сосна (Уля, ВСЗС), дуб (РОМИВ; СЖИР), клен (ГДВУС, ЖС, ЯС), лоза (ЭТ), ракита (ПНП), тополь (А), яблоня (Д, Впрок), чинара (Т), ветла (ИГ), верба (ЖД). В мифологии и фольклоре многие из этих деревьев могут выступать в роли мирового дерева. Существенно, однако, что у Платонова дерево часто представлено обобщенно (просто как дерево), без указания на разновидность. Это сопрягается с обобщенными мифологическими и библейскими представлениями о дереве. Тенденции к высокой степени обобщенности соответствует у Платонова и употребление вместо слова *дерево* номинаций *деревянное растение* (МВ), *твердые растения* (Ч) и даже просто *растения* (СЧ).

Важность образа дерева подчеркнута также встречающимися у Платонова топонимами: река *Тихая Сосна* (Впрок), река *Старая Сосна* (СЖ); деревья *Тихие Березы* (СН); хутор *Девьи Дубравы* (ГГ). Приведенным топонимам изофункциональны названия, в основе которых лежит образ горы (разновидность мирового дерева), ср. населенный пункт *Белые Горы* (РОМИВ), поселок *Гора-Горушка* и село *Малые Вершины* (ГГ), *Лобская Гора* и *Медвежья Гора* как названия мест, а также деревни и станции (СЖИР). Топоним *Лобская гора* встречается также в рассказе с одноименным названием.

Мировое дерево служит средством структурирования пространства по вертикали. В мифологиях многих народов верхний, средний и нижний мир маркируются соответственно птицами в ветвях мирового дерева, змеей у его корней и копытными возле ствола. У Платонова подобное представление полностью воспроизведено в рассказе «Лунная бомба»: «Пал лист с деревьев, и его жевали козы. Глотали ягоды змеи, и на деревьях от них трепетали птицы». В более поздних мифологических традициях со средней частью мирового дерева, помимо животных, связывался и человек. У Платонова этот образ трансформируется в представление о связи дерева и ребенка: рассказы «Свет жизни» и «Железная старуха» начинаются описанием ребенка, сидящего под одиночным деревом. Птицами маркируется верх деревьев в рассказах «Фро» и «Такыр», ср.: «Персианке представлялось в жарком, больном уме, что растет *одинокое дерево* где-то, а на его ветке сидит *мелкая, ничтожная птичка...*» (Т). Платонов может непосредственно подчеркивать ориентированность дерева вверх: «За окном, начав *прямой путь в небесное счастливое пространство, росли сосны...*» (Фро); «Снаружи росло дерево; теперь его было видно в свете зари. *Ветви дерева росли прямо вверх и в стороны, никуда не закругляясь, не возвращаясь назад, и кончалось дерево резко и сразу, — там, где ему не хватило сил и средств уйти выше*» (СМ). Может быть отмечена также высота дерева, ср.: «...*выше всех был клен, большое и грустное дерево*» (ГДВУС) Дополнительным средством выделения верхнего полюса может служить также ветер в кроне деревьев, ср.: «слабо поскрипывали *стволы сосен от верхнего течения воздуха*» (Фро); «Сербинов и Софья Александровна находились *под старым деревом; его листья равномерно шумели в потоке постоянного высокого ветра...*» (Ч). В различных мифологиях верх мирового дерева может маркироваться небесными светилами [4, 22; 2, 227]. У Платонова тоже встречаются случаи подобного рода, ср.: «Росло *дерево* где-то на поляне, в окрестностях родины, *освещенное июньским полуденным солнцем*» (СЖ); «Желтый свет позднего солнца осветил *старое осеннее дерево*» (ЖС). Особенно наглядны случаи, когда в произведениях Платонова заместителем образа мирового дерева выступает столб (каланча, башня), ср.: «И *росла против солнца деревянная башня* под горячими руками одиноких во враждебном мире людей» (РОМИВ). Модификацией солнца в ветвях мирового дерева могут выступать электрические лампы, ср.: «Стол находился под *кущей закоптевшего единственного дерева* — в конце двора; над столом, *подвешенная к дереву, горела чугунная люстра из десяти пятисвечных электрических лампочек*»

(Впрок); «...тут же находился высокий столб, и на нем горела электрическая лампа, освещаая день» (РЭ). Многие свидетельствует здесь в пользу того, что в ряде подобных случаев Платонов сознательно использует параллель с мифологемой мирового дерева. Так, в повести «Впрок» описывается каланча с «электросолнцем» наверху. В очерке «Первый Иван» приспособление для увлажнения почвы имеет вид мачты с медным шаром наверху⁵. В рассказах «Среди животных и растений» и «Лобская гора» деревня в четыре избышки, расположенная на вершине Лобской Горы, сравнивается с «со-звездием бедных звезд».

Моделирование пространства по вертикали часто усиливается Платоновым за счет расположения мирового дерева или же его функциональных заместителей на горе, холме, бугре. В рассказе «Лунная бомба» два гнилых столба находятся «на суровом бугре». В повести «Впрок» каланча с искусственным солнцем наверху расположена «на склоне холма». В романе «Чевенгур» ориентиром для ушедшего в город побираться маленького Саши должна служить «каланча на бугре»; выросший Саша Дванов во время странствия видит кладбищенские кресты «на размытом оползшем кургане». В повести «Котлован» дерево возвышается «на глиняном бугре». Видение «белых спокойных зданий» посещает Прушевского, когда тот находится на холме (К). Макар видит во сне «гору, или возвышенность», на которой стоит «громоздкое тело» «научного человека» (УМ). Низ мирового дерева может маркироваться у Платонова несколькими способами. У корней дерева могут находиться различные заместители змеи. В рассказе «Мусорный ветер» в этой роли выступает обросший шерстью и утративший способность передвигаться Лихтенберг, который живет под растущим на территории лагеря деревом. Этот образ повторяет и усиливает присутствующее в повести «Котлован» описание умирающей и обрастающей шерстью матери Насти в доме с деревянной лестницей (лестница тоже может выступать как символ мирового дерева). В качестве заместителя змеи у Платонова может выступать червь у корней дерева (ЖС) и на стволе яблони (Впрок). В последнем случае мы встречаемся с травестийным изображением червя как медиатора между нижним и верхним миром. Во второй части рассказа «Любовь к родине, или Путешествие воробья» описывается живущая у источника змея. Ниже по течению ручья находится скала (вариант мирового дерева), где ночует воробей. Змея и воробей маркируют здесь нижний и верхний мир. Этот образ усиливает и развивает присутствующее в начале рассказа описание памятника Пушкину (моделирующего пространство по вертикали) с воробьем и черепахой у подножия.

Однако более распространенным у Платонова способом фиксации связи корней мирового дерева с нижним миром является указание на находящиеся рядом с деревом провалы в земле: *овраги, пещеры, колодцы*, ср.: «Недалеко находился заглухший овраг, и одинокое дерево наклонилось над ним безветренными ветвями» (Кчерн); «От подножия мертвой сосны начинался спуск в большой, разработанный потоками овраг» (ВСЗС) (ср. также дуб рядом с оврагом в РОМИВ); «Лихтенберг вырыл под корнем дерева неболь-

шую пещеру» (МВ); «Ее [девочку] нашли в летнее время под сосною у дорожного колодца» (Уля); «Она села у дорожного колодца, возле которого росла старая сосна» (Уля)

Помимо прямых случаев связи дерева и провалов в земле как символов верхнего и нижнего мира мы встречаемся с опосредованными случаями подобного сопряжения, когда соответствующие указания разделены пространством текста. При этом в роли дерева могут выступать его символические заменители. В рассказе «Дерево Родины», начинающегося с подробного описания могучего старого дерева, герой потом попадает в немецкую тюрьму, представляющую собой «каменный колодец», и думает, что он находится «на том свете». В рассказе «Железная старуха» сначала описывается ребенок, сидящий под кленом, а ночью ребенок оказывается в пещере в склоне оврага. В рассказе «Июльская гроза» бабушка лезет в погреб, а дети роют «яму подле ржи», чтобы спастись от дождя, — после этого следует упоминание об одиночных деревьях. В рассказе «Фро» высокие деревья за окном героини противопоставлены шлаковой яме, куда она опускается. А. Жолковский отмечает, что «с мифологической точки зрения перед нами довольно наглядный спуск в подземное царство», и говорит о распространенности подобного мотива у Платонова [3, 395]. В повести «Впрок» герой, который сначала ремонтирует «электросолнце» на каланче и наблюдает за его успешной работой с дерева, в другой артели говорит о себе как о «колодезном и черепичном мастере». В повести «Котлован» упоминание вначале о дереве на бугре и сам проект строительства общепролетарского дома контрастируют с углубляющимся котлованом, ямой, пропастью. В зачине повести «Джан» говорится о дереве, а потом повествование концентрируется на событиях, происходящих в Сарокамышинской впадине, «адовом дне» коммунизма. В романе «Чевенгур» коммунистический город тоже расположен на «адовом дне» и ему противопоставлены несколько символов верха — курган, глиняный маяк, колокольня, воображаемое дерево, с которого во сне Пикуся обзревает Чевенгур сверху, а также окружающие город возвышенности. В рассказе «Глиняный дом в уездном саду» вслед за подробным описанием сада с растущими в нем деревьями акцент делается на избушке — символе потустороннего мира. Примеры противопоставленности верха и низа находим также в повести «Строители страны» (кирпичный столб в память жертвам Октября рядом со срубовым колодезем), в рассказе «Такыр» (башня и колодец), в военном рассказе «Штурм лабиринта» (две готические башни и подземный лабиринт), в повести «Епифанские шлюзы» (канал и «башенная тюрьма»), в повести «Ювенильное море» (башня и бурение земли), в «Техническом романе» («сторожевая тюремная башня» и подвал тюрьмы). В ряде произведений символика верха отмечена или же усилена мотивом освоения космоса. В «Рассказе о многих интересных вещах» овраг, а также рытье Ивановом колодца противопоставляются бугру, на котором находится дуб, деревянной башне и в конце произведения межзвездному путешествию, которое предпринимает Иван. В рассказе «Лунная бомба» Крейцкопф, первоначально шахтер, потом осуществляет проект полета на Луну. В повести «Эфир-

ный тракт» в оппозиции находятся *бурение земли* и решение загадки строения *эфира, заполняющего межзвездные пространства*. Верх и низ противопоставлены также в упоминавшихся выше топонимах *Лобская* и *Медвежья Гора* (*лоб* — передняя и верхняя часть головы, *медведь* — хранитель нижнего мира).

Мирового дерева в соответствии с мифологическими представлениями обнаруживает у Платонова связь с основным индоевропейским мифом о поединке Бога-Громовержца со змеем. В мифологии мировое дерево, а также гора выступают как атрибут Бога Грозы [1, 298—303; 4,7 и след.]. У Платонова в «Рассказе о многих интересных вещах» во время грозы молния попадает в *«столетний дуб»*. В рассказе «Дерево Родины» про дерево говорится, что «его не однажды на его стариковском веку *убивала молния с неба»*. Отмеченность грозы как природного явления отражена писателем в названиях рассказов «Июльская гроза» и «Бой в грозу». В них тоже присутствуют рефлексии основного мифа, причем в более отчетливой форме. Это достигается за счет скрытого уподобления молнии змее. В рассказе «Июльская гроза» Антошка сначала видит молнию, *«ужалившую землю»*, а потом молния попадает в дерево. В рассказе «Бой в грозу» молнии попадают в высоту (вариант мирового дерева), ср. *«Вертикальные молнии ужалили землю»*; *«Очередная молния < . > разделившись на четыре ветви, впиалась ими в скат высоты, издав гром, похожий на долгий вопль»*.

Мировое дерево служит также средством моделирования пространства по горизонтали. Оно и его функциональные заместители маркируют центр мира, через который проходит мировая ось.

У Платонова в ряде произведений семантика центра мира выражена эксплицитно. В повести «Ямская слобода» в травестийной форме описываются поиски пупа земли ямщиком Астаховым по поручению академика Бергравена. Помимо фиксации центрального положения пупа земли (*«в сердцевине степи»*, *«посередине степи»*), особо подчеркивается также его вершинное положение и сопряженность с мировой горой и мировым деревом. пуп земли должен находиться *«на высоких гладких местах»*, *«он весь большой должен быть, вроде пня или кургана»*. Хотя поиски оказались бесплодными, Астахов обманывает Бергравена и говорит ему о пупе земли то, что тот хочет услышать: *« [он] в бугристом месте посередине степи торцом стоит»*. Г. Литвин-Молотов в письме Платонову отметил распространенность у писателя мотива пупа земли. В повести «Строители страны» по заданию Шумилина Дванов отправляется искать *пуп социализма*, а в рассказе «Дикое место» ученый ищет *пуп нации великодержавной* [5, 219].

В повести «Усомнившийся Макар» семантика центра задана иначе. Главный герой, попав в Москву, ищет *«середину центрального города и центр всего государства»*, который, по его мнению, должен быть отмечен жердью с красным флагом (вариант столба)⁶, но оказывается отмеченным камнем: *«Макар оперся на камень, чтобы постоять в самом центре и проникнуться уважением к самому себе и к своему государству»*. В данном описании камень изофункционален пупу мира и структурирует последовательно

расширяющееся кольцеобразное пространство. площади около Большого театра, города и государства⁷ В повести «Котлован» ось мира представлена всемирной *башней*, о которой размышляет инженер Прушевский Она должна находиться «в середине мира» / «в центре мира» / «посреди всемирной земли» (К) В повести «Строители страны» памятник жертвам революции в виде кирпичного столба стоит на площади, расположенной «посреди поселения» В *середине* такыра находится башня в повести «Такыр»

Дерево у Платонова тоже часто маркирует центр пространства, хотя и не всегда в столь очевидном виде, как в рассмотренных выше случаях В рассказе «Македонский офицер» правитель Кутемалини задумывает создать на земле рай «Пусть / мое дерево / дерево моего рая / разрастется на всю землю /», — говорит он. Эти слова прямо отсылают к библейским представлениям о дереве жизни «посреди рая» (Быт. 2, 9) В «Рассказе о многих интересных вещах» мировое дерево представлено, в частности, в виде сада, вокруг которого строится кольцевой дом в Сурже (таким образом, вокруг сада структурируется расширяющееся кольцеобразное пространство) Центральное положение дерева часто связано с ограниченностью, замкнутостью места его расположения, например, во дворе института (Д), во дворе дома (ЖС; А), «на пространстве лагеря» (МВ), в саду (ГДВУС) Часто дерево находится около какого-либо сооружения — сарая (Д), кузницы (ИГ) и, что особенно важно, около дома (ИГ), «у сеней» (Ч) Здесь показательна связь «дерева детства» (А) с моделированием пространства ребенком, с его делением на «свое» и «чужое» Нахождение дерева около дома может быть отмечено его расположением за окном (Фро, СМ, ЖД) Серединное положение дерева может быть парадоксальным образом связано с его нахождением «посреди сельской улицы» (ИГ) (ср «столб на дороге» в рассказе «Неизвестное») Дерево у Платонова может находиться на границе «своего» и «чужого» мира и маркировать переход между ними Дерево может расти «при выходе из деревни, у края проселочной дороги» (ДР) или «где-то на поляне, в окрестностях родины» (СЖ) В рассказе «По небу полуночи» упоминается о двух ракигах, которые «росли у той дороги, на выходе ее из деревни в поле»

Проанализированный в настоящем разделе материал позволяет с уверенностью утверждать, что Платонов был знаком с мифологическими представлениями о мировом дереве и сознательно отразил их в своих произведениях Это относится к частой встречаемости у писателя образа одиночного дерева и его функциональных заместителей, а также к моделированию с их помощью пространства по модели мифопоэтического

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Мифологеме мирового дерева и традиции почитания деревьев посвящена обширная литература, см. [1, 277 и след., 4, 8—16, 18, 449—453, 19, 38—45, 145—158 и др.]

² До настоящего времени исследователями Платонова встречаемость образа мирового (мифопоэтического) дерева у писателя была отмечена два раза — на примере рассказов «Глиняный дом в уездном саду» и «Такыр» [7, 190—191, 6, 283]

- ³ В статье приняты следующие сокращения названий произведений А. Платонова: А — «Афродита»; ВСЗС — «В сторону заката солнца (Иван Толокно)»; ГГ — «Город Градов»; ГДВУС — «Глиняный дом в уездном саду»; Д — «Джан»; ДР — «Дерево Родины»; ЖД — «Житейское дело»; ЖС — «Железная старуха»; ИГ — «Июльская гроза»; К — «Котлован»; Кчерн — Черновики к «Котловану»; МВ — «Мусорный ветер»; ПНП — «По небу полуночи»; РОМИВ — «Рассказ о многих интересных вещах»; РЭ — «Родина электричества»; СЖ — «Свет жизни»; СЖИР — «Среди животных и растений»; СМ — «Счастливая Москва»; СН — «Старый Никодим»; СЧ — «Сокровенный человек»; Т — «Такыр»; УМ — «Усомнившийся Макар»; Ч — «Чевенгур»; ЭТ — «Эфирный тракт»; ЯС — «Ямская слобода».
- ⁴ В этой связи важно упоминание о семи братьях и одной сестре (распространенный фольклорный мотив), а также сакральность чисел семь и восемь, значимых для мифологического моделирования мира. Интересную типологическую параллель к описанию Платоновым дерева в повести «Такыр» представляет мировое дерево с восемью ветвями в якутской мифологии и семь ветвей мирового дерева шаманских деревьев, см.: [19, 155–162; 11, 403–404; 2, 156].
- ⁵ Ср. в этой связи архаический обряд с воздвижением столба с солнцем-колесом над ним как символами мирового дерева: [4, 22].
- ⁶ Мифологическая значимость столба как эквивалента мирового дерева позволяет объяснить его метафизическую значимость для героя рассказа «Невозможное», который «набрел на столб на дороге — и больше не мог его ни забыть, ни перенести. Он понял этот столб, как нужно по-настоящему понимать человеку все вещи в мире — и больше ничего»; «Он не мог забыть и просто перевернуть и перенести в душе пустынной дороги и старого изгнившего столба на ней». Дорога и столб называются писателем в ряду таких основ устройства мироздания, как свет, звезды и облака и любовь. Здесь, по мнению писателя, может корениться спасение для человека.
- ⁷ Отмеченность камнем центра пространства и тождественность его мировому дереву зафиксирована в начале повести «Джан», где около «одиноким старой яблони» находится «самородный камень весом пудов, наверно, в сто».

ЛИТЕРАТУРА

1. Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу: В 3-х томах. Т. 2. М., 1994.
2. Голан А. Миф и символ. М., 1992.
3. Жолковский А. Душа, даль и технология чуда (Пять прочтений «Фро») // Андрей Платонов: Мир творчества. М., 1994. С. 395.
4. Иванов Вяч. Вс., Топоров И. Н. Исследования в области славянских древностей. М., 1974.
5. Литаин-Молотов Г. З. <Письмо А. П. Платонову> // Андрей Платонов: Воспоминания современников: Материалы к биографии. М., 1994.
6. Мальгина Н. М. Модель сюжета в прозе А. Платонова // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. Вып. 2. М., 1995.
7. Толстая-Сегал Е. О связи низших уровней текста с высшими: Проза Андрея Платонова // Slavica Hierusolimitana. Jerusalem, 1978, Vol. 2.

- 8 *Топоров В. Н.* О структуре некоторых архаических текстов, соотносимых с концепцией «мирового дерева» // Труды по знаковым системам Т. 5. Тарту, 1971
9. *Он же.* К происхождению некоторых поэтических символов (Палеолетическая эпоха) // Ранние формы искусства: Сб статей М., 1972
- 10 *Он же.* Древо жизни // Мифы народов мира Энциклопедия В 2 т Т. 1. М., 1991.
- 11 *Он же.* Древо мировое // Там же
12. *Он же.* Древо познания // Там же.
- 13 *Он же.* Гора // Там же
14. *Он же.* Крест // Там же Т. 2. 1992
15. *Он же.* Пуп земли // Там же
- 16 *Фрезер Д.* Золотая ветвь. М., 1980.
17. *Церен Э.* Лунный бог М., 1976.
18. *Штернберг Л. Я.* Первобытная религия в свете этнографии Л., 1936.
- 19 *Элиаде М.* Космос и история. М., 1987.

ПРОСТРАНСТВО В ПОЭТИЧЕСКОМ МИРЕ О. МАНДЕЛЬШТАМА*

Поэзия, как известно, не использует напрямую опыт обращения с пространством; она не знает, например, законов перспективы, как знают ее архитектура и живопись. Еще Лессинг писал о том, что в ряду искусств, имеющих дело с пространством, поэзия занимает предпоследнее место, перед музыкой. С другой стороны, поэзии не требуется и то отчетливое и ясное понимание пространства, которое достигается философией (и наукой): считается, что определения и формулы лишают поэзию непосредственности и свежести восприятия мира, ей свойственной. Но тогда вызывает недоумение тот факт, что применительно к русской поэзии XIX — нач. XX вв. то и дело говорят о «пространстве поэта» — например, о «пространстве Тютчева» или «пространстве Блока». И это при том, что само слово *пространство* в поэзии этого периода представлено единичными употреблениями, о чем мы скажем чуть позже). Все это заставляет нас предположить, что исследователи пользуются пространством как неким трафаретом: зная, что оно должно быть, они его «вычитывают», т.е. интерпретируют элементы текста — слова с пространственной семантикой, дейктические слова, пространственные предлоги и т.д. — как приметы некоторого пространства. Однако, при таком подходе обычно не уточняется, о каком именно пространстве идет речь — о реальном (физическом), непосредственно окружающем человека? о вместительности? о протяженности? Кроме того, нередко остается открытым вопрос: где выстраивается это пространство — в поэтическом тексте? в так называемом денотагивном пространстве, вокруг Я-субъекта (т.е. аналога говорящего в поэзии)? в картине мира поэта?

Исследователи не задумываются над этими вопросами в первую очередь потому, что и в лингвистике, и в литературоведении *пространство* принято относить к числу самоочевидных слов (или понятий). Однако, в реальной филологической практике распространенный миф о понятности и простоте *пространства*¹ не только препятствует отчетливому пониманию феномена поэтического пространства, но и затрудняет сопоставление «*пространств*» в нескольких идиолектах. Продолжая тему множественности понимания пространства, мы совершим небольшой экскурс в историю филологии и культуры.

Мифологическое пространство оживотворено, одухотворено, заполнено вещами. Это, фактически, реальное, физическое, окружающее человека *пространство-космос, пространство-мир* (см. статью «Пространство» В. Н. Топорова в «Мифах народов мира»).

Для древнегреческой философской мысли эквивалентом пространства становится то *космос*, то *пустота* и *воздух*, то *вместительность* и *место*, но не *бесконечность*

* Работа выполнена в рамках проекта «Поэтика как точная наука» (Научная школа М. Л. Гаспарова) Российского фонда фундаментальных исследований № 00-15-98845

Новое время уже знает *абстрактное пространство* (а не конкретное, как раньше), абстрагированное от вещей, гомогенное, которое не имеет границ; оно нередко отождествляется с дурной *бесконечностью*. В Новое время возникает большое количество философских определений пространства, в которых оно осмысливается с самых разных позиций.

Пространство как атрибут мира определяется в философской системе Декарта через *протяженность*: «Пространство, или внутреннее место, также различается от тела, заключенного в этом пространстве, лишь в нашем мышлении. И действительно, протяжение в длину, ширину и глубину, образующее пространство, образует и тело. Разница между ними только в том, что телу мы приписываем определенную протяженность. Пространству же мы приписываем протяжение столь общее и неопределенное, что оно сохраняется, если устранить из него тело» (подробнее см. [2])

Пространство с позиций эмпиризма (Локк) — это возвращение к старым идеям *пустоты* и отрицание пространства-протяженности

В философии 17—18 в. складываются два типа пространства, *абсолютное пространство Ньютона* и *относительное — Лейбница* (см. подробнее [1]). Абсолютное пространство появляется в ньютоновской теории как самодостаточное, независимое от материи, не определяемое материальными объектами. По существу, это *пустота* — но и *вместилище* одновременно. Противостоит абсолютному пространству — научному и для научных целей созданному — пространство Лейбница, философское *par excellence*. «пространство с точки зрения возможности обозначает порядок одновременных вещей, поскольку они существуют совместно, не касаясь их специфического способа бытия» [5]. В философии Лейбница части пространства определяются и различаются только с помощью имеющих в них вещей.

Следующий этап связан с именем Канта, чья философская система начинается с гносеологии: мир прямо непознаваем, реальность существует сама в себе, т. е. она трансцендентна по отношению к человеку. Чтобы продемонстрировать этот тезис, Кант доказывает два противоположных понятия о пространстве, составляющих 1 антиномию: «мир ограничен в пространстве и времени» vs. «мир не имеет начала во времени и границ в пространстве» (см. [4])

Итак, говоря далее о *пространстве*, мы будем всякий раз уточнять, о каком именно типе идет речь (как правило, «поэтическое» пространство легко подводится под один из вышеперечисленных типов). А за пространственными категориями (такими, как *место, расстояние, протяженность, форма*) мы, вслед за П. А. Флоренским, закрепим термин *пространственность*.

Далее мы постараемся доказать, что в русской поэтической традиции Мандельштам был первым *поэтом пространства*.

В русской поэзии XIX—XX вв. по нашим подсчетам и в полном согласии с наблюдениями других исследователей (см., например, [13]) поэзия XIX и даже начала XX века была в большей степени занята *миром, природой, вещами*, тогда как *пространство* или «растворялось» в них, или «сливалось» с ними настолько, что выделить его в самостоятельную категорию едва ли возможно. Первые смелые опыты по абстрагированию *пространства от мира* были предприняты, конечно же, символистами. Мы имеем в виду даже не столько появление слова *пространство* (малоупотребительного даже и в символизме, см. ниже), сколько появление *бесконечности, дали, выси, просторов* и т. д. в новых контекстах, в отвлечении от мира и вещей. В целом же, о поэтической картине мира XIX века можно смело ска-

зать, что в ней, определенно, есть пространственность, но не пространствo². В защиту этого тезиса можно привести по крайней мере три наиболее весомых довода

Прежде всего само слово *пространство* было чужим, практически неосвоенным русской поэзией XIX века. Это и понятно. Во-первых, *пространство* «дублировалось» *простором*, *миром*, *светом*, *вселенной* и т.д. Во-вторых, из-за своего «научного» или «философского» ореола оно не ощущалось русской поэзией «своим». Вот лишь небольшая историческая справка: в лирике Пушкина слово *пространство* отсутствует, у Лермонтова оно встречается 3 раза (1 употребление на 2411 строк), у Тютчева — 1, в переводе, (1 / 6675), у Фета — 2 (1 / 3080), у Блока — 4 (1 / 3288), у Гумилева и Ахматовой — по 7 (1 / 1015 и 1 / 1078).

Досимволистские и даже символистские словоупотребления отражают не интерес к *пространству* как таковому — слово *пространство* используется преимущественно как яркое и эффектное средства изобразительности (см. *пространство-1* и *пространство-3*). Все словоупотребления сводятся ровно к 4 случаям:

- пространство-1** (в Ед.ч. — замена для близкого по значению *мира*);
- пространства** (во Мн.ч. — при передаче идеи многомирия, то же, что *миры*),
- пространство-2** (и время) (как атрибут *мира* 'протяженность' или 'три измерения'),
- пространство-3** (*пространство X-а* — внутреннее пространство чего-либо).

Итак, это слово в Ед.ч. использовалось для изображения мироздания, расширенного до бесконечности (1) *Шар раскаленный, золотой / Пошлет в пространство луч огромный. / И длинный конус тени темной / В пространство бросит шар другой* (А. Блок). *Пространства* (уже во Мн.ч.) служили указующим жестом в сторону *миров* иных, недоступных для человеческого восприятия, ср. (2) *Не сходим ли с ума мы в смене пестрой / Придуманых причин, пространств, времен* (А. Блок), (3) *Бога, в пространствах идущего, / Лицо сумасшедшее* (Н. Гумилев).

Пространство в другом значении — как атрибут этого мира, т. е. равняющееся протяженности или грем измерениям, чаще всего стояло в паре со *временем* (последнее также в значении атрибута), ср. (4) *Нет, ты [Господь] могуч и мне непостижим / Тем, что я сам, бессильный и мгновенный, / Ношу в груди, как оный серафим, / Огонь сильней и ярче всей вселенной / < . . . > Во мне он [огонь] вечен, вездесущ, как ты, / Ни времени не знает, ни пространства.* (А. А. Фет). В символизме *пространство* и *время* воспринимались как препятствие на пути мистического познания иных миров, высшего и запредельного, и по этой причине они нередко получали отрицательные оценки: *пространством* и *временем* надо было пренебречь, чтобы открылся доступ к высшему, неземному, ср.: (5) *Перелетев на крыльях лебединых / Двойную грань пространства и веков, / Подслушал ты на царственных вершинах / Живую песнь умолкнувших певцов* (Вл. Соловьев).

Через «внутреннее» *пространство* (т. е. *пространство* в третьем значении) в поэзии «высвечивались» другие области бытия, ср. (6) *Я небо не любил, хотя дивился / Пространству без начала и конца* (М. Ю. Лермон-

тов) В поэзии нач. XX встречается, хотя и нечасто, употребление конструкции *пространство X-а*, ср. (7) *Косые соответствия / В пространство бросить / Зеркальных сфер* (М. Кузмин).

О неприятии *пространства* свидетельствует и целый ряд поэтических манифестов, написанных предшественниками и современниками Мандельштама. В них оно нередко оценивалось со знаком минус (о причинах неприятия мы уже говорили выше, см. комментарии к (5)). Попутно отметим, что у авторов многих манифестов протест вызывала классическая философия (особенно Кант¹) тем, что в ней возможности человеческого разума на пути познания мира признавались ограниченными. В «крестовый поход против Канта», начатый Н. Федоровым, включились символисты, вслед за ними — Хлебников и русский авангард. Выдержки из манифестов приводятся в [14].

Если на этом фоне рассматривать «*пространство* Мандельштама», то о нем можно смело говорить как о самостоятельной категории внутри поэтического мира Мандельштама, т. е. как о важном звене в мышлении о мире. Однако так было не всегда. В ранний, символистский период творчества Мандельштама, когда мир еще не родился из хаоса или пустоты (мы воспользовались аналогией с «мифологическим» пространством), — и слово *пространство* оказывалось совершенно ненужным, лишним². Процесс перестройки символистского хаоса и пустоты в акмеистический мир (ставший затем гармоничным и устроенным, как античный космос) сопровождался появлением слова *пространство* в поэтическом словаре Мандельштама (см. примеры (16), (13))³. Параллельно в своих программных статьях Мандельштам размышляет о том, что мир нужно принимать таким, какой он есть, с пространственными (геометрическими) законами, действующими в нем. В акмеистическом манифесте «Утро акмеизма» Мандельштам подхватывает излюбленную символистскую тему. *мир* — клетка, *пространство* в нем («три измерения») — оковы, человек находится в плену у *пространства* и не может выйти за его пределы. Однако он переставляет акценты: раз у человека при жизни нет иного дома, чем *мир*, значит, с *миром* и *пространством* нужно считаться, а не заслоняться от них, ср.: (8) *Символисты были плохими домоседами, они любили путешествовать. Но им было плохо, не по себе в клетке своего организма и в той мировой клетке, которую с помощью своих категорий построил Кант. Для того, чтобы успешно строить, первое условие — искренний пиетет к трем измерениям — смотреть на них не как на обузу и на несчастную случайность, а как на Богом данный дворец. В самом деле, что вы скажете о неблагодарном госте, который живет за счет хозяина, пользуется его гостеприимством, а между тем в душе презирает его и только и думает, как бы его перехитрить. Строить можно только во имя «трех измерений»* (II-143). На общем фоне сам факт приятия мира по Канту, против которого ополчились не только символисты, но и пришедшие им на смену поэтические школы, должен был прозвучать как вызов. Отметим еще, что восприятие пространства в этот период предполагает именно человеческое, земное зрение, а не надчеловеческое (надмировое), как у символистов (ср. (1), (2)).

В дальнейшем Мандельштам полностью отходит от этой идеи *пространства-оков*. Он учится сам и учит читателя видеть *пространство*, приучается

и причает читателя всматриваться в линии, формы, движение. И, в конце концов, в «Восьмистишиях» опыт постижения пространства выливается в рассуждения о том, что такое *пространство*. При этом в своих поэтических дефинициях Мандельштам пользуется таким герметичным языком, такими сложными образами и метафорами, что и от читателя требуется со-продумывание, со-участие в постижении *пространства* (см. примеры (21), (22))

В поэтическом языке Мандельштама само слово *пространство* относится к числу ключевых, оно встречается 19 раз (1 раз на 348 строчек) и 2 употребления — в черновых вариантах. Как можно видеть, употребительность этого слова в идиолекте Мандельштама в несколько раз превосходит те идиолекты, в которых это слово имеется (см. выше)

Все многообразие употреблений этого слова можно свести к трем ступеням «овладения предметом». Приводим их по степени усложненности. а) *зрительно воспринимаемое пространство* предполагает работу зрения и наблюдение за линиями, формами и т. д., б) *эмпирически постигаемое* — ходьбу и освоение *пространства* в путешествиях (отсюда у Мандельштама метафора *зрячая стопа*), в) *умопостигаемое / умозрительное* — работу мысли. Значения этого слова можно легко раскладывать на три блока

I. <ФИЗИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО, ОКРУЖАЮЩЕЕ ЧЕЛОВЕКА, ИЛИ ПРОСТРАНСТВО-ВМЕСТИЛИЩЕ>

пространство-1.1 'зрительно воспринимаемое / осязаемое' (8 примеров),
пространство-1.2 'объем' (=умопостигаемое) (1 пример),

II. <ПРОСТРАНСТВО КАК АТРИБУТ ЭТОГО МИРА>

пространство-2.1 'три измерения' (1 пример),
пространство-2.2 'расстояния и места' (5 примеров),
пространство-2.3 'раскрой мира' (2 примера),

III. <ПРОСТРАНСТВО КАК ПЕРВОНАЧАЛО МИРА>

пространство-3.1 'творческое начало мира' (1 пример);
пространство-3.2 'потенциальная энергия' (1 пример)

Концепт слова *пространство* у Мандельштама построен как на раскрытии смыслов, связанных с внутренней формой этого слова (это 'простор' и 'простирается'), так и на образах философских определений. Кроме того, в описании *пространства* включаются зрительные картинки (Мандельштам использует опыт пространственных искусств и кинематографа). Отметим также, что в отличие от предшественников и современников Мандельштам употребляет слово *пространство* только в Ед. ч. (есть только одно исключение — пример (19)), что также свидетельствует о внимании Мандельштама к пространству как таковому.

Первый блок значений содержит самое простое знание о *пространстве*.
Пространство-1.1 — 'то, внутри чего находится человек, вещи, ландшафт, то, что вмещает человека и вещи', 8 примеров. Воспринимаемое глазом *пространство* — окрашенное, противопоставляющееся, разделенное на линии и обрисовывающее контуры тел, — представлено у Мандельштама в большинстве примеров на первое значение, ср. (9) *Нет, не мигрень, но подай карандашик ментоловый — / Ни поволоки искусства, ни красок про-*

странства веселого / <...> Нет, не мигрень, но холод пространства бесполого, / Свист разрываемой марли да рокот гитары карболовой! (1931)⁵ [здесь обыгрывается грамматический род слова *пространство*, средний, поэтому *пространство* бес-полое].

Такое *пространство* встречается уже у Мандельштама-акмеиста, правда, с отрицательными коннотациями, ср.: (10) *Нам ли, брошенным в пространстве, / Обреченным умереть, / О прекрасном постоянстве / И о верности жалеть* (1914) [зд. двусмысленность. *брошен* как 'перемещен сверху вниз' и как 'оставлен, покинут'. В мандельштамоведении обращалось внимание на рифму *пространство-постоянство* [17], поскольку и она работает на идею пространства как внутримирного]. В дальнейшем отрицательные коннотации меняются на положительные оценки

И в русском языке, и в идиолекте Мандельштама *пространство* дается в терминах места (оно *вмещает* в себя, *впускает* в себя или *заполняется* чем-то). При этом слово *пространство* в поэзии Мандельштама по своей семантике и по контекстам отличается от таких слов, как *мир-1*, *свет-1*, *вселенная-1*. Так, при всем сходстве грамматических конструкций, в которых встречаются *пространство* и *мир* (в + ПРЕДЛ. ПАД.), эти существительные обычно помещены в разные контексты, ср. (11) *И с христианских гор в пространстве изумленном, / Как Палестины нить, нисходит благодать* (1919) vs. (12) *Прекрасен храм, купающийся в мире* (1914). В поэтическом мире Мандельштама *пространство* явлено человеку в динамике в линиях — *нить* в (11), см. также и другой пример — звездный рисунок на небе (в виде перепутанных линий) выглядит как *колтун пространства* (1922), и в движении, обычно вертикальном (*нисходит* в (11)). Что же касается *мира*, то он полностью статичен.

По поводу этого и следующих примеров можно отметить еще одну особенность художественной подачи *пространства* в поэзии Мандельштама: оно дает о себе знать в очертаниях гор — и подавляется равниной; для русского языкового сознания *пространство*, напротив, связано не с вертикалью, а с горизонталью, с *просторами*, *равнинами* и т. д. (см. комментарий по поводу (19))

Пространство у Мандельштама ассоциируется с творческим началом (см. (21), (22)), поэтому оно и человека располагает к творчеству. Ср. (13) *Все исчезает — остается / Пространство, звезды и невец* (1913).

До сих пор *пространство* входило в мир Мандельштама через свои атрибуты — краски, линии, еще — через движение. Но есть, однако, один контекст и для *пространства-пустоты*, в «Стихах о неизвестном солдате». В них «неестественная» ситуация (мировой войны) создается не только образами *воздуха*, *звезд*, *земли*, у которых меняются привычные характеристики, но и *пространством-пустотой*, которое заполняется и в котором происходит движение: (14) *Для того ль заготовлена тара / Обаянья в пространстве пустом, / Чтобы белые звезды обратно / Чуть-чуть красные мчались в свой дом?* (1937).

Пространство-1 2, 'вместилище', появляется единожды, в «Восьмистишиях»: (15) *И я выхожу из пространства / В запущенный сад величин, / И мнимое реву постоянство / И самосознание причин. / И твой, бесконечность, учебник / Читаю один, без людей — / Безлиственный, дикий ле-*

чебник, — / *Задачник огромных корней*. (1933). По поводу этого стихотворения можно вспомнить один философский курьез, а именно обсуждение чисто теоретической возможности выхода за пределы пространства-вместимости (или объема). «Если не предполагать мир тел бесконечным, а этого, я думаю, никто не станет утверждать, я бы спросил: если бы Бог поместил человека на краю мира телесных вещей, то не мог ли бы человек протянуть свою руку за пределы своего тела. Если бы мог, то простер бы свою руку туда, где прежде было пространство без тела?» [6]

Так что же это за *бесконечность*, о которой идет речь в *восьмистишьи*? Давались такие ответы: вдохновение [10, 337], дурная бесконечность [17] и др. Мы склоняемся ко второму решению. При такой интерпретации *пространство* противостоит *бесконечности* и, в отличие от нее, мыслится как гармоничное, организованное целое. Тем самым это *пространство* можно считать эквивалентом *мира*.

В связи с этим примером обратим внимание на уже знакомую нам рифму *пространство* — *постоянство* (первый по времени пример — (11))

Во втором блоке значений *пространство* выступает как атрибут *мира*

Пространство-2.1 — ‘три измерения’, 1 употребление. Пример, о котором пойдет речь, интересен тем, что с него начинается освоение и постижение пространства в поэзии Мандельштама. Для начала отметим, что в период акмеизма абстракции вроде *пространства* входят в поэзию Мандельштама в объеме «школьного» знания.

Этот стихотворный отрывок должен прочитываться на фоне полемики «символизм — акмеизм», т.е. полемики по поводу *мира по Канту* (см. пример (8) и комментарии к нему) По этому примеру можно судить о том, что Мандельштам еще стоит перед выбором — принять или не принять *пространство*, потому-то пафос человека-ремесленника и сотворенных им вещей «затмевает» *пространство*. Логика Мандельштама такова. *пространство* (‘три измерения’), безусловно, преобладает надо всем в *мире*, но человек и рукотворные вещи (а в стихотворении речь идет об Адмиралтействе) стремятся к соперничеству с ним. Ср. (16) *Не отрицает ли пространства превосходство / Сей целомудренно построенный ковчег? / Сердито лепятся капризные медузы, / Как плуги брошены, ржавеют якоря — / И вот разорваны трех измерений узы / И открываются всемирные моря!* (1913).

Пространство-2.2, ‘расстояния и места’ (т.е. эмпирически постигаемое), 5 примеров, одно из самых характерных для Мандельштама. Оно проникает во многие тексты, так или иначе связанные с путешествиями, странствиями, перемещениями. Такое *пространство* обращено к человеку телесному (зрение, ходьба и т. д.), а через ходьбу и зрение *пространством* «насыщается» и внутренний мир человека. Эмпирически постигаемое *пространство* передается в серии метафор, объединенных образом *зрячей стопы*.

Итак, *пространство-2 2* (эмпирически постигаемое) дано познать *путешественникам и пешеходам*, потому что оно равняется протяженности, отдаленности и отдаленности мест друг от друга. Такое пространство собирают — / об Андрее Белом / *Собиратель пространства* (1934), им *наполняются* — *Одиссеей возвратился, пространством и временем полный* (1917) (единственный случай, когда *пространство* и *время* у Мандельшта-

ма идут в паре!), его *жаждут* — *И мореплавателю, в необузданной жажде пространства* (1923) Мандельштам, которого везут в ссылку, также переживает протяженность пространства: (17) *Сплошные пять суток / Я, сжидаясь, гордился пространством за то, что росло на дрожжах* (1935)

Та же динамика сжатия / развертывания пространства просматривается в другом контексте — в Воронеже ссыльный Мандельштам (и Я-субъект стихотворения) воспринимает позывные радио из Москвы (из Кремля) как *Язык пространства, сжатого до точки* (1935) [обратим внимание на то, что и здесь *пространство* предполагает человеческий уровень восприятия и человеческие аналогии]

Пространство-2 З, которое можно определить только метафорически — как 'раскрой мира', 2 примера, передает идею оформленности мира. Первый по времени пример входит в число отождествлений *пространства* с тканью. Речь идет о *пространстве* как о простирании материи. В обсуждаемом примере оно связано с идеей возврата мировой гармонии и мирового порядка после войны, ср. (18) *Давайте все покроем заново / Камчатной скатертью пространства, / Переговариваясь, радуясь, / Друг другу подавая брашна* (1923) [вселенский пир опять-таки соединяет *пространство* и человека]

Второй пример гораздо сложнее и может иметь несколько интерпретаций — тем более, что стихотворение «Что делать нам с убитостью равнин» существует в нескольких вариантах. Вслед за М. Л. Гаспаровым мы принимаем чтение *Пространств несозданных Иуда* вместо *Народов будущих Иуда* [1, 83]. Ср. (19) *Что делать нам с убитостью равнин, / С протяжным голодом их чуда? / Ведь то, что мы открытостью в них мним, / Мы сами видим, засыпая, зрим — / И все растет вопрос: куда они, откуда, / И не ползет ли медленно по ним / Тот, о котором мы во сне кричим, — / Пространств несозданных Иуда?* (1937). Мы предлагаем следующее объяснение *пространства* в поэтическом мире Мандельштама создается, как правило, вертикальными линиями — и линиями горных вершин в том числе (см. пример (11)). И в Воронеже, окруженный со всех сторон равниной, Мандельштам (и Я-субъект стихотворения) тоскует по Крыму и Италии (и там, и там — горы). И вот, сравнивая Тоскану (холмы) с Воронежем (равниной), он говорит о пространственной и культурной оформленности Тосканы и неоформленности — и в том, и в другом смысле — Воронежа. В целом, логика Мандельштама такова: равнины должны постепенно стать холмами и приобрести вертикальное оформление, об этом как раз и идет речь в одном из стихотворений этого же цикла (20) *Где больше неба мне — там я бродить готов, / И ясная тоска меня не отпускает / От молодых еще воронежских холмов / К всечеловеческим, ясным в Тоскане* (1937).

Третий блок, *пространство как первоначало мира*, объединяет в себе 2 значения на *умопостигаемое пространство*, по одному примеру из «Восьмистиший» на каждое. Абстрактность такого *пространства* несколько «смягчается» прилагаемой к определению картинкой. Попутно отметим, что образность в соединении с афористичностью — это характерные приемы позднего Мандельштама.

Пространство-3.1, 'творческое начало мира', может быть определено следующим образом: 'то, что до вещей, то, что дает вещам форму и рас-

ставляет их в определенном порядке'. Здесь *пространство* опять-таки связано с линиями, формой, с их прочерчиванием и, наконец, с движением, ср (21) *И дугами парусных гонок / Открытые формы чертя, / Играет пространство спросонок — / Не знавшее люльки дитя* (1933). В подтексте этого восьмистишия стоит известное высказывание Гераклита о ребенке, правящем миром. Интересно, что деятельность *пространства*, игра, в поэтическом мире Мандельштама связана не только с характерным для ребенка занятием, но и с творчеством.

Пространство-3.2 — 'потенциальная энергия', которая разрешается в новые формы, ср.: (22) *Преодолев затверженность природы / Голуботвердый глаз проник в ее закон. / В земной коре юродствуют породы, / И как руда из груди рвется стон. / И тянется глухой недоразвиток, / Как бы дорогой, согнутой в рог, — / Понять пространства внутренний избыток / И лепестка и купола залог* (1934). Это восьмистишие раскрывает еще и процесс постижения пространства, который осуществляется посредством наблюдения (*голуботвердый глаз*) и через мыслительную деятельность (*понять*).

Если перевести на прозаический язык сценарий творения человека и вещей в поэтическом мире Мандельштама, то мы получим следующую цепочку событий: земля дает оболочку на время земной жизни, *пространство* придает форму, а вещам дает еще и место в мире, самым зловещим оказывается *время*, которое все губит и разрушает.

Еще раз обратим внимание на то, что *пространство* в поэтическом мире Мандельштама не относится к числу абстракций, полностью исключающих существование человека. Напротив, оно организовано по человеческим меркам и даже в какой-то мере соприродно человеку. Соприродность проявляется в том, что и человек, и *пространство* раскрываются в полной мере в творчестве. Эта черта кажется тем более парадоксальной, чем больше мы задумываемся о привычном понимании *пространства*. Ведь оно, в принципе, обращено к человеку телесному, к человеку как телу среди других тел. Во всяком случае, таким его видит культура Нового времени. Мандельштам же по другому расставляет акценты — и в его поэтическом мире *пространство* обращено к человеку духовному прежде всего.

Пространство как целостная категориальная сфера внутри поэтического мира Мандельштама устроено по принципу «центр — периферия» от слова *пространство* (ключевого для поэзии Мандельштама) тянутся «ниточки» к более простым пространственным категориям, таким, как *форма* (линии, очертания), *место*, *движение* и т. д. Но и от простых пространственных категорий можно без труда перейти к идее пространства (см., например, (21)). Полностью вся пространственная сфера в том виде, как она складывается в лексике и грамматике русского языка, выглядит таким образом. Помимо *ПРОСТРАНСТВА* она включает в себя *ФОРМУ*, *РАЗМЕРЫ*, *ПРОТЯЖЕННОСТЬ*, *МЕСТО*, *ПОЛОЖЕНИЕ-В*, *НАХОЖДЕНИЕ-В* и *ПЕРЕМЕЩЕНИЕ*⁶. В идиолекте может быть представлена какая-то часть этих категорий. Удивительно, что у Мандельштама мы встречаемся с их полным охватом. При чем для ядерного понятия (такого, как *форма*, *место*, *движение*) в поэтическом языке Мандельштама практически всегда находится соответствующее слово. Пространственный словарь Мандельштама не только разбивается в

соответствии со всеми этими делениями, но он еще по своей численности очень значителен (3699 словоупотреблений): для сравнения — он превышает временной в 2.4 раза).

Анализ категориальной сферы **ПРОСТРАНСТВО** позволяет даже говорить о том, что в поэзии Мандельштама мир дается «пропущенным» через *пространство*. Применительно к текстам это значит, что пространство в них — и самостоятельная тема, и фон для вещей, и арена событий. Добавим к этому, что оно не только изображается и объясняется, но и само служит источником тропов для объяснения других вещей.

В заключение нам остается сказать, что к поэзии Мандельштама приложима формула П. А. Флоренского, *деятельность по организации пространства* — с той только оговоркой, что эта деятельность осуществляется в словесном искусстве и языковыми средствами. Поэзия Мандельштама, действительно, архитектурна, скульптурна, пластична. Вот лишь небольшая иллюстрация, позволяющая в этом убедиться, — описание Рима через сложные двуступенчатые метафоры, акцентирующие в том числе форму (*лягушки фонтанов*), внешнее (почти кинематографическое) восприятие движения (*В площадь льющихся лестничных рек*) и т. д., (23) *Где лягушки фонтанов, расквакавшись / И разбрызгавшись, больше не спят / И, однажды проснувшись, расплакавшись, / Во всю мочь своих глоток и раковин / Город, любящий сильным поддакивать, / Земноводной водою кропят, — / Древность легкая, летняя, наглая, / С жадным взглядом и плоской ступней, / Слово мост ненарушенный Ангела / В плоскостоле над желтой водой, — / Голубой, окелепленный, пепельный, / В барабанном наросте домов, / Город, ласточкой купола лепленный / Из проулков и из сквозняков / <... > И морщинистых лестниц уступки / В площадь льющихся лестничных рек* (1937). Мандельштам как создатель поэтических пейзажей — это (позволим себе оценки!) настоящий мастер, умеющий подать мир через эстетику пространства.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Мы имеем ввиду использование *пространства* в качестве метаслова или в качестве примитива
- ² Здесь явно напрашивается параллель с древнегреческим языком, в котором отсутствовало отдельное слово для *пространства* по той причине, что *пространство* не было еще абстрагировано от мира и от вещей (это произойдет только в Новое время, в философии Декарта). Соответственно, эту систему представлений можно описывать как изнутри, пользуясь выработанными внутри античной мысли понятиями, так и извне, пользуясь современным понятийным аппаратом. Эти же соображения можно переадресовать и исследователям русской поэзии XIX — нач XX века. Нам все-таки кажется предпочтительным подход «изнутри» иначе мы едва ли будем в состоянии объяснить некоторые факты. Почему, например, слово *бытие*, не менее абстрактное, чем слово *пространство*, встречается (и неоднократно) практически у каждого поэта (у Баратынского, Пушкина, Лермонтова, Тютчева, не говоря уже о символистах, ставших за это мишенью для насмешек Мандельштама [7, 45]), тогда как слово *пространство* — практически нет.

- ³ Оно встречается один раз, правда, в варианте, ср.: *И только медь — непобедимой дрожью / Пространство режет, нижег бисер черный* (отрывок этот кажется темным: что это — отождествление пространства с материей?).
- ⁴ Интерес Мандельштама к *пространству* не прошел незамеченным его современниками. В посвященном Мандельштаму «Восьмистишии» С. Городецкий использовал и образы, и рифмы (*пространство-постоянство*) Мандельштама-акмеиста (найдено и отмечено в [17, 42], ср.: *Он верит в вес, он чтит пространство, / Он нежно любит материал, / Он вещества не укорял / За медленность и постоянство*).
- ⁵ Ср. вариант к стихотворению «Когда заулыбается дитя»: *И цвет и вкус пространство потеряло, / Хребтом и аркою поднялся материк, / Улитка выползла, улыбка просияла, / Как два конца их радуга связала, / И в оба глаза бьет атлантов миг* (1936).
- ⁶ Это полный набор (см. также наборы пространственных категорий в идеографических словарях [18; 15; 9; 3]; наиболее последовательно этот набор дается в [19, 93–106, наиболее полно — в [16]).

ЛИТЕРАТУРА

1. Гаспаров М. Л. О. Мандельштам: Гражданская лирика 1937 года. М.: РГГУ, 1997.
2. Декарт Р. Первоначала философии // Сочинения. Ч. II, М.: Наука, 1989. С. 4–21.
3. Идеографический словарь русского языка / Под ред. О. С. Баранова. М.: ЭТС, 1995.
4. Кант И. Критика чистого разума. М., 1994.
5. Лейбниц Г. Переписка с Кларком // Сочинения. М.: Мысль, 1982.
6. Локк Дж. Опыт о человеческом разумении // Сочинения. Кн. II. Гл. 13–17. М., 1985.
7. Мандельштам О. Соч. В 2 т. Т. 2. М.: Худ. литература, 1990.
8. Мифы народов мира. М., 1982.
9. Лексическая основа русского языка. Комплексный словарь / Под ред. В. В. Морковкина. М.: Наука, 1983.
10. Седакова О. А. Похвала поэзии // Стихи. М.: Гнозис, Carte Blanche, 1994.
11. Топоров В. Н. Пространство и текст // Текст: семантика и структура. М.: Наука, 1983.
12. Флоренский П. А. Анализ пространственности и времени в художественно-образительных произведениях. М.: Прогресс, 1993.
13. Эпштейн М. Н. Природа, мир, тайник вселенной... Система пейзажных образов в русской поэзии. М.: Высшая школа, 1990.
14. Böhmig M. Tempo, spazio e quarta dimensione nell' avanguardia russa // Europa orientalis. № 8. 1989.
15. Casares J. El diccionario ideografico de la lengua española. Barcelona, 1984.
16. Leech G. N. Towards a Semantic Description of English. London; Harlow, 1969.
17. Pollak N. Mandelstam the Reader. John Hopkins Univ. Press, 1995.
18. Roget P.M. Roget's International Thesaurus, 1984.
19. Wierzbicka A. Semantic Primitives. Frankfurt am Main: Athenaum, 1972.

ПРОСТРАНСТВО В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Ф. И. ТЮТЧЕВА (КОНЦЕПТ *КРУГ*)

Слово *пространство*, более «философское», чем «поэтическое», редко употребляется в поэзии 19 в., и поэзия Тютчева, несмотря на, то что все исследователи отмечают ее философский характер, не стала исключением. В поэтическом словаре Тютчева оно встречается только один раз. Поэтому говоря о пространстве в языковой картине мира Тютчева мы будем иметь в виду не лексему *пространство*, а пространственную модель, реконструкция которой предполагает экспликацию содержания основных пространственных концептов, в том числе и связанных с такой его характеристикой, как форма. Это прежде всего относится к концепту *круг*, включающему различные представления поэта, как пространственные (топологические), так и непространственные (этические, политические, культурные).

Круг — один из самых древних культурных символов, существовавший еще в архаической культуре и так или иначе отразившийся в мифах, ритуалах, бытовых представлениях, в искусстве. Семантическая емкость этого образа выявляет особенности мировидения определенной культуры и в то же время сама определяется системой, в ней наличествующей.

Концепт *круг* относится к базовым в языковой картине мира Тютчева. Обращает на себя внимание настойчивое повторение лексики *круг* (18 словоупотреблений) и ее дериватов *кругом* (11), *круговой* (2), *круглообразный* (1), *кружиться* (3), *окружать* (6), а также других лексем, в смысловое пространство которых входит этот компонент. *хоровод* (2), *венки* (11), *венец* (17), *колеса* (2), *колесница* (5), *шар* (4), *глава* (29), *звено* (4). Однако не характерны для языковой картины мира Ф. И. Тютчева такие лексемы, входящие в смысловое пространство поля *круг*, как *обруч*, *сфера*, *диск*. Ср. у Фета — «луны встающей диск» («Знакомке с юга»), «солнца диск, прорезав сумрак туч, Еще бойчей глядит на мирозданье» («Аполлон Бельведерский»).

Концепт *круг* коррелирует с ключевым в языковой картине мира Ф. И. Тютчева концептом *мир*, охватывающим, определяющим, именуемым три основных типа пространства, значимых в картине мира поэта. Обратимся к краткой характеристике пространств, в соответствии с которыми рассматриваются различные смысловые грани концепта *круг*. Обозначим эти пространства.

1. Мир-1. Все, что окружает человека, или уже — пространство природы, или, согласно определению В. И. Даля, «вселенная, все мироздание, все зримое, подлежащее пяти чувствам; но более наш мир, земля, со всем созданным на ней» [1, 439]. Охватываемое в данном случае пространство обозначим как мир природный.

* Работа выполнена при поддержке РАН, проект № 272 конкурса-экспертизы молодых ученых 1997 г.

2 Мир-2 — это «мир на земле» (выражение Тютчева), т. е. пространство рода человеческого, которое определяется через присутствие человека и отношения между людьми. Обозначим его, в отличие от мира-1, как пространство социальное.

3 Мир-3 — пространство духовное, пространство души, т. е. существующее в душе или то, с которым душа коррелирует, — пространство иного мира, где находится или куда стремится душа. Это — «лучший мир». Тот мир, где нет сирот, где вере исполненье, Где солнца истины в нетленных небесах? К чему душа и здесь еще стремится И токмо там, в отчизне, обоймет. » (10)¹ Но *тот мир* Тютчева не имеет четкой отнесенности, он близок небесной выси, но далек от загробного мира. В отличие от других поэтов Тютчев не предпринимает попытки описать потусторонний мир или заглянуть за эту грань. Даже излюбленный поэтом образ сна не сопрягается с лермонтовским вопросом: «какие сны приснятся в смертном сне», и вообще такой вариант оппозиции *этот мир — тот мир как мир земной — мир загробный* не актуален для творчества поэта.

Круг в природном пространстве. Для Тютчева эта фигура по преимуществу отражает главные свойства природного пространства. Безусловно, в первую очередь имеется в виду элементы макрокосма, которые имеют эту форму и очерчивают ее при своем движении. Эти свойства солнца и луны наглядны и хорошо наблюдаемы, и в силу этого в равной степени изображаются в поэзии, вобравшей в себя астральные представления мифологических систем. Поэзия Тютчева не исключение, но его мифопоэтическое видение космоса имеет некоторые отличия. Круглую форму имеют солнце, земля и даже звезды, все они предстают как божества: «светлый бог главу в дучины клонит» — о солнце (88); «уж солнца раскаленный шар С главы своей земля скатила .» (39), «уж звезды светлые взошли И тяготеющий над нами Небесный свод приподняли Своими влажными главами» (39) (ни одного подобного выражения *глава солнца, глава земли, главы звезд* не встречается ни у Баратынского, ни у Фета). Круговое движение по небосклону, как правило, в мифологическом сознании было связано с особым способом перемещения — солнце совершало свой путь на колеснице и именовалось колесницей дня.

У Тютчева это относится не к «Вождю светил», а к луне «луна медленно с полуночи восходит На колеснице облаков ..» — движение осуществляется не быстро, как обычно подразумевалось, и не по кругу. В картине мира Тютчева луна не является небесной фигурой. Она не только не имеет круглой формы (ср. у Пушкина луна — «бледное пятно», «струистый круг»), но не обладает никакой формой, впрочем, как и месяц (единожды встречается «рог луны», да и то «горящий на мечети»). Луна (месяц) воспринимается как источник света или сам свет.

В отличие от луны для всех остальных шарообразных светил обозначен путь по кругу (с помощью глаголов или предикативных сочетаний): «*Проходя свой путь по своду, Солнце знает ли о том, Что оно-то жизнь в природу Льет в сиянье золотом*»; «И быстро, с быстротой чудесной, Кругом вратится

¹ В скобках указан номер стихотворения по изданию [6].

шар земной, Меня тихий свет небесный С глубокой ночи темнотою»; «Уже великое небесное светило, Лиющее с высоты обилие и свет, Начертанным путем годичный *круг свершило*» (здесь в семантике соединяется траектория движения и временной цикл). «Круговые» характеристики имеют даже звезды: «Денница света *закатилась...*» (6) (Ср. с общеязыковым *взошла, поднялась, погласла, померкла*); «звезд река, по небосклону *вкруг простершись...*» [здесь и далее выделено нами — Ю. Т.]. Последний пример подтверждает, что основное внимание поэта сосредоточено на описании земного шара и его полусфер.

Обозначения шарообразности солнца и звездных кругов многофункциональны: они «укрупняют» их собственные масштабы, расширяют границы мироздания и указывают на контуры земли, «прочерчивая» ее окружность. В сферичной форме земли воплощается мировая гармония и совершенство творения², части которого образуют целостность, единство. «Круглость земли» все время подчеркивается поэтом с помощью прямых наименований, оживления стертых метафор, перифрастических наименований: *шар земной, круг земной, печальное лицо земли (лицо земное), живая колесница мирозданья* (вот она-то колесница, а не солнце, не луна). Подобное наименование может появиться и тогда, когда поэт говорит о взаимоотношениях в человеческом обществе: «Ужасно та стена упруга, Хоть и гранитная скала, — Шестую часть земного круга Она давно уж обошла...». Здесь у Тютчева заметно желание не дать точное обозначение пространственных границ, а вывести проблему славянских государств на уровень планетарный.

Нарочитое подчеркивание этих объективных признаков, шарообразной формы и круговращения, способ их изображения и создают ту особую космичность, которая отличает языковую картину мира Тютчева. Как правило, «круглость» множится, дублируется в тексте несколькими лексемами, даже теми, в которых это значение является не доминирующим, они лишь содержат косвенную отсылку: «Уж солнца раскаленный *шар С главы* своей земля *скатила...*» (39); «Как океан *объемлет шар земной*, Земная жизнь *кругом объята* снами...» (46). Представляется, что в данном случае округлость повторяется и на фонетическом уровне: «Как *океан объемлет шар земной*, Земная жизнь *кругом объята* снами...».

В связи с этим особую роль играют лексемы, которые содержат идею круга, выражают ее или уточняют, усиливают основные номинативные единицы и в силу этого тоже должны быть учтены при характеристике концепта *круг*. К таковым относятся глаголы со значением кругового движения: *объять, обнимать, окружить, обхватить, охватить, обвить, обнимать, обвеять, опоясать, обходить*. Ср., например: общеязыковое *улыбка появилась / освещает лицо* и тютчевское — «Твои уста *улыбка обвевала...*» (35).

Объединяет эти глаголы не только значение движения по кругу. Сочетает-

² Ср. с фразой из письма Тютчева И. С. Аксакову по поводу стихотворения «Славянам»: «Не смейтесь над этой ребячески-отеческой заботливостью рифмотворца об окончательном *округлении* своего пустоозвонного безделья» [5, 539]. Здесь именно не завершение, а придание совершенства.

мость этих глаголов демонстрирует их устойчивые связи со словами, обозначающими пространство внутри и вне круга. Объектом охвата оказывается мир-1 (или мир-3, см. далее), т. е. земля и все, что на ней есть: *шар земной, вселенная, сей мир, природа, земная жизнь* — или один из ее ярусов: *небо (полнеба), «залив лазурный», «царскосельский сад», «рощи благовонные Гренады», лес, деревья, березы*. Причем семантика этих глаголов позволяет также говорить не только об идее замыкания обозначенного пространства, но и о его широте, полноте охвата, глубине овладения этим пространством. В роли субъекта здесь выступают характерные для Тютчева «зыбко-текущие субстанции» — вода, свет, сон: «Посейдона силе грозной, Опоясавшего мир...» (179); «Где Лиссабон, на жарком небе рдея, Златым венцом объял залив лазурный...» (66); «Как океан объемлет шар земной, Земная жизнь кругом объята снами...» (46); «И всю природу, как туман, Дремота жаркая объемлет» (45); «Люблю я царскосельский сад, Когда он тихой полумглою, Как бы дремотою, объят...» (232); «Обвеян вешкою дремотой, Полураздетый лес грустит. .» (176).

Эти глаголы также подчеркивают сферическую форму неба, так как они обозначают круглообразный путь вокруг небесного полюса, который проделывают различные световые небесные явления — заря, молния, радуга, свет звезд: «Прекрасный день его на Западе исчез, Полнеба обхватив бессмертную зарю» (224); «Воздушная воздвиглась арка... Она полнеба обхватила...» (278); «Как звезд река, по небосклону вкруг Простершись... вселенну обнимает» (6); «Небо молнией летучей Опоясалось кругом...» (104).

Интересно сравнить, как подобный образ из стихотворения Пушкина «Туча» («Ты небо недавно кругом облежала, И молния грозно тебя обвивала; И ты издавала таинственный гром И алчную землю поила дождем») оценивался Толстым и Фетом. На вопрос Тургенева: «Какой стих в пушкинской «Туче» не хорош?» — Толстой, по воспоминаниям Т. Л. Сухотиной-Толстой, «указал на стих “и молния грозно тебя обвивала”».

— Конечно! — сказал Тургенев. — И как это Пушкин мог написать такой стих? Молния не “обвивает”. Это не дает картины. .

Помню, как после этого отец задал тот же вопрос Фету. Фет входил в комнату. Отец, не здороваясь с ним, сказал:

— Ну-ка, Афанасий Афанасьевич, какой стих в пушкинской “Туче” не хорош?

Фет, не задумавшись, тотчас же спокойно ответил:

— Конечно, “и молния грозно тебя обвивала”...» [2, 239]. Насколько нам известно, такая «несообразность» у Тютчева никого не смущала. Видимо, в его творческой парадигме она воспринималась как закономерная. Кажется, что у Тютчева молния не только прочерчивает круг, но и сама может приобрести вид, далекий от традиционного, «линейного», «колющего» (копье, стрела), «расползается» вширь: «Вот пробилась из-за тучи Синей молнии струя — Пламень белый и летучий Окаймил ее края».

Безусловно, традиционные в поэзии наименования, отражающие куполообразную форму *неба*, также нашли отражения в языковой картине мира поэта: свод в различных вариантах — *голубой свод, небесный свод, небосвод, свод легкий и прекрасный*, и. т. п. Любопытно, что купол ни разу не употреб-

ляется по отношению к небу, можно сказать, что единожды подразумевается — *круглообразный светлый храм* (купол у Тютчева только как знак прошлого, запечатлевшегося в архитектурных формах).

Другая стуктурообразующая стихия — *вода* — тоже образует круг. Играя роль зеркальной границы, водная поверхность образует естественный круг, охватывающий таким образом все природное пространство: «Небесный свод, горящий славой звездной, Таинственно глядит из глубины, — И мы плывем, пылающею бездной Со всех сторон окружены» (46); «И полной славой тверди звездной Ты [лебедь — Ю. Т.] отовсюду окружен...» (133).

Для раскрытия содержания концепта *круг* немаловажное значение имеют дериваты, употребление которых в поэзии Тютчева демонстрирует характерную для него особенность — избегать слов, прямо называющих доминантную идею: в языке Тютчева нет лексем *кругель*, *круглиться*, *округлить*, *круглый*, *округлый* и т. п. Из сложных слов, в состав которых входила бы морфема *кругло-*, встретилось только одно, входящее в перифрастическое наименование неба — *круглообразный светлый храм*.

На этом фоне выделяются дериваты *кругом* (11 словоупотреблений), *вокруг/вкруг* (соответственно употреблений 31+2). С их помощью описывается круговое движение: «Амур резвился вкруг него И дани брал с поэта» (31), — хотя в большинстве случаев слова *кругом*, *вокруг* (*вкруг*) выступают как смысловые дублиеты глаголов (см. об этом выше). «Небо молнией летучей Опоясалось кругом .» (104); «Пусть завтра тучею свинцовой Всесильный бог громов вкруг ризою багровой Эфир сгущенный облечет» (4) Помимо обозначения направления движения вокруг чего-то, эти лексемы описывают пространство относительно субъекта, срединное положение которого при употреблении наречия предполагается по умолчанию, а в предложно-падежном сочетании задается эксплицитно. Если в общеязыковом употреблении рассматриваемые предлоги могут сочетаться с любым предметным именем (*вокруг ребенка*, *вокруг двора*, *дома* и т. п.), у Тютчева почти всегда средоточием этого кругового пространства оказывается субъект (*вокруг/кругом меня*, *тебя*, *себя*, *него*, *поэта*, *сердца*). В этом случае характеристику получает именно внешнее пространство, а не геометрические показатели центра или движения вокруг него (ср.: *обойти вокруг деревни*, *кругом сада*). Смещение в сторону пространства происходит в силу «природных» качеств этих единиц. У Тютчева сочетания с лексемами *кругом*, *вокруг* обозначают круговой характер внешнего пространства и его онтологические признаки. Это доминирующие в языковой картине мира поэта признаки: свет-цвет, звук (или его отсутствие — молчание). Они традиционны при описании окружающей среды и в описывающих ее безличных конструкциях. Тютчев заменяет их двусоставным вариантом, смещая акцент с состояния на процессуальность: «Утихло вкруг тебя молчанье И тень нахмурилась темней...» (126); «Разлился вокруг немерцающий свет» (6). Так как описываемое пространство находится вблизи субъекта, в поле его видимости, характеристики пространства определяются не только его объективными свойствами, но и тем, что значимо для субъекта в этом поле, являясь опосредованной характеристикой мира-3: «И сердце в нас подкидышем бывает, И так же плачется и также изнывает, О жизни и любви

отчаянно взывает. Но тщетно плачется и молится оно: Все вокруг него и пусто и темно!» (374). Описываемое пространство становится тем самым «земным кругом», из которого пытается вырваться человек. Отсюда и слова со значением эмоциональной оценки, расширяющие традиционную сочетаемость наречий *кругом*, *вокруг*: «Так бродит ночью и днем *Кругом* меня тоска, *Кругом* меня печаль!» (63). Здесь повторяемость, своеобразное кружение присутствует и в семантике глагола *бродить* и в обозначении цикличного времени *ночью и днем*. Ср.: «Здесь фонтан неутомимый *День и ночь* поет в углу». И даже там, где, кажется, актуализируется пространственная семантика, моделируется не внешнее пространство, а задается его проекция — внутренний круг: «Стою один — и пусто все кругом». Отметим, что пустота у Тютчева слово «пространственное» Ср.: «С холма на холм скользит мой взор унылый И гаснет медленно в ужасной *пустоте...*» (10); «Своей ногой непогрешимой *В* бездонную шагнул он *пустоту ..*» (344); «Быстрый ток .. Теряется в обширном море, *В* безбрежной *пустоте* необозримых вод!» (4)

В социальном пространстве круг — модель человеческой коллективности, гармоничная, «конструктивная» форма существования, поэтому она выступает как цель: «В круг единый, божьи чада! ..» (17), «Певец, любимый сын ея [Природы — Ю. Т.], Сзывал в единый круг народы ..» (18). Для обозначения пространства людской солидарности не требуется брать друг друга за руки. У Тютчева это не замкнутая цепочка людей, а звено, которое держится на родстве душ: «Душ родство! О, луч небесный! Вседержашее звено!..» (17). Для того чтобы ощутить полноту сообщества, необязательно собираться в некую точку реального пространства.

Круг выступает как обозначение своего пространства, пространства социально-духовного, включающего людей, близких по духу и устремлениям. Поэт ограничивается констатацией существования этого пространства, но его объем, рамки не оговаривает (ср. с общеязыковыми выражениями *узкий/широкий круг*), отсутствие которых связано с характерной в целом для языковой картины мира поэта нерелевантностью горизонтального измерения пространства.

Относительно того, кто составляет этот круг, у Тютчева также нет указаний — практически отсутствуют наименования человеческого сообщества через обозначения входящих в него лиц (*круг* + существительное в род. п.), в отличие, например, от Е. А. Баратынского, для языковой картины мира которого этот момент чрезвычайно актуален: *круг семьи, круг детей искусства, круг друзей, круг поклонников, круг любовников* и т. д. Тот факт, что Ф. И. Тютчев практически не использует лексику, обозначающую субъектов объединения, объясняется такой чертой его языковой картины мира, как масштабность и отсутствие «вещной» конкретности, абстрактность.

По всей вероятности, важны не отдельные единицы, составляющие это невидимое пространство, а слитность их существования внутри этого круга, сам круг как цельность. Этот факт, возможно, объясняет наличие в словаре Ф. И. Тютчева такой лексемы, как *среда*, обозначающей круг людей как совокупность, как единство на основе некоторой общности, а также достаточно высокий показатель употребления этой лексемы, что особенно заметно в срав-

нении с языковыми картинками мира М. Ю. Лермонтова, Е. А. Баратынского, А. А. Фета, где нами был найден лишь один пример этой лексемы: *среда убогая* (А. А. Фет). Ср. у Тютчева: *среда земная* (243) / *человеческая* (323) / *славянская* (300); *лучшего из той среды* (367); *среда не чужая* (364) и др.

Вероятно, в связи с тем, что круг главным образом связан с представлением о некоем социальном единстве, отсутствуют и указания на структуру круга. Нет прямых обозначений центра круга — лексемы со значением «срединное положение» не характерны для Тютчева — нет лексем *середина*, *центр*, *ось*, а предлог *среди* (*среди*) занимает отнюдь не первое место в ряду пространственных предлогов. Можно отметить единственный пример — *среди вас* [народы — Ю. Т.] — в языковой картине мира Ф. И. Тютчева на фоне весьма значительного количества словоупотребления у других поэтов: *среди* (*среди*) *братьев полковых* / *толпы* (2 раза) / *среди народа* (Е. А. Баратынский); *среди толпы ликующих* / *толпы бесцветно-бледной* / *людей* (2 раза) / *бесчисленных, бесчувственных людей* / *чужих*; *среди братии своей* / *многo поколенья* (А. А. Фет); *среди существ земных* / *юных дев* / *толпы* / *толпы мятежной*; *среди людей* (4 раза) / *среди ледяного, среди беспощадного света* / *обманищи и невежд* (М. Ю. Лермонтов) и др.

Отсутствуют в языковой картине мира поэта и обозначения субъектов окружения, косвенно указывающие на пределы подобного рода объединения, своеобразную «периферийную» зону. Два случая, в которых упоминается окружение, скорей всего говорят о вертикальных, а не горизонтальных связях, иерархических отношениях властителя и подданных: «И весь народ еще недавно Тот одр болезни окружал» (362) (из стихотворения, вызванного известием о смерти Наполеона III); «Он [Ипполит — Ю. Т.] сел на колесницу, окруженный Своєю, как он сам, безмолвной стражей» (67).

Тютчева не интересует развитие взаимоотношений внутри этого «приватного» пространства (был ли кто-то *принят в круг*, *вышел из круга*, *порвал с кругом* и т. д.), в силу чего оно кажется статичным. Вероятно, потому, что круг в сознании поэта является символом стабильности, прочности единства, круг и человек в нем остаются даже тогда, когда человек в действительности вышел из него: «Его нет боле в вашем круге, Но сердце здесь погребено!...» (27); «Он духом в небе — братскою ж любовью Еще он здесь, еще в кругу своих» (333). Кстати, именно поэтому у Тютчева вообще нет разорванных кругов, даже вечер «обрывает свой венок» (175), но он продолжает существовать.

Круг в духовном пространстве. Когда акцент смещается, и во внимание попадают не отношения между людьми, а отношение личности ко всему окружающему в целом, точнее — влияние этого окружающего на внутренний мир, то восприятие переносится с самого пространства, с его центра-цельности, на обозначение его пределов. В этом случае круг входит в смысловое поле концепта *граница*. Круг очерчивает «земную» зону человеческого бытия: *сей мир, мир дневной*. Этот мир выступает субъектом «окружения» — человек захвачен, поглощен этим миром: «Вновь обреченных заключенью, Жизнь обхватила нас опять» (237); «И в полном блеске проявлений Вдруг нас охватит мир дневной...» (236); «Сей мир, туманною и тесной Волнений и сует обвита, Целеной» (6). Самим наличием замыкающей черты круг косвенно указы-

вает на наличие другого запредельного мира. Тогда *земной круг* — это не столько обозначение физических свойств земли, сколько природной ограниченности человека. «О, как тогда с земного круга Душой к бессмертному летим!» (26). Человек хочет вырваться из «круга убийственных забот» (152), бессмысленной повторяемости собственного бытия или хотя бы разгадать его тайну, но само стремление постигнуть, оказывается, ведет в область «инога», вокруг которого обречен кружить по границам своего мира человек: «О, разрешите мне загадку жизни, Мучительно-старинную загадку, Над коей... Тьмы бедных человеческих голов Кружилися, и сохли, и потели, — Скажите мне, что значит человек? Откуда он, куда идет, И кто живет над звездным сводом?» (33).

Едиственный круг, который доступен человеку, это пространство его внутреннего мира, в том числе и то, которое сохраняет память. Благодаря ей другое, некогда реальное пространство, которому когда-то принадлежал человек, может выйти из закоулков памяти, расширяться, вплотную подойти к человеку, охватить его (а не захватить!): «Как этих строк сочувственная сила Всего меня обвеяла былым!..» (298); «Так, весь обвеян дуновеньем Тех лет душевной полноты...»; «Нам на душу отрадное дохнет, Минувшим нас обвеет и обнимет...» (152).

Итак, универсальный символ культуры — круг — получает в языковой картине мира Тютчева свою интерпретацию, обусловленную особенностями индивидуально-личностного восприятия поэтом мира и человека. Концепт *круг* включает в себя характеристики трех основных пространств — природного, социального, духовного. В свою очередь, константные признаки этих пространств влияют на смысловое поле концепта.

Круг является символом, объединяющим пространство и время. Круговое движение в пространстве ассоциируется с круговоротом времени: «И быстро, с быстротой чудесной, Кругом вратится шар земной, Меня тихий свет небесный С глубокой ночи темнотой» (85).

Бесконечное движение времени, у которого нет ни начала ни конца, запечатлелось в художественной картине мира поэта в образе необычных кругов. Хоровод — образ, усиливающий динамизм, так как это образ танцующих кругов: «И тихих, теплых майских дней Румяный, светлый хоровод Толпится весело за ней!..» (72). В природе поэт обращает внимание на повторяемость движения, воспроизведения его в каждом новом круге — время человеческой жизни это один замкнутой круг, жизненный цикл. Представление о круговороте человеческой жизни нашли отражение в одном из устойчивых в поэзии Тютчева образов — венка, в котором соединяются представления о цвете жизни, увядании³, конце: «Вечер пламенный и бурный Обрывает свой венок...»

³ Вообще тема увядания оказалась притягательной для поэта — «как увядающее мило!» (176). Она сопряжена с излюбленной тютчевской параллелью между жизнью природы и человека («Что ж негодует человек, Сей злак земной!.. Он быстро, быстро вянет — так...» (111); «Еще цветы я рассылаю, А сам так быстро отвечаю» (371); «Ущерб, изнеможенье — и на всем Та крохкая улыбка увяданья, Что в существе разумном мы зовем Божественной стыдливостью страданья!» (80)), сопоставлением временного и вечного («И увядание земное Цветов не тронет неземных...» (338)).

(175); «На древе человечества высоко Ты лучшим был его листом... Был многих краше, многих долголетней И сам собою пал — как из венка!» (97) (из стихотворения, посвященного смерти Гете). Коннотации слова «венки» могут влиять на тональность восприятия этого символа «жизни-смерти». Например: «Хотелось бы собрать пригоршню дней, Чтоб сплести еще венок Для имениницы моей». Венки здесь как украшение и как знак отличия, дар, знаменующий заслуги человека.

Круг в какой-то степени является также образом, отражающим внутренние процессы творчества Тютчева. Так как поэт неоднократно возвращался к одним и тем же мотивам и идеям, ученые говорят о своеобразных циклах в его творчестве [3, 16]. Мы позволили себе провести параллель между мировидением поэта и его творчеством. В. Н. Топоров проводил подобную параллель по отношению к языку: «особенности структуры предложения в поэзии Тютчева в известном смысле довольно непосредственно соотнесены со структурой описываемого этими предложениями мира, и, следовательно, язык оказывается неким почти иконическим знаком мира или, несколько иначе, частью самого этого мира, описывающей весь этот мир в целом» [4, 42].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1980. Т. III.
2. *Сухотина-Толстая Т. Л.* Иван Сергеевич Тургенев // Воспоминания. М., 1980.
3. *Пумпянский Л. В.* Поэзия Ф. И. Тютчева // Урания: Тютчевский альманах, 1803—1828. Л., 1928.
4. *Топоров В. Н.* Заметки о поэзии Тютчева (Еще раз о связях с немецким романтизмом и шеллингизмом) // Тютчевский сборник. Таллинн, 1990.
5. *Тютчев Ф. И.* Стихотворения. Письма. М., 1957.
6. *Тютчев Ф. И.* ПСС. Библиотека поэта. Большая серия. Л., 1987. В скобках указан номер стихотворения.